Ф 34
Ко 0
34

Этнографическое Бюро Князя В. Н. ТЕНИШЕВА.

НЕЧИСТАЯ, НЕВѢДОМАЯ И КРЕСТНАЯ СИЛА.

БРАТСТВА СВЯТАГО ПЕТРА МИТРОПОЛИТА. БИБЛІОТЕКА

Сочиненіе

С. В. МАКСИМОВА.

Ф 29-4468
ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1903.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

I.

ЧЕРТИ-ДЬЯВОЛЫ.

(Бѣсы).

Братства Библіотека Петра Митрополита

Въ народномъ сознаніи глубоко укоренилось вѣрованіе, что сонмы злыхъ духовъ неисчислимы. Очень мало на божьемъ свѣтѣ такихъ заповѣдныхъ святыхъ мѣстъ, въ которыя они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены отъ ихъ дерзкихъ нашествій. Эти безплотныя существа, олицетворяющія собою самое зло,— исконные враги человѣческаго рода; они не только наполняютъ безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникаютъ въ жилища, дѣлая многія изъ нихъ необитаемыми*), но даже вселяются въ людей, преслѣдуя ихъ безпрестанными искушеніями.

Насколько многочислены эти незримые людскіе ненавистники, можно судить по богатству самыхъ разно-

*) Напр., трудно представить себѣ любой большой русскій городъ, въ которомъ не указывали бы на дома, населенные чертями и покинутые по причинѣ разныхъ проказъ нечистой силы, производящей шумъ и возню, швыряющей камнями, щепой, пескомъ и. т. под.

образныхъ прозвищъ этой нежити, лукавой и нечистой силы. Болѣе чѣмъ къ сорока именамъ черта, насчитаннымъ В. И. Далемъ (въ его Толковомъ Словарѣ великорусскаго языка), еще слѣдуетъ присоединить тотъ десятокъ духовъ, которымъ присвоены особенныя имена и предназначены опредѣленныя мѣста для пребыванія, и сверхъ того перечислить тѣ прозвища, которыя вращаются въ живомъ народномъ языкѣ, но еще не подслушаны и не уловлены *). Повсемѣстное же пребываніе чертей и ихъ свободное проникновеніе повсюду доказывается, между прочимъ, существованіемъ общихъ вѣрованій и обычаевъ, усвоенныхъ на всемъ пространствѣ великой православной Руси. Такъ, напримѣръ, въ деревенскихъ избахъ почти невозможно найти такихъ сосудовъ для питьевой воды, которые не были бы покрыты, если не досчатой крышкой или тряпицей, то, въ крайнемъ случаѣ, хоть двумя лучинками, положенными «крестъ на крестъ, чтобы чертъ не влѣзъ». Равнымъ образомъ, среди русскаго простонародья нелегко натолкнуться на такого разсѣяннаго или забывчиваго

*) Вотъ для любознательныхъ эти названія: агорянинъ или огарянинъ (Орл. губ. и уѣзда), бѣсъ, нежить, нечисть, злой духъ, демонъ, сатана, дьяволъ, чертъ, вельзевулъ, царь тьмы, князь тьмы, царь ада, царь преисподней, змій, кромѣшный, врагъ, „тотъ“, „онъ“, ворогъ, вражья сила, недругъ, неистовый, лукавый, нечистый, луканька, не-нашъ, недобрый, недобрикъ, нелегкій, нелегкая, нечистая сила, нечестивый, неладный, соблазнитель, блазнитель, морока, мара, лихой, игрецъ, шутъ, шайтанъ, черная сила, черный, неключимая сила, некошный (т. е. не чистый или поганный), ненавистникъ рода человѣческаго, лѣшій, лѣсовикъ, дворовый, банникъ, гуменникъ, кикимора, русалка, полевой, полевикъ, водяной, хозяинъ, хохликъ, шишъ, шишимора, шишига, шиликунъ, отяпа, летучій, огненный змѣй, несвѣтикъ, рогатый, пралікъ, немытый, немытикъ, лѣвый, идолъ, окаянка, окаянка, шехматикъ, супротивникъ, нехорошій, анчутка безпятый, родимецъ, супостатъ, шутошка, дертъ (въ Шуйск. уѣз. Владимірск. губ. д вмѣсто ч), т. е. чертъ.

человѣка, который, зѣвнувши, не перекрестилъ бы своего рта, чтобы святымъ знаменіемъ заградить туда входъ нечистому духу. То же самое, съ произнесеніемъ словъ «святъ, святъ, святъ», исполняется и во время грозы при каждомъ раскатѣ грома, такъ какъ чертъ боится молніи и прячется за спину людей, чтобы Господь не поразилъ его. Эти обычаи и пріемы, можетъ быть, столь же древніе, какъ само христіанство на Руси, поддерживались потомъ болѣе позднѣйшими, но столь же почтенной старины, народными легендами*).

Обратимся къ описанію многоразличныхъ коварствъ и разнообразнѣйшихъ похожденій этихъ духовъ дьявольской породы, не ограниченныхъ въ своей дѣятельности указаніями явно опредѣленнаго мѣста (какъ дома, лѣса, воды и пр.) и точно обозначеннаго времени.

I. ДОМА.

Хотя чертямъ для ихъ похожденій и отведена, по народному представленію, вся поднебесная, тѣмъ не менѣе, и у нихъ имѣются излюбленныя мѣста для постояннаго

*) Одна изъ таковыхъ, чисто великорусскаго происхожденія и повсемѣстно распространенная, повѣствуетъ, что нѣкій святой подвижникъ (по преданіямъ Поволжья—Андрей блаженный) встрѣтилъ бѣса, всего выпачканнаго.

— Иди обмойся водой рѣчной, — посовѣтовалъ святой: что ты такимъ пакостнымъ ходишь?

— Къ рѣкѣ меня не пускаетъ ангелъ, а велитъ идти въ ту первую избу, гдѣ стоитъ непокрытою кадка съ водой и гдѣ она не ограждена крестнымъ знаменіемъ. Туда я и иду. Мы всѣ тамъ всегда и обмываемся.

Порченные и кликушки во время припадковъ бѣснованія громогласно, при всемъ народномъ множествѣ, опредѣляютъ, даже подлиннымъ счетомъ, число бѣсовъ, которые залетѣли къ нимъ черезъ ротъ и гложутъ ихъ животы (чаще всего сорокъ).

или особенно частаго пребыванія. Охотнѣе всего они населяютъ тѣ трущобы, гдѣ дремучіе лѣса разрѣжаются сплошными полосами недоступныхъ болотъ, на которыя никогда не ступала человѣческая нога, и лишь осторожно шагаютъ длинноногія болотныя птицы. Здѣсь на трясинахъ или заглохшихъ и заросшихъ озерахъ, гдѣ еще сохраняются пласты земли, сцѣпленные корнями водорослей, человѣческая нога быстро тонетъ, а неосторожнаго охотника и дерзкаго путника засасываетъ въ глубь подземная сила и прикрываетъ сырымъ и холоднымъ пластомъ, какъ гробовой доской. Тутъ ли не водиться злой дьявольской силѣ и какъ не считать чертямъ такія мочаги, топи, ходуны-трясины и крѣпи-заросли благопріятными и роскошными мѣстами для надежнаго и удобнаго жительства?

— Отчего ты, чертъ, сидишь всегда въ болотѣ? — спрашиваетъ, обездоленный болотистой и мокрой родиной, бѣлоруссъ своего рогатаго и хвостатаго черта.

— Привыкъ! — коротко и ясно отвѣчаетъ тотъ, и отвѣчаетъ какъ за себя лично, такъ и за другихъ, столь же неохотно перемѣняющихъ старое и насиженное мѣсто жительства на неизвѣстное, хотя бы и лучшее, новое.

— Въ тихомъ болотѣ черти водятся, — неизмѣнно вѣрятъ великоруссы.

— Было-бы болото (подкрѣпляютъ они, съ другой стороны), а черти будутъ.

— Не ходи при болотѣ: чертъ уши обколотитъ, — доброжелательно совѣтуетъ третья изъ множества и столь же распространенная пословица*).

*) Изъ подобныхъ пословицъ въ народѣ вращаются, напр., еще слѣдующія: „навели на бѣса, какъ бѣсъ на болото“; „ходитъ чертъ по мхамъ, по борамъ, по болотамъ“; „всякій чертъ свое болото хвалитъ“; „вольно черту на своемъ болотѣ орать“; иной ворочаетъ въ домѣ, какъ чертъ

— И вылѣзъ бы чертъ изъ болота, и пошелъ бы въ деревню къ мужику на свадьбу, да попа боится — выдаютъ за истинно провѣренное наблюденіе.

Болотные черти живутъ семьями: имѣютъ женъ, плодятся и множатся, сохраняя свой родъ на безконечныя времена. Съ ихъ дѣтьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (въ отличіе отъ нѣмецкихъ красненькихъ) *), мохнатыми и въ шерсти, съ двумя острыми рогами на макушкѣ головы и длиннымъ хвостомъ, не только встрѣчались деревенскіе русскіе люди, но и входили съ ними въ разнообразныя сношенія. Образчики и доказательства тому въ достаточномъ количествѣ разбросаны въ народныхъ сказкахъ и, между прочимъ, въ извѣстной всѣмъ Пушкинской сказкѣ о работникѣ Балдѣ. Одинъ солдатъ, строгихъ николаевскихъ временъ, проносилъ чертенка въ тавлинкѣ цѣлый годъ со днемъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что черти — востроголовые, какъ птицы сычи, а многіе, сверхъ того, увѣрены, что эти духи непремѣнно хромые. Они сломали себѣ ноги еще до сотворенія человѣка, во время сокрушительнаго паденія всего сонма бѣсовъ съ неба *). Такъ какъ на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избѣжаніе вражды и ссоръ, очертила свои владѣнія кругомъ. Этотъ кругъ возымѣлъ особое дѣйствіе и силу: всякій попавшій въ него и переступившій слѣдъ нечистаго, обязательно блуждаетъ и безъ помощи особыхъ средствъ изъ него не выйдетъ и не избавится отъ дьявольскаго навожденія.

въ болотѣ и правитъ домомъ, какъ тотъ же чертъ болотомъ", „гнилаго болота и чертъ боится" и т. д.

*) У нашихъ чертей краснымъ бываетъ только колпакъ на головѣ.

*) Какъ сообщаютъ изъ Смоленской губ., черти летѣли съ неба сорокъ дней и сорокъ ночей, и кто гдѣ упалъ, тотъ тамъ и остался хозяиномъ.

Когда народная фантазія надѣлила чертей многими человѣческими свойствами, послѣдовательность воображенія потребовала изобрѣтенія дальнѣйшихъ сходствъ и уподобленій. Безспорно рѣшено, что эти духи подвержены многимъ людскимъ привычкамъ и даже слабостямъ: любятъ ходить въ гости другъ къ другу, не прочь попировать съ разваломъ. На своихъ любимыхъ мѣстахъ (перекресткахъ и розстаняхъ дорогъ) черти шумно справляютъ свадьбы (обыкновенно съ вѣдьмами) и въ пляскѣ подымаютъ пыль столбомъ, производя то, что мы называемъ вихрями. При этомъ люди, бросавшіе въ такіе пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, но на томъ мѣстѣ находили всегда слѣды крови и, послѣ того, какая-нибудь слывущая вѣдьмой колдунья долго ходила либо съ обвязаннымъ лицемъ, либо съ подвязанной рукой. На пирахъ, устраиваемыхъ по случаю особенныхъ побѣдъ надъ людьми, равно какъ и на собственныхъ свадьбахъ, старые и молодые черти охотно пьютъ вино и напиваются; а сверхъ того любятъ курить табакъ, получаемый въ даръ отъ догадливыхъ и трусливыхъ людей *). Самое же любимое занятіе, превратившееся у чертей въ неутолимую страсть, это — игра въ карты и кости. Въ игрѣ для чертей нѣтъ удержу и не установлено законовъ: проигрываютъ все, что есть за душой (а душа имъ полагается настоящая, почти такая же, какъ у людей). Впрочемъ, если пойдетъ дѣло на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна въ изобрѣтеніи и самого вина и табачнаго зелья, да и нечистая игра въ карты съ передержкой и подтасовкой отнесена прямо къ бѣсовскимъ же вымысламъ и наукѣ. Конечно, всѣ эти навѣты требуютъ тщательной

*) Олончане даже къ рыболовнымъ сѣтямъ привязываютъ листовой табакъ.

провѣрки въ виду того, что уже слишкомъ во многомъ обвиняютъ чертей, напр., даже въ изобрѣтеніи такихъ злаковъ, какъ чай и картофель,—не далѣе начала прошлаго столѣтія вошедшихъ во всеобщее употребленіе. Въ послѣднемъ случаѣ оказывается явный поклепъ; первое же обвиненіе—въ изобрѣтеніи вина и табачнаго зелья—затемняется противорѣчивыми показаніями. Очевидно, свидѣтели, недостаточно увѣренные въ самомъ фактѣ, стремятся лишь настойчиво навязать то, въ чемъ сами не вполнѣ убѣждены и еще колеблются. Такъ, напр., вологжане думаютъ, что предковъ ихъ выучилъ варить веселое пойло какой то странникъ въ благодарность за то, что одинъ добрый мужикъ пріютилъ его: посадилъ за столъ, нарѣзалъ нѣсколько ломтей хлѣба, поставилъ солонку съ солью, жбанъ съ квасомъ. Вдвоемъ они открыли нѣсколько кабаковъ, и потянулся туда народъ безчисленными толпами. Во Владимірской губ. чертъ (также въ видѣ странника, въ лаптяхъ, въ кафтанѣ и съ котомкой за плечами), повѣдалъ тайну варить пиво встрѣчному бѣднягѣ, который выплакалъ ему свое житейское горе и разжалобилъ его. Счастливый мужичекъ впослѣдствіи похвастался своимъ умѣньемъ царю, а неизвѣстный царь велѣлъ варить во всемъ государствѣ это самое пиво, которое теперь прозываютъ виномъ. У Смоляковъ чертъ со своимъ винокуреннымъ мастерствомъ нанялся въ работники и научилъ добраго хозяина гнать водку, какъ разъ наканунѣ свадьбы дочери и т. д.

Въ разсказахъ о происхожденіи табаку еще больше разногласій: то онъ выросъ изъ могилы кровосмѣсителей (сестры и брата), то изъ головы евангельской блудницы (Вятск. г.), то изъ тѣла свихнувшейся чернички, убитой громомъ (Пенз. губ.), то, наконецъ, изъ могилы какого-то

невѣдомаго человѣка (Симб. г.). У Вологжанъ есть повѣрье, что разводить табакъ выучилъ встрѣчнаго въ лѣсу помѣщика неизвѣстный черный охотникъ, и т. д.

Въ подобныхъ догадкахъ и розыскахъ дошли досужіе люди до забавнаго и веселаго. Разъ у черта (разсказываютъ мещовскіе калужане) померла теща и захотѣлъ онъ ее помянуть получше. Собралъ онъ всѣхъ грѣшниковъ по этой части, т. е. курильщиковъ и нюхальщиковъ. Вотъ куритель куритъ—куритъ да сплюнетъ. Чертъ увидалъ это и велѣлъ всѣхъ курильщиковъ прогнать: они тещѣ его всѣ глаза заплевали. А нюхальщиковъ всѣхъ оставилъ: они понюхаютъ и ихъ прошибетъ слеза — значитъ, и хорошо для поминокъ-то чертовой тещи. У тѣхъ же калужанъ, придерживающихся старой вѣры (въ Мещовскомъ уѣздѣ), сложилась насмѣшливая поговорка: «наша троица въ табакѣ роется» (намекъ на то, что нюхальщики роются въ табакеркахъ тремя пальцами, и какъ разъ тѣми, которые слагаются для крестнаго знаменія).

II. ВЪ ЛЮДЯХЪ.

Всѣ прямыя отношенія нечистой силы къ человѣческому роду сводятся къ тому, что черти либо проказятъ, прибѣгая къ различнымъ шуткамъ, которыя у нихъ, сообразно ихъ природѣ, бываютъ всегда злы, либо наносятъ прямое зло въ различныхъ его формахъ и, между прочимъ, въ видѣ болѣзней. Словомъ — черти устраиваютъ противъ людей всякія козни и исполняютъ главное свое назначеніе, состоящее въ многообразныхъ искушеніяхъ. Для облегченія своей дѣятельности, во всѣхъ ея направленіяхъ, дьявольская сила одарена способностью превращеній, т. е. черти могутъ совершенно произвольно смѣнять свою подозритель-

ную и страшную бѣсовскую шкурку, принимая личину, сходную съ людскою и вообще принимая формы, болѣе знакомыя и привычныя для человѣческаго глаза.

Превращенія. Переверты всякаго рода и разновидные перекидыши производятся чертями съ такою быстротою и внезапною стремительностью, какой не въ силахъ представить себѣ людское воображеніе: послѣдовательно прослѣдить быстроту этихъ превращеній не можетъ самый зоркій глазъ.

Всего чаще черти принимаютъ образъ черной кошки, почему, во время грозы, догадливые деревенскіе хозяева всегда выбрасываютъ животныхъ этой масти за дверь и на улицу, считая, что въ нихъ присутствуетъ нечистый духъ (отсюда выраженіе, что при ссорѣ пробѣгаетъ между людьми черная кошка). Не менѣе того черти облюбовали образъ черной собаки, живыхъ людей (при случаѣ, даже малаго ребенка) и великановъ огромнаго роста, вровень съ высочайшими соснами и дубами. Если задумаетъ чертъ выдти изъ своего болота въ человѣческомъ образѣ и явиться, напр., бабѣ въ видѣ вернувшагося изъ отлучки мужа, то онъ представляется всегда скучающимъ и ласковымъ. Если же встрѣчается онъ на дорогѣ, обернувшись кумомъ или сватомъ, то является непремѣнно пьянымъ и готовымъ снова выпить, да сдѣлаетъ такъ, чтобы сватъ очутился потомъ либо на краю глубокаго оврага, либо въ колодцѣ, въ помойной ямѣ, либо у дальняго сосѣда и даже на сучкѣ высокаго дерева съ еловой шишкой въ рукѣ, вмѣсто рюмки вина.

Остальныя превращенія идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Черти оборачиваются: въ свинью, лошадь, змѣю, волка, зайца, бѣлку, мышь, лягушку, рыбу (предпочтительно щуку), въ сороку (изъ птичьяго рода это любимый образъ) и разныхъ другихъ птицъ и животныхъ. Изъ послѣднихъ,

между прочимъ, въ неизвѣстныхъ, неопредѣленнаго и страшнаго вида *). Перевертываются даже въ клубки нитокъ, въ вороха сѣна, въ камни и пр. Вообще черти принимаютъ самыя разнообразныя формы, какія только способно допустить пылкое людское воображеніе, однако же не безъ нѣкотораго ограничительнаго законнаго предѣла. Такой предѣлъ существуетъ и упорно оберегается: не всегда, напр., рѣшаются черти представляться коровой, самымъ дорогимъ и полезнымъ домашнимъ животнымъ, да подобному перевертышу и самая глупая баба не повѣритъ. Не дерзаютъ злые духи прикидываться пѣтухами—вѣстниками приближенія свѣтлаго дня, который столь ненавистенъ всякой злой силѣ, и голубями — самой чистой и невинной птицей въ цѣломъ мірѣ, памятуя, Кто удостоивалъ принимать на себя образъ этихъ милыхъ и ласковыхъ воркуновъ изъ царства пернатыхъ. Точно также никто не видалъ злой нежити въ ослиной шкурѣ, такъ какъ всей ихъ нечистой породѣ, со временъ явленія Христа на землѣ, стало извѣстнымъ, что самъ Господь благоволилъ избрать осла, для своего побѣдоноснаго шествія во святой градъ, къ прославленію своего божественнаго имени и ученія.

Какой бы образъ ни принялъ на себя дьяволъ, его всегда выдаетъ сиплый, очень громкій, голосъ съ примѣсью устрашающихъ и зловѣщихъ звуковъ («духъ со страху захватываетъ»). Иногда онъ каркаетъ чернымъ вороном или стрекочетъ проклятой сорокой. По черному цвѣту шерсти животныхъ и птичьихъ перьевъ, тоже распознается присутствіе хитрыхъ бѣсовъ, и притомъ именно

*) Въ лѣсу съ лѣсомъ „равенъ", говорятъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губ.,—въ полѣ съ травой, а въ людяхъ съ человѣкомъ (равенъ т. е. схожъ).

бѣсовъ, потому, что, напр., колдуны и вѣдьмы, въ отличіе отъ чертей, бываютъ перевертышами исключительно бѣлыхъ и сѣрыхъ цвѣтовъ. Зато при всякомъ превращеніи черти-дьяволы такъ искусно прячутъ свои острые рожки и подгибаютъ и свертываютъ длинный хвостъ, что нѣтъ никакихъ силъ уличить ихъ въ обманѣ и остеречься ихъ.

Искушенія. Смущать человѣческій родъ соблазномъ или завлекать лукавствомъ — прямая цѣль дьявольскаго пребыванія на землѣ. Причемъ люди искушаются по прямому предписанію изъ преисподней и по особому выбору самого князя тьмы или сатаны. Стараются совращать съ пути блага и истины тѣ наиболѣе искусные черти, у которыхъ наука искушеній доведена до высокой степени совершенства въ теченіе безчисленнаго ряда лѣтъ неустанной и неослабной работы. Искуситель всегда налицо: зазвенѣло въ лѣвомъ ухѣ—это онъ леталъ сдавать сатанѣ грѣхи того человѣка, сдѣланные за день и вотъ теперь прилетѣлъ назадъ, чтобы снова стать на стражѣ и выжидать случая и повода къ соблазнамъ. Искуситель, по народному представленію, неизбѣжно находится у человѣка съ лѣваго бока и шепчетъ ему въ лѣвое ухо о такихъ злыхъ дѣяніяхъ, какія самому человѣку и въ умъ не пришли бы безъ коварныхъ навѣтовъ черта. «Чертъ попуталъ»—увѣренно и обычно говорятъ всѣ, испытавшіе неудачу въ начинаніяхъ, а еще чаще тѣ, которые нежданно впали въ прегрѣшеніе. Могутъ попутать свои грѣхи, могутъ попутать недобрые люди, но, по народнымъ понятіямъ, и въ томъ, и другомъ случаѣ дѣйствуютъ колдуны, вѣдьмы и злые духи кромѣшнаго ада. Для послѣднихъ личный прямой разсчетъ заключается не въ томъ, чтобы связываться, напр., съ ворами и разбойниками — людми уже испорченными, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы уви-

ваться около хорошихъ людей, испытанной твердости правилъ и добрыхъ нравовъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ бѣсы работаютъ съ полной увѣренносью въ побѣдѣ и съ вѣрой въ свою великую силу: «чертъ горами качаетъ» — говорится испоконъ вѣка. Вотъ нѣсколько народныхъ разсказовъ, характеризующихъ власть чертей надъ человѣкомъ.

Жилъ въ деревнѣ парень хорошій, одинокій, и въ полномъ достаткѣ: лошадей имѣлъ всегда штуки по четыре; богомольный былъ—и жить-бы ему да радоваться. Но вдругъ ни съ того, ни съ сего началъ онъ пьянствовать, а потомъ, черезъ недѣлю послѣ того, свою деревню поджогъ. Мужики поймали его на мѣстѣ: и спички изъ рукъ еще не успѣлъ выбросить. Связали его крѣпко, наладились вести въ волость. На задахъ поджигатель остановился, сталъ съ народомъ прощаться, поклонился въ землю и заголосилъ:

— Простите меня, православные! И самъ не вѣдаю, какъ такой грѣхъ прилучился,—и одинъ ли я поджигалъ, или кто помогалъ и подговаривалъ — сказать не могу. Помню одно, что кто-то мнѣ сунулъ въ руки зажженную спичку. Я думалъ, что даетъ прикурить цыгарку, а онъ взялъ мою руку и подвелъ съ огнемъ подъ чужую крышу. И то былъ незнакомый человѣкъ, весь черный. Я отдернулъ руку, а крыша уже загорѣлась. Я хотѣлъ было спокаяться, а онъ шепнулъ: «побѣжимъ отъ нихъ!» Кто-то догналъ меня, ткнулъ въ шею, свалилъ съ ногъ—вотъ и связали. Оглянулся—половина деревни горитъ. Простите, православные!

Стоитъ на колѣняхъ блѣдный, тоскливо на всѣхъ глядитъ и голосомъ жалобно молитъ; слезами своими иныхъ въ слезы вогналъ. Кто-то вымолвилъ:

— Глядите на него: такіе ли бываютъ лиходѣи?

— Видимое дѣло: чертъ попуталъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предпринявъ изслѣдованіе быта великорусскихъ крестьянъ—землепашцевъ, я обратился къ покойному С. В. Максимову, какъ къ знатоку народныхъ вѣрованій, прося его помочь мнѣ разобраться въ матеріалахъ, собранныхъ по моей программѣ отъ мѣстныхъ сотрудниковъ.

Трудъ, который оставилъ мнѣ С. В. Максимовъ, не облегчилъ моей задачи, заключавшейся въ томъ, чтобы, опираясь на сообщенные факты народной жизни, придти къ общимъ выводамъ и установить связь между вѣрованіями крестьянина и его дѣятельностью, подъ которой я разумѣю поступки и поведеніе человѣка вообще.

Но сама по себѣ работа С. В. Максимова имѣетъ большія достоинства, и это одно налагаетъ на меня обязанность выпустить ее въ свѣтъ, не говоря уже о томъ, что имя автора, оставившаго такіе труды, какъ «Сибирь и Каторга», «Годъ на Сѣверѣ», «Крылатыя Слова», и пр., настолько высоко стоитъ въ нашей народнической литературѣ, что лишить русскихъ читателей послѣдняго сочиненія С. В. Максимова было бы преступленіемъ.

Въ настоящемъ своемъ трудѣ С. В. Максимовъ пользовался не только фактами, сообщенными моими со-

трудниками, но и собственнымъ огромнымъ запасомъ наблюденій, собраннымъ имъ еще въ молодые годы, когда по образу пѣшаго хожденія, одѣтый странникомъ, онъ отправлялся въ народъ. Въ живыхъ образахъ рисуетъ авторъ и мужика, и бабу, какъ тенетами опутанныхъ вѣрой въ нечистую силу; съ мѣткимъ юморомъ характеризуетъ простоватаго русскаго чорта и его незатѣйливыя проказы и въ то же время съ удивительной глубиной оттѣняетъ ту борьбу между міромъ язычества и христіанства, которая и доднесь не закончилась еще на святой Руси.

Языкъ С. В. Максимова своеобразно — народный и, не преувеличивая можно сказать, что умѣющихъ примѣнять его такъ, какъ это дѣлалъ авторъ «Сибири и Каторги» больше не будетъ.

За рукописью, оставленною покойнымъ авторомъ, пришлось поработать, чтобы приготовить ее къ печати, а послѣдняя часть трилогіи—«Крестная Сила» была даже не вполнѣ закончена, такъ что ее пришлось дополнить при помощи собранныхъ мной матеріаловъ. Весь этотъ трудъ завершенъ А. А. Яблоновскимъ.

Кн. В. Н. Тенишевъ.

— Чертъ попуталъ парня! — такъ всѣ и заголосили Судили—рядили, и порѣшили всѣмъ міромъ его простить. Да старшина настращалъ: всей-де деревней за него отвѣчать придется. Сослали его на поселенье. Гдѣ же теперь розыскать того, кто толкалъ его подъ руку и шепталъ ему въ ухо? Развѣ самъ по себѣ, вѣдомый парень—смирена, на такое недоброе дѣло рѣшился бы?

Одинъ молодецъ съ малыхъ лѣтъ пріобыкъ къ водкѣ, да такъ, что когда сталъ хозяиномъ и некого было бояться, пропилъ все на смѣхъ людямъ, на пущее горе жены и дѣтей. Насмѣшки и ругань не давали ему прохода.

— Дай-ка я удавлюсь, опростаю руки. Некому будетъ и голосить, а еще всѣ будутъ рады! — подумалъ молодецъ про себя, а вскорѣ и всѣмъ сталъ объ этомъ разсказывать.

Одинъ старичекъ къ его рѣчамъ прислушался и посовѣтовалъ:

— Ты вотъ что, другъ:—когда пойдешь давиться или заливаться (топиться), то скажи: душу свою отдаю Богу, а тѣло черту. — Пущай тогда нечистая сила владѣетъ твоимъ тѣломъ!

Распростился мужикъ со своими, захватилъ вожжи и пошелъ въ лѣсъ. А тамъ все такъ и случилось, какъ быть надо. Явились два черта, подхватили подъ руки и повели къ громадной осинѣ. А около осины собралось великое сборище всякой нечисти: были и колдуны, и вѣдьмы, и утопленники, и удавленники. Кругомъ стоятъ трясучія осины и на каждой сидитъ по человѣку и всѣ манятъ.

— Идите поскорѣе: мы васъ давно ожидаемъ!

Одна осина и макушку свою наклонила:—приглашаетъ. Увидали черти новаго товарища, заплясали и запѣли; на радостяхъ кинулись на встрѣчу, припяли изъ рукъ вожжи,

захлестнули за крѣпкій сукъ—наладили петлю. Двое растопырили ее и держатъ на готовѣ, третій ухватилъ за ноги и подсадилъ головой прямо къ узлу. Тутъ мужикъ и вспомнилъ старика и выговорилъ, что тотъ ему велѣлъ.

— Ишь, велико дѣло твое мясо—закричали всѣ черти. Что мы съ нимъ будемъ дѣлать? Намъ душа нужна, а не тѣло вонючее.

Съ этими словами выхватили его изъ петли и швырнули въ сторону.

Въ деревнѣ потомъ объяснялъ ему тотъ же старикъ:

— Пошла бы твоя кожа имъ на бумагу. Пишутъ они на той бумагѣ договоры тѣхъ, что продаютъ чертямъ свои души, и подписываютъ своей кровью, выпущенной изъ надрѣза на правомъ мизинцѣ.

Такъ какъ во всякаго человѣка, котораго бьетъ хмѣлевикъ (страдаетъ запоемъ), непремѣнно вселяется чертъ, то и владѣетъ онъ запойнымъ въ полную силу: являясь въ человѣческомъ видѣ, манитъ его то въ лѣсъ, то въ омутъ. А такъ какъ бѣсъ выбираетъ себѣ мѣсто прямо въ сердцѣ, то и не бываетъ тому несчастному нигдѣ покоя и мѣста отъ страшной тоски. Пока догадаются исцѣлить такого человѣка единственнымъ надежнымъ средствомъ— «отчитываніемъ», т. е. пока не прочитаютъ надъ нимъ всей псалтири три раза, — коварный врагъ человѣческаго рода не перестанетъ смущать его и производить свои козни.

Овдовѣла, напримѣръ, одна баба, да и затужила по мужѣ: начала уходить изъ избы и по задворкамъ скрываться. Если она, склонивъ голову на руки, сидитъ на людяхъ, то кажется, что она совсѣмъ одеревенѣла — хоть топоромъ ее сѣки. Стали домашніе присматривать за ней изъ опасенія, какъ бы она руки на себя не наложила, но не углядѣли: бросилась баба внизъ головой въ глубокій колодезь. Тамъ и

нашли окоченѣлый и посинѣлый трупъ ея. Добрые люди ее не обвинили, а пожалѣли:

— Чертъ смутилъ, скоро поспѣлъ, въ срубъ пихнулъ: гдѣ слабой бабѣ бороться съ нимъ?

Благочестивые же, строгіе люди, положивши за грѣшную душеньку крестное знаменіе, не преминули открыто выговорить, въ судъ и въ осужденіе самоубійцы, завѣтную мысль:

— Коли самъ человѣкъ наложилъ на себя руки — значитъ, онъ «черту баранъ» *).

«Черту баранъ» въ равной мѣрѣ и тотъ, кто прибѣгаетъ къ насильственной смерти, и тотъ, кто совершаетъ поджогъ, убійство по злой волѣ (по внушенію дьявола) и тѣ, которые попадаютъ въ несчастіе отъ неравновѣсія душевныхъ силъ переходнаго возраста. Всѣ душевнобольные и ненормальные суть люди порченые, волею которыхъ управляетъ нечистая сила, кѣмъ-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодѣяніе — себѣ на потѣху. Тѣшатъ эти люди черта—дѣлаютъ изъ себя для него «барана»—въ тѣхъ случаяхъ, когда вздумаетъ бѣсъ прокатиться, погулять, потѣшить себя, а то и просто возить на нихъ воду, какъ на существахъ совершенно безотвѣтныхъ, беззащитныхъ, подобно овцамъ, и вполнѣ подчиненныхъ. Для того то собственно и выбрано это самое кроткое безотвѣтное животное. Оно же у бѣсовъ любимое, въ противоположность козлу, котораго черти боятся отъ самаго сотворенія міра (вотъ почему держатъ до сихъ поръ козловъ на конюшняхъ). Кромѣ того, на самоубійцахъ на томъ свѣтѣ самъ сатана разъѣзжаетъ

*) Иногда—и гораздо рѣже—это выраженіе замѣняется двумя другими: черту свѣчка, черту кочерга (уголья мѣшать въ геенне огненной).

такимъ образомъ, что запрягаетъ однихъ вмѣсто лошадей, другихъ сажаетъ за кучера править, а самъ садится на главномъ мѣстѣ въ развалку, понукаетъ и подхлестываетъ. По временамъ заѣзжаетъ онъ на нихъ въ кузницы и тамъ подковываетъ бараньи копыта подобно лошадинымъ. Когда же сатана сидитъ на своемъ тронѣ въ преисподней, то всегда держитъ на колѣняхъ Іуду, Христопродавца и самоубійцу, съ кошелькомъ въ рукахъ, изъ котораго всѣмъ бѣсамъ отпускаются деньги на разные расходы по дѣлу соблазновъ и взысканій за содѣянное грѣшными людьми. Въ такомъ видѣ сатану и на иконахъ пишутъ, на тѣхъ картинахъ Страшнаго Суда, которыя обычно малюются на западныхъ стѣнахъ православныхъ храмовъ. А чтобы вѣрнѣе и удобнѣе попали во власть нечистой силы всѣ утопленники и удавленники,—ихъ стараются похоронить тамъ, гдѣ они совершали надъ собою тяжкій грѣхъ самоубійства, причемъ погребаютъ этихъ несчастныхъ подъ голою насыпью, совсѣмъ безъ креста и внѣ кладбищенской ограды.

Проказы чертей. Первыми жертвами при забавахъ нечистой силы являются обыкновенно пьяные люди: то черти собьютъ съ дороги подвыпившихъ крестьянъ, возвращающихся домой съ храмового праздника изъ сосѣднихъ деревень, то, подъ видомъ кума или свата, вызовутся на такой разъ въ провожатые. Ведутъ видимо по знакомымъ мѣстамъ, а на самомъ дѣлѣ, смотришь, человѣкъ очутился либо на краю обрыва горы, либо надъ прорубью, либо надъ водою, на сваѣ мельничной запруды, и т. п. Одного пьянаго мужика посадилъ дьяволъ въ колодецъ, но какъ и когда—несчастный человѣкъ не могъ сообразить и припомнить: былъ на игрищѣ, вышелъ на

крыльцо прохладиться, да и пропалъ. Стали искать и услыхали крикъ въ колодцѣ. Вынули и узнали слѣдующее:

— Позвалъ сватъ пить чай да пиво. Выпилъ чашку пива и увидалъ, что не у свата я въ гостяхъ, а въ колодцѣ, да и не пиво пью, а холодную воду. И не стаканчикомъ ее пью, а прямо въ захлебку.

Однако, на ряду съ этими злыми шутками, черти, по воззрѣніямъ народа, сплошь и рядомъ, принимаютъ пьяныхъ подъ свое покровительство и оказываютъ имъ разнообразныя услуги. На первый взглядъ, въ такомъ поведеніи чертей можно усмотрѣть какъ будто нѣкоторое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ: чортъ, злая сила, представитель злого начала, и вдругъ, оказываетъ людямъ добрыя услуги. Но на самомъ дѣлѣ противорѣчія здѣсь нѣтъ: каждый пьяный есть прежде всего слуга черта: своей грѣховной страстью къ вину, онъ «тѣшитъ бѣса», и потому черту просто нѣтъ разсчета причинять своимъ вѣрнымъ слугамъ какое-нибудь непоправимое зло,—напротивъ, есть разсчетъ оказывать имъ помощь. Сверхъ того, никто другой, какъ именно чортъ наталкиваетъ на пьянство, наводитъ на людей ту болѣзнь, которая зовется хмѣлевикомъ, или запоемъ: онъ, слѣдовательно, въ винѣ, онъ и въ отвѣтѣ. Не наказаніемъ же считать его заботы о пьяныхъ и его хлопоты около тѣхъ, которые прямо лѣзутъ въ огонь или воду, и не караетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, если забавляется съ охмѣлѣвшимъ человѣкомъ и шутитъ шутки, хотя бы даже и злыя (что ему и къ лицу, и по нраву). Привелъ пьянаго къ куму въ гости—велѣлъ раздѣваться; захотѣлось пьяному пить—указалъ на цѣлый ушатъ съ пивомъ: пей да зубы не разбей,—долго оно на дворѣ стояло, замерзло. Раздѣвшись, испытуемый сталъ разуваться, озябъ. Осмотрѣлся

и видитъ, что сидитъ на сломанномъ пнѣ и босая нога стоитъ въ снѣгу, а вдали огонекъ свѣтитъ. Увидалъ его, схватился бѣжать, и бѣжалъ, какъ угорѣлый. На горѣ по обрыву послѣдній сапогъ потерялъ; у окна свата стучалъ и кричалъ: замерзаю, пустите! — И предсталъ разутымъ, раздѣтымъ, безъ шапки. Сватъ съ досады спрашиваетъ: «Гдѣ тебя чертъ носилъ?»—Отвѣчаетъ съ увѣренностью и твердымъ голосомъ:—«Онъ то меня и носилъ!» И въ самомъ дѣлѣ: на откосѣ валеный сапогъ нашли, шапку и полушубокъ сняли съ сучка въ лѣсу, а рукавицы валялись подлѣ проруби на рѣкѣ, изъ которой угощалъ давишный кумъ холоднымъ пивомъ.

Чертъ любитъ, говорятъ, пьяныхъ по той причинѣ, что такихъ людей ему легче наталкивать на всякій грѣхъ, внушать дурныя мысли, подсказывать черныя и срамныя слова (очень часто хлесткія и остроумныя), наталкивать на драку и на всякіе такіе поступки, для которыхъ у всѣхъ, за неимѣніемъ вѣрнаго, есть одно дешевое и вѣчное оправданіе: «чертъ попуталъ».

— По пьяному-то дѣлу мало-ль чего не бываетъ,— толкуютъ опытные люди,—напуститъ «онъ» жуть (страхъ), либо тоску, такъ и незнамо что представится. Со страху да тоски руки на себя наложишь, а онъ и радъ: начнетъ подъ бока подталкивать, на ухо нашептывать. Ты только петлю накинь, а онъ подъ руку подтолкнетъ—и затянетъ. Затѣмъ они и на землю являются, чтобы ввести человѣка въ грѣхъ, или нанести какой-либо вредъ.

Трезвые и степенные люди взводятъ на бѣсовскую силу не мало и другихъ поклеповъ и обвиняютъ ее въ самыхъ разнообразныхъ злодѣяніяхъ и даже въ посягательствахъ на человѣческую жизнь. Такъ, напр., во время грозы бѣсъ, преслѣдуемый стрѣлами молніи, прячется за человѣка, под-

вергая его явной опасности. Поражая бѣса, Илья Пророкъ или Михаилъ Архангелъ могутъ убить и невиннаго. Вотъ почему во время грозы надо креститься. Надо поступать подобнымъ же образомъ передъ ѣдою и питьемъ, помня, что нечистая сила любитъ проказить, оскверняя неосвященные сосуды чѣмъ ни попало. Это (по свидѣтельству житій), между прочимъ, любимыя шалости чертей, къ каковымъ они также прибѣгаютъ для соблазновъ.

Похищаютъ дѣтей. Вращается часто въ деревенскомъ быту ругательное слово *оммѣнъ* (т. е. обмѣнъ, обмѣнышъ), основанное на твердомъ вѣрованіи въ то, что дьяволъ подмѣняетъ своими чертенятами некрещеныхъ человѣческихъ младенцевъ. Безъ разбору черти уносятъ и тѣхъ, которыхъ въ сердцахъ проклинаютъ матери, и такихъ, которымъ въ недобрый часъ скажутъ неладное (черное) слово въ родѣ: хоть бы лѣшій тебя унесъ. Уносятъ и младенцевъ, оставленныхъ до крещенія безъ надлежащаго присмотра, т. е. когда младенцамъ даютъ заснуть не перекрестивши ихъ, даютъ чихнуть и не поздраствуютъ ангельскую душу, не пожелаютъ роста и здоровья. Особенно не совѣтуютъ зѣвать въ баняхъ, гдѣ обыкновенно роженицы проводятъ первые дни послѣ родовъ. Нечистая сила зорко сторожитъ и пользуется каждымъ случаемъ, когда роженица вздремнетъ или останется одна. Вотъ почему опытныя повитухи стараются не покидать матерей ни на одну минуту, а въ крайнемъ случаѣ, при выходѣ изъ бани, крестятъ всѣ углы. Если же эти мѣры предосторожности не будутъ приняты, то мать и не замѣтитъ, какъ за крышей зашумитъ сильный вѣтеръ, спустится нечистая сила и обмѣнитъ ребенка, положивъ подъ бокъ роженицы своего «лѣшачонка» или «обмѣныша».

Эти обмѣныши бываютъ очень тощи тѣломъ и крайне

уродливы: ноги у нихъ всегда тоненькія, руки висятъ плетью, брюхо огромное, а голова непремѣнно большая и свисшая на-сторону. Сверхъ того, они отличаются природной тупостью и злостью и охотно покидаютъ своихъ пріемныхъ родителей, уходя въ лѣсъ. Впрочемъ, живутъ они не долго и часто пропадаютъ безъ вѣсти, или обращаются въ головѣшку.

Что касается судьбы похищенныхъ дѣтей, то черти обыкновенно носятъ ихъ съ собой, заставляя раздувать начавшіеся на землѣ пожары. Но бываетъ и иначе. Похищенныя дѣти отдаются на воспитаніе русалкамъ или проклятымъ дѣвкамъ, у которыхъ они остаются, превращаясь впослѣдствіи: дѣвочки въ русалокъ, мальчики въ лѣшихъ. Сюда же, къ неизвѣстнымъ «тайнымъ людямъ» или къ самимъ дьяволамъ, поступаютъ «приспанныя дѣти», т. е. случайно задушенныя матерями во время сна. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ душа ребенка считается погибшей, если ее не спасетъ сама мать постоянными молитвами въ теченіе 40 дней, при строжайшемъ постѣ. Ребенокъ, унесенный «тайными людьми», дѣлается самъ тайнымъ человѣкомъ: невидимо бродитъ по бѣлому свѣту, отыскивая себѣ пропитаніе. Пьетъ молоко, оставленное въ горшкахъ неблагословленнымъ, снимаетъ съ крынокъ сметану. Если же ребенокъ похищенъ дьяволомъ, то послѣдній помѣщаетъ его въ темной и тѣсной темницѣ. Хотя въ темницѣ нѣтъ ни огня, ни кипящей смолы, какъ въ кромѣшномъ адѣ, зато ребенокъ навсегда лишается свѣта и будетъ вѣчно проклинать свою мать за то, что она не уберегла его. Впрочемъ, для матери, осыпаемой упреками постороннихъ и страдающей отъ личнаго раскаянія, имѣется изъ этого мучительнаго положенія выходъ. Необходимо три ночи простоять въ церкви на молитвѣ; но бѣда въ томъ,

что не всякій священникъ разрѣшаетъ это. Тѣмъ не менѣе, несчастныя матери слѣпо вѣруютъ, что если ребенка похитили тайные люди, то онъ, по молитвѣ, явится на своемъ мѣстѣ цѣлымъ и, по окропленіи святою водою, останется невредимымъ. Но зато матерямъ съ чертями предстоитъ много хлопотъ, такъ какъ приходится подвергать себя тяжелымъ испытаніямъ, которыя не по силамъ женской природѣ.

Лишь только наступитъ ночь и, женщина, оставшись одна въ церкви, встанетъ на молитву, какъ тотчасъ же начинаетъ она подвергаться всякимъ ужасамъ: позади поднимается хохотъ и свистъ, слышатся топанье, пляски, временами дѣтскій плачъ и угрозы. Раздаются бѣсовскіе голоса на соблазнъ и погибель:

— Оглянись,—отдадимъ!..

Кричитъ и ребенокъ:

— Не мать ты мнѣ, а змѣя подколодная!

Оглянуться на тотъ разъ—значитъ, на вѣки погубить себя и ребенка (разорвутъ черти на части). Выдержать искушеніе—значитъ увидѣть своего ребенка чернымъ, какъ уголь, котораго на одну минуту покажутъ передъ тѣмъ, какъ запѣть вторымъ пѣтухамъ.

На вторую ночь происходитъ тоже самое, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что на этотъ разъ ребенокъ не клянетъ своей матери, а твердитъ ей одно слово: молись!—Послѣ перваго пѣтуха появляется дитя на половину тѣла бѣлымъ.

Третья ночь—самая опасная: бѣсы начинаютъ кричать дѣтскимъ голосомъ, пищатъ и плачутъ, захлебываясь и съ отчаянными взвизгами умоляя взять ихъ на руки. Среди дѣланныхъ воплей до чуткаго уха любящей матери, храбро выдерживающей искусъ, доносятся и нѣжные звуки мягкаго голоса, совѣтующаго молиться:

— Матушка, родная ты моя! Молись, молись — скоро замолишь.

Пропоетъ третій разъ пѣтухъ — и дьяволъ бросаетъ передъ матерью совершенно бѣлаго ребенка, т. е. такимъ, какимъ она его родила.

— Теперь ты мнѣ родная мать—спасибо: замолила!— прокричитъ дитя и мертвымъ, но спасеннымъ, остается лежать на церковномъ полу.

За отказомъ священниковъ, безпокойства сокрушающихся матерей доходятъ до крайнихъ предѣловъ, и только благодаря богомольнымъ настроеніямъ, онѣ находятъ успокоеніе въ хожденіяхъ по монастырямъ и въ увѣщаніяхъ благочестивыхъ старцевъ, признаваемыхъ за святыхъ. Отъ старцевъ тоскующія матери и приносятъ домой увѣренность въ томъ, что и душа заспаннаго младенца пойдетъ туда же, куда всѣ души прочихъ умершихъ дѣтей, т. е. прямо въ святой рай, къ самому Господу Богу.

Соблазняютъ женщинъ. Изъ нѣкоторыхъ житій святыхъ— особенно по афонскому Патерику—и изъ народныхъ сказокъ довольно извѣстны сладострастныя наклонности всей бѣсовской породы. Эти наклонности проявляются, какъ въ личныхъ поступкахъ отдѣльныхъ бѣсовъ такъ и въ характерѣ людскихъ искушеній, потому что бѣсы всего охотнѣе искушаютъ людей именно въ этомъ направленіи. Въ исторіи борьбы христіанства съ язычествомъ въ Византіи есть не мало указаній на ту же блудную наклонность дьяволовъ и на связь ихъ съ гречанками того времени. Стоитъ и въ наши дни, у насъ на Руси, поскучать молодой бабѣ по ушедшемъ на заработки мужѣ, въ особенности же вдовѣ по умершемъ, какъ бѣсы и готовы уже на утѣху и на услуги. Пользуясь способностью перекидываться (принимать на себя всякія личины) и ловкостью въ соблазнахъ и волокитствахъ

бѣсы добиваются полныхъ успѣховъ. Начинаютъ, напримѣръ, замѣчать сосѣди, что баба—вдова иногда, то сдѣлается какъ бы на положеніи беременной, а то и опять ничего незамѣтно, нѣтъ никакихъ перемѣнъ. Въ то же время она со всякой работой справляется отлично, лѣтомъ выходитъ въ поле одна, а дѣлаетъ за троихъ. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ предположенію, что баба находится въ преступной связи съ дьяволомъ. Убѣждаются, въ томъ, когда начнетъ баба худѣть и до того исхудаетъ, что останутся только кожа да кости. Прозорливыя сосѣдки видятъ даже, какъ влетаетъ въ избу нечистый, въ видѣ огненнаго змѣя, и съ клятвою увѣряютъ, что на глазахъ у всѣхъ бѣсъ влетѣлъ въ трубу и разсыпался огненными искрами надъ крышей.

Повѣрья объ огненныхъ змѣяхъ настолько распространены, а способы избавляться отъ ихъ посѣщеній до того разнообразны, что перечисленіе главныхъ и описаніе существенныхъ можетъ послужить предметомъ особаго изслѣдованія. Разсказы о такихъ приключеніяхъ поражаютъ своею многочисленностью, но въ тоже время и докучнымъ однообразіемъ. Входитъ бѣсъ во временную сдѣлку съ несчастной, поддавшейся обману и соблазну, и всего чаще съ женщиной, допустившей себя до полнаго распутства. Оба стараются, по условію, и подъ страхомъ тяжелаго наказанія, держать эту связь въ величайшей тайнѣ, но грѣховное дѣло съ нечистымъ утаиться не можетъ. Находится достойный человѣкъ, которому довѣряется тайна и отыскивается средство благополучно прекратить это сношеніе. Помогаетъ въ такихъ случаяхъ накинутый на бѣса (обычно являющагося въ видѣ дороднаго мужчины) лошадиный недоуздокъ. Отваживаютъ отъ посѣщеній еще тѣмъ, что нащупываютъ у соблазнителя спинной хребетъ,

какового обычно у этихъ оборотней не бываетъ. Иныхъ бабъ, сверхъ того, спасаютъ отчитываньемъ (отъ блуднаго бѣса— по требнику Петръ Могилы); другимъ помогаетъ чертополохъ (cisium и carduus) — колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силѣ. Приглашаютъ также въ домъ священника служить молебенъ; пишутъ во всѣхъ углахъ мѣломъ и дегтемъ кресты, курятъ изъ ручной жаровенки ладономъ и проч. *).

Разсказываютъ, что иногда и сами черти налетаютъ на бѣду и остаются въ дуракахъ: убѣгаютъ отъ сварливыхъ бѣдовыхъ бабъ опрометью, добровольно и навсегда. Болтаютъ также, что отъ подобной связи рождаются черныя, глупыя и злыя дѣти, которыя могутъ жить очень недолго, такъ что ихъ даже никто не видитъ.

Дьявольское навожденіе. Въ сознаніи простыхъ людей еще окончательно не рѣшено, въ чемъ заключается причина болѣзней, постигающихъ человѣческій родъ: въ божескомъ ли попущеніи, или въ дьявольскомъ навожденіи. По сличеніи свѣдѣній, полученныхъ болѣе чѣмъ изъ 50 мѣстностей относительно происхожденія различныхъ недуговъ—оказывается, что значительный перевѣсъ на сторонѣ послѣдняго мнѣнія. При этомъ извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни, какъ, напр., лихорадки, въ народномъ представленіи рисуются въ формѣ живыхъ существъ, имѣющихъ опредѣленный старческій видъ и каждая свое особое имя, какъ дщери Продовы. Общее количество лихорадокъ доходитъ до двѣнадцати

*) Какъ всѣмъ извѣстно, хотя бы по словамъ повсюду распространенной поговорки черти всего больше боятся ладону („ладонъ на чертей, тюрьма—на воровъ"), а вслѣдствіе того и введены въ обычай сумочки-ладонки, носимыя вмѣстѣ съ крестами на шеѣ. Въ такія сумочки зашиваютъ, вмѣстѣ съ какой-либо святыней, кусочки этой пахучей смолки. Бываетъ, впрочемъ, зачастую и такъ (по пословицѣ же), что у иныхъ „ладонъ на вороту, а чертъ на шеѣ".

(а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ даже до семидесяти), причемъ всѣ онѣ представляются въ видѣ косматыхъ, распоясанныхъ старухъ. Противъ лихорадокъ издавна вращается въ народѣ цѣлый молитвенный списокъ, присутствіе котораго въ домѣ считается, подобно такому же апокрифическому сказанію о Снѣ Богородицы, за дѣйствительное и сильное цѣлебное средство. Какъ заболѣвшіе, такъ равно и желающіе предохранить себя отъ будущихъ напастей, должны носить тотъ и другой списокъ на шейномъ крестѣ, зашитыми въ тряпичку.

Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удалось различить причины болѣзней, распредѣливъ ихъ по двумъ основнымъ разрядамъ. Выходитъ такъ, что всѣ болѣзни (особенно эпидемическія, въ родѣ холеры и тифа), посылаетъ самъ Богъ, въ наказаніе или для вразумленія, и лишь немногія зависятъ отъ насыла злымъ человѣкомъ, или отъ порчи колдунами и вѣдьмами. За то всѣ душевныя болѣзни, и даже проказу, всегда и безспорно насылаетъ чертъ. На него и показываютъ сами больные, выкликая имя того человѣка, который принесъ, по указанію и наущенію дьявола, порчу и корчу и нашепталъ всякія тяжелыя страданія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ полная увѣренность въ томъ, что на всякую болѣзнь полагается особый духъ и что каждый изъ этихъ духовъ имѣетъ свой видъ: напр., для лихорадки — видъ бабочки, для оспы — лягушки, для кори—ежа и т. п. Сверхъ прочихъ, существуетъ еще особенный бѣсъ, насылающій неожиданныя и безпричинныя острыя боли, пробѣгающія схватками въ спинѣ, рукахъ и ногахъ. Такой бѣсъ называется «приткомъ» (отсюда и обычное выраженіе «попритчилось»). Для пьяницъ черти приготовляютъ въ водкѣ особаго червя

(бѣлаго, величиной съ волосокъ): проглотившіе его дѣлаются горькими пьяницами, и т. под.

Всѣ болѣзни, которыми чаще всего страдаютъ женщины, какъ, напр., кликушество, и вообще порчи всякаго рода (истеріи) приписываются безспорно бѣсамъ. Причемъ сами женщины твердо и непоколебимо убѣждены, что это бѣсы вселились внутрь испорченныхъ, что они вошли черезъ неперекрещенный ротъ во время зѣвоты или въ питьѣ и ѣдѣ. Подобныя болѣзни ученые доктора лѣчить не умѣютъ; тутъ помогаютъ только опытные знахари да тѣ батюшки, у которыхъ водятся особые, древніе молитвенники, какіе имѣются не у всякаго изъ духовныхъ.

Хотя и придумана давно деревенская пословица: «Богу молись, а черта не гнѣви», — но существуетъ и такая истина, которая выше всякой грѣховной болтовни и легкомысленныхъ правилъ: «безъ Божьей воли и волосъ на головѣ человѣка не пропадаетъ». Если чертъ — лиходѣй для человѣка только по Божію попущенію, то во всякомъ случаѣ бѣсовскому вліянію положенъ извѣстный предѣлъ и самое пребываніе нечистой силы на землѣ ограничено опредѣленными сроками. Такъ, еще повсюду сохранилось убѣжденіе, что при благовѣстѣ въ церквахъ, послѣ третьяго удара, вся бѣсовская сила проваливается въ преисподнюю. Въ то же время сознательно твердо держится вѣра, что ко всякому человѣку, при его рожденіи, приставляется чертъ и ангелъ. Оба они не оставляютъ человѣка ни на одну минуту, причемъ ангелъ стоитъ по правую сторону, а дьяволъ по лѣвую *). Между ангеломъ-

*) Свѣдующія люди держатся, вслѣдствіе подобнаго вѣрованія, того правила, что никогда не плюютъ на правую сторону и ложатся спать на лѣвомъ боку, чтобы держать лицо обращеннымъ къ своему ангелу и не видать во снѣ дьявола.

хранителемъ и дьяволомъ-сооблазнителемъ стоитъ постоянная вражда. Каждый изъ нихъ зорко слѣдитъ другъ за другомъ, уступая первенство сопернику лишь въ зависимости отъ поведенія человѣка: радуется, умиляясь, ангелъ, при видѣ добрыхъ дѣлъ; осклабляется, хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши довольный дьяволъ, при видѣ послушанія его злымъ навѣтамъ. Ангелъ записываетъ всѣ добрыя дѣла, дьяволъ учитываетъ злыя, а когда человѣкъ умретъ, ангелъ споритъ съ дьяволомъ о грѣшной душѣ его. Кто изъ двухъ побѣдитъ—извѣстно единому Богу.

Впрочемъ, до того времени на всякій часъ готово для утѣшенія молитвенное слово:

«Ангелъ мой, сохранитель мой! сохрани мою душу, укрѣпи мое сердце на всякъ день, на всякъ часъ, на всякую минуту. По утру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсъ Спасова Пречистова образа. Врагъ-сатана отшатнись отъ меня на сто верстъ-на тысячу, на мнѣ есть крестъ Господень! На томъ крестѣ написаны Лука и Маркъ, и Никита мученикъ: за Христа мучаются, за насъ Богу молятся. Пречистые замки ключами заперты, замками запечатаны, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь».

II.

ДОМОВОЙ-ДОМОЖИЛЪ.

Выдѣлился изъ осиротѣлой семьи старшій братъ и задумалъ себѣ избу строить. Выбралъ онъ подъ стройку обжитое мѣсто. Лѣсъ рубилъ «избяной помочью»: сто бревенъ—сто помочанъ, чтобы вырубить и вывезти каждому по бревну. Десяткомъ топоровъ успѣли повалить лѣсъ поздней осенью, когда дерево не въ соку, и вывезли бревна по первопутку: и работа была легче, и лошади меньше наломались. Плотники взялись «срубить и поставить избу», а если сладится хозяинъ съ деньгами въ этотъ же разъ, то и «нарядить» ее, т. е. сдѣлать все внутреннее убранство, доступное топору и скобелю. Плотники подобрались ребята надежные, изъ ближняго сосѣдства, гдѣ испоконъ-вѣку занимаются этимъ ремесломъ, и успѣли прославиться на дальныя окольности. Помолились на восходъ солнца, выпили «заручную», и начали тяпать съ ранней зари до самой поздней.

Когда положили два нижнія бревна—два первые вѣнца такъ, что гдѣ лежало бревно комлемъ, тамъ навалили другое вершиной, приходилъ хозяинъ, приносилъ водку: пили «закладочные». Подъ переднимъ, святымъ угломъ, по желанію хозяевъ, закапывали монету на богатство, и плотники сами отъ себя—кусочекъ ладону для святости.

Пусть-де не думаютъ про нихъ, съ бабьихъ бредней, худаго, и не болтаютъ, что они знаются съ нечистой силой и могутъ устроить такъ, что домъ для жилья сдѣлается неудобнымъ.

Переходъ въ новую избу или «влазины», новоселье— въ особенности жуткая пора и опасное дѣло. На новомъ мѣстѣ словно бы надо переродиться, чтобы начать новую тяжелую жизнь въ потемкахъ и ощупью. Жгучая боль лежитъ на сердцѣ, которое не чуетъ (а знать хочетъ) чего ждать впереди: хотѣлось бы хорошаго, когда вокругъ больше худое. Прежде всего напрашивается неотразимое желаніе погадать на счастье. Для этого впередъ себя въ новую избу пускаютъ пѣтуха и кошку. Если суждено случиться бѣдѣ, то пусть она надъ ними и стрясется. За ними уже можно смѣло входить съ иконой и хлѣбомъ-солью, всего лучше въ полнолуніе и обязательно ночью *).

Искушенныя житейскимъ опытомъ, хозяйки-бабы, поставивъ икону въ красный уголъ, отрѣзаютъ одинъ сукрой отъ каравая хлѣба и кладутъ его подъ печку. Это—тому незримому хозяину, который вообще зовется «домовымъ-доможиломъ». Въ такихъ-же мѣстахъ, гдѣ домовому совершенно вѣрятъ, и лишь иногда, грѣшнымъ дѣломъ, позволяютъ себѣ сомнѣваться, соблюдается очень древній обычай, о которомъ въ другихъ мѣстахъ давно уже и забыли. Кое-гдѣ (напр. по Новг. губ., около Боровичей) хозяйка дома до разсвѣта (чтобы никто не видалъ) старается три раза обѣжать новую избу нагишомъ, съ приговоромъ: «Поставлю я около двора желѣзный тынъ, чтобы черезъ этотъ тынъ ни лютый звѣрь не перескочилъ,

*) Ночью же въ новый домъ и скотину перегоняютъ. Счастливыми днями для новоселья считаются двунадесятые праздники, и между ними въ особенности Введеніе во храмъ Богоматери.

ни гадъ не переползъ, ни лихой человѣкъ ногой не переступилъ, и дѣдушка-лѣсной черезъ него не заглядывалъ». А чтобы былъ этотъ «замокъ» крѣпокъ, баба въ воротахъ перекидывается кубаремъ также до трехъ разъ и тоже съ заученнымъ приговорнымъ пожеланіемъ, главный смыслъ котораго выражаетъ одну завѣтную мысль, чтобы «родъ и плодъ въ новомъ домѣ увеличивались».

О происхожденіи домовыхъ разсказываютъ слѣдующую легенду. Когда Господь, при сотвореніи міра, сбросилъ на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятежъ противъ своего Создателя, на людскія жилья тоже попадали нечистые духи. При этомъ неизвѣстно, отобрались ли сюда тѣ, которые были подобрѣе прочихъ, или ужъ такъ случилось, что, приселившись поближе къ людямъ, они обжились и пообмякли, но только эти духи не сдѣлались злыми врагами, какъ водяные, лѣшіе и прочіе черти, а какъ бы переродились: превратились въ доброхотовъ и при этомъ даже оказались съ привычками людей веселаго и шутливаго нрава. Большая часть крестьянъ такъ къ нимъ привыкла, такъ примирилась съ ними, что не согласна признавать домовыхъ за чертей и считаетъ ихъ за особую отдѣльную добрую породу.

Никто не позволяетъ себѣ выругаться ихъ именемъ. Всегда и всѣ отзываются объ нихъ съ явнымъ добродушіемъ и даже съ нѣжностью. Это вполнѣ опредѣленно выражается во всѣхъ разсказахъ и согласно подтверждается всѣми свѣдѣніями, полученными отъ сотрудниковъ въ отвѣтъ на программные вопросы по «Демонологіи» изъ разныхъ концовъ Великороссіи.

Каждая жилая деревенская изба непремѣнно имѣетъ одного такого невидимаго жильца, который и является

сторожемъ не только самого строенія, но, главнымъ образомъ, всѣхъ живущихъ: и людей, и скотины, и птицы.

Живетъ-слыветъ онъ обычно не подъ своимъ прирожденнымъ именемъ «домового», которое не всякій рѣшится произносить вслухъ (отчасти изъ уваженія къ нему, отчасти изъ скрытой боязни оскорбить его такимъ прозвищемъ). А величаютъ его, за очевидныя и доказанныя услуги,—именемъ «хозяина» и за древность лѣтъ его жизни на Руси—«дѣдушкой» *).

По скольку все это разнообразіе именъ и прозвищъ свидѣтельствуетъ о живучести домашняго духа и близости его къ людскимъ интересамъ, по стольку онъ самъ и неуловимъ и неуязвимъ. Рѣдкій можетъ похвалиться тѣмъ, что воочію видалъ домового. Кто скажетъ такъ, тотъ либо обманулся съ перепугу и добродушно вводитъ другихъ въ

*) Разсказывая о домовомъ, всего чаще называютъ его просто — „Онъ“ или „Самъ“, но еще чаще „Доброжиломъ“ и „Доброхотомъ“, а въ Волог. г. (Кадн. уѣз.) даже „Кормильцемъ“. По всему лѣсному сѣверу Россіи, за свое охотливое совмѣстное жительство съ православнымъ русскимъ людомъ, домовой зовется „Сусѣдкомъ“ и „Батанушкомъ“ (батаномъ—не то въ смыслѣ бати-отца, не то братана, т. е. нероднаго брата). Въ семьяхъ Олонецкаго края величаютъ его даже почетнымъ именемъ „другая половина“. Во всякомъ случаѣ онъ „доможилъ“ и за обычай житья въ теплѣ и холѣ—„жировикъ“; за нѣкоторыя житейскія привычки—„лизунъ“. За то, что онъ все-таки существо незримое, безспорная и подлинная „нежить“ (ни духъ, ни человѣкъ) домовой, въ обходъ настоящаго и прямаго званія его, прозывается еще и считается „постѣномъ“ (а также „по-стѣнь“—отъ стѣни или тѣни), какъ призрачное существо, привидѣніе. Зовутъ его еще иногда „карноухимъ“ за то, что будто бы у него, въ отличіе отъ настоящихъ людей, не хватаетъ одного уха. Въ видахъ особаго исключенія, называютъ его еще „некошнымъ“ (некошной) въ тѣхъ только случаяхъ, когда онъ не ладитъ съ хозяевами избы, хотя это прозвище болѣе прилично (и чаще примѣнительно) ко всякимъ другимъ чертямъ, напримѣръ, къ водянымъ и лѣшимъ, а къ домовому духу не прилаживается, и собственно не подходитъ.

заблужденіе, либо намѣренно лжетъ, чтобы похвастаться. Видѣть домового нельзя: это не въ силахъ человѣка (въ чемъ совершенно согласно большинство людей свѣдущихъ, искусившихся долгимъ опытомъ жизни). И если кто говоритъ, что видалъ его въ видѣ вороха сѣна, въ образѣ какого-либо изъ домашнихъ животныхъ, тотъ явно увлекается, и строитъ свои догадки только на томъ предположеніи, что домовой, какъ всякій невидимый духъ съ нечеловѣческими свойствами, надѣленъ способностью превращаться, принимая на себя разновидныя личины и даже будто бы всего охотнѣе образъ самого хозяина дома. Тѣмъ, кто пожелалъ бы его видѣть, предлагаютъ нелегкія задачи: надо надѣть на себя, непремѣнно въ Пасхальную ночь, лошадиный хомутъ, покрыться бороной зубьями на себя и сидѣть между лошадьми, которыхъ онъ особенно любитъ, цѣлую ночь. Говорятъ даже, что если домовой увидитъ человѣка, который за нимъ такимъ образомъ подсматриваетъ, то устраиваетъ такъ, что лошади начинаютъ бить задомъ по боронѣ, и могутъ до смерти забить любознательнаго. Вѣрно и вполнѣ доказано только одно, что можно слышать голосъ домового (и въ этомъ согласны всѣ поголовно), слышать его тихій плачъ и глухіе сдержанные стоны, его мягкій и ласковый, а иногда и отрывисто-краткій и глухой голосъ въ видѣ мимоходныхъ отвѣтовъ, когда умѣлые и догадливые хозяева успѣваютъ окликнуть и съумѣютъ спросить его при подходящихъ случаяхъ. Впрочемъ, всѣ кто поумнѣе и поопасливѣе, не пытаются ни видѣть этихъ духовъ, ни говорить съ ними, потому что если это и удастся, добра не будетъ: можно даже опасно захворать. Впрочемъ, домовой по доброму своему расположенію (къ большакамъ семьи—преимущественно и къ прочимъ членамъ—въ исключеніе), имѣетъ завѣтную привычку наваливаться во снѣ

на грудь и давить. Кто, проснувшись, поспѣшитъ спросить его: «къ худу, или добру?»—онъ отвѣтитъ человѣческимъ голосомъ, словно вѣтеръ листьями прошелеститъ. Только такимъ избраннымъ и особенно излюбленнымъ удалось узнать, что онъ мохнатый, оброс мягкой шерстью, что ею покрыты даже ладони рукъ его, совершенно такихъ же, какъ у человѣка, что у него, наконецъ, имѣются, сверхъ положенія, рога и хвостъ. Часто также онъ гладитъ сонныхъ своею мягкою лапой и тогда не требуется никакихъ вопросовъ—довольно ясно, что это къ добру. Зла людямъ онъ не дѣлаетъ, а напротивъ, старается даже предостеречь отъ грядущихъ несчастій и временной опасности.

Если онъ временами стучитъ по ночамъ въ подъизбицѣ, или возится за печью, или громыхаетъ въ поставцахъ посудой, то это дѣлаетъ онъ просто отъ скуки и, по свойству своего веселаго нрава, забавляется. Давно и всѣмъ извѣстно, что домовой—вообще большой проказникъ, своеобразный шутникъ и гдѣ обживется, тамъ беззаботно и безпричинно рѣзвится. Онъ и сонныхъ щекочетъ, и косматой грудью на молодыхъ наваливается также отъ бездѣлья, ради шутки. Подуритъ и пропадетъ съ такой быстротой, что нѣтъ никакой возможности замѣтить, каковъ онъ видомъ (что однако удалось узнать про лѣшаго, водяного и прочихъ духовъ—подлинныхъ чертей). Въ Смоленской губ. (въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) видали домового во образѣ сѣдаго старика, одѣтаго въ бѣлую длинную рубаху и съ непокрытой головой. Во Владимірской губ. онъ одѣтъ въ свитку желтаго сукна и всегда носитъ, большую лохматую шапку; волоса на головѣ и на бородѣ у него длинные, свалявшіеся. Изъ-подъ Пензы пишутъ, что это старичекъ маленькій, «словно обрубокъ или кряжъ», но съ большой

сѣдой бородой и неповоротливый: всякій можетъ увидѣть его темною ночью до вторыхъ пѣтуховъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, подъ Пензой, онъ иногда принимаетъ видъ черной кошки или мѣшка съ хлѣбомъ.

Поселяясь на постоянное житье въ жилой и теплой избѣ, домовой такъ въ ней приживается на правахъ хозяина, что вполнѣ заслуживаетъ присвоенное ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ названіе доможила. Если онъ замѣчаетъ покушеніе на излюбленное имъ жилище со стороны сосѣдняго домового, если, напр., онъ уличитъ его въ кражѣ у лошадей овса или сѣна, то всегда вступаетъ въ драку и ведетъ ее съ такимъ ожесточеніемъ, какое свойственно только могучей нежити, а не слабой людской силѣ. Но одни лишь чуткіе люди могутъ слышать этотъ шумъ въ хлѣвахъ и конюшняхъ и отличать возню домовыхъ отъ лошадинаго топота и шарахтанья шальныхъ овецъ. Каждый домовой привыкаетъ къ своей избѣ въ такой сильной степени, что его трудно, почти невозможно выселить или выжить. Не достаточно для того всѣмъ извѣстныхъ молитвъ и обычныхъ пріемовъ. Надо владѣть особыми притягательными добрыми свойствами души, чтобы онъ внялъ мольбамъ и не призналъ бы ласкательные причеты за лицемѣрный подвохъ, а предлагаемые подарки, указанные обычаемъ и совѣтомъ знахаря, за шутливую выходку. Если при переходѣ изъ старой разсыпавшейся избы во вновь отстроенную, не сумѣютъ переманить стараго домоваго, то онъ не задумается остаться жить на старомъ пепелищѣ среди трухи развалинъ въ холодной избѣ, несмотря на вѣдомую любовь его къ теплому жилью. Онъ будетъ жить въ тоскѣ и на холодѣ и въ полномъ одиночествѣ, даже безъ сосѣдства мышей и таракановъ, которые, вмѣстѣ со всѣми другими

жильцами, успѣваютъ перебраться незваными. Оставшійся изъ упрямства, по личнымъ соображеніямъ, или оставленный по забывчивости недогадливыхъ хозяевъ, доможилъ предпочитаетъ страдать, томясь и скучая, какъ дѣлалъ это, между прочимъ, тотъ домовой, котораго забыли пригласить съ собой переселенцы въ Сибирь. Онъ долго плакалъ и стоналъ въ пустой избѣ,—и не могъ утѣшиться. Такой же случай былъ и въ Орловской губ. Здѣсь, послѣ пожара цѣлой деревни, домовые такъ затосковали, что цѣлыя ночи были слышны ихъ плачъ и стоны. Чтобы какъ-нибудь утѣшить ихъ, крестьяне вынуждены были сколотить на скорую руку временные шалашики, разбросать подлѣ нихъ ломти посоленаго хлѣба, и затѣмъ пригласить домовыхъ на временное жительство:—«Хозяинъ-дворовой, иди покель на спокой, не отбивайся отъ двора своего».

Въ Чембарскомъ уѣздѣ (Пенз. г.) домовыхъ зазываютъ въ мѣшокъ и въ немъ переносятъ на новое пепелище, а въ Любимскомъ у. (Яросл. г.) заманиваютъ горшкомъ каши, которую ставятъ на загнеткѣ.

При выборѣ въ избѣ опредѣленнаго мѣста для житья, домовой не разборчивъ: живетъ и за печкой, и подъ шесткомъ, поселяется подъ порогомъ входныхъ дверей, и въ подъизбицѣ и на подволокѣ, хотя замѣчаютъ въ немъ наибольшую охоту проводить время въ голбцахъ (дощатыхъ помѣщеніяхъ около печи со спускомъ въ подполье) и въ чуланахъ. Жена домового «доманя» (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., во Владимірской губ., домовыхъ надѣляютъ семействами) любитъ жить въ подпольѣ, причемъ крестьяне, при переходѣ въ новую избу, зовутъ на новоселье и ее, приговаривая: «домъ-домовой, пойдемъ со мной, веди и домовиху-госпожу—какъ умѣю награжу».

Когда «сосѣдко» поселяется на вольномъ воздухѣ, напр., на дворѣ, то и зовется уже «дворовымъ», хотя едва ли представляетъ собою отдѣльнаго духа: это тотъ же «хозяинъ», взявшій въ свои руки наблюденіе за всѣмъ семейнымъ добромъ. Его также не смѣшиваютъ съ живущими въ баняхъ баенными и банными (если онъ бываетъ женскаго пола, то наз. «волосаткой»), съ поселившимися на гумнахъ, овинными и т. п. (см. объ нихъ дальше). Это все больше недоброхоты, злые духи: на бѣду людей завелись они, и было бы большимъ счастьемъ, когда бы они всѣ исчезли съ лица земли. Но какъ обойтись безъ домоваго? Кто предупредитъ о грядущей напасти, кто скажетъ, какой масти надо покупать лошадей, какой шерсти выбирать коровъ, чтобы водились онѣ по долгу? Если говорятъ, что скотина «не ко двору», то это значитъ, что ее не взлюбилъ своеобразный капризникъ «дворовый хозяинъ». Кто умѣетъ слушать и чутко слышитъ, тому домовой самъ своимъ голосомъ скажетъ, какую надо покупать скотину. Разъѣзжая на нелюбимой лошадкѣ домовой можетъ превратить ее изъ сытаго круглыша въ такую клячу, что шкура будетъ висѣтъ, какъ на палкѣ. Въ Меленкахъ (Влад. губ.) одинъ домохозяинъ спрятался въ ясляхъ и увидѣлъ, какъ домовой соскочилъ съ сушила, подошолъ къ лошади и давай плевать ей въ морду, а лѣвой лапой у ней кормъ выгребать. Хозяинъ испугался, а домовой ворчитъ про себя, но такъ, что очень слышно:

— Купилъ бы кобылку пѣгоньку, задокъ бѣленькой!

Послушались его и купили. И опять изъ-подъ яслей хозяинъ видѣлъ какъ съ сушила соскочилъ домовой въ лохматой шапкѣ, въ желтой свиткѣ, обошолъ кругомъ лошадь, осмотрѣлъ ее да и заговорилъ:

— Вотъ это лошадь! Эту стоитъ кормить, а то купилъ какую-то клячу.

И домовой сталъ ее гладить, заплелъ на гривѣ косу, и началъ подъ самую морду подгребать ей овесъ.

Въ одной деревнѣ Череповецкаго уѣзда (Новг. губ.) домовой, навалившись ночью на мужика и надавливая ему грудь и животъ, прямо спросилъ (и таково сердито!):

— Гдѣ Сѣрко? Приведи его назадъ домой.

Надо было на другое же утро ѣхать въ ту деревню куда продалъ хозяинъ лошадь и размѣниваться. А тамъ тому рады: и у нихъ, когда вводили лошадь на дворъ, она фыркала и артачилась, а на другое утро нашли ее всю въ мылѣ. Одинъ хозяинъ въ упоръ спросилъ домоваго, какой шерсти покупать лошадь, и домовой ему повелительно отвѣтилъ: «хоть старую, да чалую» и т. п.

Бываютъ лошади «двужильныя» (переходъ отъ шеи къ холкѣ раздвоенный), въ работу негодныя: онѣ служатъ только на домоваго. Кто объ этомъ дознается, тотъ спѣшитъ продать такую лошадь за безцѣнокъ, потому что если она околѣетъ на дворѣ, то сколько лошадей ни покупай потомъ—всѣ онѣ передохнутъ (счетомъ до 12-ти), и нельзя будетъ больше держать эту скотину. Вотъ только въ этомъ единственномъ случаѣ, всякій домовой, какъ онъ ни добръ нравомъ, бываетъ не уступчивъ, и чтобы предотвратить его гнѣвъ, пробуютъ поколѣлую лошадь вытаскивать не въ ворота, а въ отверстіе, нарочно проломанное въ стѣнѣ хлѣва, хотя и это не всегда помогаетъ.

Зная про подобныя напасти и не забывая проказъ и капризовъ домового, люди выработали по всей великой Руси, общіе для всѣхъ, обычаи при покупкѣ и продажѣ лошадей и скота, а также и при уходѣ за ними.

Когда купятъ корову или лошадь, то поводъ отъ узды или конецъ веревочки передаютъ изъ полы въ полу и говорятъ пожеланія «легкой руки». Покупатель снимаетъ съ головы шапку и проводитъ ею отъ головы и шеи, вдоль спины и брюха «новокупки». А когда «новокупку» ведутъ домой, то изъ подъ ногъ по дорогѣ поднимаютъ щепочку или палочку и ею погоняютъ. Когда же приведутъ корову во дворъ, погонялку эту забрасываютъ:

— Какъ щепочкѣ не бывать на старомъ мѣстѣ, какъ палочкѣ о томъ же не тужить и не тосковать, такъ бы и купленная животина не вспоминала старыхъ хозяевъ и не сохла по нимъ.

Затѣмъ «новокупку» прикармливаютъ кусочкомъ хлѣба, а къ домовому прямо обращаются и открыто, при свидѣтеляхъ, кланяются въ хлѣвахъ во всѣ четыре угла и просятъ: поить, кормить, ласкать и холить и эту новую, какъ бывалыхъ прежнихъ.

Съ домашняго скота добрый домовой переноситъ свои заботы и на людей. Охотнѣе всего онъ старается предупреждать о несчастіяхъ, чтобы умѣлые хозяева успѣвали приготовиться къ встрѣчѣ и отвратить отъ себя напасть заблаговременно. Люди догадливые въ такихъ случаяхъ безъ словъ разумѣютъ тѣ знаки, какіе онъ подаетъ, когда ему вздумается. Такъ, напримѣръ, если слышится плачъ домового, иногда въ самой избѣ, то быть въ домѣ покойнику. Если у трубы на крышѣ заиграетъ въ заслонку — будетъ судъ изъ-за какого нибудь дѣла и обиды; обмочитъ домовой ночью — заболѣетъ тотъ человѣкъ; подергаетъ за волосы — остерегайся жена: не ввязывайся въ споръ съ мужемъ, не грызись съ нимъ,—отмалчивайся, а то вѣрно прибьетъ и очень больно. Загремитъ домовой въ поставцѣ

посудой — осторожнѣе обращайся съ огнемъ и зорко поглядывай, не зарони искры, не вспыхнула бы непотушенная головѣшка, не сдѣлался бы большой пожаръ и т. д. Плачетъ и охаетъ домовой — къ горю, а къ радостямъ скачетъ, пѣсни играетъ, смѣется; иногда, подыгрывая на гребешкѣ, предупреждаетъ о свадьбѣ въ семьѣ, и т. п.

Всѣ хорошо знаютъ, что домовой любитъ тѣ семьи, которыя живутъ въ полномъ согласіи, и тѣхъ хозяевъ, которые рачительно относятся къ своему добру, въ порядкѣ и чистотѣ держатъ свой дворъ. Если изъ такихъ кто-нибудь забудетъ, напр., замѣсить коровамъ кормъ, задать лошадямъ сѣна, то домовой самъ за него позаботится. За то лѣнивымъ и нерадивымъ онъ охотно помогаетъ запускать хозяйство и старается во всемъ вредить: заѣзживаетъ лошадей, мучаетъ и бьетъ скотину; забиваетъ ее въ уголъ яслей, кладетъ ее вверхъ ногами въ колоду, засоряетъ навозомъ дворъ, давитъ каждую ночь и сбрасываетъ съ печи и полатей на полъ хозяина, хозяйку, и дѣтей ихъ, и т. д. Впрочемъ, помирится съ разсерженнымъ домовымъ не трудно,—для этого стоитъ только положить ему подъ ясли нюхательнаго табаку, до котораго онъ большой охотникъ, или вообще сдѣлать какой-нибудь подарокъ, вродѣ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, старинной копѣйки съ изображеніемъ Егорья на конѣ, или просто горбушки хлѣба, отрѣзанной отъ непочатаго каравая. Однако, иногда бываетъ и такъ, что, любя хорошихъ хозяевъ, онъ, между тѣмъ, мучаетъ скотину, а кого любитъ, — на того наваливается во снѣ и на яву, не разбирая ни дня, ни ночи, но предпочитая, однако, сумерки. Захочетъ ли домовой объявиться съ печальнымъ или радостнымъ извѣстіемъ, или просто пошутить и попроказить,—онъ предпочитаетъ во всѣхъ такихъ случаяхъ принимать на себя видъ самихъ

хозяевъ. Только (какъ успѣвали замѣчать нѣкоторые) не умѣетъ онъ при этомъ прятать своихъ лошадиныхъ ушей. Въ такомъ образѣ домовой не прочь и пособить рабочимъ, и угостить иного даже курительнымъ табакомъ и помѣшать конокрадамъ, вырядившись для этого въ хозяйское платье и расхаживая по двору цѣлую ночь съ вилами въ рукахъ и т. п. Подъ г. Орломъ разсказываютъ что однажды домовые такъ раздобрились для своихъ любимыхъ хозяевъ, что помогали имъ въ полевыхъ работахъ, а одного неудачливаго хозяина спасли тѣмъ, что наладили его на торговлю и дали возможность расторговаться съ такимъ успѣхомъ, что всѣ дивились и завидовали. Заботы и любовь свою къ семьямъ иной «доможилъ» простираетъ до такой степени, что мѣшаетъ тайнымъ грѣхамъ супруговъ и, куда не поспѣетъ во время, наказываетъ виноватаго тѣмъ, что наваливается на него и каждую ночь душитъ. При этомъ, такъ какъ всей нечистой силѣ воспрещено самимъ Богомъ прикасаться къ душѣ человѣческой, то, имѣя власть надъ однимъ тѣломъ, домовые не упускаютъ случая пускать въ ходъ и шлепки до боли и щипки до синяковъ. Не успѣетъ виновная, улегшись спать, хорошенько забыться, какъ почувствуетъ въ ногахъ тяжесть и пойдетъ эта тяжесть подниматься къ горлу, а тамъ и начнетъ мять такъ сильно, что затрещатъ кости и станетъ захватывать дыханіе. Въ такихъ случаяхъ есть только одно спасеніе молитва, да и то надо изловчиться, сумѣть собраться съ духомъ и успѣть проговорить вслухъ ту самую, которую не любятъ всѣ нечистые: «Да воскреснетъ Богъ» *)...

*) Во многихъ глухихъ мѣстахъ Костр. губ., а по свѣдѣніямъ отъ сотрудниковъ и въ Калужской, сохранился очень древній обычай подвѣшивать надъ стойлами конюшенъ и надъ насѣстами въ курятникахъ

Пока наступитъ та блаженная пора, когда эта великая молитва громко раздастся на всю святую Русь и оцѣпенѣетъ на-мертво вся нечистая сила, наивные деревенскіе хозяева долго еще будутъ, темною ночью, безъ шапки, въ одной рубахѣ, ходить въ старый домъ и съ поклонами упрашивать домового духа пожаловать въ новыя хоромы, гдѣ въ подъизбицѣ самой хозяйской приготовлено ему угощеніе: присоленый небольшой хлѣбецъ и водка въ чашкѣ. Суевѣрія, основанныя на воззрѣніи на природу, тѣмъ дороги и милы простому, нетронутому сомнѣніями уму, что успокоительно прикрываютъ черствую и холодную дѣйствительность и даютъ возможность объяснять сложныя явленія самыми простыми и подручными способами. Проказами домоваго объясняютъ какъ ненормальныя уклоненія и болѣзненныя отправленія организма, такъ и всевозможные случаи повседневной жвзни. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Усиленно катается по полу лошадь и мучительно чешется объ стѣнку и ясли не потому, что недобрый человѣкъ посадилъ ей въ гриву и хвостъ вѣтку шиповника, а потому, что ее не взлюбилъ домовой. На утренней зарѣ холеный иноходецъ оказался весь въ мылѣ не оттого, что сейчасъ вернулся на немъ молодой парень, всю ночь гулявшій тайкомъ отъ отца и ѣздившій по сосѣднимъ посѣдкамъ съ пѣснями и товарищами, а потому, что на немъ ѣздилъ домовой. Поднялось у молодой бабы въ крови бушеванье и почудилось ей, будто подходитъ къ ней милый жметъ и давитъ,—опять виноватъ домовой, потому что какъ только баба изловчилась прочитать «Отчу»—все и пропало.

„куриныхъ и лошадиныхъ боговъ". Для коней таковымъ „богомъ" служитъ особенный камень съ дырой, для куръ — горлышко отъ кувшина.

III.

ДОМОВОЙ-ДВОРОВОЙ.

Какъ ни просто деревенское хозяйство, какъ ни мелка, повидимому, вся обстановка домашняго быта, но одному домовому-доможилу со всѣмъ не управиться. Не только у богатаго, но у всякаго мужика для домового издревле полагаются помощники. Ихъ работа, въ однихъ мѣстахъ, не считается за самостоятельную, и вся цѣликомъ приписывается одному «хозяину». Въ другихъ же мѣстахъ умѣютъ догадливо различать труды каждаго домашняго духа въ отдѣльности. Домовому-доможилу приданы въ помощь: дворовой, банникъ, овинникъ (онъ же и гуменникъ) и шишимора-кикимора; лѣшему помогаетъ «полевой», водяному «ичетики и шишиги» вмѣстѣ съ русалками.

Дворовой-домовой получилъ свое имя, по мѣсту обычнаго жительства, а по характеру отношеній къ домовладѣльцамъ, онъ причисленъ къ злымъ духамъ, и всѣ разсказы о немъ сводятся къ мученіямъ тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ онъ не взлюбитъ (всегда и неизмѣнно дружитъ только съ собакой и козломъ). Это онъ устраиваетъ такъ, что скотина спадаетъ съ тѣла, отбиваясь отъ корму; онъ же путаетъ ей гриву, обрѣзаетъ и общипываетъ хвостъ и проч. Это противъ него всякій хозяинъ на потолкѣ хлѣва или конюшни подвѣшиваетъ убитую сороку, такъ какъ дворовой-домовой ненавидитъ эту сплетницу-птицу. Это его, наконецъ, стараются ублажать всякими мѣрами, предупреждать его желанія, угождать его вкусамъ: не держатъ бѣлыхъ кошекъ, бѣлыхъ собакъ и си-

выхъ лошадей (соловыхъ и буланыхъ онъ тоже обижаетъ, а холитъ и гладитъ вороныхъ и сѣрыхъ). Если же случится такъ, что нельзя отказаться отъ покупки лошадей нелюбимой масти, то ихъ вводятъ во дворъ, пригоняя съ базара, не иначе, какъ черезъ овчинную шубу, разостланную въ воротахъ, шерстью вверхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ точно также хозяйки ухаживаютъ около новорожденныхъ животныхъ, зная, что дворовой не любитъ ни телятъ, ни овецъ: либо изломаетъ, либо и вовсе задушитъ. Поэтому-то такихъ новорожденныхъ и стараются всегда унести изъ хлѣва и поселяютъ въ избѣ вмѣстѣ съ ребятами, окружая ихъ такимъ же попеченіемъ: принесеннаго сейчасъ же суютъ головой въ устье печи, или, какъ говорятъ, «водомляютъ» (сродняютъ съ домомъ). На дворѣ этому домовому не подчинены однѣ только куры: у нихъ имѣется свой богъ.

Прибѣгая къ точно такимъ же мѣрамъ умилостивленія домового-дворового, какъ и домового-доможила, люди не всегда, однако, достигаютъ цѣли: и дворовой точно также то мирволитъ, то, безъ всякихъ видимыхъ поводовъ, начинаетъ проказить, дурить, причиняя постоянныя безпокойства, явные убытки въ хозяйствѣ и проч. Въ такихъ случаяхъ примѣняютъ рѣшительныя мѣры и, вмѣсто ласки и угожденій, вступаютъ съ нимъ въ открытую борьбу и нерѣдко въ рукопашную драку.

По вологодскимъ мѣстамъ, крестьяне, обезумѣвшіе отъ злыхъ проказъ дворовыхъ, тычутъ навозными вилами въ нижнія бревна двора съ приговоромъ: «вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, за то-то и вотъ это». По нѣкоторымъ мѣстамъ (напр. въ Новгородской губ.) догадливый и знающій хозяинъ запасается ниткой изъ савана мертвеца, вплетаетъ ее въ треххвостную ременную плеть и залѣпляетъ воскомъ. Въ

самую полночь, засвѣтивъ эту нитку, и держа ее въ лѣвой рукѣ, онъ идетъ во дворъ и бьетъ плетью по всѣмъ угламъ хлѣва и подъ яслями:—авось какъ-нибудь попадетъ въ виновнаго.

Нерѣдко домохозяева терпятъ отъ ссоръ, какія заводятъ между собой сосѣдніе дворовые—несчастье, которое нельзя ни отвратить, ни предусмотрѣть. Въ Волог. г. (въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Васьяновской волости) злой «дворовушко» позавидовалъ своему сосѣду, доброму дворовушкѣ, въ томъ, что у того и коровы сыты, и у лошадей шерсть гладка и даже лоснится. Злой провертѣлъ дыру въ чанѣ, въ которомъ добрякъ-дворовой возилъ въ полночь съ рѣки воду. Лилъ потомъ добрякъ, лилъ воду въ чанъ, и все ждалъ, пока она сравняется съ краями, да такъ и не дождался: и съ горя на мѣстѣ повисъ подъ нижней губой лошадки ледяной сосулькой въ видѣ «маленькаго человѣка въ шерсти».

Оттуда же (изъ-подъ Кадникова) получена и такая повѣсть (записанная въ дер. Куровской, какъ событіе 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія).

«Жила у насъ старая дѣвка, незамужняя; звали ее Ольгой. Ну, все и ходилъ къ ней дворовушко спать по ночамъ, и всякой разъ заплеталъ ей косу и наказывалъ: «если ты будешь ее расплетать, да чесать, то я тебя задавлю». Такъ она и жила нечесой до 35 годовъ, — и не мыла головы, и гребня у себя не держала. Только выдумала она выдти замужъ, и когда насталъ дѣвичникъ, пошли дѣвки въ баню и ее повели съ собой, незамужнюю-ту, старую дѣвку, невѣсту-ту. Въ банѣ стали ее мыть. Начали расплетать косу и долго не могли ее расчесать: такъ-то круто закрѣпилъ ее дворовушко. На другое утро надо было вѣнчаться—пришли къ невѣстѣ, а она въ постели

лежитъ мертвая, и вся черная: дворовушко-то ее и задавилъ».

Не только въ трудахъ и дѣлахъ своихъ дворовой похожъ на доможила, но и внѣшнимъ видомъ отъ него ни въ чемъ не отличается (такъ же похожъ на каждаго живаго человѣка, только весь мохнатый). Затѣмъ все, что приписывается первому, служитъ лишь повтореніемъ того, что говорятъ про втораго. И замѣчательно, что во всѣхъ подобныхъ разсказахъ нѣтъ противорѣчій между полученными изъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній и тѣми, которые присланы изъ черноземной полосы Великороссіи (изъ губ. Орловской, Пензенской и Тамбовской). Въ сообщеніяхъ изъ этихъ губерній замѣчается лишь разница въ пріемахъ умилостивленія: здѣсь напластывается наибольшее количество пріемовъ символическаго характера, съ явными признаками древнѣйшаго происхожденія. Вотъ, напр., какъ дарятъ двороваго въ Орловской губ.: берутъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, овечьей шерсти, мишуры изъ блестокъ, хотя бы бумажныхъ, старинную копѣйку съ изображеніемъ коня, горбушку хлѣба, отрѣзанную отъ цѣлаго коровая, и несутъ все это въ хлѣвъ, и читаютъ молитву:

— Царь дворовой, хозяинъ домовой, сусѣдушко-доброхотушко!—я тебя дарю-благодарю: скотину прими—попой и накорми.

Этотъ даръ, положенный въ ясли, далекъ по своему характеру отъ того, который подносятъ этому же духу на сѣверѣ, въ лѣсахъ,—на навозныхъ вилахъ или на кончикѣ жесткой плети.

Домовые-дворовые обязательно полагаются для каждаго деревенскаго двора, какъ домовой-доможилъ для каждой избы, и баенники для всякой бани, овинники или гуменники для всѣхъ безъ исключенія ригъ и гуменъ (гуменъ,

открытыхъ со всѣхъ сторонъ, и ригъ, прикрытыхъ бревенчатыми срубами съ непротекающими крышами). Вся эта нечисть—тѣ же домовые, отличные лишь по болѣе злобнымъ свойствамъ, по мѣсту жительства и по затѣйнымъ проказамъ.

IV.

БАЕННИКЪ.

Закоптѣлыми и обветшалыми стоятъ вразсыпную, по оврагамъ и косогорамъ, утлыя баньки, нарочно выставленныя изъ порядка прочихъ деревенскихъ строеній, готовыя вспыхнуть, какъ порохъ, непрочныя и недолговѣчныя. По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ видно, что объ нихъ никто не заботился и, изживая недолгій вѣкъ въ полномъ забросѣ, бани всегда имѣютъ видъ зданій, обреченныхъ на сломъ. А между тѣмъ ихъ задымленныя стѣны слышатъ первые крики новорожденнаго русской крестьянской семьи и первые вздохи будущаго кормильца—пахаря. Здѣсь, въ жаркомъ пару, расправляетъ онъ, когда придетъ въ возрастъ, натруженные тяжелой работой члены тѣла и смываетъ трудовой потъ, чтобы, освѣженнымъ и подбодреннымъ, идти на новые безконечные труды. Сюда несетъ свою тоску молодая дѣвушка, обреченная посвятить свои силы чужой семьѣ и отдать свою волю въ иныя руки; здѣсь въ послѣдній разъ тоскуетъ она о родительскомъ домѣ наканунѣ того дня, когда приметъ «законъ» и благословеніе церкви. Подъ такими тягостными впечатлѣніями въ одномъ изъ причетовъ, засчитывающихъ баню-парушу въ число живыхъ недоброхотовъ, выговорилось про нее такое укоризненное слово:

На чужой то, на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ незнакомой:
На болотѣ баня рублена,
По сырому бору катана,
На лютыхъ звѣряхъ вожена,
На проклятомъ мѣстѣ ставлена.

Укоры справедливы. Несмотря на то, что «баня паритъ, баня правитъ, баня все исправитъ».—она издревле признается нечистымъ мѣстомъ, а послѣ полуночи считается даже опаснымъ и страшнымъ: не всякій рѣшается туда заглянуть, и каждый готовъ ожидать какой-нибудь непріятности, какой-нибудь случайной и неожиданной встрѣчи. Такая встрѣча можетъ произойти съ тѣмъ нечистымъ духомъ изъ нежити, который, подъ именемъ баенника, поселяется во всякой банѣ за каменкой, всего же чаще подъ полкомъ, на которомъ обычно парятся. Всему русскому люду извѣстенъ онъ за злого недоброхота. «Нѣтъ зляе банника, да нѣтъ его добряе».—говорятъ въ коренной новгородчинѣ подъ Бѣлозерскомъ; но здѣсь же твердо вѣрятъ въ его всегдашнюю готовность вредить и строго соблюдаютъ правила угодничества и заискиванья.

Вѣрятъ, что банникъ всегда моется послѣ всѣхъ, обыкновенно раздѣляющихся на три очереди, а потому четвертой перемѣны или четвертаго пара всѣ боятся: «онъ» накинется—станетъ бросаться горячими камнями изъ каменки, плескаться кипяткомъ; если не убѣжишь умѣючи, т. е. задомъ напередъ, онъ можетъ совсѣмъ зашпарить. Этотъ часъ духъ считаетъ своимъ и позволяетъ мыться только чертямъ; для людей же банная пора въ деревняхъ обыкновенно полагается около 5—7 часовъ по полудни.

Послѣ трехъ перемѣнъ посѣтителей, въ банѣ моются черти, лѣшіе, овинники и сами банники. Если кто-нибудь

въ это время пойдетъ париться въ баню, то живымъ оттуда не выйдетъ: черти его задушатъ, а людямъ покажется, что тотъ человѣкъ угорѣлъ или запарился. Это повѣрье о четвертой роковой банной «смѣнѣ» распространено на Руси повсемѣстно.

Заискиваютъ расположеніе банника тѣмъ, что приносятъ ему угощеніе изъ куска ржанаго хлѣба, круто посыпаннаго крупною солью. А чтобы навсегда отнять у него силу и охоту вредить, ему приносятъ въ даръ черную курицу. Когда выстроятъ, послѣ пожара, новую баню, то такую курицу, не ощипывая перьевъ, душатъ (а не рѣжутъ) и въ такомъ видѣ закапываютъ въ землю подъ порогомъ бани, стараясь подогнать время подъ чистый четвергъ. Закопавши курицу, уходятъ изъ бани задомъ и все время отвѣшиваютъ поклоны на баню безсмѣнному и сердитому жильцу ея. Банникъ стремится владѣть баней нераздѣльно и недоволенъ всякимъ, покусившимся на его права, хотя бы и временно. Зная про то, рѣдкій путникъ, застигнутый ночью, рѣшится искать здѣсь пріюта, кромѣ развѣ сибирскихъ бродягъ и бѣглыхъ, которымъ, какъ извѣстно, все на свѣтѣ нипочемъ. Идущій же на заработки и не имѣющій, чѣмъ заплатить за ночлегъ, предпочитаетъ выспаться гдѣ-нибудь въ стогу, подъ сараемъ, подъ ракитовымъ или можжевелевымъ кустомъ. Насколько баенникъ высоко цѣнитъ прямую цѣль назначенія своего жилища, видно изъ того, что онъ мститъ тѣмъ хозяевамъ, которые это назначеніе измѣняютъ. Такъ, во многихъ сѣверныхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ (напр., въ Вологод. губ.) въ баню вовсе не ходятъ, предпочитая париться въ печкахъ, которыя занимаютъ цѣлую $^1/_3$ избы. Бани же здѣсь хотя и существуютъ, но благодаря хоро-

шимъ урожаямъ льна, и по причинѣ усиленныхъ заграничныхъ требованій этого продукта, сбываемаго черезъ архангельскій портъ, онѣ превращены въ маленькія фабрички-трепальни и чесальни. Тѣхъ, кто залѣзаетъ въ печь, баенникъ, помимо власти и разрѣшенія домового, иногда такъ плотно заставляетъ заслонкой, что либо вытащатъ ихъ въ обморокѣ, либо они совсѣмъ задохнутся *). Не любитъ баенникъ также и тѣхъ смѣльчаковъ, которые хвастаются посѣщеніемъ его жилища не въ указанное время. Такъ какъ на немъ лежитъ прямая обязанность удалять изъ бани угаръ, то въ его же правѣ наводить угаръ на тѣхъ, кѣмъ онъ недоволенъ. На такіе случаи существуетъ много разсказовъ.

Нарушающихъ установленныя имъ правила и требованія баенникъ немедленно наказываетъ своимъ судомъ, хотя бы въ родѣ слѣдующаго, который испыталъ на себѣ разсказчикъ изъ пензенскихъ мужичковъ. Какъ-то запоздавши въ дорогѣ, забрался онъ, передъ праздникомъ, въ свою баню, послѣ полуночного часа. Но, раздѣваясь, въ торопяхъ, вмѣстѣ съ рубахой, прихватилъ съ шеи крестъ, а когда полѣзъ на полокъ париться, то никакъ не могъ оттуда слѣзть по добру по здорову. Вѣники сами собой такъ и бьютъ по бокамъ. Кое-какъ, однако, слѣзъ, сунулся въ дверь, а она такъ притворена, что и не отдерешь. А вѣники все свое дѣлаютъ—хлещутъ. Спохватилась баба, что долго нѣтъ мужа, стала въ оконцо звать—не откликается, начала ломиться въ дверь—не поддается. Вызвонила она ревомъ сосѣдей. Эти пришли помогать: рубили дверь топорами—только искры летятъ, а щепокъ нѣтъ.

*) Во Владимірской губ., между прочимъ, держится такое повѣрье, что мыться въ баняхъ не грѣшно только мужнимъ женамъ, а вдовамъ и дѣвицамъ грѣшно: „но, если съ молитвой, то и имъ прощается“.

Пришла на выручку баба-знахарка, окропила дверь святой водой, прочла свою молитву и отворила. Мужикъ лежалъ безъ памяти; насилу оттерли его снѣгомъ.

Опытные люди отвращаютъ злые навѣты своихъ баенниковъ тѣмъ вниманіемъ, какое оказываютъ имъ всякій разъ при выходѣ изъ бани. Всегда въ кадушкахъ оставляютъ немного воды и хоть маленькій кусочекъ мыла, если только не мылись щелокомъ; вѣники же никогда не уносятъ въ избу. Вотъ почему зачастую разсказываютъ, какъ, проходя ночью мимо бани, слышали, съ какимъ озорствомъ и усердіемъ хлещутся тамъ черти и при этомъ жужжатъ, словно бы разговариваютъ, но безъ словъ. Одинъ прохожій осмѣлился и закричалъ: «поприбавьте пару!»—и вдругъ все затихло, а у него у самого морозъ побѣжалъ по тѣлу, и волосы встали дыбомъ.

Вообще, шутить съ собой баенникъ не позволяетъ, но разрѣшаетъ на святкахъ приходить къ нему завораживаться, причемъ самое гаданье происходитъ слѣдующимъ образомъ: гадающій просовываетъ въ двери бани голую спину, а баенникъ либо бьетъ его когтистой лапой—(къ бѣдѣ), либо нѣжно гладитъ мохнатой и мягкой, какъ шелковая, большой ладонью—(къ счастью). Собрались о святкахъ (около Кадникова, Вологод. губ.) дѣвушки на бесѣду, а ребята на что-то разсердились на нихъ, — не пришли. Сдѣлалось скучно, одна дѣвка и говоритъ подругамъ:

— Пойдемте, дѣвки, слушать къ банѣ, что намъ баенникъ скажетъ.

Двѣ дѣвки согласились и пошли. Одна и говоритъ:

Сунь-ка дѣвка, руку въ окно: банникъ-отъ насадитъ тебѣ золотыхъ колецъ на пальцы.

— А ну-ка, дѣвка, давай ты сначала сунь, а потомъ и я.

Та и сунула, а банникъ-отъ и говоритъ:

— Вотъ ты и попалась мнѣ.

За руку схватилъ и колецъ насадилъ, да желѣзныхъ: всѣ пальцы сковалъ въ одно мѣсто, такъ что и разжать ихъ нельзя было. Кое-какъ выдернула она изъ окна руку, прибѣжала домой впопыхахъ и въ слезахъ, и лица на ней нѣтъ отъ боли. Едва собралась она съ такими словами:

— Вотъ, дѣвушки, смотрите, какихъ банникъ-отъ колецъ насажалъ. Какъ же я теперь буду жить съ такой рукой? И какой банникъ-отъ страшный: весь мохнатый и рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Какъ насаживалъ онъ мнѣ кольца, я все ревѣла. Теперь ужъ больше не пойду къ банямъ слушать *).

Въ сущности банникъ старается быть невидимымъ, хотя нѣкоторые и увѣряютъ, что видали его, и что онъ старикъ, какъ и всѣ духи, ему сродные: не даромъ же они прожили на бѣломъ свѣтѣ и въ русскомъ мірѣ такое неисчислимое количество лѣтъ.

Впрочемъ, хотя этотъ духъ и невидимъ, но движенія его всегда можно слышать въ ночной тишинѣ—и подъ полкомъ, и за каменкой, и въ кучѣ свѣжихъ неопаренныхъ вѣниковъ. Особенно чутки къ подобнымъ звукамъ роженицы, которыхъ по этой причинѣ никогда не оставляютъ въ баняхъ въ одиночествѣ: всегда при нихъ неотлучно находится какая-либо женщина, если не сама бабка-повитуха. Всѣ твердо убѣждены, что банникъ очень любитъ, когда приходятъ къ нему жить родильницы до третьяго дня послѣ родовъ, а тѣмъ паче на недѣлю, какъ это водится у богатыхъ и добрыхъ мужиковъ. Точно также всѣ безспорно

*) Сообщившій этотъ случай прибавляетъ, что мѣстные крестьяне считаютъ разсказъ вполнѣ достовѣрнымъ.

вѣрять, что баница—мѣста поганыя и очень опасныя, и если пожару приведется освободить ихъ и очистить, то ни одинъ добрый хозяинъ не рѣшится поставить тутъ избу и поселиться: либо одолѣютъ клопы, либо обездолитъ мышь и испортитъ весь носильный скарбъ. Въ сѣверныхъ же лѣсныхъ мѣстахъ твердо убѣждены, что баенникъ не дастъ покоя и передушитъ весь домашній скотъ: не поможетъ тогда ни закладка денегъ въ углахъ избянаго сруба, ни разводка муравейника среди двора и тому подобное.

V.

ОВИННИКЪ.

(Туменникъ).

На деревенскихъ задворкахъ торчатъ безобразныя, бревенчатыя строенія—овины. Словно чудовища съ разинутой черной пастью, готовою проглотить человѣка цѣликомъ, обступаютъ они со всѣхъ сторонъ ряды приземистыхъ жилыхъ избъ. Въ сумерки, а особенно ночью, при легкомъ просвѣтѣ на утреннихъ зоряхъ, овины своимъ неуклюжимъ видомъ настраиваютъ воображеніе простого человѣка на фантастическій ладъ и будятъ въ душѣ его суевѣрный страхъ. Задымленные и почернѣлые какъ уголь, овины являютъ изъ себя (какъ подсказываетъ загадка) «лютаго волчища, у него выхваченъ бочище, не дышетъ, а пышетъ».

Такъ какъ безъ огня овинъ не высушишь, а сухіе снопы—что порохъ, то и суждено овинамъ горѣть. И горятъ овины сплошь и рядомъ вездѣ и каждую осень. Кому же приписать эти несчастія, сопровождающіяся, зачастую, тѣмъ, что огонь испепелитъ все гумно со всѣмъ хлѣбнымъ старымъ запасомъ и новымъ сборомъ? Кого же завинить въ трудно поправимомъ горѣ, какъ не злого духа, и притомъ совершенно особеннаго?

Вотъ онъ и сидитъ въ нижней части строеній, гдѣ разводятъ теплины и днемъ пекутъ деревенскіе ребята

картошку,—сидитъ въ самомъ углу подлаза, днемъ и ночью. Увидѣть его можно лишь во время Свѣтлой заутрени Христова дня: глаза у него горятъ калеными угольями, какъ у кошки, а самъ онъ похожъ на огромнаго кота, величиной съ дворовую собаку,—весь черный и лохматый. Овинникъ умѣетъ лаять по собачьи и, когда удается ему напакостить мужикамъ, хлопаетъ въ ладоши и хохочетъ не хуже лѣшаго. Сидѣть подъ садиломъ въ яминѣ (отчего чаще зовутъ его «подовинникомъ») указано ему для того, чтобы смотрѣть за порядками кладки сноповъ, наблюдать за временемъ и сроками, когда и какъ затоплять овинъ, не позволять дѣлать этого подъ большіе праздники, особенно на Воздвиженьевъ день и Покровъ, когда, какъ извѣстно, всѣ овины бываютъ «имянинниками» и, по стариннымъ деревенскимъ законамъ, должны отдыхать (съ перваго Спаса ихъ готовятъ). Топить овины въ завѣтные дни гуменникъ не позволяетъ: и на добрый случай—пихнетъ у костра въ бокъ такъ, что едва соберешь дыханіе; на худой же конецъ, разгнѣвается такъ, что закинетъ уголь между колосниками и дастъ всему овину заняться и сгорѣть. Не позволяетъ также сушить хлѣба во время сильныхъ вѣтровъ и безжалостно больно за это наказываетъ.

Гуменникъ, хотя и считается домовымъ духомъ, но самымъ злымъ изъ всѣхъ: его трудно ублажить-смирить, если онъ разсердится и въ сердцахъ залютуетъ. Тогда на овинъ рукой махни: ни кресты по всѣмъ угламъ, ни молитвы, ни икона Богоматери Неопалимой Купины не помогутъ, и хоть шубу выворачивай мѣхомъ наружу и стереги гумна съ кочергой въ рукахъ на Агафона—огуменменника (22-го Августа). Ходятъ слухи, что въ иныхъ мѣстахъ (напр., въ Костр. губ.) овинника удается задабривать въ его именинные дни. Съ этой цѣлью прино-

сятъ пироги и пѣтуха: пѣтуху на порогѣ отрубаютъ голову и кровью кропятъ по всѣмъ угламъ, а пирогъ оставляютъ въ подлазѣ. Однако, свѣдующіе люди этимъ пріемамъ не довѣряютъ и разсказы принимаютъ за сказки.

Въ Брянскихъ лѣсныхъ мѣстахъ (въ Орлов. г.), разсказываютъ такой случай, который произошелъ съ бабой, захотѣвшей въ чистый понедѣльникъ въ ригѣ ленъ трепать для пряжи. Только что успѣла она войти, какъ кто-то затопалъ, что лошадь, и захохоталъ такъ, что волоса на головѣ встали дыбомъ. Товарка этой бабы, со страху, кинулась бѣжать, а смѣлая баба продолжала трепать ленъ столь долго, что домашніе начали безпокоиться. Пошли искать и не нашли: какъ въ воду канула. Настала пора мять пеньку, пришла вся семья и видятъ на гребнѣ какую-то висячую кожу. Начали взглядываться и перепугались: вся кожа цѣла, и можно было различить на ней и лицо, и волосы, и слѣды пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Въ Смоленщинѣ (около Юхнова) вздумалъ мужикъ сушить овинъ на Михайловъ день. Гуменникъ, за такое кощунство, вынесъ его изъ «подлаза», на его глазахъ подложилъ подъ каждый уголъ овина головешки съ огнемъ и столь застращалъ виновнаго, что онъ за одинъ годъ посѣдѣлъ какъ лунь. Въ вологодскихъ краяхъ гуменника настолько, боятся, что не осмѣливаются топить и чистить овинъ въ одиночку: всегда ходятъ вдвоемъ или втроемъ.

Изъ Калужской г. (Мещовскаго у.) получились такія вѣсти. Лѣтъ 40—50 тому назадъ, одного силача, по имени Валуя, овинникъ согнулъ въ дугу на всю жизнь за то, что онъ топилъ овинъ не въ указанный день и самъ сидѣлъ около ямы *). Пришелъ этотъ невидимка-сторожъ въ видѣ

*) На Феклу-заревницу (зарево отъ овинныхъ огней), происходятъ обыкновенно „замолотки“ (начинаютъ молотить по утрамъ съ огнемъ): это первый именинный овинъ: на Покровъ—вторыя именины.

человѣка и начать совать Валуя въ овинную печку, да не могъ изжарить силача, а только помялъ его и согнулъ. Самого овинника схватилъ мужикъ въ охапку и закинулъ въ огонь. Однако, это не прошло ему даромъ: выместила злобная нечисть на сынѣ Валуя—тоже ражемъ дѣтинѣ и силачѣ, и тоже затопившемъ овинъ подъ великій праздникъ: гуменникъ поджегъ овинъ и спалилъ малаго. Нашли его забитымъ подъ стѣну и всѣ руки въ ссадинахъ—знать отбивался кулаками.

На кулакахъ же ведутъ свои разсчеты всѣ эти духи, и тогда, когда случается, что они между собою не поладятъ. Вотъ что пишутъ на этотъ счетъ изъ Бѣлозерскаго уѣзда (Новг. г.).

Къ одному крестьянину приходитъ вечеромъ захожій человѣкъ и проситъ:

— Укрой меня къ ночи,—пусти ночевать.

— Вишь, у самого какая тѣснота. Ступай въ баню: сегодня топили.

— Ну, вотъ и спасибо, я тамъ и переночую.

На другое утро вернулся чужакъ изъ бани и разсказываетъ:

«Легъ я на полокъ и заснулъ. Вдругъ входитъ въ баню такой мужикъ, ровно бы подовинникъ, и говоритъ:

— Эй, хозяинъ. На бесѣду къ себѣ меня звалъ, а самъ пущаешь ночлежниковъ: я вотъ его задушу.

Поднялся той порой половица и вышелъ самъ банникъ.

— Я его пустилъ, такъ я его и защищаю. Не тронь.

И начали они бороться. Боролись долго, а все не могутъ одолѣть другъ друга. Вдругъ банникъ крикнулъ мужику:

— «Сыми крестъ, да хлещи его.

Поднялся я кое-какъ, сталъ хлестать,—оба они и пропали».

Угожденія и почетъ гуменникъ такъ-же любитъ, какъ всѣ его нечистые родичи. Догадливые и опытные люди не иначе начинаютъ топить овинъ, какъ попросивъ у «хозяина» позволенія. А вологжане (Кадников. у.) сохраняютъ еще такой обычай: послѣ того, какъ мужикъ сбросить съ овина послѣдній снопъ, онъ: передъ тѣмъ какъ ему уходить домой, обращается къ овину лицомъ, снимаетъ шапку и съ низкимъ покломъ говоритъ:—«Спасибо, батюшка-овинникъ: послужилъ ты нынѣшней осенью вѣрой и правдой».

Не отказываетъ овинникъ въ своей помощи (по части предсказанія судьбы) и тѣмъ дѣвицамъ, которыя настолько смѣлы, что дерзаютъ, мимо бань, ходить гадать къ нему на гумно. Та, которой досталась очередь гадать первой, поднимаетъ наголову платье (какъ и въ баняхъ) и становиться задомъ къ окну сушила:

— Овинникъ-родимчикъ, суждено, что ли, мнѣ въ нынѣшнемъ году замужъ идти?

А гадаютъ объ этомъ всегда на Васильевъ: вечеръ (въ канунъ Новаго года), въ полночь между вторыми и и третьими пѣтухами (излюбленное время у овинника и самое удобное для заговоровъ).

Погладитъ овинникъ голой рукой—дѣвушка будетъ жить замужемъ бѣдно, погладитъ мохнатой—богато жить. Иныя въ садило суютъ руку, и дѣлаютъ подобные же выводы смотря потому, какъ ее погладитъ. А если никто не тронетъ,—значитъ въ дѣвкахъ сидѣть.

VI.

КИКИМОРА.

Не столь многочисленные и не особенно опасные духи изъ нечисти, подъ именемъ «кикиморы», принадлежатъ исключительно Великороссіи, хотя, корень этого слова указываетъ на его древнее и общеславянское происхожденіе. На то же указываютъ и остатки народныхъ вѣрованій, сохранившихся среди славянскихъ племенъ. Такъ въ Бѣлоруссіи, сохранившей подъ шумокъ борьбы двухъ вѣроученій — православнаго и католическаго, — основы языческаго культа, существуетъ, такъ называемая, Мара. Здѣсь указываютъ и тѣ мѣста, гдѣ она завѣдомо живетъ (такихъ мѣстъ пишущему эти строки на могилевскомъ Днѣпрѣ и его притокахъ указали счетомъ до пяти) и повѣствуютъ объ ея явленіяхъ вживѣ. Въ сѣверной лѣсной Россіи объ Марѣ сохранилось самое смутное представленіе, и то въ очень немногихъ мѣстахъ *). Зато въ Малороссіи явно таскаютъ по улицамъ при встрѣчѣ весны (1 марта) съ пѣніемъ «веснянокъ» чучело, называемое марой или маре,

*) Напр., въ Пошехоньѣ, гдѣ „Мару“ представляютъ красивой, высокой дѣвушкой, одѣтой во все бѣлое, но зовутъ ее „полудницей“, относя прямо къ „полевымъ духамъ“. Въ Олонецкой губ. мара—невидимое существо, живущее въ домѣ помимо домового, но съ явными признаками кикиморы (прядетъ по ночамъ на прялкѣ, которую забыли благословить, рветъ куделю, путаетъ пряжу и. т. п.).

ной, а великорусскій морокъ—та же мрачность или темнота—вызвала особенную молитву на тѣ случаи, когда эта морока желательна или вредна для урожая.

Такъ, напр., въ концѣ іюля, называемомъ «калиниками», (отъ мученика Калинника, 29 іюля), на всемъ русскомъ сѣверѣ молятъ Бога пронести калинники морокомъ, т. е. туманомъ, изъ опасенія несчастья отъ проливныхъ дождей, особенно же отъ градобоя. Если же на этотъ день поднимается туманъ, то разсчитываютъ на урожай яровыхъ хлѣбовъ («припасай закрому на овесъ съ ячменемъ»). Солнце садится въ морокъ—всегда къ дождю и проч.

Если къ самостоятельному слову «моръ» приставить слово «кика», въ значеніи птичьяго крика или киканья, то получится тотъ самый дворовый духъ, который считается злымъ и вреднымъ для домашней птицы. Эта кикимора однозначуща «съ шишиморой»: подъ именемъ ея она, зачастую, и слыветъ во многихъ великорусскихъ мѣстностяхъ. А въ этомъ случаѣ имѣется уже прямое указаніе на «шишей» или «шишигу» — явную нечистую силу, живущую обычно въ овинахъ, играющую свадьбы свои въ то время, когда на проѣзжихъ дорогахъ вихри поднимаютъ пыль столбомъ. Это тѣ самые шиши, которые смущаютъ православныхъ. Къ шишамъ посылаютъ въ гнѣвѣ докучныхъ или непріятныхъ людей. Наконецъ, «хмѣльные шиши» бываютъ у людей, допившихся до бѣлой горячки (до чертиковъ).

Изъ обманчиваго, летучаго и легкаго, какъ пухъ, призрака южной Россіи, духъ «мара» у сѣверныхъ практическихъ великороссовъ превратился въ грубаго духа, въ мрачное привидѣніе, которое днемъ сидитъ «невидимкой» за печью, а по ночамъ выходитъ проказить. Въ иныхъ избахъ мара живетъ еще охотнѣе въ темныхъ и

и сырыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ голбцахъ или подъ-избицахъ. Отсюда и выходитъ она, чтобы проказить съ веретенами, прялкой и начатой пряжей *). Она беретъ то и другое, садится прясть въ любимомъ своемъ мѣстѣ: въ правомъ отъ входа углу, подлѣ самой печи. Сюда обычно сметаютъ соръ, чтобы потомъ сожигать его въ печи, а не выносить изъ избы на вѣтеръ и не накликать бѣды, изурочья и всякой порчи. Впрочемъ, хотя кикимора и прядетъ, но отъ нея не дождешься рубахи, говоритъ извѣстная пословица, а отсюда и насмѣшка надъ лѣнивыми: «спи, дѣвушка: кикимора за тебя спрядетъ, а мать выткетъ».

Одни говорятъ (въ Нов. г.), что кикиморы шалятъ во всѣ святки: другіе даютъ имъ для проказъ одну только ночь подъ Рождество Христово. Тогда онѣ треплютъ и сжигаютъ куделю, оставленную у прялокъ безъ крестнаго благословленія. Бываетъ также, что онѣ хищнически стригутъ овецъ. Во всѣхъ другихъ великорусскихъ губерніяхъ проказамъ шишиморы-кикиморы отводится безразлично все годичное время. Вездѣ и всѣ увѣрены также, что кикимора старается скрываться отъ людей, потому что если человѣку удастся накинуть на нее крестъ, то она такъ и останется на мѣстѣ.

Твердо убѣжденныя въ существованіи злыхъ силъ, обитательницы сѣверныхъ лѣсовъ (въ родѣ вологжанокъ), увѣряютъ, что видѣли кикимору живою и даже разсказываютъ на этотъ счетъ подробности:

---

*) Въ Калужской губ. (въ Жиздринскомъ у.) это же привидѣніе, которое видаютъ въ лунныя ночи за самопрялкой или за шитьемъ, такъ и называютъ—марой. Эта страшная растрепанная мара сидитъ и гремитъ самопрялкой. Какъ погремитъ, такъ и будешь одну куделю прясть цѣлый день; пошьетъ у кого, тотъ одну рубачку въ недѣлю не кончитъ: все будетъ перепарывать и. т. д.

— Одѣлась она по бабьему въ сарафанъ, только на головѣ кики не было, а волосы были распущены. Вышла она изъ голбца, сѣла на порогѣ подлѣ двери и начала оглядываться. Какъ завидѣла, что всѣ въ избѣ полегли спать и храпятъ, она подошла къ любимому мѣсту — къ воронцу (широкой и толстой доскѣ въ видѣ полки, на которой лежатъ полати), сняла съ него прялку и сѣла на лавку прясть. И слышно, какъ свиститъ у ней въ рукахъ веретено на всю избу, и какъ крутятся нитки и свертывается съ прялки куделя. Сидитъ ли, прядетъ ли, она безпрестанно подпрыгиваетъ на одномъ мѣстѣ (такая уже у ней особая привычка). Когда привидится она съ прялкой на передней лавкѣ, быть въ той избѣ покойнику. Передъ бѣдой же у дѣвицъ-кружевницъ (вологодскихъ) она начинаетъ перебирать и стучать коклюшками, подвѣшенными на кутузѣ-подушкѣ. Кого не взлюбитъ — изъ той избы всѣхъ выгонитъ.

Въ тѣхъ же вологодскихъ лѣсахъ (въ Никольскомъ уѣздѣ) въ одной избѣ, ходила кикимора по полу цѣлыя ночи и сильно стучала ногами. Но и того ей мало: стала гремѣть посудой, звонить чашками, бить горшки и плошки. Избу изъ-за нея бросили, и стояло то жилье впустѣ, пока не пришли сергачи съ плясуномъ-медвѣдемъ. Они поселились въ этой пустой избѣ, и кикимора, сдуру, не зная съ кѣмъ связываться, набросилась на медвѣдя. Медвѣдь помялъ ее такъ, чти она заревѣла и покинула избу. Тогда перебрались въ нее и хозяева, потому что тамъ совсѣмъ перестало «манить» (пугать). Черезъ мѣсяцъ подошла къ дому какая-то женщина и спрашиваетъ у ребятъ:

— Ушла ли отъ васъ кошка?

— Кошка жива да и котятъ принесла, — отвѣчали ребята.

Кикимора повернулась, пошла обратно, и сказала на ходу.

— Теперь совсѣмъ бѣда: зла была кошка, когда она одна жила, а съ котятами до нея и не доступишься.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, повадилась кикимора у мужика ѣздить по ночамъ на кобылѣ и бывало загоняетъ ее до того, что оставитъ въ ясляхъ всю въ мылѣ. Изловчился хозяинъ устеречь ее рано утромъ на лошади:

— Сидитъ небольшая бабенка, въ шамшурѣ (головномъ уборѣ—волосникѣ) и ѣздитъ вокругъ яслей. Я ее по головѣ-то плетью,—соскочила и кричитъ во все горло:

— Не ушибъ, не ушибъ, только шамшурку сшибъ.

Изо всѣхъ этихъ разсказовъ видно лишь одно, что образъ кикиморы, какъ жильца въ избахъ, началъ обезличиваться. Народъ считаетъ кикимору, то за самого домового, то за его жену (за каковую, между прочимъ, признаютъ ее и въ Ярославскомъ Пошехоньѣ, и въ Вятской сторонѣ), а въ Сибири водится еще и лѣсная кикимора—лѣшачиха*). Мало того, до сихъ поръ не установилось понятія, къ какому полу принадлежитъ этотъ духъ.

Опредѣленнѣе думаютъ тамъ, гдѣ этого проказника поселяютъ въ курятникахъ, въ тѣхъ уголкахъ хлѣвовъ,

*) Вятскіе обрусѣлые пермяки, такъ называемаго, Зюдлинскаго края, проходя мимо нечистаго мѣста, гдѣ живетъ ихъ „кусьдядя“ съ женой—„кикиморой“, слыхали въ ночную пору дѣтскій плачъ и говоръ. Значитъ, живутъ они семьями.

Въ хлѣвахъ у этихъ вятчанъ на мѣсто кикиморы живетъ „стрижъ“, который, поселившись среди овецъ, вмѣсто всякихъ паразитовъ, выстригаетъ у нелюбимыхъ животныхъ почти всю шерсть до-гола. Представляютъ себѣ этого злодѣя въ видѣ птицы сыча съ крыльями изъ мягкой кожи, непокрытой перьями.

гдѣ садятся на насѣсть куры. Здѣсь занятіе кикиморъ прямѣе. и самая работа виднѣе. Если куры отъ худого корма сами у себя выщипываютъ всѣ перья, то обвиняютъ кикимору. Чтобы не вредила она, вѣшаютъ подъ куриной нашестью лоскутья кумача или горлышко отъ разбитаго глинянаго умывальника, или отыскиваютъ самого «куричьяго бога». Это камень, нерѣдко попадающійся въ поляхъ въ природною сквозною дырою. Его и прикрѣпляютъ на лыкѣ къ жерди, на которой садятся куры. Только при такихъ условіяхъ не нападаетъ на куръ «вертунъ», (когда онѣ кружатся, какъ угорѣлыя, и падаютъ околѣвшими).

Въ вологодскихъ лѣсахъ (напр. въ отдаленной части Никольск. у.) за кикиморой числятся и добрыя свойства. Умѣлымъ и старательнымъ хозяйкамъ она даже покровительствуетъ: убаюкиваетъ по ночамъ маленькихъ ребятъ, невидимо перемываетъ кринки и оказываетъ разныя другія услуги по хозяйству, такъ что при ея содѣйствіи и тѣсто хорошо взойдетъ, и пироги будутъ хорошо выпечены и пр. Наоборотъ, лѣнивыхъ бабъ кикимора ненавидитъ: она щекочетъ малыхъ ребатъ такъ. что тѣ цѣлыя ночи ревутъ благимъ матомъ, пугаетъ подростковъ, высовывая свою голову съ блестящими на выкатѣ глазами и съ козьими рожками, и вообще всячески вредитъ. Такъ что нерадивой бабѣ, у которой не спорится дѣло, остается одно средство: бѣжать въ лѣсъ, отыскать папоротникъ, выкопать его горькій корень, настоять на водѣ и перемыть всѣ горшки и кринки — кикимора очень любитъ папоротникъ и за такое угожденіе можетъ оставить въ покоѣ.

Но единственно вѣрнымъ и вполнѣ могущественнымъ средствомъ противъ этой нечисти служитъ святой крестъ. Не возьметъ чужой прялки кикимора, не росклокочетъ на ней кудели, не спутаетъ нитокъ у пряхи, и не обор-

веть начатаго плетенья у кружевницъ, если онѣ съ молитвой положили на мѣсто и прялки съ веретенами и кутузы съ коклюхами.

На Сяможенскихъ поляхъ (Вологод. губ., Кадников. у.) въ лѣтнее время особая кикимора сторожитъ гороховища. Она ходитъ по нимъ, держа въ рукахъ каленую до-бѣла желѣзную сковороду огромныхъ размѣровъ. Кого поймаетъ на чужомъ полѣ, того и изжаритъ.

Миѳы о кикиморѣ принадлежатъ къ числу наименѣе характерныхъ, и народная фантазія, отличающаяся такимъ богатствомъ красокъ, въ данномъ случаѣ не отлилась въ опредѣленную форму и не создала законченнаго образа*). Это можно видѣть уже изъ того, что имя кикиморы, сдѣлавшееся браннымъ словомъ, употребляется въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Кикиморой охотно зовутъ и нелюдимаго домосѣда, и женщину, которая очень прилежно занимается пряжей. Имя шишиморы свободно пристегивается ко всякому плуту и обманщику (курянами), ко всякому невзрачному по виду человѣку (смолянами и калужанами), къ скрягѣ и голышу (тверичами), прилежному, но копотливому рабочему (костромичами), перенощику вѣстей и наушнику въ старинномъ смыслѣ слова, когда «шишы» были лазутчиками и соглядатаями, и когда «для шишиморства» (какъ писали въ актахъ) давались (какъ напр., при Шуйскихъ), сверхъ окладовъ, помѣстья за услуги, оказанныя шпіонствомъ.

---

*) Нѣсколько полнѣе обрисовывается онъ въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ. Здѣсь сохранился разсказъ о томъ, что кикиморы о святкахъ, въ ненастную погоду, рожаютъ дѣтей, причемъ страшно стонутъ и воютъ. Новорожденные же ихъ, тотчасъ по явленіи на свѣтъ, вылетаютъ изъ избы черезъ трубу на улицу, гдѣ и живутъ до Крещенья.

VII.

ЛѢШІЙ

«Стоятъ лѣса темные отъ земли и до неба»—поютъ слѣпые старцы по ярмаркамъ, восхваляя подвиги могучихъ русскихъ богатырей, и борьбу ихъ съ силами природы. И въ самомъ дѣлѣ: неодолимой плотной стѣной кажутся синѣющіе вдали, роскошные хвойные лѣса, и нѣтъ черезъ нихъ ни прохода, ни проѣзда. Только птицамъ подъ стать и подъ силу трущобы еловыхъ и сосновыхъ боровъ, эти темные «сюземы» или «раменья», какъ ихъ зовутъ на сѣверѣ. А человѣку, если и удастся сюда войти, то не удастся выйти. Въ этой чащѣ останавливаются и глохнутъ даже огненныя моря лѣсныхъ пожаровъ. Сюземы тѣмъ уже страшны, что здѣсь на каждомъ шагу, рядомъ съ молодой жизнью свѣжихъ порослей, стоятъ тутъ же деревья, приговоренныя къ смерти и валяются уже окончательно сгнившія и покрытыя, какъ гробовой доской, моховымъ покровомъ. Но еще страшнѣе сюземы тѣмъ, что въ нихъ господствуетъ вѣчный мракъ и постоянная влажная прохлада среди жаркаго лѣта. Всякое движеніе здѣсь, кажется, замерло; всякій крикъ пугаетъ до дрожи и мурашекъ въ тѣлѣ. Колеблемые вѣтромъ древесные стволы трутся одинъ о другой и скрипятъ съ такою силою, что вызываютъ у наблюдателя острую, ноющую боль подъ сердцемъ. Здѣсь чувство тягостнаго одиночества и непобѣдимаго ужаса постигаетъ всякаго,

какія бы усилія онъ надъ собой ни дѣлалъ. Здѣсь всякій ужасается своего ничтожества и безсилія. Здѣсь родилась мрачная безнадежная вѣра дикарей и сложилась въ форму шаманства съ злыми, немилостивыми богами. Въ этихъ трущобахъ поселяется и издревле живетъ тотъ чертъ, съ которымъ до сихъ поръ еще не можетъ разлучиться напуганное воображеніе русскаго православнаго люда. Среди деревьевъ съ нависшими лишаями, украшающими ихъ на подобіе бородъ, въ народныхъ сказкахъ и въ религіозномъ культѣ первобытныхъ племенъ, издревле помѣщены жилища боговъ и лѣсныхъ духовъ. Въ еловыхъ лѣсахъ, предпочтительно предъ сосновыми, селится и лѣшій, или, какъ называютъ его также, лѣсовикъ, лѣшакъ *). Въ этихъ лѣсахъ наиболѣе чувствуется живой трепетъ и лѣшій является его олицетвореннымъ представителемъ.

---

*) Въ Новгород. губ. (въ бѣлозерскихъ краяхъ) и въ ярославскомъ Пошехоньѣ этому духу даютъ еще названіе „вольнаго“ и все съ тою же цѣлью, чтобы не обижать его общепринятымъ прозвищемъ. Въ Олонецкой же губ. лѣшаго зовутъ „лядомъ“ („лядъ тя возьми“, „пошелъ къ лядамъ“, т.-е. ступай ко всѣмъ чертямъ) и еще проще прямо „лѣсомъ“ сознательно вѣруя въ то же время, что „лѣсъ праведенъ,—не то что чортъ“. Прозвищемъ „праведнаго“ лѣшій неизмѣнно пользуется во всѣхъ лечебныхъ заговорахъ. Великіе знатоки всѣхъ лѣсныхъ порядковъ и трущобныхъ обычаевъ—олончане и онежане—знаютъ не только о томъ, что у лѣшихъ имѣется свой царь—воевода, но и какъ надо звать его по имени. Если кто-либо изъ его подданныхъ чѣмъ-либо обидитъ лѣсника,—послѣдній говоритъ заклятье, жалуясь въ немъ на „праведнаго лѣса“, причинившаго лихо, и проситъ избавить отъ бѣды. Въ противномъ случаѣ будетъ послана грамотка царю въ Москву и царское величество пришлетъ два приказа (отряда) московскихъ стрѣльцовъ да двѣ сотни донскихъ казаковъ и вырубятъ они лѣсъ въ пень“. Въ подтвержденіе такой остраски около рябины кладется и грамотка. Старожилы лѣсовики, передъ отправленіемъ на сплавъ или рубку, умѣютъ предохранять себя, знаютъ, какъ „заклясть лѣса“. Они отыскиваютъ лядину, т. е. такую возвышенность, которая обросла мелкимъ лѣсомъ и гдѣ между прочимъ, присосѣдилась рябина. Въ ней-то и вся сила обороны. Выру-

Въ ярославскомъ Пошехоньѣ лѣшаго называютъ даже просто «мужичекъ», а въ Вологодскомъ полѣсовьѣ лѣшему даны даже примѣты: красный кушакъ, лѣвая пола кафтана обыкновенно запахнута за правую, а не наоборотъ, какъ всѣ носятъ. Обувь перепутана: правый лапоть надѣтъ на лѣвую ногу, лѣвый—на правую. Глаза у лѣшаго зеленые и горятъ, какъ угли. Какъ бы онъ тщательно ни скрывалъ своего нечистаго происхожденія, ему не удается это сдѣлать, если посмотрѣть на него черезъ правое ухо лошади.

Лѣшій отличается отъ прочихъ духовъ особыми свойствами, присущими ему одному: если онъ идетъ лѣсомъ, то ростомъ равняется съ самыми высокими деревьями. Но въ то же время онъ обладаетъ способностью и умаляться. Такъ, выходя для прогулокъ, забавъ и шутокъ на лѣсныя опушки, онъ ходитъ тамъ (когда ему предстоитъ въ томъ нужда) малой былинкой, ниже травы, свободно укрываясь подъ любымъ ягоднымъ листочкомъ. Но на луга, собственно, онъ выходитъ рѣдко, строго соблюдая права сосѣда, называемаго полевикомъ или «полевымъ». Не заходитъ лѣшій и въ деревни, чтобы не ссориться съ домовыми и банниками, — особенно въ тѣ, гдѣ поютъ совсѣмъ черные пѣтухи, живутъ при избахъ «двуглазыя» собаки (съ пятнами надъ глазами въ видѣ вторыхъ глазъ) и трехшерстныя кошки. Зато въ лѣсу, лѣшій является полноправнымъ и неограниченнымъ хозяиномъ: всѣ звѣри и птицы находятся въ его вѣдѣніи, и повинуются ему

бается такая вѣтка у которой была бы «отростелина» (отпрыскъ), и еще нѣсколько рябиновыхъ палочекъ. Однѣ кладутъ противъ сердца, другія на спинной хребетъ, а безъ тѣхъ и другихъ заговоръ царю Мусаилу не дѣйствителенъ, и прощеніе онъ оставитъ у корня рябины безъ послѣдствій, и никакихъ угрозъ не побоится.

безотвѣтно. Особенно подчинены ему зайцы. Они у него на полномъ крѣпостномъ правѣ, по крайней мѣрѣ, онъ даже имѣетъ власть проигрывать ихъ въ карты сосѣднему лѣшему. Не освобождены отъ такой же зависимости и бѣличьи стада, и если они, переселяясь несмѣтными полчищами, и забывая всякій страхъ передъ человѣкомъ, забѣгаютъ въ большіе сибирскіе города, причемъ скачутъ по крышамъ, обрываются въ печныя трубы и прыгаютъ даже въ окна, — то дѣло ясное: значитъ лѣшіе цѣлой артелью вели азартную игру, и побѣжденная сторона гнала проигрышъ во владѣнія счастливаго соперника. По разсказамъ старожиловъ, одна изъ такихъ грандіозныхъ игръ велась въ 1859 году между русскими и сибирскими лѣшими, причемъ побѣдили русскіе, а продувшіеся сибиряки гнали затѣмъ изъ тайги свой проигрышъ черезъ Тобольскъ на уральскія горы, въ печерскую и мезецскую тайболы. Кромѣ большой игры артелями, лѣшіе охотно ведутъ и малую, между собою, съ ближайшими сосѣдями, и перегоняютъ зайцевъ и бѣлокъ изъ колка въ колокъ почти ежедневно. А то случается и такъ, что нагонятъ въ эти колки зайцевъ и угонятъ мышей и т. д. У лѣшихъ же въ подчиненіи находятся и птицы и въ полной зависимости отъ нихъ всѣ охотники: любимцамъ своимъ они сгоняютъ пернатыхъ чуть не подъ самое дуло. Кого же задумаютъ наказать за непочтеніе къ себѣ, — у тѣхъ всегда осѣчка.

Кому удавалось видѣть лѣшаго, хотя бы и черезъ лошадиное ухо, тѣ разсказываютъ, что у него человѣческій образъ. Такъ, напримѣръ, въ новгородчинѣ видали лѣшаго во образѣ распоясаннаго старика въ бѣлой одеждѣ и бѣлой большой шляпѣ. Олончане же на столько искусились въ опознаваніи всей лѣсной нечисти, что умѣютъ

отличать настоящихъ лѣшихъ въ цѣлыхъ толпахъ ихъ отъ тѣхъ «заклятыхъ» людей, которые обречены нечистой силѣ въ недобрый часъ лихимъ проклятьемъ. Лѣшій отливаетъ синеватымъ цвѣтомъ, такъ какъ кровь у него синяя, а у заклятыхъ на лицахъ румянецъ, такъ какъ живая кровь не перестаетъ играть на ихъ щекахъ. Орловскій лѣшій — пучеглазый, съ густыми бровями, длинной зеленой бородой; волосы у него ниже плечъ и длиннѣе, чѣмъ у поповъ. Но, впрочемъ, въ черноземной Орловской губерніи лѣшіе стали рѣдки, за истребленіемъ ихъ жилищъ (т. е. лѣсовъ), а потому, за наиболѣе достовѣрными свѣдѣніями объ этой нечисти, слѣдуетъ обращаться къ жителямъ сѣвера. Здѣсь эта нечисть сохраняется мѣстами въ неизмѣнномъ старозавѣтномъ видѣ (напр., въ Вятской и Вологодской губ.).

Настоящій лѣшій нѣмъ, но голосистъ; умѣетъ пѣть безъ словъ и подбодряетъ себя хлопаньемъ въ ладоши. Поетъ онъ иногда во все горло (съ такой же силой, какъ шумитъ лѣсъ въ бурю) почти съ вечера до полуночи, но не любитъ пѣнія пѣтуха и съ первымъ выкрикомъ его немедленно замолкаетъ. Носится лѣшій по своимъ лѣсамъ, какъ угорѣлый, съ чрезвычайной быстротой и всегда безъ шапки *). Бровей и рѣсницъ у него не видно, но можно ясно разглядѣть, что онъ—карноухій (праваго уха нѣтъ), что волоса на головѣ у него зачесаны на лѣво. Это удается замѣтить, когда онъ иногда подходитъ къ теплинамъ дроворубовъ погрѣться, хотя въ этихъ случаяхъ онъ имѣетъ обыкновеніе прятать свою рожу. Владѣя, какъ и прочая нечисть, способностью перевертываться, лѣшій часто прикидывается прохожимъ чело-

*) Въ карачевскихъ и брянскихъ лѣсахъ его всегда видятъ съ огромной дубиной въ рукахъ.

вѣкомъ съ котомкой за плечами. При этомъ нѣкоторымъ удавалось различать, что онъ востроголовый, какъ всѣ черти. Съ послѣднимъ показаніемъ, однако, свѣдущіе люди не соглашаются, признавая въ лѣшемъ, какъ и въ домовомъ, нечисть, приближающуюся къ человѣческой природѣ, а многіе прямо-таки видятъ въ немъ «оборотня» т. е. человѣка, обращеннаго въ лѣшаго.

Лѣшіе умѣютъ хохотать, аукаться, свистать и плакать по-людски, и, если они дѣлаются безсловесными, то только при встрѣчѣ съ настоящими живыми людьми. Во Владимірской губ. *), гдѣ лѣшихъ крестьяне называютъ «гаркунами», прямо увѣрены въ томъ, что эта нежить произошла отъ связи женщинъ съ нечистой силой и отличается отъ человѣка только тѣмъ, что не имѣетъ тѣни.

Лѣшіе не столько вредятъ людямъ, сколько проказятъ и шутятъ и, въ этомъ случаѣ, вполнѣ уподобляются своимъ родичамъ-домовымъ. Проказятъ они грубо, какъ это и прилично неуклюжимъ лѣснымъ жителямъ, и шутятъ зло, потому что все-таки они не свой братъ, крещеный человѣкъ. Самые обычные пріемы проказъ и шутокъ лѣшихъ заключаются въ томъ, что они обходятъ человѣка, т. е. всякаго, углубившагося въ чащу, съ цѣлью собирать грибы или ягоды, они либо «заведутъ» въ такое мѣсто, изъ котораго никакъ не выбраться, либо напустятъ въ глаза такого тумана, что совсѣмъ собьютъ съ толку, и заблудившійся человѣкъ долго будетъ кружить по лѣсу на одномъ и томъ же мѣстѣ. Но зато, выбравшись коекакъ изъ чащи, натерпѣвшійся страху искатель грибовъ непремѣнно потомъ будетъ разсказывать (и можетъ быть, вполнѣ чистосердечно) что онъ видѣлъ лѣшаго живымъ,

*) По свѣдѣніямъ изъ Меленковскаго уѣзда.

слышалъ его свистъ, его ауканья и хлопанье въ ладоши.

Однако, во всѣхъ такихъ приключеніяхъ, нерѣдкихъ въ деревенской жизни, (особенно послѣ гулянокъ со сватами и пировъ съ кумовьями), шаловливый и самъ гульливый, лѣшій все-таки не ведетъ людей на прямую погибель, какъ дѣлаетъ это настоящій дьяволъ. Притомъ же отъ проказъ лѣснаго можно легко отчураться, — конечно, прежде всего молитвой и крестнымъ знаменіемъ, а затѣмъ при помощи извѣстныхъ пріемовъ, которымъ учатъ съ малолѣтства, по заповѣдямъ отцовъ и прадѣдовъ. Такъ заблудившемуся рекомендуется присѣсть на первой колодѣ, снять съ себя и выворотить наизнанку носильное платье и затѣмъ въ такомъ видѣ надѣть на себя. Обязательно при этомъ также лѣвый лапоть надѣть на правую ногу, или правую рукавицу на лѣвую руку. Если же въ бѣду попало двое или трое, то имъ слѣдуетъ всѣмъ перемѣниться одеждой, предварительно выворотивъ ее на изнанку (въ этомъ случаѣ рекомендуется подражать обычаю того же лѣшаго, у котораго все навыворотъ и наизнанку). Можно точно также вызволиться изъ бѣды, проговоривши любимую поговорку лѣшаго, которую удачливые люди успѣли подслушать у него издали: «шелъ, нашелъ, потерялъ». А кто спохватится закричать: «овечья морда, овечья шерсть», передъ тѣмъ лѣшій исчезаетъ съ крикомъ: «а, догадался!»

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда всѣ способы борьбы съ лѣшими оказываются безсильными. Это случается разъ въ годъ, въ тотъ заповѣдный день, когда лѣшіе бѣсятся (4-го октября). Въ этотъ день знающіе крестьяне въ лѣсъ не ходятъ.

На Ерофея мученика указано лѣшимъ пропадать или замирать. Передъ этимъ они учиняютъ неистовыя драки,

ломаютъ съ трескомъ деревья, зря гоняютъ звѣрей и, наконецъ, проваливаются сквозь землю, чтобы явиться на ней вновь, когда она отойдетъ или оттаетъ весною, и начать снова свои проказы все въ одномъ и томъ же родѣ.

Вообще, побаиваясь злыхъ и неожиданныхъ затѣй лѣшаго, лѣсной народъ не прочь надъ нимъ посмѣяться, а пользоваться его именемъ, какъ ругательнымъ словомъ, вся крещеная Русь считаетъ первымъ удовольствіемъ («иди къ лѣшему», «лѣшій бы тебя задавилъ» и т. п.).

Существованіе «лѣсовыхъ» внесло въ жизнь и бытъ лѣсныхъ обитателей своеобразныя вѣрованія, нелишенныя нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ, такъ что миѳъ о лѣшихъ недаромъ просуществовалъ на землѣ тысячелѣтія. По народнымъ воззрѣніямъ, лѣшій служитъ какъ бы безсознательнымъ орудіемъ наказанія за вольные и невольные грѣхи человѣка. Такъ, помимо того, что онъ заставляетъ безконечно блуждать по лѣсу разсѣянныхъ людей, забывшихъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ при входѣ въ глухія трущобы,—онъ же является мстителемъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ, (Вологод. г.) напримѣръ, лѣшій на виду у всѣхъ унесъ въ лѣсъ мужика за то, что тотъ, идя на колокольню, ругался непотребнымъ словомъ. Еще сильнѣе караетъ лѣшій за произнесеніе проклятій, и, если случится, напримѣръ, что роженица, потерявши въ мукахъ родовъ всякое терпѣніе, проклянетъ себя и ребенка, то ребенокъ считается собственностью лѣшаго съ того момента, какъ только замеръ послѣдній звукъ произнесеннаго проклятія. Обѣщаннаго ему ребенка лѣшій уноситъ въ лѣсъ тотчасъ по рожденіи, подкладывая вмѣсто него «лѣсное дѣтище»—больное и безпокойное. Въ случаѣ же, если какимъ-нибудь чу-

домъ заклятаго ребенка успѣютъ окрестить ранѣе, такъ что взять его сразу нельзя, то лѣшій ждетъ до 7 лѣтъ отрочества и тогда сманиваетъ его въ лѣсъ. (Лѣшему дана одна минута въ сутки, когда онъ можетъ сманить человѣка). Въ лѣсу проклятые живутъ обыкновенно недолго и скоро умираютъ. А если и случится, что кто-нибудь изъ нихъ, по усиленнымъ молитвамъ матери, выживетъ, то находятъ его въ самомъ жалкомъ видѣ: ходитъ онъ одичалымъ, не помнитъ, что съ нимъ было, и сохраняетъ полнѣйшее равнодушіе ко всему, что его можетъ ожидать при совмѣстной жизни съ людьми *).

Деревенскіе слухи очень настойчиво приписываютъ, между прочимъ, лѣшимъ страсть къ женщинамъ и обвиняютъ ихъ въ нерѣдкихъ похищеніяхъ дѣвушекъ. Кое-гдѣ разсказываютъ объ этихъ связяхъ съ мелкими подробностями и увѣряютъ, что похищенныя дѣвушки никогда не рожаютъ дѣтей. Въ Тульской губ. (въ Одоевскомъ у.) указываютъ на окрестности села Анастасова и увѣряютъ, что въ старину, когда около села были большіе лѣса, дѣвушки сами убѣгали къ лѣшимъ, жили съ ними года два—три, и затѣмъ возвращались домой съ кучей денегъ и т. п. Едва ли, впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ разсказахъ, лѣшіе не смѣшиваются съ завѣдомо сладострастными чертями дьявольской породы. Лѣшимъ также навязываютъ женъ одинаковой съ ними породы (лѣшачиха, лѣшуха) и

*) У олончанъ въ ихъ густыхъ и непочатыхъ лѣсахъ, кромѣ лѣшихъ, живутъ еще особенные „лѣсные старики“ или „отцы“, которые собственно и занимаются тѣмъ, что сманиваютъ въ лѣсъ дѣтей, но съ какою цѣлью держатъ ихъ тамъ и чѣмъ кормятъ—самые свѣдущіе люди сказать не могутъ.

дѣтенышей («лѣшеня»), но въ этихъ духахъ отчасти подозрѣваютъ живущихъ въ камышахъ русалокъ изъ некрещенныхъ младенцевъ, отчасти проклятыхъ людей, которые, въ ожиданіи свѣтопреставленія, отъ бездѣлья также проказятъ (отчего и зовутся, между прочимъ, «шутихами»).

VIII.

ПОЛЕВОЙ.

Одна бѣлозерская вдова разсказываетъ у колодца сосѣдкѣ:

— Жила я у Алены на Горкѣ. Пропали коровы,—я и пошла ихъ искать. Вдругъ такой вѣтеръ хватилъ съ поля, что Господи Боже мой! Оглянулась я — вижу: стоитъ кто-то въ бѣломъ, да такъ и дуетъ, да такъ и дуетъ, да еще и присвиснетъ. Я и про коровъ забыла, и скорѣе домой, а Алена мнѣ и обсказываетъ:

— Коли въ бѣломъ видѣла, значитъ «Полевой» это.

У орловскихъ и новгородскихъ знающихъ людей наоборотъ, этотъ духъ, приставленный охранять хлѣбныя поля, имѣетъ тѣло черное, какъ земля; глаза у него разноцвѣтные; вмѣсто волосъ, голова покрыта длинной зеленой травой; шапки и одежды нѣтъ никакой.

— На свѣтѣ ихъ много (толкуютъ тамъ): на каждую деревню дадено по четыре полевика.

Это и понятно, потому что въ черноземныхъ мѣстахъ полей много, и мудрено одному полевику поспѣвать повсюду. Зато лѣсные жители, менѣе прозорливые, но не менѣе трусливые, видали «полевыхъ» очень рѣдко, хотя часто слыхали ихъ голосъ. Тѣ же, кто видѣлъ, увѣряли, что полевикъ являлся имъ въ видѣ уродливаго, маленькаго человѣчка, обладающаго способностью говорить. Вотъ что разсказывала на этотъ счетъ одна новгородская баба.

— Шла я мимо стога. Вдругъ «онъ» и выскочилъ, что пупырь, и кричитъ: «дорожиха, скажи кутихѣ, что сторожихонька померла». Прибѣжала я домой — ни жива ни мертва, залѣзла къ мужу на полати, да и говорю: «Ондрей, что я такое слышала?» Только я проговорила ему, какъ въ подъизбицѣ что-то застонало: «ой, сторожихонька, ой, сторожихонька». Потомъ вышло что-то черное, опять словно маленькій человѣчекъ, бросило новину полотна и вонъ пошло: двери изъ избы сами ему отворились. А оно все воетъ: «ой, сторожихонька». Мы изомлѣли: сидимъ съ хозяиномъ словно къ смерти приговоренными. Такъ и ушло».

Относительно добраго, но проказливаго нрава полевикъ имѣетъ много общаго съ домовымъ, но по характеру самыхъ проказъ онъ напоминаетъ лѣшаго: такъ же сбиваетъ съ дороги, заводитъ въ болото, и въ особенности потѣшается надъ пьяными пахарями.

Съ полевикомъ особенно часто можно встрѣтиться у межевыхъ ямъ. Спать, напр., на такихъ мѣстахъ совсѣмъ нельзя, потому что дѣтки полевиковъ («межевчики» и «луговики») бѣгаютъ по межамъ и ловятъ птицъ родителямъ въ пищу. Если же они найдутъ здѣсь лежащаго человѣка, то наваливаются на него и душатъ.

Какъ всѣ нечистые духи, полевики—взяточники, гордецы и капризники. И съ этими свойствами ихъ крестьяне вынуждены считаться. Такъ, напримѣръ, орловскіе землепашцы разъ въ году, подъ Духовъ день, идутъ глухой ночью, куда-нибудь подальше отъ проѣзжей дороги и отъ деревни, къ какому-нибудь рву и несутъ пару яицъ и краденаго у добрыхъ сосѣдей стараго и безголосаго пѣтуха—несутъ въ даръ полевику, и притомъ такъ, чтобы никто не видалъ, иначе полевикъ разсердится и истребитъ въ полѣ весь хлѣбъ.

У полевиковъ, въ отличіе отъ прочей нечисти, любимое время — полдень *), когда избраннымъ счастливцамъ удается его видѣть на яву. Впрочемъ, очевидцы эти больше хвастаютъ, чѣмъ объясняютъ, больше путаютъ, чѣмъ говорятъ правду. Такъ что, въ концѣ концовъ, внѣшній обликъ полевика, какъ равно и его характеръ, выясняются очень мало, и во всей народной миѳологіи это едва ли не самый смутный образъ. Извѣстно только, что полевикъ золъ, и что подчасъ онъ любитъ сыграть съ человѣкомъ недобрую шутку.

Въ Зарайскомъ уѣздѣ, напримѣръ, со словъ крестьянъ, записана такая бывальщина:

«Сговорили мы замужъ сестру свою Анну за ловецкаго крестьянина Родіона Курова. Вотъ на свадьбѣ-то, какъ водится, подвыпили порядкомъ, а потомъ сваты въ ночное время поѣхали въ свое село Ловцы, что находится отъ насъ недалеко. Вотъ сваты-то ѣхали-ѣхали, да вдругъ и вздумалъ надъ ними подшутить полевикъ, — попали въ рѣчку обѣ подводы съ лошадьми. Кое-какъ лошадей и одну телѣгу выручили и уѣхали домой, а иные и пѣшкомъ пошли. Когда же домой явились, то свахи, матери то жениховой и не нашли. Кинулись къ рѣчкѣ, гдѣ оставили телѣгу, подняли ее, а подъ телѣгой-то и нашли сваху совсѣмъ окоченѣлою».

---

*) Въ Ярославскомъ Пошехоньѣ знаютъ особаго духа «полуднику»: красивую высокую дѣвушку, одѣтую во все бѣлое. Лѣтомъ, во время жатвы, она ходитъ по полосамъ ржи и кто въ самый полдень работаетъ, тѣхъ беретъ за голову и начинаетъ вертѣть, пока не натрудитъ шею до жгучей боли. Она же заманиваетъ въ рожь малыхъ ребятъ и заставляетъ ихъ долго блуждать тамъ. Здѣсь, очевидно, народное повѣрье сливается съ наивной деревенской моралью, придуманной для острастки ребятъ.

IX.

ВОДЯНОЙ.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное.

Въ этомъ двустишьѣ говорится о небольшомъ озерѣ, берега котораго всѣ на виду и настолько отлоги, что разбушевавшійся вѣтеръ гонитъ двѣ волны, нагонную и отбивную, разводя опасное волненіе, такъ называемую, толчею. Въ бурю, оно неприступно для рыбачьихъ челновъ, хотя именно въ эту пору обѣщаетъ болѣе богатую добычу. Но и во всякое другое время, какъ вообще всѣ озера круглой формы, оно пользуется недоброй славой бурнаго и безпокойнаго: самые малые вѣтры заставляютъ его колыхаться, какъ бы отъ тревожныхъ движеній какой-то невидимой чудовищной силы, покоющейся на днѣ его. И достаточно одного случая неудачнаго выѣзда въ заподозрѣнное озеро, окончившагося гибелью человѣка, чтобъ въ окольности, гдѣ всякій на счету и каждаго жалко, прослыло оно «проклятымъ». Пройдутъ года, забудется имя несчастнаго, но случай останется въ памяти съ наслойкою придатковъ небывалаго: простой случай превращается въ легенду на устрашеніе или поученіе грядущимъ вѣкамъ. Одна изъ такихъ легендъ связывается съ именемъ суздальскаго князя Андрея Бого-

любскаго, устроителя Залѣсской страны, памятнаго также по своимъ благочестивымъ дѣяніямъ. Въ темную ночь, на 29 іюня 1174 г., коварные царедворцы, въ заговорѣ съ шурьями и женою князя, измѣннически убили его. Братъ князя, Михаилъ, свалилъ казненныхъ убійцъ въ короба и бросилъ въ озеро, которое съ того времени до сихъ поръ въ роковую ночь волнуется. Короба съ негніющими, проклятыми тѣлами убитыхъ, въ видѣ мшистыхъ зеленыхъ кочекъ, колыхаются между берегами, и слышится унылый стонъ: это мучаются злобные Кучковичи. Коварная и малодушная сестра ихъ брошена, съ тяжелымъ жерновымъ камнемъ на шеѣ, въ темную глубь другого, болѣе глубокаго, озера «Поганаго».

На всемъ пространствѣ Великой Россіи попали въ сильное подозрѣніе и пріобрѣли добрую и худую славу, въ особенности, небольшія, но глубокія озера, нерѣдко въ уровень наполненныя темной водой, окрашенной желѣзною закисью. Они обилуютъ подземными ключами и тѣми углубленіями дна, въ формѣ воронки, которыя образуютъ пучины, гдѣ выбиваются воды изъ бездны, или поглощаются ею. Темными ночами, въ одиночествѣ, къ такимъ водоемамъ никто не рѣшается подходить. Многимъ чудится тутъ и громкое хлопанье точно въ ладоши, и задавленный хохотъ, подобно совиному, и вообще, признаки пребыванія невѣдомыхъ живыхъ существъ, рисующихся напуганному воображенію въ видѣ туманныхъ призраковъ. А такъ какъ этому воображенію не указано предѣльныхъ рамокъ, то и тѣ свѣтлыя озера, которыя очаровываютъ своими красивыми отлогими: или обсыпчатыми, крутыми берегами, привлекательныя веселымъ и ласкающимъ видомъ, не избавлены также отъ поклеповъ и не освобождены, въ народномъ представленіи, отъ подозрѣній.

Во многихъ изъ нихъ все, начиная отъ чрезвычайныхъ глубинъ, отъ разнообразной игры въ переливахъ свѣта и причудливыхъ отраженій на ясной зеркальной поверхности, — настраиваетъ послушное воображеніе на представленіе картинъ въ видѣ слѣдовъ исчезнувшихъ селеній и цѣлыхъ городовъ, церквей и монастырей. Съ образца и примѣра четырехъ библейскихъ городовъ, погребенныхъ за содомскіе грѣхи въ соленыхъ водахъ Мертваго моря, народная фантазія создала нѣсколько подобныхъ легендъ о нашихъ русскихъ озерахъ. И у насъ, какъ и у другихъ народовъ, оказались такіе же подземныя церкви и подводные города. Такъ что въ этомъ отношеніи французская Бретань, ничѣмъ не отличается отъ русской Литвы. Во французской Бретани, въ незапамятныя времена, поглощенъ моремъ городъ Исъ, и рыбаки, во время бури, видятъ въ волнахъ шпицы церквей, а въ тихую погоду слышится имъ, какъ бы исходящій изъ глубины, звонъ городскихъ колоколовъ, возвѣщающихъ утреннюю молитву. «Мнѣ часто кажется, что въ глубинѣ моего сердца (пишетъ Эрнестъ Ренанъ) находится городъ Исъ, настойчиво звонящій колоколами, приглашающими къ священной службѣ вѣрующихъ, которые уже не слышатъ. Иногда я останавливаюсь, прислушиваясь къ этимъ дрожащимъ звукамъ, и мнѣ представляются они исходящими изъ безконечной глубины, словно голоса изъ другаго міра. Въ особенности, съ приближеніемъ старости мнѣ пріятно, во время лѣтняго отдыха, представлять себѣ эти далекіе отголоски исчезнувшей Атлантиды».

Въ 30 верстахъ отъ гродненскаго Новогрудка разлилось небольшое озеро (версты на двѣ въ діаметрѣ) по имени Свитязь—круглое, съ крутыми береговыми скалами, поглотившее городъ того же имени за грѣхи жителей,

нарушившихъ общеславянскую заповѣдь и добродѣтель гостепріимства (они не принимали путниковъ, и ни одинъ изъ таковыхъ въ ихъ городѣ не ночевалъ). Поэтъ Литвы Мицкевичъ вызвалъ изъ нѣдръ этого озера поэтическій образъ женщины («Свитязянки»), превратившейся, подобно женѣ Лота, въ камень за такое же нарушеніе обѣщанія не оглядываться назадъ послѣ выхода изъ города, обреченнаго на гибель. Еще въ 50 годахъ прошлаго столѣтія видѣнъ былъ въ этомъ озерѣ камень, издали похожій на женщину съ ребенкомъ, но теперь онъ затопленъ водой и рветъ у неосторожныхъ рыбаковъ сѣти *).

Въ Керженскихъ заволжскихъ лѣсахъ, нѣкогда знаменитыхъ въ исторіи нашего раскола, въ 40 верстахъ отъ г. Семенова, близъ села Люнды (оно же и Владимірское) расположилось озеро «Свѣтлоярое», на берега котораго въ завѣтные дни (на праздники Вознесенья, Троицы, Срѣтенія и чествованія имени Владимірской Божьей Матери, съ 22 на 23 іюня) стекается великое множество богомольнаго люда (особенно на послѣднюю изъ указанныхъ ночь). Напившись святой водицы изъ озера, которое неустанно колышется, и отдохнувши отъ пѣшаго хожденія, вѣрующіе идутъ съ домашними образами, со старопечатными требниками и новыми псалтирями, молиться къ тому холму (угору), который возвышается на юго-западномъ

*) Подобными, провалившимися церквами, вообще, богатъ весь болотистый и лѣсистый сѣверо-западный край. Въ Литвѣ провалился городъ Рай въ окрестностяхъ цѣлебнаго мѣстечка Друскеникъ. Бѣлорусскіе провалы представляютъ существенныя затрудненія для учета всѣхъ тѣхъ жилыхъ мѣстъ и Божьихъ храмовъ, которые поглощены водой и скрыты въ озерахъ. Оттуда также слышатся и костельные звоны и церковное пѣніе, шумъ и людской гомонъ многолюдныхъ площадей; на поверхность воды временами выплываютъ св. кресты и книги, Евангелія и т. п.

берегу озера. Раздѣлившись въ молитвѣ на отдѣльныя кучки, молятся тутъ до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ дремота и не склонитъ ко сну. На зыбкихъ болотистыхъ берегахъ вкушаютъ всѣ сладкій сонъ, — съ вѣрою, что здѣшняя трясина убаюкиваетъ, какъ малыхъ дѣтей въ люлькѣ, и съ надеждою, что, если приложить къ землѣ на угорѣ ухо, то послышится торжественный благовѣстъ и ликующій звонъ подземныхъ колоколовъ. Достойные могутъ даже видѣть огни зажженныхъ свѣчъ, а на лучахъ восходящаго солнца отраженіе тѣни церковныхъ крестовъ. Холмъ и вода скрываютъ исчезнувшій православный городъ «Большой Китежъ», построенный несчастнымъ героемъ верхняго Поволжья, русскимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ, убитымъ (въ 1238 г.) татарами въ роковой битвѣ на рѣкѣ Сити, закрѣпостившей Русь татарамъ. Когда, по народному преданію, безбожный царь Батый съ татарскими полчищами разбилъ князя, скрывшагося въ Большомъ Китежѣ, и убилъ его (4 февраля), Божья сила не попустила лихаго татарина овладѣть городомъ: какъ былъ и стоялъ этотъ городъ со всѣмъ православнымъ народомъ, такъ и скрылся подъ землею и сталъ невидимымъ, и такъ и будетъ онъ стоять до скончанія вѣка.

Еще болѣе странными вѣрованіями, въ виду рѣдкихъ и любопытныхъ явленій природы, поражаетъ громадная страна, занявшая весь сѣверо-западъ Россіи и извѣстная подъ именемъ «Озерной области».

Здѣсь непокоренная, дикая и своевольная природа представляетъ такія поражающія и устрашающія явленія, объясненіе которыхъ не только не подъ силу младенчествующему уму, но которыя заставляютъ довольствоваться догадками и предположеніями даже развитой и просвѣщенный

умъ. Среди олонецкихъ озеръ существуютъ, напримѣръ, такія, которыя временно исчезаютъ, иногда на долгіе сроки, но всегда съ возвратомъ всей вылившейся воды въ старую обсохлую котловину *). Въ одномъ озерѣ (Шимозерѣ, въ 10 кв. верстъ величины, и до 4 саж. глубины) вся вода исчезаетъ такъ, что по пустынному полю, бывшему дномъ, извивается только небольшой ручей, продолжающій течь и подо льдомъ. Пучина другаго озера (Долгаго) никогда не усыхаетъ окончательно, какъ въ первомъ, но вода и здѣсь убываетъ значительно; къ Рождеству ледъ садится прямо на дно, образуя холмы, ямы и трещины; весной вода наполняетъ озеро, переполняетъ его и затѣмъ, начинаетъ показывать новое чудо — теченіе обратное. Вода третьяго озера (Куштозера), высыхая, уводила съ собою куда-то и рыбу, доходящую въ озерѣ до баснословныхъ размѣровъ. Рыба снова возвращалась сюда, когда съ проливными осенними дождями озеро снова наполнялось водой въ уровень съ высокими берегами, а иногда и выше, до горной гряды, окаймляющей озерную котловину. Четвертое озеро (Каинское) высыхало такъ, что дно его казалось дикою степью: люди ходили здѣсь какъ по суши. Однажды, два года кряду, крестьяне косили здѣсь сѣно, и довольно удачно сѣяли овесъ.

Эти, въ высшей степени любопытныя, явленія, несомнѣнно ждутъ еще научнаго объясненія, хотя и теперь извѣстно, что они зависятъ отъ строенія известковыхъ горныхъ породъ, господствующихъ въ этомъ краю,—и отъ существованія

*) Такія исчезающія озера лежатъ на югѣ отъ Онежскаго озера близъ границы Новгородской губ. Ихъ пока насчитали семь, и расположены они въ двухъ уѣздахъ: въ вытегорскомъ—Куштозеро, Каинское, Ундозеро, Качозеро и Андозеро, и въ лодейнопольскомъ: Шимозеро и Долгозеро.

подземныхъ рѣкъ, слѣды которыхъ ясно уловлены, и скрытое подземное теченіе ясно доказано. Видимые слѣды ихъ обнаружены черезъ тѣ провалы, которые зачастую здѣсь появляются, и извѣстны подъ именемъ «глазниковъ» или «оконъ». Сверхъ того, скрытое подъ землею, пребываніе этихъ рѣкъ доказывается тѣмъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, выщелащиваясь, осѣдаетъ земля и образуетъ пустоты, выступаютъ на поверхность маленькія озера. Въ другихъ случаяхъ та же рѣка выходитъ въ видѣ огромныхъ размѣровъ родника (до 10 саж. въ діаметрѣ), никогда не замерзающаго, а вода бьетъ струей, напоминающей клубы дыма изъ большой пароходной трубы.

Какъ же объяснить подобныя загадочныя явленія темному уму, воспитанному на суевѣріяхъ, если не призвать на помощь нечистую силу? И народъ нашъ такъ и дѣлаетъ.

Въ олонецкомъ краю, богатомъ до чрезмѣрнаго избытка безконечною цѣпью озеръ, имѣются такія, гдѣ, завѣдомо всѣмъ окрестнымъ жителямъ, поселился водяной. И слышно его хлопанье въ ладоши, и слѣды свои на мокрой травѣ онъ оставляетъ въявѣ, а кое-кто видалъ его воочью и разсказывалъ о томъ шепоткомъ и не къ ночи. Тихими лунными ночами водяной забавляется тѣмъ, что хлопаетъ ладонями по водѣ гораздо звончѣе всякаго человѣка, а когда разсердится, то и пойдетъ разрывать плотины и ломать мельницы: обмотается тиной (онъ всегда голый), подпояшется тиной же, надѣнетъ на вострую голову шапку изъ куги (есть такое безлистное, болотное растеніе, которое идетъ на плетушки разнаго рода и сидѣнье въ стульяхъ), сядетъ на корягу и поплыветъ проказить. Вздумается ему осѣдлать быка или корову, или добрую лошадь, считай ихъ за нимъ: они либо въ озерныхъ

берегахъ завязнутъ, либо въ озерной водѣ потонутъ. Водяному всякая изъ нихъ годится въ пищу *). Одинъ олонецкій водяной такъ разыгрался и разбушевался, что осмѣлился и надъ людьми вышучивать свои злыя проказы: вздумаетъ кто въ его озерѣ искупаться — онъ схватитъ за ногу и тащитъ къ себѣ въ глубь омута на самое дно. Здѣсь самъ онъ привычно сидитъ цѣлыми днями (наверхъ выходитъ лишь по ночамъ) и придумываетъ разныя пакости и шалости.

Жилъ онъ, какъ и всѣ его голые и мокрые родичи, цѣлой семьей, которая у этого олонецкаго водяного была очень большая, а потому онъ, какъ полагаютъ, больше всѣхъ товарищей своихъ и нуждался въ свѣжихъ мертвыхъ тѣлахъ. Сталъ окрестный народъ очень побаиваться, пересталъ изъ того озера воду брать, а наконецъ и подходить близко къ нему, даже днемъ. Думали-гадали, какъ избавиться, и ничего не изобрѣли. Однако, нашелся одинъ мудрый человѣкъ изъ стариковъ-отшельниковъ, жившихъ въ лѣсной келейкѣ неподалеку. Онъ и подалъ добрый совѣтъ: «надо, говоритъ, иконы поднять, на томъ берегу Миколѣ угоднику помолиться, водосвятной молебенъ заказать и той святой водой побрызгать въ озерную воду съ кропила». Послушались мужички: зазвонили и запѣли. Впереди понесли церковный фонарь и побѣжали мальчишки, а сзади потянулся длинный хвостъ изъ бабъ и ря-

*) Въ Олонецкомъ краю водяные до того прижились, что завели полныя деревенскія хозяйства, и въ старину изъ омутовъ выгоняли свои стада пастись на берегу рѣки: коровы были всѣ черныя и гладкія. Одной такой чернушкой соблазнился крестьянинъ села Ухты (вытегорскаго у.) и, подкравшись къ стаду, ловкимъ пріемомъ отогналъ ее, да такъ удачно, что у него, при всей бѣдности, одна корова никогда не переводилась, и была она сытѣе, круглѣе и молочнѣе всѣхъ сосѣдскихъ.

домъ съ ними поплелись старики съ клюками. Поднялся бурный вѣтеръ, всколыхнулось тихое озеро, помутилась вода—и всѣмъ стало понятно, что собрался водяной хозяинъ вонъ выходить. А куда ему бѣжать? Если на восходъ солнца, въ рѣку Шокшу (и путь недальній—всего версты двѣ), то какъ ему быть съ водой, которая непремѣнно потечетъ за нимъ слѣдомъ, какъ ее поднять: — на пути стоитъ гора крутая и высокая? Кинуться ему на сѣверъ въ Оренженское озеро—такъ опять надо промывать насквозь или совсѣмъ взрывать гору: водяной чертъ, какъ домосѣдъ и мало бывалый, перескакивать черезъ горы не умѣетъ, не выучился. Думалъ было онъ пуститься (всего сподручнѣе) въ Гончинское озеро по сосѣдству, такъ оттуда-то именно теперь и народъ валитъ, и иконы несутъ, и ладономъ чадятъ, и крестъ на солнышкѣ играетъ, сверкая лучами: страшно ему и взглянуть въ ту сторону. «Если (думаетъ онъ) пуститься смаху и во всю силу на рѣку Оять (къ югу), — до нее всего девять верстъ, — такъ опять же и туда дорога идетъ по значительному возвышенію: сидя на рѣчной колодѣ, тутъ не перегребешь». Думалъ-думалъ водяной, хлопалъ голыми руками по голымъ бедрамъ (всѣ это слышали) и порѣшилъ на томъ, что пустился въ рѣку Шокшу *). И что этотъ чертъ понадѣлалъ! Онъ плыветъ, а за нимъ изъ озера цѣлый потокъ уцѣпился, и вода помчалась, какъ птица полетѣла, по стоячимъ лѣсамъ и по зыбучимъ болотамъ, съ шумомъ и трескомъ (сдѣлался истокъ изъ озера въ рѣку Шокшу). Плыветъ себѣ водяной тихо и молча, и вдругъ услыхали всѣ молельщики окрикъ: «зыбку

*) Дѣло происходило близъ Гонгинскаго погоста нынѣшняго Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губ.

забылъ, зыбку забылъ!» И въ самомъ дѣлѣ—увидали въ одномъ куту (углу) озера небольшой продолговатый островокъ (его до сихъ поръ зовутъ «зыбкой водянаго»). Пробираясь вдаль по рѣкѣ Шокшѣ, водяной зацѣпился за островъ, сорвалъ его съ мѣста, тащилъ за собой около пяти верстъ, и успѣлъ сбросить съ ноги лишь по серединѣ рѣки. Самъ ринулся дальше, но куда—неизвѣстно. Полагаютъ, что этотъ водяной ушелъ въ Ладожское озеро, гдѣ всѣмъ водянымъ чертямъ жить просторно повсюду и неповадно только въ двухъ мѣстахъ, около святыхъ острововъ Коневецкаго и Валаамскаго. Тотъ же островъ, что стащилъ водяной со стараго мѣста, и сейчасъ не смытъ, и всякій его покажетъ въ шести верстахъ отъ Виницкаго погоста, а въ память объ рѣкѣ Шокшѣ его зовутъ Шокшостровомъ. Съ уходомъ того водянаго, сталъ его прежній притонъ всѣмъ доступенъ. Несмотря на большую глубину озера, до сихъ поръ въ немъ никто еще не утонулъ, и назвали это озеро Крестнымъ (Крестозеромъ) и ручей тотъ, проведенный водяной силой, Крестнымъ.

Водяной находится въ непримиримо враждебныхъ отношеніяхъ съ дѣдушкой домовымъ, съ которымъ, при случайныхъ встрѣчахъ, неукоснительно вступаетъ въ драку. Съ добряками-домовыми водяные не схожи характеромъ, оставаясь злобными духами, а потому всѣми и повсюду причисляются къ настоящимъ чертямъ. Людямъ приносятъ они одинъ лишь вредъ и радостно встрѣчаютъ въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ оплошавшихъ, случайныхъ и намѣренныхъ утопленниковъ (самоубійцъ). На утопленницахъ они женятся, а еще охотнѣе на тѣхъ дѣвицахъ, которыя прокляты родителями.

Въ выборѣ мѣстъ для жительства, водяные неразборчивы и, вмѣсто чистыхъ и прозрачныхъ озерныхъ ну-

нинъ. охотно селятся въ рѣкахъ, причемъ изъ рѣкъ предпочитаютъ тѣ, которыя прорѣзаются сквозь непроницаемыя чащи еловыхъ боровъ и тихо, и медленно пробираются въ низменностяхъ и впадинахъ. Сюда, сквозь сѣть сплетшихся корней, никогда не проникаютъ солнечные лучи; здѣсь опрокинутыя въ воду деревья бурелома никѣмъ не прибираются и никому не нужны. Они или образуютъ естественные мосты, или—самородныя плотины, а между ними получаются тѣ глубокіе, обрывистые омуты, какіе намѣренно устраиваются около мельницъ. Тутъ любятъ водиться крупныя щуки, и нерѣдко приселяются рѣчные богатыри, придорожные разбойники, усачи-сомы. Не брезгуя ни лѣсными, ни мельничными омутами, водяные духи, предпочитаютъ, однако, «пади» подъ мельницами, гдѣ быстрина мутитъ воду и вымываетъ ямины. Подъ мельничными колесами они будто бы обыкновенно любятъ собираться на ночлегъ. Въ это-то время ловкіе и зоркіе мельники видали духовъ въ человѣческомъ образѣ съ длинными пальцами на ногахъ, съ лапами вмѣсто рукъ, съ двумя, изрядной длины, рогами на головѣ, съ хвостомъ назади, и съ глазами, горящими подобно раскаленнымъ угольямъ (это въ Смоленской губ.). Во Владимірской губ. водянаго знаютъ сѣдымъ старикомъ; въ Новгородской (Черепов. у.) видали его въ видѣ голой бабы, которая, сидя на корягѣ, расчесывала гребнемъ волосы, изъ которыхъ бѣжала неудержимою струею вода. У вологжанъ (напр., Никольскаго у.) водяные духи, имѣя человѣческій видъ, обросли травой и мохомъ и росту бываютъ очень высокаго, а въ Грязовецкомъ уѣздѣ—они черные, глаза у нихъ красные, большіе, въ человѣческую ладонь, носъ величиною съ рыбацкій сапогъ; въ Кадниковскомъ видали духа въ видѣ толстаго бревна, съ небольшими крыльями у

передняго конца, летящимъ надъ самою водою. У орловскаго водянаго борода зеленаго цвѣта, и только на исходѣ луны—бѣлая, сѣдая; волосы точно также длинные и зеленые. Изъ воды, въ этихъ мѣстахъ, онъ показывается только по поясъ и очень рѣдко выставляется и выходитъ весь. Ярославскій водяной (въ Пошехоньѣ) любитъ гулять по берегу, наряжаться въ красную рубаху; уломскій водяной (Новгород. г.) нѣсколько разъ уличенъ былъ самовидцами въ томъ, что прикидывался иногда свиньей. Въ вологодскихъ рѣкахъ водяной принимаетъ иногда видъ и образъ громадной рыбы (пудовой щуки), одѣтой моховымъ покровомъ, которая, въ отличіе отъ всѣхъ рыбныхъ породъ, при плаваніи держитъ морду обычно не противъ теченія, а по водѣ. Разъ видѣли такую рыбу крылатой (въ Двинской волости), видѣли всѣ до единаго, и ни одинъ человѣкъ не дерзалъ къ этой рѣкѣ подходить. Нашелся, однако, смѣльчакъ, который и разобралъ въ чемъ дѣло: оказалось, что ястребъ вонзился когтями въ огромную щуку и столь глубоко и крѣпко, что не могъ ихъ вытащить изъ рыбьей спины въ то время, когда погружался въ воду. Тамъ онъ захлебнулся и погибъ, а затѣмъ, мертвымъ тѣломъ, съ распростертыми въ предсмертныхъ судорогахъ крыльями, закоченѣлъ и сталъ появляться такимъ образомъ на щукѣ подъ водою и надъ водою. Въ Тульской губ. (въ Одоевскомъ у.) въ заросляхъ рѣки Упы (около села Анастасова) поселилась птица, водяной быкъ, или выпь *), невиданная здѣсь до тѣхъ поръ и неслыханная. Не было силъ разувѣрить крестьянъ въ

*) Ardea Stellaris — букалище, напоминающее водянаго зеленоватымъ цвѣтомъ ногъ и клюва, и сходное съ зловѣщею совою сѣрымъ оперенiемъ. Когда водяной кричитъ выпью, значитъ онъ перекликается съ лѣшимъ.

томъ, что этотъ ночной ревъ, похожій на ревъ коровы, не производитъ водяной чертъ, а издаетъ птица, во время сидки на яицахъ...

Недоброжелательство водянаго къ людямъ и злобный характеръ этого бѣса выражается въ томъ, что онъ неустанно сторожитъ за каждымъ человѣкомъ, являющимся, по разнымъ надобностямъ, въ его сырыхъ и мокрыхъ владѣніяхъ. Онъ уноситъ въ свои подземныя комнаты, на безвозвратное житье, всѣхъ, кто вздумаетъ лѣтней порой купаться въ рѣкахъ и озерахъ, послѣ солнечнаго заката, или въ самый полдень, или въ самую полночь. (Эти «дневные уповоды» считаетъ онъ преимущественно любимыми и удобными для проявленія своей недоброй и мощной силы). Кромѣ того, на всемъ пространствѣ громадной Великороссіи, онъ хватаетъ цѣпкими лапами и съ быстротою молніи увлекаетъ въ глубь всѣхъ забывшихъ, при погруженіи въ воду, осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Съ особеннымъ торжествомъ и удовольствіемъ онъ топитъ такихъ, которые вовсе не носятъ тѣльныхъ крестовъ, забываютъ ихъ дома или снимаютъ съ шеи передъ купаньемъ. Подъ водою онъ обращаетъ эту добычу въ кабальныхъ рабочихъ, заставляетъ ихъ переливать воду, таскать и перемывать песокъ и т. д. Сверхъ того, водяной замучиваетъ и производитъ свои злыя шутки съ проходящими, забывшими перекреститься во время прохода нечистыхъ мѣстъ, гдѣ онъ имѣетъ обычай селиться и изъ водныхъ глубинъ зорко слѣдитъ за оплошавшими. Такихъ «поганыхъ» мѣстъ много, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи, и почти всѣ они извѣстны тамъ на перечетъ.

Кровоподтеки, въ видѣ синяковъ на тѣлѣ, раны и царапины, замѣчаемыя на трупахъ, вынутыхъ изъ воды утопленниковъ, служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ, что

эти несчастные побывали въ лапахъ водянаго. Трупы людей онъ возвращаетъ не всегда, руководясь личными капризами и соображеніями, но трупы животныхъ почти всегда оставляетъ для семейнаго продовольствія.

Хорошо освѣдомленные люди привычно не ѣдятъ раковъ и голыхъ рыбъ (въ родѣ налимовъ и угрей), какъ любимыхъ блюдъ на столѣ водянаго, а также и сомовину за то, что на сомахъ, вмѣсто лошади, ѣздятъ подъ водой эти черти.

Какъ и вся бѣсовская сила, водяные любятъ задавать пиры, и на нихъ угощать родичей изъ ближнихъ и дальнихъ омутовъ, и вести сильныя азартныя игры. Такъ извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ куштозерской водяной князь связался на азартной игрѣ въ кости съ могучимъ царемъ такихъ большихъ владѣній, какъ озеро Онего. Для этого богача и рискъ былъ нипочемъ, и въ игрѣ онъ былъ искуснѣе, и потому захолустный царекъ—князекъ проигрывался всякій разъ, какъ только снимался играть съ могучимъ царемъ на крупныхъ ставкахъ. Всѣ такія ставки обыкновенно кончались тѣмъ, что проигрывалъ онъ и воду, и рыбу, а затѣмъ, и себя самого кабалилъ. Проигравшись въ пухъ, онъ и уходитъ къ царю—Онегу заработывать проигрышъ и живетъ у него въ батракахъ, пока не очистится. Когда же исполнится договорный срокъ, онъ возвращается въ свое логовище съ водой и обзаводится новой рыбой.

По извѣстіямъ изъ черноземныхъ мѣстъ Великороссіи (губ. Калужской, Рязанской, Тульской и друг.), водяные, для своихъ пировъ, имѣютъ хрустальныя палаты. Орловцы прибавляютъ еще, къ прочимъ украшеніямъ хрустальнаго дворца, золото и серебро изъ потонувшихъ судовъ, и камень «самоцвѣтъ», ярче солнца освѣщающій морское дно.

Никогда не умирая, водяные цари, тѣмъ не менѣе, на перемѣнахъ луны измѣняются: на молодикѣ они и сами молоды, на ущербѣ превращаются въ стариковъ. Около Орла поговариваютъ о библейскихъ фараонахъ, потопленныхъ въ Чермномъ морѣ: имъ тоже указано жить въ водѣ, но, въ отличіе отъ бѣсовъ, они должны умирать, а при жизни неизмѣнно оставаться въ одномъ и томъ же образѣ: въ человѣческомъ туловищѣ, но съ рыбьимъ хвостомъ, вмѣсто ногъ. Наоборотъ, водяные сѣверныхъ холодныхъ лѣсовъ, чумазые и рогатые, вмѣсто всякихъ хрустальныхъ палатъ съ серебряными полами и золотыми потолками, довольствуются песчанымъ поломъ обширныхъ водоемовъ.

Подобно тому, какъ плотникамъ не мѣшаетъ дружба съ домовымъ, а для охотниковъ обязательна связь съ лѣшими,—съ водянымъ также приходится людямъ входить въ ближайшія сношенія, находиться въ подчиненіи у нихъ и заискивать.

Отъ водяныхъ чертей доводится терпѣть и всего больше страдать, конечно, мельникамъ, хотя шутки шутятъ они и надъ рыбаками, и надъ пчеловодами. Привычные всю свою жизнь имѣть дѣло съ водой, мельники достигаютъ такихъ удобствъ, что не только не боятся этихъ злыхъ духовъ, но вступаютъ съ ними въ дружескія отношенія. Они живутъ между собою согласно, на обоюдныхъ угожденіяхъ, руководясь установленными пріемами и условленными правилами.

Пословица говоритъ, что «водой мельница стоитъ, да отъ воды и погибаетъ», а потому-то всѣ помыслы и хлопоты мельника сосредоточены на плотинѣ, которую размываетъ и прорываетъ не иначе, какъ по волѣ и силами водянаго черта. Оттого всякій день мельникъ, хоть дѣла

нѣтъ, а изъ рукъ топора не выпускаетъ и, сверхъ того, старается всякими способами ублажить водянаго по завѣтамъ прадѣдовъ. Такъ, напримѣръ, упорно держится, повсюду слухъ, что водяной требуетъ жертвъ живыми существами, особенно отъ тѣхъ, которые строятъ новыя мельницы. Съ этой цѣлью, въ недалекую старину, сталкивали въ омутъ какого-нибудь запоздалаго путника, а въ настоящее время бросаютъ дохлыхъ животныхъ (непремѣнно въ шкурѣ). Вообще, въ нынѣшнія времена умиротвореніе сердитыхъ духовъ стало дешевле: водяные, напр., довольствуются и мукой съ водой въ хлѣбной чашкѣ, и крошками хлѣба, скопившимися на столѣ во время обѣда и т. п. Только по праздникамъ они любятъ, чтобы ихъ побаловали водочкой. Сверхъ этихъ обычныхъ пріемовъ задабриванія водяныхъ, многіе мельники носятъ при себѣ шерсть чернаго козла, какъ животнаго, особенно любезнаго водяному черту. Осторожные и запасливые хозяева, при постройкѣ мельницъ, подъ бревно, гдѣ будетъ дверь, зарывали живымъ чернаго пѣтуха и три «супорыжки», т. е. стебля ржи, случайно выросшихъ съ двумя колосьями; теперь съ такимъ же успѣхомъ обходятся лошадинымъ черепомъ, брошеннымъ въ воду съ приговоромъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ, на мельницахъ все еще бережно воспитываются всѣ животныя черной шерсти (въ особенности пѣтухи и кошки). Это — на тотъ случай, когда водяной начнетъ озлобленно срывать свой гнѣвъ на хозяевъ, прорывая запруды и приводя въ негодность жернова: пойдетъ жорновъ, застучитъ, запепчетъ да и остановится, словно за что-нибудь задѣваетъ.

Удачи рыболововъ также находятся во власти водяныхъ. Старики до сихъ поръ держатся двухъ главныхъ правилъ: навязываютъ себѣ на шейный крестъ траву

Петровъ крестъ *), чтобы не «изурочилось», т. е. не появился бы злой духъ и не испортилъ всего дѣла, и изъ перваго улова часть его, или первую рыбу кидаютъ обратно въ воду, какъ дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбакъ никогда не отвѣтитъ на вопросъ встрѣчнаго, что онъ идетъ ловить рыбу, такъ какъ водяной любитъ секреты и уважаетъ тѣхъ людей, которые умѣютъ хранить тайны. Нѣкоторые старики-рыболовы доводятъ свои угожденія водному хозяину до того, что бросаютъ ему щепотки табаку («на тебѣ, водяной, табаку: давай мнѣ рыбку») и, съ тою же цѣлью подкупа, подкуриваютъ снасть богородской травкой и т. д.

А затѣмъ и у рыбаковъ, какъ и у охотниковъ, сохраняется множество разсказовъ о неудачныхъ встрѣчахъ съ водяными, о шуткахъ, проказахъ этихъ духовъ и т. п.

Пчеловоды поставили свое чистое дѣло — уходъ за прославленной «Божьей угодницей» - пчелкой — также въ зависимость отъ водянаго и изстари придерживаются обычая кормить его свѣжимъ медомъ и дарить воскомъ, понемногу изъ каждаго улья, наканунѣ Спасова дня (Преображенія Господня), ночью, до пѣтуховъ. Точно также объ ту же пору несетъ пчеловодъ первый рой или «первакъ» въ прудъ или болото, и тамъ его топитъ. При этомъ онъ судитъ такъ, что когда водяному станетъ въ водѣ душно,—онъ ломаетъ ледъ, вода прибываетъ, дѣлается разливъ. Такой разливъ, хотя, быть можетъ, и не затопитъ пчельника, да худо уже то, что накопляется въ воздухѣ излишняя сырость, а она-то и составляетъ для пчелокъ сущую погибель, неустранимое несчастіе: ко всему выносливо божье созданьице, но нѣсколькихъ ка-

*) Петровъ крестъ—онъ же заячій горошекъ.

пель косого дождя достаточно для того, чтобы погибъ цѣлый улей. Опасливые суевѣры изъ пчеловодовъ не задумываются бросать водяному сотъ съ медомъ первой нарѣзки фунтовъ по 5 — 10 заразъ. Въ награду за такіе подарки водяной даетъ кукушку и приказываетъ хозяину пчелъ посадить эту птицу въ отдѣльный улей и поставить его гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, чтобъ никто не видалъ и не открывалъ. Если кто этотъ улей откроетъ, то птица улетитъ, а за нею улетятъ и всѣ пчелы. Приэтомъ знающіе люди толкуютъ, что медъ отъ такихъ пчелъ, которыхъ напускаетъ водяной, будетъ плохой на вкусъ и не столь сладкій, и соты не такіе, какъ у настоящихъ пчелъ: у этихъ луночки въ сотахъ выходятъ крестиками, а пчелы водянаго строютъ соты кружечками.

Кромѣ услугъ профессіональнаго характера, водяные бываютъ полезны и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ, напр., для того, чтобы отыскать мѣсто нахожденія тѣла утопленника и исхитить его изъ объятій водянаго, достаточно пустить на воду деревянную чашку съ тремя восковыми свѣчами, прикрѣпленными по краямъ: погрузившись, она останавливается—и всякій разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежитъ утопленникъ. Это повѣрье лишній разъ доказываетъ, насколько еще существенна и жива въ народѣ вѣра въ водянаго и могущественъ безпричинный страхъ, порождаемый этой вѣрой. Водяной, подобно всѣмъ духамъ изъ нечисти, не только «дѣдушко», какъ привычно зовутъ его, но и подлинный «пращуръ», каковымъ имѣетъ онъ безспорное право считаться.

Впрочемъ, подобно тому, какъ съ истребленіемъ лѣсовъ, ослабѣваетъ вѣра въ лѣшихъ, и за справками о нихъ приходится обращаться уже на далекія окраины, въ темные вологодскіе сюземы и непролазныя костромскія раменья,—

такъ и съ высыханіемъ рѣкъ и осушеніемъ болотъ, постепенно тускнѣетъ образъ водяного: начавшіяся среди водяныхъ предсмертныя безпокойства выражаются пока въ переселеніяхъ, или переплывахъ изъ святыхъ озеръ въ поганыя. Но для нихъ все же еще много остается приволья и простора въ громадной озерной олонецкой странѣ и въ тѣхъ неодолимыхъ болотахъ, которыя разлеглись во множествѣ мѣстъ громадными площадями, составляющими цѣлыя страны, подобно бѣлорусскому Полѣсью, вятскому Зюздинскому краю, и т. д. Здѣсь, въ удобныхъ мѣстахъ, живутъ не по одному, а даже по нѣскольку водяныхъ вмѣстѣ. Кругомъ же и около, вблизи и вдали, остаются все тѣ же мыслящіе живые люди, неспособные въ своихъ вѣрованіяхъ отрѣшаться отъ тѣхъ вещественныхъ и матеріальныхъ образовъ, которые рисуетъ имъ воображеніе, ограниченное лишь пятью чувствами.

X.

РУСАЛКИ.

Поэтическій образъ фантастическихъ жилицъ надземныхъ водъ, вдохновлявшій поэтовъ всѣхъ странъ и соблазнявшій художниковъ всѣхъ родовъ изящныхъ искусствъ, еще живетъ въ народномъ представленіи, несмотря на истекшія многія сотни лѣтъ. Въ качествѣ наслѣдства отъ языческихъ предковъ славянъ, принесеннаго съ береговъ тихаго Дуная на многоводныя рѣки славянскаго востока и на его глубокія и свѣтлыя озера, этотъ миѳъ значительно измѣнился въ Великороссіи. Изъ веселыхъ, шаловливыхъ и увлекательныхъ созданій западныхъ славянъ и нашихъ малороссовъ, русалки, въ странѣ угрюмыхъ хвойныхъ лѣсовъ, превратились въ злыхъ и мстительныхъ существъ, наравнѣ съ дѣдушкой водянымъ и его сожительницами, въ родѣ «шутовокъ» и «берегинь». Такимъ образомъ, между малороссійскими «мавками или майками» и «лѣшачихами» лѣсной Россіи образовалась большая пропасть, отдѣляющая древнія первобытныя вѣрованія отъ извращенныхъ позднѣйшихъ. Русалокъ, поющихъ веселыя пѣсни восхитительными и заманчивыми голосами, замѣнили на лѣсныхъ рѣкахъ растрепы и нечёсы: блѣднолицыя, съ зелеными глазами и такими же волосами, всегда голыя и всегда готовыя завлекать къ себѣ только для того, чтобы безъ всякой особой вины

защекотать до смерти и потопить. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Великороссіи даже не всегда про нихъ знаютъ. Въ рѣдкихъ мѣстностяхъ, вообще, объ нихъ вспоминаютъ и разсказываютъ, какъ о существахъ живыхъ и дѣйствующихъ, подобно прочей злой и уродливой нечисти. Но за то повсемѣстно сохранилась, такъ называемая, «русальная недѣля» и «русалкино заговѣнье» (на Петровки, или апостольскій постъ).И эти празднества ясно показываютъ, насколько сѣверная лѣсная русалка не похожа на ту, которая плѣняла и вдохновляла, между прочимъ, и нашихъ великихъ поэтовъ.

Уже одно то, что русалка изображается (напримѣръ, въ приволжскихъ мѣстахъ) въ видѣ соломеннаго чучела, а кое-гдѣ даже въ видѣ взнузданнаго лошадинаго черепа, укрѣпленнаго на шестѣ,—показываетъ, какъ потускнѣлъ и вылинялъ въ Великороссіи поэтическій миѳъ о граціозной красавицѣ-русалкѣ. Только въ слабыхъ и постепенно смолкающихъ пѣсенныхъ отголоскахъ еще мелькаетъ образъ этихъ красивыхъ существъ и сберегаются объ нихъ слабѣющія воспоминанія. Но зато тутъ успѣли уже войти въ обычай иныя чествованія, именно чествованія кукушки — весенней вѣстницы. Дѣвушки крестятъ ее въ лѣсу, кумятся между собою и завиваютъ вѣнки на березѣ (завиваютъ на семикъ въ четвергъ, а развиваютъ на слѣдующее воскресенье, приходящееся въ Троицынъ день). Тѣмъ не менѣе, на десятой недѣлѣ по святой Пасхѣ, сохранившей древнее народное названіе «русальной», или «русальской», ни одна деревенская дѣвушка не рѣшится пойти въ лѣсъ безъ товарокъ, именно изъ боязни «злыхъ русалокъ», которыя, по народному представленію, на это время переселяются, изъ рѣчныхъ и озерныхъ омутовъ, въ лѣса. Въ ту же самую пору мужики прини-

маются «русальничать», т. е. гулять на всѣ лады и пить цѣлую всесвятскую недѣлю до самого заговѣнья.

Вотъ почему, за точными справками о русалкахъ, необходимо обращаться на югъ—къ малороссамъ. Въ Великороссіи же болѣе подробныя свѣдѣнія о русалкахъ получаются, главнымъ образомъ, изъ губерній тульской, орловской, калужской и пензенской *). Но и здѣсь веселый образъ русалки омрачается недобрыми, злыми свойствами.

Оставляя съ Троицына дня воды и разсыпаясь, вплоть до осени, по полямъ, перелѣскамъ и рощамъ, русалки выбираютъ себѣ развѣсистую, склонившуюся надъ водою иву или плакучую березу, гдѣ и живутъ. Ночью, при лунѣ, которая для нихъ ярче обычнаго свѣтитъ, онѣ качаются на вѣтвяхъ, аукаются между собою и водятъ веселые хороводы съ пѣснями, играми и плясками. Гдѣ онѣ бѣгали и рѣзвились, тамъ трава ростетъ гуще и зеленѣе, тамъ и хлѣбъ родится обильнѣе. Тѣмъ не менѣе, отъ русалокъ не столько пользы, сколько вреда: когда онѣ плещутся въ водѣ и играютъ съ бѣгущими волнами, или прыгаютъ на мельничныя колеса и вертятся вмѣстѣ съ ними, то все-таки не забываютъ спутывать у рыбаковъ сѣти, а у мельниковъ портить жернова и плотины. Онѣ могутъ насылать на поля сокрушительныя бури, проливные дожди, разрушительный градъ; похищаютъ у заснувшихъ безъ молитвы женщинъ нитки, холсты и полотна, разосланныя на травѣ для бѣленья; украденную пряжу, качаясь на древесныхъ вѣтвяхъ, разматываютъ и подпѣваютъ себѣ подъ носъ хвастливыя пѣсни. Въ такихъ случаяхъ находятся разнообразныя средства и способы

*) Изъ этихъ мѣстъ преимущественно получены Этнографическимъ Бюро свѣдѣнія о русалкахъ.

для борьбы съ затѣями лихихъ русалокъ, чтобы дѣлать ихъ безвредными для деревенскаго домашняго хозяйства.

Кромѣ церковнаго ладона (незамѣнимаго средства противъ всякой нечистой силы)—противъ чаръ и козней русалокъ отыскалось еще снадобье, равносильное священной вербѣ и свѣчамъ страстной недѣли, — это «полынь, трава окаянная, безколѣнная». Надо только пользоваться ея силою и примѣнять ее на дѣлѣ умѣючи. Уходя послѣ Троицына дня въ лѣсъ, надо брать эту траву съ собою. Русалка непремѣнно подбѣжитъ и спроситъ:

— Что у тебя въ рукахъ: полынь или петрушка?

— Полынь.

— Прячься подъ тынъ, громко выкрикнетъ она и быстро пробѣжитъ мимо. Вотъ въ это-то время и надо успѣть бросить эту траву прямо русалкѣ въ глаза. Если же сказать «петрушка», то русалка отвѣтитъ:

— Ахъ ты моя душка,—и примется щекотать до тѣхъ поръ, пока не пойдетъ у человѣка изо рта пѣна, и не повалится онъ, какъ мертвый, ничкомъ.

Хотя во Владимірской губ. и помнятъ еще древнихъ русалокъ и признаютъ даже два ихъ вида (водяныхъ и домашнихъ), но ни тѣ, ни другія не отмѣчаются такими нѣжными, привлекательными чертами, какъ южныя ихъ сестры. Повѣрья сѣверянъ и южанъ связаны между собою лишь въ томъ общемъ убѣжденіи, что русалки—людскія дѣти, умершія некрещенными, либо потонувшія или утопившіяся дѣвушки. Во многихъ мѣстахъ думаютъ, что это — дѣти, обмѣненныя въ то время, когда роженицу оставляютъ одну въ банѣ, и она лежитъ безъ креста, а ребенокъ подлѣ нея спитъ некрещеннымъ.

Всѣмъ русалкамъ разрѣшается выходить изъ воды еще на Свѣтлое Воскресенье, когда обносятъ кругомъ церкви

плащаницу. И потому въ это время надо запирать двери въ храмѣ какъ можно крѣпче, изъ опасенія, какъ бы не набѣжали русалки.

Въ этомъ повѣрьи, на первый взглядъ нѣсколько странномъ, можно различить слѣды древне-славянскаго почитанія душъ умершихъ: весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ.

Эта связь между природой и душами умершихъ привлекала къ себѣ вниманіе многихъ ученыхъ, которые дѣлаютъ въ этомъ направленіи настолько остроумныя сближенія, что на нихъ необходимо остановиться хоть на короткое время.

Души умершихъ, т. е. русалки, суть представители царства смерти, тьмы и холода, поэтому-то, съ наступленіемъ весны, хотя онѣ и оживаютъ, но обитаютъ все-таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Съ Троицына дня русалки оставляютъ воды и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ.

Но вотъ наступаетъ время купальскихъ дней. Солнце, купаясь въ водахъ, освѣщаетъ эти воды и оживотворяетъ. Умѣстно ли русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живоноснаго солнечнаго божества? И вотъ, по тому же народному повѣрью, онѣ оставляютъ воды и лѣзутъ на зеленыя деревья, служившія, по вѣрованію древнихъ славянъ, жилищемъ мертвецовъ.

Такъ, между прочимъ, объясняетъ русальскіе праздники А. В. Баловъ, доставившій самыя интересныя данныя по великорусской демонологіи изъ Пошехонскаго уѣзда (Ярослав. г.).

XI.

ОБОРОТНИ.

Отъ Русалокъ прямой переходъ къ «оборотнямъ»,—такимъ же мнимымъ существамъ, почти однороднаго происхожденія. Чтобы стать настоящей русалкой, т. е. потерять на всегда право и возможность возвратиться въ первобытное состояніе, по народнымъ толкамъ, необходимо четыре года. Только дѣвушкамъ-самоубійцамъ возврата назадъ нѣтъ. Точно также не закрытъ путь для обратнаго превращенія въ людей всякаго сорта оборотнямъ, не исключая даже волколаковъ, крѣпче другихъ зачурованныхъ.

Эти «волкодлаки» (по старинному) или «волколаки» *), по современному произношенію малороссовъ и бѣлоруссовъ, суть всего чаще люди, обращенные въ волка, который, затѣмъ, можетъ оборачиваться въ собаку, кошку, въ кустъ, пень и проч. (Вѣдьмы также обращаются въ волколаковъ и обращаютъ другихъ). Несмотря на то, что это повѣрье свойствено всѣмъ европейскимъ народамъ (французъ. Loup—garou, нѣм. Wehrfwolf и проч.), но наибольшею распространенностью и устойчивостью оно

*) «Волкодлаки», какъ названіе, составилось изъ двухъ словъ, причемъ «кудла» принята въ смыслѣ косматой и растрепанной шерсти, какая бываетъ у шаршавыхъ или кудлатыхъ собакъ, и каковою въ особенности отличаются волки.

пользуется на югѣ и западѣ. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ въ Великороссіи вѣра въ волколаковъ привилась чрезвычайно слабо, — въ средѣ бѣлоруссовъ и малороссовъ она является самою законченною, полною живыхъ образовъ и совершенно искреннею. У нихъ стоитъ лишь найти въ лѣсу гладко срубленный пень, воткнуть въ него съ приговорами ножъ и перекувырнуться черезъ него — станешь вовкудлакомъ. Порыскавъ волкомъ, надо забѣжать съ противной стороны пня и перекувырнуться обратно; если же ножъ кѣмъ-нибудь похищенъ, то придется остаться перевертышу навѣкъ волкомъ. Такъ объясняетъ это повѣрье Даль въ «Толковомъ словарѣ» великорусскаго языка.

Что касается великорусскихъ воззрѣній на волколаковъ и оборотней, то, не навязывая доказательствъ, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій, мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ возможность представить подкрѣпленіе въ сообщеніяхъ, полученныхъ нами отъ многочисленныхъ корреспондентовъ изъ лѣсныхъ и подмосковныхъ (южныхъ черноземныхъ) губерній. Такъ, напр., изъ Смоленской губерніи (изъ Дорогобужскаго уѣзда) г. Гриневъ пишетъ:

«Вѣра въ оборотней среди народа существуетъ и теперь, хотя далеко и не въ такой степени, какъ это было сравнительно немного времени тому назадъ».

Изъ Новгородской губ. (Череповецкаго уѣзда) сообщаютъ:

«Въ настоящее время въ оборотней рѣдко кто вѣритъ: есть нѣсколько стариковъ, которые говорятъ, что оборотни есть».

Изъ Вологодской губ. (Тотемскаго уѣзда):

«Людей оборачивали въ волка или медвѣдя когда-то очень давно, когда были сильные колдуны; впрочемъ, есть

вѣра, что и нынѣ «въ зырянахъ» еще есть такіе колдуны, что могутъ человѣка пустить волкомъ»:

Изъ Вятской губ. (Сарапульскаго уѣзда):

«Раньше, въ старые годы, были такіе колдуны, что цѣлыя свадьбы могли оборачивать въ волковъ. Ѣдетъ свадьба подъ вѣнецъ, или изъ-подъ вѣнца,—и всю свадьбу сдѣлаютъ волками; навсегда такъ и бѣгаютъ. Теперь этого нѣтъ, не слыхать вовсе».

Таковы на выдержку извѣстія съ сѣвера, а вотъ изъ подмосковныхъ мѣстностей, — изъ Ряз. губ. (Скопинскій уѣздъ): «въ оборотней крестьяне вѣрятъ и боятся встрѣчи съ ними». Изъ Сарат. г. (Хвалынскій у.): «въ оборотней народъ вѣритъ и представляетъ ихъ въ видѣ свиньи, коровы, собаки, козла или вообще чудовища. Люди въ оборотней обращаются сами собой, для чего надо воткнуть два ножа въ ротъ, прочитать заклинаніе и три раза перекувыркнуться».

Изъ Калужской губ. (Мещовскаго у.): «Узнать оборотней легко можно по тому, что у нихъ заднія ноги имѣютъ колѣна впередъ, какъ у человѣка, а не назадъ, какъ у волка. Людямъ они вреда не дѣлаютъ, кромѣ тѣхъ, кто ихъ испортилъ; тѣ не должны имъ попадаться на встрѣчу». Изъ той же губ. (Медынскаго уѣзда): «въ существованіе оборотней вѣрятъ, но волколаковъ не знаютъ». Оборотнями дѣлаются колдуны: скидываются чаще всего въ свиней, скидываются кошками, собаками, даже пѣтухами или сорокой».

Изъ Пензенской г. пишутъ: «при въѣздѣ въ село Шигонь, Инсарскаго уѣзда, въ восточной сторонѣ, находится пересохшій ручей, называемый Юръ. Изъ-подъ моста по ночамъ выходятъ гусь и свинья, происхожденіе которыхъ неизвѣстно, и нападаютъ на проходящихъ, осо-

бенно на пьяныхъ. По мнѣнію народа, эти животныя — оборотни и колдуны», и т. д.

Сопоставляя всѣ эти противорѣчивые разсказы объ оборотняхъ, нельзя не придти къ заключенію, что вѣра въ нихъ значительно ослабѣла и разсыпалась на множество осколковъ, изъ которыхъ съ трудомъ можно составить себѣ цѣльное представленіе объ этой нечистой силѣ. Даже въ сѣверныхъ лѣсныхъ трущобахъ, считающихся колыбелью всякихъ суевѣрій, миѳъ объ оборотняхъ не вылился въ законченную форму. Оборотни здѣсь—существа временныя, а не постоянныя, являющіяся таковыми на ту лишь пору, когда требуютъ различныя обстоятельства (напр., желаніе отомстить и даже подшутить и т. под.). Въ такихъ случаяхъ оборотнями «скидываются на время» сами колдуны или, какъ называютъ ихъ въ вологодскихъ краяхъ, «опасные». Здѣсь «оборачиваютъ» некрещеныхъ младенцевъ, дѣвушекъ, лишившихъ себя жизни — и въ настоящихъ оборотней, и въ обмѣнокъ, и въ русалокъ безъ всякаго различія. Сами колдуны обращаются въ таковыхъ же послѣ смерти, въ тѣхъ случаяхъ, «если колдунъ продалъ свою душу черту» Избавить его можно лишь въ томъ случаѣ, если передъ смертью перерѣзать ему на ногахъ сгибательныя пяточныя сухожилія. Тогда онъ уже теряетъ возможность ходить или шататься по землѣ. «Оборотни (пишутъ изъ Кадниковскаго у.) бывали еще на нашей памяти (т. е. въ памяти живущаго поколѣнія), когда цѣлые свадебные поѣзда, прямо изъ-за стола, колдуны пускали волками»...

XII.

КОЛДУНЪ-ЧАРОДѢЙ.

Прошло то доброе старое время, когда, подъ шумокъ веретена, охотно слушались повѣсти о геройскихъ подвигахъ могучихъ богатырей—на нашей памяти наступаютъ иныя времена, когда, подъ стукъ швейныхъ машинъ, на устахъ присяжныхъ сказочниковъ-портныхъ, стала уже смолкать сказка-складка. Но колдунъ-чародѣй все еще не забытъ и все еще властенъ и крѣпокъ, не смотря на свое почтенное долголѣтіе. Онъ точно тотъ старый дубъ, у котораго давно гніетъ сердцевина, но котораго не свалила буря, благодаря лишь тому, что его корень такъ глубоко проникъ въ землю, какъ ни у одного изъ прочихъ лѣсныхъ деревьевъ. Самая внѣшность колдуна, строгая и внушительная, очень напоминаетъ старый дубъ. Вспомните обсыпанную снѣгомъ, фигуру чародѣя, который стоитъ на переднемъ планѣ превосходной картины нашего жанриста (В. М. Максимова). Внезапно этотъ чародѣй явился на свадебный пиръ и всѣхъ напугалъ не на шутку: молодые вскочили съ мѣста и остолбенѣли отъ страха, батюшка-попъ находится въ тревогѣ, а всѣ остальные настолько испуганы, что на лицахъ ихъ одновременно можно читать выраженіе и страха, и раскаянія: забыли, дескать, позвать колдуна—жди теперь бѣды; онъ

оскорбленъ, онъ отомститъ, и запоздалымъ угощеніемъ его теперь не задобрить.

Суевѣрный страхъ передъ колдунами покоится на общенародномъ убѣжденіи, что всѣ они состоятъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нечистой силой, и что черти не только исполняютъ всѣ ихъ порученія, но даже надоѣдаютъ, требуя для себя все новой и новой работы. Что ни придумаютъ чародѣи—все чертямъ ни по чемъ, одна забава: выдумалъ одинъ колдунъ заставить ихъ овинъ молотить—въ одну ночь измолотили такъ, что и соломы обирать не надо: осталась одна мякина. Далъ другой мѣру овса и мѣру льнянаго сѣмени, велѣлъ обѣ смѣшать и отобрать по зернушку, каждое въ отдѣльное мѣсто: думалъ, что надъ льняными зернами, скользкими и увертливыми, черти надсадятся, а они въ полчаса всю работу прикончили. Пошлютъ иные колдуны на елкѣ хвою считать, каждую иголку перебрать, чтобы бѣсы искололи себѣ лапы, изошли кровью отъ уколовъ, а они сказываютъ вѣрнымъ счетомъ да еще самодовольно ухмыляются. Другіе затѣйники на осину имъ указываютъ: сосчитайте, молъ листья (а осиновый листъ, какъ извѣстно, не податливъ: безъ вѣтру изгибается, безъ устали шевелится, ухватить себя лапами не дается). Долго черти съ ними бьются; потъ съ нихъ льется градомъ, не смотря на то, что на осинѣ листьевъ меньше, чѣмъ иголокъ на елкѣ, — однако и глазомъ заказчикъ едва успѣетъ мигнуть, какъ работа у чертей окончена. Опять осклабили они зубы, опять навязываются на работу. Вбилъ одинъ колдунъ въ озеро колъ и оставилъ конецъ надъ водой: «заливайте, говоритъ колъ».—Стали черти заливать—не могутъ.—«Теперь не скоро явятся, думаетъ колдунъ: дня два промучаются, а

я тѣмъ временемъ отдохну отъ нихъ». Однако, колдунъ ошибся: хотя онъ наказалъ носить воду рѣшетомъ, да забылъ его зааминить, сдѣлать по молитвѣ такимъ, чтобы они не могли навести свои чары—превратить рѣшето въ лукошко. Вотъ черти и залили колъ. Снова пришли, расхохотались: давай имъ что-нибудь потруднѣе. Тогда колдунъ озлился:—«Вотъ вамъ чурбанъ изъ того проклятаго дерева, которое вы любите за то, что на немъ удавился Іуда, и подъ корою котораго видна кровь (кора подъ кожицей красновата); чурбанъ я вырубилъ во весь свой ростъ, да съ одного конца отсѣкъ отъ него полъаршина. Надо вытянуть кряжъ такъ, чтобы сталъ по мѣркѣ снова вровень съ ростомъ». Тянули черти три дня цѣлыхъ—ничего у нихъ не вышло. Пришли покаяться и опять просить работы, хотя бы еще поскучнѣе, напр., песокъ съ берега перетаскать въ рѣку, по песчинкѣ, или еще мудренѣе: развѣять куль муки по вѣтру да и собрать его по порошинкѣ.

Колдуны бываютъ природные и добровольные, но разницы между ними нѣтъ никакой, кромѣ того, что послѣднихъ труднѣе распознать въ толпѣ и не такъ легко уберечься отъ нихъ. Природный колдунъ, по возрѣніямъ народа, имѣетъ свою генеалогію: дѣвка родитъ дѣвку, эта вторая приноситъ третью, и родившійся отъ третьей мальчикъ сдѣлается на возрастѣ колдуномъ, а дѣвочка вѣдьмой. Впрочемъ, помимо этихъ двухъ категорій колдуновъ, существуютъ, хотя и очень рѣдко, колдуны невольные. Дѣло въ томъ, что всякій колдунъ передъ смертью старается навязать кому-нибудь свою волшебную силу, иначе ему придется долго мучиться, да и мать-сыра земля его не приметъ. Поэтому знающіе и осторожные люди

тщательно избѣгаютъ брать у него изъ рукъ какую-нибудь вещь, даже самые близкіе родные стараются держатся подальше, и если больной попроситъ пить, то не дадутъ изъ рукъ, а поставятъ ковшикъ такъ, чтобы онъ самъ могъ до него дотянуться. Разсказываютъ, что одинъ колдунъ позвалъ дѣвку и говоритъ: «На, тебѣ!»—Та догадалась:—«Отдай тому, у кого взялъ». Застоналъ онъ, заскрипѣлъ зубами, посинѣлъ весь, глаза налились кровью. Въ это время пришла провѣдать его племянница; онъ и къ ней:—«На, говоритъ,тебѣ на память!»—Та спроста приняла пустую руку,—захохоталъ онъ и началъ кончаться.

Для «невольнаго» колдуна возможно покаяніе и спасеніе: ихъ отчитываютъ священники и отмаливаютъ въ монастыряхъ, для «вольныхъ» же нѣтъ ни того, ни другого.

Посвященія въ колдуны, въ общемъ, сопровождаются однородными обрядами, смыслъ которыхъ повсюду сводится къ одному—къ отреченію отъ Бога и царствія небеснаго, и затѣмъ къ продажѣ души своей черту. Для перваго довольно снять съ шеи крестъ и спрятать его подъ правую пятку, или положить икону на землю внизъ ликомъ и встать на нее ногами, чтобы затѣмъ въ такомъ положеніи говорить богохульныя клятвы, произносить заклинанія и выслушивать всѣ руководящія наставленія сатаны. Лучшимъ временемъ для этого, конечно, считается глубокая полночь, а наиболѣе удобнымъ мѣстомъ—перекрестки дорогъ, какъ излюбленное мѣсто нечистой силы. Удобны также для сдѣлокъ съ чертомъ бани, къ которымъ, какъ извѣстно, приставлены особые духи. При заключеніи договоровъ иные черти довѣряютъ клятвамъ на слово, другіе отъ грамотныхъ требуютъ росписки кровью, а неграмотнымъ велятъ кувыркаться вѣдомое число

разъ черезъ столько-то ножей, воткнутыхъ въ землю *). Когда всѣ обряды благополучно окончены, къ посвященному на всю жизнь его приставляются для услугъ мелкіе, бойкіе чертенята.

Для изобличенія колдуновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Пенз. г.) знаютъ три средства: вербную свѣчу, осиновыя дрова и рябиновый прутъ. Если зажечь умѣючи приготовленную свѣчу, то колдуны и колдуньи покажутся вверхъ ногами. Равнымъ образомъ, стоитъ истопить въ великій четвергъ осиновыми дровами печь, какъ тотчасъ всѣ колдуны придутъ просить золы. Рябиновая же палочка, помогаетъ опознавать этихъ недоброхотовъ, во время свѣтлой заутрени: они стоятъ задомъ къ иконостасу. Это повсюду считается самымъ вѣрнымъ средствомъ, и если встрѣчаются разнорѣчія, то лишь въ указаніи времени, (напр., въ Орл. и Саратов. губерніяхъ полагаютъ болѣе удобнымъ моментомъ для наблюденій—пѣніе Херувимской за пасхальной обѣдней, причемъ совѣтуютъ надѣть на себя все чистое и новое до послѣдней ниточки.) Въ Новг. же губ. колдуновъ опознаютъ нѣсколько иначе. Для этого совѣтуютъ взять въ руки первое яйцо молодой курицы и, во время свѣтлой заутрени, стоять на такомъ мѣстѣ, откуда видно было бы всѣхъ молящихся; тогда у колдуновъ удается замѣтить даже рога на головѣ. Въ Калужской губ. колдуны узнаются по тому, что на св. Пасху приходятъ въ чужую избу огня просить и т. п. Наконецъ, есть и еще нѣсколько способовъ, отличающихся большой странностью; въ числѣ ихъ одинъ, напр., такого рода: надо положить ножъ остріемъ кверху и прочитать воскресную молитву (Да воскреснетъ Богъ) съ конца: тогда

*) До 12-ти разъ какъ сообщаютъ изъ Пенз. губ.

колдунъ либо зареветъ, либо начнетъ скверно ругаться. Въ Сарап. у. Вятской губ. указываютъ еще на «сорокообѣденный ладанъ» (пролежавшій на престолѣ во время сорокоуста). Если такой ладанъ растереть въ порошокъ и всыпать въ вино, пиво и дать подозрительному человѣку выпить, то онъ начнетъ ходить по избѣ съ одного угла на другой и дверей не найдетъ. Этотъ способъ тѣмъ хорошъ, что если въ это время дать колдуну напиться поганой воды, хотя бы изъ лоханки, онъ охотно выпьетъ и затѣмъ потеряетъ всю силу.

Всѣ эти заботы о пріисканіи предохранительныхъ средствъ противъ колдуновъ вытекаютъ непосредственно изъ непоколебимой народной вѣры «въ порчу». Здѣсь, въ этой порчѣ, и сосредоточена собственно вся дѣятельность чародѣевъ, и ею же объясняется ихъ вліятельное значеніе въ деревенской средѣ, наружное уваженіе къ нимъ, почетные поклоны при всякой встрѣчѣ и угощенія водкой въ видѣ отступного. Тѣмъ не менѣе, подъ наружными признаками заискивающаго почтенія, скрытно таятся зародыши глубокой ненависти, которая и вспыхиваетъ всякій разъ, какъ только отыскивается смѣльчакъ-обличитель, который выведетъ на свѣжую воду всѣ чародѣйскія штуки. Надъ опростоволосившимся колдуномъ охотно смѣются, причемъ вслѣдъ за насмѣшками, быстро наступаетъ утрата всякаго довѣрія къ нему, полное равнодушіе и невниманіе. Это на лучшій конецъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда озлобленіе скоплялось долгое время и вызвалось неудачею злобныхъ выходокъ чародѣя,—общее негодованіе сопровождается жестокими побоями, напоминающими расправы съ конокрадами. Но есть способъ и единолично расправиться съ колдуномъ. Для этого достаточно бываетъ ударить его

на отмашъ лѣвой рукой, не оборачиваясь назадъ. Если при этомъ прольется кровь, то чародѣй уже испортился, и въ колдуны больше не годится. Онъ перестаетъ быть опаснымъ и затѣмъ, конечно, теряется въ самыхъ заднихъ рядахъ, пребывая въ полномъ презрѣніи и совершенномъ отчужденіи.

Темное дѣло «порчи»,—въ какой бы истерической формѣ она не выражалась: въ формѣ ли кликушества, омеряченія, падучей, бѣснованья, и даже пляски св. Витта,—производится «сглазомъ», заговорами, «напускомъ» и «относомъ». Наговариваютъ на хлѣбъ, соль, воду и проч., напускаютъ по вѣтру и по слѣду, посылаютъ порчу на «относъ» *), т. е. подкидываютъ наговоренныя вещи, и кто ихъ подниметъ, тотъ и захвораетъ. Примѣровъ такого рода порчи разсказываютъ безконечное множество: нашла баба наговоренное яйцо у колодца и зачала на голоса кричать; подняла другая на дорогѣ узелочекъ съ рубахой, крестомъ, поясомъ, цѣпочкой и угольками—и лишилась ѣды, тоска напала, всѣ не милы стали; отнесла назадъ туда, гдѣ нашла и начала поправляться.

Пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ, насылая порчу, очень разнообразны. Сильному колдуну довольно взглянуть своимъ недобрымъ косымъ взглядомъ, чтобы заставить чахнуть. Колдуну послабѣе нуженъ заклятый порошокъ, чтобы бросить его на намѣченную жертву по вѣтру: дѣло сдѣлано, если хоть одна порошинка попадетъ на человѣка или скотину. Вынутый слѣдъ, т. е. щепотка или горсточка земли изъ подъ ногъ обреченнаго, въ мѣ-

*) «Относы» т. е. вещи, снятыя съ заразнаго больнаго и отнесенныя на дорогу, или повѣшенныя въ лѣсу на сукѣ. Болѣзнь уходитъ въ дерево или въ того неосторожнаго, который подниметъ или сниметъ тѣ вещи. Осторожные же никогда не поднимутъ находки, не перекрестясь и не обдумавши ее съ молитвой.

шечкѣ подвѣшивается въ чело печи, а въ трубѣ замазываются глиной волоса его; начнетъ земля и глина сохнуть—сухотка обуяетъ и того человѣка. Черезъ наговореную сильнымъ колдуномъ вещь достаточно перешагнуть, на зачурованное мѣсто стоитъ сѣсть, чтобы захворать. Иной колдунъ только лишь слегка ударитъ по плечу, анъ смотришь—человѣкъ испорченъ.

Тотъ колдунъ, который причинилъ порчу, снять ее уже не въ силахъ,—надо искать другого, хотя бы и слабенькаго. И наоборотъ: если свой колдунъ успѣлъ обезопасить отъ всякихъ чаръ, то чужому тутъ нечего дѣлать. Послѣднее всего виднѣе замѣчается на свадьбахъ, около которыхъ преимущественно и сосредоточивается дѣятельность колдуновъ.

Чтобы избавить молодыхъ отъ порчи, колдуновъ, обыкновенно, зовутъ на свадьбы въ качествѣ почетныхъ гостей, причемъ приглашеннаго еще въ дверяхъ избы встрѣчаетъ самъ хозяинъ низкимъ поклономъ, со стаканчикомъ водки. Вторую чарку колдунъ попроситъ самъ и затѣмъ уже смѣло начинаетъ кудесить съ доброй цѣлью предупредить возможность порчи: беретъ изъ рукъ хозяйки поднесенные хлѣбъ и соль, разламываетъ хлѣбъ на кусочки, круто посыпаетъ солью и разбрасываетъ по сторонамъ. Плюнувши три раза, на востокъ входитъ онъ въ избу, осматриваетъ всѣ углы, дуетъ въ нихъ и плюетъ, потомъ въ одномъ сыплетъ рожь, въ другомъ свою траву, въ остальныхъ двухъ золу: рожь противъ порчи, траву на здоровье молодыхъ. Оглядитъ пристально полъ: не набросано-ли желтаго порошка — вѣдомаго, опаснаго зелья; заглянетъ въ печь: не кинуты-ли на загнетку съ угольями такія травы, отъ которыхъ смрадъ дурманитъ у всѣхъ головы, а у иныхъ бабъ вызываетъ рвоту (бывали случаи,

когда поѣзжане изъ-за этого смрада покидали избу и свадьбу отсрочивали). Затѣмъ колдунъ выходитъ на дворъ и три раза обходитъ лошадей, назначенныхъ для поѣзда подъ жениха и невѣсту. Заглядываетъ подъ хомутъ: не подложилъ-ли какой-либо недоброхотъ репейника или иныхъ колючекъ. Въ избѣ обсыпаетъ молодыхъ рожью, заставляетъ проходить черезъ разостланный подъ ноги черный полушубокъ и этимъ въ конецъ изводитъ навѣянную порчу. Провожая до церкви, онъ на каждомъ перекресткѣ и подъ каждыми воротами (которыя считаются самыми опасными мѣстами), шепчетъ заклинанья. Изъ-подъ вѣнца велитъ ѣхать другой дорогой. На свадебномъ пиру принимаетъ первыя чарки и напивается прежде всѣхъ до полнаго безчувствія. Тогда только его увозятъ домой съ выговоренными подарками, сверхъ денегъ: холстомъ и расшитыми въ узоръ, но не въ кресты, полотенцами.

Въ лѣсныхъ захолустьяхъ еще живы разсказы о томъ, какъ цѣлые свадебные поѣзда лихіе люди оборачивали въ волковъ, какъ одинъ неприглашенный колдунъ высунулъ въ окно голову и кричалъ ѣхавшему по селу поѣзду «дорога на лѣсъ!», а колдунъ приглашенный отчуровывался своимъ словомъ: «дорога на поле!», и съ соперникомъ сдѣлалось то, что у него выросли такіе рога, что онъ не могъ высвободить головы изъ окна, пока на обратномъ пути не простили его и не высвободили. Другой разъ подъ ноги передней лошади колдунъ бросилъ рукавицу на волчьемъ мѣху, и лошадь зафыркала, остановилась какъ вкопанная и задержала весь поѣздъ, который долженъ совершить свой путь безъ помѣхъ и препятствій. Противъ всѣхъ этихъ козней колдуновъ придумано безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ,

хотя и мало дѣйствительныхъ, средствъ: тутъ и лукъ, и чеснокъ, и янтарь, и ладонъ, столь ненавистные чародѣямъ, и крестъ, нашитый на головной платокъ невѣстѣ, и монета, положенная ей съ наговоромъ въ чулки, и иголки безъ ушковъ, зашитыя въ подолѣ платья, и льняное сѣмя, насыпанное въ обувь. Всѣ эти мѣры предосторожности обыкновенно составляютъ заботу свахи, хотя у колдуна, въ свою очередь, припасенъ гороховый стручекъ о девяти горошинахъ—средство, передъ которымъ ничто не устоитъ.

Колдуны, большею частью,—люди старые, съ длинными сѣдыми волосами и нечесанными бородами, съ длинными неостриженными ногтями. Въ большинствѣ случаевъ, они люди безродные и всегда холостые, заручившіеся, однако, любовницами, которыя къ такимъ сильнымъ и почетнымъ людямъ очень прилипчивы. Избенки колдуновъ, въ одно окошечко, маленькія и сбоченившіяся, ютятся на самомъ краю деревень, и двери въ нихъ всегда на запорѣ. Днемъ колдуны спятъ, а по ночамъ выходятъ съ длинными палками, у которыхъ на концѣ желѣзный крюкъ. Какъ лѣтомъ, такъ и зимой надѣваютъ они все одинъ и тотъ-же овчиный полушубокъ, подпоясанный кушакомъ. По наружному виду, они всегда внушительны и строги, такъ какъ этимъ расчитываютъ поддерживать въ окружающихъ то подавляющее впечатлѣніе, которое требуется ихъ исключительнымъ мастерствомъ и знаніемъ темной науки чернокнижія. Въ то-же время они воздерживаются быть разговорчивыми, держатъ себя въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не ведутъ дружбы и даже ходятъ всегда насупившись, не поднимая глазъ и устрашая тѣмъ взглядомъ изъ подлобья, который называется «волчьимъ взглядьемъ». Даже и любовницъ своихъ они не любятъ и часто мѣняютъ

ихъ. Въ церковь они почти никогда не ходятъ и только, страха ради іудейска, заглядываютъ туда по самымъ большимъ праздникамъ. Все это, взятое вмѣстѣ, съ одной стороны, совершенно порабощаетъ напуганное воображеніе захолустныхъ обитателей, а съ другой, придаетъ самимъ колдунамъ необыкновенную увѣренность въ своихъ силахъ. Вотъ характерный разсказъ, показывающій, какъ велико обаяніе колдуновъ въ народной массѣ, и какъ самоувѣрены въ своей «работѣ» эти темные люди.

— Уворовали у насъ деньги—передавалъ одинъ крестьянинъ, нуждавшійся въ помощи колдуна:—пятнадцать цѣлковыхъ у отца изъ полушубка вынули.—Ступай, говорятъ, въ Танѣевку къ колдуну: онъ тебѣ и вора укажетъ, и наговоритъ на воду, али на церковныя свѣчи, а не то такъ и корней наговоренныхъ дастъ. Самъ къ тебѣ воръ потомъ придетъ и добро ваше принесетъ. Пріѣзжаемъ. Колдунъ сидитъ въ избѣ, а около него баба съ парнишкомъ—значитъ, лѣчить привела. Помолились мы Богу, говоримъ: «здорово живете!». А онъ на насъ, какъ пугливая лошадь, покосился и слова не молвилъ, а только на лавку рукой показалъ: садитесь молъ! Мы сѣли. Глянь, промежъ ногъ у него стеклянный горшокъ стоитъ съ водой. Онъ глядитъ въ горшокъ и говоритъ нивѣсть что. Потомъ плюнулъ сначала впередъ, потомъ назадъ и опять началъ бормотать по своему. Потомъ плюнулъ направо, потомъ налѣво, на насъ, (чуть отцу въ харю не попалъ) и начало его корчить да передергивать. А вода та въ горшкѣ такъ и ходитъ, такъ и плещетъ, а ему харю-то такъ и коситъ. Меня дрожь беретъ. Потомъ, какъ вскочитъ, хвать у бабы мальчишку, да и ну его пихать въ горшокъ-отъ!. Потомъ отдалъ бабѣ и въ бутылку воды

налилъ: велѣлъ двѣнадцать зорь умывать и пить давать,— а потомъ велѣлъ бабѣ уходить.

— Ну, говоритъ намъ, и вы пришли. Знаю, знаю, я васъ ждалъ. Говори, какъ дѣло было.

Я такъ и ахнулъ: угадалъ, нечистый! Тятька говоритъ: такъ и такъ, а онъ опять:

— Знаю, знаю! Съ вами хлопотъ много!

Отецъ его проситъ, а онъ все ломается, потомъ говоритъ:

— Ну, ладно: разыщемъ, только не скупись.

Отецъ вынулъ изъ кармана полштофъ на столъ. Колдунъ взялъ, глотнулъ прямо изъ горла раза три, а отцу говоритъ:

— Тебѣ нельзя! и унесъ въ чуланъ вино. Выходитъ изъ чулана, сѣлъ за столъ и отца посадилъ. Началъ въ карты гадать. Долго гадалъ, и все мурлыкалъ, потомъ содвинулъ карты вмѣстѣ и говоритъ:

— Взялъ твои деньги парень бѣлый (а кто въ нашихъ деревняхъ, и по волосамъ и по лицу, не бѣлый?).

Потомъ всталъ изъ за стола и пошелъ въ чуланъ. Выноситъ оттуда котелъ. Поставилъ его посередь избы, налилъ воды, вымылъ руки и опять ушелъ въ чуланъ. Несетъ оттуда двѣ церковныя (восковыя) свѣчи; взялъ отца за рукавъ и повелъ на дворъ. Я за ними. Привелъ подъ сарай, поставилъ позадь себя, перегнулся впередъ и свѣчи какъ-то перекрутилъ, перевернулъ. Одну далъ отцу, одну у себя оставилъ и сталъ чего-то бормотать. Потомъ взялъ у отца свѣчу, сложилъ обѣ вмѣстѣ, взялъ за концы руками, а посреди уцѣпилъ зубами и какъ перекосится—я чуть не убѣжалъ! Гляжу на тятьку—на немъ лица нѣтъ. А колдунъ тѣмъ временемъ ну шипѣть, ну ревѣть, зубами, какъ волкъ, скрежещетъ. А рыло-то

страшное. Глаза кровью налились, и ну кричать: «согни его судорогой, вверхъ тормашками, вверхъ ногами! Переверни его на западъ, на востокъ, расшиби его на 777 кусочковъ! Вытяни у него жилу живота, растяни его на 33 сажени!». И еще чего-то много говорилъ. Затѣмъ пошли въ избу, а онъ свѣчи тѣ въ зубахъ несетъ. Остановилъ отца у порога, а самъ отъ головой въ печь,— только ноги одни остались, и ну, мычать тамъ, какъ корова реветъ. Потомъ вылѣзъ, далъ отцу свѣчи и говоритъ:

— Какъ подъѣдешь къ дому, подойди къ воротному столбу, зажги свѣчу и попали столбъ, а потомъ принеси въ избу и прилѣпи къ косяку: пускай до половины сгоритъ. И какъ догоритъ, то смотри, не потуши просто, а то худо будетъ, а возьми большимъ и четвертымъ (безымяннымъ) пальцемъ и потуши: другими пальцами не бери, а то сожжешь совсѣмъ, и пальцы отпадутъ.

И такъ онъ велѣлъ сжечь свѣчи въ три раза. Пріѣхали мы съ отцемъ домой и сдѣлали, какъ велѣлъ колдунъ. А дёнъ черезъ пять приходитъ къ намъ Митька—грохъ отцу въ ноги: такъ и такъ—моя вина! И денегъ пять цѣлковыхъ отдалъ, а за десять шубу оставилъ, говоритъ:

— Силъ моихъ нѣтъ, тоска одолѣла. Я знаю—это все Танѣевскій колдунъ надѣлалъ *).

Таковы тѣ пріемы, при помощи которыхъ колдуны поддерживаютъ въ народѣ свое обаяніе. Но въ то-же время они твердо знаютъ, что внѣшнее почтеніе быстро смѣняется ненавистью, когда чары переступятъ мѣру и начнутъ наносить обиды. Правда, случаи рѣзкихъ самосудовъ уголовнаго характера стали замѣчательно рѣдки, но о случаяхъ презрѣнія къ колдунамъ-неудачникамъ

*) Разсказъ И. Каблукова (сообщено изъ Саранск. у., Пенз. г.).

связаннаго съ потерею всякаго уваженія къ нимъ, еще поговариваютъ во всѣхъ захолустьяхъ какъ лѣсныхъ, такъ и черноземныхъ губерній. Здѣсь еще возможны случаи публичныхъ состязаній двухъ соперниковъ на почвѣ хвастливаго преимущества.

На этотъ счетъ въ южныхъ великорусскихъ лѣсныхъ захолустьяхъ (напр. въ карачевскихъ и брянскихъ мѣстахъ) существуетъ ходячій разсказъ такого содержанія.

— Въ старыя времена, на концѣ одного села, жила-была старуха. Носъ у ней былъ синій, большой. Какъ ночь, старуха то свиньей, то собакой скидывается, и все бѣлогорлистой. Скинется—и ну по селу ходить: гдѣ солдаткѣ подъ ноги подкатится и сведетъ бабенку съ пути чистаго, а гдѣ мужа съ женой наровитъ разлучить. Грызть не грызетъ, а только подъ ноги подкатывается. А на другомъ концѣ села жилъ колдунъ. И не взлюбилъ тотъ колдунъ старуху, началъ онъ ее изводить и на селѣ похваляться: я де ее доканаю! Вотъ какъ настала ночь и старуха, скинувшись свиньей, пустилась по селу, колдунъ всталъ по середь села и говоритъ:—«Стой, говоритъ, у меня двѣнадцать силъ, а у тебя и всего-то пять!» Завизжала свинья и сдѣлалась вдругъ бабой. Тутъ народъ и давай ее кольями бить: «откажись, говорятъ, окаянная сила!»—Съ недѣлю послѣ того она съ печи не сходила, чтобы синяковъ не показывать, а тамъ отдышалась и опять за свое. И вздумала она разъ на метлу сѣсть: «на метлѣ, говоритъ, онъ меня не уловитъ». Но только это она на середину села выѣхала, какъ онъ и почуялъ, почуялъ да на одномъ колесѣ въ погоню за ней какъ пустится, сшибъ ее съ метлы, да тутъ и заповѣдалъ ей больше этимъ ремесломъ не заниматься.

Въ сѣверныхъ лѣсныхъ мѣстахъ,—именно въ То-

темскихъ краяхъ,—общеизвѣстенъ между прочимъ такой случай.

На одну свадьбу, для предохраненія молодыхъ отъ порчи, приглашенъ былъ колдунъ. Когда молодые отправились въ церковь, то замѣтили около своего дома неподвижно стоящаго человѣка. Возвращаясь назадъ, увидѣли его опять въ томъ-же положеніи, словно пригвожденнымъ къ мѣсту. Когда свадебный колдунъ приблизился къ нему, то всѣ слышали какъ тотъ просилъ: «отпусти ты меня—не держи, сдѣлай милость».—«Я и не держу тебя—ступай». Тогда стоявшій сорвался съ мѣста и бѣгомъ, во всѣ лопатки, пустился прочь. Всѣмъ стало понятно, что то былъ колдунъ, подосланный для порчи: его узналъ защитникъ и, чарами своими, заставилъ его простоять на одномъ мѣстѣ во все время вѣнчанья, и не вредить.

Но если вѣра въ колдуновъ еще очень сильна въ отдаленныхъ мѣстахъ, захолустьяхъ, то въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ крупнымъ центрамъ, она стала значительно ослабѣвать. Изъ подмосковныхъ фабричныхъ мѣстъ, напримѣръ, компетентный свидѣтель, съ полною увѣренностью, сообщаетъ, что тамъ «колдуновъ теперь очень мало, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ (Влад. губ., Шуйск. у.). Случалось, говорятъ бабы, ихъ штукъ по пяти на одну деревню приходилось. Всѣхъ бабъ, бывало, перепортятъ. Бывало, всѣ кликали, а нынче на цѣлую волость пяти-то не наберешь, лекарокъ больше теперь. Сообразно съ такой перемѣной, и разсказы о колдунахъ изъ центральнаго района получаются совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ о столкновеніи колдуна съ солдатомъ.

Вернулся домой солдатъ и попалъ прямо на свадьбу

къ богатому крестьянину. Всѣ за столомъ сидятъ, а на почетномъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, сидитъ, развалившись, и чванится Савка-колдунъ. Не стерпѣлъ солдатъ, задумалъ съ нимъ погуторить: началъ «прокатываться» на его счетъ, смѣшки подпускать. Не вытерпѣлъ и Савка-колдунъ, ударилъ по столу кулакомъ, зарычалъ:

— Эй, кто тамъ крупно разговариваетъ? Кажись, солдатъ-отъ ужъ больно «дочій». Погодь, я его достану, въ самое нутро достану.

Сватья и свахи повалились въ ноги, стали умолять:

— Савелій Федоровичъ, кормилецъ, прости его: во вѣкъ твоей милостью будемъ довольны!

— Ладно, выгоните только этого солдатишку, а то я и сидѣть у васъ больше не стану.

Заговорилъ и солдатъ:

— Ты, Савелій Федоровичъ, не больно на меня наступай, лучше давай-ко потолкуемъ съ тобой, а потомъ поворожимъ и поглядимъ, кто скорѣе уйдетъ отсюда.

— Ну, давай ворожить!

Взяли оба по стакану съ водкой. Колдунъ сталъ нашептывать въ свой, положилъ какой-то корешокъ, песочку присыпалъ, и далъ солдату выпить. Тотъ перекрестился и сразу выпилъ, такъ что всѣ не успѣли даже глазомъ мигнуть. Ухмыляется солдатъ, да еще и спрашиваетъ:

— Что вы на меня выпучили глаза?—ничего со мной не случится. Глядите лучше на Савелья Федоровича.

Надъ своимъ стаканомъ солдатъ не шепталъ, а прямо высыпалъ свой порошокъ:

— Прими-ка, Савелій Федоровичъ:—выпей и ты на здоровье.

Проговорилъ Савка отворотныя слова и выпилъ. А

солдатъ велѣлъ припереть дверь и дружкамъ наказалъ не выпускать колдуна изъ-за стола.

Начало Савку прохватывать, сталъ онъ съ почетнаго мѣста проталкиваться. До середины избы не доскочилъ, какъ всѣ повалились со смѣху.

Съ той поры побѣжденный колдунъ заперся въ своей хатѣ, никуда не выходилъ и къ себѣ никого не впускалъ. Вѣра въ него поколебалась навсегда, хотя бабы приняли за колдуна и солдата.

Пользоваться помощью колдуна, какъ равно и вѣрить въ его сверхъестественныя силы, нашъ народъ считаетъ за грѣхъ, хотя и полагаетъ, что за этотъ грѣхъ на томъ свѣтѣ не угрожаетъ большое наказаніе. Но за то самихъ чародѣевъ, за всѣ ихъ дѣянія, обязательно постигнетъ лютая, мучительная смерть, а за гробомъ ждетъ судъ праведный и безпощадный. (Здѣшній судъ для нихъ не годится, по крайней мѣрѣ, не только жалобъ на колдуновъ не поступаетъ въ правительственные суды, но, въ виду явныхъ обидъ, не приглашаются для разбирательства даже волостныя и земскія власти).

Самая смерть колдуновъ имѣетъ много особенностей. Прежде всего колдуны заранѣе знаютъ о смертномъ часѣ (за три дня) и, кромѣ того, всѣ они умираютъ приблизительно на одинъ манеръ. Такъ, напр., пензенскихъ чародѣевъ бьютъ судороги и настолько сильно, что они не умираютъ на лавкѣ или на полатяхъ, а непремѣнно около порога или подъ печкой. Если надъ такимъ колдуномъ станутъ читать «псалтырь», то въ полночь онъ вскакиваетъ и ловитъ посинѣвшаго отъ страху чтеца. Вологодскіе колдуны, передъ смертными страданіями, успѣваютъ дать роднымъ словесное завѣщаніе: если умретъ въ полѣ— не вносить въ избу, умретъ въ избѣ — выносить не но-

гами впередъ, по обычаю всѣхъ православныхъ, а головой, и у первой рѣки заблаговременно остановиться, перевернуть въ гробу навзничь и подрѣзать пятки или подколѣнныя жилы. Отъ смоленскихъ колдуновъ не требуется и подобныхъ завѣщаній: всѣ тамъ твердо знаютъ, что необходимо тотчасъ же, какъ только зароютъ могилу колдуна, вбить въ нее осиновый колъ *), съ цѣлью, помѣшать этому покойнику подыматься изъ гроба, бродить по бѣлому свѣту и пугать живыхъ людей **). Умираютъ колдуны непремѣнно очень долго, такъ какъ имъ указано мучиться сверхъ положеннаго. Одна орловская колдунья, напримѣръ, умирала цѣлыхъ шесть дней: къ вечеру совсѣмъ умретъ—затихнетъ, положатъ ее на столъ, а на утро она опять залѣзетъ въ подполье и снова жива. Вытащатъ ее оттуда, а она опять начнетъ мучиться: корежитъ ее и ломаетъ, вся она посинѣетъ, высунетъ раздутый языкъ наружу и не можетъ спрятать. Дивуется народъ, а не догадается снять конекъ (верхъ крыши), или хотя бы одну жердочку, чтобы облегчить предсмертныя страданія ***). Короче сказать, всѣ разсказчики, рисующіе ужасы предсмертныхъ страданій колдуновъ, не находятъ словъ для выраженья этихъ мукъ. Иные изъ колдуновъ доходятъ до того, что бьются головой объ стѣнку, стараясь расколоть себѣ черепъ, рвутъ себѣ языкъ на куски и т. п. Одинъ

*) Въ Владим. г. кресты на такихъ могилахъ обыкновенно не ставятъ и вѣрятъ, что колдуны обычно умираютъ въ баняхъ, въ стоячемъ положеніи.

**) Вбиваютъ колъ, обыкновенно по общественному приговору, въ тѣхъ случаяхъ, когда родные не позволяютъ при погребеніи положить въ могилу осиновой палки.

***) Въ другихъ мѣстахъ сѣв. лѣс. губ., съ тою же цѣлью, чтобы дать душѣ просторъ выйти вонъ изъ тѣла и изъ избы, снимаютъ цѣлыя крыши, вѣруя однако при этомъ, что черти могутъ вылетѣть и привычнымъ своимъ путемъ—въ трубу.

изъ нихъ не велѣлъ женѣ подходить къ нему и смотрѣть на его лицо, а когда она, бабьимъ обычаемъ, не послушалась, то послѣ смерти мужа шесть недѣль лежала неподвижно, какъ полоумная и все время смотрѣла въ одну точку. Самыя похороны колдуновъ—вещь далеко небезопасная и, зарывая ихъ въ землю, надо смотрѣть въ оба, чтобы не случилось какой-нибудь бѣды. Такъ, на похоронахъ одного колдуна (Орл. г., Брянск. у.) крестьяне не замѣтили, какъ дочь его, повинуясь слѣпо волѣ умершаго, положила въ могилу свѣжей сжатой ржи. Сейчасъ же послѣ этого грянулъ громъ, нашла грозовая туча съ градомъ, и выбило всѣ полевые посѣвы. Съ тѣхъ поръ каждый годъ, въ день похоронъ этого колдуна, стало постигать «божье наказаніе» (и въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе 83, 84, и 85 гг. градъ при грозѣ побивалъ хлѣбъ лишь въ одной этой деревнѣ), такъ что крестьяне, наконецъ, рѣшили міромъ разрыть могилу, вынуть гнилой снопъ и, только тогда успокоились (выпито при этомъ было видимо-невидимо).

Подводя итоги злой дѣятельности колдуновъ, можно съ увѣренностью сказать, что почти всѣ деревенскія напасти имѣютъ прямую, или косвенную связь съ кознями чародѣевъ. Эта нечисть вредитъ человѣку, вредитъ скотинѣ и переноситъ свою ненависть даже на растенія. Вредъ, приносимый человѣку, всего чаще выражается въ формѣ болѣзней. Колдуны, напримѣръ, «насаживаютъ килы» на людей, т. е. устраиваютъ такъ, что здоровый человѣкъ заболѣваетъ грыжей или злокачественными темно-синими нарывами, сопровождаемыми невыносимой болью и необъяснимой тоской: человѣкъ просто на стѣну лѣзетъ. Запои также насылаются колдунами, когда несчастный бросаетъ семью, уходитъ куда глаза глядятъ, иногда на-

лагаетъ на себя руки. Колдуны же отнимаютъ у человѣка разумъ, дѣлаютъ его припадочнымъ, возбуждаютъ у мужа отвращеніе къ женѣ и обратно, и вообще нагоняютъ всѣ тѣ болѣзни, отъ которыхъ бѣдняковъ отчитываютъ, а людей достаточныхъ возятъ по монастырямъ, къ св. мощамъ. Что касается растеній и животныхъ, то, какъ выше было сказано, колдуны, уступая настойчивымъ требованіямъ нечистой силы, вынуждены обращать свою дѣятельность и на нихъ *), причемъ эта дѣятельность поддерживаетъ среди темнаго населенія постоянную нервную напряженность, проистекающую отъ безпрерывнаго ожиданія нечаянныхъ несчастій и не предусмотрѣнныхъ бѣдъ. Дѣло доходитъ до того, что крестьяне, напр., купивши новую скотину, стараются укрывать ее подальше отъ недобрыхъ глазъ вѣдомаго колдуна: стоитъ ему провести рукой по спинѣ коровы, чтобы отнять у нея молоко, или по спинѣ лошади, чтобы посадить ее на заднія ноги. Надъ лошадьми—особенно въ свадебныхъ поѣздахъ, — вліяніе колдуновъ безгранично: захочетъ — не пойдутъ съ мѣста, или падутъ на пути во время движенія поѣзда въ церковь. Повальные падежи скота относятся также къ работѣ колдуновъ.

Изъ растеній колдуны всего болѣе вредятъ хлѣбу, отлично понимая, что, уничтожая крестьянскія поля, они причиняютъ величайшее несчастіе не только отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ. Чаще

*) Есть, однако, растенія, животныя и даже вещи, которыя помогаютъ волшебству: филины, совы, черныя, безъ всякаго пятнышка, кошки, лягушки, змѣи и всякіе пресмыкающіеся гады безразлично; 12 желѣзныхъ ножей,— для превращеній въ оборотней, осиновая зола, добытая у сосѣдей въ великій четвергъ; сажа изъ церковной печи, травы: разрывъ-трава, любжа, иванъ-да-марья и др.

всего чародѣи прибѣгаютъ къ такъ называемому «залому» или «закруткамъ» (иначе «куклы»).

Заломъ представляетъ собою очень спутанный пучекъ стеблей еще несжатаго хлѣба, надломленныхъ въ правую и лѣвую сторону, закрученныхъ въ узелъ вмѣстѣ съ золой и присыпанныхъ у корней солью, землей съ кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми зернами. Если зола взята изъ печи одного хозяина, то заломъ сдѣланъ съ разсчетомъ нанести вредъ ему одному, предвѣщая различныя бѣдствія: пожаръ, падежъ скота и даже смерть. Такъ думаютъ южные великороссы черноземной полосы и придесненскіе жители (Брянск. у.); сѣверные же (напр. въ Пошехоньѣ) боятся заломовъ еще больше, твердо вѣруя, что послѣдствіемъ такихъ закрутокъ неизбѣжно является полный неурожай на всемъ полѣ. Крестьяне этихъ мѣстъ убѣждены, что если они и успѣютъ предупредить или ослабить козни колдуновъ на испорченныхъ полосахъ, то все-таки выросшій хлѣбъ не будетъ «спориться», т. е. его будетъ расходоватъся въ семьѣ гораздо больше обычнаго средняго количества, такъ что придется раньше времени покупать хлѣбъ на сторонѣ. Сверхъ того, съ зачурованной десятины зерно получается легковѣсное, и по количеству на половину не сравняется съ сосѣдними. Такой хлѣбъ ни одинъ хозяинъ поля не рѣшится пустить для домашняго потребленія, а постарается по скорѣе продать его на сторону. Кромѣ дурного качества зерна, заломъ имѣетъ еще ту особенность, что съ нимъ чрезвычайно трудно бороться: что бы ни дѣлали хозяева зачурованнаго поля, какъ бы ни вырывали и ни жгли залома, но загаданная бѣда непремѣнно сбудется, если не отслужить молебна съ водосвятіемъ и не попросить самого священника вырвать крестомъ всю закрутку съ корнемъ.

Правда, кромѣ священника, во многихъ мѣстахъ хлѣбородныхъ губерній возлагаютъ еще надежды на опытныхъ стариковъ и даже на ловкихъ знахарей. Въ Карачевскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ селѣ Ячномъ, жилъ 75-ти-лѣтній старикъ, котораго всюду возили «развязывать» заломы стариннымъ и очень мудренымъ способомъ *). Старикъ этотъ приносилъ съ собой на загонъ изломанное колесо, срѣзанный заломъ клалъ въ ступицу и сжигалъ на глазахъ хозяевъ, отъ которыхъ требовалъ лишь посильнаго угощенія на дому. Не таковъ былъ мѣщанинъ изъ Малоархангельска, тоже спеціалистъ по части заломовъ. Этотъ бралъ дорого и выѣзжалъ на мѣста не охотно. Зато онъ ужъ вполнѣ бывало обнадежитъ и успокоитъ не только самого потерпѣвшаго, но и всѣхъ сосѣдей. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно съ книжкой и по ней читалъ молитвы (требникъ Петра Могилы): «Мнѣ, говоритъ, его московскій митрополитъ далъ и сказалъ: кормись и поминай меня!» Самое чтеніе онъ обставлялъ очень торжественно: «Заломъ—заломъ, взвейся подъ огнемъ, разсыпься пепломъ по землѣ, не дѣлай вреда никому! Огонь очищаетъ, болѣзнь прогоняетъ»,—такъ говорилъ онъ въ полѣ, и притомъ обыкновенно поднималъ руки кверху, держа ладони обращенными къ огню, который наказывалъ приготовить къ его приходу. Затѣмъ дулъ на всѣ четыре стороны и говорилъ какія-то таинственныя слова. Куда самъ онъ не ѣздилъ, туда посылалъ либо три палочки (двѣ сложитъ крестомъ, третьей прикроетъ и велитъ ими поднимать заломъ), либо давалъ записку съ заклинательными словами,

*) Надо вставать по три зори до восхода солнца и нашептывать воду. А шептать надо долго, такъ что иной дѣдъ шевелитъ—шевелитъ губами и языкомъ, да такъ и заснетъ. Нашептанной водой обрызгиваютъ весь загонъ, и потомъ уже заломъ срѣзаютъ и сжигаютъ.

которую приказывалъ сжечь вмѣстѣ съ заломомъ, а пепелъ привезти къ нему, для окончательнаго отговора. Мужики приэтомъ удивлялись тому, что откуда бы вѣтеръ ни былъ, но пламя тянуло прямо на него.

Кромѣ заломовъ, равносильнымъ, и едва ли даже не бо̀льшимъ, несчастіемъ слѣдуетъ считать, такъ называемые, «прожины» (или прорѣзы). Это не недочетъ въ снопахъ или копнахъ, а та дорожка во ржи, въ вершокъ шириною, которая проходитъ съ одного края загона до другаго, и по которой всѣ колосья срѣзаны. Срѣзаютъ ихъ жучки и черви въ то время, когда рожь въ цвѣту, и потому, конечно, никакихъ слѣдовъ человѣческихъ ногъ по сторонамъ никогда не замѣчается, а напротивъ, стѣнки ржи бываютъ даже примѣтно гуще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той же хлѣбной полосы. Но крестьяне объясняютъ это явленіе тѣмъ, что колдунъ, дѣлая прожинъ, стоитъ въ это время обѣими ногами на двухъ иконахъ, какъ на лыжахъ, и ведетъ дорожку, какъ колесо катитъ.

Когда опытные хозяева замѣчаютъ прожинъ, то зовутъ священника и подымаютъ иконы, придавая между ними большое значеніе «Святцамъ» (иконѣ 12-ти праздниковъ съ Воскресеньемъ въ серединѣ). Священникъ идетъ по прожину съ крестомъ и кропитъ по сторонамъ святою водою. Если же эти мѣры предосторожности не будутъ приняты, то результаты прожина скажутся, и надежды на урожай не оправдаются: на корню по всему полю рожь какъ будто бы хороша, т. е. соломой велика и зерномъ прибыльна, но какъ только сжали ее, привезли на гумно и начали молотить, то сейчасъ же стали замѣчать, что, вмѣсто 5 или 4 мѣръ съ копны, вышло лишь по двѣ, а то и по одной чистаго зерна. Одни при

этомъ толкуютъ, что затѣмъ колдуны и прожинъ дѣлаютъ, чтобы переливать зерно въ свои закрома (пятое со всего поля), другіе объясняютъ безпричинною злобою и желаніемъ всѣмъ хозяевамъ полнаго недорода *).

---

*) Такія же прожины дѣлаютъ лѣсные муравьи въ травѣ, прокладывая себѣ дороги, иногда въ 2—3 верстахъ отъ муравейника, но такимъ прожинамъ не придается зловѣщаго значенія.

XIII.

ВѢДЬМА.

Въ духовномъ стихѣ, записанномъ (А. В. Баловымъ) въ Пошехоньѣ, Яросл. г., душа вѣдьмы, уже завершившей свое земное существованіе, слѣдующимъ образомъ кается въ своихъ грѣхахъ:

«Отъ коровушекъ молочко отдаивала,
Промежъ межи полоску прожиновала,
Отъ хлѣбушка спорынью отымывала».

Въ этомъ стихѣ дается полная характеристика злой дѣятельности вѣдьмы, такъ какъ эти три дѣянія составляютъ спеціальныя занятія женщинъ, рѣшившихся продать свою душу чертямъ. Впрочемъ, если внимательно всмотрѣться въ обликъ вѣдьмы, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисуется воображенію жителей сѣверной лѣсной половины Россіи, то въ глаза невольно бросится существенное различіе между великорусской вѣдьмой и родоначальницей ея—малорусской. Если въ малорусскихъ степяхъ среди вѣдьмъ очень нерѣдки молодыя вдовы и притомъ, по выраженію нашего великаго поэта, такія, что «не жаль отдать души за взглядъ красотки чернобровой», то въ суровыхъ хвойныхъ лѣсахъ, которые сами поютъ не иначе, какъ въ минорномъ тонѣ, шаловливыя и красивыя малороссійскія вѣдьмы превратились въ безобразныхъ старухъ. Ихъ приравнивали здѣсь къ сказочнымъ бабамъ-ягамъ, живущимъ въ избушкахъ на курьихъ нож-

кахъ, гдѣ онѣ, по олонецкому сказанію, вѣчно кудель прядутъ и въ тоже время «глазами въ полѣ гусей пасутъ, а носомъ (вмѣсто кочерги и ухватовъ) въ печи поваруютъ». Великорусскихъ вѣдьмъ обыкновенно смѣшиваютъ съ колдуньями и представляютъ себѣ не иначе, какъ въ видѣ старыхъ, иногда толстыхъ, какъ кадушка, бабъ съ растрепанными, сѣдыми космами, костлявыми руками, и съ огромными синими носами. (По этимъ кореннымъ чертамъ, во многихъ мѣстностяхъ самое имя вѣдьмы сдѣлалось ругательнымъ). Вѣдьмы, по общему мнѣнію, отличаются отъ всѣхъ прочихъ женщинъ тѣмъ, что имѣютъ хвостъ (маленькій) и владѣютъ способностью летать по воздуху на помелѣ, кочергахъ, въ ступахъ и т. п. Отправляются онѣ на темныя дѣла изъ своихъ жилищъ непремѣнно черезъ печныя трубы и, какъ всѣ чародѣи, могутъ оборачиваться въ разныхъ животныхъ, чаще всего въ сорокъ, свиней, собакъ и желтыхъ кошекъ. Одну такую свинью (въ Брянскихъ мѣстахъ) били чѣмъ ни попало, но кочерги и ухваты отскакивали отъ нея, какъ мячикъ, пока не запѣли пѣтухи. Въ случаяхъ другихъ превращеній, побои также считаются полезною мѣрою, только совѣтуютъ бить телѣжной осью и не иначе, какъ повторяя при каждомъ ударѣ слово «разъ» (сказать «два» значитъ себя сгубить, такъ какъ вѣдьма того человѣка изломаетъ). Этотъ ритуалъ избіенія, опредѣляющій какъ и чѣмъ надо бить, показываетъ, что кровавыя расправы съ вѣдьмами практикуются весьма широко. И дѣйствительно, ихъ бьютъ и донынѣ, и современная деревня не перестаетъ поставлять матеріалъ для уголовныхъ хроникъ. Чаще всего вѣдьмы подвергаются истязаніямъ за выдаиваніе чужихъ коровъ. Зная повсемѣстный деревенскій обычай давать коровамъ клички, сообразно съ тѣми

днями недѣли, когда онѣ родились, а равно и привычку ихъ оборачиваться на зовъ,—вѣдьмы легко пользуются всѣмъ этимъ. Подманивая «авторокъ» и «субботокъ», онѣ выдаиваютъ ихъ, до послѣдней капли, такъ что коровы послѣ того приходятъ съ поля такими, какъ будто совсѣмъ потеряли молоко.—Обиженные крестьяне утѣшаютъ себя возможностью поймать злодѣйку на мѣстѣ преступленія и изуродовать, отрѣзавши ей ухо, носъ, или сломавши ногу. (Послѣ того въ деревнѣ обыкновенно не замедлитъ обнаружиться баба съ подвязанной щекой, или прихрамывающая на ту или другую ногу). Многочисленные опыты въ этомъ родѣ производятся повсемѣстно, такъ какъ крестьяне до сихъ поръ сохранили увѣренность, что ихъ коровы выдаиваются не голодными сосѣдками, незнающими, чѣмъ накормить ребятъ, а именно вѣдьмами. Притомъ же крестьяне, повидимому, не допускаютъ и мысли, что коровы могутъ потерять молоко отъ болѣзненныхъ причинъ, или что это, молоко можетъ быть высосано чужеядными животными.

Вѣдьмы имѣютъ чрезвычайно много общаго съ колдунами и, если подбирать выдающіяся черты въ образѣ дѣйствій тѣхъ и другихъ, то придется повторяться. Онѣ также находятся между собою въ постоянномъ общеніи и стачкѣ (вотъ для этихъ-то совѣщаній и изобрѣтены «лысыя» горы и шумныя игры шаловливыхъ вдовъ съ веселыми и страстными чертями) *), точно также тяжело умираютъ, мучаясь въ страшныхъ судорогахъ, вызываемыхъ желаніемъ передать кому-нибудь свою науку, и у нихъ точно также, послѣ смерти, высовывается изо рта языкъ, необычно длинный и совсѣмъ похожій на лошадиный. Но этимъ не ограничивается сходство, такъ какъ затѣмъ начинаются безпокойныя ночныя хожденія изъ свѣжихъ могилъ на старое пепелище (на лучшій случай—отвѣ-

дать блиновъ, выставляемыхъ за окно до законнаго сороковаго дня, на худшій—выместить запоздавшую и неостывшую злобу и свести непоконченные при жизни разсчеты съ немилыми сосѣдями). Наконецъ, успокаиваетъ ихъ точно также осиновый колъ, вбитый въ могилу. Словомъ, безполезно разыскивать рѣзкія границы, отдѣляющія волхвовъ отъ колдуновъ, также точно, какъ вѣдьмъ отъ колдуній. Даже исторія тѣхъ и другихъ имѣетъ много общаго: ея кровавыя страницы уходятъ въ глубь вѣковъ, и кажется, что онѣ потеряли свое начало—до такой степени укоренился въ народѣ обычай жестокой расправы съ колдунами и вѣдьмами. Правда, противъ этого обычая еще въ средніе вѣка выступали наиболѣе просвѣщенные отцы церкви, но въ ту суровую эпоху проповѣдь кротости и незлобія имѣла мало успѣха. Такъ, въ первой половинѣ XV вѣка, одновременно съ тѣмъ какъ во Псковѣ, во время моровой язвы, сожгли живыми двѣнадцать вѣдьмъ,—въ Суздали епископъ Серапіонъ вооружается уже противъ привычки приписывать общественныя бѣдствія вѣдьмамъ и губить ихъ за это:—«Вы все еще

*) За отдаленностью, или прямо за неимѣніемъ лысыхъ горъ, для свиданій признаютъ достаточно удобными чуланы и особенно бани, причемъ для надзора за ними существуетъ „вѣдьмакъ". По всему югу Великороссіи это—либо колдунъ, либо упырь-кровососъ, который, по общему всѣмъ славянскимъ народамъ повѣрью, ходитъ послѣ смерти и моритъ людей. Всего же чаще вѣдьмакъ—доброе существо, не только ничего злого не творящее, но даже старающееся быть полезнымъ: онъ вѣдьмамъ мѣшаетъ дѣлать зло, запрещаетъ ходить мертвецамъ, разгоняетъ тучи и пр. Онъ и по смерти не теряетъ своей силы. Разсказываютъ, что не разъ видали его, какъ онъ дерется съ мертвецами на могилахъ и всегда побѣждаетъ. По причинѣ этой путаницы понятій, не дающихъ яснаго представленія о вѣдьмакахъ, и за принадлежностью къ украинскимъ повѣрьямъ упырей-мертвецовъ-ночныхъ бродягъ—не находимъ надобности обоимъ дать отдѣльныя описанія.

держитесь поганскаго обычая волхованія, говорилъ св. отецъ, вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ слышали вы, что голода бываютъ на землѣ отъ волхованія? Если вы этому вѣрите, то зачѣмъ же вы пожигаете волхвовъ? Умоляете, почитаете ихъ, дары имъ приносите, чтобы не устраивали моръ, дождь ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною? Чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ силою бѣсовскою надъ тѣми, кто ихъ боится, а кто вѣру твердую держитъ къ Богу надъ тѣмъ они не имѣютъ власти. Скорблю о вашемъ безуміи, умоляю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ. Правила божественныя повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по выслушаніи многихъ свидѣтелей, а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: «если начнетъ тонуть—невинна, если же поплыветъ,—то вѣдьма». Но развѣ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ поддержать ее, чтобы не тонула, и этимъ ввести васъ въ душегубство?» Однако, гласомъ въ пустынѣ прозвучали эти слова убѣжденія, исполненныя высочайшихъ чувствъ христіанскаго милосердія: черезъ 200 лѣтъ, при царѣ Алексѣѣ, старицу Олену сжигаютъ въ срубѣ, какъ еретицу съ чародѣйскими бумагами и кореньями послѣ того, какъ она сама созналась, что портила людей и нѣкоторыхъ изъ нихъ учила вѣдовству. Въ Перми крестьянина Талева огнемъ жгли и на пыткѣ дали ему три встряски по наговору, что онъ напускаетъ на людей икоту. Въ Тотьмѣ въ 1674 г. сожжена была въ срубѣ, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, женщина Федосья по оговору въ порчѣ и т. д. Когда (въ 1632 г.) изъ Литвы дошли вѣсти, что какая то баба наговариваетъ на хмѣль, чтобы навести моровое повѣтріе,—то тотчасъ, подъ страхомъ смертной казни, тотъ хмѣль запретили покупать.

Спустя еще цѣлое столѣтіе (въ 1730 г.) сенатъ счелъ нужнымъ напомнить указомъ, что за волшебство законъ опредѣляетъ сожженіе, а черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того (1779 г.) епископъ Устюжскій доноситъ о появленіи колдуновъ и волшебниковъ изъ крестьянъ мужескаго и женскаго пола, которые не только отвращаютъ другихъ отъ правовѣрія, но и многихъ заражаютъ разными болѣзнями посредствомъ червей. Колдуновъ отправили въ сенатъ, какъ повинившихся въ томъ, что отреклись отъ вѣры и имѣли свиданіе съ чертомъ, который приносилъ имъ червей. Тотъ же сенатъ, узнавши изъ распросовъ колдуновъ, что ихъ не разъ нещадно били и этими побоями принудили виниться въ томъ, въ чемъ они вовсе не виноваты, распорядился воеводу съ товарищемъ отрѣшить отъ должности, мнимыхъ чародѣевъ освободить и отпустить, а архіереямъ и прочимъ духовнымъ особамъ запретить вступать въ слѣдственныя дѣла о чародѣйствахъ и волшебствахъ, ибо эти дѣла считаются подлежащими гражданскому суду. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ блеснулъ впервые въ непроглядномъ мракѣ животворный лучъ свѣта,—наканунѣ XX столѣтія мы получаемъ нижеслѣдующія извѣстія все по тому же чародѣйскому вопросу о вѣдьмахъ:

«Недавно (пишетъ корреспондентъ нашъ изъ Орла) въ началѣ 1899 г., чуть было не убили одну женщину (по имени Татьяну), которую всѣ считаютъ за вѣдьму. Татьяна поругалась съ другой женщиной и пригрозила ей, что испортитъ ее. И вотъ что произошло потомъ изъ за уличной бабьей перебранки: когда на крики сошлись мужики и обратились къ Татьянѣ съ строгимъ запросомъ, она имъ обѣщала превратить всѣхъ въ собакъ. Одинъ изъ мужиковъ подошелъ къ ней съ кулакомъ и сказалъ:—«Ты вотъ, вѣдьма, а заговори мой кулакъ такъ,

чтобы онъ тебя не ударилъ. И ударилъ ее по затылку. Татьяна упала, на нее, какъ по сигналу, напали остальные мужики и начали бить. Рѣшено было осмотрѣть бабу, найти у ней хвостъ и оторвать. Баба кричала благимъ матомъ и защищалась на столько отчаянно, что у многихъ оказались исцарацаны лица, у другихъ покусаны были руки. Хвоста, однако, не нашли. На крикъ Татьяны прибѣжалъ ея мужъ и сталъ защищать, но мужики стали бить и его. Наконецъ, сильно избитую, но не перестававшую угрожать женщину, связали, отвезли въ волость (рябинскую) и посадили въ холодную. Въ волости имъ сказали, что за такія дѣла всѣмъ мужикамъ попадетъ отъ земскаго начальника, такъ какъ-де теперь въ колдуновъ и вѣдьмъ вѣрить не велятъ. Вернувшись же домой, мужики объявили мужу Татьяны, Антипу, что жену его, должно быть, порѣшать послать въ Сибирь, и что они на это согласны будутъ дать свой приговоръ, если онъ не выставитъ ведра водки всему обществу. За выпивкой Антипъ божился и клялся, что не только не видалъ, но ни разу въ жизни даже не замѣтилъ никакого хвоста у Татьяны. При этомъ, однако, онъ не скрылъ, что жена угрожаетъ оборотить его въ жеребца всякій разъ, когда онъ захочетъ ее побить. На другой день пришла изъ волости Татьяна, и всѣ мужики явились къ ней договариваться о томъ, чтобы она въ своей деревнѣ не колдовала, никого не портила и не отымала у коровъ молока. За вчерашніе же побои просили великодушно прощенія. Она побожилась, что исполнитъ просьбу, а черезъ недѣлю изъ волости получился приказъ, въ которомъ было сказано, чтобы впредь такихъ глупостей не было, а если что подобное повторится, то виновные за это будутъ наказаны по закону и, кромѣ того, объ этомъ

будетъ доводиться до свѣдѣнія земскаго начальника. Выслушали крестьяне приказъ и порѣшили всѣмъ міромъ, что навѣрняка вѣдьма околдовала начальство, и что по этому впредь не слѣдуетъ доходить до него, а нужно расправляться своимъ судомъ».

Въ деревнѣ Теребеневѣ (Жиздринск. у., Калужск. г.) семилѣтняя дѣвочка Саша говорила матери, что она съ теткой Марьей, у которой жила въ нянькахъ, каждую ночь летала на лысую гору.

— Когда всѣ заснутъ, погасятъ огни, тетка Марья прилетитъ сорокой и застрекочетъ. Я выскочу, а она броситъ мнѣ сорочью шкуру, надѣну я ее—и полетимъ. На горѣ скинемъ шкуру, разложимъ костры, варимъ зелье, чтобы людей поить. Слетается бабъ много: и старыхъ, и молодыхъ. Марьѣ весело—свищетъ да пляшетъ со всѣми, а мнѣ скучно въ сторонкѣ, потому что всѣ большія, а я одна маленькая.

То же самое Саша разсказала отцу, а этотъ бросился прямо къ Марьѣ:

— Безбожница, зачѣмъ ты мнѣ дочь испортила?

Заступился Марьинъ мужъ: вытолкалъ дурака за порогъ и дверь за нимъ затворилъ. Но тотъ не унялся и къ старостѣ. Подумалъ, подумалъ староста и говоритъ:

— Нѣтъ, я тутъ дѣйствовать не могу,—иди къ попу и въ волость.

Думалъ, думалъ отецъ и надумалъ сводить свою дочку въ церковь, исповѣдать ее, причастить и попытаться, не возьмется ли священникъ ее отчитать. Отъ исповѣди, однако, дѣвочка, сама отказалась.

— Вѣдьмы не молятся и не исповѣдуются!

И въ церкви повернулась къ иконостасу спиной.

Священникъ отчитывать отказался и посовѣтовалъ дѣвченку хорошенько выпороть.

— Какой сорокой она скидывалась, куда летала? И ты, дуракъ, вѣришь болтовнѣ ребенка?

Между тѣмъ, у избы встревоженнаго отца толпа мужиковъ и бабъ не расходится, и дѣвчонка продолжаетъ болтать свой вздоръ.

Въ волости жалобщику повѣрили и Марью признали за колдунью. Порылся писарь въ законахъ и оповѣстилъ:

— Нѣтъ, братъ, противъ черта ничего не подѣлаешь: никакой статьи противу его я не подыскалъ.

Пало на Марью подозрѣніе, и слава вѣдьмы стала расти. Стали сосѣдки слѣдить за каждымъ ея шагомъ, припоминать и подмѣчать всякія мелочи. Одна разсказывала, что видѣла, какъ Марья умывалась, перегнувшись черезъ порогъ на улицу; другая,—что Марья черпала воду на сутокахъ, третья, что Марья въ ночь на Ивана Купалу собирала травы и т. п. Каждый шагъ несчастной женщины стали перетолковывать въ дурную сторону. Мальчишки изъ-за угла начали въ нее камнями бросать. Ни ей, ни мужу нельзя стало на улицѣ показываться— чуть въ глаза не плюютъ.

— Хоть бы ты, батюшка, вступился за насъ! — умолялъ Марьинъ мужъ священника. Священникъ пробовалъ убѣждать толпу и успокоивать Марью, но ничто не помогало, и, въ концѣ концовъ, невинная и кроткая Марья умерла въ чахоткѣ.

Съ того времени прошло лѣтъ 15. Саша уже давно выросла, давно увѣряетъ, что разсказъ ея — чистая выдумка, но теперь ей уже никто не вѣритъ: вошла дѣвка въ полный смыслъ и поняла, что этого разсказывать не слѣдуетъ. Дѣвка она хорошая, но ни одинъ женихъ за

нее не сватается: никому нѣтъ охоты жениться на вѣдьмѣ.

Придется, вѣроятно, и ей, сидя въ старыхъ дѣвкахъ, обратиться къ промыслу ворожеи, тѣмъ болѣе, что такія занятія почти не опасны и очень выгодны. Мимо ворожеи не пройдутъ ни удалые молодцы, ни красныя дѣвицы, ни обманутые мужья, ни ревнивыя жены, потому что и нынче, какъ въ старину, живетъ въ людяхъ вѣра въ «присуху». Не надо ни лысыхъ горъ, ни придорожныхъ разстаній, достаточно и деревенскихъ заваленокъ, чтобы, узнавая сокровенныя тайны, усердно заниматься приворотами и отворотами любящихъ и охладѣвшихъ сердецъ: и себѣ на руку, и постороннимъ въ помощь. Въ такихъ дѣлахъ для ловкихъ людей еще много простора, какъ бы ни назывались эти ловкачи: вѣдьмами или ворожеями, гадалками или знахарками, бабками или шептуньями. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ практики современныхъ вѣдьмъ и гадалокъ.

Одинъ крестьянинъ Орловской губерніи тяжко провинился передъ новобрачной женой и, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, обратился за совѣтомъ къ хваленой старухѣ-знахаркѣ, о которой шла молва, какъ о завѣдомой вѣдьмѣ. Знахарка посовѣтовала своему паціенту пойти въ луга и отыскать между стожарами (колья, на которыхъ крѣпятся стоги сѣна) три штуки такихъ, которыя простояли вбитыми въ землю не менѣе трехъ лѣтъ; затѣмъ наскоблить съ каждой стожары стружекъ, заварить ихъ въ горшкѣ и пить.

А вотъ еще случай изъ практики ворожей.

— Отъ сусѣдей нѣтъ мнѣ промытой воды,—жаловалась также извѣстной калужской вѣдьмѣ одна дѣвушка, служившая у богатаго купца: обѣщалъ взять замужъ да и обманулъ. Всѣ смѣются, даже малые ребята.

— Ты только принеси мнѣ лоскуть отъ его рубахи,— обнадеживала ее вѣдьма,—я отдамъ церковному сторожу, чтобы онъ, какъ станетъ звонить, навязалъ на веревку этотъ клокъ, тогда купецъ отъ тоски не будетъ знать, куда дѣться, и самъ къ тебѣ придетъ, а ты посмѣйся ему: я, молъ, не звала тебя, зачѣмъ пришелъ?..

Жаловалась и другая бѣдная дѣвушка, пожелавшая выдти за богатаго крестьянина, которому она не нравилась.

— Ты, если можно, достань его чулки съ ногъ,—присовѣтовала вѣдьма. Я отстираю ихъ и наговорю воду ночью, и дамъ тебѣ три зерна: одно бросишь противъ его дома, а другое ему подъ ноги, когда будетъ ѣхать, третье когда онъ придетъ...

Случаевъ такихъ въ практикѣ деревенскихъ вѣдьмъ безконечно много, но замѣчательно, что знахарки и вѣдьмы воистину неистощимы въ разнообразіи своихъ рецептовъ. Вотъ еще нѣсколько образчиковъ.

Любитъ мужикъ чужую бабу. Жена проситъ совѣта.

— Посматривай на дворѣ, гдѣ пѣтухи дерутся,—рекомендуетъ вѣдьма: возьми на томъ мѣстѣ земельки горсточку и посыпь ее на постель твоей разлучницы. Станетъ она съ мужемъ твоимъ вздорить, — и опять полюбитъ онъ свой «законъ» (т. е. жену).

Для присухи дѣвицъ, совѣтуютъ вынашивать подъ лѣвой мышкой, въ теченіе нѣсколькихъ дней, баранки или пряники и яблоки, конечно, прежде всего снабженныя наговорами, въ которыхъ и заключена главнѣйшая, тайно дѣйствующая сила.

Только знающія и избранныя вѣдьмы болтаютъ не на вѣтеръ заговорныя слова, а закладываютъ въ наговоренныя вещи, именно то, что потомъ будетъ врачевать,

успокаивать и утѣшать, по желанію. Точно самымъ цѣлебнымъ зельемъ наполняется наболѣвшее сердце, когда слышатъ уши о пожеланіи, чтобы тоска давившая до сихъ поръ, уходила прочь «ни въ пенье, ни въ коренье, ни въ грязи топучи, ни въ ключи кипучи», а именно въ того человѣка, который оскорбилъ, разлюбилъ или обманулъ обѣщаніями и т. п. Для влюбленныхъ вѣдьмы знаютъ такія слова, что, кажется, лучше и слаще ихъ и придумать никому нельзя. Онѣ посылаютъ присуху «въ ретивыя сердца, въ тѣло бѣлое, въ печень черную, въ грудь горячую, въ голову буйную, въ серединную жилу и во всѣ 70 жилъ, и во всѣ 70 суставовъ, въ самую любовную кость. Пусть эта самая присуха зажгла бы ретивое сердце и вскипятила горячую кровь, да такъ, чтобы нельзя было ни въ питьѣ ее запить, ни въ ѣдѣ заѣсть, сномъ не заспать, водой не смывать, гульбой не загулять, слезами не заплакать» и т. п.

Только исходя изъ устъ вѣдьмъ, слова эти имѣютъ силу «печатать» чужое сердце и запирать его на замокъ, но и то лишь въ томъ случаѣ, когда при этомъ имѣются въ рукахъ: наговорныя коренья, волосы любимаго человѣка, клочекъ его одежды и т. п. Всякому обѣщанію вѣрятъ и всякое приказаніе исполняютъ: подкладываютъ молодымъ ребятамъ голикъ подъ сани, если желаютъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ въ текущемъ году не женился, сжигаютъ его волосы, чтобы онъ цѣлый годъ ходилъ, какъ потерянный. Если же выпачкать ему поддевку или шубу бараньей кровью, то и вовсе его никто любить не будетъ.

Но самое дѣйствительное средство въ любовныхъ дѣлахъ—это таинственный талисманъ, который добывается изъ черной кошки или изъ лягушекъ. Изъ первой, раз-

варенной до послѣдней степени, получается «косточка-невидимка», дѣлающая человѣка, который ею владѣетъ, невидимкой. Косточка равносильна сапогамъ-самоходамъ, ковру-самолету, сумѣ-хлѣбосолкѣ и шапкѣ-невидимкѣ. Изъ лягушки достаютъ двѣ «косточки-счастливки», съ одинаковымъ успѣхомъ служащія, какъ для приворотовъ, такъ и отворотовъ, возбуждающихъ любовь, или вызывающихъ отвращеніе. Объ этихъ кошачьихъ и лягушечьихъ косточкахъ отзываются и въ сказкахъ съ полною вѣрою въ ихъ чародѣйство. Добываются эти косточки очень легко: стоитъ выварить въ котелкѣ совершенно черную кошку —и получатся «крючокъ и вилочка», или стоитъ посадить въ муравейникъ двухъ лягушекъ, чтобы получить «крючокъ и лопатку». Крючкомъ задѣваютъ ту, которую желаютъ привлечь къ себѣ (или незамѣтно прицѣпляютъ ей на платье). Вилочкой или лопаткой отталкиваютъ отъ себя ее же, когда успѣетъ она надоѣсть или совсѣмъ опостылитъ. Не много при этомъ требуется обрядовъ и не особенно трудна подготовка. Отъ муравьиной кучи надо уходить задомъ напередъ, чтобы лѣшій не могъ догнать, когда пойдетъ искать слѣдовъ; тогда оба слѣда будутъ вести въ лѣсъ, а изъ лѣсу слѣда не будетъ. Въ иныхъ случаяхъ совѣтуютъ по 12-ти ночей кряду ходить къ тому муравейнику и обходить его молча три раза, только на тринадцатую ночь дается въ руки подобное сокровище. Впрочемъ, можно обходиться и безъ этихъ подходовъ. Неудача постигаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда пристегнутый къ платью крючекъ отмѣченная дѣвица не проноситъ на себѣ три недѣли кряду и т. п.

По всѣмъ приведеннымъ даннымъ, можно заключить, что, нѣкогда вліятельная и страшная власть вѣдьмъ, устремленная, главнымъ образомъ, на любовныя дѣла,

теперь замыкается въ предѣлахъ бабьяго царства. Въ этомъ, конечно, надо видѣть большое счастье и несомнѣнный успѣхъ просвѣщенія. Уже изъ многихъ мѣстъ, и притомъ славящихся своимъ суевѣріемъ, доносятся, напримѣръ, такія отрадныя вѣсти:

— Въ старину вѣдьмъ много водилось, а нынче что-то неслыхать.

— Теперешняя вѣдьма чаще всего сводня. Такъ что вѣдьмы не только обмираютъ, по старому обычаю, на Силу и Силуана (30 іюля), опившись краденаго молока отъ чужихъ коровъ, но, по многимъ несомнѣннымъ признакамъ, при новыхъ порядкахъ, и вовсе приготовились къ настоящей смерти.

XIV.

КЛИКУШИ.

Въ деревенской Руси, чрезвычайно распространенъ особый видъ нервныхъ женскихъ болѣзней, извѣстныхъ подъ именемъ «кликушества». Эта болѣзнь проявляется въ формѣ припадковъ, болѣе шумныхъ, чѣмъ опасныхъ, и поражаетъ однообразіемъ поводовъ и выборомъ мѣстъ для своего временнаго проявленія. Та часть литургіи вѣрныхъ, которая предшествуетъ пѣнію Херувимской и великому выходу со св. Дарами, въ далекихъ глухихъ селахъ оглашается криками этихъ несчастныхъ. Крики несутся въ такой странной разноголосицѣ, что на всякаго свѣжаго человѣка способны произвести потрясающее впечатлѣніе не одною только своею неожиданностью, или неумѣстною дерзостью. Приэтомъ не требуется особенной сосредоточенности вниманія, чтобы замѣтить, насколько быстро смѣняется мирное молитвенное настроеніе присутствующихъ. На всѣхъ лицахъ появляется выраженіе болѣзненной тоски и вмѣстѣ сердечнаго участія и состраданія къ несчастной. Ни малѣйшаго намека на рѣзкій протестъ, ни одного требованія удалить «одержимую» изъ храма. Всѣ стоятъ молча, и только въ группѣ женщинъ, окружающихъ больную, замѣтно нѣкоторое движеніе; онѣ стараются успокоить «порченую» и облегчить ей возможность выстоять всю обѣдню, вплоть до того времени, когда

съ выносомъ св. Даровъ обязательно исчезнетъ или смолкнетъ вся нечистая сила. Это мягкое и сердечное отношеніе къ кликушамъ покоится на томъ предположеніи, что не человѣкъ, пришедшій въ храмъ помолиться, нарушаетъ церковное благочиніе и вводитъ въ соблазнъ, но тотъ злой духъ, который вселился въ него и овладѣлъ всѣмъ его существомъ. Злой духъ смущаетъ молящихся нечеловѣческими воплями и разными выкриками на голоса всѣхъ домашнихъ животныхъ: собачій лай и кошачье мяуканье смѣняются пѣтушинымъ пѣніемъ, лошадинымъ ржаніемъ и т. под. Чтобы прекратить этотъ соблазнъ, четыре-пять самыхъ сильныхъ мужчинъ охотно выдѣляются изъ толпы, и ведутъ больного до царскихъ вратъ къ причастію, искренно вѣруя приэтомъ, что борятся не съ упрямствомъ слабой женщины, а съ нечеловѣческими силами сидящаго въ ней нечистаго. Когда кликуша начинаетъ успокоиваться, ее бережно выводятъ изъ церкви, кладутъ на землю и стараются укрыть бѣлымъ покрываломъ, для чего сердобольныя женщины спѣшатъ принести ту скатерть, которою накрытъ былъ пасхальный столъ съ разговѣньемъ, или ту, въ которой носили на пасхальную заутреню для освященія яйца, куличъ и пасху. Иныя не скупятся поить сбережоной богоявленской водой, несмотря на то, что эта вода и самимъ дорога, на непредвидѣнные несчастные случаи. Знающіе и опытные люди приэтомъ, берутъ больную за мизинецъ лѣвой руки и терпѣливо читаютъ молитву Господню, воскресную и богородичную до тѣхъ поръ, пока кликуша не очнется. Кромѣ молитвъ, иногда произносятся особые заговоры, которыми велятъ выходить нечистой силѣ «изъ бѣлаго тѣла, изъ нутра, изъ костей, суставовъ, изъ реберъ и изъ жиловъ и, уходить въ ключи-болота, гдѣ птица не летаетъ и скотъ не

бываетъ, идти по вѣтрамъ, по вихорямъ, чтобы снесли они злую силу въ черныя грязи топучія, и оттуда бы ее ни вѣтромъ не вынесло, ни вихоремъ бы не выдуло», и т. под.

Съ такою же заботою и лаской относятся къ кликушамъ и въ домашней жизни, считая ихъ за людей больныхъ и трудно-излѣчимыхъ. Отъ тяжелаго труда ихъ освобождаютъ и даютъ поблажку даже въ страдную пору, при скопленіи утомительныхъ работъ: онѣ обыкновенно рѣдко жнутъ, а въ иныхъ мѣстахъ и не молотятъ. (Если же иногда, во время припадковъ, и примѣняются кое-какія суровыя мѣры, подчасъ похожія на истязанія, то все это дѣлается изъ прямаго усердія, въ простотѣ сердца). Когда, послѣ удачныхъ опытовъ домашняго врачеванія, больная совершенно успокоится, и семейные убѣдятся въ томъ, что злой духъ вышелъ изъ ея тѣла, ей цѣлую недѣлю не даютъ работать, кормятъ, по возможности, лучшею ѣдою, стараются не сердить, чтобы не дать ей возможности выругаться «чернымъ словомъ» и не начать, такимъ образомъ, снова кликушничать. У нѣкоторыхъ истерическіе припадки обостряются до такой степени, что становится жутко всѣмъ окружающимъ: «порченая» падаетъ на землю и начинаетъ биться и метаться по сторонамъ съ такою неудержимою силою, что шестеро взрослыхъ мужиковъ не въ состояніи предохранить ее отъ синяковъ и увѣчій. Изо рта показывается пѣна, глаза становятся мутными и, вся растрепанная, кликуша, въ самомъ дѣлѣ, на видъ дѣлается настолько страшной, что всякія рѣзкія мѣры, предпринимаемыя въ этихъ случаяхъ, становятся отчасти понятными. При усмиреніи расходившейся въ припадкахъ больной, обыкновенно принимаютъ участіе всѣ досужіе сосѣди, такъ что набирается полная изба сострадательнаго

народа: кто курить ладономъ около лежащей, обходя ее съ трехъ сторонъ и оставляя четвертую (къ дверямъ) свободною, кто читаетъ «Да воскреснетъ Богъ», чтобы разозлившагося бѣса вытравить наружу, и затѣмъ выгнать на улицу.

Общепринятый способъ для успокоенія кликушъ во время припадковъ заключается въ томъ, что на нихъ надѣваютъ пахотный хомутъ, причемъ предпочтеніе отдается такому, который снятъ съ потной лошади. По мнѣнію крестьянъ, баба, лежа въ хомутѣ, охотнѣе укажетъ, кто ее испортилъ и отвѣтитъ на обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: «кто твой отецъ?» — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Меленк. у., Владим. г.), надѣвая на больную хомутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привязываютъ еще къ ногамъ ея лошадиныя подковы, а иногда прижигаютъ пятки раскаленнымъ желѣзомъ *). Объ «отцѣ» спрашиваютъ кликушу (около Пензы) черезъ раскрытую дверь, посторонніе женщины, когда больную съ хомутомъ на шеѣ подводятъ къ порогу, причемъ спрашивающія стараются убѣдить, что открытіемъ тайны она не обидитъ сидящаго въ ней «батюшки» (отвѣчаютъ кликуши, во время припадка, всегда въ мужскомъ родѣ). Въ Жиздрин. у. (Кал. г.) кликушъ выводятъ на дворъ и запрягаютъ въ соху: двое волокутъ больную, а двое тянутъ соху и т. д. Около Орла, хотя и знаютъ про этотъ способъ, но предпочитаютъ ладанъ, собранный изъ двѣнадцати церквей и двѣнадцать разъ въ одно утро вскипяченный въ чугунѣ и по ложечкѣ слитый въ штофы: этотъ настой даютъ пить больной. Въ Болховскомъ уѣздѣ (той же губ.) въ одномъ селѣ продаютъ

*) Лечатъ и такъ: ноги вдѣваютъ въ гужи, по хомуту бьютъ кнутомъ съ приговоромъ: „хлещу, хлещу бѣса выхлещу“.

подобный ладанъ подъ названіемъ «херувимскаго» (имъ кадятъ въ кіевскихъ пещерахъ, во время херувимской пѣсни), при чемъ «одну росинку даютъ на трынку» (одну крупинку за копѣйку).

Кромѣ ладана и богоявленской воды, признается еще цѣлебною, и даже имѣющею рѣшающее дѣйствіе на переломъ болѣзни и изгнаніе бѣса, крещенская вода, освящаемая въ прорубяхъ рѣкъ и озеръ, а за неимѣніемъ таковыхъ—въ колодцахъ и чанахъ. Въ Волог. губ. кликушъ, раздѣтыхъ до рубашки, не смотря на трескучіе морозы, макаютъ въ прорубь, опуская въ воду ногами, лишь только успѣютъ унести кресты и хоругви. Въ Орл. губ. одному свидѣтелю удалось видѣть, какъ къ колодцу и кадушкѣ съ водой, приготовленной къ освященію (рѣки нѣтъ) привели бабу-кликушу въ валенкахъ и тулупѣ, съ головой, накрытой шерстянымъ платкомъ, какъ потомъ раздѣли ее, оставивъ въ одной рубашкѣ и какъ двое мужиковъ ведрами лили на нее съ головы холодную воду и, не внимая ея крикамъ, ознобили ее до дрожи во всемъ тѣлѣ. Послѣ этого, тѣ же мужики накинули ей на плечи тулупъ и, отведя въ караулку, надѣли тамъ на нее сухое и чистое бѣлье, отвели домой и потомъ хвастались долгое время, что съ этой поры баба перестала выкликать и совсѣмъ выздоровѣла.

Не менѣе дѣйствительною помощью при пользованіи кликушъ признается также «отчитываніе». Берутся за это дѣло тѣ старыя дѣвицы, полумонашенки, полумірянки, которыя извѣстны всюду подъ именемъ «черничекъ». Впрочемъ, участіе ихъ считается мало дѣйствительнымъ, и приглашаются онѣ большею частью, что называется, для очистки совѣсти. Чаще же всего отчитываніе производитъ старичекъ-священникъ, изъ тѣхъ, которые сами опростѣли

до неузнаваемости и утратили даже многіе внѣшніе признаки, усвоенные духовными лицами. Изъ такихъ священниковъ особенно дороги и близки народу тѣ, которымъ удалось запастись рѣдкостною и цѣнною книгою большаго требника Петра Могилы (впрочемъ, за неимѣніемъ требника, отчитываютъ и по Евангелію). Про такихъ цѣлителей ходятъ дальніе слухи; на нихъ охотно указываютъ, къ нимъ смѣло отправляются, какъ къ тому «попу Егору», о которомъ сообщаютъ изъ Орлов. губ.: «отчитываетъ дюже хорошо, въ церкви, надъ головою кликуши, семь Евангелій по семи разъ читаетъ, и унимаетъ крикъ сразу». Въ мѣстности, гдѣ живетъ этотъ попъ Егоръ, и народъ подобрался болѣзненный, съ большой наклонностью къ кликушеству. Вотъ что разсказывала на этотъ счетъ одна крестьянка: «бабъ сорокъ бѣгутъ по деревнѣ, кто куда. Сами простоволосы (а нѣшто это можно — сама Божья Матерь, и Та покрывала волосы), а онѣ еще безъ поневъ, такъ что почитай все у нихъ наружѣ, и кричатъ во всю глотку всякая свое: «гдѣ она? гдѣ колдунья? мы сейчасъ разорвемъ ее на куски! — «Дала свояку напиться, а онъ-отъ (злой духъ) у нея сидѣлъ, а теперь у меня въ животѣ». Другая сказываетъ: «дала мнѣ колдунья вина, пей—пей говоритъ, зелено вино—здоровѣе будешь, а только я выпила, и сталъ у меня въ животѣ кто-то сперва аукать, а изъ живота въ ротъ перешелъ и сталъ выражать плохія слова, непотребно ругаться». Отъ третьей бабы сосѣди слышатъ: «молочка кисленькаго принесла, говоритъ: у тебя нѣтути, да вотъ къ чему и призвела». Мужики, глядя, что ихъ бабы орутъ безъ конца, собрались всѣ, вызвали колдунью и пригрозили: «если, да ежели ты еще что нашкодишь, живую зароемъ въ землю и осиновый колъ въ глотку забьемъ»...

Совсѣмъ иного характера получаются вѣсти изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ старые порядки наталкиваются на новые пріемы молодого поколѣнія. Напримѣръ, въ одномъ селѣ, при старомъ священникѣ, жила только одна старуха-кликуша, которой онъ не вѣрилъ, хотя и не предпринималъ противъ нея никакихъ строгихъ мѣръ. Вскорѣ, однако, стала выкликать ея дочь, а слѣдомъ за ней заголосила другая молодая женщина (конечно замужняя, такъ какъ кликушество исключительно болѣзнь бабья, не дѣвичья). И еще залаяла молоденькая бабенка къ тому времени, когда старикъ-попъ передалъ мѣсто своему молодому сыну. Послѣдній во всеуслышаніе поспѣшилъ объявить въ храмѣ, что если хоть одна крикунья осмѣлится нарушить церковную тишину, такъ онъ съ мѣста отправитъ ее въ губернскую больницу и, если ее тамъ признаютъ притворщицей, то передастъ властямъ, чтобы они поступили съ нею по всей строгости законовъ. Бабы замолкли и стоятъ теперь во время службъ смирнехонько. Смолкли кликуши и у другого священника (а было ихъ много), когда одну изъ нихъ онъ заставлялъ ходить говѣть постомъ по 2, по 3 недѣли, приказывая становиться передъ аналоемъ и молиться отдѣльно отъ прочихъ и вслухъ. Въ другомъ мѣстѣ выписали въ церковь снимокъ съ одной чудотворной иконы Божіей Матери. Деревенскіе попросили у себя отслужить Владычицѣ всенародный молебенъ и, какъ только икона показалась на краю селенія, одну молодую бабу схватило: начала она ломаться, корчиться и визжать. Подхватили ее два мужика, чтобы не дать ей упасть въ невылазную грязь (дѣло было послѣ сильнаго дождя), но священникъ велѣлъ мужикамъ отойти отъ кликуши.—«Кормилецъ, перепачкается, упадетъ!—«Пускай падаетъ, а если не отойдете—позову сотскаго».—Баба

не упала, хотя и продолжала визжать, пока не дождалась строгаго внушенія отъ священника, который пристыдилъ ее при всемъ народѣ. Тогда она кричать перестала и все время смирно и молча ходила за иконой. Когда-же поднесли св. икону къ крайней избѣ, около которой стояли уже всѣ и ждали, то вдругъ хозяинъ этой избы, мужикъ лѣтъ подъ 50, ни съ того, ни съ сего, принялся изображать изъ себя кликушу: ломался, кривлялся, но не визжалъ, какъ первая баба—поросенкомъ, а мычалъ коровой. Эта неожиданность такъ всѣхъ поразила, что раздался общій, неудержимый, раскатистый хохотъ и, когда священникъ пристращалъ сотскимъ, виноватый началъ умильно просить прощенія и отпущенія.

Исходя изъ того убѣжденія, что непритворныя кликуши издали чувствуютъ приближеніе священника и наглазно убѣждаясь въ томъ, что «сидящій» (т. е. бѣсъ) не допускаетъ прикладываться къ св. иконамъ и преклоняться подъ нихъ на крестныхъ ходахъ, всѣ, радѣющіе этимъ больнымъ женщинамъ, съ особеннымъ стараніемъ и настойчивостью ищутъ помощи у духовныхъ лицъ и въ монастыряхъ у прославленныхъ мощей и чудотворныхъ иконъ. Кіевскія Пещеры, Михайловскій монастырь съ мощами великомученицы Варвары, даже тѣ церкви, въ которыхъ имѣются изображенія Богоматери «Нечаянной Радости», а также цѣлителя Пантелеймона, чаще другихъ оглашаются воплями кликушъ и являются, такъ сказать, излюбленными лечебницами. Неудачи, испытанныя въ однихъ мѣстахъ, нисколько не охлаждаютъ надежды искать помощи въ другихъ, хотя-бы и отдаленныхъ, но также прославленныхъ. Эта вѣра въ помощь святыни, именно по отношенію къ этому виду людской порчи, на столько сильна въ народѣ, что даже волхвующіе кол-

дуны вынуждены дѣлать уступку столь твердо установившимся вѣрованіямъ: наиболѣе смѣтливые изъ нихъ и ревнивые къ своей славѣ и общественному положенію, прежде чѣмъ приступить къ волшебнымъ дѣйствіямъ, обыкновенно зажигаютъ передъ иконами въ избахъ лампадки, держатъ въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи, ставятъ на столъ чашку съ водой и опускаютъ туда мѣдный крестъ, снятый съ божницы, уголекъ и щепотку соли. Надъ водой читаютъ молитвы. Больная пьетъ эту воду по три зори и выздоравливаетъ, но не совсѣмъ: кричать перестаетъ, но по временамъ продолжаетъ чувствовать въ тѣлѣ ломоту и судороги. Всезнающія старухи, въ такихъ случаяхъ, успокаиваютъ тѣмъ, что порча сдѣлана на желѣзѣ—на замкѣ, оттого-де она и крѣпка, и просидитъ до самой смерти *).

Вообще, темные люди съ большимъ трудомъ разбираются въ этой бабьей болѣзни, которая у насъ на Руси очень распространена и временами вспыхиваетъ въ той, или другой мѣстности, въ видѣ эпидеміи. Путаются и теряются именно въ тѣхъ случаяхъ, когда является надобность отличать истинныхъ страдалицъ отъ притворщицъ. Изъ показаній самихъ больныхъ, какъ-бы ни были искренни, подробны и точны эти показанія, правды не узнаешь: она скрывается подъ личиною самообмана, который настолько великъ, что даже мнимыя кликуши привыкли говорить твердымъ голосомъ и въ спокойно увѣренномъ

---

*) Тотъ человѣкъ, который берется отчитывать, не долженъ употреблять въ теченіе шести недѣль спиртныхъ напитковъ. Одинъ сѣвскій (Орл. г.) пономарь не выдержалъ и былъ за то жестоко наказанъ: идетъ-ли онъ, или ѣдетъ—лѣзетъ ему на встрѣчу цѣлая печь; остановится онъ—печь разсыплется такъ, что ему нѣтъ ходу туда, куда его звали отчитывать.

тонѣ. Здѣсь почти нѣтъ возможности уловить фальшивую нотку, а тѣмъ менѣе заподозрить лукавое намѣреніе обмануть и ввести въ заблужденіе слушателя. Заученое притворство въ пріемахъ и словахъ можно уловить лишь въ такихъ случаяхъ, когда на оплошавшую нападетъ, что называется, дока. Да и то не всегда, потому что семейный гнетъ, требующій изворотливости и научающій самоохранѣ,—умудряетъ даже слѣпцовъ. Не даромъ сложилась пословица, что «всѣ золовки хитры на уловки». Иной молодой бабѣ разомъ выпадутъ на долю всѣ невзгоды безобразныхъ и несогласныхъ семей: объявится и свекровь змѣя-лютая, подберутся и золовки-колотовки и деверья-кобели, и ото всѣхъ, за все про все, посыплется «невѣсткѣ въ отместку», да такъ, что и бѣлый свѣтъ станетъ не милъ. Для бездомной сироты, у которой нѣтъ выхода, такъ какъ и сбѣжать-то ей некуда, нервное разстройство на несомнѣнной истерической почвѣ являлось, въ такихъ случаяхъ, прямымъ и законнымъ слѣдствіемъ роковой домашней неурядицы. Кликушество является единственнымъ спасеніемъ и для тѣхъ молодухъ, которыхъ приняла новая незнакомая семья въ ежевыя рукавицы, послѣ воли и холи въ родительскомъ домѣ: когда искреннія слезы не помогаютъ, и семейные мучители не унимаются, на сцену является тотъ-же протестъ, но въ усиленной формѣ кликушества, съ выкриками и съ обвиненіями въ порчѣ, насланной кѣмъ-либо изъ наличныхъ членовъ новой семьи (чаще всего обвиненіе падаетъ на свекровь). Такой протестъ,—все равно, ловко-ли подучилась отъ умѣлыхъ кликушъ эта новая порченая всѣмъ штукамъ, или самостоятельно измыслила свои—производитъ уже потрясающее впечатлѣніе, и новоявленная кликуша, въ глазахъ всѣхъ, является обреченною жертвою, не

столько наводящею страхъ, сколько внушающею чувство состраданія. Здѣсь дѣйствуетъ общее убѣжденіе, что кликуша не сама по себѣ кричитъ и мучается, а кричитъ сидящій въ ней злой духъ, который и начинаетъ бушевать, лишь только попадетъ въ непріятную обстановку чужой семьи. Злой духъ требуетъ пребыванія въ родной семьѣ: тамъ онъ успокаивается и возвращается затѣмъ въ чужую, уже въ умиротворенномъ состояніи, и молчитъ до новыхъ благопріятныхъ поводовъ. Такая форма искуственнаго кликушества зачастую практиковалась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще тверды были основы старорусской семьи, съ большухой во главѣ, со старшими и младшими снохами.

Сверхъ семейнаго гнета, на устойчивость кликушества въ далекихъ захолустьяхъ имѣла также вліяніе и слѣпая вѣра, что одержимыя бѣсомъ владѣютъ даромъ прорицанія. Принимая на себя эту личину мнимыхъ ворожей, притворныя кликуши, болѣе или менѣе удачно, работаютъ на этой почвѣ уже съ явными спекулятивными цѣлями. Но хитрость и лукавство, конечно, удаются до перваго промаха, который и рѣшаетъ дѣло полнымъ исцѣленіемъ. Ослабленію кликушества, въ его искреннихъ, или лживыхъ формахъ, въ значительной степени помогли также преобразованія послѣднихъ временъ, содѣйствовавшія, между прочимъ, улучшенію соціальнаго положенія женщинъ въ семьѣ. Установился обычай «раздѣловъ», получившій широкое примѣненіе послѣ манифеста 19 февраля, въ формѣ дѣлежа женатыхъ братьевъ по смерти отца. Облегчились «отдѣлы», когда починъ дѣлежа съ отцомъ предоставленъ сыну, и «отходы», когда отходящій сынъ требуетъ выдѣла, хотя-бы безъ всякаго вознагражденія, и идетъ на сторону лишь по тому побужде-

нію, что «не желаетъ работать на чужіе рты» (холостой братъ на женатаго). Къ этимъ новымъ основамъ семейно-хозяйственной жизни крестьянъ присоединились и другія, выразившіяся въ стремленіяхъ земства къ увеличенію школъ и развитію раціональной медицины, въ корень колеблющихъ вѣру въ колдуновъ и успокоивающихъ кликушъ возможностью подвергнуться изслѣдованіямъ и леченію въ земскихъ больницахъ. Въ настоящее время уже изъ многихъ мѣстностей, и притомъ такихъ далекихъ и глухихъ, какъ вологодская и олонецкая губерніи, получаются свѣдѣнія, въ такомъ родѣ: «нынѣ годъ отъ году число случаевъ пораженія этою нервною болѣзнью постепенно уменьшается». Такъ, напримѣръ, въ двиницкой и сямженской волостяхъ (Кадниковскаго уѣзда Вологодской губ.) такихъ кликушъ не болѣе двухъ-трехъ, тогда какъ ранѣе онѣ считались повсюду десятками», и т. д.

XV.

КЛАДЫ.

Безграничная въ суевѣрныхъ измышленіяхъ и неудержимая въ поискахъ чудеснаго, народная фантазія сумѣла изобрѣсти особыхъ духовъ, которые охраняютъ зарытыя въ землѣ сокровища и цѣнности, извѣстныя подъ именемъ кладовъ. Въ южныхъ окраинахъ Великороссіи этотъ духъ зовется «кладовикомъ», а подручные его — «кладенцами», и только въ Сѣвскомъ у., Орл. губ., главный духъ, по недоразумѣнію, носитъ имя Кудіара. На сѣверѣ же его иногда попросту зовутъ «кладовымъ» и признаютъ, что эти сторожа дѣйствуютъ всегда вдвоемъ: одинъ изъ нихъ—«лаюнъ», прозванъ такъ за то, что обращается въ собачку-лайку, при первомъ покушеніи на похищеніе клада, другой—«щекотунъ», оберегающій кладъ въ видѣ бѣлобокой птицы сороки—щекотухи. Въ Бѣлоруссіи этотъ духъ превратился въ маленькаго бога—Копшу, котораго просятъ указать мѣсто кладовъ и помочь ихъ отрыть, а при удачѣ благодарятъ, оставляя въ его пользу извѣстную часть добычи. Уже по этому послѣднему признаку видно, насколько древенъ народный обычай зарыванія кладовъ и насколько устойчива вѣра въ ихъ существованіе. Обычай этотъ создали тяжкія условія быта, въ которыхъ складывался историческій строй жизни русскаго земледѣльческаго народа. Близкое сосѣдство съ кочевыми орда-

ми дикихъ племенъ, жившихъ опустошительными и внезапными набѣгами, и желаніе оградить интересы потомковъ-наслѣдниковъ указало этотъ странный путь охраненія имущества, нажитаго тяжелымъ трудомъ. Со времени первыхъ печенѣжскихъ и половецкихъ набѣговъ, вплоть до татарскихъ погромовъ, когда мирная жизнь земледѣльцевъ очутилась на краю гибели, русскіе люди неутомимо придумывали всевозможныя мѣры самозащиты личной и охраны имущественной. Но въ тѣ трудныя времена ни на кого нельзя было положиться, и потому люди довѣряли свое имущество только матери-сырой землѣ. Этотъ обычай не утратилъ своего глубокаго практическаго значенія и въ послѣдующее время, когда въ народную жизнь ворвались новые враждебные элементы, въ сопровожденіи всякихъ внутреннихъ неурядицъ, въ видѣ разбоевъ, казачества и крѣпостнаго права. Разнузданное своеволіе, не знавшее мѣры и предѣла, и пріученное къ легкой наживѣ путемъ грабежа или собиранія оброковъ, устремило всю свою алчность на чужіе плоды трудовыхъ сбереженій и повергло народъ въ совершенную нищету, возможную только въ дни истиннаго лихолѣтья. Отъ этихъ насилій люди вынуждены были бѣжать въ неоглядную даль, искать новыхъ земель, и тамъ, запасаясь новыми сбереженіями, покинуть старый обычай зарыванія добра въ землю. На прежнихъ же мѣстахъ, какъ напр., у исконныхъ земледѣльцевъ — бѣлоруссовъ, и до нынѣшняго дня обмолоченный хлѣбъ зарывается въ ямы, и притомъ тѣмъ же способомъ, какъ и въ тѣ времена, когда войска Карла XII шли на соединеніе съ Мазепой. (Извѣстно, что шведскіе солдаты, выходя на поля передъ солнечнымъ восходомъ, разрывали ямы, наполненныя рожью, узнавая эти мѣста, по отсутствію росы, которую вы-

БИБЛИОТЕКА ПРА МИТРОПОЛИТ

сушивала скрытая теплота зарытаго зерна). У великороссовъ точно также еще жива любимая святочная игра— «хоронить золото и чисто серебро».

По всему громадному сѣверу Россіи, отъ финляндскихъ до сибирскихъ границъ, и отъ Соловецкаго монастыря до Троице-Сергіевской лавры, въ народѣ живетъ память о тѣхъ грабительскихъ временахъ, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ «панщины». Это имя несомнѣнно указываетъ на ту эпоху, когда шайки разноязычнаго и разноплеменнаго народа опустошали Русь въ тяжелую годину междуцарствія. «Панами» для олонецкихъ озерныхъ мѣстностей и бѣломорскаго поморья были и отряды шведскихъ войскъ, и примѣшавшійся къ нимъ всякій бездомный сбродъ, вродѣ того, который, отбиваясь отъ польскихъ войскъ Лисовскаго и Сапѣги, грабилъ народъ отъ Волги до сѣв. Двины и Пинеги включительно. Это были небольшія горсти людей, умѣвшіе нападать врасплохъ и безпощадно грабить мелкія и разобщенныя селенія лѣсныхъ мѣстностей,—шайки, подобныя тѣмъ, которыхъ въ костромскихъ лѣсахъ заморозилъ Сусанинъ, а олонецкая баба истребляла, обливая горячимъ овсянымъ киселемъ *). Атаманамъ этихъ разбойничьихъ шаекъ приписываются великія богатства, которыя они, въ случаѣ полныхъ неудачъ, спѣшили зарывать въ землю. Вотъ образчикъ подобныхъ преданій, записанный въ Кадниковск. у., Волог. г., могущій служить прототипомъ однородныхъ разсказовъ.

---

*) Замѣчательно, что память объ этомъ событіи сохранилась въ Лодейномъ полѣ подъ именемъ „Киселева дня“, и цѣлая группа деревень, имѣющихъ общее названіе «Роквы», чествуетъ его въ четвергъ Троицыной недѣли.

«Выбрали себѣ паны притонъ въ одномъ мѣстѣ и стали изъ него наѣзжать и грабить, всего чаще по праздникамъ, когда народъ расходился по церквамъ и на базары. Заберутъ паны что получше, а деревню зажгутъ. Этимъ они вывели народъ изъ всякаго терпѣнія. И вотъ, согласились противъ нихъ три волости и окружили притонъ такъ, что разбойникамъ некуда было дѣться. Стали они награбленное добро зарывать въ землю въ большой кадкѣ, и не спроста, а съ приговоромъ, чтобы то добро никому не досталось. Атаманъ ударился о землю, сдѣлался чернымъ вороном и улетѣлъ. Товарищей же его всѣхъ захватили и «покоренили» *).

Разбои, принявшіе, благодаря полному неустройству управленія, обширные размѣры, отчасти обязаны были своими чрезвычайными успѣхами еще тому, что народъ не переставалъ видѣть въ руководителяхъ шаекъ чародѣевъ, спознавшихся съ нечистою силою. Въ этомъ убѣждены были не только всѣ члены шайки, но и сами атаманы, которые выдѣлялись изъ толпы природнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, исключительною тѣлесною силою и даже увлекательнымъ даромъ слова. Разину, напримѣръ, этому поволжскому богатырю-чародѣю, самъ Илья-Муромецъ годился только въ есаулы. И неудивительно, конечно, что, обладая такой сверхъ-естественной силой, Разинъ обогащался и окупами съ проходящихъ

*) Особый видъ старинной казни разбойниковъ, сохранившійся въ преданіяхъ вологодскаго края. Онъ состоялъ въ томъ, что у большого дерева обрубали съ одной стороны корни, для чего немного поднимали его рычагами и накренивали, чтобы образовалась пустота и можно было въ нее просунуть человѣка. Затѣмъ дерево опускали на свое мѣсто и такимъ образомъ „подкоренивали“ подъ нимъ живыхъ людей, какъ бы накрывая ихъ колпакомъ.

торговыхъ судовъ, и даже царскою казною съ разграбленнаго и сожженнаго имъ перваго русскаго корабля «Орла». Неудивительно также, если тревожная жизнь, среди поисковъ новой добычи и преслѣдованій со стороны правительственныхъ властей, вынуждала Стеньку зарывать въ землю награбленныя сокровища. По крайней мѣрѣ, народъ вѣритъ въ это, и все длинное побережье, отъ Симбирска до Астрахани, всѣ эти лѣсистыя Жигулевскія горы и песчаные голые бугры Стеньки Разина—въ народномъ воображеніи до сихъ поръ считаются мѣстами, гдѣ зарыты безчисленные клады: тамъ лодка съ серебромъ затерта иломъ на пескахъ, здѣсь, въ Жигуляхъ, у Разина дупла—сундукъ полонъ платья, а сверху, какъ жаръ, горитъ икона, и заклята та поклажа на 300 лѣтъ; тамъ въ полугорѣ, у спуска къ Волгѣ, зарыто 12 ношъ *) серебра въ чугунѣ, покрытомъ желѣзнымъ листомъ, здѣсь въ Шиловской шишкѣ (горѣ близъ с. Сенгилея) подвалъ, а въ немъ на цѣпяхъ четыре бочки золота, охраняемаго большимъ медвѣдемъ. Замѣчательно, что народъ опредѣляетъ цѣнность клада съ большой точностью. Такъ въ селѣ Шатранахъ (Буинскаго у., Симб. г.) лежитъ, по преданію, казны 10 мѣръ (пудовъ) золота, 2 сундука жемчуга и 4 пуда мѣди. Это сокровище принадлежало брату Степана Разина, Ивану, и тотъ, кому достанется кладъ,—долженъ мѣдныя деньги раздать нищимъ, по прямому смыслу зарока. Кромѣ Степана Разина, составляющаго центральную фигуру во всей исторіи поволжской вольницы, нашъ народъ знаетъ еще безконечное множество болѣе мелкихъ удальцовъ и просто разбойниковъ, обладавшихъ сверхъ-естественной силой и зарывавшихъ въ землю богатые клады.

*) Ноша—мѣра того, сколько можетъ унести на себѣ сильный бурлакъ или крючникъ.

Такъ, въ Двиницкой волости (Волог. г., Кадник. у.) разбойникъ-атаманъ, прозванный за свою неуловимость «Блохой», приставилъ къ своему кладу цѣлую свору злыхъ рыжихъ собакъ. Кузьма Рощинъ, грабившій въ Муромскихъ лѣсахъ купеческіе караваны, оставилъ послѣ себя множество кладовъ въ такъ наз., Рожновомъ бору. Это преданіе настолько свѣжо, что нѣкоторые старожилы называютъ даже по именамъ его сподвижниковъ и укрывателей *). Въ Брянскихъ лѣсахъ, и вообще въ южной лѣсной части Орловской губ., также называютъ много мѣстъ, гдѣ скрыты клады, зарытые полумиѳическимъ разбойникомъ Кудеяромъ. Говорятъ, что надъ камнями, прикрывающими эти сокровища, не только вспыхиваютъ огоньки, но два раза въ недѣлю, въ 12 часовъ ночи, слышенъ бываетъ даже жалобный плачъ ребенка. Этотъ Кудеяръ (время дѣятельности его съ достовѣрностью не указывается) на всемъ пространствѣ великорусской украйны, отъ Саратовскаго поволжья, вплоть до устьевъ Десны, до нѣкоторой степени предвосхищаетъ славу самаго Степана Разина. Сверхъ вышеупомянутыхъ орловскихъ мѣстностей, въ семи уѣздахъ Воронежской губ. существуютъ урочища, носящія его имя. Указываютъ, напримѣръ, его «логъ», памятный ставками многочисленныхъ табуновъ украденныхъ имъ лошадей, его лощину-«мертвушу»—притонъ шайки, «городище» среди Усманскаго громаднѣйшаго казеннаго лѣса, окруженное высокимъ валомъ и обрытое широкою канавою, даже со слѣдами въѣздныхъ воротъ, и затѣмъ множество ямъ и кургановъ его имени, въ которыхъ на-

*) Къ послѣднимъ причисляютъ, между прочимъ, господъ Боташовыхъ, дѣятельность которыхъ описана Мельниковымъ въ его романѣ „Въ Лѣсахъ“.

ходили человѣческія кости, кинжалы, пики, бердыши, кольчуги, кольца, перстни, татарскія монеты и проч. Вотъ почему не уменьшается страсть къ отысканію кладовъ въ Усманской дачѣ, внушающей своимъ мрачнымъ величіемъ невольный страхъ и порождающей въ народѣ смутные разсказы о томъ, что здѣсь замѣтны даже слѣды канавы, по которой намѣревались нѣкогда спустить цѣлое озеро, наз. «Чистымъ», чтобы достать со дна его, изъ огромныхъ выходовъ и погребовъ, бочки золота и серебра, сундуки съ дорогими камнями и мѣхами, даже цѣлую старинную карету, сплошь наполненную деньгами, и т. п. Страсть къ легкой наживѣ повсюду расплодила множество кладоискателей, которые до такой степени увлекаются идеей быстраго обогащенія, что зачастую кончаютъ однопредметнымъ помѣшательствомъ. Эти несчастные маньяки вызываютъ безконечныя насмѣшки и, сплошь и рядомъ, дѣлаются жертвами обмана. За дорогую цѣну имъ продаются особыя «записки кладовъ», къ ихъ услугамъ находятся руководители, завѣдомо приводящіе на пустое мѣсто, заранѣе прославленное и искусно обставленное всѣми признаками таинственнаго урочища и т. д. Вотъ нѣсколько образчиковъ такихъ помѣшанныхъ фанатиковъ.

Одинъ изъ извѣстныхъ симбирскихъ кладоискателей занесъ въ свою «запись» о кладахъ слѣдующій эпизодъ: «А вотъ нищій Василій Семенычъ доподлинно взялъ поклажу въ селѣ Красной Полянѣ, а научилъ его, какъ взять—заштатный дьяконъ: все больше молитвами отчитывалъ изъ требника Петра Могилы. За тѣмъ требникомъ ѣздили мы три раза въ Ливу (село Корсунскаго уѣзда) да дорого просятъ: сто рублей, да еще надулъ подлецъ-лубянишные глаза Евсейка, а денегъ обобралъ много. На что былъ богатъ Филиппъ Чистяковъ:—четыре

расшивы *) имѣлъ—да и тѣ всѣ прожилъ въ клады.—Одначе, Богъ поможетъ (заключаетъ свою запись неисправимый фанатикъ-кладокопатель), весной возьметъ малу толику. Есть у цѣловальника подъ горой книга «Нѣмая строка»: по ней вызывать можно».

И умирая, не поживившись ни единымъ кладомъ, этотъ старикъ закончилъ свою запись слѣдющимъ завѣщаніемъ, напоминающимъ бредъ умалишеннаго:

«А какъ Богъ велитъ,—поучаетъ онъ своихъ дѣтей, отчитываемъ Разину поклажу, только первѣе на перво сто рублей, какъ помру, отошлите дѣдушкѣ въ Божью церковь, ко Владимірской Божіей Матери. А мать, чтобы не знала: все въ питейный угодитъ. А золото, куда положу—шепну опосля, смотрите только, какъ бы обмѣняли: чай все крестовики **). А если ужъ мѣнять, такъ изъ подъ виду, а для казны мѣста немного. А святую икону, что на поклажѣ лежитъ, освятить доведется».

Въ воронежской украйнѣ прославился другой убѣжденный чудакъ, исходившій весь тотъ край вдоль и поперекъ, разыскивая клады Кудеяра, между которыми одинъ состоялъ изъ 60 парныхъ воловьихъ подводъ серебра, 10 пудовъ золота и цѣлаго лотка драгоцѣнныхъ камней. Около этого помѣшаннаго образовалась цѣлая толпа плутоватыхъ пособниковъ изъ мѣщанъ и отставныхъ солдатъ, являвшихся съ предложеніями заговоровъ

*) Совершенно исчезнувшее теперь на Волгѣ, украшавшее пристани пестро размалеванное, грузовое судно, большое, парусное и плоскодонное.

**) Совсѣмъ исчезнувшій и ставшій нумизматическою рѣдкостью, серебряный рубль временъ Петра съ крестомъ изъ четырехъ буквъ П, который, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могъ очутиться въ разинскихъ кладахъ.

и записей, таинственныхъ талисмановъ, завернутыхъ въ грязныя тряпицы, вродѣ комка глины, добытой въ полночь съ могилы удавленника, помогающаго, какъ извѣстно, добычѣ кладовъ.

При содѣйствіи тѣхъ же кладоискателей, образовалась цѣлая своеобразная наука о различныхъ способахъ отрывать и находить клады. Для полученія клада, надо, прежде всего, знать зарокъ, съ которымъ онъ положенъ, а эти заклятія настолько капризны, что безъ записей или подсказовъ знающихъ людей невозможно и приступать къ дѣлу. Такъ, напр., на большой дорогѣ, между почтовой и казенной просѣкой, зарытъ кладъ; чтобы найти его, надо спѣть 12 пѣсенъ, но такихъ, чтобы ни въ одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милаго, ни про немилаго. Лежитъ другой кладъ подъ сосной; чтобъ получить его нужно влѣзть на эту сосну вверхъ ногами и спуститься назадъ точно также внизъ головой. Разбойники обычно зарывали свои сокровища «на сто головъ человѣчьихъ», но значеніе этого заклятія мудрено отгадать: сотому ли дураку приходить, чтобы дались тѣ деньги на голодныя зубы, или слѣдуетъ самому быть разбойникомъ, чтобы загубить сто чѣловѣкъ, прежде чѣмъ взяться за заступъ *).

Бываютъ на клады и такія мудреныя заклятія: «попадайся кладъ доброму человѣку въ пользу, а худому на гибель», или еще: «тому это добро достанется, кто послѣ

---

*) Существуетъ очень распространенный разсказъ объ одномъ счастливцѣ, которому удалось подслушать волшебный зарокъ «на сто головъ» и даже перехитрить колдуна, зарывшаго кладъ; когда колдунъ говорилъ: „человѣчьихъ“ счастливецъ шепталъ: „воробьиныхъ“, когда колдунъ говорилъ: „сто головъ“, счастливецъ шепталъ: „осиновыхъ головъ“.

моей смерти тотчасъ же голымъ пропляшетъ»; зарываютъ и на человѣка опредѣленнаго имени, — это, если можно такъ выразиться, «именные» клады.

Для заурядныхъ искателей чужого зарытаго добра изстари существуютъ могущественныя средства, при помощи которыхъ можно одновременно узнать и мѣсто нахожденія клада, и способъ добычи его. Бѣда только въ томъ, что эти средства даются нелегко. Таковы цвѣтъ папортника *), разрывъ-трава, шапка - невидимка, и косточка - счастливка. Первый, хотя и принадлежитъ къ числу безцвѣтковыхъ растеній, но въ ночь на Ивана Купала, когда, по народному убѣжденію, всѣ цвѣты на землѣ достигаютъ наивысшей силы расцвѣта,—горитъ нѣсколько мгновеній огненно-краснымъ отливомъ. Вотъ этотъ-то моментъ и долженъ уловить кладоискатель, чтобы обезпечить за собой успѣхъ. Нечистая сила, охраняющая кладъ, очень хорошо знаетъ таинственныя свойства папортника и, съ своей стороны, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы никому не позволить овладѣть цвѣткомъ. Она преслѣдуетъ смѣльчаковъ дикимъ хохотомъ и изступленными воплями, наводящими ужасъ даже на человѣка не робкаго десятка. Однако, на всѣ эти острастки нечистой силы всероссійское преданіе совѣтуетъ не обращать вниманія, хотя, какъ говорятъ, не было еще случая, чтобы самый хладнокровный смѣльчакъ остался равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ ужасамъ. Но зато бывали случаи, когда папоротникъ самъ собой попадалъ нѣкоторымъ счастливцамъ въ лапоть, задѣвавшимъ его нечаянно ногою. Съ той поры такіе избранники все узнавали и видѣли, замѣчали

*) По вологодскимъ примѣтамъ, это скатертникъ-кочедыжникъ, названный первымъ именемъ за узоры на листьяхъ и корневищѣ.

даже мѣсто, гдѣ зарыть кладъ, но лишь только, придя домой, разувались и роняли цвѣтокъ, какъ всѣ знанія исчезали и счастье переставало улыбаться имъ. Нѣкоторые думаютъ даже, что стоитъ положить цвѣтокъ за щеку въ ротъ, чтобы стать невидимкой. Впрочемъ, для послѣдней операціи придумана особая косточка, которую находятъ въ разваренной черной кошкѣ *).

Разрывъ-трава также отыскивается въ ночь на Ивана-Купалу. Съ ея помощью можно ломать всѣ замки, сокрушать всѣ препоны и разрушать всѣ преграды. Но такъ какъ и она, подобно папортнику, держитъ цвѣтъ не дольше того времени, которое полагается для прочтенія символа вѣры и молитвъ Господней и Богородичной, то имѣется, слѣдовательно, достаточное основаніе считать ее просто сказочнымъ зельемъ.

Сверхъ таинственныхъ обрядовъ и сложныхъ пріемовъ, изъ которыхъ ни одного нельзя позабыть,—для искателей кладовъ придуманы еще заговоры и даже молитвы. Тѣ и другія сотканы изъ гнилаго прядева пустыхъ словъ: «Пойду въ чистое поле, во лѣса дремучіе, за черныя грязи, черезъ океанъ-море». А здѣсь «стоитъ столбъ, а на немъ сидитъ Спасъ-Пресвятая Богородица». «За болотомъ немного положено — мнѣ приходится взять. Отойди же ты, нечистая сила, не вами положено, не вамъ и стеречь». При розыскѣ таинственныхъ сказочныхъ цвѣтковъ главная мольба заключается въ томъ, чтобы чертъ поигралъ имъ да опять отдалъ и не шутилъ бы.

---

*) Добывается шапка-невидимка еще и такимъ образомъ: во время Христовой заутрени, когда обходятъ церковь крестнымъ ходомъ, надо бѣжать домой, встрѣтить на дворѣ своего домового, сорвать съ его головы шапку и надѣть на него свою и, съ непогашенной свѣчей, бѣжать назадъ въ церковь, чтобы поспѣть къ крестному ходу и т. п.

не глумился надъ рабомъ Божьимъ». Въ самодѣльныхъ же молитвахъ, придуманныхъ для раскрытія клада, разсчитываютъ на то, чтобы силою словъ и знаменіемъ креста сокрушить нечистую силу, приставленную сторожить кладъ и «отчитывать» самый кладъ *). Впрочемъ, прямой нужды въ этомъ отчитываніи не имѣется, но требуются особые благочестивые пріемы въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ кладомъ находится или часовня, или поставленъ крестъ, или виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ, или же, наконецъ, подвѣшена одна лампадка. И то, и другое, и третье знаменуетъ присутствіе такого клада, который спрятанъ съ такимъ зарокомъ, чтобы нашедшій его построилъ церковь, или часть пріобрѣтеннаго раздѣлилъ нищимъ, или разнесъ по чтимымъ монастырямъ. Народное воображеніе—даже надъ кладами великаго чародѣя и безпримѣрнаго богача Стеньки Разина—поставило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иконы Богоматери и передъ ними повѣсило неугасимыя лампады.

Когда, при помощи папортника, кладъ будетъ найденъ, то кладоискатель еще не можетъ считать свое дѣло оконченнымъ, такъ какъ мало найти кладъ, но нужно еще умѣть взять его. Инымъ счастливцамъ не надо ни молитвъ, ни заклинаній, ни вызывныхъ книгъ, ни руководителей—къ нимъ сами клады напрашиваются, а у иныхъ неудачниковъ уже найденые, отрытые—изъ рукъ уходятъ, не даются. Чтобы взять кладъ, надо знать извѣстную сноровку. Если кладъ, выходя изъ-подъ земли, превращается въ какое-либо животное, или даже въ живого

*) По поволжью извѣстны, такъ наз., „вызывныя книги“, гдѣ и записаны эти молитвы, достаточно длинныя и довольно ловко поддѣланныя подъ общепринятый способъ молитвенныхъ церковныхъ возношеній.

человѣка, то надо его ударить на отмашъ лѣвой рукой со словами «аминь-аминь, разсыпься». Безъ этого кладомъ не овладѣешь. Къ одной калужской нищенкѣ, въ то время, какъ она шаталась по селу, приставалъ пѣтухъ, теребилъ ее за подолъ, совался подъ ноги: ударила его старуха палкой—и разсыпался пѣтухъ деньгами. Одинъ уломскій старикъ-гвоздарь шелъ какъ-то изъ деревни въ городъ. Дѣло было подъ вечеръ. Вдругъ среди поля что-то загрохотало. Оглянулся — катится бочка, а со стороны кричитъ чей-то голосъ: «перекрести дорогу!» Старикъ испугался, отскочилъ въ сторону—покатилась бочка мимо, а въ ней ясно слышенъ былъ звонъ серебряныхъ денегъ. Въ той же Уломѣ (Новг. губ.) деревенскіе ребята пошли искать кладъ и по пути позвали съ собой одинокаго старика, жившаго на краю села въ избушкѣ. Старикъ отказался: «зачѣмъ идти искать—коли Богъ захочетъ, такъ и въ окошко подастъ». Долго искали кладъ ребята, но ничего не нашли. На обратномъ пути увидали подъ кустомъ мертваго барана.—«Давай подкинемъ его старику въ окошко». Утромъ увидалъ у себя старикъ мертваго барана, взялъ, благословясь его за ноги, чтобы выбросить на дворъ, а баранъ и разсыпался по избѣ червонцами. Одному пензенскому дьякону каждый полдень являлся невѣдомый мужикъ со всклокоченными волосами и бородой, въ синей изорванной рубахѣ и такихъ же порткахъ. Появится — убѣжитъ въ сарай и пропадетъ, и все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Смекнулъ дьяконъ, въ чемъ дѣло, и сталъ рыть въ томъ мѣстѣ землю. Вырылъ яму въ сажень глубиной и наткнулся на пивной котелъ, прикрытый сковородкой. Хотѣлъ было его вытаскивать, да вдругъ услышалъ чей-то грубый голосъ: «а что ты тутъ, добрый человѣкъ, дѣлаешь?»—«А тебѣ какого черта нужно?»—

отвѣтилъ дьяконъ и тотчасъ же услышалъ, какъ въ рукахъ его дрыгнулъ котелъ и затѣмъ медленно и тяжело началъ погружаться въ землю. Догадайся дьяконъ позвать того человѣка на помощь—и сталъ бы богачемъ. У другихъ неудачниковъ случается и по иному. Роютъ двое, сговорившись подѣлиться поровну, да стоитъ одному подумать про себя, какъ бы нарушить договоръ—и тотчасъ же полуотрытый кладъ загремитъ и провалится. Иные даже домой принесутъ отрытое съ намѣреніемъ исполнить зарокъ, предписывающій сдѣлать какое-нибудь пожертвованіе, но, залюбовавшись сокровищемъ, спрячутъ до добраго случая, а потомъ раздумаютъ: у такихъ, вмѣсто денегъ, оказываются либо черепки разбитаго горшка, либо стекольные верешки отъ бутылки.

XVI.

ЗНАХАРИ-ШЕПТУНЫ.

Всякій человѣкъ, умудренный опытомъ и заручившійся какимъ-либо знаніемъ, выдѣляющимъ его изъ среды заурядныхъ людей, получаетъ право на названіе знатока, или, что одно и тоже по корню слова,—знахаря. Житейская практика показала, однако, нѣкоторую разницу въ бытовомъ примѣненіи этихъ двухъ словъ. Первое изъ нихъ присваивается тѣмъ, кто знаетъ толкъ въ оцѣнкѣ всякаго рода вещей, умѣетъ вѣрно опредѣлять доброту, качество и свойство предметовъ — словомъ, кого обычно называютъ иностраннымъ именемъ «эксперта». Всякій же знахарь, пользующійся общимъ уваженіемъ за выдающіяся знанія, пріобрѣтенныя личнымъ трудомъ, и за природное дарованіе, собственно есть не кто иной, какъ самоучка-деревенскій лекарь, умѣющій врачевать недуги и облегчать тѣлесныя страданія не только людей, но и животныхъ.

Строго говоря, мы не имѣли бы никакого права причислять этихъ людей, промышляющихъ леченіемъ болѣзней, къ категоріи тѣхъ, которые знаются съ нечистой силой, если бы суевѣрныя, основанныя на предразсудкахъ, понятія еще не господствовали властно въ народной средѣ. Въ деревенскомъ же быту продолжаютъ смѣшивать знахарей и ворожбитовъ, знахарокъ и ворожей съ чародѣями, т. е. колдунами и колдуньями. Это дѣлается по вѣко-

вѣчной привычкѣ во всемъ необычномъ подозрѣвать сверхъестественное, и по простодушной вѣрѣ, что во всемъ, не поддающемся нашему разумѣнію, несомнѣнно должно быть участіе и работа таинственныхъ силъ, хотя бы и не злобныхъ. Сами знахари, своими пріемами врачеванія и требованіемъ при этомъ особенной или странной обстановки, поддерживаютъ это заблужденіе, не столько въ видахъ корысти, сколько по глубокому убѣжденію, что иначе дѣйствовать нельзя, что такъ повелось искони, и что очень мудрено довѣриться силѣ цѣлебныхъ снадобій, если онѣ не наговорены заранѣе или не нашептаны тутъ же на глазахъ больного, такъ какъ главная сила врачеванія заключается въ словахъ заговора, а снадобья служатъ лишь успокоительнымъ и воспособляющимъ средствомъ. Поэтому-то и зовутъ знахарей «шептунами», именно за тѣ «заговоры» или таинственныя слова, которыя шепчутся надъ больнымъ, или надъ снадобьемъ. Заговоры воспринимаются или изустно отъ учителей, или изъ письменныхъ записей, въ изобиліи распространенныхъ среди грамотнаго сельскаго населенія подъ названіемъ «цвѣтниковъ», «травниковъ» и «лечебниковъ». Произносятся они полушепотомъ, съ цѣлью, чтобы не услышалъ непосвященный человѣкъ (иначе заговоры не имѣютъ никакого значенія) и чтобы остались они неотъемлемой собственностью однихъ только знахарей. Сопровождаются заговоры различными движеніями рукъ и губъ для того, чтобы удержать силу словъ, или, какъ говорится, «запечатать замокъ». Знахари, даже искренне убѣжденные, тоже продѣлываютъ это, хотя они во многомъ отличаются отъ колдуновъ, между которыми такъ много плутовъ, принявшихъ на себя личину притворства ради явнаго корыстнаго обмана. Въ этомъ особенно часто обвиняютъ тѣхъ мастеровъ, которые бродятъ по деревнямъ

и извѣстны подъ именемъ «коноваловъ». Они собственно лекари-знахари, избравшіе своею спеціальностью леченіе лошадей, но дерзающіе лечить и другихъ животныхъ, и даже людей. Нѣкоторые изъ нихъ, вродѣ ладожанъ и егорьевцевъ, (изъ Рязан. г.) давно уже отнесены въ число несомнѣнныхъ колдуновъ, чему способствуетъ и внѣшній нарядъ ихъ, состоящій, какъ и у самоѣдскихъ и сибирскихъ шамановъ, изъ разнообразныхъ ремешковъ, колечекъ, сумочекъ, бляшекъ и т. п. Въ довершеніе сходства, ладожане и егорьевцы вѣчно похваляются своими связями съ нечистой силой.

Главное отличіе между колдунами и знахарями состоитъ въ томъ, что первые скрываются отъ людей и стараются окутать свое ремесло непроницаемой тайной, вторые же работаютъ въ открытую и безъ креста и молитвы не приступаютъ къ дѣлу: даже цѣлебные заговоры ихъ, въ основѣ своей, состоятъ изъ молитвенныхъ обращеній къ Богу и св. угодникамъ, какъ цѣлителямъ. Правда, знахари тоже нашептываютъ тайно, вполголоса, но за то открыто и смѣло дѣйствуютъ: «встанетъ рабъ Божій благословясь и перекрестясь, умоется свѣжей водой, утрется чистымъ полотномъ; выйдетъ изъ избы къ дверямъ, изъ воротъ къ воротамъ, выступитъ подъ восточную сторону, гдѣ стоитъ храмъ Введенія Пресвятой Богородицы, подойдетъ поближе, поклонится пониже, попроситъ смотрѣть лестно, и повсемѣстно, и повсечасно». Колдунъ дѣйствуетъ зачастую по вдохновенію: разрѣшаетъ себѣ выдумку своихъ пріемовъ и средствъ, лишь бы они казались внушительными и даже устрашали. Онъ выжидаетъ и ищетъ случаевъ показать себя въ возможно импонирующей обстановкѣ, хотя бы и съ растрепанными волосами и со всклокоченной бородой. На свадьбы и за

праздничные столы онъ является незваннымъ и старается придти неожиданно, словно изъ подъ земли вырости и т. п. Знахарь же идетъ торной дорожкой и боится оступиться: онъ говоритъ по ученому, какъ по писанному, придерживаясь «цвѣтника», или какъ наставлялъ его покойничекъ-батюшка. Знахаря не надо разыскивать по кабакамъ и не придется заставать полупьянымъ, выслушивать грубости, смотрѣть, какъ онъ ломается, вымогаетъ плату, угрожаетъ и застращиваетъ своимъ косымъ медвѣжьимъ взглядомъ и посуломъ несчастій впереди. У знахаря—не «черное слово», разсчитанное всегда на зло и бѣду, а вездѣ «крестъ-креститель, крестъ-красота церковная, крестъ вселенный—дьяволу устрашеніе, человѣку спасеніе». (Крестъ опускаютъ даже въ воду передъ тѣмъ, какъ задумаютъ наговаривать ее таинственными словами заговора, и, такимъ образомъ, вводятъ въ нее могущественную цѣлебную силу). У знахаря на дверяхъ замка не виситъ; входная дверь открывается свободно: теплая и чистая изба, съ выскобленными стѣнами, отдаетъ запахомъ сушеныхъ травъ, которыми увѣшены стѣны и обложенъ палатный брусъ; все на виду, и лишь только передъ тѣмъ, какъ начать пользовать, знахарь уходитъ за перегородку Богу помолиться, снадобье приготовить: и тогда оттуда доносятся шепты и вздохи. Выговаривая себѣ всегда малую плату (копѣекъ пять — десять) знахарь говоритъ, что беретъ деньги Богу на свѣчку, а чаще довольствуется тѣмъ количествомъ яичекъ отъ домашнихъ куръ, какое принесутъ, а то такъ и ничего не возьметъ и, отказываясь, скажетъ: «дѣло божеское, — за что тутъ брать?» — Впрочемъ, плата, даваемая знахарямъ, не считается зазорной—главнымъ образомъ, потому, что ею оцѣнивается лишь знаніе и искусство, а не волшебство или чародѣйство.

Къ тому же знахарь не мало трудится около своихъ паціентовъ, такъ какъ крестьяне не обращаются къ нему по пустякамъ, а лишь въ серьезныхъ случаяхъ. Прежде чѣмъ больной пришелъ за совѣтомъ, онъ уже попользовался домашними средствами: ложился на горячую печь животомъ, накрывали его съ головой всѣмъ, что находили подъ рукой теплаго и овчиннаго; водили въ баню и на полкѣ околачивали вѣниками до голыхъ прутьевъ, натирали тертой рѣдькой, дегтемъ, саломъ, скипидаромъ, поили квасомъ съ солью, словомъ — все дѣлали и теперь пришли къ знахарю, догадавшись, что приключилась болѣзнь не отъ простой «притки», т. е. легкаго нечаяннаго припадка, а прямо таки отъ «уроковъ», лихой порчи, или злаго насыла, напуска, наговора и чаръ. Теперь и надо раскинуть умомъ, потрудиться отгадать, откуда взялась эта порча и какимъ путемъ вошла въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце?

Входитъ въ человѣка порча въ слѣдующихъ случаяхъ:

Сглазу, или, что одно и то же, отъ призору. Бываютъ глаза у людей хорошіе, добрые, счастливые, и наоборотъ — дурные: «черный глазъ, карій глазъ, минуй насъ!». «Озѣваетъ» человѣкъ своимъ нехорошимъ взглядомъ встрѣчнаго и испортитъ. Отъ «недобраго часа» сглазъ приходится отчитывать три зори, а отъ «худаго часа» и порчи надо отчитывать 12 зорь.

По слѣду: злые люди вынутъ земли изъ подъ ступни проходящаго человѣка и бросятъ ту землю на дерево, отчего хворь не пройдетъ до тѣхъ поръ, пока дерево не засохнетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и порченый человѣкъ не помретъ. Освободить отъ несчастья въ такихъ случаяхъ можетъ лишь самый опытный знахарь. Но если бросить землю на воду, то знахарь помочь не въ силахъ, какъ бы ни

старался. Онъ только скажетъ: «сдѣлано крѣпко и завязано туго—мнѣ не совладать: одна теперь тебѣ надежда на спасеніе, если была въ сапогахъ соломенная подстилка».

Отъ притки, которая считается много привязчивѣе сглаза, и трудно распознается, отличаясь самыми многосложными и запутанными признаками. Въ нихъ мудрено разобраться: то ли это «схватило» вдругъ безъ всякой причины, то ли это припадокъ, вызванный старымъ внутреннимъ поврежденіемъ, внезапно и неожиданно обострившимся, то ли, наконецъ, хворь, прикинувшаяся въ банѣ.

Отъ изурочья, или, что тоже, отъ уроковъ. Подъ этимъ именемъ разумѣется заочная посылка порчи. Лиходѣи посылаютъ порчу всякими путями и способами: въ пищѣ, по водѣ, по вѣтру *). Какъ пулей изъ ружья, поражаютъ они ударомъ по поясницѣ вродѣ «утина», напускомъ жестокаго колотья въ грудь и болей въ животъ, да такихъ, что приходится крикомъ кричать и кататься по землѣ отъ невыносимаго страданія.

Отъ клади, которую чародѣи зашиваютъ новобрачнымъ въ подушки или перины. Это женскій волосъ, спутанный комкомъ, косточка, взятая на кладбищѣ, три лучинки, опаленныя съ двухъ концевъ и нѣсколько ягодъ егодки (волчьихъ ягодъ). Знахарь устраняетъ отъ молодыхъ порчу тѣмъ, что опаляетъ кладь на огнѣ, уноситъ на рѣчку и спускаетъ на воду. Пекутъ также для клади лепешки съ разными снадобьями и угощаютъ ими, или подкидываютъ, чтобы сами приговоренные нашли и съѣли.

---

*) Выйдетъ на улицу, встанетъ противъ вѣтра, скажетъ какое ему нужно слово, вѣтеръ подхватитъ и, кто первый дыхнетъ, тотъ и изурочится.

Отъ удара или щипка привязывается порча, когда сильный колдунъ, проходя мимо бабы, какъ бы ненарокомъ, щипнетъ ее спереди, или хлопнетъ сзади, да еще и прихвалитъ: «какая ты, шутъ, гладкая!».

Отъ оговора—когда «не въ часъ молвится». Разсказываютъ, напримѣръ, такой случай: вышла баба послѣ родовъ рано на улицу, къ ней подошла сосѣдка и сказала: «сидѣла бы лучше дома». — Баба испугалась, заболѣла, у ней разлилось молоко и, въ концѣ концовъ, она умерла.

Относомъ портятъ не умышленно и не по злости, а ненарокомъ: дѣлано было на другого, а подвернулся посторонній и неповинный человѣкъ. Отхаживаютъ въ такихъ случаяхъ тоже знахари, но необходимо, чтобы они были сильнѣе тѣхъ, которые наслали порчу. Самый способъ леченія отличается большой простотой: знахарь долженъ пойти на распутье, гдѣ скрещиваются дороги, и бросить тамъ узелокъ съ зашитыми въ немъ золой, углемъ и кусочкомъ глины отъ печнаго чела. Такимъ относомъ отводится порча отъ того больного, къ которому знахарь былъ позванъ. Но относъ имѣетъ свою опасную сторону, такъ какъ всякій, кто первымъ наткнется на отнесенный узелокъ, непремѣнно будетъ испорченъ. А это, въ свою очередь, влечетъ дурныя послѣдствія для перваго больного, уже излѣчившагося отъ порчи при помощи узелка: однако, когда его душа, въ свой смертный часъ, станетъ выходить изъ тѣла, сатана скажетъ ангелу Божію: эта душа моя, она зналась со мною, приносила мнѣ на распутье хлѣбъ-соль *).

---

*) Въ Калужской г., Жиздрин. у., въ Бытчинской волости, существовалъ очень странный обычай подобныхъ относовъ. На свѣтлый праздникъ, когда садились разговляться, хозяинъ семьи отрѣзалъ отъ

Отъ какой бы изъ перечисленныхъ причинъ ни приключилась болѣзнь человѣку, знахарь, какъ и весь деревенскій русскій міръ, глубоко убѣжденъ, что всякая болѣзнь есть живое существо. Съ нею можно разговаривать, обращаться къ ней съ просьбами или приказаніями о выходѣ вонъ, спрашивать, требовать отвѣтовъ (не говоря уже о такихъ, напр., болѣзняхъ, какъ кликушество, когда сидящій внутри женщины бѣсъ не находитъ даже надобности скрываться и, еще не видя приближающагося крестнаго хода, или проходящаго мимо священника, начинаетъ волноваться и выкрикивать женскимъ языкомъ мужскія непристойныя ругательства и кабацкія сквернословія). Бываютъ случаи, когда болѣзни даже олицетворяются. Такъ самый распространенный недугъ, сопровождающійся ознобомъ и жаромъ, и извѣстный подъ общимъ именемъ лихорадки, есть не что иное, какъ одна изъ двѣнадцати дочерей библейскаго царя Ирода (а по другимъ свѣдѣніямъ изъ 14) *). Знахарь умѣетъ распознать, какая именно въ данномъ случаѣ овладѣла его паціентомъ: одна ли напримѣръ, ломовая или трепуха, или двѣ вмѣстѣ. Онъ опредѣляетъ, которая изъ нихъ послабѣе, положимъ, знобуха или гнетучка, чтобы именно съ такою-то и начать борьбу. Больной и

каждаго кушанья по кусочку, отливалъ хлебова и молока и, по окончаніи ѣды, все это относилъ на разстани и просилъ злыхъ духовъ поберечь его скотъ на пастьбѣ. Одинъ старикъ покаялся въ этомъ священнику и, по убѣжденію послѣдняго, постарался усовѣстить и повліять на сосѣдей, причемъ имѣлъ такой успѣхъ, что обычай относовъ сталъ прекращаться. Теперь, если и придерживаются его, то только люди закоренѣлые въ суевѣріи, да и тѣ дѣйствуютъ тайно, чтобы никому не попасться на глаза.

*) Живутъ онѣ въ ущельяхъ каменистыхъ горъ и летаютъ по воздуху; кого поцѣлуютъ, тому не миновать бѣды.

самъ умѣетъ подсказать, гноевая ли это (если ли хорадка напала въ то время, когда свозили навозъ на поле), или подтынница (если болѣзнь началась, когда усталымъ онъ свалился подъ изгородь въ лугахъ и заснулъ на мокрой травѣ). Въ томъ же случаѣ, когда объявились сильныя боли въ крестцѣ, или разломило въ поясницѣ такъ, что не продохнешь—всякій знахарь понимаетъ, что это «утинъ», и что въ этомъ случаѣ надо положить больнаго животомъ на порогъ избы, взять тупой косарь въ руки, насѣкать имъ спину и вступить съ этимъ утиномъ въ переговоры, спрашивая его и выслушивая отвѣты: «что рублю?—утинъ сѣку.—Руби гораздо, что бы вѣкъ не было» и т. п.

Безконечное разнообразіе знахарскихъ пріемовъ и способовъ врачеванія, составляющее цѣлую науку народной медицины, сводится, въ концѣ концовъ, къ леченію травами *). Какъ лечатъ знахари—это составляетъ предметъ особаго изслѣдованія, предоставленнаго врачу-спеціалисту. Намъ же остается досказать о томъ положеніи, какое занимаютъ знахари и знахарки въ деревенской средѣ, въ качествѣ людей, лишь заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ нечистою силою, но отнюдь не продавшихъ ей свою душу. Хотя житейская мудрость и велитъ не обвинять никого безъ улики, но житейская практика показываетъ другое, и на обвиненіе знахарей деревенскій людъ не скупится. Такъ, напр., ночью знахарямъ нельзя даже за-

*) Знахари гордятся своими ботаническими свѣдѣніями и хвастаются тѣмъ, что имъ извѣстно 99 сортовъ травъ (болѣе скромные упоминаютъ лишь о 77). Изъ этихъ травъ для каждаго знахаря обязательно держать всегда дома 12: цикуту или одолимъ, сѣмена бѣлены, корень лапчатка, богородицкую траву, волчьи ягоды, корень морковника, корень папортника, куричью слѣпоту, паутинникъ, земляные орѣхи, кунавку, бузинный цвѣтъ.

жечь огонь въ избѣ или продержать его дольше другихъ безъ того, чтобы сосѣди не подумали, что знахарь готовитъ зелье, а нечистый ему помогаетъ. Но, живя на положеніи подозрѣваемыхъ, знахари, тѣмъ не менѣе, пользуются большимъ уваженіемъ въ своей средѣ. Объясняется это тѣмъ, что знахарями дѣлаются люди, преимущественно старые, одинокіе холостяки или старушки-вдовы и престарѣлыя дѣвицы, не сдѣлавшіяся черничками потому, что захотѣли быть лекарками и ворожеями. Положеніе подозрѣваемыхъ невольно дѣлаетъ знахарей слегка суровыми и очень самолюбивыми и самоувѣренными. Да и подбирается сюда не только народъ смышленный, но и положительно стоящій выше другихъ на цѣлую голову. Оттого у знахарей не выходитъ съ сосѣдями ни особенно близкой дружбы, ни хлѣбосолья, ни откровенныхъ бесѣдъ: тайна пуще всего имъ на руку. Но въ то же время ихъ интересуютъ чужія бесѣды, деревенскія новости, взаимныя сосѣдскія отношенія. Зайдетъ знахарь въ трактиръ или харчевенку, сядетъ незамѣтно въ сторонку и прислушивается: у кого украли лошадь, увели корову, на кого падаетъ подозрѣніе и на комъ оно, послѣ галденья и общихъ споровъ, остановится. Какъ умный человѣкъ, подбирая въ запасъ мелкія крохи, онъ сумѣетъ потомъ въ нихъ разобраться, а глупая деревня думаетъ, что если мужикъ умѣетъ лечить, даетъ умные и добрые совѣты, то долженъ же онъ и колдовать, и ворожить, и отгадывать. Если онъ умѣетъ лечить скотину,— разсуждаетъ деревенскій людъ,—то почему ему не пользовать и людей? помогъ отъ одной болѣзни, стало быть, долженъ пособить ото всѣхъ? При такомъ положеніи вещей не мудрено, что все врачебное дѣло въ деревнѣ держится на знахарѣ. Впрочемъ, на ряду съ зна-

харемъ пользуетъ больныхъ и бабка-лекарка. Она, такъ сказать, дополняетъ знахаря по той причинѣ, что бываютъ по женской части такія дѣла, въ которыя мужчинѣ никакъ не проникнуть. Бабки-повитухи работаютъ вполнѣ независимо, на свой страхъ и отвѣтъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ даже отдается предпочтеніе передъ мужчиной-знахаремъ, такъ какъ бываютъ такія болѣзни, гдѣ только женская рука, нѣжная и мягкая, можетъ принести дѣйствительную пользу. Такъ, напр., всѣ воспаленія глазъ всегда и повсюду довѣряются леченію исключительно однѣхъ знахарокъ: никто лучше ихъ не сдуваетъ бѣльма, никому такъ ловко не вдунуть въ глазъ квасцовъ, смѣшанныхъ съ яичнымъ бѣлкомъ. Сверхъ того, бабка усерднѣе знахаря: она забѣжитъ къ своему больному раза три на день. Въ леченіи дѣтскихъ болѣзней точно также нѣтъ равныхъ знахаркамъ, хотя и по «сердечнымъ» дѣламъ онѣ не утратили заслуженно добытую славу. Онѣ охотно берутся «снимать тоску» съ того человѣка, который лишился любви, но заставить полюбить не могутъ, такъ какъ «присуха»—дѣло грѣховное и дается только колдунамъ. Въ этомъ собственно и заключается существенная разница между колдунами и знахарями: то, что наколдуютъ чародѣи,—знахари и знахарки снимутъ и поправятъ. И слава ихъ въ этомъ отношеніи такъ велика, что къ нимъ со всѣхъ концовъ стекаются деревенскіе люди за помощью. Но еще чаще обращаются къ нимъ въ самыхъ обыденныхъ житейскихъ случаяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: молодая баба, на третій день послѣ свадьбы, ушла отъ мужа; родные пытались ее вернуть, совѣтовались со знахаркой и получили въ отвѣтъ, что отъ насильной любви баба можетъ умереть. Сама баба почувствовала однажды жалость къ мужу и просила колдуна внушить

ей любовь къ нему. Этотъ взялся, но предупредилъ, что «все равно, любовь эта будетъ черезъ окаяннаго». Ходятъ къ знахарямъ, въ случаѣ бѣды, и съ цѣлью поворожить и погадать, хотя это и не составляетъ прямой профессіи знахарей: воръ объявился, лошадь увели, корова изъ поля домой не приходила — все къ знахарю или къ бабкѣ-вѣдуньѣ. Бабушка-вѣдунья сейчасъ все разскажетъ и бѣду какъ руками разведетъ. Иная, чтобы не потерять уваженія и поддержать къ себѣ вѣру, бобы разводитъ, раскидываетъ карты, на воду пускаетъ восковой шарикъ, шепчетъ и вдумчиво смотритъ, въ какую сторону укажетъ шарикъ, какой мужикъ въ водѣ покажется ей: черный или бѣлый. Сметливая баба изъ разспросовъ уже раньше кое-что поняла. Если не укажетъ она прямо, то поведетъ около, а сосѣдскіе воры всѣ на счету и у всѣхъ на примѣтѣ. А если и не скажетъ она правды, не поможетъ на недобрый часъ, то вѣдь все-таки это не ея прямое дѣло. Такъ всѣ и понимаютъ: спасибо ей и за то, что старалась пособить и не отказалась утѣшить въ тяжелое время умѣлымъ сердечнымъ совѣтомъ. Знать обманули ее карты, надо быть, замутилась вода. Во всякомъ случаѣ—знахарь не чародѣй, ворожея—не вѣдьма.

При всемъ почетѣ, какой выпадаетъ въ удѣлъ знахарямъ, имъ, однако, приходится считаться съ современными вѣяніями, а подчасъ и отвѣчать передъ начальствомъ. Вотъ что повѣдалъ на этотъ счетъ одинъ изъ извѣстныхъ знахарей, возлѣ двора котораго «подводъ больше десятка каждый день стояло».

«Нашлись у меня завистники и донесли попу и уряднику, что я черной магіей занимаюсь. Я ничего не знаю, сижу дома—глядь: ко мнѣ въ хату приходятъ попъ съ урядникомъ, а избу понятые окружили. На-перво попъ обратился ко мнѣ:

— Ты, Михайло, сказываютъ, лечишь народъ по книжкамъ отъ всякихъ болѣзней, такъ покажи намъ свои книги?

А я ему наоборотъ говорю:

— Лечу, папаша; это правда. И разные у меня коренья и травы есть, и книга тоже есть: по ней я разбираю, какихъ кореньевъ отъ какой хвори дать, и съ молитвою творю это. А вреда никакого я не дѣлалъ людямъ.

Урядникъ какъ крикнетъ на меня:

— Ты не разговаривай съ нами, а подавай твои книги и коренья, а мы ихъ становому представимъ. Тебя за Сибирь загонитъ онъ за это леченье.

Я не испугался его. Открылъ укладочку, гдѣ лежала книга моя и коренья, и говорю:

— Извольте брать къ себѣ всю укладку: тутъ все леченье мое. Только прошу васъ, не растеряйте листковъ изъ книги да корешковъ не трусите: дюжо трудно собирать ихъ.

Урядникъ отвезъ укладочку мою къ становому, а тотъ книгу и коренья къ доктору отправилъ. А докторъ посмотрѣлъ мою книгу и сказалъ:

— Это безвредная книга: травникъ называется.

Такъ все и отдали мнѣ назадъ.

XVII.

ПЛОТНИКИ И ПЕЧНИКИ.

О плотникахъ и печникахъ распространены въ народѣ многочисленные разсказы, свидѣтельствующіе о томъ, насколько мстительны и недоброжелательны эти люди въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не доплачиваютъ условленной суммы хозяева и подрядчики. Особенно дурной славой пользуются тѣ изъ плотниковъ, которые извѣстны своимъ искусствомъ, вродѣ костромскихъ галичанъ, знаменитыхъ издревле владимірскихъ «аргуновъ», вологодскихъ, вохомскихъ и т. д. Такъ какъ, по извѣстному присловью, ихъ «топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ да онъ же и кормитъ», то мастерство свое они умѣли довести до замѣчательнаго искусства, и даже до шаловливыхъ фокусовъ, которыми успѣваютъ они «морочить глаза» темныхъ суевѣрныхъ людей. А если отводятъ глаза, да при этомъ еще застращиваютъ и похваляются местью, то чѣмъ и объяснить все это, какъ не увѣренностью ихъ въ помощи нечистой силы, съ которою они несомнѣнно знаются?

Про вохомскихъ плотниковъ (въ Волог. г., Грязов. у.) извѣстенъ такой разсказъ. Однажды они не получили, сверхъ расчета, обычнаго угощенія пивомъ и водкой и, когда ушли, хозяинъ послалъ сына посмотрѣть новую избу. Вернулся тотъ перепуганнымъ и разсказалъ отцу

про такое диво, что тотъ самъ пошелъ провѣрять и увидѣлъ тоже самое. Только что вошелъ онъ, какъ выскочила маленькая мышь, за ней другая побольше и еще больше, а послѣднія стали выбѣгать ростомъ въ сытую кошку. «Запрягай, сынокъ, поскорѣе лошадь, поѣзжай за тѣмъ мастеромъ, зови его на влазины, а въ Петрецовѣ захвати четверть водки!» Приняли плотника съ хлѣбомъ-солью и низкими поклонами въ новомъ домѣ. Выскочила маленькая мышь, а мастеръ только и сказалъ ей: «скажи въ стадѣ, чтобы сейчасъ убирались вонъ». Не успѣли они выпить по второй, какъ большія и маленькія мыши трускомъ и вприскочку выбѣжали изъ избы мимо нихъ въ двери и въ поле.

Около села Кубенскаго (въ 30 вер. отъ Вологды) по сей день стоитъ вѣтряная мельница, совершенно новая, но больше десяти лѣтъ не употреблявшаяся въ дѣло. Тѣмъ же вохомскимъ плотникамъ не доплатилъ мельникъ трехъ рублей, и съ перваго же дня помола всякій разъ его отбрасывало отъ жернововъ съ такой силой, что онъ навзничь валился на полъ. Приводилъ онъ на свою вѣтрянку и священника съ молитвой, но и это не помогло. Плотники совѣтовали купить мельницу другому мужику и обѣщали ему, что она будетъ хорошо работать, но тотъ купить побоялся, а за нимъ и всѣ прочіе опасаются.

Въ Орловской губ. (подъ самымъ городомъ) подслушали бабы, какъ владимірскіе плотники, достраивая хату, приговаривали: «дому не стоянье, дому не житье, кто поживетъ, тотъ и помретъ», и подсмотрѣли, что бревна тесали они не вдоль, а поперекъ, а потомъ напустили червей. Стали черви точить стѣны и, едва успѣлъ хозяинъ помереть, какъ развалилась и хата его.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Вятской г.) построили плотники новый домъ. Пришли они попрощаться да и сказали хозяйкѣ: «ну, тетка, тебѣ не спасибо, во вѣкъ будешь помнить, какъ ты насъ поила — кормила». И вотъ зато, что она докучала имъ попреками, укоряя, что много у ней выпили и еще того больше съѣли,—они посадили ей кикимору: никого не видно, а человѣческій голосъ стонетъ. Какъ ни сядутъ за столъ, сейчасъ же кто-то и скажетъ: «убирайся-ка ты изъ-за стола-то!» А не послушаютъ—начнетъ швырять съ печи шубами, или съ полатей бросаться подушками. Такъ и выжила кикимора хозяевъ изъ дому. Сказывали знающіе люди о причинахъ этого происшествія, но разное: одни говорили, что либо на стоянкѣ, либо подъ матицу, плотники подложили свиной щетины, отчего и завелись въ домѣ черти. Другіе предполагали, что подъ домомъ зарытъ былъ когда-то неотпѣтый покойникъ, или удавленникъ, и что плотники знали про то и намѣренно надвинули къ тому мѣсту первые вѣнцы, когда ставили срубъ.

Точно также нельзя было жить въ одной избѣ въ Скопинск. у., Рязан. г. по той причинѣ, что, какъ только сядетъ семья за столъ, такъ и летятъ чашки съ печи и съ полатей лапти, онучи и пр. И иконы поднимали—не помогло.

Въ Пошехонской деревнѣ (Яросл. г.) мышкинскіе плотники сдѣлали такъ, что какъ придетъ вечеръ, такъ на повѣти и начнетъ плакаться жалобный голосъ: «падаю, падаю—упаду». Придутъ посмотрѣть—никого нѣтъ. Бились и мучились такъ до той поры, когда пришелъ въ избу свой же пошехонскій швецъ, вѣдомый знахарь.—«Помоги!»—просятъ его хозяева.—«Ничего, говоритъ, не горюйте!» Вышелъ потомъ портной ночью, услышалъ

слово «падаю», прошепталъ свое, какое зналъ, да и крикнулъ: «коли хочешь валиться, то падай на хлѣбъ!»— Вслѣдъ затѣмъ что-то съ страшнымъ трескомъ упало, а послѣ этого въ избѣ уже не «диковалось».

Въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ (Новг. г.) въ деревнѣ Иглинѣ, у крестьянина Андрея Богомола, плотники такъ наколдовали, что кто изъ его семьи ни войдетъ въ новую избу, всякій въ переднемъ углу видитъ покойника, а если войдутъ съ кѣмъ-нибудь чужимъ—не видятъ. Въ первую же ночь сына Михаила сбросило съ лавки на полъ. Рѣшили сломать избу эту и поставить новую. Стали ломать—и нашли въ переднемъ углу, подъ лавкой, вбитымъ гвоздь отъ гроба.

Такая же недобрая слава установилась и за печниками и каменьщиками. Послѣдніе въ особенности прославились злыми штуками, и притомъ на всю св. Русь. Найдется-ли на ея широкомъ раздольѣ хотя одинъ такой счастливый городъ, въ которомъ не указали бы на заброшенный нежилой домъ, покинутый и заколоченный наглухо? Въ такихъ запустѣлыхъ домахъ поселяются черти и по ночамъ возятся на чердакахъ и швыряютъ чѣмъ попало и куда попало. Въ городѣ Сарапулѣ (Вятской г.) въ 1861 г. пишущему эти строки указывали на соборной площади подобный таинственный домъ, а три года тому назадъ объ этомъ же самомъ домѣ сообщали, что верхъ такъ и стоитъ необитаемымъ уже много лѣтъ. Разсказывали, что какъ только кто-нибудь поселится въ этомъ домѣ, въ первую же ночь слышится голосъ: «а, окошки вставили! двери сдѣлали!» И поднимется вслѣдъ затѣмъ шумъ, а на утро оказывается, что всѣ стекла въ окнахъ и дверяхъ выбиты. Лѣтъ шесть тому назадъ, этотъ домъ такъ и стоялъ съ разбитыми стеклами. Теперь окна заколочены досками».

Въ смыслѣ чертовщины, за обширную Бѣлокаменную тоже никто не поручится, а въ Петербургѣ на нашей памяти, на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста, существовалъ безпокойный домъ съ зелеными колоннами. Лѣтъ 10—15 тому назадъ на такой же домъ на Литейной (или Моховой) указывали всѣ газеты, и толпы любопытныхъ собирались къ нему въ такомъ множествѣ, что вмѣшалась полиція.

— Одинъ каменщикъ (пишетъ корреспондентъ изъ Сарапула) изъ крестьянъ села Мостовой передавалъ слѣдующее: «когда трубу кладемъ, такъ артути въ перушко гусиное линешь, плотный-то конецъ оставишь на волю, а другой замажешь. Какъ затопятъ послѣ того печку—она и застонетъ, а хозяева боятся: «смотрика, молъ, каменщикъ какую штуку удралъ». О такой же приблизительно штукѣ сообщаетъ и орловскій сотрудникъ: «плотники просверлятъ дыру и вставятъ въ нее бутылочное горлышко, — вѣтеръ дуетъ въ это незамѣтное для глазъ отверстіе, при чемъ происходитъ завываніе, а хозяинъ думаетъ, что въ его жилищѣ поселили лѣшаго».

Грязовецкіе вологжане разсказываютъ о своихъ плотникахъ, что они кладутъ въ одинъ изъ срубовъ избы деревянную куклу для того, чтобы «наводило» временами на хозяина страхъ. А дѣлаютъ это такъ: по три зори подрядчикъ спрашиваетъ рабочаго, находящагося на срубѣ:—Что стукаешь?—Рабочій отвѣчаетъ: «лѣнь на шабашъ». Подрядчикъ говоритъ: «лѣшему строить шалашъ».

Изъ Шуйскаго уѣзда (Влад. г.) пишутъ: сговорились плотники съ печниками и вмазали въ трубу двѣ пустыя незаткнутыя бутылки по самыя горлышки *). Стали

*) Вмѣсто бутылки, кладутъ въ стѣну пискульки изъ рѣчнаго тростника, дудочку изъ лубка липы, лозы.

говорить хозяева: «все бы хорошо, да кто-то свиститъ въ трубѣ—страшно жить». Пригласили другихъ печниковъ.— «Поправить, говорятъ, можно, только меньше десятки не возьмемъ». Взялись сдѣлать, но, вмѣсто бутылокъ, положили гусиныхъ перьевъ, потому что не получили полнаго расчета. Свистъ прекратился, но кто-то сталъ охать да вздыхать. Опять обратился хозяинъ къ плотникамъ, отдалъ уговорныя деньги на руки впередъ, и все успокоилось.

Погрубѣе и попроще месть обсчитанныхъ печниковъ заключается въ томъ, что одинъ кирпичъ въ трубѣ закладывается такъ, что печь начинаетъ постоянно дымить, а плотники засовываютъ въ пазахъ между вѣнцами во мху, щепочки, которыя мѣшаютъ плотной осадкѣ. Въ этихъ мѣстахъ всегда будетъ продувать и промерзать. Точно также иногда между концами бревенъ, въ углу, кладутъ въ коробочку камни: не вынувши ихъ, нельзя плотно проконопатить, а затѣмъ и избы натопить. Подъ конькомъ на крышѣ тоже прилаживается изъ мести длинный ящичекъ безъ передней стѣнки, набитый берестой: благодаря ему, въ вѣтряную погоду слышится такой плачъ и вой, вздохи и вскрики, что простодушные хозяева предполагаютъ тутъ что-либо одно изъ двухъ: либо завелись черти-дьяволы, либо изъ стараго дома ходитъ, сжившійся съ семьей, доброжелатель-домовой и подвываетъ: просится онъ въ новый домъ, напоминаетъ о себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда не почтили его перезовомъ на новое пепелище, а обзавелись его соперникомъ.

Всѣхъ этихъ острастокъ совершенно достаточно для того, чтобы новоселья обязательно справлялись съ такимъ же торжествомъ, какъ свадьбы: съ посторонними гостями и подарками, съ приносомъ хлѣба-соли, и съ самыми задушевными пожеланіями. Плотниковъ за-

дабриваютъ еще далеко загодя: когда сговорятся на счетъ условій—пьютъ заручное, когда положатъ первый рядъ основныхъ бревенъ—пьютъ «обложейное», когда заготовленный срубъ перенесутъ и поставятъ на указанное мѣсто—опять пьютъ или «мшатъ» хату. Точно также пьютъ при установкѣ матицы (это тотъ брусъ, или балка, который кладется поперекъ всей избы, и на немъ настилается накатъ и укрѣпляется потолокъ). Матицу «поднимаютъ» и «обсѣваютъ» въ полной обрядовой обстановкѣ, повсемѣстно одинаковой, какъ завѣтъ сѣдой старины. Вотъ какъ это дѣлается: хозяинъ ставитъ въ красномъ углу зеленую вѣточку березки, а затѣмъ изъ среды плотниковъ выступаетъ такой, который половчѣе прочихъ и полегче на ногу. Это—«сѣвецъ», какъ бы жрецъ какой, отгонитель всякаго врага и нечистаго супостата. Онъ и начинаетъ священнодѣйствовать: обходитъ самое верхнее бревно или «черепной вѣнецъ» и разсѣваетъ по сторонамъ хлѣбныя зерна и хмѣль. Хозяева же все это время молятся Богу. Затѣмъ сѣвецъ-жрецъ переступаетъ на матицу, гдѣ по самой серединѣ ея, привязана лычкомъ овчинная шуба, а въ карманахъ ея положены: хлѣбъ, соль, кусокъ жаренаго мяса, качанъ капусты и въ стеклянной посудинѣ зелено вино (у бѣдняковъ горшокъ съ кашей, укутанный въ полушубокъ). Лычко перерубается топоромъ, шуба подхватывается внизу на руки, содержимое въ карманахъ выпивается и поѣдается. Весь этотъ обрядъ имѣетъ, разумѣется, символическое значеніе: зеленыя вѣточки березки, которую хозяинъ, предварительно обряда, ставитъ въ переднемъ углу, вмѣстѣ съ иконой, и зажигаетъ передъ ними свѣчку—служитъ символомъ здоровья хозяина и семьи; шуба и овечья шерсть, вмѣстѣ съ ладономъ заложенная подъ матицу, обозначаетъ изобиліе всего съѣдобнаго и тепло въ избѣ.

XVIII.

ПАСТУХИ.

Крестьяне обыкновенно выбираютъ въ пастухи человѣка безземельнаго, неспособнаго, по слабости здоровья, или по инымъ причинамъ, къ полевымъ работамъ. Но при этомъ принимается въ соображеніе, что если пастухъ и немощенъ тѣломъ, то, взамѣнъ того, онъ владѣетъ особой, необъяснимой и таинственной, силой, при помощи которой вліяетъ на стадо и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Такихъ необычайныхъ пастуховъ очень много въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь вѣрятъ, что они (по словамъ пастушьяго заговора) оберегаютъ скотину отъ «лютаго звѣря чернаго, отъ широколапаго медвѣдя, отъ перехожаго пакостника-волка, рыскуньи-волчицы, отъ рыси и россомахи, отъ змѣи и всякаго звѣря, и гада, и отъ злаго и лихаго человѣка». Эти заговоры пастухи обязаны знать прежде всего, такъ какъ крестьяне придаютъ этому большое значеніе: если въ прежнія времена не слыхать было на пастуховъ жалобъ, то, стало быть, и заговорныя слова говорились ими не на вѣтеръ, стало быть, они дѣйствительно владѣли той силой, которая не каждому дается. Нѣтъ явныхъ слѣдовъ, чтобы пастухи знались съ лѣшими, или луговыми и прибѣгали къ ихъ помощи, но людская молва и въ этихъ знахаряхъ не прочь подозрѣвать связь съ чародѣями, а, пожалуй, и съ

самими лѣшими. По крайней мѣрѣ, въ Олонецк. губ. (Карг. у.) увѣрены, что, для удачной пастьбы, опытные пастухи обѣщаютъ лѣшему корову или двѣ, такъ какъ волковъ и медвѣдей напускаетъ на стада эта лѣсная нежить *).

Отъ лѣшихъ, между прочимъ, запасаются пастухи «спускомъ», т. е. особымъ заговоромъ, при помощи котораго колдуны отыскиваютъ потерявшееся животное, и сами этими чарами руководствуются.

Когда придетъ время спускать скотъ на пастьбу, пастухъ у всякой скотины промежъ ушей и съ крестца состригаетъ клокъ шерсти и закатываетъ его въ чистый воскъ **). Этотъ шарикъ онъ впослѣдствіи прячетъ подъ камень, около того мѣста, куда обычно ходитъ стадо на водопой, и предварительно читаетъ длинный заговоръ, причемъ шарикъ этотъ держитъ въ одной рукѣ, а въ другую беретъ висячій замокъ. И самъ пастухъ, и всѣ хозяева крѣпко вѣрятъ въ охранительную силу этого заговора и настойчиво увѣряютъ, что медвѣдь боится его и перестаетъ давить коровъ. Кромѣ этого заговора, передъ первымъ выгономъ скота на пастбище, производится еще особый обрядъ «обхода», необходимый для того, чтобы стадо не расходилось лѣтомъ и не блуждало бы по лѣсамъ. Заключается этотъ обрядъ въ томъ, что пастухъ обходитъ

---

*) Замѣчательно, что въ Казанскомъ Поволжьѣ самихъ лѣшихъ, изъ благоговѣнія къ могуществу ихъ, называютъ «пастухами», потому-де что они перегоняютъ съ мѣста на мѣсто скотину, которая, вслѣдствіе множества насѣкомыхъ, въ стада не сгоняется. Безъ помощи лѣшихъ, пастухамъ приходится худо, а лѣшіе, начальствуя надъ звѣрями и перегоняя ихъ съ мѣста на мѣсто, въ пастушьихъ дѣлахъ очень опытны.

**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эту шерсть запекаютъ въ хлѣбъ и, наканунѣ выгона, кормятъ этимъ хлѣбомъ скотину для того, чтобы она ходила вмѣстѣ, дружнымъ стадомъ.

стадо со свѣчей, съ которой стояли Свѣтлую заутреню. Часть этой свѣчи онъ задѣлываетъ въ свой берестяный рожокъ и увѣренъ, что на звукъ такого рожка скотъ станетъ сходиться скорѣе и охотнѣе, а хищные звѣри быстрѣе убѣгать прочь.

Такимъ образомъ, питаясь лишь кое-какими крохами, оставшимися отъ трапезы стараго язычества, пастушескій бытъ, въ самомъ корнѣ своемъ, давно уже подчинился христіанскимъ вѣрованіямъ и обычаямъ. Съ того самого времени, когда первые проповѣдники христіанства, увлекшись дешевымъ созвучіемъ, подмѣнили языческаго бога Велеса мученикомъ греческой церкви Власіемъ,—послѣдній сталъ защитникомъ рогатаго скота подобно тому, какъ другіе мученики римской церкви, Флоръ и Лавръ, считаются покровителями лошадей. На краю городовъ, непремѣнно у самыхъ выгоновъ, кое-гдѣ и теперь сохраняются древнія церкви, освященныя обязательно во имя священномученика Власія. Эти церкви встрѣчаются преимущественно въ сѣверныхъ городахъ, начиная съ Холмогоръ и Вологды, продолжая Костромой, Ярославлемъ, Псковомъ и Новгородомъ и оканчивая самой Москвой и старыми подмосковными большими городами.

Впрочемъ, по нынѣшнимъ временамъ, уже и въ глухихъ мѣстахъ Пошехонья перестаютъ вѣрить въ разные таинственные и загадочные пріемы пастуховъ. Теперь, пожалуй, не только забыли, но и совсѣмъ не знаютъ, что, для розыска заблудившагося животнаго, надо положить на перекресткѣ крестъ изъ лучинокъ или палочекъ, сдѣланный не руками, а губами и т. под. Но зато теперь начинаютъ понимать, что магическая сила пастуховъ, позволяющая имъ, по желанію, собирать скотъ въ одно мѣсто, имѣетъ очень простое объясненіе: не жалѣя нѣсколь-

кихъ фунтовъ соли, нынѣшніе пастухи разсыпаютъ ее на одномъ мѣстѣ, на какой-нибудь уединенной лужайкѣ и, такимъ образомъ, пріучаютъ скотъ не разбивать стада и собираться на указанномъ мѣстѣ, при первомъ-же звукѣ рожка, пощипать вкусной соленой травы.

НЕВѢДОМАЯ СИЛА.

I.

ЦАРЬ-ОГОНЬ.

Древнее почитаніе огня, основанное на величайшихъ услугахъ, оказанныхъ имъ человѣчеству, и въ настоящее время не совсѣмъ изгладилось изъ народной памяти. Хотя это теперь лишь обрывки чего-то цѣлаго, разбитые и нескрѣпленные въ одну непрерывную цѣпь, но и по нимъ, съ полнымъ основаніемъ, можно заключить, что эти обломки былого міросозерцанія представляютъ собой не что иное, какъ остатокъ древняго богопочитанія. Стихія, дающая тепло и свѣтъ, снизошла съ неба, чтобы раздѣлить свою власть надъ человѣческимъ родомъ лишь съ другой, столь же могучей стихіей—водою, которая ниспадаетъ въ видѣ дождя и снѣга, образуя на землѣ родники, ручьи, рѣки и озера, а въ смѣси съ солями, и моря. Эти послѣднія оказались прямыми и облегченными путями для заселенія земного шара, огонь же пришелъ на помощь для повсемѣстнаго распространенія и закрѣпленія осѣдлости человѣческаго рода на материкахъ. Многоводныя русскія рѣки привели первыхъ насельниковъ на обширныя, глубокія озера, на берегахъ которыхъ основались самые первые опорные пункты, послужившіе средо

точіемъ политической жизни и прикрытіями дальнѣйшаго ея развѣтвленія по междурѣчьямъ, въ дремучихъ непочатыхъ лѣсахъ. Сюда врубился топоръ и, при содѣйствіи огнива, проложилъ дороги и отвоевалъ мѣста, удобныя для земледѣлія, а, стало быть, и для осѣдлой жизни. На срубленномъ и спаленномъ лѣсѣ объявились огнища или пожоги, онѣ же новины, или кулиги — мѣста, пригодныя для распашки. Народился на русской землѣ, въ самое первое время ея исторіи, особый классъ поселянъ-огнищанъ или «житыхъ людей», хозяевъ-землевладѣльцевъ, крестьянъ-пахарей; выработался особенный видъ крестьянскаго хозяйства, огневаго или кулижнаго, общаго всей сѣверной лѣсной Россіи, дожившій отъ временъ Рюрика до нашихъ дней *).

Но составляя основу человѣческой культуры на землѣ, огонь, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и истребителемъ ея: при неудачномъ и несчастливомъ примѣненіи, онъ, временами, проявляетъ могучую и страшную силу, которая сметаетъ съ лица земли все, что попадается ей на пути, и которая заставляла первобытныхъ людей, въ благоговѣйномъ трепетѣ, покланяться огню и умилостивлять его молитвами и жертвами. Та же сила поддерживаетъ и въ современномъ поколѣніи неизбывное тревожное состояніе души, и въ этомъ отношеніи лѣсная и деревянная Русь находится даже въ особенномъ, исключительномъ положеніи передъ прочими странами: она представляетъ собой какъ

*) Тотъ же огонь, который пособилъ земледѣлію укорениться въ лѣсахъ, содѣйствовалъ въ степныхъ мѣстахъ развитію скотоводства „напускомъ паловъ“, или искуственныхъ пожаровъ, осенью или ранней весною, выжигающихъ всѣ луга, пастбища и покосы, чтобы старая трава—вѣтошь не мѣшала рости молодой и чтобы попутно сгорали зародыши вредныхъ насѣкомыхъ, до саранчи включительно.

бы неугасимый костеръ, который, никогда не потухая совершенно, то ослабѣваетъ, то разгорается съ такой чудовищной силой, что пропадаетъ самая мысль о возможности борьбы съ нимъ: цѣлое море пламени, каждый годъ, огненнымъ вихремъ, проносится изъ конца въ конецъ по нашей многострадальной землѣ и безъ остатка истребляетъ лѣса, засѣянныя поля, деревни, села, города. Выросшіе подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣчныхъ пожаровъ, русскіе люди воспитали въ себѣ наслѣдственный, заразный страхъ передъ силой огня: они цѣлыми вѣками живутъ подъ его грозной властью, почти не помышляя о борьбѣ, и только цѣпенѣя отъ ужаса. Впрочемъ, и то сказать,— русскіе пожары такъ грандіозны, что хоть кого приведутъ въ паническій страхъ. Пишущему эти строки приходилось наблюдать одинъ изъ такихъ колоссальныхъ пожаровъ въ 1839 году въ Костром. губ. Это было по истинѣ нѣчто потрясающее. Потускнѣло солнце на безоблачномъ небѣ въ знойную іюльскую пору, называемую верхушкою лѣта, и въ самый полдень стало такъ темно, что надо было зажигать огни. Прозрачный воздухъ превратился въ законченое стекло, сквозь которое яркій дискъ жгучаго свѣтила казался кружкомъ, вырѣзаннымъ изъ красной фольги, дозволявшимъ безопасно смотрѣть на себя: не переломляются лучи, не льется животворный свѣтъ и не исходитъ живительная теплота.

То былъ годъ страшныхъ мѣстныхъ пожаровъ. Въ ста верстахъ отъ пожарища чувствовалась ужасающая сила огня-царя и его сокрушительное господство надъ дремучими лѣсами. Ясно видны были и трофеи его несомнѣнныхъ побѣдъ: дымъ въ подвѣтренной сторонѣ до того сгустился, что передъ полуднемъ начали измѣняться цвѣта предметовъ: трава казалась зеленовато-голубой,

красные цвѣта стали желтыми. Пепелъ, а съ нимъ перегорѣлыя листья, затлѣвшій мохъ, еловыя и сосновыя иглы переносились черезъ стоверстное разстояніе и дождевыя капли, пролетая по воздуху, наполненному пепломъ, принимали красноватый оттѣнокъ. Народъ говорилъ: «идетъ кровавый дождь» и былъ увѣренъ, что начинается свѣтопреставленіе. И дѣйствительно, въ иной день, въ воздухѣ наполненномъ дымомъ, трудно было дышать: домашній скотъ искалъ спасенія въ водѣ и только тамъ получалъ нѣкоторое облегченіе. Люди, въ страхѣ, толпились по улицамъ и боялись входить въ дома. Нѣкоторые молитвою и покаяніемъ приготовлялись къ смерти и встрѣчѣ антихриста. По лѣснымъ деревнямъ мужчины надѣвали на себя чистое бѣлье, женщины спѣшили шить себѣ саваны.

Ужасъ, повсюду распространившійся и охватившій не только людей, но и домашнихъ животныхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигалъ наивысшаго предѣла, гдѣ раскаленная огненная стѣна надвигалась, какъ плотная военная рать съ мѣткимъ огненнымъ боемъ. При воѣ урагана, въ одномъ мѣстѣ вспыхнуло—это порывъ вѣтра перебросилъ галку (горящую головню) или огненный шаръ (свившуюся, скрученную жаромъ пылающую лапу, оторванную бурею отъ ели), — вспыхнуло, стало быть, загорѣлось свѣжее мѣсто; примолкло—значитъ разгорается, дунулъ новый порывъ вѣтра—раздулъ огонь въ пламя. Оно своимъ трескомъ, шипѣньемъ, свистомъ и визгомъ даетъ знать о томъ, что вошло въ полную силу и стало неудержимымъ. Теперь оно понесется все впередъ и впередъ, на громадныхъ разстояніяхъ смететъ съ лица земли все, что попадется навстрѣчу. Одинъ очевидецъ *) пробовалъ описать

*) Графъ Н. С. Толстой: „Заволжская часть Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи“.

это поразительное зрѣлище, и мы съ его словъ постараемся дополнить картину лѣсного пожара.

«При грозѣ, въ сухіе годы, жаркимъ днемъ въ глухомъ чапыжникѣ или на бору, заваленномъ валежникомъ, видъ обширнаго лѣсного пожара бываетъ поразительно величественъ. Напирающая по вѣтру грозная стихія, сплошнымъ пламенемъ пожираетъ на пути своемъ весь сухой верескъ, валежникъ отъ вѣтроломовъ и разныхъ лѣсныхъ промысловъ, сухой мохъ, торфъ, стоячія сухары и самые сучья свѣжихъ деревьевъ. Сплошное пламя взлетаетъ по нимъ, какъ истинный Змѣй Горынычъ, съ неимовѣрною быстротою. Этому способствуетъ раскаленная атмосфера, предшествующая пожару и изсушающая хвою и листья зеленыхъ деревьевъ отъ макушки до половины дерева гораздо раньше, чѣмъ пламя подступитъ подъ пни корчащихся, трещащихъ и обливающихся смолою сучьевъ. Прибавьте къ этому вой урагана, завыванье волковъ и другихъ звѣрей, спасающихся отъ гибели, раскаты грома, блескъ молніи, озаряющей мглу небесную. Стонутъ падающіе исполины, пламенными радіусами разсѣкающіе воздухъ. Дымъ клубится мглистыми, багряно-синими, кроваво-красными волнами. Кипятъ и пылаютъ смоляные фонтаны, тончайшими струйками бьющіе изъ каждаго излома лопнувшей коры огромныхъ хвойныхъ мачтовиковъ. Пожираетъ громадныя ребра необъятныхъ костровъ (вѣтроломовъ), нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ исполинскими грудами въ десятокъ и болѣе саженъ вышиною, въ нѣсколько десятокъ верстъ протяженія и въ сотню саженъ поперечника. И не въ пожаръ костры эти могутъ привести ночного путника въ содроганіе, представляя нерѣдко самые фантастическіе образы фосфорическимъ свѣтомъ своимъ, но въ это время они просто ужасны».

Этотъ лѣсной пожаръ (того же 1839 года), охватившій девять уѣздовъ двухъ смежныхъ губерній (Костромской и Нижегородской), начавшійся 29 іюля, потухъ лишь 5 сентября, когда выпалъ глубокій снѣгъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удалось ослабить свирѣпость огня, а въ иныхъ и вовсе остановить яростный напоръ его искусственными мѣрами: зажигали «встрѣчный пожаръ» изъ заранѣе приготовленнаго горючаго матеріала, сваленнаго около проѣздныхъ дорогъ и нарочно вырытыхъ канавъ. Ихъ оберегали рабочіе, вооруженные метелками изъ свѣженарубленныхъ длинныхъ березокъ*). Ползучій огонекъ въ подготовленыхъ небольшихъ кострахъ изъ сухого моха, лапокъ и шишекъ, сначала безсиленъ, но затѣмъ начинаетъ шириться противъ вѣтра и ползетъ на встрѣчу коренному пожару. На пути своемъ намѣренно вызванное пламя уничтожаетъ все то, что могло бы служить пищею грозно наступающему врагу. «По мѣрѣ расширенія своего (говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, принимавшихъ участіе въ тушеніи пожара въ Заволжскихъ лѣсныхъ чащобахъ Макарьевскаго уѣзда (Нижегор. губ.) и по мѣрѣ согрѣванія атмосферы, искусственный огонь становится сильнѣе и сильнѣе. Пройдя нѣсколько десятковъ саженъ, онъ самъ уже дѣлается пожаромъ и стремится все быстрѣе и быстрѣе навстрѣчу противника, не смотря на противодѣйствіе вѣтра, который лишь опредѣляетъ направленіе отрываемыхъ горящихъ лапъ и путъ коренного пожара, идущаго по свѣжимъ, не отожженнымъ мѣстамъ. Вѣтеръ, вызванный движеніемъ пожара, не можетъ помѣ-

*) Тѣмъ же способомъ—напускомъ встрѣчныхъ паловъ—руководятся въ русскихъ и сибирскихъ степяхъ, когда разгорается напускной напольный огонь: охватитъ деревню, захватитъ врасплохъ косцовъ между небомъ и землей безъ укрытія, и разольется огненнымъ моремъ.

шать медленному расширенію встрѣчнаго пламени, ползущаго съ травки на травку, и только лишь замедляетъ его въ наступательномъ дѣйствіи. Наконецъ, искусственный пожаръ вступаетъ въ палящую огнедышащую атмосферу гонимаго вѣтромъ настоящаго пожара и яростно бросается навстрѣчу ему. Бой по всей линіи оглашаетъ окрестность, по мѣрѣ скопленія противныхъ силъ. Эти мгновенія бываютъ торжественны! Тутъ чудятся и артиллерійскіе залпы, и взрывы, и пламенные зубчатые строи лѣсныхъ великановъ, напирающихъ другъ на друга и борющихся всѣми крутимыми жаромъ, переплетенными своими вѣтвями. Пламя вздымается стѣна на стѣну и, при страшныхъ порывахъ, проявляетъ мгновенно-исчезающіе смерчи или столбы клубящагося огня, винтомъ взвивающагося къ небу. Послѣ этой общей схватки, гдѣ рухнулъ не одинъ величавый титанъ, презиравшій ярость всѣхъ урагановъ,—все затихаетъ. Пламя садится, и смрадъ, несжигаемый имъ, покрываетъ окрестность, чадитъ, ѣстъ глаза и стелется низомъ во мракѣ: одни необъятныя груды вѣтроломныхъ костровъ долго пламенѣютъ еще въ смрадномъ чаду и, отъ времени до времени садясь и рушась, извергаютъ милліоны искръ, исполинскими фейерверочными снопами разсыпающихся надъ пожарищемъ. Картина изъ грозно-величественной дѣлается грустною, тяжелою и печальною, какъ послѣ битвы. Въ особенности грустны, тяжелы и печальны послѣдствія такихъ роковыхъ явленій, когда имъ предшествуетъ засуха, и сопровождаетъ ихъ подъемъ изъ болотъ вредныхъ испареній, отъ которыхъ начинаются падежи скота, и повальныя болѣзни на людяхъ. Въ такихъ случаяхъ суевѣрныя пророчества о новыхъ предстоящихъ бѣдствіяхъ, обыкновенно усиливаютъ сердечную тоску и душевныя тревоги среди обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Естественно, что, подъ вліяніемъ подобныхъ устрашительныхъ явленій природы, могъ свободно укрѣпиться культъ почитанія огня; этотъ культъ выразился у славянъ въ поклоненіи Перуну, а у соплеменной Литвы—въ почитаніи Знича. Но начало его восходитъ ко временамъ доисторическимъ, когда древній человѣкъ, пораженный зрѣлищемъ молніи и грома, обоготворилъ это явленіе природы и тѣмъ положилъ начало поклоненію огню, которое сохранилось и до нашихъ дней. Въ Вильнѣ и теперь могутъ указать то мѣсто, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь и жилъ жрецъ, его охранявшій, а по всему сѣверо-западному краю великорусская «моланья», молàтка (молнія) зовется не иначе, какъ «Пѐруномъ» (удареніе на первомъ слогѣ). Это мгновенное освѣщеніе тучи и неба огненною струею, повсюду среди славянскихъ племенъ, признается небеснымъ огнемъ и издревле называется священнымъ, причемъ, если громъ ударитъ въ человѣка, или въ строеніе, то никто не станетъ ихъ спасать, считая это сопротивленіемъ волѣ Божіей. Предразсудокъ этотъ распространенъ, какъ въ цѣлой Литвѣ, такъ и въ Бѣлоруссіи, и понятно, что онъ порожденъ вѣрою въ Перуна. Тотъ же предразсудокъ можно наблюдать и въ Великороссіи: если молнія зажжетъ строеніе, то крестьяне считаютъ это Божьимъ наказаніемъ, ниспосланнымъ свыше. Противиться ему невозможно, но надо воспринимать съ чувствомъ умиленія и благоговѣйной покорности; точно также людей, убитыхъ молніею, многіе считаютъ святыми. Между прочимъ, изъ Ярославской губ. получаются такія свѣдѣнія: «кто умоется водой во время первой грозы, тотъ, въ теченіе цѣлаго года, не будетъ хворать никакой болѣзнью». Средствомъ, предохраняющимъ человѣка и его имущество отъ гибельнаго дѣйствія молніи, является тотъ же огонь: слѣдуетъ держать

въ домѣ головню съ пожара, происшедшаго отъ молніи, но когда молнія опять причинитъ пожаръ, то пламя можно тушить не иначе, какъ исключительно однимъ молокомъ. Послѣдній предразсудокъ еще настолько распространенъ, что его можно считать общимъ для всего женскаго населенія Россіи. Не хватитъ молока—заливаютъ квасомъ, но отнюдь не водой. Отъ воды-де такой огонь только больше разгорается. Существуетъ и другой предразсудокъ (вполнѣ, впрочемъ, невинный), къ которому точно также прибѣгаютъ при тушеніи пожаровъ, происшедшихъ отъ молніи: въ костеръ пожара бросаютъ яйцо, такъ называемое, «первохрестное» (имъ первымъ привелось похристосоваться) въ предположеніи, что только имъ однимъ можно затушить пламя (вѣрятъ также, что если бросить яйцо противъ вѣтра, то можно отклонить въ ту сторону направленіе пламени).

Когда въ христіанской Руси этотъ небесный огонь изъ глиняныхъ рукъ Перуна переданъ былъ въ незримую длань библейскаго пророка Иліи, и подковы копытъ огневидныхъ коней его, вмѣстѣ съ огненными колесами пламенной колесницы, начали выбивать искры и производить громъ,—явилось вѣрованіе, что властная рука всехвальнаго пророка мечетъ на землю молніеносные стрѣлы, чтобы разить на смерть злыхъ духовъ, враждебныхъ человѣку. Вѣдая про то, злые, но трусливые бѣсы, въ неописуемомъ смятеніи мечутся по землѣ, отыскивая себѣ надежныя мѣста для защиты. Обыкновенно скрываются они въ жилыхъ и нежилыхъ строеніяхъ, вскакивая черезъ открытыя двери и окна и влетая черезъ печныя трубы и всякаго рода отверстія. Столь же нерѣдко спѣшатъ они укрыться въ густой хвоѣ, въ тѣни развѣсистыхъ листьевъ деревьевъ, за всякимъ подходящимъ прикрытіемъ.

Въ числѣ послѣднихъ самыми надежными. вполнѣ безопасными, считаются въ блудливомъ бѣсовскомъ сонмѣ живые люди, застигнутые подъ открытымъ небомъ на лошади, или въ телѣгѣ, такъ какъ небесная огненная стрѣла находитъ виноватаго всюду и разитъ безъ разбора, убивая изъ-за бѣсовъ и людей (бѣсы вполнѣ безопасны отъ ударовъ молніи лишь въ чистомъ полѣ на межахъ). Илья, впрочемъ, знаетъ невиновность того человѣка, котораго избралъ дьяволъ себѣ для защиты, и жалѣетъ Божье созданіе, хотя въ то же время твердо убѣжденъ, что все равно тотъ человѣкъ, въ котораго успѣлъ вселиться дьяволъ, погибъ бы, такъ какъ злодѣй не покинетъ своей жертвы уже во всю жизнь и, рано или поздно, заставитъ потонуть или повѣситься. Илья — усердный Божій помощникъ въ борьбѣ съ нечистой силой—не только не врагъ человѣческому роду, но радѣтель и старатель за православный людъ; убиваетъ онъ избраннаго, какъ случайную жертву, въ увѣренности, что Богъ милуетъ и пріемлетъ такихъ несчастныхъ, удостаивая ихъ царства небеснаго, такъ какъ они явно сослужили полезную службу людямъ своей смертью, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвала одновременно и смерть злаго духа. Вотъ почему, для загражденія себя отъ дьявола, кромѣ общепринятаго обычая крестить ротъ при зѣвотѣ, издревле установилось благочестивое правило налагать на себя крестное знаменіе и при всякой вспышкѣ молніи со словами самой простой молитвы: «святъ, святъ, святъ».

Осторожные хозяева въ деревняхъ предусмотрительно соблюдаютъ все, что указывается вѣковѣчными обычаями, зародившимися въ глухія и давнія времена безвѣрія, чтобы обезопаситься отъ бѣса, не допустить его прятаться въ избѣ и тѣмъ подвергать ее въ грозовое время опасностямъ пожара.

Съ этою цѣлью, опытныя, пожилыя деревенскія хозяйки совѣтуютъ:—«Во время грозы нельзя быть съ растрепанными волосами, въ подоткнутомъ платьѣ—много мѣста тутъ укрываться анчуткѣ-безпятому (бѣсу). Всякую посуду въ избѣ надо опрокинуть, если она пустая: налитую слѣдуетъ поспѣшно закрестить. Не надо въ головѣ искаться: не одну такую бабу стрѣла забила на смерть, другихъ же оглушила». Полезно также держать на чердакѣ громовую стрѣлу или чертовъ палецъ (белемнитъ, скипѣвшійся или вообще сплавленный ударомъ молніи песокъ). Въ послѣднее средство слѣпо вѣруютъ всѣ поголовно, и, найденный на песчаныхъ берегахъ рѣчекъ, этотъ конусообразный камень, въ видѣ пальца, бережно прячутъ и тщательно хранятъ. Но всего полезнѣе держать постъ, особенно въ Ильинскую пятницу, или мазать молокомъ косяки дверей и оконъ; полезно также вывѣшивать за окно полотенце съ покойника. Если же бѣсъ не побоится ни того, ни другого, то навѣрное не устоитъ онъ передъ горящей свѣчкой, съ которой молились въ Страстной Четвергъ на «стояніяхъ», когда читались 12 евангелій Господнихъ Страстей. Хороши и пасхальныя, а того лучше богоявленскія свѣчи,—увѣряютъ богомольные деревенскіе люди, не разъ примѣнявшіе этотъ способъ на дѣлѣ съ видимымъ успѣхомъ.

— Громовыхъ стрѣлъ два сорта: отъ огненныхъ происходятъ пожары, а каменныя или чугунныя убиваютъ людей, расщепляютъ деревья *),—толкуютъ словоохотливыя деревенскія старушки, и каждая изъ нихъ, на случай грозы, припасаетъ ладанъ, чтобы посыпать его на уголья

*) По мнѣнію захолустныхъ крестьянъ, молнія особенно часто ударяетъ въ телеграфные столбы, такъ какъ они не угодны Богу.

въ печной загнеткѣ, или на раскаленную сковородку, такъ какъ «чортъ ладану боится».

Кромѣ «небеснаго» огня, великую силу имѣетъ также тотъ сортъ огня, который обычно называется «живымъ».

Крутили мужики около палки веревку: веревка загорѣлась. Приняли огонь на сухую смоленую спицу—развели костеръ. Разобрали огонь по домамъ и старались его долго поддерживать. Очень его цѣнили и почитали, потому что это былъ именно «живой огонь», изъ дерева вытертый, свободный, чистый и природный. Вологодскіе мужики сняли колосники (жерди) съ овина, изрубили ихъ на части и также терли, пока тѣ не загорѣлись. Огнемъ такимъ разожгли они костры: одинъ на улицѣ, другой въ скотскомъ прогонѣ, третій въ началѣ поскотины и четвертый въ серединѣ деревни. Черезъ второй костеръ перегнали они весь скотъ, чѣмъ и воевали съ сибирской язвой.

Вообще, какъ мѣра борьбы съ болѣзнями, живой огонь въ большомъ употребленіи. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, умиралъ народъ отъ тифозной горячки, и крестьяне, чтобы избавиться отъ нея, задумали установить праздникъ, положивши чествовать Николу Угодника. Собрались они всей деревней, отъ мала до велика, и положили тушить въ избахъ всѣ огни до послѣдняго уголька, для чего залить всѣ горнушки (печурка, загнетка, бабурка и проч). При этомъ мужики строго-на-строго наказывали бабамъ не смѣть топить печей, пока не будетъ приказано, а сами притащили къ часовнѣ два сухихъ бревна, прикрѣпили къ одному рукоятку, какъ, у пилы, и стали тереть одно бревно о другое. Но на этотъ разъ, какъ ни бились, ничего не вышло: бревна нагрѣлись, даже обуглились, а огня не появилось.—«Значитъ,—заключили

крестьяне.—не указъ: Богу не угодно. Надо попробовать въ другое время!» И порѣшили устроить праздникъ въ третье воскресеніе послѣ Пасхи. Снова принялись за бревна—огня добывать. На этотъ разъ, промежъ бревнами, въ щели, всполыхнулось какъ бы малое-малое пламя, и огонекъ обозначился. Подхватили его на сѣрнички, подложили огонь подъ костеръ, разожгли,—стали черезъ огонь прыгать по козлиному, а стариковъ и малыхъ дѣтей на рукахъ перетаскивали. Разнесли потомъ огонь по домамъ; затопили печи; напекли—нажарили. Затѣмъ подняли иконы, позвали священника, пригласили всѣхъ духовныхъ: стали молиться. За молебномъ начали пировать, безобразить въ пьяномъ видѣ на улицахъ и безчинствовать до уголовщины: сосѣдку помѣщицу за то, что она не послушалась мірскаго приговора и затопила печи, не дождавшись общественнаго огня, наказали тѣмъ, что выжгли всю ея усадьбу: съ домомъ, службами, хлѣбными и всякими запасами.

Всѣ подобныя священнодѣйствія, переданныя народу по прадѣдовскому завѣщанію, предпринимаются, главнымъ образомъ, въ виду защиты себя и домашняго скота отъ повальныхъ болѣзней. Тамъ, гдѣ эти падежи часты, какъ напр., въ Новгородской губерніи, для вытиранья живого огня, устраивается даже постоянное приспособленіе въ видѣ машины, такъ наз. «вертушокъ» *). Два столба врыты въ землю и наверху скрѣплены перекладиной. Въ серединѣ ея лежитъ брусъ, концы котораго просунуты въ

*) Въ старой Новгородчинѣ (въ Черепов. уѣз.) подобный обычай укрѣпился настолько, что крестьяне не ожидаютъ даже какихъ-нибудь внѣшнихъ поводовъ для вытиранія огня, а ежегодно, въ Ильинскую пятницу, добываютъ себѣ живой огонь и затѣмъ затопляютъ имъ всѣ печи.

верхнія отверстія столбовъ такимъ способомъ, что могутъ свободно вертѣться, не перемѣняя точки опоры. Къ поперечному брусу, одна противъ другой, придѣланы двѣ ручки, а къ нимъ привязаны крѣпкія веревки. За веревки хватаются всѣмъ міромъ и, среди всеобщаго упорнаго молчанія (что составляетъ непремѣнное условіе для чистоты и точности обряда) вертятъ брусъ до тѣхъ поръ, пока не вспыхнетъ огонь, въ отверстіяхъ столбовъ. Отъ него зажигаютъ хворостины и подпаливаютъ ими костеръ. Какъ только послѣдній разгорится, всѣ бросаются къ стаду, которое еще наканунѣ священнаго дня было сбито въ табунъ и выгнано въ полѣ къ ручью, и затѣмъ, не пропустивъ не одной животины, перегоняютъ всѣхъ черезъ огонь. А чтобы вѣра въ очистительную силу этого огня стояла въ деревнѣ крѣпче, по обѣимъ сторонамъ костра, выкапываютъ двѣ ямы: въ одну зарываютъ живую кошку, въ другую собаку,—этимъ отнимаютъ у чумныхъ оборотней силу бѣгать по дворамъ кошками и собаками и душить скотину. Этотъ обычай окуриванія практикуется и въ Олонецкой губ. (напр. въ Петроз. и Лодейнопольск. уѣз.), гдѣ онъ является въ формѣ строго-обязательнаго карантиннаго обряда, съ тѣмъ различіемъ, что въ однихъ мѣстахъ костры зажигаются обыкновенными спичками, въ другихъ стараются добыть изъ бруска живой огонь *).

Увѣровавъ въ скрытую, таинственную силу живого огня, крестьяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, не теряютъ благоговѣйной вѣры въ мощь и вліяніе всякаго огня, какимъ бы способомъ онъ ни былъ добытъ. Коренной русскій человѣкъ,

---

*) Маленькій брусъ кладется на порогъ избы. Пять человѣкъ берутся за другой, большій и начинаютъ пилить какъ пилой; добытый огонь принимаютъ на трутъ, а съ него уже на сѣрнички.

съ малыхъ лѣтъ приглядывающійся къ роднымъ обычаямъ и привыкшій ихъ почитать, не осмѣлится залить, или плюнуть въ огонь, хотя бы онъ убѣдился на чужихъ примѣрахъ, что за это не коситъ на сторону ротъ, и виноватые въ этихъ поступкахъ не чахнутъ и не сохнутъ. Точно также тѣ, которые придерживаются старыхъ отеческихъ и прадѣдовскихъ правилъ, не бросятъ въ затопленную печь волосъ (чтобы не болѣла голова), не перешагнутъ черезъ костеръ, не сожгутъ въ немъ экскрементовъ человѣческихъ (изъ боязни корчей и судороги тѣмъ людямъ). Почтеніе къ огню во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи (а въ Бѣлоруссіи повсюду) доведено до того, что считаютъ великимъ грѣхомъ тушить костеръ на поляхъ, теплины на ночномъ и т. п., предоставляя самому огню изнывать въ безсиліи и тухнуть. Оберегая огонь отъ набросовъ нечистотъ, сжигаютъ въ печахъ сметенный соръ и не выносятъ его вонъ, не выбрасываютъ черезъ порогъ, чтобы не разнесло вѣтромъ, и чтобы недобрый человѣкъ, по немъ, какъ по слѣду, не наслалъ порчи *). При наступленіи сумерекъ, огонь зажигается всегда съ молитвой и, если при этомъ иногда начнутъ сориться между собою невѣстки, то свекровь говоритъ:

— Полно вамъ браниться, удержите языкъ, аль не видите, что огонь зажигаютъ?

И ссора прекращается, перебранка смолкаетъ.

— Огонь грѣхъ гнѣвить—какъ разъ случится несчастье,— говорятъ крестьяне, вспоминая извѣстную легенду, предостерегающую отъ перебранокъ при зажиганіи огня. Вотъ эта легенда, или вѣрнѣе нравоученіе: «Зажглись на чужомъ дворѣ два огня и стали между собою разговаривать:

*) Отсюда и выраженіе «выносить соръ изъ избы», т. е. разглашать семейныя тайны, не держать секретовъ.

— Охъ, братъ, погуляю я на той недѣлѣ!—говоритъ одинъ.

— А развѣ тебѣ плохо?

— Чего хорошаго: печь затапливаютъ—ругаются, вечерніе огни затепливаются—опять бранятся...

— Ну, гуляй, если надумалъ, только моего колеса не трогай. Мои хозяева хорошіе: зажгутъ съ молитвой и погасятъ съ молитвой.

Не прошло недѣли, какъ одинъ дворъ сгорѣлъ, а чужое колесо, которое валялось на томъ дворѣ, осталось цѣлымъ» *).

Когда на руси появилось христіанство, оно хотя и ломало коренные народные обычаи, но въ то же время зорко присматривалось къ наиболѣе упрочившимся предразсудкамъ и старалось осторожно обходить ихъ. Поэтому, и огонь, издревле почитаемый русскими людьми, оно приняло подъ свое священное покровительство. Провозвѣстники новаго ученія оцѣнили въ огненной стихіи ея очистительное начало и, угождая всеобщимъ вѣрованіямъ, признали въ немъ освящающую силу. Въ такомъ смыслѣ внесли слово «огонь» и въ молитвенныя возно-

*) Подобная легенда извѣстна и малороссамъ, съ тою разницею, что огонь не доволенъ былъ хозяйкою за то, что она заметаетъ его грязнымъ вѣникомъ и ничего не подстилаетъ, ничѣмъ не укроетъ (не сгребетъ на плошку и не спрячетъ въ печь). «Она, можетъ быть, исправится»—совѣтовалъ другой огонь, у котораго хозяйка была добрая—всегда, бывало, его перекреститъ и сбережетъ. Сошлись опять оба огня у той же плохой хозяйки.—«Ну, что, поправилась?»—«Нѣтъ, сегодня-же сожгу ей избу». Услыхала угрозу сама виновная и тотчасъ же сгребла уголья въ загнетку и стала потомъ всегда дѣлать такъ, т. е. загребать огонь особымъ вѣникомъ, а отнюдь не тѣмъ, которымъ метутъ полы, всѣми мѣрами стараясь избѣгать дотрогиваться до огня ножомъ или топоромъ, или говорить про огонь что-либо бранное или неприличное и т. п.

шенія, поставивъ его, съ изумительнымъ дерзновеніемъ, неизмѣримо высоко: наравнѣ съ дарами Св. Духа. Нѣсколько вѣковъ стояло это слово въ церковныхъ требникахъ не на своемъ мѣстѣ и произносилось въ возгласахъ при освященіи воды въ навечеріе Богоявленія: «Самъ и нынѣ Владыко, святивъ воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ», пока не догадались, что это явная и грубая ошибка, противная коренному смыслу христіанскаго вѣроученія. Такъ было до 1626 года, когда духовному люду привелось твердо убѣдиться въ томъ, что этого придатка нѣтъ въ тѣхъ греческихъ богослужебныхъ книгахъ, съ которыми приведены всѣ «обиходы» церковные. Поэтому, въ богатыхъ церквахъ велѣно было отобрать тѣ требники и замѣнить ихъ исправленными, а въ бѣдные приходы, которымъ было не по силамъ покупать новыя и дорогія книги, приказано было ѣхать поповскимъ старостамъ (нынѣшнимъ благочиннымъ) и то предательское слово зачернить, замазать, заклеить бумажкой. Самимъ же священникамъ указомъ предписано этого «прилога не говорить». Указъ былъ исполненъ въ точности, безъ всякаго прекословія, и только не налаживалось дѣло у стариковъ священниковъ, которые, по закоренѣлой привычкѣ, продолжали говорить это слово и, спохватившись, оправлялись и досадовали на себя, дѣлая безпокойныя тѣлодвиженія. Кончилось тѣмъ, что на эти случаи свидѣтели поповскихъ неудачъ приладили къ старой поговоркѣ новый «прилогъ»—стали говорить: «грѣхъ да бѣда на кого не живетъ—огонь и попа жжетъ». И кромѣ того, шутки ради, стали укорять виноватыхъ въ обмолвкахъ поповъ при честномъ народѣ: «на воду глядитъ, а про огонь говоритъ». Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что далеко не вездѣ исправленіе свя-

щенныхъ книгъ окончилось столь мирнымъ и безобиднымъ образомъ. Въ центрѣ Россіи оно вызвало недовольство, и въ Москвѣ, напримѣръ, исключеніе изъ молитвы лишняго слова произвело неожиданное смятеніе. Изъ скромныхъ келій монастырскихъ дѣло книжныхъ справщиковъ вынесено было на шумныя городскія площади и попало на судъ и осужденіе всякаго празднаго сброда. За старое и ненужное слово заступились убѣжденные суевѣрные люди, которые населяли окрестныя городскія слободы, занимаясь ремеслами, и тѣ, которые торговали въ самомъ центрѣ города. Къ нимъ пристала и безпокойная голытьба, шатавшаяся безъ дѣла по площадямъ и улицамъ. И вотъ, въ базарной толпѣ пронесся страшный слухъ: «появились-де на Москвѣ еретики, которые хотятъ огонь изъ міра вывести». Извѣстіемъ этимъ особенно встревожились ремесленники, болѣе прочихъ нуждающіеся въ огнѣ для работъ.

— Выйдетъ указъ, по еретическому наущенію, погасить огни—и погасятъ,—увѣренно говорили бывалые люди изъ кузнецовъ, оружейниковъ, серебренниковъ, царскихъ поваровъ и проч.

— Наколдуетъ еретикъ своимъ дьявольскимъ навожденіемъ—и самые огни на землѣ погаснутъ, толковали промежъ себя наиболѣе суевѣрные. А въ торговыхъ рядахъ и на площадяхъ имъ поддакивали:

— Огонь, какъ и вода, очищаетъ всякую скверну. Въ огнѣ Самъ Господь являлся людямъ и говорилъ съ ними. Огонь ниспелъ съ небеси: кто такой дерзкій осмѣлился его уничтожить?

Первымъ замѣтилъ въ книгахъ ошибку и первымъ рѣшился исправить ее знаменитый архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Діонисій, не задолго передъ тѣмъ

содѣйствовавшій убѣдительными воззваніями своими ко всему православному русскому люду—спасенію отечества отъ внутреннихъ смутъ и нашествія чужеземцевъ. Ему поручено было исправленіе книгъ, испорченныхъ неграмотными переписчиками и невѣжественными справщиками, но одинъ изъ нихъ сдѣлалъ на архимандрита доносъ, весь смыслъ котораго сводился къ тому, что архимандритъ-де подлинный еретикъ, не исповѣдующій Духа Святаго, «яко огнь есть». Крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ ума невысокаго, образованія малаго, характера слабаго, управлявшій церковными дѣлами за отсутствіемъ патріарха Филарета, еще томившагося въ плѣну у поляковъ,—доносу повѣрилъ. Когда слухъ о мнимомъ еретичествѣ троицкаго архимандрита достигъ до келій Вознесенскаго монастыря, гдѣ жила инокиней мать Царя, начали судъ и дѣло. Въ царицыныхъ кельяхъ допрашивали заподозрѣннаго съ двумя его товарищами - справщиками. На допросъ главнаго виновника старались водить черезъ весь городъ, среди враждебно-настроенной, грубой и дерзкой толпы. Водили Діонисія на посмѣшище, хотя и въ монашескомъ одѣяніи, но въ рубищѣ и цѣпяхъ, а чтобы еще рѣзче выдѣлить его изъ толпы, иногда сажали на клячу безъ сѣдла. Суевѣры изъ невѣжественныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, съ нескрываемою злобою, бросались наносить ему всякія оскорбленія: иной швырялъ палкой, другой подбѣгалъ вплотную и плевалъ въ лицо. На людныхъ мѣстахъ летѣли въ него комья грязи и кала, сыпался песокъ, выливались помои. Праведный старецъ, убѣжденный въ своей правотѣ и людскомъ невѣдѣніи и заблужденіяхъ, всѣ оскорбленія переносилъ безъ ропота и жалобъ. Если же замѣчалъ въ озлобленной толпѣ знакомыя лица, то ласково имъ улы-

бался. Когда грозили ему заточеніемъ, ссылкою въ дальные Соловки, требуя отреченія отъ исправы слова, онъ кротко отвѣчалъ судьямъ: «То мнѣ и жизнь! Я этому радъ!»

Тѣмъ временемъ (въ 1619 г.) вернулся царскій родитель, Филаретъ Никитичъ, и взялъ все это дѣло въ свои мощныя руки. Между прочимъ, онъ спрашивалъ Іерусалимскаго патріарха, пріѣхавшаго въ то время въ Москву за милостыней:

— Есть ли въ вашихъ греческихъ книгахъ прибавленіе—«и огнемъ»?

— Нѣтъ. И у васъ быть тому не пригоже!

Списался Филаретъ съ прочими вселенскими патріархами и получилъ отвѣтъ. Тогда Діонисій былъ оправданъ и, вмѣстѣ съ товарищами, возвратился въ монастырь, сохранивъ за собой прежнее званіе настоятеля.

Кромѣ живого огня, русскіе люди придаютъ большое значеніе, такъ называемому, «освященному огню». Это огонь, вынесенный изъ церкви послѣ великихъ священнодѣйствій, и въ это время какъ бы получившій особенную силу и исключительную благодать. Въ великій четвергъ, послѣ чтенія Страстей, благочестивые люди несутъ изъ церкви зажженныя свѣчи, съ которыми стояли въ торжественные моменты важнѣйшихъ богуслуженій. Причемъ, важное значеніе придается не только огню, но даже свѣчамъ. Такъ, «вѣнчальная свѣча» зажигается при трудныхъ родахъ и иногда ставится въ изголовьи умирающихъ, въ разсчетѣ на то, чтобы скорѣе кончились страданія. «Пасхальная свѣча», по вліянію и благодати равносильная съ прочими, имѣетъ громадное значеніе для пастуховъ, у которыхъ будетъ сохранно стадо, если въ рожокъ закатанъ будетъ воскъ отъ этой свѣчи. «Богоявленская и четверговая

свѣчи», кромѣ защиты во время грозы, имѣютъ еще особыя свойства: первая, какъ и вѣнчальная свѣча, помогаетъ въ родахъ и при смерти, вторая владѣетъ могучею силою уничтожать чары колдуновъ и лѣчитъ лихорадки; ею выжигаютъ на косякахъ дверей и оконъ кресты, чтобы злые духи не посѣщали жилищъ. Затѣмъ, всякая свѣча, побывавшая въ храмѣ и тамъ купленная, обладаетъ магическою силою при разныхъ случаяхъ, перечисленіе которыхъ, по многочисленности, было бы утомительно *).

Признавая за огнемъ цѣлебную и предохранительную силу, нашъ народъ, въ тоже время, сохранилъ увѣренность, что священный огонь имѣетъ и множество другихъ, полезныхъ для человѣка, свойствъ: чѣмъ, напр., наказать непойманнаго вора, ловко ускользнувшаго и схоронившаго концы?—Для этого надо взять восковую церковную свѣчу, извѣстную всюду подъ именемъ «обидящей» («за обидящаго») и прилѣпить передъ образомъ оборотнымъ концемъ для того, чтобы, подобно свѣчкѣ, стоящей нижнимъ концемъ вверхъ, Господь такимъ образомъ поворотилъ душу врага, навелъ на неизвѣстнаго вора такую тоску, чтобы тотъ раскаялся и возвратилъ украденное. Еще дальше пошли тѣ суевѣрные фанатики, которые приготовляютъ свѣчи изъ человѣческаго жира, въ разсчетѣ, что такая свѣча дѣлаетъ обладателя ея невидимымъ. Вѣра въ эту свѣчу-невидимку до сихъ поръ такъ велика, что люди добровольно обрекаютъ себя на законную кару за разрытіе могилъ. Не менѣе суевѣренъ и другой обычай — «отогрѣваніе покойниковъ». По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ,

*) Эта вѣра въ силу свѣчей распространена повсюду, но въ особенности она сильна въ Бѣлоруссіи, гдѣ существуютъ не только «врачующія» и «спасающія» свѣчи, но издревле устроенъ даже спеціальный праздникъ „Громницы“, совпадающій съ Срѣтеніемъ Господнимъ (2 февр.).

онъ состоитъ въ томъ, что тѣло усопшаго, накрытое простыней и положенное на желѣзную рѣшетку, подогрѣвается снизу костромъ изъ березовыхъ дровъ (отнюдь не сосновыхъ и не осиновыхъ, такъ какъ на осинѣ Іуда задавился). Обычай этотъ соблюдается лишь раскольниками, и притомъ тайно и непремѣнно ночью.

Послѣднія два обстоятельства: тайна, неподдающаяся повѣркѣ, и указаніе на раскольниковъ, какъ на виновныхъ въ такого рода суевѣріи, — даютъ право глядѣть на это сообщеніе, какъ на злую сплетню, такъ какъ на раскольниковъ, какъ на мертвыхъ, привыкли взваливать все, что угодно. Но съ другой стороны, способы поминанія усопшихъ родителей чрезвычайно разнообразны, и одинъ изъ нихъ дѣйствительно называется «грѣть родителей». Практикуется онъ во многихъ мѣстахъ (между прочимъ, въ Тамб. и Орл. губ.) и состоитъ въ томъ, что въ первый день Рождества, среди дворовъ, сваливается и зажигается возъ соломы, въ той слѣпой увѣренности, что умершіе въ это время встаютъ изъ могилъ и приходятъ грѣться. Всѣ домашніе при этомъ обрядѣ стоятъ кругомъ въ глубокомъ молчаніи и сосредоточенномъ молитвенномъ настроеніи. Зато въ другихъ мѣстахъ около этихъ костровъ, взявшись за руки, весело кружатся, какъ въ хороводѣ на радуницѣ (во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ) *).

Въ массѣ суевѣрій, не поддающихся никакимъ вліяніямъ и внушеніямъ и уживающихся рядомъ съ христіанскими вѣрованіями, выдѣляется одно, гдѣ огонь также играетъ

*) На югѣ и западѣ Россіи народное вѣрованіе, что умершія души не перестаютъ жить за гробомъ, выражается ежегодными празднествами въ честь нѣкогда боготворимыхъ «дядовъ» (предковъ). Вѣра эта сохранилась и въ Великороссіи въ обычаяхъ Дмитріевой субботы, Красной Горки и Радуницы, о чемъ будетъ сообщено въ своемъ мѣстѣ.

вліятельную роль, и гдѣ поразительна именно живучесть обмана и его повсемѣстное распространеніе. Это бабьи разсказы о «Летучемъ» (онъ же и «Налетникъ» или «Огненный Змѣй»), являющемся въ видѣ сказочнаго чудовища—достойнаго соперника храбрыхъ и могучихъ богатырей, «Змѣя Горыныча», превратившимся въ удалого добраго молодца—женскаго полюбовника.

Многія женщины, особенно въ мѣстахъ, живущихъ отхожими промыслами, передаютъ священникамъ на исповѣди, что ихъ отсутствующіе, а часто и умершіе мужья являются къ нимъ въявѣ и спятъ съ ними, т. е. вступаютъ въ половое сношеніе. Сплошь и рядомъ не только вдовы, но и замужнія женщины, войдя въ довѣріе съ любознательными школьными учительницами, охотливо разсказываютъ имъ о своихъ похожденіяхъ подобнаго рода со всѣми мелкими подробностями *). Изучающимъ деревенскій бытъ или наблюдающимъ его по обязанности сосѣдства, часто доводится получать указанія даже на тѣ избы, куда летятъ огненные змѣи и на тѣхъ женщинъ, съ которыми они находятся въ плотскомъ сожитіи.

Разсказы подобнаго рода чрезвычайно распространены, причемъ бросается въ глаза удивительное однообразіе частностей этого явленія и его печальныхъ, нерѣдко трагическихъ, послѣдствій.

Хотя самая основа этого стойкаго повѣрья лежитъ, несомнѣнно, въ существованіи того явленія природы, которое называется «огненными метеорами», но, въ глазахъ темнаго люда, оно получило видъ и характеръ вѣрованія въ нечистую и злую силу. Иконографія успѣла даже закрѣпить, въ представленіи молящихся, этихъ уродливыхъ

*) Болѣе 20-ти сообщеній этого рода получено изъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи.

крылатыхъ и хвостатыхъ чудовищъ, изображая ихъ въ видѣ змѣевъ, дышащихъ пламенемъ и несущихъ на своихъ хребтахъ женщинъ, обреченныхъ на погибель, или влекомыхъ на соблазнъ.

У огненнаго змѣя голова шаромъ, спина корытомъ и длинный-предлинный хвостъ — иногда до пяти саженъ. Прилетая на свое мѣсто, онъ разсыпается искрами, которыя вылетаютъ какъ бы изъ рѣшета, а летаетъ онъ такъ низко, что бываетъ видѣнъ отъ земли не свыше сажени. Посѣщаетъ онъ исключительно такихъ только женщинъ, которыя долго и сильно тоскуютъ объ отсутствующихъ, или умершихъ мужьяхъ. Самое же посѣщеніе, по словамъ одной простодушной орловской бабы, происходитъ слѣдующимъ образомъ: «умеръ у меня старикъ, а я и давай тосковать: мѣста себѣ не нахожу. Такъ вотъ и хожу, какъ оголтѣлая. Вотъ ночью сижу у окна и тоскую. Вдругъ, какъ освѣтитъ: подумала я пожаръ—вышла на дворъ. Гляжу, а старикъ покойникъ стоитъ передо мной: шляпа черная, высокая, что носилъ всегда по праздникамъ, сапоги новые, армякъ длинцый и кушакомъ подпоясанъ. Съ той поры и началъ ходить».

Самаго посѣтителя сторонним людямъ не видно, но въ избѣ слышенъ его голосъ: онъ и на вопросы отвѣчаетъ, и самъ говорить начинаетъ. Сверхъ того, посѣщенія его замѣтны и потому, что возлюбленныя его начинаютъ богатѣть на глазахъ у людей *), хотя въ то же время всякая баба, къ

*) Во многихъ мѣстахъ (между прочимъ, въ Орлов. и Ярослав. г.) огненнаго змѣя называютъ „ужомъ“ и, признавая за нимъ способность обогащать возлюбленныхъ, придумали для обиходнаго языка подходящія выраженія. Кто бережливъ и запасливъ, тотъ «какъ ужъ, все въ домъ тащитъ“. Кто же быстро богатѣетъ, тому, вѣроятно, «ужъ деньги таскаетъ“ и т. п.

которой повадился змѣй, непремѣнно начинаетъ худѣть и чахнуть (говорятъ: «полунощникъ напущенъ»), а иная изводится до того, что помираетъ, или кончаетъ самоубійствомъ (всѣ случаи женскихъ самоубійствъ приписываются змѣю). Есть, впрочемъ, средства избавиться отъ посѣщенія змѣя. Совѣстливая и стыдливая баба спохватится и обратится къ колдуньямъ за совѣтомъ, а ужъ тѣ укажутъ, какъ узнать, кто по ночамъ приходитъ: настоящій ли мужъ, или самъ нечистый. Для этого онѣ велятъ въ то время, какъ избранница сидитъ за столомъ съ огненнымъ змѣемъ и угощается всѣмъ, что онъ приноситъ и выставляетъ, уронить со стола какую-нибудь вещь и затѣмъ, поднимая ее, наклониться и поглядѣть: не копытами ли ноги, не видать ли между ними кончика хвоста? Если, затѣмъ окажется, что прилетѣвшій змѣй подлинно чортъ, то, чтобы избавиться отъ него, надо сѣсть на порогъ, очертиться кругомъ, расчесать волосы и въ то же время ѣсть коноплю. Когда же змѣй спроситъ: «что ѣшь»?—надо отвѣчать: «вши». Это ему столь не по нутру, что онъ «попихнетъ въ бокъ или больно ударитъ, но съ того случая больше летать не станетъ» **).

Ходятъ повсемѣстно слухи о томъ, что отъ огненныхъ змѣевъ женщины рожаютъ дѣтей, но, большей частью, недолговѣчныхъ («какъ родился, такъ и ушелъ подъ полъ»),

---

**) Слѣпая вѣра въ существованіе огненнаго змѣя, приносящаго золото и, вообще, доставляющаго богатства, доведена до того, что существуетъ даже способъ добычи этого змѣя вживѣ. Для этого слѣдуетъ достать „спорышокъ“, т. е. маленькое уродливое яичко, суевѣрно признаваемое за пѣтушье (въ немъ одинъ желтокъ и нѣтъ бѣлка) и носить его шесть недѣль подъ лѣвой мышкой и, когда вылупится змѣй, то надо на ночь лечь спать въ нежилой избѣ (напр., въ банѣ). Во снѣ чертъ передастъ этого змѣя въ услуги смѣльчаку, на опредѣленный срокъ и при извѣстныхъ условіяхъ. Тогда отогрѣтый змѣй начнетъ носить деньги.

или прямо мертвыхъ. Рожденіе уродовъ, точно также, приписывается участію змѣя, причемъ бабки-повитухи, которыя ходили принимать такихъ дѣтей, зачатыхъ отъ нечистой силы, разсказываютъ, что дѣти родятся: «черненькія, легонькія, съ коротенькимъ хвостикомъ и маленькими рожками». На помощь, и какъ бы въ поощреніе такимъ вѣрованіямъ, прибѣгаютъ и шатающіеся по деревнямъ странники. Они, отъ всѣхъ подобныхъ проказъ нечистой силы во образѣ огненныхъ змѣевъ, пишутъ на бумажкахъ 40 разъ псаломъ: «Да воскреснетъ Богъ» и велятъ надѣть на крестъ и носить, не снимая.

Устойчивость вѣрованій въ огненныхъ змѣевъ, а тѣмъ болѣе живое и наглядное олицетвореніе ихъ, несомнѣнно, находится въ связи съ тѣмъ представленіемъ, какое существуетъ, вообще, о происхожденіи самаго огня. Здѣсь разнообразіе народныхъ воззрѣній, рѣзко расходящихся между собою, явно свидѣтельствуютъ о томъ, что къ первобытнымъ понятіямъ уже успѣли примѣшаться тѣ новыя, которымъ довелось вступить въ открытую борьбу съ языческой стариной. Но побѣда еще далеко впереди, а пока на боевомъ полѣ обѣ враждующія стороны обнаруживаютъ достаточно силъ и стойкости.

Наиболѣе господствующее убѣжденіе заключается въ томъ, что первый огонь изобрѣли бѣсы въ то самое время, когда они были изгнаны съ неба. Приэтомъ разсказывается легенда о томъ, какъ Богъ, со св. Петромъ и Павломъ, ходили по землѣ и неожиданно увидѣли костеръ, разведенный и охраняемый бѣсами. Богъ приложилъ палочку и, когда она загорѣлась, бѣсы вздумали ее отнимать. Тогда Господь ударилъ этой палочкой о камень, полетѣли искры и съ той поры люди узнали, какъ добывать огонь изъ камня. Такъ думаютъ въ Малороссіи, гдѣ

эта легенда общеизвѣстна. Въ рѣшительномъ противорѣчіи съ ней находится великорусская легенда, свидѣтельствующая, что огонь данъ людямъ Самимъ Богомъ, который ниспослалъ его съ небесъ на помощь первому человѣку, по изгнаніи его изъ рая, когда человѣкъ очутился въ безвыходномъ положеніи и не зналъ, какъ готовить себѣ пищу. Богъ послалъ молнію, которая расколола и зажгла дерево, и тѣмъ показалъ способъ добыванія столь чтимаго и признаваемаго святымъ «живаго огня». Другія легенды стараются примирить оба начала, признавая два огня: адскій и небесный, а одна изъ легендъ говоритъ, что до перваго грѣха первыхъ людей огня на землѣ не было. Послѣ же грѣхопаденія, отворились адскія ворота, и пламя вырвалось оттуда и появилось на землѣ, чтобы причинять людямъ вредъ пожарами, обманывать вспышками на мѣстахъ кладовъ, смущать огневиднымъ появленіемъ на воздухѣ самихъ бѣсовъ, въ видѣ крылатыхъ змѣевъ и т. п. Кромѣ адскаго огня, былъ посланъ съ неба и тотъ огонь, которымъ зажигались жертвы, приносимыя Богу, и устранялись многочисленныя бѣдствія, посѣщавшія людей и домашнихъ животныхъ, въ видѣ различныхъ болѣзней. Теперь (свидѣтельствуетъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, со словъ вѣрующихъ) «тотъ и другой огонъ смѣшались вмѣстѣ и ихъ не различишь. Но несомнѣннымъ считается лишь то, что на болотахъ огни зажигаютъ водяные, чтобы заманивать и топить неосторожныхъ путниковъ; на кладбищахъ огонь горитъ надъ могилами праведныхъ людей; на мѣстахъ кладовъ зажигаютъ огонь, для обмана легковѣрныхъ, охранители зарытыхъ сокровищъ—«духи-кладовики». И все-таки остаются неразрѣшенными вопросы: какимъ огнемъ сжигается масляница, черезъ какой огонь прыгаютъ въ Купальскую

ночь? И здѣсь несомнѣнно лишь одно, что въ святую ночь, называемую также и свѣтлою, по всему громадному пространству св. Руси, около храмовъ, зажигаются костры, а въ окнахъ жилищъ лишнія свѣчи, во славу Воскресшаго Господа, показавшаго намъ свѣтъ.

II.

ВОДА-ЦАРИЦА.

Еще на зарѣ человѣческой исторіи люди отчетливо сознавали великое значеніе водной стихіи. Это подтверждаетъ и миѳологія всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, и позднѣйшія философскія системы древнихъ, которыя, при всей ихъ наивности, все-таки успѣли установить одинъ незыблемый принципъ: какъ безъ огня нѣтъ культуры, такъ безъ воды нѣтъ и не можетъ быть жизни.

Сообразно съ такимъ пониманіемъ міровой роли воды, языческіе народы всѣхъ временъ неизмѣнно обоготворяли эту стихію, какъ неизсякаемый источникъ жизни, какъ вѣчно живой родникъ, при помощи котораго оплодотворялась другая великая стихія—земля.

Позднѣе, съ распространеніемъ христіанства, вѣра въ божественное происхожденіе воды, хотя и умерла, но на обломкахъ ея выросло убѣжденіе въ святости и въ чудодѣйственной силѣ этой стихіи. Замѣчательно приэтомъ, что такого рода убѣжденіе въ цѣлительныхъ свойствахъ воды раздѣляется, наряду съ христіанскими народами, и магометанами, и евреями, и почти всѣми представителями современнаго язычества.

Пишущему эти строки привелось какъ-то посѣтить одинъ изъ Крымскихъ монастырей, привлекавшій тысяч-

ныя толпы богомольцевъ. Монастырь славился своимъ бассейномъ-купальней, погружаясь въ который больные, по словамъ монаховъ, получали исцѣленіе.

Эта, раздѣленная на двѣ половины, мужскую и женскую, купальня достаточно просторна была для того, чтобы одновременно могли погружаться въ воду около десяти человѣкъ. Она наполнялась водою изъ того родника, который подлѣ выбивался изъ-подъ отрога Яйлы.

При самомъ выходѣ изъ скалы цѣлебнаго родника, подъ часовеннымъ навѣсомъ, находится колодецъ, изъ котораго запасаются водой для домашняго пользованія. Надъ нимъ служатъ молебны, и здѣсь же даже мусульмане у выручки покупаютъ восковыя свѣчи и поручаютъ передавать ихъ въ церковь. Въ другой разъ пишущему эти строки случилось побывать въ урочищѣ, называемомъ «Черный Ручей» (въ верстахъ 2—3 отъ Мстиславны (Могил. губ.). Сюда нѣкогда, во времена борьбы православныхъ братствъ съ уніатами, устраивался крестный ходъ братчиковъ, теперь оставленный. Ближе ручья, почти въ самомъ городѣ, находится родникъ, называемый «Здоровецъ», съ отличной ключевой водой, почитаемой цѣлебной. «Чернымъ» названъ ручей за то, что въ немъ накопляется и осѣдаетъ достаточное количество грязи, которою больные мажутъ себѣ глаза, получая облегченіе. Къ такому средству прибѣгаютъ не только окрестные православные и католики, но едва ли не чаще и охотнѣе прочихъ евреи, наиболѣе страдающіе всякими глазными болѣзнями.

Если перенесемъ наши наблюденія выше, на сѣверъ, то и здѣсь найдемъ не мало такихъ же прославленныхъ родниковъ, привлекающихъ толпы богомольцевъ. Напр., въ 5—7 верстахъ отъ рѣки Мсты, возлѣ погоста, назы-

ваемаго «Пятницей», изъ-подъ пригорка бьетъ сильный родникъ, скопляющій въ колодезномъ срубѣ воды столько, что можно тутъ искупаться. Родникъ этотъ прославился безчисленными случаями чудеснаго исцѣленія больныхъ, и ежегодно, въ 10-ю пятницу послѣ Пасхи, здѣсь устраиваются крестные ходы. Высоко надъ толпою воздымаются носилки съ большою кіотою, въ которую поставлено деревянное изваяніе иконы св. Параскевы-Пятницы, несомое надъ головами народной толпы, длинной цѣпью, склонившейся на колѣняхъ. Пелена, висящая на иконѣ, признается также лечебною и ею обтираютъ лица и глаза. (Торговля удачно приладилась и здѣсь, по крайней мѣрѣ ярмарка изъ года въ годъ съ нетерпѣніемъ ожидается не только окрестными жителями изъ Боровичскаго уѣзда, но и отдаленнаго Тихвинскаго) *).

Довольствуясь на этотъ разъ тремя указаніями, почерпнутыми изъ личныхъ наблюденій, мы оставляемъ въ сторонѣ другія сообщенія, доставленныя изъ каждой губерніи, главнымъ образомъ, потому, что онѣ однородны и слишкомъ многочисленны. Притомъ же и въ этихъ трехъ указаніяхъ достаточно ярко выражается древняя, присущая не одному православному люду, слѣпая вѣра въ родники и почтеніе къ нимъ, не какъ къ источникамъ большихъ рѣкъ-кормилицъ, а именно, какъ къ хранителямъ и раздавателямъ таинственныхъ цѣлебныхъ силъ. Это одно изъ наслѣдствъ сѣдой старины, но изъ разряда такихъ, которыя наиболѣе усердно оберегаются и, несмотря ни на какіе соблазны, не исчезаютъ. Если

*) Больныхъ дѣтей привозятъ купать и купаются сами родители на той же рѣкѣ Мстѣ въ подобномъ же родникѣ, при селѣ Бѣломъ, у часовни Скорбящей Божей Матери.

въ доисторическія времена, вмѣсто храмовъ, посвящали богамъ ручьи и колодцы, а христіанство взяло подъ свое покровительство наиболѣе выдающіеся изъ нихъ,—то все-таки, осталось еще много такихъ, которые, сохраняя за собою общее древнее названіе «Прощей», не признаны церковью, но признаются народомъ за святыя, и къ которымъ народъ сходится въ извѣстные дни на богомолье *). Въ то же время эти родники или криницы представляютъ собой несомнѣнные памятники сѣдой старины, когда младенческій умъ подозрѣвалъ въ нихъ явное, хотя бы и незримое присутствіе и, во всякомъ случаѣ, близкое участіе высшихъ существъ. Милостивымъ заботамъ этихъ существъ и поручались такія мѣста. Здѣсь попечительная мать-сыра земля устроила такъ, что, ключомъ бьющая изъ нея, водяная жила и сильна, и непрерывна. Народившійся потокъ обиленъ чудесной водою, зимою не поддающейся даже лютымъ морозамъ, а лѣтней порой, въ палящій зной, холодной, какъ ледъ, чистой и прозрачной, какъ хрусталь, и при всемъ томъ, обладающей особеннымъ вкусомъ, рѣзко отличающимъ ее отъ воды прочихъ источниковъ. Достаточно однихъ этихъ свойствъ, чтобы сдѣлать подобныя урочища завѣтными, и назвать ихъ «прощами»—словомъ, самый корень котораго свидѣтельствуетъ о древности происхожденія **). Дѣйствительно, здѣсь

*) Ярославскій кореспондентъ, который даетъ это объясненіе, указалъ три такихъ въ южной части Пошехонскаго уѣзда. Въ подкрѣпленіе его сообщеній, имѣются свѣдѣнія о двухъ прощахъ въ Меленковск. у. (Владим. г.).

**) Хотя въ Далевскомъ словарѣ живаго великорусскаго языка «прощѣ» дано иное толкованіе, очевидно, зависящее отъ неполноты собранныхъ свѣдѣній, но точно указанъ корень: «простой, прощать, простить—сдѣлать простымъ отъ грѣха; «проща»—прощеніе, разрѣшеніе духовное, индульгенція католиковъ».

издревле искали прощенія и отпущенія, т. е. духовнаго и тѣлеснаго освобожденія отъ внутренней душевной тяготы и отъ внѣшнихъ тѣлесныхъ поврежденій, и именемъ «прощеника» до сихъ поръ зовется всякій, чудесно выздоровѣвшій, или исцѣленный на святомъ мѣстѣ. Хотя въ Великороссіи лишь по нѣкоторымъ мѣстамъ сохранилось это слово въ живомъ языкѣ (по всему вѣроятію, вслѣдствіе стремленія духовенства, а въ особенности монастырей, къ искорененію языческихъ обычаевъ и вѣрованій) — но зато въ Бѣлоруссіи оно употребляется повсемѣстно. Названіе «проща» присвоено и тому Черному Ручью, о которомъ выше упомянуто, и тѣмъ криницамъ, которыя, подобно находящимся въ мѣстечкахъ Лукомлѣ (Могилев. г.), Дивинѣ (Грод.) и др., выбрасываютъ изъ нѣдръ земли на ея поверхность воду съ цѣлебными свойствами, подкрѣплеными вѣрою многихъ десятковъ поколѣній. Эта вѣра сохранилась и въ настоящемъ поколѣніи, привлекая къ прощамъ въ урочные дни огромныя толпы народа, такъ что эти многолѣтнія сборища вошли даже въ поговорку. Когда собирается много народа на ярмарку, или торжокъ, на обычное гулянье и пр., говорятъ: «идутъ, какъ на прощу»; къ радушному хозяину охотно собираются гости также, «какъ на какую-нибудь прощу» и т. д. Въ довершеніе полнаго сходства, при этихъ прощахъ, кромѣ обычныхъ кермашей, или красныхъ торговъ, устраиваются еще и игрища молодежи съ пѣснями и хороводами. По народнымъ представленіямъ, прощи находятся подъ особымъ покровительствомъ св. «Пятницы»—не той св. мученицы греческой церкви, пострадавшей за Христа при Діоклитіанѣ въ Иконіи, въ 282 году, которую вспоминаетъ церковь православная 28 Октября подъ именемъ Параскевы, нареченныя Пят-

ницы, а иной, особенной, своей, и понынѣ обрѣтающейся въ живыхъ и дѣйствующей. Эта «пятница» всѣми тремя главными русскими племенами согласно чествуется въ опредѣленный день недѣли, именно въ пятый, считая съ понедѣльника, и, кромѣ того, въ видѣ исключенія, въ девятую, либо десятую пятницу по Пасхѣ и въ грозную Ильинскую—послѣднюю передъ 20 іюля—днемъ св. Пророка Иліи. Въ преимущество передъ всѣми святыми православной церкви, за исключеніемъ Николая Чудотворца (такъ наз., Николы Можайскаго), сохранился обычай изображать ее въ видѣ изваянія изъ дерева. Обычай такой несомнѣнно уцѣлѣлъ съ тѣхъ временъ, когда обращеніе въ христіанство было, большею частью, внѣшнимъ и пользовалось готовыми формами старой вѣры, болѣе или менѣе удачно видоизмѣняя или приспособляя къ нимъ обрядовую часть церковнаго чина. Лишь впослѣдствіи новое ученіе стало понемногу входить въ плоть и кровь, отступая, однако, передъ тѣмъ, что успѣло уже слишкомъ глубоко проникнуть въ народную жизнь и составило коренную и незыблемую основу вѣрованій. Къ числу таковыхъ, между прочимъ, относится почитаніе пятницы именно въ связи съ занимающимъ насъ вопросомъ *).

Начиная съ крайнихъ границъ болотистой Бѣлоруссіи, отъ береговъ Десны и Кіева, до далекихъ окраинъ Великороссіи и Бѣлаго моря—поклоненіе образу Параскевы Пятницы, въ видѣ изваянія, остается до сихъ поръ неизмѣннымъ и всенароднымъ. Точно такимъ же образомъ всюду на этомъ громадномъ пространствѣ земли, населенной

*) Описанію чествованія Пятницы отведено будетъ отдѣльное мѣсто въ третьей части трилогіи «Крестная сила».

православнымъ людомъ, цѣлебные родники-криницы и святые колодцы—поручены особому покровительству святой Пятницы. Эта связь имени пятницы съ источниками текучихъ водъ, не ограничиваетъ силы народныхъ вѣрованій въ нее, какъ въ защитницу вообще воды, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Это вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что въ старинныхъ городахъ, укрѣпившихся на высокихъ берегахъ большихъ рѣкъ, подобно Кіеву, Брянску и другимъ, пятницкіе храмы построены на низменностяхъ, у самой воды—древній обычный пріемъ, который, помимо Великаго Новгорода и Торжка съ ихъ пятницкими концами, наблюдается и близъ Москвы, въ Троице-Сергіевской лаврѣ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, а въ особенности въ Бѣлоруссіи, сохраняется обычай молиться о дождяхъ, потребныхъ въ весеннее время для всходовъ и въ лѣтнее для урожаевъ, обязательно святой Пятницѣ, и непремѣнно съ нѣкоторыми суевѣрными пріемами: молитвы возносятся въ таинственной ночной обстановкѣ и состоятъ изъ такихъ прошеній, самодѣльная форма которыхъ указываетъ также на давность ихъ сочиненія.

Иконы Пятницы, охраняющія св. колодцы, признаются (за малыми исключеніями) явленными, а, стало быть, и чудотворными, причемъ преимущество отдается скульптурнымъ изображеніямъ этой святой, но скульптура эта, разумѣется, младенческая, она составляетъ древнѣйшую форму русскаго искусства, существовавшую еще во время язычества и, въ наши дни, имѣющую археологическое значеніе. Это издѣлія тѣхъ временъ, когда мастера не дерзали еще слишкомъ удаляться отъ плоской рѣзьбы для изображенія естественныхъ округлыхъ фигуръ, и грубый рѣзецъ, въ формѣ долота, направляемый младен-

ческою рукою, былъ въ состояніи лишь намѣчать признаки лицевыхъ органовъ. Но невзыскательные мольщики равнодушно относятся къ явнымъ неудачамъ первобытныхъ художниковъ.

— За грѣхи наши (говорятъ орловскія богомолки, при видѣ нераспознаваемаго почернѣлаго изваянія Пятницы, находящагося въ г. Брянскѣ въ Петровскомъ женскомъ монастырѣ) обрызгали матушку золой наши бабы грѣшницы, что по пятницамъ бѣлье бучили (т. е. при стиркѣ обычно пересыпали бѣлье золой для щелока).

— Истыкали наши безпутныя жонки нашу святую иголками, когда шили рубахи свои по пятницамъ—толкуютъ архангельскіе поморы въ селѣ Шуѣ, объясняя точки и полосы червоточины на такой же темной и очень старинной иконѣ Пятницы, представленной также въ видѣ грубаго изваянія.

Не столько бревенчатыя стѣны и дощатыя крыши охраняютъ святые колодцы, сколько именно эти изображенія Пятницы, въ томъ или другомъ видѣ, и отъ ихъ присутствія зависитъ и самая святость и цѣлебность воды. А чтобы не изсякала спасающая и врачующая благодать, приносятся къ подножію иконъ посильныя жертвы: рыбьей чешуйкой серебрятся на днѣ колодцевъ серебряные гривенники и пятиалтынные, черезъ головы толпы, предстоящей и молящейся, передаются, или прямо бросаются разныя издѣлія женскаго досужества, часто съ громкимъ заявленіемъ о прямой цѣли жертвованія: сшитое бѣлье въ видѣ рубахъ, полотенца на украшенія вѣнчика и лика, вычесаная льняная кудель или выпряденыя гото-

*) Здѣсь, на Подолѣ, подъ Лаврской горой, находился Дольный, или Пятницкій монастырь, отъ котораго сохранилась теперь кладбищенская церковь.

выя нитки, а также волна (овечья шерсть) (—«Угодницѣ на чулочки!»—«Матушкѣ-Пятницѣ на передничекъ!» кричатъ въ такихъ случаяхъ бабы). Все это—въ благодарность за полученныя щедроты и въ ожиданіи будущихъ милостей: чтобы, не умаляясь и не изсякая, текли дары невещественной благодати, какъ текутъ холодныя свѣтлыя струи живого источника. Эти вещественныя приношенія образу поступаютъ обыкновенно въ пользу ближайшихъ жителей, причемъ предполагается, что послѣдніе примутъ на себя заботу по охранѣ святынь отъ засоренія и оскверненія *). Въ селѣ Овстугѣ (Бряп. у., Орлов. губ.) въ св. колодцѣ изсякла вода отъ того, что одна женщина выполоскала въ немъ свое грязное бѣлье; въ другомъ мѣстѣ вода изсякла по той причинѣ, что нечистая женщина дерзнула въ источникѣ выкупаться. Въ первомъ случаѣ многіе слышали, въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль, подземный шумъ уходящаго въ Кіевъ (въ Днѣпръ) источника, на мѣстѣ котораго, подъ старою деревянною церковью во имя св. Параскевы, остался только обвалившійся погнившій срубъ. То было давно, и свѣдѣніе о событіи сохранилось въ памяти старожиловъ, какъ смутное преданіе. Но въ Муромскомъ уѣздѣ (Владим. г.), въ селѣ Спасъ-Сѣчень, разсказываютъ о недавнемъ случаѣ, относящемся, приблизительно, къ 1881—82 гг. истекшаго столѣтія, по поводу явленія новой чудотворной иконы

*) Въ цѣляхъ предупрежденія кражъ пожертвованій (вообще кражи представляютъ поразительно рѣдкое явленіе) ходятъ различныя устрашающія легенды, подобныя слѣдующей, записанной въ Уломской мѣстности (Ярослав г.). Въ с. Кондатѣ крес. Тюфтярь ковшомъ, придѣланнымъ на палкѣ, задумалъ было таскать изъ св. родника деньги. Но лишь только наступила ночь, какъ къ нему явился старикъ и приказалъ отнести назадъ награбленное. Видѣніе повторялось и Тюфтярь вынужденъ былъ послать дочку исполнить велѣніе.

Параскевы Пятницы. Одинъ крестьянинъ, проѣздомъ мимо суглинистаго холма, вблизи села, замѣтилъ вновь пробившійся ключъ. Подивился онъ и забылъ. Но напомнилъ о томъ тайный голосъ, говорившій во снѣ одной богомольной старушкѣ: «иди къ горѣ, увидишь у подножья ключикъ, а въ немъ на днѣ чудотворную икону. Вынь ее и вели мужичкамъ строить тутъ часовню». Народъ старухи не послушался, а икона, поставленная въ церкви священникомъ,—«ушла» и вновь, какъ была, съ ликомъ св. мученицы Параскевы въ серебряномъ окладѣ, оказалась на днѣ источника. Такъ повторялось до трехъ разъ, пока надъ родникомъ не построили часовни и не списали копію съ иконы, которую тутъ же и повѣсили (подлинникъ поставили въ церкви). Случилось, однако, такъ, что, въ первый же годъ по явленіи, одна баба, бывшая «съ придурью», вздумала взять изъ колодца воды для стирки бѣлья. Тотчасъ же вода въ немъ пропала, а черезъ нѣсколько дней источникъ пробился въ другомъ мѣстѣ, позади часовни. Новый колодецъ существуетъ и до сихъ поръ, считаясь цѣлебнымъ, а иконѣ еще недавно молились въ церкви всей деревней, какъ чудотворной, о прекращеніи падежа на скотъ.

Въ виду такого повсемѣстно распространеннаго почитанія воды,—первые просвѣтили темныхъ людей и послѣдующіе за ними основатели монастырей, святые отшельники, одною изъ главныхъ заботъ ставили себѣ рытье колодцевъ. Послуживши хозяйственнымъ нуждамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на высокихъ берегахъ, но далеко отъ воды, строилась первая келья и первый деревянный храмъ, эти колодцы, ископанные работавшими безъ устали руками подвижниковъ, стали почитаться святыми. Они сдѣлались мѣстами особаго почитанія, какъ видимые слѣды

благочестивыхъ подвиговъ на землѣ святыхъ просвѣтителей и молитвенниковъ. Въ настоящее время трудно припомнить хотя бы одинъ изъ старинныхъ нагорныхъ монастырей, который не обезпечился бы на подгорномъ подолѣ часовеннымъ строеніемъ, укрывающимъ родникъ, обдѣланный обычно каменной кладкой, или заключенный въ деревянный срубъ. Всѣ такіе колодцы народными преданіями обязательно приписываются трудамъ подвижниковъ, просіявшихъ благочестіемъ на ближнія и дальныя страны. Такъ, между прочимъ, преподобному Сергію, уроженцу г. Ростова, просвѣтителю ростовской страны и защитнику всей земли Русской, приписываются всѣ тѣ святые колодцы, которые почитаются цѣлебными и находятся въ окрестностяхъ этого древняго русскаго города. Таковъ одинъ изъ трехъ, находящійся вблизи с. Порѣчья. Съ происхожденіемъ его преданіе соединяетъ благоговѣйную память и о совершившемся чудѣ. Когда преподобный возымѣлъ мысль ископать колодецъ, у него въ рукахъ не оказалось необходимыхъ орудій. Онъ обратилъ взглядъ къ ростовскому Авраамiеву монастырю и сталъ молиться преп. Авраамію, первому по времени и самому ревностному борцу съ языческой Мерью, чтобы тотъ помогъ ему: тотчасъ, по его молитвѣ, явился и заступъ, чтобы вырыть яму, и топоръ, чтобы укрѣпить бока бревенчатымъ срубомъ. Другой колодецъ (въ верстѣ отъ г. Петровска), окруженный болотомъ, черезъ которое путь идетъ по мосткамъ, выдѣляется и зеленоватымъ цвѣтомъ, и сѣрнистымъ видомъ воды, дѣйствію которой преданіе приписываетъ то обстоятельство, что, бывшая при Екатеринѣ II, моровая язва не коснулась этого ярославскаго городка. Вблизи Ростова и того мѣста, гдѣ, согласно преданію, апостолъ Іоаннъ Богословъ вручилъ преп. Авраамію жезлъ для со-

крушенія идола Велеса, сохраняется, какъ памятникъ, каменная часовня надъ неглубокимъ колодцемъ, снабженная ведромъ и ковшемъ. Не оставляется безъ вниманія прохожихъ и другой, болѣе скромный, родникъ безъ прикрытія, съ маленькимъ самодѣльнымъ изъ бересты ковшикомъ, пробившійся изъ-подъ березки. Въ лѣтнюю пору эта березка всегда обвѣшана разноцвѣтными ленточками, а въ источникъ набросаны мѣдныя деньги.

Въ народномъ представленіи, такимъ образомъ, становятся священными не только колодцы, ископанные святыми подвижниками, но также и тѣ, появленіе которыхъ вызвано какимъ-либо чрезвычайнымъ случаемъ, какъ, напр., такъ называемые, «громовые» ключи, бьющіе изъ-подъ камня, и происшедшіе, по народному повѣрью, отъ удара грозы. Подлѣ такихъ ключей, всегда спѣшатъ поставить часовенку и повѣсить образа, по нынѣшнимъ обычаямъ—Богоматери. Въ двухъ (извѣстныхъ намъ) случаяхъ въ число святыхъ колодцевъ записаны тѣ родники, которые вызваны были паденіемъ тяжелыхъ колоколовъ, свалившихся съ колоколенъ на улицу во время церковныхъ пожаровъ и т. п. Въ этихъ неожиданныхъ явленіяхъ природы, принимаемыхъ за знаменія особой милости Божіей, ищутъ наглядныхъ проявленій тайныхъ и скрытыхъ силъ, не утрачивая слѣпой вѣры въ эти силы и ихъ цѣлебное свойство и при неудачахъ. Послѣднія объясняются личнымъ недостоинствомъ, грѣховностью, недостаткомъ вѣры и разнообразными мелкими упущеніями подготовительнаго и обрядоваго характера, со стороны самихъ прибѣгающихъ къ помощи. Отъ этихъ же причинъ, между прочимъ, зависитъ и то, что и такъ называемая «спорная вода» не всегда и и не вездѣ проявляетъ, издревле присущую ей чудесную силу. Эта вода, взятая изъ того мѣста, гдѣ соединяется

теченіе двухъ рѣкъ, имѣетъ таинственную способность рѣшить вопросъ объ участи трудно больныхъ, не встающихъ долгое время съ постели: къ животу или смерти ведетъ ихъ теперь таинственная судьба. Собственно же, какъ устья всѣхъ рѣкъ, такъ и источники главнѣйшихъ изъ нихъ, не отличены особенными знаками народнаго почтенія и признательности, хотя эти рѣки и величаются иногда «кормилицами». Даже истокъ такой величайшей благодѣтельницы русскаго народа, препѣтой и превознесенной, какова Волга, остается безъ всякаго вниманія, въ полномъ пренебреженіи. Вмѣсто величественнаго сооруженія, надъ истокомъ Волги высится часовня въ видѣ сторожевой будки, сооруженная окольнымъ людомъ. Конечно, мѣстные жители безсильны, по ограниченности своего кругозора, понять весь смыслъ міроваго значенія нарождающейся тутъ рѣки, и къ тому же они не знаютъ, что вода источника владѣетъ цѣлебною силою и заслуживаетъ, не менѣе всѣхъ прочихъ, украшенія богатымъ иконостасомъ.

За нашими главными и за нѣкоторыми изъ второстепенныхъ рѣкъ сохранились, въ видѣ легендъ, слѣды олицетворенія ихъ, какъ живыхъ существъ богатырскаго склада. Это остатокъ древняго миѳическаго представленія, родившагося въ ту эпоху, когда первыя двѣ рѣки (Западный и Южный Бугъ) указавшія славянамъ путь переселенія изъ-за Карпатъ, прямо названы были Богомъ. Наиболѣе извѣстенъ разсказъ о спорѣ Волги съ Вазузой по поводу старѣйшинства. Эти двѣ рѣки порѣшили окончить свой споръ такимъ образомъ: обѣ должны лечь спать, и та, которая встанетъ раньше и скорѣе добѣжитъ до Хвалынскаго моря, будетъ первенствовать. Ночью Вазуза встала раньше и неслышно, прямымъ и ближнимъ путемъ, потекла впередъ.

Проснувшаяся Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ надо. Но въ Зубцовѣ она догнала Вазузу, причемъ была въ такомъ грозномъ видѣ, что соперница испугалась, назвалась меньшей сестрой и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и донести до Хвалынскаго моря *).

Другая сказка менѣе извѣстна, но не менѣе замѣчательна. Волга оказывается любимою дочерью слѣпаго отца и сестрою Сожи и Днѣпра. Отецъ задумалъ ихъ выдѣлить и объявилъ о томъ только обѣимъ дочерямъ (Сожѣ и Волгѣ), а отъ непокорнаго сына Днѣпра скрылъ о своемъ намѣреніи. Днѣпръ, однако, подслушалъ, какъ обѣщалъ отецъ наградить Волгу красивыми городами, Сожѣ подарить лучшія мѣста, а Днѣпру удѣлить мхи и болота. Первою проснулась Волга, прибѣжала къ отцу со словами: «батюшка, пора уходить». Слѣпой отецъ велѣлъ ей подойти поближе, ощупалъ ее и, убѣдившись, что она дѣйствительно Волга, такъ какъ тѣло у нея, какъ вообще у всѣхъ счастливыхъ, обросло волосами, благословилъ ее идти красивыми мѣстами, селеніями и городами. Загремѣла Волга и ушла. Проснулся Днѣпръ и, увидѣвъ, что Сожь еще спитъ, и рѣшившись обмануть отца, обвернулъ руки паклей, такъ какъ тѣло у него было гладкое, и, подражая голосу сестры, сказался отцу Сожью. Слѣпой ощупалъ и повѣрилъ. Днѣпръ бросился бѣжать, сколько набралось у него силъ, разрывалъ горы, изгибался колѣнами—спѣшилъ, чтобы сестра тѣмъ временемъ не успѣла проснуться. Проснулась и Сожа: бѣжитъ къ отцу, сказывается своимъ именемъ, но старику пришлось награждать

*) Вазуза весною вскрывается раньше Волги и своимъ ледоходомъ будитъ Волгу отъ зимняго сна (наглядное оправданіе заносчивости передъ главною рѣкою побочнаго притока).

ее лишь тѣми мѣстами, которыя остались у него въ запасѣ, т. е. мхами и болотами.

Этотъ же Днѣпръ въ Олонецкихъ былинахъ является въ видѣ женщины, подъ именемъ «Нѣпры Королевичны» *). На этотъ разъ она вступаетъ въ богатырскій споръ на пиру князя кіевскаго съ Дономъ Ивановичемъ. Въ единоборствѣ она осталась побѣжденной. Донъ убилъ ее каленой стрѣлой, и самъ, въ отчаяніи, палъ на ножище-кинжалище. Вотъ отъ этой-то крови и потекла «Нѣпра-рѣка»: «во глубину двадцати саженъ, въ ширину рѣка сорока саженъ».

Олицетвореніе рѣкъ на этихъ примѣрахъ, однако, не остановилось, въ народной памяти сохраняются такіе же разсказы относительно рѣкъ: Десны, Западной Двины, Шачи и Красивой Мечи. И хотя время уже успѣло стереть краски съ этихъ миѳическихъ сказаній, тѣмъ не менѣе. русскій народъ продолжаетъ проявлять, на время скрытыя, но вѣчно живыя вѣрованія.

Относительно прочихъ большихъ водоемовъ, каковы озера, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Одновременно съ расширеніемъ новгородской колонизаціи по русскому лѣсному сѣверу, озерамъ суждено было занять одно изъ видныхъ мѣстъ, какъ въ исторіи самаго заселенія, такъ, въ особенности, въ исторіи распространенія христіанства. Начиная съ первыхъ опытовъ основанія монастырей на озерныхъ островахъ въ окрестностяхъ самаго Новгорода (Кириллова на р. Волховѣ и Липенскаго на островѣ озера Ильменя, въ серединѣ XIII в.),—большія и малыя озера.

---

*) Собственно именемъ Нѣпры зовутъ Днѣпръ всѣ прибрежные его жители, бѣлоруссы Могилевской губ.

которыми изобилуетъ весь сѣверо-западъ новгородской области, служили приманкою для людей, искавшихъ пустыннаго житія. Острова на нихъ, дикіе и пустынные, представляли многія удобства, какъ для созерцательной жизни, такъ и для благочестивыхъ подвиговъ тѣхъ отшельниковъ, которые искали полнаго уединенія. Во всей громадной странѣ, извѣстной подъ именемъ Озерной Области, не много найдется такихъ большихъ и малыхъ озеръ, на островахъ которыхъ не было бы основано обителей, лишь бы только представлялась возможность устроиться на нихъ малымъ хозяйствомъ. На самомъ большемъ изъ озеръ всего свѣта, и притомъ наиболѣе негостепріимномъ,—Ладожскомъ, на пустынной скалѣ, въ началѣ XIV столѣтія, стоялъ монастырь Валаамскій, давшій происхожденіе тремъ другимъ монастырямъ на томъ же озерѣ: Коневскому, Свирскому на р. Свири, и на дальнихъ островахъ Бѣлаго моря—Соловецкому. Тѣмъ же путемъ взаимнаго вліянія и братской связи, возникли, въ теченіе того же столѣтія, но еще въ большемъ числѣ, монастыри на островахъ другого обширнаго озера—Онежскаго (числомъ до шести). Послѣдовательно, затѣмъ, на островахъ озеръ: Черемецкаго, Кубенскаго, Бѣлоозера и на берегахъ всѣхъ прочихъ озеръ явились отшельники, трудами рукъ своихъ прочищавшіе дремучіе лѣса, ставившіе малыя деревянныя церкви и подлѣ нихъ утлыя кельи, выроставшія потомъ въ многолюдныя обители. Изъ послѣднихъ многія пріобрѣли огромное значеніе и вліяніе. Въ народной жизни онѣ имѣютъ глубокій историческій смыслъ, какъ образцы прочныхъ хозяйствъ и пособники въ заселеніи громадныхъ странъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ и совершенно дикихъ. Озера здѣсь стали завѣтными священными мѣстами для молитвенныхъ посѣщеній богомольнаго люда. Святыми

эти озера не были названы, хотя они и были таковыми въ истинномъ смыслѣ этого великаго слова. Однако, за нѣкоторыми изъ нихъ оставлены кое-какія исключительныя преимущества, вродѣ сохраненія на поверхности воды слѣдовъ того праведника, который къ мѣсту водворенія проходилъ какъ по суху, отчего сохранилась какъ бы тропа, въ видѣ струи, выдѣляющейся особымъ цвѣтомъ. Не стѣсненная въ старыхъ формахъ олицетворенія природы, народная фантазія и въ примѣненіи къ христіанскимъ порядкамъ не знаетъ ни границъ, ни удержу. Такъ, по народнымъ представленіямъ, въ свѣтлый день Христова Воскресенія «играетъ солнце», въ полночь, предшествующую дню Крещенія Господня, колышется вода въ рѣкахъ и озерахъ, трепетно раздѣляя праздничную радость всѣхъ слѣповѣрующихъ и проч. *).

Святыми названы народомъ другія небольшія озера, во множествѣ разбросанныя по лѣсной Россіи, и притомъ не только тѣ, которыя оказались въ сосѣдствѣ съ монастырями. Съ нѣкоторыми изъ такихъ святыхъ озеръ соединены поэтическія легенды о потонувшихъ городахъ и церквахъ. Изъ глубины этихъ озеръ благочестивымъ вѣрующимъ людямъ слышатся звонъ колоколовъ, церковное пѣніе и видятся кресты и куполы затонувшихъ храмовъ. Таковы изъ наиболѣе извѣстныхъ и выдающихся: въ сѣверо-западной Руси—озеро Свитязь близъ гродненскаго Новгорода (Новгрудка), воспѣтое Мицкевичемъ и Свѣтлоярое въ Керженскихъ заволжскихъ лѣсахъ, близъ г. Семенова. Послѣднее до сихъ поръ привлекаетъ на свои берега тысячи народа, вѣрующаго, что въ свѣтлыхъ струяхъ

*) Объ этомъ смотри подробнѣе въ „Крестной силѣ“.

пустыннаго лѣсного озера сохраняется чудеснымъ образомъ исчезнувшій, во времена нашествія Батыя, городъ Большой Китежъ *).

При погруженіи св. и животворящаго креста въ воду, изъ нея, силою и наитіемъ св. Духа, изгоняется дьявольская скверна, и потому всякая вода становится безукоризненно чистою и непремѣнно святою, т. е. снабженною благодатью врачеванія не только недуговъ тѣлесныхъ, но и душевныхъ. «Богоявленской водѣ», въ этомъ отношеніи, всюду придается первенствующее значеніе, и она, какъ святыня наивысшаго разряда, вмѣстѣ съ благовѣщенскою просфорою и четверговою свѣчею, поставляется на самое главное мѣсто въ жилищахъ, въ передній правый уголъ къ иконамъ. Освященная по особому чину въ навечеріе Крещенія Господня, эта святая вода передъ прочею, освящаемою въ иное время,—имѣетъ то преимущество, что на случай смерти, при полной невозможности пріобщиться св. Тайнъ, она можетъ замѣнить ихъ и, во всякомъ случаѣ, умиротворить безпокоющуюся совѣсть умирающаго и близкихъ его. Въ обыкновенное время, при нуждѣ, пьютъ эту воду не иначе, какъ натощакъ. При этомъ существуетъ повсемѣстное непоколебимое вѣрованіе, что эта вода, сберегаемая круглый годъ до новой, никогда не портится (не затхнетъ и не мутится), а если и случится,

---

*) Въ своемъ мѣстѣ (въ книгѣ «Нечистая Сила») мы уже имѣли случай говорить о значеніи озеръ въ этомъ отношеніи, а равно и о томъ, въ какой формѣ сказываются народныя представленія о водохранилищахъ этого вида, какъ извѣстно, весьма разнообразныхъ. Есть озера святыя, есть, въ противоположность имъ, поганыя, есть чудныя и чудны́я, т. е. необыкновенныя, странныя и поразительныя по внѣшней красотѣ или цѣлебной силѣ.

что-нибудь подобное, то это объясняется прикосновеніемъ къ сосуду чьей-либо нечистой руки. Точно также повсюду сохраняется суевѣрное убѣжденіе, что въ верхнихъ слояхъ освященной въ чанахъ воды заключается наиболѣе благодатной силы, устраняющей недуги и врачующей болѣзни. Поэтому всякій спѣшитъ зачерпнуть воды прежде другихъ, вслѣдствіе чего нарушается церковное благочиніе, криками и перебранкой, невообразимой суетней и толкотней, какъ на любомъ базарѣ.

Что касается неосвященной воды, то и къ ней нашъ народъ относится съ большимъ почтеніемъ: вода, находящаяся въ рѣкахъ и озерахъ, имѣющихъ истоки, безразлично почитается чистою, и при томъ въ такой степени, что исключительно ей одной поручается, напр., охраненіе тѣхъ св. иконъ, которыя, за ветхостью, приходятъ въ негодность и теряютъ изображеніе ликовъ. Такія иконы благочестивая ревность не дозволяетъ предавать огню, а обязываетъ «пускать на воду», не иначе какъ съ краткою молитвою, оправдывающею вынужденный пріемъ. Охрана чистоты воды доведена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до такихъ крайностей, что никто изъ вѣрующихъ не рѣшится плевать въ воду, а тѣмъ болѣе производить въ ней испражненія и т. под. Стихійная природная чистота воды, сдѣлавшая ее единственнымъ, вѣрнымъ и легкимъ, очистительнымъ средствомъ, потребовала, въ самыя глухія времена язычества, особаго себѣ чествованія, выразившагося въ торжественномъ праздникѣ Купалы. Какъ предшественники этого главнѣйшаго праздника, во многихъ мѣстахъ еще сохраняются опредѣленные дни, когда производится обязательное «обливаніе водой»—обычаи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣвшіе пристроиться къ христіан-

скимъ праздникамъ *). Обливаютъ холодной водой всѣхъ, проспавшихъ одну изъ заутрень на недѣлѣ св. Пасхи, (эти заутрени, какъ извѣстно, совершаются согласно уставу, «порану»). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ г. Весьегонскѣ (Тв. г.) этотъ обычай превратился въ самостоятельное празднество. Вечеромъ, въ день заговѣнья на Петровскій постъ, здѣсь разрѣшается всякаго, проходящаго по улицѣ, обливать изъ оконъ водой вполнѣ безнаказанно, и если осмотрительный и догадается ходить по серединѣ улицъ, то все-таки и здѣсь онъ подвергается опасности: изъ-за ближняго угла на него налетаетъ кучка молодежи съ ведрами, наполненными, на лучшій случай, колодезной водой, а то такъ и квасомъ и даже квасной гущей. Крики, бѣготня и смѣхъ прекращаются только съ закатомъ солнца. Ради тѣхъ же забавъ, но исключительно направленныхъ молодыми ребятами противъ дѣвушекъ, послѣднихъ обливаютъ водой (въ Пошех. у.) на каждый второй день весеннихъ и лѣтнихъ праздниковъ, въ первый день Петровскаго поста (Морш. у., Тамб. г.) когда не спасаютъ хозяевъ въ избахъ даже запертыя двери, въ чистый понедѣльникъ и въ день Преполовенія. Обычай обливанія водой носитъ совершенно другой характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ получаетъ названіе «мокриды»: въ этой формѣ онъ сохраняетъ явные осколки цѣльныхъ языческихъ праздниковъ, устра-

---

*) Не говоря уже о далеко не исчезнувшемъ обычаѣ купанья въ морозные дни въ крещенскихъ прорубяхъ всѣхъ, надѣвавшихъ на себя личины на святкахъ, нельзя не указать на очень распространенный пріемъ—выставлять за окна сосуды съ водой передъ кончиной кого-либо изъ членовъ семьи: каждый день, въ теченіе всѣхъ сорочинъ, души умершихъ прилетаютъ сюда купаются и очищаются отъ плотскихъ грѣховъ, чтобы предстать святыми на судилищѣ.

ивавшихся въ предупрежденіе бездождія и сопровождавшихся пѣснями и плясками на краяхъ прудовъ и берегахъ рѣкъ.

Въ настоящее время, въ черноземной полосѣ Россіи, этотъ обычай состоитъ въ слѣдующемъ: мужики тайно сговариваются между собою и, когда бабы соберутся купаться, отправляются, крадучись, за ними «строить мокриду». Улучивъ время, они внезапно бросаются на купальщицъ и, прежде чѣмъ тѣ успѣютъ раздѣться, спихиваютъ всѣхъ въ воду съ криками: «дождь-дождь, приди къ намъ». При этомъ предполагается несомнѣнный успѣхъ опыта, если всѣ бабы примутъ его за невинную шутку и ни одна изъ нихъ не изругается, не разсердится даже на дѣтей, которыя также стараются брызгаться, набравши воды либо въ ротъ, либо въ пригоршни. Во многихъ мѣстахъ (между прочимъ, въ Орл. г. и уѣз.) за то же дѣло «вызова дождя» берутся сами бабы: сговорится ихъ три или четыре и начнутъ съ конца деревни «незазнама» обливать водой, т. е. всякаго, кто ни попадется на встрѣчу, при этомъ каждый облитый, почитая обычай священнымъ, не обижается и лишь шутя и добродушно выругается. Для пущей торжественности и придачи шуткамъ наибольшаго оживленія, иныхъ бабъ по нѣсколько разъ спихиваютъ въ рѣки, а за неимѣніемъ рѣкъ, мочатъ въ колодцахъ. Въ Пенз. г. стараются обливать лицъ изъ духовнаго званія и непремѣнно съ головы,—чѣмъ—вѣрнѣе достигается цѣль прекращенія чаръ колдуній, удерживающихъ дождь. Въ Рязанской г. (въ глухомъ Егорьевскомъ у.) дѣвицы и непорочныя вдовы, пребывающія во вдовствѣ болѣе 10 лѣтъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, тайно отъ всѣхъ, ходятъ на ближній родникъ, расчищаютъ его и молятся Богу. Во Влад. г. (въ Меленк. у.) такія же дѣвицы,

выйдя ночью въ поле, читаютъ акафистъ, потомъ пашутъ болото, а старухи разстилаютъ на огородахъ рубахи, и, если на нихъ осядетъ роса, то это считаютъ добрымъ признакомъ:—будетъ дождь.

Прибѣгая къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ для вызова дождя, нашъ народъ въ то же время очень чтитъ дождевую воду. Выбѣгая на улицы босыми, съ непокрытыми головами, деревенскій и городской людъ становится подъ благодатные небесные потоки перваго весенняго дождя, пригоршнями набираетъ воду, чтобы вымыть лицо три раза; выноситъ чашки, собирая цѣлебную влагу, и въ крѣпко-закупоренныхъ бутылкахъ сохраняетъ ее круглый годъ, до новаго такого же дождя. Точь-въ-точь также чтитъ народъ и рѣчную воду, когда пройдетъ весенній ледъ и рѣки вскроются. Вотъ что пишетъ на этотъ счетъ извѣстный знатокъ народнаго быта Ф. Д. Нефедовъ, изъ Костр. г.: «едва пройдетъ весною ледъ по рѣкамъ и ручьямъ, только что очистится вода, какъ всѣ дѣти, взрослые и старики бѣгутъ на берегъ: зачерпываютъ пригоршнями воды и умываютъ три раза лицо, голову и руки. Обычай этотъ исполняется не въ однѣхъ деревняхъ и селахъ, но и по всѣмъ городамъ, не исключая губернскаго—Костромы».

Эти обычаи приводятъ насъ къ цѣлому ряду суевѣрныхъ гаданій, гдѣ водѣ предоставлено главное мѣсто, подобно, такъ наз., «отчерпыванью воды» и «прощенію у воды». Въ первомъ случаѣ (напр. въ Углицкомъ у. Яр. г., близъ границы Ростов.), при болѣзни домашнихъ животныхъ, или въ виду какой-либо непріятности, окачиваютъ водою крестъ, или мѣдный образокъ, стараясь спускать эту воду на уголья, облѣпленные воскомъ и ранѣе опрыснутыя богоявленскою водою; въ то же время чи-

таютъ про себя самодѣльныя молитвы и кропятъ и поятъ тѣхъ, кто нуждается во врачебной помощи. «Прощеніе у воды» испрашивается больнымъ и обездоленнымъ. Обычай этотъ покоится на томъ убѣжденіи, что вода мститъ за нанесенныя ей оскорбленія, насылая на людей болѣзни. Поэтому, чтобы избавиться отъ такихъ болѣзней, на воду опускаютъ кусочекъ хлѣба съ низкимъ поклономъ: «пришелъ-де я къ тебѣ, матушка-вода, съ повислой да съ повинной головой — прости меня, простите и вы меня, водяные дѣды и прадѣды!»—Отступая по одному шагу назадъ, до трехъ разъ повторяютъ этотъ приговоръ съ поклономъ и, во все время заклинаній, стараются ни съ кѣмъ не разговаривать, не оборачиваться и ни одного раза, конечно, не налагать на себя крестнаго знаменія. Въ вологодскихъ краяхъ вѣрованіе въ чары воды, безъ участія церковнаго ея освященія, пріурочивается даже къ великому четвергу, когда большуха-хозяйка, почерпнувши воды изъ колодца, святитъ ее тѣмъ, что опускаетъ въ ведро «серебрушку» (непремѣнно серебряную монету) и умываетъ ею ребятъ своихъ для здоровья. Тогда же дѣвицы съ этой водой бѣгутъ на хмельникъ «до вороны» (пока эта зловѣщая птица не закаркала), умываются и молятся приговоромъ: «пусть и меня такъ же любятъ молодцы, какъ любятъ хмель добры люди.» На святкахъ повсемѣстно, при гаданьяхъ, дѣвицы смотрятъ въ воду, чтобы увидѣть суженаго-ряженаго, а ворожеи—ворога, причинившаго кому-нибудь вредъ. Колдуны на воду нашептываютъ, чтобы наслать бѣду на недруга, и вообще, рѣдкое гаданье обходится безъ того, чтобы вода не играла въ немъ существенной роли. Такъ что выработался даже цѣлый кодексъ обрядовъ, которые, не смотря на самыя неблагопріятныя географическія условія для обмѣна и

заимствованій, всетаки поражаютъ своимъ сходствомъ: сопоставленныя рядомъ въ цѣльной группѣ, они ясно свидѣтельствуютъ о существованіи всеобщей старой вѣры, и являются въ настоящее время ни чѣмъ инымъ, какъ ея обломками. На развалинахъ этой старой вѣры, разрушенной христіанствомъ, нашъ народъ и строитъ свое міросозерцаніе, причемъ одной рукой онъ держится за старую вѣру, а другой—за христіанство. Эта обычная путаница старыхъ и новыхъ понятій приводитъ къ поразительной неустойчивости народнаго міровоззрѣнія: вѣруя, напримѣръ, въ гаданія, нашъ народъ въ то же время вѣритъ, что есть несчастія, которыхъ не устранишь гаданьями. «Водѣ и огню Богъ волю далъ»—говоритъ онъ въ утѣшеніе и успокоеніе на тѣ случаи, когда нарушается въ природѣ равновѣсіе и вода, въ мѣру питавшая землю, изъ явной благотворительницы, временно превращается въ лютаго врага, наводящаго страхъ отчаянія. «Гдѣ много воды—тамъ жди бѣды», «хороши въ батракахъ огонь да вода, а не дай имъ Богъ своимъ умомъ зажить». Никакими гаданьями такихъ бѣдъ не предусмотришь, никакими заговорами не устранишь—остается одна надежда на молитву о Божьей помощи не только въ то время, когда стряслось несчастье, но, главнымъ образомъ, когда оно только что собирается, и посѣщеніе его только возможно. Впрочемъ, въ наше время, когда обмелѣли рѣки и повырублены лѣса, народъ страдаетъ не столько отъ изобилія, сколько отъ недостатка воды, и рѣдкій годъ проходитъ безъ того, чтобы въ любомъ русскомъ селѣ или деревнѣ православные не молились о ниспосланіи дождя. Выработаны даже своеобразные подготовительные пріемы для такого рода коллективныхъ молебствій.

Созвалъ староста сходку, — и не обсказывалъ зачѣмъ потревожилъ, а прямо приступилъ къ тому, чтобы порѣшили старички, сколько собирать съ каждаго двора пятаковъ на молебенъ, и когда подымать иконы. Поднялась вся деревня на ноги, какъ одинъ человѣкъ: засуетились и заспорили промежъ себя бабы, какъ принимать иконы, чѣмъ ублаготворять духовныхъ: надо печь пироги— на голодное ихъ не примешь. Запрягли мужички лошадей въ телѣги—ѣхать за виномъ да сладкой наливкой. Двое выборныхъ ушли позвать на мольбу батюшку-священника со всѣмъ причтомъ, посулили плату за общій молебенъ, да въ особину, по гривнѣ съ дома; пообѣщали прислать за духовными подводу.

Въ назначенный день поднялись ранехонько: еще и звону въ селѣ не было слышно. Натощакъ (не только никто ничего не ѣлъ, а даже воды не пилъ) отправились всѣ, конечно одѣтыми во все лучшее и чистое, отстаивать заутреню и обѣдню. Послѣ нея станутъ вынимать тѣ иконы, которыя укажетъ батюшка. Церковный фонарь принимаетъ старостинъ сынъ; большихъ херувимовъ (хоругви) берутъ молодые ребята, на очередь промежъ собою. Иконы нести охотятся всѣ бабы, а потому надо устанавливать порядокъ: наиболѣе чтимую икону понесетъ та дѣвица, которая побойчѣе всѣхъ и покрасовитѣе; остальныя иконы, по двое на каждую, принимаютъ на руки, обернутыя платками или полотенцами, другія бабы и несутъ, приложивши однимъ краемъ къ плечамъ. Никакихъ разговоровъ богоносцамъ на все это время не дозволяется, и даже сельскіе колокола мѣшаютъ тому, не переставая звонить во вся, пока крестный ходъ можно видѣть съ колокольни.

Въ деревнѣ, на площадкѣ около колодца, уже все приготовлено и мѣсто излажено: вынесенъ столъ, покрытый чистой скатертью, и поставлено на немъ блюдо подъ святую воду; подставлены чистыя скамейки подъ иконы. Учительница наладила умѣлыхъ дѣвицъ, къ нимъ пристали чернички—составился хоръ. Когда, во время водосвятнаго молебна, запѣли изъ канона: «даждь, дождь землѣ жаждущей, Спасе!.»—всѣ пали на колѣна и на лицахъ молящихся, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся гнетущая тоска отъ напряженныхъ и несбывающихся надеждъ на благодатные теплые дождички.

Съ деревенской площадки иконы несутъ въ поле «на зеленя» и, если попадается по дорогѣ родникъ или хотя бы и высохшій колодецъ, тутъ останавливаются и снова поютъ молебенъ, какъ-бы вызывая изсякшую воду на знакомое старое мѣсто. Отдѣльные, частные молебны продолжаются по особымъ приглашеніямъ въ домахъ и, когда всѣ они окончатся,—въ болѣе просторной избѣ начинается подкрѣпленіе силъ и затѣмъ полное угощеніе въ складчину до сыта и до пьяна, чтобы искреннею, отъ души, выговорилась благодарность: «за хлѣбъ-за соль, за лапшу за кашу, за милость вашу». Во всякомъ случаѣ, главная цѣль достигнута: пришли на мольбу въ благоговѣйномъ настроеніи,—разошлись успокоенными, съ надеждою на милость Божію.

III.

МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ.

Третья, по старинному счету, міровая стихія — земля почтена наивысшимъ хвалебнымъ эпитетомъ: съ незапамятныхъ временъ она называлась «матерью», и у всѣхъ народовъ, а въ томъ числѣ и у насъ, русскихъ, была возведена на степень божества. Впрочемъ, въ наши дни отъ былого почета остались лишь обезличенные признаки и потускнѣлые слѣды древняго богопочтенія, да и то въ примѣтно меньшемъ количествѣ, чѣмъ по отношенію къ огню и водѣ. Но тѣмъ не менѣе, по народному убѣжденію, и самая святость цѣлебныхъ родниковъ и колодцевъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что исходятъ они непосредственно изъ благодатныхъ и неисчерпаемо-богатыхъ нѣдръ матери-сырой земли. По всеобщему вѣрованію, самая стихія эта настолько свята и чиста, что не держитъ въ себѣ ничего нечистаго и въ особенности враждебнаго людямъ. Лихихъ недоброхотовъ, въ видѣ вѣдьмъ и колдуновъ, земля «не принимаетъ», и до сихъ поръ требуются особые обряды, чтобы прекратить выходъ изъ могилъ этого сорта покойниковъ и посѣщеніе ими живыхъ людей и завѣтныхъ мѣстъ. Даже тотъ умершій, трупъ котораго долгое время не разлагается, — по народнымъ понятіямъ, несомнѣнно былъ при жизни великимъ грѣшникомъ, потому что онъ «не изготовляется къ погребенію

въ сырой землѣ». И напротивъ, если новорожденный ребенокъ выдѣляется вѣсомъ тѣла отъ прочихъ дѣтей, то онъ не жилецъ на божьемъ свѣтѣ, его «тянетъ» къ себѣ земля. Вся нечистая дьявольская сила, отъ крестнаго знаменія и «воскресной» молитвы, проваливается не иначе, какъ «сквозь землю», не оскверняя святости земныхъ нѣдръ и т. п. *).

Связь человѣка съ землей устанавливается и священнымъ писаніемъ: «всякъ человѣкъ — земля есть, и въ землю отъидетъ». Ту же мысль выражаетъ и пословица: «сверхъ земли не положатъ даже нищаго и бездомнаго». Саженку вдоль, да полсаженки поперекъ — для каждаго полагается обязательнымъ. А затѣмъ, вся та земля, куда схоронены кровные и близкіе, называется родительскою и считается священною: она могущественна до такой степени, что горсточка ея, взятая съ семи могилъ, укрывающихъ завѣдомо добродѣтельныхъ людей, спасаетъ всѣхъ родичей, оставшихся въ живыхъ, отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Почти такой же силой обладаетъ и вообще родная земля. Вотъ что свидѣтельствуетъ на этотъ счетъ нашъ орловскій корреспондентъ:

«2-го августа 1897 года, изъ села Яковлева (Орлов. у.), отправились на переселеніе въ Томскую губернію 24 семейства и каждая семья взяла съ собой нѣсколько горстей родной земли.

— Можетъ случится, — говорилъ одинъ изъ переселенцевъ, — что на новомъ мѣстѣ мы попадемъ на такую воду, которая для питья не годится, — такъ мы положимъ въ воду нашу землю, вода и станетъ вкусной».

---

*) Здѣсь надо полагать, между прочимъ, основу самой страшной народной клятвы, передъ которой, говорятъ, отступаетъ всякое подозрѣніе: «провалиться мнѣ», «чтобъ я сквозь землю провалился» и пр.

Сверхъ того, родную землю зашиваютъ въ сумочку съ ладаномъ (наз. вообще «ладанкой») и носятъ съ шейнымъ крестикомъ, въ увѣренности, что этимъ способомъ можно избавиться отъ тоски по родинѣ. Но вѣра въ цѣлебное свойство родной земли почти повсюду исчезла, сохранившись только у тяжелыхъ на подъемъ вологжанъ и олончанъ, живущихъ въ глухихъ окраинахъ сѣверныхъ губерній. Пріѣзжая на чужбину, эти люди (особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда прибывшій намѣревается остаться здѣсь на болѣе или менѣе продолжительное время) высыпаютъ на землю горсть родного песку и, ступая по немъ, приговариваютъ: «по своей землѣ хожу». При этомъ они твердо вѣрятъ, что «если захватишь съ собой родной земли, тебѣ заздоровится, не будешь болѣть и скучать по родинѣ». Въ этихъ глухихъ мѣстахъ увѣренность въ силѣ родной земли настолько велика, что къ подобнаго рода пріемамъ прибѣгаютъ даже богомольцы, отправляющіеся къ кіевскимъ или соловецкимъ угодникамъ: доведется помереть—товарка не откажетъ закрыть глаза и посыпать на нихъ «родимой землицы». У матерей нѣтъ большого горя, какъ извѣстіе, что ихъ сыновья, умершіе на чужбинѣ, не запаслись родной землицей и похоронены безъ нея *). У такихъ людей до сихъ поръ нѣтъ божбы страшнѣе заклятія: «не видать мнѣ сырой земли», и вѣрнѣе врачебнаго средства—какъ «прощанье» съ землей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ случилась какая-нибудь бѣда или внезапная болѣзнь, напр., въ родѣ болѣзненнаго припадка отъ невѣдомой причины, извѣстнаго подъ неопредѣленнымъ названіемъ «притки». На то мѣсто, гдѣ притекла притка

*) Указанъ даже и составъ земли, зашиваемой въ ладанку: берутъ щепоть изъ-подъ печки, прибавляютъ такую-же съ разстаней дорогъ и изъ-подъ приворотной вереи.

ходятъ «прощаться» на девяти вечернихъ и девяти утреннихъ зоряхъ. Становятся лицемъ на востокъ и говорятъ заклятіе, причемъ, такъ какъ «притка» является наказаніемъ за какую-нибудь вину, то и самое заклятье носитъ характеръ извиненія: «прости, мать-сыра земля, въ чемъ я тебѣ досадилъ!» Послѣ каждаго причета, дуютъ и плюютъ черезъ правое плечо и кланяются въ землю. Но плюютъ только «примѣрно», такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «прощаются», плевать на землю вообще считается большимъ грѣхомъ. Если попритчится скотинѣ, то хозяева сами «прощаются» за хворое животное на повѣти или сѣновалѣ, такъ какъ твердо вѣрятъ, что власть родной земли распространяется и на животныхъ. Въ иныхъ мѣстахъ эта вѣра заходитъ такъ далеко, что создались даже своеобразные обряды. Такъ, въ Ветлугѣ (Костр. г.), если покупаютъ скотину въ другомъ селѣ и желаютъ, чтобы она не тосковала по своему стаду, то среди поля оборачиваютъ ее головой въ ту сторону, гдѣ она куплена; затѣмъ берутъ изъ подъ передней лѣвой ноги ея комокъ земли и натираютъ морду, а другой комокъ завязываютъ подъ яслями, думая, что ни корова, ни лошадь не уйдутъ уже дальше того мѣста, откуда взята земля. Саратовцы (Хвалынск. у.) подобнымъ же способомъ, при переходѣ въ новую избу, переманиваютъ стараго домового: изъ-подъ печки старой избы они насыпаютъ въ лапоть горсть земли и высыпаютъ ее подъ печку новой.

Особенное отношеніе нашего народа къ матери-сырой землѣ выражается, между прочимъ, въ такъ называемыхъ земныхъ поклонахъ. Въ старину русскіе люди, при встрѣчѣ съ наиболѣе уважаемыми лицами, кланялись до самой земли, касаясь до нея лбомъ, или, взамѣнъ того, ударяя о земь шапкой. Эта форма, приличная теперь лишь людямъ

низкопоклоннымъ, не уважающимъ себя, была обычна въ старой Руси, какъ законное установленіе, и перестала дѣйствовать лишь въ недавнія времена во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ народа. Но все-таки, по отношенію не къ лицу властному, а къ самой матери-сырой землѣ, этотъ обычай упрямо отстаивается во многихъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., весной (въ Орлов. г. и уѣз.) при ударѣ перваго грома, всѣ бабы перекрестившись, кланяются въ землю и цѣлуютъ ее. Въ тѣхъ же мѣстахъ сынъ, дерзнувшій оскорбить на міру родную мать или отца, обязательно цѣлуетъ землю послѣ того, какъ произнесетъ клятву, смотря на небо и перекрестясь троекратно. Точно также заподозрѣнный въ какомъ-либо мірскомъ несчастіи, вродѣ поджога, кражи и т. п., цѣлованіемъ земли вполнѣ удовлетворяетъ и успокаиваетъ своихъ односельцевъ. Самое же важное значеніе земли изстари признавалось въ межевыхъ спорахъ при раздѣлѣ земельныхъ участковъ. Межевые знаки, до изобрѣтенія мензулъ и астролябій, были не точны по той причинѣ, что намѣчались по живымъ урочищамъ, подвергающимся, подъ вліяніемъ стихій, всевозможнымъ измѣненіямъ. Пограничные споры сосѣднихъ владѣльцевъ были безконечны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не оказывалось на лицо письменныхъ записей: дожди смывали послѣдніе признаки граней, а старческая память старожиловъ была ненадежна. Но такъ какъ неудобства черезполосицы все-таки требовали рѣшительнаго отвѣта въ ту или другую сторону, то кое-гдѣ, въ глухихъ мѣстахъ, были придуманы особые пріемы для полюбовныхъ размежеваній. Такъ, въ Олонецкой губ., Каргопольск. у., на нашей памяти, еще соблюдался обычай класть на голову вырѣзанный изъ спорной земли кусокъ дерна. Съ нимъ доказывающій свое или чужое право на землю шелъ по

той межѣ, которую признавалъ правильною, законною. При генеральномъ межеваніи 1744 г. этотъ обычай примѣнялся въ смыслѣ безспорнаго и вполнѣ законнаго доказательства. Напр., въ Ярослав. губ. старшій чинъ, завѣдывавшій этимъ дѣломъ, приглашалъ, по общему приговору, того старика, который признавался наиболѣе знающимъ и памятливымъ, вырѣзалъ изъ земли дерновый крестъ и клалъ его на голову свидѣтеля. Этотъ пріемъ кое-гдѣ сохранился и до нашихъ дней, а лѣтъ 40—50 тому назадъ онъ практиковался весьма широко. Такъ, напр., въ Пошехонскомъ у., при надѣлѣ крестьянъ помѣщиками, по объявленіи указа объ уничтоженіи крѣпостнаго права, нѣкоторыя общества не позволили передѣлывать своихъ полосъ на томъ основаніи, что ихъ отцы, либо дѣды обходили эту полосу съ землей на головѣ. Изъ Череповецкаго уѣзда сообщаютъ, что въ земельныхъ спорахъ, въ видѣ клятвы, и теперь берутъ землю въ ротъ, кладутъ на голову, на спину, за пазуху. Въ знаменитой кустарнымъ желѣзнымъ производствомъ—Уломѣ, произошелъ въ 1896 г. такой случай: спорили о межѣ на покосѣ два крестьянина двухъ сосѣднихъ деревень (Чаева и Миндюкина) одной волости (Колоденской). Настоящей межи никто не помнитъ, землемѣра взять негдѣ: какъ быть? Долго галдѣли, переругиваясь, и вдругъ всѣ смолкли, когда одинъ чаевскій старикъ взялъ «кочку» земли и со словами: «пущай эта земля задавитъ меня, если я пойду неладно»—пошелъ по «воображаемой» межѣ такимъ твердымъ и увѣреннымъ шагомъ, что съ того времени стала та межа фактическою, безспорною. Подобный же споръ былъ рѣшенъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, между крестьянами той же уломской волости, деревни Коротова и крестьянами деревни Карпова, Дмитріевской волости. Такъ

какъ пословица не даромъ говоритъ, что «межи да грани—ссоры да брани», то, чтобы уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить эти ссоры, въ старину, когда дѣлали пропашкой межевую борозду, всегда сгоняли сюда ребятишекъ, клали на эти грани и сѣкли съ наказомъ и приговоромъ, чтобы каждый помнилъ отцовскій участокъ. Такъ, между прочимъ, бывало и у казаковъ на Дону, такъ водилось и въ новгородчинѣ, гдѣ часто слышалось выраженіе: «ты меня не учи, ты мнѣ не разсказывай: я на межевой ямѣ сѣченъ». Теперь, когда на межахъ перестали сѣчь, но все еще рѣшаютъ межевые споры божбой и клятвами, вмѣсто дерна, кладутъ на голову святую икону. Въ одномъ случаѣ (въ Яросл. г.) около Ростова спорщики удовлетворились, когда одинъ изъ присутствующихъ, довольно ветхій старикъ, вспомнилъ и сообщилъ о томъ, что ему привелось быть свидѣтелемъ, какъ дѣдъ нынѣшняго владѣльца обходилъ этотъ самый клинъ земли съ большимъ кускомъ вырѣзаннаго изъ нея дерна, положеннаго на голову.

Глотанье сырой земли суевѣрными людьми точно также не ушло еще въ область преданія: вѣсти объ этомъ обычаѣ доходятъ изъ разныхъ мѣстностей. Такъ, напримѣръ, орловскій корреспондентъ сообщаетъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды подъ г. Орломъ, черезъ оврагъ, удобный для нападеній лихихъ людей на задремавшихъ или оплошавшихъ проѣзжихъ, темною ночью, возвращался домой крестьянинъ Талызенковъ. Какъ изъ земли, выросли передъ нимъ три человѣка съ дубинами. Подбѣжали къ нему, схватили лошадей подъ уздцы—остановили.

— Стой,—говорятъ:—подавай деньги!

— У меня, братцы, денегъ нѣтъ: въ городѣ всѣ потратилъ.

По голосу грабители узнали своего односельца—сосѣда по избамъ, узналъ и онъ старыхъ пріятелей.

У грабителей и руки опустились. Одинъ изъ нихъ спохватился и говоритъ:

— Что же намъ теперь, Алексѣй Осипычъ, дѣлать? Куда намъ себя опредѣлить? Насъ три души живыхъ — твоя одна. Пустить тебя цѣлымъ—ты скажешь про насъ: тогда живымъ намъ не быть.

Талызенковъ былъ мужикъ торговый, денежный, цѣну себѣ ставилъ высокую. Собрался онъ съ духомъ и отвѣчаетъ:

— Не скажу я про васъ никому. Умретъ это дѣло на этомъ самомъ мѣстѣ. Чѣмъ хотите, тѣмъ и поклянусь.

— Съѣшь, говорятъ, комокъ земли, тогда повѣримъ.

Онъ съѣлъ, и его отпустили. И только послѣ смерти всѣхъ трехъ мужиковъ, разсказалъ Талызениковъ объ этомъ случаѣ своему сосѣду Афанасію Чувакину.

— Отчего же, — спрашивалъ разсказчика нашъ корреспондентъ,—ты раньше не разсказалъ объ этомъ?

— Боялся, что убьютъ, да и нельзя разсказывать, коли съѣлъ земли.

— Почему нельзя?

— Да ужъ нельзя! Нельзя потому, что можно большое несчастье произнесть (т. е. перенесть).

Крестьянка деревни Пушкина (въ той же Орловск. губ.) разсказала, какъ одного непокорнаго сына мать выгнала изъ своего дома, и какъ онъ, поступивши съ женой на барскій дворъ, повелъ такую тяжелую и скорбную жизнь, что стало ему не въ терпежъ и довело до раскаянія. Сталъ этотъ сынъ (Григорій Сухоруковъ) просить старосту заступиться за него у матери.

Приходитъ Любава (мать) на барской дворъ, проситъ непокорный сынъ у нея прощенья: кланяется и божится. Мать не сдается, не вѣритъ ему и говоритъ:

— Если хочешь, чтобы я тебѣ простила, съѣшь вотъ этакую глыбину земли.

— Ты меня, мать, подавишь.

— Коли не съѣшь, меня, значитъ, не почтишь, и я не прощу, а коли съѣшь—иди опять жить домой.

Григорій послушался, съѣлъ и сталъ послѣ того жить такъ, что никому лучше того не придумать.

Оба случая произошли, по свидѣтельству разсказчиковъ, не дальше 20—25 лѣтъ тому назадъ. А вотъ свѣжія, почти вчерашнія указанія на тотъ же пріемъ клятвы, основанной на мотивахъ совершенно иного характера. Въ «Недѣлѣ» было сдѣлано указаніе на распространяющійся, въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ., гражданскій бракъ среди крестьянъ. Мотивы этого брака вызваны экономическими и юридическими особенностями быта, а самый бракъ сопровождается тѣмъ же древнѣйшимъ обрядомъ богопочитанія матери-сырой земли. Пока дѣвица живетъ въ семьѣ съ отцомъ, она покойна за его спиной, будучи обезпечена отцовскимъ надѣломъ. Но послѣ смерти его, надѣлъ числится за нею только до ея замужества, а затѣмъ, по мѣстному обычному праву, отходитъ въ общее мірское пользованіе. И вотъ, чтобы избѣжать бѣды, дѣвицы и выдумали внѣбрачное сожительство. Гражданскій бракъ заключается съ нѣкоторою торжественностью: родственники сговариваются, берутъ икону, зажигаютъ передъ ней свѣчи, передъ которыми женихъ и невѣста, разодѣтые по свадебному, «кусаютъ землю», т. е. берутъ пястку земли и глотаютъ ее въ знакъ любви и вѣрности

до гроба. Обходя церковный бракъ изъ-за земельныхъ выгодъ, молодые, конечно, не думаютъ въ это время о томъ, что будущія дѣти ихъ зачтутся незаконнорожденными и правъ на дѣдушкинъ надѣлъ не будутъ имѣть никакихъ.

Особенность народныхъ воззрѣній на мать-сыру землю дала основаніе чародѣямъ и здѣсь воспользоваться, для своихъ недобрыхъ цѣлей, тайными, могучими свойствами этой стихіи. Примѣненіе земли въ чарахъ чрезвычайно разнообразно. Взять хотя бы всѣмъ извѣстное «выниманіе слѣда», состоящее въ томъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоялъ обреченный человѣкъ, вырѣзаютъ ножемъ часть дерна или изъ-подъ ступни его соскабливаютъ полъ и надъ этими слѣдами колдуютъ.

Впрочемъ, чародѣйственной силой земли пользуются не только колдуны, но и обыкновенные люди, прибѣгающіе, въ случаѣ бѣды, къ заступничеству и покровительству своей «кормилицы». Это видно, между прочимъ, изъ обычая опахивать деревни. Обычай опахиванья является уже своего рода священнодѣйствіемъ со всею тою мистическою обстановкою, которая, вообще, приличествуетъ всякому древнему обряду, и которая разсчитана на то, чтобы самый обрядъ сдѣлать внушительнымъ и страшнымъ. Толпа женщинъ съ распущенными волосами, въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ, въ глухомъ сумракѣ ночи, возбужденная всей внѣшней обстановкой и условными околичностями обрядоваго чина, становится опасной для всякаго случайнаго свидѣтеля этого религіознаго «дѣйства». Совершеніе его преимущественно предоставляется женщинамъ того селенія, которому угрожаетъ заносъ чумы на скотъ, тифа на людей и т. п., и которое необходимо оградить со всѣхъ сторонъ таинственнымъ, заколдован-

нымъ поясомъ земли, вырѣзаннымъ сохою, въ ширину сошника и глубиной не менѣе трехъ вершковъ.

Починъ самого обряда всюду предоставленъ старухамъ, крѣпче вѣрующимъ и болѣе освѣдомленнымъ въ порядкѣ совершенія чина «опахиванья». Онѣ и выбираютъ подходящую полночь, и оповѣщаютъ женское населеніе шепоткомъ, чтобы не знали и не слыхали мужчины. Для того, чтобы таинственная цѣль была достигнута, считается необходимымъ участіе въ обрядѣ, по малой мѣрѣ, девяти дѣвокъ и трехъ вдовъ (какъ и высказывается это въ обрядовыхъ припѣвахъ). Оповѣщенныя старухами съ вечера, всѣ дѣвицы и бабы прокрадываются за околицу и, выйдя въ поле, снимаютъ съ себя одежду до рубахи, причемъ иныя повязываютъ голову бѣлыми платками, а дѣвицы развязываютъ косы и распускаютъ волоса на подобіе русалокъ. На одну вдову, по общему выбору и приговору, надѣваютъ тайкомъ унесенный хомутъ и впрягаютъ ее въ оглобли (обжи) сохи, также припрятанной заранѣе. Другая вдова берется за рукоятку, и обѣ начинаютъ косымъ лемехомъ разрывать и бороздить землю, намѣчая тотъ «продухъ», изъ котораго предполагается подъемъ и выходъ земляной силы, невидимой, непонятной, но цѣлебной и устрашающей самую смерть *). А въ это же

*) Въ обжи впрягаютъ непремѣнно беременную, правитъ ею старая дѣва, какъ отличная по поведенію; прочія бабы помогаютъ тащить соху, а вдовы въ прорѣзанную борозду сѣютъ песокъ. Подслушанъ при этомъ такой приговоръ: «когда нашъ песокъ взойдетъ, тогда къ намъ смерть придетъ». Въ такой обстановкѣ обрядъ этотъ извѣстенъ Далю. Въ Бюро присланы свѣдѣнія изъ Нижне-Ломовскаго уѣзда (Пенз. г.), изъ которыхъ видно участье въ процессіи парней: впереди старухи, сзади дѣвицы, соху въ серединѣ волокутъ ребята. Въ Новгородской губ. въ соху запрягаютъ молодую телку, двѣ дѣвушки ведутъ ее за рога, двѣ погоняютъ, одна держитъ соху, двое ей помогаютъ. Чѣмъ позднѣе узнаютъ объ этой продѣлкѣ въ деревнѣ, тѣмъ вѣрнѣе

время всѣ остальныя дѣвицы и вдовы (замужнія не всегда допускаются, какъ не подходящія, нечистыя) идутъ за сохой съ кольями и палками, со сковородами, заслонками и чугунами. У девяти дѣвицъ девять косъ, въ которыя онѣ и производятъ безпрерывный звонъ. Звонятъ, кричатъ и поютъ съ неистовымъ рвеніемъ, которое прямо указываетъ на главную цѣль—запугать и прогнать смерть. Ей и грозятъ въ обрядовыхъ пѣсняхъ и причетахъ: «смерть, выйди вонъ, выйди съ нашего села, изо всякаго двора! Мы идемъ, девять дѣвокъ, три вдовы. Мы огнемъ тебя сожжемъ, кочергой загребемъ, помеломъ заметемъ, чтобы ты, смерть, не ходила, людей не морила. Устрашись — посмотри: гдѣ же это видано, что дѣвушки косятъ, а вдовушки пашутъ?» *). Обойдя околицу по огородамъ и гуменникамъ, вся эта женская ватага, врывается въ улицу, настолько уже взволнованная, съ такимъ подъемомъ нервнаго настроенія, что ничего не замѣчаетъ по сторонамъ, и ничего не хочетъ видѣть, кромѣ спасительной сохи. Все, что попутно обратитъ на себя общее вниманіе, вродѣ, напр., выскочившей изъ подворотни собаки, спрыгнувшей съ подоконника кошки — все принимается за несомнѣннаго оборотня, въ котораго перевернулась эта самая злодѣйка, «скотья смерть», черная чума, огневая горячка. Съ гамомъ и ревомъ бросается вся, сопровождающая соху,

---

успѣхъ самой затѣи. Къ ней въ иныхъ мѣстахъ (какъ во Владимірской губ., Судог. у.) стали примѣшивать нѣчто церковное, православное: такъ, напримѣръ, самая старшая, идя впереди всѣхъ прочихъ, несетъ въ рукахъ икону Богоматери или св. Власія; сопровождающія поютъ: «Да воскреснетъ Богъ», на перекресткахъ проводятъ сохой крестъ и въ копаныхъ ямахъ кладутъ церковный ладанъ, и т. д.

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Орловской губ., обрядъ этотъ такъ и называется «гонять смерть».

свита на этихъ собакъ и кошекъ и бьетъ ихъ на смерть. Разбуженные мужики выглянутъ осторожно изъ окошка да и спрячутся за косякъ, чтобы не примѣтили бабы: потому что послѣднія не задумаются напасть на встрѣчнаго мужчину, признавая и въ немъ необлыжняго оборотня. Притомъ же, мужчина самымъ появленіемъ своимъ оскверняетъ священнодѣйствіе и, стало быть, мѣшаетъ благополучному завершенію таинства. Въ деревнѣ Юшиной (Орлов. уѣз. и губ.) задумали бабы опахиваться. Узнали про это парни изъ сосѣдней деревни и рѣшили пошутить: съ вечера забрались въ сосѣднія ракиты и въ нихъ притаились. Но когда процессія подошла къ тому мѣсту, шутники заревѣли медвѣжьими голосами. Однако, женщины не испугались, онѣ сбились въ одну кучу и всѣ, какъ одна, начали швырять въ засѣвшихъ парней камнями, палками. Видя же, что это не беретъ, онѣ натаскали затѣмъ къ дереву, на которомъ засѣли ребята, охапки соломы и подожгли. Шутники, какъ майскіе жуки, свалились на землю и начали сказываться своими именами, но женщины, не только не повѣрили имъ, но пришли уже въ полное остервенѣніе. Съ тѣми же криками: «бейте коровью смертъ» онѣ продолжали бросать грязь и каменья, пока не устали и пока шалуны-парни не были избиты въ кровь.

Сохраняя такой внушительный, устрашающій характеръ, обрядъ опахиванья дожилъ до нашихъ дней, вѣроятно, по той причинѣ, что въ распоряженіи крестьянъ не имѣется иныхъ предупредительныхъ мѣръ противъ занесенія эпидемическихъ болѣзней. Притомъ же, этотъ обрядъ, перешедшій къ намъ отъ темныхъ временъ глубокой старины, считается надежнымъ уже по той причинѣ, что распространенъ повсюду, и притомъ нерѣдко выполняется

съ участіемъ христіанскихъ святынь, которыя какъ бы закрѣпляютъ обычай и узаконяютъ пріемы *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обрядъ изъ временнаго, вызываемаго первыми признаками надвигающейся бѣды, становится обязательнымъ и совершается ежегодно въ условное время. Напримѣръ, въ Калужск. губ. каждый годъ, подъ праздникъ Преполовенія, собирается ночью огромная ватага дѣвицъ, сопровождаемыхъ парнями, изъ которыхъ одинъ, самый молодой и пригожій, правитъ сохою. запряженною нѣсколькими парами дѣвушекъ. Впереди этого шествія (разсчитаннаго на то, чтобы избавить деревню не отъ одного мора, но и отъ всякаго рода напастей), идетъ вдова и несетъ икону. И опять бѣда тому, кто попадется на встрѣчу этому ночному шествію. Въ Болховскомъ уѣздѣ (Орлов. г.) «гоняютъ смерть» обычно послѣ Петрова дня и объ избранной ночи извѣщаютъ мужчинъ, требуя ихъ согласія и невмѣшательства. Къ принадлежностямъ обряда присоединяются также икона (на этотъ разъ Богоматери), восковая свѣча и дегтярница съ помазкомъ: дегтемъ намѣчаютъ крестъ на каждыхъ воротахъ и такой же крестъ честная вдова вырѣзаетъ сохою на бугрѣ за деревней. На этомъ мѣстѣ раскладывается затѣмъ костеръ, и всѣ женщины прыгаютъ черезъ него для завершенія обряда. Дегтемъ мажутъ также и тѣхъ, кто нечаянно встрѣтится на пути. Въ другихъ деревняхъ носятъ образъ св. мученика Власія, признаваемаго по всей св. Руси покровителемъ

*) Такъ, изъ Пенз. г. (Инсар. уѣз.) доходятъ слухи, что чернички (полумонашенки) въ самую полночь уходятъ на дальній родникъ и тамъ совершаютъ освященіе воды, подражая до мельчайшихъ подробностей священникамъ. Затѣмъ все-таки впрягаются въ соху, на концахъ которой укрѣпляютъ восковыя свѣчи и таковыя же держатъ въ рукахъ, когда съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ начинаютъ опахивать деревню.

домашняго скота, и къ свѣчамъ прибавляютъ еще ладанъ *). Въ деревняхъ Нижнеломовскаго у., Пенз. г., во главѣ подобнаго шествія видѣли старухъ съ иконами Спасителя, Успенія Богоматери и мѣднаго Распятія на груди, и слышали, вмѣсто стиховъ заклятія, пѣніе молитвъ Богородичной и Господней. Въ этомъ случаѣ въ обрядѣ «опахиванья» принимали участіе всѣ жители деревни, безъ различія возраста и пола. Ко внѣшней церковной окраскѣ прибавляется еще суевѣрное требованіе, чтобы, расходясь по домамъ, не оглядываться ни на зовъ, ни на вой, ни на угрозы, если не хочешь, чтобы не осталась шея искривленною, и нечистая сила не сгладила ту черту, которую провела соха вокругъ деревни.

Въ ночь на 1-е іюня 1897 г., восемнадцать крестьянокъ деревни Полонской, Весьегонскаго уѣзда (Тверск. г.) чтобы не допустить занесенія въ свою деревню сыпнаго тифа, валившаго людей въ сосѣдней волости, «опахали» свою деревню: одна изъ женщинъ шла впереди съ иконою въ рукахъ, за нею слѣдовала другая верхомъ на помелѣ, потомъ третья съ кочергой и черепомъ какого-то животнаго. За этимъ авангардомъ шествовали двѣ бабы, запряженныя въ соху, которою управляла третья баба, и, наконецъ, всѣ остальныя, гурьбой, съ шумомъ, криками и бранью замыкали процессію. (За нарушеніе тишины и порядка всѣ участницы этой процессіи были

*) Въ Судогодскомъ уѣз. Влад. г. опахиванье предпочитаютъ производить подъ Духовъ день, а въ иныхъ мѣстахъ въ ночь на 24 іюня, причемъ поютъ: «Да воскреснетъ Богъ», проводятъ сохой крестъ на всѣхъ перекресткахъ селенія, въ копаныя ямы закладываютъ ладанъ и т. п. Опахиванье производится не всегда всѣмъ селеніемъ, но и своей семьей, причемъ хозяинъ опахиваетъ свой дворъ на женѣ, запряженной въ соху и т. п.

привлечены къ уголовной отвѣтственности по 38 статьѣ Устава о наказ., налаг. мир. судьями).

Хотя, такимъ образомъ, уголовный судъ и рѣшился выступить на помощь усиліямъ духовенства и, въ замѣну церковныхъ назиданій, прибѣгъ къ законной карѣ, тѣмъ не менѣе, вѣра въ мать-сыру землю все-таки сохраняется незыблемо. Даже и тамъ, гдѣ, повидимому, Христово ученіе успѣло уже войти въ плоть и кровь, стоитъ снять съ языческихъ обрядовъ наложенныя, тонкимъ слоемъ, христіанскія краски, чтобы обнаружились черты древнихъ языческихъ вѣрованій.

Въ Духовъ день (въ Сольвычегодск. уѣз., Волог. г. и по Вяткѣ), въ день Успенія Богоматери (въ Тихвинскомъ у., Нов. губ.), на Симона Зилота—10 мая (безъ различія мѣстностей), по православнымъ деревнямъ обязательно служатся всенародные молебны. Народъ собирается къ часовнямъ, толпится на площадкахъ и окропляется святою водою не потому, что въ эти дни совершаются молебствія по случаю избавленія отъ бѣдъ, а потому что въ эти дни мать-сыра земля бываетъ—именинница*). Хотя праздникъ имениннаго чествованія земли существуетъ

*) На Духовъ день, по объясненію, доставленному изъ Вятск. губ., земля потому именинница, что въ этотъ день она сотворена: когда Господь составлялъ землю, злые духи сказали ему: «мы не будемъ тебѣ помогать». А начальникъ ихъ укралъ клочекъ земли и положилъ себѣ за щеку. Здѣсь у него земля начала рости быстро. Отъ боли во рту онъ началъ бѣгать и разбрасывать землю по сторонамъ; гдѣ упало много—встали горы, а гдѣ мало—обозначились бугры и холмы. Когда происходила на небѣ война и архангелъ столкнулъ дьявола на землю, чтобы онъ сквозь нее провалился, сверженный на лету изрылъ землю своими рогами такъ, что по ней подѣлались лога и овраги. Въ указанныхъ выше мѣстахъ считается также грѣхомъ безпокоить именинницу и крестьяне, нисколько не стыдясь и вовсе не скрываясь, припадаютъ на колѣна и по нѣскольку разъ цѣлуютъ землю.

далеко не повсемѣстно, но въ то же время, на всей Руси великой, крестьяне строго придерживаются правила, чтобы въ эти дни никто не смѣлъ ни копать, ни рыть ямъ, ни пахать полей. Дѣлается это для того, чтобы не обидѣть кормилицу-землю, и чтобы не осерчала она, и безъ того своенравная и капризная, тугая на подъемъ и скупая на милости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашихъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерній уваженіе къ кормилицѣ-землѣ (здѣсь очень суровой и неласковой) сопровождается даже нѣкоторымъ заискиваніемъ: въ Успеньевъ день, въ теплую погоду, считается большимъ грѣхомъ ходить босикомъ. За соблюденіемъ такого обычая слѣдятъ очень внимательно, не позволя малымъ ребятамъ ходить разувши.

Умилостивленіе земли и способы испрошенія ея милостей и щедротъ настолько многочисленны и разнообразны, что въ средѣ опытныхъ хозяевъ существуетъ на этотъ счетъ цѣлая наука. Попробуемъ взять изъ этихъ способовъ только тѣ, гдѣ подъ новыми наслоеніями всего замѣтнѣе сохранились слѣды сѣдой старины.

Поставленъ въ полѣ столъ, покрытый чистой скатертью. На немъ серебрится на солнышкѣ водосвятная чаша, желтѣютъ свѣчки и сѣрѣетъ большая коврига печенаго хлѣба. Передъ столомъ, полукругомъ, стоятъ бородачи съ иконами въ рукахъ, закрытыми полотенцами. Противъ нихъ помѣстился священникъ съ причтомъ, а за ними и весь этотъ народъ, отъ чрева матери обреченный въ потѣ лица своего снести хлѣбъ свой. Молебенъ отпѣли: толпа зашевелилась и загудѣла, какъ пчелиный рой. Подали священнику сѣвалку—лукошко съ веревочкой, чтобы ловко было перекинуть ее черезъ плечо—беретъ онъ изъ нея горсть сборной ржи отъ каждаго двора и ловко, привычной рукой, разметываетъ зерна по пашнѣ. Затѣмъ идетъ

онъ краемъ поля, поперекъ всѣхъ загоновъ и кропитъ всѣ полосы святой водой. И чью полосу окропляетъ, тотъ хозяинъ крестится, а иной еще, сверхъ того, шепчетъ про себя, какую знаетъ, молитву. Иконы относятъ въ церковь; попа съ дьячкомъ зовутъ въ избу и предлагаютъ посильное угощеніе, въ полную сыть.

Кромѣ священника, крестьяне еще чаще поручаютъ дѣлать засѣвъ какому-нибудь ветхому, преклонному старику, который самъ и указываетъ, въ какой день начинать засѣвъ. Такой старикъ считается первымъ человѣкомъ на селѣ. Рука у него легкая, удачливая, а съ легкой руки—если не куль муки, то во всякомъ случаѣ—починъ дорогъ. Этихъ стариковъ обыкновенно стаскиваютъ съ печи, чтобы они шли священнодѣйствовать. У иного голова на плечахъ не держится, руками онъ не владѣетъ, зерна въ горсть съ трудомъ загребаетъ и зря разсыпаетъ. Его выведутъ на зеленя подъ руки, пособятъ и рукой потрясти. Онъ же, зная свое дѣло и ожидая, что его позовутъ, успѣлъ уже съ вечера сходить въ баню и надѣть чистое бѣлье, а днемъ засѣва (обходя тяжелые дни среду и пятницу) назначилъ Благовѣщенье *). Выходитъ онъ сѣять натощакъ, а разбрасывая по полосамъ зерна, шепчетъ молитву: «зароди на всѣ души грѣшныя, на всякаго проходящаго и заходящаго, на калѣкъ и нищихъ, на братію имущую и неимущую», и пр.

*) По мнѣнію вологжанъ, легкіе дни — понедѣльники и вторники, а среда и тотъ день, въ который случилось Благовѣщенье, тяжелые. Къ слову, о легкихъ и несчастныхъ дняхъ: изъ Порхов. у. Пск. г. присланъ перечень этихъ дней, которые строго соблюдаются, и въ которые крестьяне не работаютъ и даже не дѣлаютъ шагу изъ дому: въ январѣ 2 и 23, февралѣ 2 и 20, мартѣ 4, 7 и 21, въ апрѣлѣ 3 и 20, въ маѣ 2 и 26, въ іюнѣ 9 и 23, іюлѣ 3 и 20, въ августѣ 4 и 6, въ сентябрѣ 4 и 26, въ октябрѣ 6 и 21, въ ноябрѣ 3 и 25 и въ декабрѣ 4 и 20. Въ эти дни зарождаются всѣ недобрые люди и колдуны.

Это—тотъ же почетный старецъ Бѣлой Руси, который, въ первый день Рождества (на «Калядахъ») въ черной рубахѣ, садится на печной столбъ, гадаетъ объ урожаѣ и говоритъ затверженныя непонятныя слова, которыя въ наши дни надо переводить на живую рѣчь и толковать. Такъ, напр., онъ кличетъ: «иди, морозъ, кутью ѣсть на чугунную борону съ желѣзнымъ кнутомъ», т. е. если придешь, то было бы что положить на сковороду (чугунную борону), было бы что вынуть сковородникомъ (желѣзнымъ кнутомъ) изъ печи и поставить на столъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (даже подъ самымъ г. Орломъ) когда выходитъ засѣвальщикъ въ поле, то, снявши шапку, молится на востокъ: «батюшка Илья, благослови сѣмена въ землю бросать. Ты напой мать-сыру землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мнѣ болшимъ колосомъ».

Или кличутъ такъ: «Кузьма-Демьянъ—матушка полевая заступница, иди къ намъ, помоги намъ работать!»

При посѣвахъ всякихъ сортовъ хлѣба, великую роль играетъ, такъ называемая, «благовѣщенская» просфора, которую крестьяне или получаютъ кусочкомъ изъ рукъ священника при раздачѣ въ концѣ обѣдни антидора, или сами подаютъ за евхаристіей, чтобы вынули части за здравіе живущихъ и за упокой умершихъ. Просфору эту или кладутъ въ сусѣки, чтобы увеличить силу плодородія зеренъ, или на дно лукошка-сѣвалки и въ мѣшки съ зерномъ. По окончаніи же сѣва, просфору дѣлятъ между семейными и съѣдаютъ. На вопросъ священника о значеніи этого обычая, подмосковные крестьяне отвѣчали, что такъ-де поступали и завѣщали дѣлать отцы и дѣды. Самый же обычай этотъ укоренился до такой степени, что, напр., подъ Орломъ просфоры пекутъ дома, разной

величины, отъ обыкновенной до полуфунтовой; по формѣ онѣ схожи съ церковными, но лишь съ оттискомъ на верхней половинкѣ обыкновеннаго шейнаго креста. Въ Тамбовской губ. стараются напечь просфоръ столько, чтобы на каждаго члена семьи пришлось по одной. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Боровичахъ) значеніе благовѣщенской просфоры отчасти оспаривается силою и дѣйствіемъ хлѣбца-«крестовика», какіе обычно пекутъ во всей Православной Россіи, на средокрестной (четвертой) недѣлѣ великаго поста. Печенье этихъ «крестовиковъ» связывается, обыкновенно, съ суевѣрными гаданьями о томъ, кому доведется въ тотъ годъ сѣять, и какіе сорта хлѣба. Счастье выпадаетъ тому, кому достается крестовикъ съ запеченными въ немъ замѣтками: однѣ для мужчинъ, другія для женщинъ. Если хлѣбецъ достанется ребенку, то, по обычаю, напр., крестьянъ Ковровскаго уѣз. (Влад. г.), ребенка ведутъ или несутъ въ поле, и даютъ ему взять горсть сѣмянъ (если же ребенокъ грудной, то за него разрѣшается исполнить святую обязанность матери).

Слѣдомъ за окончаніемъ сѣва, начинается самое мучительное въ трудовой деревенской жизни время, когда, по мелкимъ и случайнымъ признакамъ настоящаго, доводится судить о темномъ будущемъ. До сихъ поръ съ ранней осени, съ посѣва озимей, прибѣгали къ гаданьямъ, вопрошая небо, насколько оно будетъ милостиво къ землѣ-кормилицѣ; въ какую силу-мѣру станетъ отвѣчать ея насущнымъ нуждамъ и помогать ея силамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ окажутся утомленными или истощенными. По завѣтамъ древнѣйшихъ предковъ, въ зимнюю пору, то прибѣгаютъ къ церковнымъ молитвамъ, то къ суевѣрнымъ заговорамъ и разнообразнымъ причетамъ,

служатъ и молебны въ церквахъ и домахъ, и втихомолку задабриваютъ ласковымъ словомъ и обѣтными приносами того нечистаго, который зовется «полевикомъ». Гадаютъ объ урожаяхъ отдѣльно для всякаго хлѣбнаго злака, а попутно и на огородныя овощи, причемъ соблюдаются урочные для каждаго изъ нихъ сроки, намѣченные еще въ старину: и на христіанскіе праздники изъ двунадесятыхъ, и на простые дни, не чествуемые св. церковью, но избранные всенароднымъ почитаніемъ. Доискиваются прямыхъ указаній—по блеску звѣздъ на Параскеву-пятницу, на день Рождества Христова, на Якова-апостола и на послѣдніе сутки масляницы,—и по облакамъ, и по ущербамъ луны, и по солнцу. Принимается въ разсчетъ и то, насколько космата изморозь на деревьяхъ и сколь силенъ иней, великъ морозъ, ясны утренники, черны тропинки и прохожія дороги. Какой день на масляной недѣлѣ выдался яснымъ, тотъ день стараются запомнить, чтобы въ соименный ему начать сѣять. Въ родительскую субботу всѣ спѣшатъ вывозить навозъ на поля; на Вербной недѣлѣ, въ Новгородской губ., для урожая желаютъ мороза; въ Ярославской въ то же время молятъ объ ясныхъ дняхъ. На Вознесеньевъ день въ иныхъ мѣстахъ въ полѣ не работаютъ, въ другихъ стараются запахать пашню, въ прямомъ разсчетѣ умилостивить кормилицу-землю и порадоваться за нее, когда снизойдетъ великая небесная милость и на вешняго Николу польетъ хорошій и теплый дождикъ, и т. д.

Призывая на помощь небесныя силы для отвѣтовъ на мучительные вопросы объ урожаѣ, вопрошаютъ и самую виновницу безчисленныхъ тревогъ и безконечныхъ заботъ—мать сыру-землю. Вопрошаютъ ее въ иныхъ случаяхъ съ тѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ, которое, вообще.

свойственно всѣмъ первобытнымъ вѣрованіямъ, и которое въ такомъ изобиліи разлито во всѣхъ народныхъ предразсудкахъ и суевѣрныхъ обрядахъ. Такъ, напр., выселенцы изъ старой и коренной Руси на южныя окраины московскаго царства унесли съ собою и сохранили до сего дня, между прочимъ, такой обычай (подмѣченный въ Тамбовск. г.): въ Васильевъ вечеръ, во вторую кутью, наканунѣ новаго гражданскаго года, крестьяне, пришедшіе отъ заутрени, идутъ на перекрестки, гдѣ вычерчиваютъ на землѣ перстомъ или палкою крестъ, прилегаютъ къ тому мѣсту ухомъ и слушаютъ, что скажетъ земля. Послышатся звуки, похожіе на то, что ѣдутъ сани съ грузомъ — будетъ годъ хлѣбородный, если пустые—не урожайный.

По народнымъ воззрѣніямъ, земля не только отвѣчаетъ на всѣ вопросы о будущемъ урожаѣ, но и сама даетъ указанія, когда пахать, сѣять и пр. Развернулся дубовый листъ, стало быть, земля вошла въ полную силу и принялась за родъ: «коли на дубу макушка съ опушкой, будешь мѣрять овесъ кадушкой». Березовый листъ сталъ уже величиной съ полушку—значитъ земля показываетъ время, когда слѣдуетъ запахивать пашню, и на Егорья (23 апрѣля) выѣзжаетъ даже «лѣнивая соха». Когда сама земля мокра, то любитъ, чтобы въ это время довѣряли ей овсяное зерно («сѣй овесъ въ грязь — будешь князь»). Зато рожь надо сѣять въ сухую землю («сѣй рожь въ золу да въ пору»—совѣтуютъ исконные земледѣльцы). Вообще, на это время земля изъ своихъ норъ выпускаетъ лягушекъ, которыя скачутъ и квачутъ: «пора сѣять» («лягушка квачетъ, овесъ скачетъ»). Раннее яровое въ черноземныхъ губерніяхъ сѣютъ, когда земля совсѣмъ сгонитъ весеннюю воду, и если цвѣтъ

ягоды калины будетъ въ кругу, то такой сѣвъ считается позднимъ. Впрочемъ, для глазъ опытныхъ хозяевъ имѣются и другія примѣты: совѣтуютъ, напримѣтъ, наблюдать за извѣстнымъ кустарникомъ, называемымъ «волчье лыко»: зацвѣли ягоды на немъ сверху (а цвѣсти начинаютъ они тотчасъ, какъ стаетъ снѣгъ),—лучше начать посѣвъ ранній; цвѣтутъ съ середины — средній, снизу пошли—поздній. Начнетъ цвѣсти козелецъ (онъ же и лютикъ) желтыми цвѣтами—земля приказываетъ сѣять овесъ; зацвѣтаетъ черемуха—пришла пора пшеницы, расцвѣтетъ можжевельникъ—время сѣва ячменя. Когда яблони въ полномъ цвѣту—садятъ картофель, когда земляничные кустики словно бы спрыснули молокомъ—пришла пора сѣять гречиху. Листъ полонъ—и сѣять полно. Когда на Ивана Купалу собираютъ росу, отрываютъ въ муравейникахъ масло и рвутъ цѣлебныя травы, то въ это время говорятъ: «земля-мати, благослови меня травы брати, твою плоду рвать: твоя плода ко всему пригодна» и т. д. По обилію шишекъ на ели, судятъ о хорошемъ урожаѣ на всѣ яровые хлѣба; если же такое обиліе замѣчается на соснахъ, то это предвѣщаетъ хорошій урожай одного ячменя. Сильный цвѣтъ на рябинѣ предсказываетъ хорошій урожай льна, обиліе орѣховъ обѣщаетъ яровой хлѣбородъ на будущій годъ (оба урожая на одинъ и тотъ же годъ никогда не сходятся). И нѣтъ сомнѣнія въ той святой истинѣ, какая исповѣдуется всѣмъ русскимъ міромъ, что «земля любитъ навозъ, какъ лошадь овесъ, какъ судья приносъ». «Для того и кладутъ навозъ, чтобы больше хлѣба родилось, а полбу, чтобы людямъ годилось». «Гдѣ лишняя навозу колышка, тамъ лишняя хлѣба коврижка». «Какова земля, таковъ и хлѣбъ». О дарованіи же хлѣба насущнаго на худыхъ и

холодныхъ земляхъ молятъ въ умиленіи сердца и преклонивъ колѣна въ церквахъ, въ избахъ и на зеленыхъ поляхъ—на послѣднихъ, когда показалась веселая и радостно улыбающаяся зелень всходовъ. Широко и размашисто кладутся крестныя знаменія и во всю трудовую спину поясные поклоны. Звонко, съ восторгомъ разливаются голоса поющихъ молебенъ. Искреннее увлеченіе всѣхъ предстоящихъ очевидно: всѣ настроены благоговѣйно. Но въ то же время, кто можетъ поручиться за то, что если бы была своя воля дѣйствовать, то не вырвались бы толпой бойкія бабы, не сбили бы священника съ ногъ и не начали катать его по зеленямъ, а сами кувыркаться рядомъ, пожалуй, даже и съ приговоромъ: «нивка-нивка, отдай твою силку, пусть уродится дологъ колосъ, какъ у нашего батюшки-попа волосъ».

IV.

СВЯЩЕННЫЯ РОЩИ.

Въ Ильешахъ, столь извѣстныхъ петербургскимъ православнымъ жителямъ, тысячами отправляющимся туда на Ильинскую Пятницу по Балтійской дорогѣ, наблюдается слѣдующая поразительная картина: надъ опущенными долу головами колѣно-преклоненныхъ богомольцевъ проносится, высоко поднятая на носилкахъ, тяжелая кіота съ деревяннымъ изваяніемъ явленнаго образа Пятницы. Съ трудомъ продвигаясь впередъ, счастливая и восторженная группа богоносцевъ, лишь благодаря ловкости, пріобрѣтенной долгимъ опытомъ, никого не увѣчитъ въ этой цѣпи неловко распластавшихся по землѣ людей. Замедляемый всякими помѣхами, крестный ходъ изъ храма «Великаго Николы» (съ придѣлами пророка Иліи и мученицы Параскевы) направляется къ часовнѣ, находящейся въ полутора верстахъ отъ него, т. е. отъ мѣста «поставленія» чудотворной иконы къ мѣсту ея «явленія».

Здѣсь, подлѣ самой часовни, стоитъ развѣсистая старая береза, служащая, какъ священная, предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Въ кору ея, на нѣкоторой высотѣ отъ земли, вросъ булыжный камень такъ глубоко, что теперь едва примѣтенъ. По легендѣ, это—тотъ самый камень, который былъ брошенъ озлобленнымъ, сладостра-

стнымъ дьяволомъ въ убѣгавшую отъ его соблазновъ Пятницу, спасавшуюся на этомъ деревѣ. А подлѣ дерева, у самаго корня, есть другой камень, который привлекаетъ главное вниманіе всѣхъ богомольцевъ. Это—тотъ камень, на который уперлась стопою Пятница, чтобы быстро вскочить на дерево, и оставила тутъ глубокій слѣдъ стопы своей. Вода, скопляющаяся здѣсь, признается народомъ за слезы праведницы, плачущей о людскихъ прегрѣшеніяхъ. Эта вода врачуетъ отъ всякихъ болѣзней и преимущественно глазныхъ, точно такъ же, какъ и песокъ и мелкіе камушки *), разсыпанные на этомъ святомъ мѣстѣ и какъ церковный колоколъ, подъ который, во время благовѣста, становятся глухіе, въ надеждѣ исцѣленія.

Наше вниманіе въ настоящемъ случаѣ, главнѣйшимъ образомъ, останавливаетъ этотъ слѣдъ человѣческой ноги, почитаемый таковымъ въ силу слѣпого фанатизма, но, на самомъ дѣлѣ, не имѣющей ни малѣйшаго сходства съ обыкновеннымъ слѣдомъ человѣка, уже въ виду своей чрезмѣрной величины. Замѣчательно, что подобнаго рода камни, существующіе во множествѣ, пользуются благоговѣйнымъ почитаніемъ не только среди православнаго населенія, но и въ католическомъ мірѣ, причемъ суевѣрное воображеніе народа создаетъ цѣлыя легенды о происхожденіи этихъ камней, окружая ихъ ореоломъ святости. Такъ, напримѣръ, подобнаго рода камень указываютъ въ Почаевской Успенской лаврѣ, близъ австрійской границы. Такой же камень, называемый «стопою», съ изображе-

*) Камни, обладающіе чудотворной силой, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ булыжниковъ. Сливая съ нихъ воду, врачуютъ болѣзни, приключившіяся отъ дурного глаза. Такой же силой обладаетъ и песокъ, взятый изъ св. колодцевъ и около ракъ св. угодниковъ (напримѣръ, преп. Евфросиніи, въ Моск. Воян. женск. мон.). Этимъ пескомъ лечатъ отъ запоя, тайкомъ подсыпая въ питье.

ніемъ креста и славянской надписью, въ теченіе не одного столѣтія усердно лобызаютъ поклонники въ мѣстечкѣ Лукомлѣ (Сѣнненскаго уѣз., Могилев. г.). Въ церковь, охраняющую изваяніе Пятницы, во вторую пятницу послѣ Пасхи, собирается до трехъ тысячъ богомольцевъ изъ трехъ сосѣднихъ губерній (Могилев., Витеб. и Смолен.) и находящійся здѣсь камень-стопу, о которомъ не сохранилось даже легенды, и на которомъ уже нельзя разобрать въ конецъ истершуюся надпись, чтутъ не менѣе самого образа. Въ 3—4 верстахъ отъ г. Пошехонья (Ярослав. г.) около часовни-прощи, близъ села Федоровскаго, лежитъ камень съ круглыми углубленіями, собирающими дождевую воду. Эта вода также считается цѣлебной и ежегодно (11 сент.) привлекаетъ массу богомольцевъ. На мѣстѣ, гдѣ стоитъ часовня, спалъ нѣкогда благочестивый человѣкъ, которому явилась во снѣ преподобная Феодора Александрійская и повелѣла построить на томъ мѣстѣ часовню. Проснувшись благочестивый человѣкъ святой жены не видалъ, но замѣтилъ на камнѣ слѣды ея ногъ *). Также на камнѣ слѣды ногъ оставилъ Зосима Соловецкій, въ 40 верстахъ отъ с. Бѣлаго, на Мстѣ, въ Борович. у. Новг. г., отдыхавшій здѣсь на пути въ Новгородъ, куда онъ шелъ для исходатайствованія у вѣча владѣльческой записи на свой пустынный островъ (27 сентября ходятъ сюда къ «Камню» для поклоненія). Коневецкій монастырь, стоящій на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера, сберегаетъ внушительной величины скалу, одиноко стоящую и называемую «Конь-камень», давшій свое имя и острову, и обители. До прибытія сюда преп. Арсенія, жители, боготворившіе этотъ камень, еже-

*) Объ этомъ смотри болѣе подробно въ третьей части трилогіи.

годно оставляли здѣсь въ жертву богамъ лошадь. Св. Арсеній приступилъ къ камню съ молитвой, окропилъ его св. водой и на вершинѣ водрузилъ крестъ. Боги-духи, въ видѣ черныхъ вороновъ, улетѣли, а воздвигнутая наверху часовня, сдѣлавшись предметомъ почитанія, наглядно показываетъ тотъ пріемъ, какимъ пользовались пустынники при борьбѣ съ языческими суевѣріями *). Таково однообразіе вѣрованій, при поражающемъ различіи народнаго характера, расоваго происхожденія, при полнѣйшей политической и географической отчужденности. Не исчезаетъ это изумительное сходство и въ дальнѣйшей послѣдовательности, хотя бы въ виду той связи, которая существуетъ между обоготвореніемъ воды и почитаніемъ осѣняющихъ родники деревьевъ.

Наши «заповѣдныя рощи», по своему происхожденію и по своей идеѣ, несомнѣнно имѣютъ много общаго съ священными пущами глубокой древности: и тамъ, и здѣсь «заповѣдь» преслѣдуетъ одну цѣль—охрану деревьевъ. Несомнѣнно точно такъ же, что охрана, опиравшаяся на страхъ и совѣсть каждаго, была болѣе дѣятельна и спасительна, чѣмъ нынѣшняя усердная и бдительная стража и больно бьющіе по дырявымъ карманамъ денежные штрафы. Нельзя и предположить себѣ, чтобы могли быть допущены такіе хищническіе набѣги безпощаднаго топора, какіе возможны теперь, подъ властнымъ вліяніемъ подкупа и подъ защитою корыстолюбивыхъ властей. Только одинъ огонь да острые зубы времени могли тутъ хозяйничать и оставаться безъ наказанія; но и противъ нихъ

*) Упомянувъ о болѣе извѣстныхъ священныхъ камняхъ, привлекающихъ больныхъ глазами, считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ рѣдкой изъ сѣверныхъ губерній не находится по нѣскольку подобнаго рода святынь съ отпечаткомъ стопъ, сберегающихъ цѣлебную влагу.

существовали препоны въ видѣ различныхъ предохранительныхъ мѣръ, каковыя отчасти можно наблюдать и теперь. Опасеніе навлечь на себя тяжкій грѣхъ и въ настоящее время служитъ главною уздою для тѣхъ нарушителей не писаннаго, но гласнаго закона, которыхъ не коснулась еще городская цивилизація, и куда не дошелъ еще купецъ-съемщикъ и подрядчикъ. Въ Грязовецкомъ уѣз. (Волог. г.) грѣшитъ тяжко даже тотъ, кто рѣшается срубить всякое старое дерево, отнимая, такимъ образомъ, у него заслуженное право на вѣтровалъ, т. е. на естественную, стихійную смерть. Такой грѣшникъ либо сходитъ съ ума, либо ломаетъ себѣ руку или ногу, либо самъ въ одночасье (скоропостижно) помираетъ. Та же участь (по убѣжденіямъ тотемскихъ лѣсовиковъ) постигаетъ и того, кто рѣшится срубить дерево, посаженное руками человѣка и взлелѣянное имъ. Въ Орловск. г. считаются неприкосновенными рощи, выросшія на церковищахъ — мѣстахъ старыхъ церквей: «все равно, что въ церковь залѣзть (говорятъ тамошніе жители), что бревно вырубить», а потому, при нуждѣ, эти деревья могутъ идти лишь на постройку новой церкви, или на поправку старой часовни. Въ Вологодской губ. (Никол. у.) нарушителей цѣлости заповѣдныхъ рощъ непремѣнно должна убить молнія, какъ убила она одного крестьянина тотчасъ послѣ того, какъ онъ подсѣкъ, безъ всякой надобности, огромную пихту, росшую въ томъ лѣсу, который, видимо для всѣхъ, былъ не только заповѣднымъ, но и спасительнымъ, такъ какъ корнями своихъ деревьевъ онъ скрѣплялъ почву обсыпчиваго песчаннаго берега рѣки Вохмы, на высокомъ и почти отвѣсномъ берегу которой сберегалась издревле Тихоновская церковь. Въ селѣ Бруснецѣ (Тотемск. у.) до сихъ поръ цѣла священная сосна; подъ ней нѣкоторые

благочестивые люди ежегодно видятъ, во время пасхальной заутрени, горящею пудовую восковую свѣчу. Не выходя изъ тѣхъ же вологодскихъ лѣсовъ, еще достаточно сохранившихся, наталкиваемся на подобную заповѣдную рощу въ Кадник. у. (при деревнѣ Глѣбовѣ) замѣчательную по необыкновенно старымъ деревьямъ. Объ одномъ изъ нихъ—высокой соснѣ, сложилось даже преданіе, что она не поддается никакимъ человѣческимъ усиліямъ: вмѣсто отброса щепы мечетъ искры, неисправимо тупитъ лезвіе топора, а самъ смѣльчакъ, дерзнувшій рубить эту сосну, непремѣнно надорвется нутромъ, начнетъ чахнуть и не вдолгѣ помретъ. Другая же ель (при деревнѣ Середней), спасается мѣстнымъ предразсудкомъ, что будто съ уничтоженіемъ ея постигнетъ неожиданное большое общее несчастіе. Въ тѣхъ же мѣстахъ, толстыя дуплистыя деревья находятся въ безопасности потому, что въ дуплахъ нашли себѣ пріютъ совы и филины, испускающіе странные, пугающіе звуки, показывающіе, что тутъ живетъ самъ лѣшій и «глумится». Большую роль, въ смыслѣ охраны деревьевъ, играетъ и то внушительное впечатлѣніе, какое производятъ лѣса, въ особенности хвойные, однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Ихъ вѣчное спокойное однообразіе сильно повліяло на умственное и нравственное развитіе не только младенческихъ племенъ инородцевъ, но и пришлыхъ насельниковъ сѣвера славянской расы. Постоянный мракъ хвойныхъ лѣсовъ не могъ не произвести на всѣхъ живыхъ существъ самаго подавляющаго вліянія. Среди лѣсныхъ ужасовъ сложились вѣрованія первобытныхъ племенъ: въ высокихъ, почти недоступныхъ, горныхъ борахъ, а равно и въ красивыхъ рощахъ, поселились высшія силы, народныя божества: онѣ то и наложили строгія заповѣди охра-

ненія такихъ мѣстъ. Самыя деревья, отдѣльныя отъ прочихъ и выдѣляющіяся изъ ряда другихъ массивностью и долголѣтіемъ, способныя возбуждать трепетное душевное настроеніе даже въ городскихъ жителяхъ и цивилизованныхъ людяхъ, въ глазахъ дикарей, оказались стоящими подъ нравственною защитою особыхъ существъ. Въ ветлужскихъ лѣсахъ прославилась всеобщимъ богопочтеніемъ береза, раздѣленная на 18 большихъ вѣтвей, имѣющихъ какъ бы 84 вершины. Когда буря сломила одну изъ нихъ и сбросила на засѣянное поле—хозяинъ послѣдняго принялъ это за гнѣвъ незримаго охранителя и оставилъ весь хлѣбъ не убраннымъ въ пользу бога. У такихъ вѣроисповѣдниковъ всякое дерево въ заповѣдныхъ рощахъ, поваленное бурей, считается признакомъ несчастья для ближайшаго окольнаго люда. Деревья въ нихъ съ нависшими ягилями, украшающими ихъ на подобіе висячихъ бородъ, также попали, въ качествѣ избранниковъ, въ религіозный культъ и воспламенили воображеніе сказочниковъ. Подобнаго рода деревьями, покрытыми до самой вершины мхомъ, и въ самомъ дѣлѣ оживляющими угрюмые хвойные лѣса, придавая имъ въ тоже время внушительный видъ долговѣчности и обилія—украшаются жилища и владѣнія боговъ и ихъ избранниковъ и любимцевъ—храбрыхъ и могучихъ богатырей. Той же участи удостоилась въ особенности ель, вообще стоящая, по своимъ внутреннимъ качествамъ, ниже сосны, но наружнымъ видомъ выражающая высшую степень строгости, спокойствія и торжественности. Впрочемъ, среди православнаго русскаго люда мѣсто ели, по необъяснимымъ причинамъ, и едва-ли не по простой случайности, заступили другія деревья и преимущественно сосна. Практическому великорусскому племени пришлись по вкусу сухіе сосновые боры, какъ

наиболѣе удобныя мѣста для жительства. Поэтому и выборъ священныхъ деревьевъ, естественнымъ образомъ, сталъ падать на сосны. Отъ постройки часовенъ съ постановкою въ нихъ образовъ зависѣло то обстоятельство, что извѣстные участки сосновыхъ лѣсовъ становились черезъ то священными, въ смыслѣ недозволенныхъ къ вырубкѣ, обязательныхъ къ охраненію, заповѣдныхъ. Отъ явленій св. иконъ (исключительно Богоматери) на вѣтвяхъ, или у корней деревьевъ, подобно Костромской, Федоровской и Курской Коренной, самыя деревья признавались святыми, но уже не въ охранительномъ смыслѣ заповѣдныхъ, а такихъ, изъ которыхъ сооружались престолы алтарей, созидаемые на мѣстахъ явленій. Въ южной части Череповецкаго уѣзда обращаетъ на себя вниманіе обиліе такихъ сосновыхъ рощъ, гдѣ часовни являются показателями полнаго запрещенія вырубокъ, и въ трехъ волостяхъ заповѣдь эта усилена еще тѣмъ, что здѣсь не дозволяются хороводы и всякія сходки для какихъ-либо веселыхъ развлеченій. За срубленное дерево, или оскверненіе чѣмъ-нибудь всей рощи предполагается скорое и несомнѣнное возмездіе, въ видѣ слѣпоты и иныхъ болѣзней, и даже смерти. Около деревни Острова сберегается сосновая роща, въ которой устроено теперь нѣсколько ямъ—«морянокъ» для пережиганія угля, но первый крестьянинъ, дерзнувшій положить починъ этому лѣсному промыслу, ослѣпъ.

Тѣмъ же страхомъ болѣзни и смерти оберегаются избранныя деревья, отмѣченныя какимъ-либо чрезвычайнымъ или чудеснымъ событіемъ и признанныя священными, а равнымъ образомъ и тѣ, которыхъ игра природы выдѣлила какими-либо отмѣтами въ ростѣ, направленіи вѣтвей, уродливостями ствола, сплетеніями корней и проч.

(подобно березамъ ветлужской и ильешевской). Сюда причислены дуплистыя сосны съ особенностями въ расположеніи пустотъ выгнившаго нутра, чѣмъ, при лѣченіи дѣтскихъ болѣзней, пользуются суевѣрныя женщины. Если священникъ не соглашается «пронять» больного ребенка сквозь ризу или поставить подъ престолъ на нѣсколько часовъ кувшинъ съ водой, чтобы потомъ окачивать изъ него больныхъ, то на такіе случаи имѣются общедоступныя дупла, испытанныя въ дарахъ исцѣленія: черезъ отверстіе ихъ «пронимаютъ», т. е. протаскиваютъ нѣсколько разъ дѣтей, а иногда пролѣзаютъ и сами взрослые съ одного бока цѣлебной сосны на другой. Конечно, наибольшимъ почтеніемъ и извѣстностью пользуются тѣ деревья, на которыхъ отразилась игра природы, и раздвоившійся стволъ оставляетъ свободнымъ широкое отверстіе, удобное для проемовъ и пролазовъ (такъ наз. «воротца»). Такихъ деревьевъ не особенно много и они всѣ на счету, но почитаніе ихъ еще настолько же дѣйствительно, насколько и почтенно по своей древности. Такъ въ житіи Адріана, Пошехонскаго чудотворца (ум. въ 1550 г.) записано: «бысть нѣкогда въ пошехонскомъ предѣлѣ, при рѣкахъ Іярѣ и Уломѣ, церковь св. пророка Иліи и тамо ростяще древо, зовомое рябиною. Прихождаху же и священницы изъ близъ лежащихъ весей и приносяху образъ святыя мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, молебная пѣнія совершающе. Людіе же, для полученія здравія, сквозь оное древо пронимаху дѣти своя, иніи же, совершеннаго возраста, и сами пролазаху и получаху исцѣленія».

Въ сообщеніи изъ Пензенской губерніи имѣется указаніе на такое дерево, около котораго цѣлостно сохранился полный обрядъ довольно сложнаго священнодѣй-

ствія, очень поучительный въ томъ смыслѣ, что наглядно объясняетъ происхожденіе стараго обычая почитанія прощей *). Около заштатнаго города Троицка, бывшаго въ началѣ заселенія этой окраины крѣпостью, и конечно окруженнаго въ свое время громаднымъ лѣсомъ (липовымъ), до нашихъ дней сохранились три липы, прославившіяся на всѣ окрестности. Онѣ выросли изъ одного корня, но получили общее названіе «Исколѣна», объясняемое легендою. Въ тѣ далекія времена, на это мѣсто ходила изъ крѣпости, для уединенной молитвы, нѣкая «простасвята» дѣвка (а по другимъ свѣдѣніямъ три «просты-святы дѣвки»). Сладострастный прохожій, желавшій одну изъ нихъ изнасиловать, встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе и за то убилъ ее. «Изъ колѣнъ» убитой и выросли эти три липы, потребовавшія вскорѣ часовенку съ образомъ и охрану, въ видѣ плетня и наложенія клятвеннаго устрашительнаго запрета, закрѣпленнаго въ сосѣдяхъ недавнимъ живымъ случаемъ: мѣстный священникъ, при помощи станового, поревновалъ успѣху «Исколѣны», забравшейся на самую вершину горы и выстаивающей на ней третью сотню лѣтъ, и пожелалъ срубить ее. Но пригнанный сюда народъ съ топорами не сдался ни на какія увѣщанія, требованія и угрозы — и рубить святое дерево не пожелалъ. Тогда принялись сами подстрекатели, но, при первомъ же ударѣ топора, изъ дерева брызнула кровь и ослѣпила дерзновенныхъ. Понадобился совѣтъ знающихъ старушекъ, чтобы обоимъ ослѣпленнымъ испросить про-

*) Тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или до нихъ очень далеко, обходятся иными способами и все-таки «пронимаютъ» больныхъ ребятъ, протаскивая ихъ сквозь ступени сквозныхъ (не подшитыхъ досками) лѣстницъ. А на сколько этотъ пріемъ считается дѣйствительнымъ, можно судить по тому, что во многихъ мѣстахъ, вылупившихся изъ яйца, цыплятъ продѣваютъ сквозь ступицу колеса, чтобы куры лучше вышли и больше неслись.

щенія у дерева и получить исцѣленіе. Исцѣленіе, впрочемъ, испрашивается и до сихъ поръ, при соблюденіи слѣдующей обстановки. Стараются пріѣхать къ дереву до солнечнаго восхода, конечно, съ тою цѣлью, чтобы чужой посторонній человѣкъ не сглазилъ. Больной, если въ силахъ, ползетъ на колѣняхъ, что дѣлаетъ также и провожающая его старуха. Съ молитвой: «дай Богъ въ добрый часъ», она крестится, отплевывается на всѣ четыре стороны, зажигаетъ четыре восковыхъ свѣчи, изъ которыхъ одну прилѣпляетъ къ иконѣ, а остальныя—къ каждому изъ деревьевъ. Больного она раздѣваетъ до-нага и кладетъ на землю такъ, чтобы головой онъ касался до корней (въ полтора-два обхвата), обсыпаетъ пшеномъ и опутываетъ нитками, а въ заключеніе обливаетъ водой и одѣваетъ въ новое или чистое бѣлье (старое поступаетъ въ жертву дереву вмѣстѣ съ нитками, которыя вѣшаются на вѣтви). Больной и жрица кланяются дереву земнымъ поклономъ, съ молитвою: «прости, матушка-сыра земля и свято дерево, отпусти!» Зажженныя свѣчи тушатся, и больной со старухою выползаютъ задомъ изъ ограды съ тѣмъ, чтобы тутъ-же приняться за трапезу вмѣстѣ съ прочими провожатыми родными, которые до того времени стояли за оградой и молились. Ѣдятъ также не просто, а старуха прежде всего беретъ каравай хлѣба и щепотку соли и относитъ ихъ, вмѣстѣ съ бѣльемъ больного, къ дереву. Это предназначается въ пользу бѣдныхъ, которые первыми придутъ на горячіе слѣды жертвоприношенія. «Въ спасительную и цѣлительную силу этого дерева крестьяне такъ сильно вѣрятъ (свидѣтельствуетъ корреспондентъ г. Лентовскій въ сообщеніи отъ 15 мая 1899 г.), что разубѣдить ихъ нѣтъ никакой возможности и даже, пожалуй, опасно: сочтутъ за богохульство. Я однажды сломалъ нѣсколько сучьевъ этой липы и бросилъ ихъ съ цѣлью

узнать: будутъ ли по этимъ сучьямъ ѣздить. И, дѣйствительно, черезъ три дня увидѣлъ, что сучья не тронуты, а вправо, въ объѣздъ, былъ проложенъ новый слѣдъ, по которому и стали ѣздить *).

Благодатная сила избранныхъ священныхъ деревьевъ далеко не ограничивается указанными пріемами: не только кора и щепа отъ стволовъ, но и мочки корней обладаютъ силою врачеванія и отъ зубныхъ капризныхъ болей, и отъ другихъ болѣзней. Помогаютъ и въ сыромъ видѣ, и въ настояхъ, и въ видѣ талисмана, зашитаго въ нагрудныхъ ладанкахъ и въ тряпичкахъ, завязанныхъ узломъ и подвѣшенныхъ въ избахъ подъ матицу, чтобы не посѣщали тѣ дома черти. Въ темной Уломѣ настойкой изъ коры деревьевъ, расщепленныхъ молніей, лечатъ лихорадку. Въ Леушинскомъ женскомъ монастырѣ люди, страдающіе зубной болью, изглодали съ заповѣдной и врачебной сосны всю кору и успокоились только тогда, когда чудесныя свойства изсохшаго дерева перешли на другую сосну. Къ такимъ цѣлителямъ приносятся посильные дары изъ числа тѣхъ, которые пригодны на потребу ихъ оберегателямъ, а тамъ, гдѣ оберегателей (какъ близъ родниковъ въ лѣсахъ) не полагается, цѣлительныя деревья и сосѣднія съ ними украшаются ленточками, разноцвѣтными лоскутками и пр.

Простодушныя вѣрованія и въ данномъ случаѣ, конечно, доходятъ до крайностей, объяснимыхъ лишь устойчивостью довѣрія къ прадѣдовскимъ преданіямъ. Такъ,

*) Въ данномъ случаѣ замѣчательно то исключительное вѣрованіе, что прибѣгаютъ къ врачебной силѣ дерева дѣвушки, желающія сохранить свое цѣломудріе, и матери, пріѣзжающія сюда съ новорожденными, съ тою же предохранительною цѣлью. Въ подобномъ вѣрованіи идутъ и далѣе, расчитывая на то, что и при случайно нарушенномъ цѣломудріи, Исколѣна не оставляетъ безъ помощи обращающихся къ ней. Дерево лишаетъ согрѣшившихъ дѣвицъ способности дѣторожденія и помогаетъ, такимъ образомъ, укрытію всякихъ слѣдовъ.

напр., между священными и обыкновенными попадаются деревья проклятыя. Во главѣ ихъ стоитъ общеизвѣстная, съ трепещущими листьями, осина, проклятая самимъ Христомъ за то, что на ней удавился Іуда, и потому неудобная къ посадкѣ вблизи жилища. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся въ сильномъ подозрѣніи даже ели и сосны. Ихъ также избѣгаютъ присаживать къ прочимъ деревьямъ въ садахъ и огородахъ (напр. въ Меленк. у., Владим. г.) за то, что онѣ не послушались Спасителя, когда Онъ молился въ саду Геосиманскомъ и сказалъ имъ, чтобы онѣ не шумѣли и не мѣшали Ему. Священнымъ считается всякое «божье» дерево (кустарниковое съ пахучими листьями камфарнаго запаха, артемизія), за то, что, по увѣренію орловскихъ пахарей, его самъ Богъ насадилъ въ раю прежде всѣхъ другихъ деревъ, и потомъ священную вербу. Ими никогда не топятъ печей, а освященные пучки вербы, которою выгоняютъ въ Егорьевъ день скотину въ поле, истребляютъ не иначе, какъ бросая ихъ не въ печной огонь, а на рѣчную воду.

Кромѣ проклятой осины, въ сосновыхъ и еловыхъ лѣсахъ выростаютъ еще такія деревья, которыя носятъ названіе «буйныхъ» (Череп. у.). Имъ приписываются особыя свойства—именно разрушительная сила, скрытая и тайная, угадать и указать которую могутъ лишь одни колдуны. Такое дерево, съ корня срубленное и попавшее между другими бревнами въ стѣны избы, безъ всякихъ причинъ, рушитъ все строеніе и обломками давитъ на смертъ неопытныхъ и недогадливыхъ хозяевъ. Даже щепа отъ такихъ бревенъ, подложенная со зла лихимъ знающимъ человѣкомъ, ломаетъ и разрушаетъ цѣлыя мельницы. Знающіе люди, во время грозы, никогда не садятся подъ сосну и ель, всегда предпочитая имъ березу, если уже выпалъ неизбѣжный поводъ къ укрытію.

Въ Череповецк. уѣз. (въ Горской волости) кустарниковое растеніе—можжевельникъ, рѣдко достигающее величины дерева, изумляетъ своими необычными размѣрами, которые тѣмъ болѣе удивительны, что растетъ этотъ можжевельникъ на рыхломъ голомъ пескѣ. Ясно, что дерево какъ будто стоитъ подъ особымъ покровительствомъ какого-то таинственнаго существа, и за то, вѣроятно, этотъ можжевельникъ сплошь увѣшивается тряпками и даже полотенцами, на которыхъ нашиты красные или черные крестики.

Хотя въ этомъ сообщеніи, полученномъ прямо съ мѣста, не указано явныхъ поводовъ къ таинственнымъ приношеніямъ, тѣмъ не менѣе, и въ данномъ случаѣ несомнѣнны слѣды признательности за благодатные дары, получаемые здѣсь отъ необыкновеннаго дерева. Болѣе странными могутъ почитаться исканія врачебной помощи у деревьевъ, давно умершихъ и даже успѣвшихъ предаться, въ извѣстной степени, гніенію. Напр., тѣхъ же маленькихъ дѣтей, страдающихъ безсонницей, сердобольныя матери стукаютъ пятками ножекъ объ стѣнки нежилыхъ строеній. Точно также человѣкъ, наломавшійся на работахъ до такихъ болей, отъ которыхъ, что называется, некуда дѣваться, старается ослабить жгучія страданія тѣмъ, что трется обнаженной спиной о подпорки заборовъ или бѣжитъ къ овину и на середней стѣнкѣ его продѣлываетъ тоже.

Съ подобными образцами можно было бы идти дальше, если бы они не вводили насъ въ тотъ отдѣлъ программы, который посвященъ народнымъ лечебнымъ средствамъ. Тамъ найдутъ свое мѣсто и чудодѣйственныя растенія, которымъ приписываются волшебныя свойства, и растенія, совершенно не существующія, въ родѣ сказочнаго зелья «разрывъ-травы», или цвѣтка безцвѣтковаго папоротника.

КРЕСТНАЯ СИЛА.

I.

СВЯТКИ.

Въ крестьянскомъ быту святки считаются самымъ большимъ, шумнымъ и веселымъ праздникомъ. Онѣ обнимаютъ собой періодъ времени отъ Николина дня (6 Декабря) до Крещенья (6 Января), т. е. какъ разъ тотъ мѣсяцъ, когда земледѣльческое населеніе, обмолотивъ хлѣбъ и покончивши со всѣми работами, предается отдыху.

Святки считаются праздникомъ молодежи по преимуществу, хотя и взрослое населеніе не остается равнодушнымъ къ общему веселью и къ тому приподнятому, нѣсколько торжественному настроенію, которое свойственно всѣмъ большимъ праздникамъ въ деревнѣ. Но все-таки центромъ празднествъ служитъ молодежь: ея игры, пѣсни, сборища и гаданья даютъ тонъ общему веселью и скрашиваютъ унылую, деревенскую зиму. Въ особенности большой интересъ представляютъ святки для дѣвушекъ: въ ихъ однообразную, трудовую жизнь врывается цѣлая волна новыхъ впечатлѣній, и суровые деревенскіе будни смѣняются широкимъ привольемъ и цѣлымъ рядомъ забавъ и развлеченій. На святки самая строгая мать не заставитъ дочку прясть и не будетъ держать за иглой въ долгіе зимніе вечера, когда на улицѣ льется широкой

волной веселая пѣсня парней, когда въ «жировой» избѣ, на посидѣлкахъ, заливается гармонія, а толпы дѣвушекъ, робко прижимаясь другъ къ другу, бѣгаютъ «слушать» подъ окнами и гадать въ поле. Гаданье составляетъ, разумѣется, центръ дѣвичьихъ развлеченій, такъ какъ всякая невѣста, естественно, хочетъ заглянуть въ будущее и, хоть съ помощью черта, узнать, кого судьба пошлетъ ей въ мужья, и какая жизнь ожидаетъ ее впереди съ этимъ невѣдомымъ мужемъ, котораго досужее воображеніе рисуетъ то пригожимъ добрымъ молодцемъ, ласковымъ и милымъ, то старикомъ-ворчуномъ, постылымъ скрягой, съ тяжелыми кулаками.

О томъ, какъ совершаются гаданья, мы подробно скажемъ въ главѣ «Новый Годъ», здѣсь же замѣтимъ только, что обычай вызывать своего суженаго и, въ особенности, такъ называемыя, «страшныя» гаданья довольно замѣтно отражаются на душевномъ состояніи гадальщицъ. Почти на протяженіи всѣхъ святокъ, дѣвушки живутъ напряженной, нервной жизнью. Воображеніе рисуетъ имъ всевозможные ужасы, въ каждомъ темномъ углу имъ чудится присутствіе невѣдомой, страшной силы, въ каждой пустой избѣ слышится топотъ и возня чертей, которые, до самаго Крещенья, свободно расхаживаютъ по землѣ и пугаютъ православный людъ своими рогатыми, черными рожами. Это настроеніе поддерживаетъ не только самое гаданье, но и тѣ безконечные разсказы о страшныхъ приключеніяхъ съ гадальщицами, которыми запугиваютъ дѣвичье воображеніе старухи и пожилыя женщины, всегда имѣющія про запасъ добрую дюжину страшныхъ исторій. Чтобы дать читателю представленіе объ этихъ «святочныхъ» разсказахъ, являющихся плодомъ народной фантазіи, приведемъ разсказъ крестьянки Евфросиньи Ря-

быхъ, записанный въ Орловскомъ уѣздѣ. «Пришла я съ загадокъ и задумала суженаго вызвать—страхъ хотѣлось мнѣ узнать, правда это, или нѣтъ, что къ дѣвушкамъ ночью суженые приходятъ. Вотъ стала я ложиться спать, положила гребенку подъ головашки и сказала: «суженый-ряженый, приди ко мнѣ, мою косу расчесать».—Сказавши такъ-то, взяла я и легла спать, какъ водится, не крестясь и не помолившись Богу. И только это я, милые мои, заснула, какъ слышу, полѣзъ кто-то мнѣ подъ головашки, вынимаетъ гребенку и подходитъ ко мнѣ: сдернулъ съ меня дерюгу, поднялъ, посадилъ на кровати, сорвалъ съ моей головы платокъ и давай меня гребенкой расчесывать. Чесалъ, чесалъ да какъ зацѣпилъ гребенкой за косу, да какъ дернетъ—ажно у меня голова затрещала. Я какъ закричу... Отецъ съ матерью вскочили: мать ко мнѣ, а отецъ огонь вздувать. Вздули огонь, отецъ и спрашиваетъ: «чего ты, Апрось, закричала?»—Я разсказала, какъ я ворожила и какъ меня кто-то за косы дернулъ. Отецъ вышелъ въ сѣнцы, сталъ осматривать двери—не видать ничего. Пришелъ онъ въ избу, взялъ кнутъ и давай меня кнутомъ лупцевать—лупцуетъ да приговариваетъ: «не загадывай, какихъ не надо, загадокъ, не призывай чертей».—Мать бросилась было отнимать—и матери досталось черезъ меня. Легла я послѣ того на постелю, дрожу вся, какъ осиновый листъ, и реву потихоньку: испужалась да и отецъ больно прибилъ. А утромъ только я поднялась—вижу, голова моя болитъ такъ, что дотронуться до нея нельзя. Глянула я около постели своей на земь—вся земь усыпана моими висками. Вотъ какъ «онъ» меня расчесывалъ. Стала я сама расчесывать косу, а ея и половины не осталось—всю почти суженый выдернулъ».

А вотъ еще одинъ разсказъ, записанный въ Новг. губ. Череповецк. у.: «Собрались, это, дѣвки на бесѣду въ самый сочельникъ, передъ Рождествомъ—не работать (въ сочельникъ—какая работа: грѣхъ), а такъ погадать да «послушать» сходить. Вотъ погадали, погадали, а одна дѣвка и говоритъ: «пойдемъ-кось, дѣвоньки, къ поросенку слушать: у насъ сегодня большущаго закололи и тушу въ амбаръ стащили, пойдемте». Вотъ и пошли, надо быть, пять дѣвокъ. Сняли съ себя кресты, немытика помянули, очертились ножикомъ и одна, которая посмѣлѣе, говоритъ: «чушка, чушка, скажи, гдѣ мой суженый-ряженый?» А поросенокъ имъ изъ амбара: «отгадайте три загадки, тогда отгадаю всѣмъ суженыхъ. Наперво отгадайте, сколько на мнѣ щетинокъ?»—Отгадывали, отгадывали дѣвки—не отгадали: гдѣ сосчитать щетинки на свиньѣ? А поросенокъ имъ другую загадку: «сколько на мнѣ шерстинокъ?»—Тоже думали, думали дѣвки—не отгадали.—А поросенокъ опять: «сколько во мнѣ суставовъ?» Опять не отгадали дѣвки, а поросенокъ какъ рыкнетъ: «Ну, такъ я васъ всѣхъ задавлю».—Дѣвки бѣжать. Прибѣжали на бесѣду—лица на нихъ нѣтъ. А хозяйка-то бесѣды, видно, догадливая баба была, бывала въ этихъ дѣлахъ: сейчасъ четыремъ дѣвкамъ на голову горшки глиняные надѣла, а этой, коя загадывала, подушку положила. Вдругъ, какъ вломится въ избу свинья. Схватила съ одной дѣвки горшокъ, думала, это голова, да о полъ, схватила съ другой—о полъ, да такъ со всѣхъ четырехъ, а съ пятой схватила подушку и убѣжала».

Какъ ни страшны сами по себѣ такіе разсказы для напуганнаго воображенія молоденькихъ слушательницъ, однако, въ веселые святочные вечера, даже эти ужасы не могутъ удержать дѣвушекъ въ хатахъ и, какъ только на

селѣ зажгутъ огни, онѣ какъ тѣни, скользятъ по улицѣ, пробираясь на посидѣлки. Да и не мудрено: до страха ли тутъ, когда впереди ожидаютъ танцы, маскарады, игры, пѣсни и когда къ этимъ бесѣдамъ такъ долго и такъ много готовились. Почти цѣлый мѣсяцъ приготовлялись: дѣвушки шили наряды, парни готовили маскарадные костюмы и выбирали «жировую» избу.

Послѣдній вопросъ—о выборѣ избы для посидѣлокъ—повсюду считается очень важнымъ и рѣшается сообща. Чаще всего, за 2 за 3 рубля, какая-нибудь одинокая солдатка или полунищая старуха уступаетъ молодежи свою избу, позволяя вынести домашнюю рухлядь и убрать все такъ, какъ захотятъ наниматели. Деньги за избу платятся наличными или отрабатываются, причемъ только въ очень немногихъ мѣстахъ дѣвушки освобождаются отъ взносовъ. Въ большинствѣ же случаевъ, деревня не знаетъ привилегіи дамъ и обкладываетъ дѣвушекъ наравнѣ съ парнями, а мѣстами даже заставляетъ ихъ платить больше, такъ что если парень вноситъ шесть коп., то дѣвушка должна платить двѣнадцать, а въ случаѣ бѣдности—день жать.

Святочныя посидѣлки начинаются обыкновенно не ранѣе 6 Декабря и отличаются отъ всѣхъ другихъ посидѣлокъ тѣмъ, что и парни и дѣвушки рядятся. Это своего рода деревенскій балъ-маскарадъ. Правда, ряженье—въ особенности въ первые дни святокъ—бываетъ самое незамысловатое: дѣвушки наряжаются въ чужіе сарафаны (чтобы парни не узнали по одеждѣ) и закрываютъ лицо платкомъ, и только самые бойкіе наряжаются въ несвойственною одежду: парни—въ женскій, дѣвушки—въ мужской костюмъ. Это послѣднее переодѣваніе практикуютъ чаще всего гости, приходящіе на посидѣлки изъ чужихъ

деревень, чтобы легче было интриговать и дурачить знакомыхъ. Самая же «интрига» въ такихъ случаяхъ бываетъ также крайне незамысловата: обыкновенно парень, переодѣтый дѣвкой, выбираетъ себѣ въ кавалеры какого-нибудь влюбчиваго и простоватаго парня и начинаетъ его дурачить: заигрываетъ съ нимъ, позволяетъ вольные жесты и пощипыванія, назначаетъ свиданія и даже даетъ нескромныя обѣщанія. Къ концу вечера простофиля-кавалеръ обыкновенно пламенѣетъ отъ страсти и умоляетъ свою даму, чтобы она осчастливила его немедленно. Но дама, обыкновенно, кокетничаетъ и уступаетъ не сразу. Зато потомъ, когда все-таки она выйдетъ на свиданіе и влюбленный парень заключитъ ее въ объятія, изъ избы выскакиваетъ цѣлая ватага хохочущихъ молодцовъ, которые быстро охлаждаютъ любовный пылъ простофили, набивая ему полные штаны снѣгу. Приблизительно такой же характеръ носятъ интриги дѣвушекъ, наряженныхъ парнями. Онѣ тоже выбираютъ себѣ наиболѣе простоватыхъ дѣвицъ, ухаживаютъ за ними, уговариваютъ за себя замужъ и даже выпрашиваютъ иногда въ залогъ платокъ, колечко и пр. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что интриги подобнаго рода далеко не всегда отличаются скромностью. Случается, что какая-нибудь расшалившаяся солдатка, наряженная парнемъ, выкинетъ такую штуку, что присутствующія дѣвушки сгорятъ со стыда. Но такихъ солдатокъ обыкновенно успокаиваютъ сами же парни, которые съ хохотомъ и криками разоблачаютъ озорницу почти до нага и въ такомъ видѣ пускаютъ ее на улицу, гдѣ еще вываляютъ въ снѣгу. Вообще, сдерживающимъ началомъ на посидѣлкахъ служитъ присутствіе въ «жировой» избѣ постороннихъ людей, въ лицѣ ребятишекъ и пожилыхъ мужчинъ и женщинъ. Особенно стѣсняютъ ребя-

тишки: иной парень и радъ бы позволить себѣ какую-нибудь нескромность въ отношеніи интересующей его дѣвушки, но онъ видитъ, что съ полатей свѣсилась голова мальчишки-брата дѣвушки, который все примѣчаетъ и, въ случаѣ надобности, скажетъ матери, а то и отцу шепнетъ. Эти лежащіе на полатяхъ контролеры иногда такъ раздражаютъ парней своимъ неусыпнымъ надзоромъ, что дѣло кончается побоями: одинъ изъ парней беретъ вѣникъ и съ ожесточеніемъ хлещетъ ребятишекъ, въ то время, какъ другой припретъ дверь и никого не выпускаетъ изъ избы. Экзекуціи такого рода сплошь и рядомъ достигаютъ цѣли, и ребятишки, съ ревомъ и плачемъ, безъ души разбѣгаются по домамъ, какъ только ихъ выпустятъ.

Сдерживающимъ началомъ служитъ до нѣкоторой степени и присутствіе на посидѣлкахъ чужихъ парней и дѣвокъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ деревень. Ихъ принимаютъ, какъ гостей, и стараются, чтобы все было прилично и чинно. Хозяева бесѣды, какъ парни такъ и дѣвицы, встаютъ съ лавокъ и предлагаютъ ихъ занять гостямъ, а во время танцевъ обращаютъ строгое вниманіе, чтобы чужія дѣвки не оставались безъ кавалеровъ и чтобы съ парнями-гостями танцовали дѣвки «перваго сорта», т. е. самыя пригожія. Впрочемъ, бываютъ случаи, когда именно присутствіе на посидѣлкахъ чужихъ парней, явившихся незванными гостями, служитъ причиной ожесточенныхъ ссоръ и даже дракъ. Вотъ что на этотъ счетъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ изъ Вологодской губ. Никольск. у.: «Если какой-нибудь парень изъ чужой деревни вздумаетъ «ходить» (ухаживать) за дѣвкой и посѣщать игрища, то онъ непремѣнно долженъ выставить парнямъ-однодеревенцамъ дѣвушки, въ видѣ отступного, водки—въ противномъ случаѣ онъ платится побоями и

даже увѣчьемъ. Избитый, въ свою очередь, рѣдко оставляетъ побои безъ отмщенія и, подбивши парней своей деревни «выставкою» имъ водки, является, въ сопровожденіи цѣлой ватаги, въ село къ оскорбителямъ и врывается на игрище, гдѣ и завязывается, обыкновенно, свалка. Дѣвки, въ такихъ случаяхъ, разбѣгаются по домамъ, а парни выходятъ на улицу и дерутся уже не на кулаки, какъ въ избѣ, а «плахами» (полѣньями). Драки подобнаго рода происходятъ по нѣсколько разъ, возобновляясь все съ новой силой, и кончаются или тѣмъ, что коренные парни, какъ побѣжденные, соглашаются принимать на игрище чужаковъ «безъ водки», или, какъ побѣдители, «сдираютъ» съ противниковъ водку, которую и распиваютъ на посидѣлкахъ» *).

Кромѣ танцевъ (кадриль, ленчикъ, шестерка) и гаданій, любимымъ развлеченіемъ на посидѣлкахъ являются, такъ называемыя, игрища, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть, между прочимъ, представленіе народныхъ комедій, гдѣ и авторами, и актерами бываютъ деревенскіе парни. Въ одной изъ такихъ комедій фигурируютъ, напримѣръ, какой-то король Максимиліанъ, его непокорный сынъ Адольфій и приближенный короля Маркъ-гробокопатель; въ другой главнымъ лицомъ является Степанъ Разинъ со своими разбойниками и красными дѣвушками, причемъ центромъ пьесы служитъ кровавая расправа Разина съ корыстнымъ купцомъ; въ третьей, наконецъ, центральной

*) Такія драки въ большомъ ходу не только въ Волог. г., но почти повсемѣстно. Объясняется это тѣмъ, что на дѣвокъ своей деревни парни смотрятъ, какъ на своего рода коллективную собственность, которую и защищаютъ отъ ухаживанья постороннихъ людей. Во всеобщемъ употребленіи точно также и водка, которая одна даетъ право ухаживать за «чужими» дѣвками.

фигурой является помѣщикъ и т. д. Обо всѣхъ этихъ пьесахъ мы скажемъ нѣсколько ниже, здѣсь же позволимъ себѣ замѣтить, что игрища, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, поражаютъ наблюдателя грубостью нравовъ, такъ что отцы церкви не напрасно называли ихъ «бѣсовскими». Конечно, нельзя отрицать, что въ доброе старое время св. отцы подходили къ вопросу съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ и видѣли въ игрищахъ только остатки язычества и того двоевѣрія, съ которымъ они такъ энергично боролись. Но невозможно въ тоже время упускать изъ виду, что добрая половина игрищъ, сама по себѣ, составляетъ остатокъ варварства, поражающій сторонняго наблюдателя своимъ откровеннымъ цинизмомъ. Этотъ цинизмъ ужасенъ еще тѣмъ, что онъ почти всегда переходитъ въ жестокость и издѣвательство надъ слабыми, т. е. надъ деревенскими дѣвушками, за которыхъ некому вступиться. «Деревенскіе парни, — пишетъ нашъ корреспондентъ изъ Череповецк. у. Новгородск. г.,—позволяютъ себѣ на бесѣдахъ такія дикія выходки, что только привычка здѣшнихъ дѣвицъ къ терпѣнію и цинизму мужчинъ останавливаетъ ихъ отъ жалобъ въ судъ».—Для образца укажемъ нѣсколько излюбленныхъ святочныхъ игръ, практикуемыхъ почти повсюду.

1) Игра въ кобылы. Собравшись въ какую-нибудь избу на бесѣду, парни устанавливаютъ дѣвокъ по-парно и, приказавъ имъ изображать кобылъ, поютъ хоромъ:

Кони мои, кони,
Кони вороные...

Затѣмъ, одинъ изъ ребятъ, изображающій хозяина табуна, кричитъ: «Кобылы славныя, кобылы! Покупай, ребята!»—Покупатель является, выбираетъ одну дѣвку, осма-

триваетъ ее, какъ осматриваютъ на ярмаркѣ лошадь, и говоритъ, что онъ хотѣлъ бы купить ее. Дальше идетъ торговля, полная неприличныхъ жестовъ и непристойныхъ пѣсенъ. Купленная «кобыла» цѣлуется съ покупателемъ и садится съ нимъ. Затѣмъ, съ тѣми же жестами и пѣснями, происходитъ переторжка, послѣ чего начинается ковка кобылъ. Одинъ изъ парней зажигаетъ пукъ лучины (горнъ) другой раздуваетъ его (мѣхи), третій колотитъ по пяткамъ (кузнецъ), а покупатель держитъ кобылицыны ноги на своихъ, чтобы не ушла.

2) Игра въ блины.—Эта игра столь-же популярна, какъ и предыдущая, и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ парней беретъ хлѣбную лопату, или широкій обрѣзокъ доски, а другой поочередно выводитъ дѣвушекъ на середину избы и, держа за руки, поворачиваетъ ихъ спиной къ первому парню, который со всего плеча дуетъ ихъ по спинѣ. Это и называется «печь блины».

3) Игра въ быка.—Парень, наряженный быкомъ, держитъ въ рукахъ, подъ покрываломъ, большой глиняный горшокъ съ придѣланными къ нему настоящими рогами быка. Интересъ игры состоитъ въ томъ, чтобы бодать дѣвокъ, и притомъ бодать такъ, чтобы было не только больно, но и стыдно. Какъ водится, дѣвки подымаютъ крикъ и визгъ, послѣ чего быка убиваютъ: одинъ изъ парней бьетъ полѣномъ по горшку, горшокъ разлетается, быкъ падаетъ и его уносятъ.

4) Игра въ гуся. — Гусь приходитъ тоже подъ покрываломъ, изъ подъ котораго виднѣется длинная шея и клювъ. Клювомъ гусь клюетъ дѣвокъ по головѣ (иногда пребольно) и въ этомъ состоитъ все его назначеніе.

5) Игра въ лошадь. — Надъ лошадью ребятамъ приходится много трудиться, чтобы приготовить ей, сверхъ

покрывала голову, похожую на лошадиную. Но смыслъ игры все тотъ-же: лошадь должна лягать дѣвокъ.

6) Игра въ кузнеца. — Это болѣе сложная игра, представляющая собой зародышъ деревенской комедіи. Въ избу, нанятую для бесѣдъ, вваливается толпа парней съ вымазанными сажей лицами и съ подвѣшенными сѣдыми бородами. Впереди всѣхъ выступаетъ главный герой— кузнецъ. Изъ одежды на немъ только портки, а верхняя голая часть туловища разукрашена симметрично расположенными кружками, изображающими собой пуговицы. Въ рукахъ у кузнеца большой деревянный молотъ. За кузнецомъ вносятъ высокую скамейку, покрытую широкимъ, спускающимся до земли, пологомъ, подъ которымъ спрятано человѣкъ пять—шесть ребятишекъ. Кузнецъ расхаживаетъ по избѣ, хвастаетъ, что можетъ сдѣлать все, что угодно: замки, ножи, топоры, ухваты и, сверхъ того, умѣетъ «старыхъ на молодыхъ передѣлывать». —«Не хочешь-ли я тебя на молодую передѣлаю?» — обращается онъ къ какой-нибудь дѣвицѣ не первой молодости. Та, разумѣется, конфузится и не соглашается. Тогда кузнецъ приказываетъ одному изъ ряженныхъ стариковъ: — «Нука, ты, старый чертъ, полѣзай подъ наковальню, я тебя перекую».—Старикъ прячется подъ пологомъ, а кузнецъ бьетъ молоткомъ по скамейкѣ, и изъ-подъ полога выскакиваетъ подростокъ. Интересъ игры состоитъ въ томъ, чтобы, при каждомъ ударѣ, у кузнеца сваливались портки и онъ оставался совершенно обнаженнымъ. Когда всѣхъ стариковъ перекуютъ на молодыхъ, кузнецъ обращается къ дѣвушкамъ, спрашивая у каждой.—«Тебѣ, красавица, что сковать? Тебѣ, умница, что сковать?» И каждая дѣвица должна что-нибудь заказать, а затѣмъ, выкупая приготовленный заказъ, поцѣловать кузнеца, который старается

при этомъ, какъ можно больше, вымазать ея физіономію сажей.

Всѣ перечисленныя игры (въ которыхъ мы должны были опустить наиболѣе циничные пассажи) при всей грубости и жестокости, все-таки не заключаютъ въ себѣ ровно ничего такого, что оскорбляло бы религіозное чувство человѣка и что, такъ или иначе, связывалось бы съ христіанскими вѣрованіями и обычаями. Но, къ сожалѣнію, существуетъ цѣлая группа другихъ игръ, которыя окрашены не только цинизмомъ, но содержатъ въ себѣ элементъ несомнѣннаго кощунства. Такова, напримѣръ, игра въ покойника (мѣстами эта игра называется «умрунъ», «смерть» и т. д.). Состоитъ она въ томъ, что ребята уговариваютъ самаго простоватаго парня, или мужика быть покойникомъ, потомъ наряжаютъ его во все бѣлое, натираютъ овсяной мукой лицо, вставляютъ въ ротъ длинные зубы изъ брюквы, чтобы, страшнѣе казался, и кладутъ на скамейку или въ гробъ, предварительно привязавъ накрѣпко веревками, чтобы, въ случаѣ чего, не упалъ или не убѣжалъ. Покойника вносятъ въ избу на посидѣлки четыре человѣка, сзади идетъ попъ въ рогожной ризѣ, въ камилавкѣ изъ синей сахарной бумаги, съ кадиломъ въ видѣ глинянаго горшка или рукомойника, въ которомъ дымятся горячіе уголья, мохъ и сухой куриный пометъ. Рядомъ съ попомъ выступаетъ дьячекъ въ кафтанѣ, съ косицей назади, потомъ плакальщица въ темномъ сарафанѣ и платочкѣ, и, наконецъ, толпа провожающихъ покойника родственниковъ, между которыми обязательно имѣется мужчина въ женскомъ платьѣ, съ корзиной шанегъ или опекишей для поминовенія усопшаго. Гробъ съ покойникомъ ставятъ среди избы и начинается кощунственное отпѣваніе, состоящее изъ самой отборной, что называется, «острожной»

брани, которая прерывается только всхлипываніемъ плакальщицы да кажденіемъ «попа».

По окончаніи отпѣванія, дѣвокъ заставляютъ прощаться съ покойникомъ и насильно принуждаютъ ихъ цѣловать его открытый ротъ, набитый брюквенными зубами. Нечего и говорить, что одинъ видъ покойника производитъ на дѣвушекъ удручающее впечатлѣніе: многія изъ нихъ плачутъ, а наиболѣе молоденькія, случается, даже заболѣваютъ послѣ этой игры *). Кончается игра тѣмъ, что часть парней уноситъ покойника хоронить, а другая часть остается въ избѣ и устраиваетъ поминки, состоящія въ томъ, что мужчина, наряженный дѣвкой, одѣляетъ дѣвицъ изъ своей корзины шаньгами—кусками мерзлаго конскаго помета.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ та же игра въ покойника варьируется въ томъ смыслѣ, что покойника, обернутаго въ саванъ, носятъ по избамъ, спрашивая у хозяевъ:—«На вашей могилѣ покойника нашли—не вашъ-ли прадѣдка?»—Находящіеся въ избѣ, разумѣется, приходятъ въ ужасъ. Бывали случаи, когда маленькіе ребятишки падали въ обморокъ и долго послѣ того бредили.

Къ игрѣ въ покойника взрослое населеніе относится съ полнымъ осужденіемъ. Въ народѣ ходитъ даже слухъ, что тотъ, кто изображаетъ покойниковъ, будетъ схваченъ ими въ лѣсу и утащенъ невѣдомо куда. Такъ, въ Никольскомъ у. Вологод. губ., разсказываютъ, что одинъ парень, надѣвавшій на святкахъ саванъ, былъ утащенъ покойникомъ въ болото и отданъ во власть діавола. Діаволъ долго

*) Характерно, что и въ этой игрѣ парни намѣренно вводятъ скабрезный элементъ, приводя въ безпорядокъ туалетъ покойника: «хоша ему и самому стыдно, говорятъ они,—да вѣдь онъ привязанъ—ничего не подѣлаетъ».

билъ парня дубиной, заставляя снять съ себя крестъ и бросить въ болото. Однако, несчастный, не смотря на жесточайшія мученія, все-таки не покорился и креста не снялъ, чѣмъ и спасся отъ смерти, отдѣлавшись только тяжкими увѣчьями.

Но, несмотря на такіе «страшные» разсказы, обычай рядиться покойниками еще очень распространенъ по всему нашему сѣверу, и, въ томъ же Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ., покойниками наряжается не только молодежь, но и женатые мужики, и притомъ по нѣскольку человѣкъ сразу, такъ что въ избу для посидѣлокъ врывается иногда цѣлая артель покойниковъ. У всѣхъ у нихъ въ рукахъ туго свитые жгуты, которыми они безпощадно хлещутъ парней изъ чужой деревни и пріѣзжихъ дѣвицъ (гостьевъ). Достается, впрочемъ, и своимъ дѣвицамъ, которымъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, наклоняютъ голову и хлещутъ по спинѣ до синяковъ.

Изъ числа другихъ игръ, представляющихъ собой зародышъ младенческой комедіи, необходимо указать на очень распространенную «игру въ барина». Эта комедія, несомнѣнно, носитъ сатирическій характеръ, и происхожденіе ея восходитъ ко временамъ крѣпостнаго права. Въ избу для посидѣлокъ ряженые вводятъ подъ руки человѣка необыкновенной толщины, въ высокой шапкѣ, съ лицомъ, густо вымазаннымъ сажей, и съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Это и есть «баринъ». Подлѣ него суетятся казачекъ, подающій огня для трубки и кучеръ (онъ-же бурмистръ), гарцующій на палочкѣ верхомъ и хлещущій бичемъ то палочку, то дѣвокъ. Баринъ неповоротливъ, глухъ и глупъ, кучеръ, наоборотъ, хитрая бестія, хорошо знающая барскіе вкусы и барскую повадку. Баринъ усаживается и начинаетъ ворчать и ругаться, а кучеръ по-

добострастно вертится около и поминутно спрашиваетъ:— Что прикажете, баринъ батюшка? — Самое представленіе начинается съ того, что кучеръ, обращаясь къ парнямъ, спрашиваетъ у нихъ, не желаетъ ли кто жениться, и приказываетъ спрашивать разрѣшеніе барина. Вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ парней приближается къ барину, кланяется въ ноги и говоритъ:

— Батюшка-баринъ, прикажи жениться.

— Что-о? Не слышу,—переспрашиваетъ глухой баринъ.

— Жениться!—кричитъ во весь голосъ парень.

— Телиться?

— Жениться!

— Ягниться?..

— Жениться!

— А, жениться!.. Ну, что жъ, женись, женись, выбирай дѣвку!

Парень выбираетъ дѣвушку. Товарищи его подхватываютъ ее подъ руки и подводятъ къ барину. Дѣвушка, разумѣется, всѣми силами упирается и не идетъ. Тогда кучеръ бьетъ ее «шелепугой» (бичемъ) и кричитъ: «Благодари барина, цѣлуй барина». Какъ только дѣвушку подведутъ къ барину, съ него какъ рукой сниметъ прежнюю апатію и сонливость: онъ дѣлается необыкновенно подвиженъ, оживленъ, разсыпается мелкимъ бѣсомъ и то лѣзетъ цѣловать и обнимать дѣвушку, то дѣлаетъ полные непристройности жесты. Кучеръ же въ это время изо всѣхъ силъ помогаетъ барину ухаживать и придерживаетъ увертывающуюся отъ поцѣлуевъ дѣвушку. Потомъ къ барину подходитъ второй парень, который тоже испрашиваетъ разрѣшенія жениться, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ не переженятся.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта сатирическая комедія

представляется съ различнаго рода варіантами, причемъ характерно, что комедія ие застыла въ разъ навсегда опредѣленной формѣ, а подверглась цѣлому ряду измѣненій, сообразно съ новѣйшими перемѣнами въ судьбѣ барина. Такъ, напримѣръ, въ ней нашло свое отраженіе и современное помѣщичье оскудѣніе. По крайней мѣрѣ, нашъ смоленскій корреспондентъ свидѣтельствуетъ, что въ Юхновскомъ уѣздѣ дѣйствующими лицами пародіи являются промотавшійся помѣщикъ и его слуга пройдоха. Пародія начинается монологомъ помѣщика, который жалуется на трудныя времена и на то, что народъ отъ рукъ отбился. Ему, барину, сейчасъ нужны деньги, онъ вчера до тла проигрался въ карты, а староста, между тѣмъ, не несетъ оброка*), хотя давно долженъ былъ бы явиться. Отъ нетерпѣнія, баринъ наконецъ кличетъ слугу:

— Ванька новый!

— Чего изволите, баринъ голый?

— Что-о? Что ты сказалъ?

— Я говорю: чего изволите, молъ, баринъ?

Баринъ посылаетъ слугу въ лавку набрать товару въ долгъ. Но слуга возвращается и говоритъ:

— Не даетъ лавочникъ-то. Говоритъ: этакому шерамыжнику да въ долгъ давать? Твой, говоритъ, баринъ больше ничего, какъ мазурикъ...

---

*) Анахронизмъ этотъ не такъ великъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, т. к. помѣщики чрезъ сельскихъ старостъ собирали оброкъ съ крестьянъ и послѣ ихъ освобожденія, пока крестьяне не согласились пойдти «на выкупъ»; въ общемъ, при освобожденіи крестьянъ, «выкупъ» земли у помѣщиковъ не былъ обязателенъ, и во многихъ мѣстахъ «оброкъ» за пользованіе ею платился весьма долго и продолжался бы, можетъ быть, и дольше, если бы крестьяне платили его исправно.

— Молчи, молчи, дуракъ!—прерываетъ баринъ расходившагося лакея. Но лакей не унимается.

— Я что же съ, я молчу... А только лавочникъ говоритъ: этакому, говоритъ, жулику—и въ долгъ? Сохрани меня Боже... Ежели бы, говоритъ, порядочному господину—я съ моимъ удовольствіемъ, а твоему, говоритъ, безпартошному барину ни въ жисть... Много молъ, развелось ихъ нынче, рвани всякой...

Баринъ, наконецъ, не выдерживаетъ и кидается на лакея съ чубукомъ. Лакей убѣгаетъ и на его мѣсто является староста. Баринъ очень радъ старостѣ, но боится прямо спросить про оброкъ и заводитъ разговоръ издалека, освѣдомляясь о деревенской жизни и о своемъ хозяйствѣ. Староста начинаетъ съ того, что на деревнѣ все обстоитъ благополучно и незамѣтно возбуждаетъ у барина надежду на полученіе денегъ. Но, какъ только эта надежда переходитъ въ увѣренность, староста докладываетъ, что хотя и все благополучно, но жеребецъ издохъ.

— Что?—кричитъ баринъ,—мой жеребецъ?

— Вашъ, батюшка-баринъ, вашъ. И домъ сгорѣлъ.

— Что-о? Мой домъ?

— Вашъ, сударь, вашъ. И рожь уродилась такая, что снопъ отъ снопа—столбовая верста, а копна отъ копны—цѣлый день ходьбы.—Помѣщикъ подавленъ всѣми этими извѣстіями, а староста не унимается и выкладываетъ все новыя и новыя бѣды, пока баринъ не прогоняетъ его.

Кончается пьеса тѣмъ, что къ барину является кредиторъ, и баринъ опрометью, безъ души, улепетываетъ отъ него на улицу.

Эта пародія очень нравится крестьянамъ, такъ что актеровъ-любителей не только принимаютъ съ распростертыми объятіями, но угощаютъ и дарятъ деньгами.

До сихъ поръ мы останавливались преимущественно на такихъ играхъ и забавахъ крестьянской молодежи, которыя рисуютъ святочныя развлеченія нашего народа съ отрицательной стороны. Но есть, разумѣется, много игръ совершенно невинныхъ, характеризующихъ лишь наивность и простоту деревенскихъ нравовъ. Изъ такихъ игръ можно указать, для образца, хотя бы слѣдующія:

Игра въ голосянку.—На посидѣлкахъ какой-нибудь бойкій парень выходитъ на середину избы и громкимъ голосомъ произноситъ:

Ну, давайте-ка ребята,
Голосянку тянуть.
Кто не дотянетъ,
Того за волосы-ы-ы-ы-ы!....

И парень, а за нимъ и всѣ другіе начинаютъ тянуть это «ы» до безконечности. Посторонніе же посѣтители (ребятишки и пожилые) всячески стараются разсмѣшить участвующихъ въ игрѣ и тѣмъ заставить прервать звукъ «ы».—Эй, ты, Егорко, лопнешь!—кричатъ они какому-нибудь парню, — смотри, какъ шары-то (глаза) выпучилъ!—Окрики эти сопровождаются обыкновенно самымъ заразительнымъ смѣхомъ, и потому Егорка, не удержавшись, въ концѣ концовъ, расхохочется и оборветъ звукъ «ы». Тогда на него наскакиваетъ цѣлая толпа и теребитъ за уши, за носъ, за волосы. Азартъ при этомъ бываетъ такъ великъ, что теребятъ даже не участвовавшіе въ игрѣ.

Почти такой-же азартъ вызываетъ игра въ молчанку. Она состоитъ въ томъ, что по командѣ «разъ, два, три», всѣ парни и дѣвушки должны хранить самое серьезное молчаніе. Эта игра напоминаетъ «фанты», потому что невыдержавшіе молчанія подвергаются какой-нибудь услов-

ленной карѣ, напримѣръ: съѣсть пригоршню угля, поцѣловать какую-нибудь старуху, позволить облить себя водой съ ногъ до головы, бросить въ ротъ горсть пепла, сходить на гумно и принести снопъ соломы (послѣднее наказаніе считается однимъ изъ тягчайшихъ, такъ какъ ночью на гумно не ходятъ, изъ опасенія попасть въ лапы «огуменника», одного изъ самыхъ злыхъ домашнихъ чертей). Исполненіе штрафовъ за нарушенное молчаніе производится по всей строгости уговора, а если кто-нибудь откажется съѣсть, напр. уголь, то его начинаютъ «катать на палкахъ». Для этого толпа бойкихъ ребятишекъ находитъ гдѣ-нибудь три-четыре круглыхъ и гладкихъ полѣна, раскладываетъ ихъ на полъ и всей артелью валитъ на эти полѣнья виновнаго, послѣ чего парни подхватываютъ несчастнаго за ноги и за руки и начинаютъ катать по полѣньямъ (операціи этой очень часто подвергаются и дѣвушки, хотя и кричатъ при этомъ отъ боли).

Съ посидѣлокъ молодежь расходится далеко за полночь. Но, такъ какъ веселое настроеніе, поднятое танцами и играми, не проходитъ сразу, то парни обыкновенно не идутъ по домамъ спать, а продолжаютъ шалости на улицахъ. Объектомъ этихъ шалостей чаще всего служатъ мирно спящіе крестьяне, надъ которыми продѣлываются всевозможныя штуки. Сговариваются, напримѣръ, два парня подшутить надъ какимъ-нибудь дядей Семеномъ и придумываютъ такую «игру»: берутъ мерзлаго конскаго помета, распускаютъ его въ горшокъ съ горячей водой, такъ чтобы образовалась жижица, затѣмъ вмѣстѣ съ этимъ горшкомъ и метлой подходятъ къ Семеновой избѣ и становятся одинъ подлѣ окна, а другой съ горшкомъ у самой стѣны, такъ чтобы его не было видно изъ избы. Послѣ этого,

стоящій подъ окномъ начинаетъ стучаться и кричать чужимъ голосомъ:

— Эй, хозяинъ! А, хозяинъ! подь-ка сюда на минутку!

Встревоженный дядя Семенъ, заслышавъ шумъ, встаетъ, лѣзетъ кряхтя съ полатей и, первымъ дѣломъ, отворяетъ окно и высовываетъ голову:

— Что надыть?

Но въ эту минуту парень, прижавшійся у стѣны, быстро макаетъ метлу въ горшокъ и мажетъ дядю Семена по лицу. И пока Семенъ, отплевываясь и чертыхаясь, разберетъ, въ чемъ дѣло, парни уже будутъ далеко, и долго въ тишинѣ деревенской ночи будетъ раздаваться ихъ смѣхъ и ожесточенная брань дяди Семена.

Еще чаще расшалившіеся парни «пужаютъ» спящихъ обывателей стукомъ въ стѣны избы. Для этого толпа головорѣзовъ приставляетъ къ переднему углу, гдѣ стоятъ иконы, толстый «стягъ» (жердь) и изо всей мочи ударяетъ концомъ стяга въ стѣну. Ударъ нерѣдко бываетъ такъ силенъ, что вся изба приходитъ въ сотрясеніе и иконы, если онѣ плохо прикрѣплены къ божницѣ, падаютъ на полъ. Въ такихъ случаяхъ разсвирѣпѣвшій хозяинъ, въ одной рубашкѣ, выскакиваетъ изъ избы и съ топоромъ въ рукахъ преслѣдуетъ озорниковъ. Это «стуканье», разумѣется, вызываетъ со стороны степенныхъ домохозяевъ искреннее негодованіе, тѣмъ болѣе, что тутъ замѣшано, нѣкоторымъ образомъ, неуваженіе къ святынѣ. Поэтому, если разбуженному хозяину удастся настигнуть кого-нибудь изъ озорниковъ, то дѣло часто кончается тяжкими побоями и даже увѣчьемъ. Впрочемъ, для предупрежденія «стуканья», нѣкоторые хозяева соединяются даже въ компаніи и, подстерегая парней на мѣстѣ преступленія, безпощадно бьютъ ихъ батожьемъ.

Но самой излюбленной шалостью деревенской молодежи слѣдуетъ признать заваливанье воротъ и дверей избъ всякимъ деревенскимъ хламомъ: дровами, бревнами, сохами, боронами и проч. Взявшись за это дѣло цѣлой гурьбой, озорники такъ завалятъ всѣ выходы изъ избы, что утромъ всѣ хозяева очутятся какъ въ плѣну и нерѣдко до вечера будутъ потомъ разбираться. Иногда, для большей потѣхи, парни взбираются на крыши заваленныхъ избъ и выливаютъ въ трубу ведро воды, послѣ чего хозяева, какъ очумѣлые, носятся по избѣ и даже взываютъ о помощи къ сосѣдямъ*).

До сихъ поръ мы останавливались, главнымъ образомъ, на святочныхъ забавахъ деревенской молодежи. Но, и взрослое населеніе въ эти веселые вечера не любитъ сидѣть дома и предается свойственнымъ его возрасту развлеченіямъ, въ ряду которыхъ, едва-ли не главное мѣсто занимаетъ хожденіе въ гости, взаимныя угощенія и отчасти азартныя игры. Послѣднія, съ развитіемъ путей сообщенія, проникли даже въ такіе медвѣжьи углы, какъ Вологодская губернія, гдѣ играютъ и ребятишки, и парни, и взрослые мужики. Ребятишки, конечно, играютъ на денежки изъ тонко обструганной березы, а взрослое населеніе на настоящія деньги. Любимая игра — «хлюстъ», «мельники», «окуля» (окуля — дама бубенъ, она ничѣмъ не кроется и ничего не кроетъ**). Игра сопровождается

---

*) Съ неменьшимъ удовольствіемъ молодежь утаскиваетъ въ поле (иногда за нѣсколько верстъ) сани и телѣги спящихъ однодеревенцевъ, разрушаетъ полѣницы дровъ и разваливаетъ печи въ баняхъ.

**) Масти на крестьянскомъ языкѣ носятъ нѣсколько иное названіе, чѣмъ въ образованномъ обществѣ: трефы называются «крести», пики— «вини», дама—«краля», валетъ—«холопъ», король—«бардадымъ», козырной тузъ—«необыгримка» и пр.

обыкновенно большимъ воодушевленіемъ и нерѣдко переходитъ въ такой азартъ, при которомъ крестьяне забываютъ все, бранятся и жестоко дерутся, нанося другъ другу тяжкіе побои. Характерно, что такой-же азартъ овладѣваетъ мужиками и тогда, когда они играютъ не на деньги, а, напримѣръ, въ бабки. Въ Никольскомъ уѣз., Волог. г. бородатые игроки въ бабки часто изъ-за одной или двухъ ладышекъ ссорятся и дерутся, какъ ребятишки, а нѣкоторые, какъ увѣряетъ нашъ корреспондентъ, охотно соглашаются, чтобы ихъ изо всей мочи ударили кулакомъ съ ладышкой въ лобъ, но съ условіемъ, чтобы спорная ладышка была отдана имъ. При игрѣ на деньги азартъ доходитъ до того, что нѣкоторые записные игроки не только проигрываютъ большія деньги (до 10 руб. и болѣе), но оставляютъ своимъ счастливымъ соперникамъ даже одежду, такъ что возвращаются домой почти нагишемъ, въ одной рубашкѣ. Есть деревни, гдѣ почти всѣ крестьяне обратились въ страстныхъ игроковъ, сражающихся въ карты даже лѣтомъ, въ сѣнокосъ и жатву.

Чтобы закончить характеристику деревенскихъ святокъ, необходимо еще, хотя вкратцѣ, упомянуть о святочныхъ, или, какъ ихъ называютъ крестьяне, «святовскихъ» пѣсняхъ. Особенность этихъ пѣсенъ состоитъ въ томъ, что онѣ сопровождаются играми — различными хожденіями дѣвицъ, то рядами, то кругами. Игры, разумѣется, придаютъ значительный интересъ посидѣлкамъ и вносятъ оживленіе въ крестьянскія вечеринки. Вторая особенность «святовскихъ» пѣсенъ заключается въ томъ, что онѣ составляютъ исключительную принадлежность рождественскихъ и новогоднихъ вечеровъ и въ остальное время года предаются совершенному забвенію, такъ что самое пѣніе ихъ, помимо святокъ, считается въ народѣ грѣхомъ. По-

нятно, такимъ образомъ, что пѣсни эти, составляя запретный плодъ въ теченіе цѣлаго года, являются любимыми святочными развлеченіями деревенской молодежи. На бесѣдахъ онѣ начинаютъ входить въ употребленіе уже съ зимняго Николы, но пѣніе ихъ въ это время еще не сопровождается играми, и только съ наступленіемъ рождественскихъ вечеровъ игры вступаютъ въ свои права.

Нашъ вологодскій корреспондентъ (Никольск. у.) раздѣляетъ святочныя пѣсни на три группы, въ зависимости отъ сопровождающихъ ихъ игръ. Въ первую группу онъ включаетъ тѣ пѣсни, при пѣніи которыхъ дѣвицы, присутствующія на бесѣдѣ, раздѣляются на два равныхъ ряда, причемъ оба ряда устанавливаются такимъ образомъ, чтобы лица обоихъ рядовъ дѣвушекъ были обращены другъ къ другу. Когда послышатся первыя слова пѣсни, первый рядъ дѣвушекъ начинаетъ идти ко второму, который въ это время стоитъ на мѣстѣ. Подойдя къ нему, первый рядъ разступается, дѣвицы поворачиваются въ другую сторону, спиной къ лицу дѣвицъ второго ряда, берутся снова за руки и идутъ къ своему прежнему мѣсту. А въ то же время и второй рядъ оставляетъ свое мѣсто и идетъ вслѣдъ за первымъ рядомъ до другого конца избы, гдѣ оба ряда, распустившись, поворачиваются на своихъ мѣстахъ и взявшись за руки, идутъ туда, гдѣ стоялъ второй рядъ; здѣсь, снова распустившись, опять берутся за руки и вторично идутъ къ мѣсту, занимаемому первымъ рядомъ и т. д. Какъ образчикъ святовскихъ пѣсенъ первой группы, можно указать слѣдующую, записанную въ селѣ Юзѣ Вологодск. г., Никольск. у.:

По горамъ да дѣвки ходили,
Да по крутымъ красны гуляли,

Да и мечемъ горы шибали (бросать, бить, кидать),
Да напишу-ли я грамотку,
Да съ по бѣлу бархотку,
Да отошлю-ли я грамотку
Да родимому батюшкѣ:
Да что велитъ-ли мнѣ батюшка
Да мнѣ съ поигрищамъ ходити?
Да ты ходи, дочи, веселись,
Да съ кѣмъ не сойдешься, поклонись,
Да ты по старому ту поклонись,
Да ты со младымъ то пошути,
Да ты отъ младаго прочь пойди.

Ко второй группѣ святочныхъ пѣсенъ относятся такія, которыя поются съ «отпѣвами», т. е. вопросно-отвѣтныя или діалогическія. Для пѣнія ихъ, участвующія раздѣляются какъ и въ первой группѣ, на два равныхъ ряда и точно также, взявшись за руки, становятся на двухъ противоположныхъ концахъ избы. Но такъ какъ пѣсни второй группы состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, то при самомъ исполненіи ихъ, сохраняется діалогическая форма: вопросы поются одной стороной, а другая только «отпѣваетъ»—(отвѣчаетъ).

Вотъ образецъ такой пѣсни:

Заганутъ-ли,
Заганутъ-ли,
Да красна дѣвка,
Да краснопѣвка,
Да семь загадокъ,
Да семь мудреныхъ,
Да хитрыхъ мудрыхъ,

Да все замужескихъ (т. е. такихъ, которыя подъ силу только мужскому уму).
Да королецкихъ (королевскихъ).
Да молодецкихъ?

Это вопросъ, который поется одной стороной. Другая же отпѣваетъ:

Да загони-ко,
Закогони-ко,
Да красна дѣвка,
Да краснопѣвка,
Да семь загадокъ
Да семь мудреныхъ и т. д.

Когда вторая сторона пропоетъ свой отвѣтъ, первая предлагаетъ вопросъ—загадку:

Еще гріетъ,
Еще гріетъ,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да во всю святоруську?

Вторая отвѣчаетъ:

Солнце гріетъ,
Солнце гріетъ
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да святоруську.

Дальнѣйшія загадки, по своей трудности, ничѣмъ не отличаются отъ первой. Спрашиваютъ, напр., что свѣтитъ во всю ночку и отвѣчаютъ—мѣсяцъ свѣтитъ, что сыплютъ во все небо—звѣзды сыплютъ и т. д.

Третью группу святочныхъ пѣсенъ составляютъ пѣсни хороводныя. Участвующія въ игрѣ дѣвицы образуютъ кругъ и стоятъ, не передвигаясь съ мѣста, во время пѣнія. По за-кругу же ходитъ одна какая-нибудь дѣвушка, изображающая собою «царевеня» (царевича), который обращается съ вопросами къ царевнѣ (царевну изображаетъ весь хоръ).

Царевень. — Ты пусти во городъ,
Ты пусти во красенъ.
Царевна. — Тѣ по ще во городъ,
Тѣ по ще во красенъ?
Царевень. — Мнѣ дѣвицъ смотрѣть,
Красавицъ выбирать.
Царевна. — Тебѣ коя люба,
Коя прихороша,
Коя лучше всѣхъ?
Царевень. — Мнѣ ка эта люба,
Эта прихороша,
Эта лучше всѣхъ.

Съ этими словами «царевень» выводитъ изъ круга выбранную имъ дѣвушку и, взявши своей лѣвой рукой ея правую руку, съ пѣніемъ быстро ведетъ ее по за-кругу. Когда пѣсня кончится, ее начинаютъ сызнова и поютъ такъ до тѣхъ поръ, пока царевень не выберетъ изъ круга всѣхъ дѣвицъ. Такимъ образомъ, въ концѣ игры образуется цѣлая «плѣница» (вереница) дѣвушекъ, предводимая царевичемъ. При пѣніи же въ послѣдній разъ «Возьму я царевну»—царевень, увлекая за собою всю цѣпь, дѣлаетъ нѣсколько спиралеобразныхъ поворотовъ и на томъ игра оканчивается.

II.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Рождественскій сочельникъ повсемѣстно проводится крестьянами въ самомъ строгомъ постѣ. Ѣдятъ только послѣ первой звѣзды, причемъ самая ѣда въ этотъ день обставляется особыми символическими обрядами, къ которымъ приготовляются загодя. Обыкновенно, передъ закатомъ солнца, хозяинъ со всѣми домочадцами становится на молитву, потомъ зажигаетъ восковую свѣчу, прилѣпляетъ ее къ одному изъ хлѣбовъ, лежащихъ на столѣ, а самъ уходитъ во дворъ и приноситъ вязанку соломы или сѣна, застилаетъ имъ передній уголъ и прилавокъ, покрываетъ чистой скатертью или полотенцемъ и на приготовленномъ мѣстѣ, подъ самыми образами, ставитъ необмолоченный снопъ ржи и кутью. Когда, такимъ образомъ, все приготовлено, семья снова становится на молитву, и затѣмъ уже начинается трапеза.

Солома и не обмолоченный снопъ составляютъ непремѣнную принадлежность праздника. Они знаменуютъ собой пробужденіе и оживленіе творческихъ силъ природы, которыя просыпаются за поворотомъ солнца съ зимы на лѣто *). Садовыя же растенія и плоды, а также подсол-

*) По календарю, этотъ переломъ зимы приходится на Спиридона-поворота, 12 Декабря.

нечныя зерна считаются въ народной миѳологіи какъ символъ оплодотворяющаго землю дождя.

Кутья, или каша, разведенная медомъ, также имѣетъ символическое значеніе. Она знаменуетъ собой плодородіе и употребляется не только въ сочельникъ, но и на похоронахъ и даже на родинахъ и крестинахъ (въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, она подается съ масломъ). Самая трапеза въ рождественскій сочельникъ совершается среди благоговѣйной тишины и почти молитвеннаго настроенія, что, однако, не мѣшаетъ крестьянамъ тутъ-же, во время трапезы, гадать о будущемъ урожаѣ, выдергивая изъ снопа соломенки, и заставлять ребятъ лазить подъ столъ и «цыкать» тамъ цыпленкомъ, чтобы хорошо водились куры.

По окончаніи вечери, часть оставшейся кутьи дѣти разносятъ по домамъ бѣдняковъ, чтобы и имъ дать возможность отпраздновать «богатую кутью», и затѣмъ въ деревняхъ начинаются колядки.

По свидѣтельству большинства нашихъ корреспондентовъ, обычай колядовать въ рождественскій сочельникъ, за послѣдніе 5—10 лѣтъ, сталъ выводиться, но все-таки и теперь онъ далеко не повсемѣстно забытъ деревенской молодежью, которая видитъ въ немъ не только веселое препровожденіе времени, но своеобразную доходную статью. Есть мѣста, гдѣ практикуется не только рождественская коляда, но и Васильевская (подъ Новый годъ) и крещенская (въ Крещенскій сочельникъ). Коляда состоитъ въ томъ, что парни, дѣвушки и мальчики собираются группами и, переходя отъ одного двора къ другому, поютъ подъ окошками, а иногда и въ избахъ, пѣсни, то въ честь праздника, то какъ поздравленіе хозяевъ, то просто ради потѣхи и развлеченія. За это имъ даютъ копѣйки, хлѣбъ, а иногда подчуютъ водкой.

Въ Грузинской волости, Новгородскаго уѣзда, изъ колядованья выработался интересный обычай, «цыганьичанья», который, по словамъ нашего корреспондента, состоитъ въ томъ, что въ первые два дня великаго праздника молодыя дѣвушки, одѣвшись въ разноцвѣтныя и спитыя не по росту платья, накидываютъ себѣ на плечи большіе распущенные платки (на манеръ цыганскаго костюма) и ходятъ по дворамъ и домамъ однѣ—съ гармоніей и балалайкою въ рукахъ, а другія—съ лукошками. Вся эта веселая ватага распѣваетъ цыганскія пѣсни, играетъ, пляшетъ и выпрашиваетъ все, что попадется на глаза, причемъ, въ случаѣ отказа хозяевъ, «по цыганской совѣсти» безцеремонно тащитъ все, что плохо лежитъ. Часто случается, что эти русскія цыганки уносятъ разныя вещи у своихъ сосѣдей, но сосѣди рѣдко обижаются и обыкновенно предлагаютъ выкупъ за свое добро. На вырученныя деньги дѣвушки покупаютъ себѣ гостинцевъ на весь праздникъ, причемъ обычай запрещаетъ чтобы «на колядовыя» деньги покупалось что-нибудь полезное.

Кромѣ деревенской молодежи, въ колядахъ принимаетъ участіе и сельское духовенство, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что обычай этотъ распространенъ чрезвычайно мало и имѣетъ значеніе чисто мѣстное. Но, тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ, и притомъ не гдѣ-нибудь въ лѣсномъ захолустьѣ, а въ Курской губ. Вотъ что пишетъ намъ по этому поводу одинъ священникъ.—«Эта «коляда» была для меня совершенною новостью, я о ней даже и не слышалъ, а теперь самому пришлось волей-неволей ѣхать за подаяніемъ».—«Да, ваше дѣло такое, что вамъ нужно ѣхать,—подбодряетъ меня церковный староста,—покойный о. благочинный по нѣскольку

возовъ съ одной деревни, случалось, собиралъ, и вамъ всякій дастъ, я съ вами самъ поѣду». Отправляемся въ деревню «въ коляду», въ домъ идетъ староста и говоритъ: «батюшка въ коляду пріѣхалъ». Выходитъ хозяинъ: — «Въ коляду пріѣхали?» — спрашиваетъ у меня. — Да, отвѣчаю я въ смущеніи.—«Что-жъ, ваше дѣло такое, на на нови нужно дать, пойдемте въ амбаръ», — Я стараюсь какъ можно скорѣй уйти изъ амбара, чтобы не смотрѣть, какъ мнѣ ссыпаютъ коляды. Видя мое смущеніе, нѣкоторые хозяева замѣчали: «вы дужа рахманны, нужно быть посмѣлѣй, покойный о. благочинный самъ каждаго хлѣба требовалъ. Ну, ничего, дастъ Богъ, поживете съ нами, пообвыкнете»...

Какъ на оригинальную особенность, связанную съ колядованіемъ, нужно еще указать на слѣдующій обычай, практикуемый въ Вологодск. губ., Кадниковск. у. Здѣсь мальчишки 7—10 лѣтъ ходятъ по избамъ сбирать лучины на вечера, причемъ распѣваютъ такія пѣсни:

Коляда ты, коляда,
Заходила коляда,
Записала коляда,
Государева двора,
Государевъ дворъ середи Москвы,
Середь каменныя.
Кумушка-голубушка,
Пожертвуйте лучинки
На святые вечера,
На игрища, на сборища.

Если лучины дали, то въ благодарность еще поютъ: «Спасибо, кума, лебедь бѣлая моя, ты не праздничала не про . . . . на базаръ гулять ходила, себѣ шолку

Библіотека Петра Кирпичникова

накупила, ширинки вышивала, дружку милому отдавала. Дай тебѣ, Господи, сорокъ коровъ, пятьдесятъ поросятъ, да сорокъ курочекъ».

Если же лучины не дали, то пожеланія принимаютъ совсѣмъ другой характеръ: «дай-же тебѣ Господи—одна корова и та нездорова, по полю пошла, и та пропала».

День Рождества Христова, какъ почитаемый однимъ изъ самыхъ великихъ праздниковъ, крестьяне начинаютъ самымъ благочестивымъ образомъ— отстоятъ литургію, разговѣются и только потомъ уже начинаются тѣ безшабашныя празднества, которыя заканчиваются поголовнымъ пьянствомъ и неизбѣжными въ такихъ случаяхъ безчинствами и драками. Пьютъ очень много; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., существуетъ даже обычай, въ силу котораго каждый, кто хочетъ, будь то знакомый, незнакомый, русскій, татаринъ, мордвинъ—все равно, можетъ зайти въ любую избу и пить, сколько угодно, причемъ никто изъ хозяевъ не скажетъ ему ни слова. Къ концу дня обыкновенно всѣ мужики за 25 лѣтъ еле ноги волочатъ, многія женщины тоже. Среди этого разливаннаго моря и ненасытнаго разгула, отрадное исключеніе составляетъ только деревенская дѣтвора (и отчасти парни и дѣвушки), которыя ходитъ по дворамъ и славятъ Христа. Славильщики обыкновенно поютъ тропари и кондаки празднику и лишь въ концѣ вставляютъ такъ называемыя присказки. Вотъ для образца одна изъ такихъ присказокъ:

Пречистая Дѣва Марія
Іисуса Христа породила,
Въ ясляхъ положила.
Звѣзда ясно сіяла,

Тремъ царямъ путь показала—
Три царя приходили,
Богу дары приносили,
На колѣни припадали,
Христа величали.

Христославовъ крестьяне принимаютъ очень ласково и радушно. Младшаго изъ нихъ обыкновенно усаживаютъ на шубу, постланную въ переднемъ углу мѣхомъ вверхъ (дѣлается это для того, чтобы насѣдки сидѣли спокойно на гнѣздахъ, и выводили больше цыплятъ), а всѣхъ остальныхъ одѣляютъ мелкими деньгами, пирогами, мукой и баранками. На вырученныя деньги ребята нанимаютъ обыкновенно избу для бесѣдъ, куда, кромѣ дѣвушекъ и парней, ходятъ молодухи, вдовушки, солдатки и пожилые люди изъ числа непьющихъ.

III.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ ночь подъ Новый годъ безчисленные сонмы бѣсовъ выходятъ изъ преисподней и свободно расхаживаютъ по землѣ, пугая весь крещеный народъ. Начиная съ этой ночи, вплоть до кануна Богоявленья, нечистая сила невозбранно устраиваетъ пакости православному люду и потѣшается надъ всѣми, кто позабылъ оградить свои дома крестомъ, начертаннымъ на дверяхъ жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній. Въ эти страшные вечера, говоритъ народная легенда, Богъ на радостяхъ, что у Него родился Сынъ, отомкнулъ всѣ двери и выпустилъ чертей погулять. И вотъ, черти, соскучившись въ аду, какъ голодные, набросились на всѣ грѣшныя игрища и придумали, на погибель человѣческаго рода, безчисленное множество развлеченій, которымъ съ такимъ азартомъ предается легкомысленная молодежь.

Такъ говоритъ строгая легенда, созданная благочестивыми людьми въ поученіе вѣтренной молодежи. Однако, молодежь до сихъ поръ не прониклась смысломъ этого повѣрья и по всей великой Руси проводитъ святки въ весельи, распѣвая пѣсни, затѣвая игры и устраивая гаданья.

Гаданье составляетъ любимое святочное развлеченіе. Гадаютъ кое-гдѣ и подъ Рождество, и подъ Крещенье, но самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ считается гаданье подъ Новый годъ (если только гадающій не забудетъ соблюсти всѣ необходимыя условія, т. е. будетъ гадать безъ креста, безъ пояса и не благословясь).

Почти всѣ способы гаданья имѣютъ одну цѣль— узнать скоро ли, куда и за кого выдадутъ замужъ (или на комъ женятъ) и какъ сложится жизнь въ чужой семьѣ, среди чужихъ людей. Эти вопросы, по понятнымъ причинамъ, всего больше интересуютъ женскую половину деревенской молодежи, и потому естественно, что дѣвушки отдаются гаданію съ особеннымъ увлеченіемъ.

Наиболѣе распространенными видами гаданья считается литье олова или воска, гаданье съ пѣтухомъ, выбрасыванье за ворота башмаковъ или лаптя и обычай «хоронить золото». Но всѣ эти способы гаданья практикуются повсемѣстно, а самый ритуалъ ихъ настолько общеизвѣстенъ, что нѣтъ надобности говорить о немъ вновь. Можно только указать на кое-какія мѣстныя особенности того или другого гаданья. Такъ, въ нѣкоторыхъ глухихъ губерніяхъ (напр. въ Волог. г.) при гаданіи съ пѣтухомъ считается необходимымъ украсть у кого-нибудь изъ причта наславленнаго овса *) и этимъ овсомъ обсыпать свои кольца. То же гаданье въ Муромскомъ уѣздѣ обставляется такими особенностями: гадальщицы раскладываютъ на столѣ щепотку крупы, кусокъ хлѣба, ножницы, золу, уголь и ставятъ миску съ водой. Ежели затѣмъ пѣтухъ клюнетъ крупу, или хлѣбъ, то суженый бу-

*) Въ глухихъ мѣстахъ причту даютъ иногда, вмѣсто денегъ, продукты хозяйства.

деть изъ богатой семьи, ежели ножницы—портной, ежели золу—табашникъ, воду пить станетъ—мужъ будетъ пьяница, а если уголь вздумаетъ клевать—то дѣвушка не выйдетъ замужъ совсѣмъ.

Кромѣ этихъ общеизвѣстныхъ способовъ гаданья, существуютъ еще и такіе, которые почти неизвѣстны въ городахъ и практикуются только въ деревнѣ. Такъ, напр., въ Курской губ. дѣвушки, подъ Новый Годъ, ходятъ въ хлѣвъ и обвязываютъ овецъ и коровъ поясами, а на утро смотрятъ: если овца, или корова станетъ головой къ воротамъ, то дѣвушка выйдетъ замужъ, если задомъ или бокомъ—то придется ей еще годъ просидѣть въ ожиданіи жениховъ. Этотъ способъ гаданья рѣдко обходится безъ шутокъ и глумленій со стороны деревенскихъ парней. Вотъ что на этотъ счетъ разсказала одна баба нашему корреспонденту изъ Обояни: «Одинъ разъ стали наши дѣвки гадать, пошли въ овчарухъ, обвязали овечекъ поясами, да и ушли въ хату. А ребята поразвязали овецъ, наловили собакъ, обвязали ихъ поясами, да и пустили въ овчарухъ. Пришли на утро дѣвки — глядь, а вмѣсто овецъ, собаки... И что-жъ бы вы думали,—закончила разсказчица свое повѣствованье—повышли тѣ дѣвки замужъ, и у всѣхъ до единой собачья жизнь была».

Въ Вологодской губ., вмѣсто овецъ и коровъ, при гаданьѣ дѣвушекъ играютъ роль лошади. Гадальщица надѣваетъ коню мѣшокъ на голову и завязываетъ на шеѣ, послѣ чего садится верхомъ, задомъ напередъ, беретъ въ зубы хвостъ и гонитъ лошадь. Если при этомъ лошадь пойдетъ къ воротамъ, то дѣвушку нынче же выдадутъ замужъ и наоборотъ—если въ хлѣвъ или къ забору, то въ нынѣшнемъ году никто не посватается.

И этотъ способъ гаданья то же, разумѣется, не обходится безъ шутокъ парней, которые стараются испугать лошадь и хохочутъ, когда всадница свалится на землю. Но всего чаще проказятъ парни при, такъ называемыхъ, гаданьяхъ въ овинахъ и въ баняхъ. Въ ночь подъ Новый годъ, дѣвушки толпой тихонько пробираются къ овину, который считается страшнымъ мѣстомъ, потому что здѣсь обитаетъ злой духъ «овинникъ», и каждая, поднявъ сарафанъ, становится задомъ къ окошечку, выходящему изъ ямы овина и говоритъ прерывающимся отъ страха голосомъ: «Суженый-ряженый, погладь меня». Если, затѣмъ, дѣвушкѣ покажется, что ее погладили мохнатой рукой—то, значитъ, мужъ у нея будетъ богатый, если голой—то бѣднякъ. Продѣлавъ это, дѣвушки идутъ въ оврагъ, гдѣ находится баня, снимаютъ съ себя кресты и сѣютъ золу, которую потомъ каждая изъ нихъ высыпаетъ отдѣльной кучкой возлѣ печки. Здѣсь онѣ продѣлываютъ тоже самое, что у окна овина, только подходятъ къ челу печки передомъ—и тоже просятъ суженаго погладить ихъ. Вотъ тутъ-то и случается, что, вмѣсто нечистаго духа, въ овинъ и въ баню забираются ребята и продѣлываютъ надъ гадальщицами непристойныя, а иногда и прямо жестокія шутки, которыя частенько кончаются трагически. (Нашъ пензенскій корреспондентъ разсказываетъ объ одномъ случаѣ, когда гадальщица, которую схватилъ парень, спрятавшійся въ овинѣ, умерла отъ испуга). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда парни не мѣшаютъ дѣвушкамъ, гаданье въ банѣ заканчивается тѣмъ, что, насыпавъ кучки золы, дѣвушки на другой день идутъ смотрѣть въ баню: если на кучкѣ замѣтенъ слѣдъ ногъ въ сапогахъ—то дѣвушка выйдетъ за богатаго, если въ лаптяхъ—за бѣднаго, если, наконецъ, будутъ видны слѣды отъ удара кнутомъ — то

мужъ у дѣвушки будетъ сердитый и будетъ бить жену.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дѣвушки гадаютъ одиѣ, безъ участья парней. Но есть способы гаданья, въ которыхъ принимаетъ участіе молодежь обоего пола. Сюда относятся, напр., гаданья на разстаняхъ дорогъ (извѣстно, что перекрестки дорогъ—любимое мѣсто нечистой силы). Парни и дѣвушки садятся здѣсь въ кружокъ, очерчиваютъ себя кругомъ, прикрываются бѣлой полотняной скатертью и напряженно вслушиваются въ тишину морозной зимней ночи. Если кто-нибудь услышитъ звонъ колокольчика—значитъ дѣвушка выйдетъ въ ту сторону замужъ, а парень оттуда возьметъ жену. Точно также предвѣщаетъ свадьбу и собачій лай, причемъ, по характеру лая, опредѣляютъ даже свойства жениха (или невѣсты). Хриплый, грубый лай знаменуетъ стараго, ворчливаго жениха, звонкій—молодого. Если лай послышится вблизи, то и женихъ будетъ изъ ближняго села; если послышится лай далекій, едва уловимый, то и женихъ будетъ изъ дальнихъ мѣстъ. Всего чаще, конечно, гадальщики, настроенные на любовный ладъ, слышатъ или звонъ колокольчика, или собачій лай. Но бываютъ случаи, когда до нихъ доносятся звуки, предвѣщающіе несчастье, напр., звукъ топора (смерть) или звукъ поцѣлуя (потеря чести для дѣвушки). Гаданье на перекресткахъ дорогъ требуетъ, чтобы никто изъ гадающихъ не выходилъ изъ круга, пока всѣ не будутъ «расчерчены», т. е. пока кто-нибудь изъ присутствующихъ здѣсь-же, но не участвующихъ въ гаданьѣ, снова не очертитъ кругомъ гадающихъ—иначе гаданье не сбудется.

Къ числу совмѣстныхъ гаданій, въ которыхъ принимаетъ участіе молодежь обоего пола, слѣдуетъ отнести и под-

блюдныя пѣсни, которыя, какъ извѣстно, составляютъ лишь особый видъ святочнаго гаданья. Впрочемъ, подблюдныя пѣсни, по общему отзыву нашихъ корреспондентовъ, почти повсемѣстно выходятъ изъ употребленія, и молодежь къ нимъ относится далеко безъ той серьезности, какая наблюдалась въ старину. Теперь пѣніе этихъ безъискусственныхъ, полныхъ ребяческой наивности пѣсенокъ—загадокъ, сплошь и рядомъ прерывается разухабистымъ, фабричнымъ мотивомъ, визгливыми звуками гармоники, а то и просто замѣчаніями непристойнаго характера. И единственно, кто еще не даетъ окончательно умереть подблюдной пѣснѣ—это деревенскія дѣвушки: онѣ еще сохранили вкусъ къ поэзіи отцовъ и дѣдовъ, и, собираясь въ Васильевъ вечеръ «закидывать кольца», наблюдаютъ, чтобы подблюдныя пѣсни распѣвались чинъ чиномъ, и чтобы старинные обряды сохранялись при этомъ во всей полнотѣ, т. е. чтобы воду, куда опускаютъ кольца, приносили изъ проруби, чтобы приносилъ ее парень первородный (первенецъ) или дѣвушка «послѣдняя» (т. е. младшая въ семьѣ) *) и т. д.

Всѣ виды гаданій (въ особенности, такъ называемое, «страшное» гаданье съ зеркаломъ) считаются благочести-

*) Для интересующихся можемъ указать еще слѣдующіе, очень распространенные, способы святочнаго гаданья: въ Васильевъ вечеръ дѣвушки ходятъ подъ окна и подслушиваютъ разговоры сосѣдей, стараясь по отдѣльнымъ, долетающимъ до нихъ словамъ, узнать свою судьбу. Еще чаще ходятъ слушать на церковную паперть, причемъ, если гадальщицамъ почудится, что въ пустой церкви поютъ «Исаія ликуй»—то замужество въ этомъ году неизбѣжно—наоборотъ, если послышится «со святыми упокой», то гадальщицу ожидаетъ смерть. Въ большомъ ходу точно также гаданье «на чулокъ» и «на замокъ». Въ первомъ случаѣ дѣвушка, ложась спать, оставляетъ на одной ногѣ чулокъ и говоритъ: «суженый-ряженый, разуй меня».—Во второмъ случаѣ она привязываетъ къ поясу замокъ, запираетъ его и ключъ кладетъ подъ

выми людьми за грѣхъ. Но еще большій грѣхъ совершаютъ тѣ, кто рядится и надѣваетъ «хари» (маски). Въ особенности, это развлеченіе считается неприличнымъ для женщинъ и дѣвушекъ. Во многихъ мѣстахъ дѣвушка изъ богобоязненной семьи, воспитанная въ твердыхъ правилахъ крестьянскаго приличія, ни за что не позволитъ себѣ не только надѣть маску, но и просто нарядиться въ несвойственный ея полу и возрасту костюмъ. Даже для парней маска, купленная въ городѣ, считается непристойной забавой и настолько тяжкимъ грѣхомъ, что провинившемуся остается только одинъ способъ поправить дѣло—это выкупаться въ проруби въ день Богоявленья.

Однако, не смотря на такое строгое отношеніе къ обычаю рядиться, ни однѣ деревенскія святки не проходятъ безъ того, чтобы парни не устроили себѣ потѣшныхъ развлеченій съ переодѣваніемъ. Еще загодя они подготовляютъ самодѣльныя маски, бороды изъ льна и шутовскіе костюмы, состоящіе изъ самыхъ худыхъ зипуновъ, вывороченныхъ шерстью наружу, полушубковъ и пр. Въ сумерки желающіе рядиться собираются къ кому-либо въ хату и одѣваются кто цыганомъ, кто старымъ дѣдомъ, кто уродомъ-горбачемъ. При этомъ почти всегда устраиваютъ кобылу, т. е. вяжутъ изъ соломы чучело немного похожее на лошадь, которую затѣмъ должны нести четыре парня. Когда всѣ одѣлись, отправляются по деревнѣ съ пѣснями и крикомъ. Впереди всѣхъ ѣдетъ

голову, тоже со словами: «суженый-ряженый, отомкни меня». Къ этому же способу относится обычай «класть колодезь подъ головы». Колодезь—не что иное, какъ лучинки, положенныя четыреугольникомъ. Приговоръ въ этомъ случаѣ почти такой-же, какъ и въ предыдущихъ: «суженый-ряженый, пріѣзжай коня поить».—Наконецъ, въ большомъ ходу еще обычай ходить въ полночь въ курятникъ, ловить пѣтуха на нашестѣ и по цвѣту перьевъ его опредѣлять цвѣтъ волосъ будущаго мужа.

верхомъ на кобылѣ горбатый старичекъ съ предлинной бородой (для этого наряжаютъ мальчика подростка). За нимъ ведутъ медвѣдя на веревкѣ цыганъ и солдатъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ цѣлая толпа ряженыхъ парней и подростковъ. Шумной, веселой ватагой врываются ряженые въ дома, пляшутъ, поютъ, предлагаютъ гадать и выпрашиваютъ табаку и денегъ. Обойдя всѣ дома болѣе богатыхъ сосѣдей, вся эта толпа вваливается въ святочную избу и, если денегъ насобирала довольно, то начинаетъ бражничать.

Мы такъ долго останавливались на новогоднихъ развлеченіяхъ деревенской молодежи только потому, что эти развлеченія, какъ уже было сказано, составляютъ центръ русскихъ святокъ и что никто другой, какъ именно молодежь, даетъ тонъ общему веселью и своимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, своими проказами, пѣснями и смѣхомъ заражаетъ взрослое населеніе, заставляя и его тряхнуть стариной и вспомнить молодость. Впрочемъ, забавы взрослыхъ далеко не носятъ такого шумнаго характера и почти цѣликомъ направлены на исполненіе дѣдовскихъ обычаевъ, освященныхъ церковью и временемъ. Притомъ же день Новаго года представляетъ собой своего рода рубежъ, отдѣляющій прошлое отъ будущаго. Въ этотъ день даже въ самой легкомысленной головѣ шевелится мысль о возможномъ счастіи или несчастіи, а въ сердцѣ роятся надежды, можетъ быть, и несбыточныя, и ребяческія, но все-таки подымающія настроеніе и вызывающія какое-то смутное предчувствіе лучшаго будущаго. Въ трудовой жизни крестьянина-пахаря, которая вся построена на случайностяхъ и неожиданностяхъ, это настроеніе пріобрѣтаетъ особенную остроту, порождая тѣ безчисленныя примѣты, своеобразные обычаи и гаданья, которые пріурочены къ канунуноваго года и къ самому новому году.

Гадаетъ взрослое населеніе, разумѣется, только о томъ, что составляетъ центръ всѣхъ деревенскихъ помысловъ, т. е. объ урожаѣ, причемъ, сплошь и рядомъ, гаданье, какъ суевѣрное желаніе узнать будущее, сливается въ данномъ случаѣ съ примѣтой, т. е. съ наблюденіемъ, провѣреннымъ опытомъ стариковъ. Вотъ, напримѣръ, какъ гадаютъ объ урожаѣ крестьяне Пензенской губ., Краснослободскаго уѣзда. Въ канунъ Новаго года, около полуночи, двѣнадцать стариковъ (по числу мѣсяцевъ въ году), избранныхъ всѣмъ обществомъ за примѣрную жизнь и испытанное благочестіе, идутъ къ церковной паперти и ставятъ здѣсь снопы хлѣба—ржи, овса, гречи, проса, льна и пр., а также кладутъ картофель. На утро новаго года, тѣ же двѣнадцать стариковъ приходятъ въ церковную ограду и замѣчаютъ: на какомъ изъ сноповъ больше инею, того хлѣба и надо всего больше сѣять.

Кромѣ этихъ мѣстныхъ примѣтъ, есть и общія, распространенныя по всей Великороссіи. Такъ, напр., почти повсюду крестьяне вѣрятъ, что если въ ночь подъ новый годъ небо будетъ звѣздное, то въ наступающемъ году будетъ большой урожай ягодъ и грибовъ *). Не довольствуясь, однако, примѣтами, народная фантазія придумала цѣлый кодексъ гаданія объ урожаѣ. Такъ, въ Козловскомъ уѣздѣ крестьяне, отстоявши утреннюю обѣдню, уходятъ на гумно и зубами выдергиваютъ изъ кладушекъ

*) Что касается крестьянскихъ примѣтъ вообще, то большинство изъ нихъ поражаетъ своей наивностью и первобытностью міросозерцанія. Однако, попадаются и такія, которыя дѣлаютъ честь народной наблюдательности и пытливости крестьянскаго ума. Интересующіеся могутъ на этотъ счетъ найти у Глѣба Успенскаго («Власть Земли») много подробностей и чрезвычайно глубокую оцѣнку народныхъ примѣтъ.

былинки. Если выдернется былинка съ колосомъ, полнымъ зерна, то годъ будетъ урожайный, если съ тощимъ—неурожайный. Еще болѣе своеобразный обычай наблюдается въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензенск. г. Здѣсь крестьяне, въ канунъ Новаго года, пекутъ отдѣльный каравай хлѣба, взвѣшиваютъ его, кладутъ на ночь къ образамъ, а утромъ снова взвѣшиваютъ и замѣчаютъ: если вѣсъ прибавится, то наступающій годъ будетъ урожайный (въ такомъ случаѣ, каравай съѣдается семейными), если же, наоборотъ, вѣсъ убавится, то годъ будетъ неурожайный (въ этомъ случаѣ, каравай отдаютъ скотинѣ, чтобы она меньше голодала во время безкормицы) *). Съ той же цѣлью—опредѣлить урожай будущаго года — крестьяне, послѣ заутрени, ходятъ на перекрестокъ, чертятъ палкою или пальцемъ на землѣ крестъ, потомъ припадаютъ къ этому кресту ухомъ и слушаютъ: если послышится, что ѣдутъ сани съ грузомъ—годъ будетъ урожайный, если пустыя—будетъ недородъ **).

Послѣ урожая, вторымъ властителемъ деревенскихъ думъ является, какъ извѣстно, скотина. Ея здоровье и

---

*) Извѣстенъ также повсемѣстный новогодній обычай обсыпанія зерновымъ хлѣбомъ, по преимуществу овсомъ или хмелемъ (символъ изобилія). Обсыпаютъ обыкновенно съ различными приговорами, въ родѣ: «ужъ дай ему Богъ, зароди ему Богъ, чтобы рожь родилась, сама въ гумно свалилась». Зерна засѣвальщиковъ тщательно сберегаютъ до весны и ими начинаютъ засѣвать яровыя поля.

**) Изъ числа другихъ новогодныхъ примѣтъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ урожаю, можно указать слѣдующія: если утромъ, въ день Новаго года, первой придетъ въ домъ женщина, то это неминуемо принесетъ несчастье; если мужчина—то счастье. Если въ день Новаго года есть въ домѣ деньги—весь годъ не будешь въ нихъ нуждаться, но только при условіи, если никому не дашь взаймы. (На томъ же основаніи даже ребятишки не даютъ взаймы костыгъ и бабокъ).

благополучіе, въ значительной мѣрѣ, обусловливаютъ и благополучіе хозяевъ. Поэтому нельзя удивляться, что скотина точно также составляетъ центръ, вокругъ котораго создался цѣлый циклъ новогоднихъ примѣтъ и обычаевъ. Такъ, напримѣръ, во многихъ селеніяхъ центральной полосы Россіи, въ Васильевъ день, принято колоть, такъ называемыхъ «кесаретскихъ» поросятъ (Васильевъ день называется иначе «Кесаретскимъ» по имени Василія Великаго, архіепископа Кесарійскаго). Зажареный кесаретскій поросенокъ считается какъ бы общимъ достояніемъ: всѣ желающіе односельцы могутъ приходить и ѣсть его, причемъ каждый изъ приходящихъ долженъ принести хоть немного денегъ, которыя вручаются хозяину, а на другой день передаются въ приходскую церковь и поступаютъ въ пользу причта. Обычай требуетъ, чтобы кесаретскій поросенокъ непремѣнно былъ жареный и подавался на столъ въ цѣломъ видѣ (неразрѣзаннымъ) хотя бы по величинѣ онъ походилъ на большую свинью. Передъ ѣдой, старшій въ семьѣ поднимаетъ чашку съ поросенкомъ вверхъ до трехъ разъ, приговаривая: «чтобы свиночки поросились, овечки ягнились, коровушки телились».—По окончаніи же трапезы, хозяинъ обыкновенно вызываетъ изъ числа гостей смѣльчака, который рѣшился бы отнести кости поросенка въ свиную закутку. Но охотниковъ на такое рискованное дѣло почти никогда не находится, такъ какъ кости надо носить по одной, а въ закуткѣ въ это время сидятъ черти, которые только того и ждутъ, чтобы выискался храбрецъ и явился въ ихъ компанію. Тогда они быстро захлопнутъ за вошедшимъ дверь и, среди шума и гама, будутъ бить его по головѣ принесенными костями, требуя назадъ съѣденнаго поро-

сенка. Понять происхожденіе этого обычая не трудно: основная идея его заключается въ сборѣ денегъ въ пользу духовенства, которое за это должно молить Бога о здоровьи и плодовитости скотины. Что-же касается участья въ этомъ обычаѣ нечистой силы, пріютившейся въ свиномъ закуткѣ, то это не болѣе какъ одинъ изъ тѣхъ остатковъ язычества, которыя переплелись съ христіанскими обрядами еще въ тѣ незапамятныя времена, когда на Руси господствовало двоевѣріе. Доказательствомъ того, что обычай колоть кесаретскихъ поросятъ имѣетъ именно такое значеніе, можетъ служить аналогичный же обычай, практикуемый въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Здѣсь крестьяне, въ день новаго года, рано по утру, съѣзжаются на погостъ со всего прихода, и каждый привозитъ свиныя туши: кто четверть, кто половину, а кто и цѣлую свинью, глядя по усердію и достатку. Туши эти жертвуются въ пользу причта, а головы ихъ кидаютъ въ общій котелъ и варятъ щи, которыя и съѣдаются всѣмъ міромъ. Обычай этотъ соблюдается очень строго, и не пожертвовать въ новый годъ духовнымъ лицамъ свинины, считается непростительнымъ грѣхомъ, такъ какъ жертва эта дѣлается въ благодарность за благополучіе скота въ прошедшемъ году и съ цѣлью умилостивить Бога и предохранить скотъ отъ падежа—въ наступающемъ году.

Изъ сказаннаго позволительно заключить, что кесаретскій поросенокъ центральныхъ губерній и свиныя туши Сольвычегодскаго уѣзда, по идеѣ своей, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга и составляютъ одинъ обычай. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что въ центральныхъ губерніяхъ, при помощи кесаретскаго поро-

сенка, въ пользу духовенства собираются деньги, а въ Сольвычегодскомъ свинину привозятъ натурой, и духовныя лица сами ужъ должны продать ее особымъ скупщикамъ *).

Существуетъ мнѣніе, что кесаретскій поросенокъ рѣжется въ память того, что Пресвятая Богородица приносила въ храмъ обрѣзывать младенца. Поэтому, будто бы, кесаретскимъ поросенкомъ и угощаютъ, по преимуществу, зятьевъ. Но не трудно видѣть, что такое объясненіе слишкомъ натянуто и страдаетъ искусственностью, не говоря уже о томъ, что обрядъ обрѣзанія и угощенія зятьевъ не стоятъ между собой ни въ какой связи.

IV.

КРЕЩЕНЬЕ ГОСПОДНЕ.

Въ центральныхъ губерніяхъ Великороссіи канунъ Богоявленья называется иногда «свѣчками», такъ какъ въ этотъ день, послѣ вечерни, когда совершается водосвятіе— деревенскія женщины ставятъ къ сосуду, въ которомъ освящается вода, перевитыя лентами или цвѣтными нитками свѣчи. Уже одинъ этотъ обычай показываетъ, что водосвятіе, совершаемое въ канунъ Богоявленья, крестьяне считаютъ особенно важнымъ торжествомъ. И дѣйствительно, весь этотъ день они проводятъ въ строжайшемъ постѣ (даже дѣти и подростки стараются не ѣсть «до звѣзды»), а во время вечерни маленькіе деревенскіе храмы обыкновенно не могутъ вмѣстить всей массы молящихся. Особенно велика бываетъ давка во время водосвятія, такъ какъ крестьяне сохранили убѣжденіе, что чѣмъ раньше почерпнуть освященной воды, тѣмъ она святѣе.

По возвращеніи съ водосвятія, каждый домохозяинъ, со всей своей семьей, съ благоговѣніемъ отпиваетъ нѣсколько глотковъ изъ принесенной посудины, а затѣмъ беретъ изъ-за иконы священную вербу и кропитъ святой водой весь домъ, пристройки и все имущество, въ полной увѣренности, что это предохраняетъ не только отъ бѣды и напасти, но и отъ дурного глаза. Въ нѣкоторыхъ гу-

берніяхъ, сверхъ того, считается за правило вливать св. воды въ колодцы, чтобы нечистые духи не забрались туда и не опоганили воду. При этомъ, однако, необходимо строго наблюдать, чтобы никто не бралъ воды изъ колодца до утра 6-го января, т. е. до освященія воды послѣ обѣдни. По совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, св. вода обыкновенно ставится къ образамъ, такъ какъ крестьяне не только вѣруютъ въ цѣлебную силу этой воды, но точно также твердо убѣждены, что она не можетъ испортиться, и что если заморозить богоявленскую воду въ какомъ угодно сосудѣ, то на льду получится явственное изображеніе креста. Приблизительно такое же священное значеніе приписывается крестьянами не только водѣ, освященной въ церкви, но и просто рѣчной водѣ, которая, въ канунъ крещенія, получаетъ особую силу. По народному представленію, въ ночь съ 5 на 6 января, въ рѣкѣ купается самъ Іисусъ Христосъ—поэтому во всѣхъ рѣчкахъ и озерахъ вода «колышется», и чтобы замѣтить это чудесное явленіе, необходимо только придти въ самую полночь на рѣку и ждать у проруби, пока «пройдетъ волна» (признакъ, что Христосъ погрузился въ воду). Это общераспространенное вѣрованіе создало въ крестьянской средѣ обычай, въ силу котораго считается большимъ грѣхомъ, ранѣе истеченія недѣли, мыть бѣлье въ той рѣкѣ, на которой происходило крещенское водоосвященіе. Нарушители этого дѣдовскаго завѣта считаются приспѣшниками и помощниками черта, такъ какъ, при погруженіи св. креста въ воду, вся нечистая сила, въ страхѣ и ужасѣ, не помня себя, бѣжитъ отъ него и, хватаясь за бѣлье, которое полощутъ въ проруби, выскакиваетъ наружу.—Вода, почерпнутая изъ проруби, въ

канунъ Крещенія, считается цѣлебной и помогаетъ въ особенности женщинамъ-кликушамъ—необходимо только, идя отъ проруби, не оборачиваться назадъ и произносить молитву.

Въ день Крещенья, лишь только ударитъ колоколъ къ заутрени, въ деревняхъ начинается движеніе: благочестивые люди спѣшатъ зажечь вязанки соломы передъ избами (для того, чтобы Іисусъ Христосъ, крестившійся въ Іорданѣ, могъ погрѣться у огня), а особые мастера-любители, испросивъ благословленіе у священника, хлопочутъ на рѣкѣ, устраивая «ердань». Съ необыкновеннымъ стараніемъ они вырубаютъ во льду крестъ, подсвѣчники, лѣстницу, голубя, полукруглое сіяніе и вокругъ всего этого желобчатое углубленіе для протока воды въ «чашу». Подлѣ чаши, во время богослуженія, становится причтъ и, при чтеніи ектеніи, особый знающій человѣкъ сильнымъ и ловкимъ ударомъ пробиваетъ дно этой чаши, и вода фонтаномъ вырывается изъ рѣки и быстро заполняетъ сіяніе (углубленіе), послѣ чего длинный осьмиконечный крестъ точно всплываетъ надъ водою и матовымъ серебромъ блеститъ на ея поверхности. На это торжество стекается обыкновенно масса народа, и старъ, и младъ—всѣ спѣшатъ на «ердань», такъ что толстый ледъ, въ полтора аршина, трещитъ и гнется подъ тяжестью молящихся. Привлекаетъ прихожанъ не только красота зрѣлища и торжественность богослуженія, но и благочестивое желаніе помолиться, испить освященной воды и омыть ею лицо. Находятся удальцы, которые даже купаются въ проруби, памятуя, что въ освященной водѣ человѣкъ не можетъ простудиться (какъ выше было сказано, всего больше купаются тѣ, кто на святкахъ рядился и надѣвалъ «хари»).

Праздникъ Крещенія Господня принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые больше другихъ очищены отъ языческихъ наслоеній, хотя и здѣсь имѣются своеобразные обряды и обычаи, въ которыхъ христіанская вѣра какъ бы переплетается съ языческимъ суевѣріемъ. Изъ числа такихъ обычаевъ можно, напримѣръ, указать на «освященіе скота» самими крестьянами. Вотъ какъ совершается этотъ обрядъ, въ Орловской губ. Послѣ обѣдни, которая на Крещенье отходитъ рано утромъ, крестьяне расходятся по домамъ и поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ; потомъ одинъ изъ членовъ семьи беретъ съ божницы икону съ зажженою передъ ней свѣчею, другой—кадильницу, третій — топоръ, четвертый (обыкновенно самъ хозяинъ) надѣваетъ вывороченную на изнанку шубу и беретъ миску съ богоявленскою водою и соломенное кропило. Сдѣлавъ эти предварительныя приготовленія, вся семья отправляется на скотный дворъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди, согнувшись, несетъ сынъ, или братъ домохозяина топоръ, остріемъ книзу, такъ что оно касается земли; за нимъ кто-нибудь изъ женщинъ несетъ икону (по большей части Воскресенія Христова) далѣе идутъ съ кадильницей и, наконецъ, хозяинъ съ чашею воды. Шествіе совершается торжественно, среди полнѣйшаго молчанія, причемъ процессія останавливается посреди двора, гдѣ разложенъ особый кормъ для скота: печеный, разломанный на куски, хлѣбъ, ржаныя лепешки, сохраненныя для этой цѣли отъ праздника Рождества Христова и Новаго года, хлѣбъ въ зернѣ и немолоченные снопы ржи, овса и другихъ хлѣбныхъ растеній, оставленные къ этому дню съ осени (оставляютъ обыкновенно по шести сноповъ каждаго хлѣба). Когда процессія останавливается, хозяйка выпускаетъ изъ хлѣвовъ, до тѣхъ поръ

запертую, скотину, которая съ недоумѣвающимъ видомъ бродитъ по двору и, наконецъ, накидывается на лакомую пищу. Между тѣмъ, процессія обходитъ вокругъ скотины съ образомъ, причемъ хозяинъ окропляетъ св. водой каждую голову крупнаго и мелкаго скота въ отдѣльности. Этотъ обходъ дѣлается три раза, послѣ чего топоръ крестообразно перебрасывается черезъ скотъ, и участники процессіи направляются обратно въ избу. Опредѣлить истинный смыслъ этого обычая сами крестьяне не могутъ, и объясненія ихъ разнорѣчивы: одни говорятъ, что соблюденіе этого обряда угодно Богу, другіе увѣряютъ, что обрядъ имѣетъ въ виду умилостивленіе домового, который-де не будетъ обижать скотину кормомъ, третьи, наконецъ, свидѣтельствуютъ, что такимъ путемъ скотъ гарантируется отъ падежа, такъ какъ всякія скотскія болѣзни пресѣкаются топоромъ, брошеннымъ на крестъ. Но, кажется, проще всего будетъ предположить, что обрядъ этотъ возникъ во времена отдаленной древности, когда храмовъ Господнихъ было еще мало, и когда благочестивые хозяева, по нуждѣ, сами должны были исполнять обязанности священниковъ, окропляя св. водой свою скотину. Тогда же этотъ, по основѣ своей, христіанскій, обычай подвергся языческимъ искаженіямъ и явился топоръ, пресѣкающій изурочье и напускъ болѣзни на скотину, и вывороченная на изнанку шуба, какъ средство угодить бѣсамъ, которые все носятъ на изнанку. Такимъ образомъ, въ данномъ обычаѣ не трудно установить всѣ признаки того двоевѣрія, которое, какъ ржавчина, насквозь проѣло христіанскіе обряды нашихъ крестьянъ.

Съ той-же цѣлью—предохранить скотъ отъ болѣзней и отъ порчи колдуновъ и вѣдьмъ—крестьяне нѣкоторыхъ губерній (напр. Орловской) считаютъ за правило непре-

мѣнно пріѣзжать, а не приходить на крещенскія богослуженія. На вопросъ одного изъ нашихъ корреспондентовъ, чѣмъ вызывается такой обычай, одинъ крестьянинъ отвѣтилъ такъ: «Да какъ же, въ церкви на иконѣ написанъ Егорій на бѣломъ конѣ; значитъ, конь этотъ не простой, а въ родѣ какъ святой будетъ, потому въ церквахъ онъ стоитъ. Притомъ же самъ Егорій, передъ тѣмъ, какъ убить ему змѣю огненную, что людей жрала, освятилъ въ рѣчкѣ воду и заѣхалъ въ ту воду на конѣ, чтобы, стало быть, коня своего освятить, и чтобы змѣя уже никакой вреды—ни жаломъ, ни огнемъ—лошади его не сдѣлала. Вотъ теперича и мы также: въ рѣку, конечно, лошадь не загонишь, потому вода оченно студенная, такъ пусть хоть по льду пройдется и освятится малость — святая вѣдь вода-то на Крещеньѣ».

Изъ числа другихъ крещенскихъ обрядовъ и обычаевъ можно указать на особый видъ гаданій и на смотрины невѣстъ, пріуроченныя къ этому дню. Гаданья на Крещенье, въ общемъ, тѣ же, что и на Новый годъ, и на Святки. Исключеніе составляетъ лишь, такъ называемое, гаданье съ кутьей, состоящее въ томъ, что гадальщицы, захвативши въ чашку горячей кутьи и, скрывши ее подъ фартукомъ или платкомъ, бѣгутъ на улицу и первому попавшемуся мужчинѣ швыряютъ въ лицо кутьей, спрашивая его имя. Еще болѣе оригиналенъ другой видъ спеціально-крещенскаго гаданья: въ сочельникъ, послѣ заката солнца, дѣвушки нагія выходятъ на улицу, полютъ снѣгъ, кидаютъ его черезъ плечо и затѣмъ слушаютъ: въ которой сторонѣ послышится что-нибудь, въ ту сторону и замужъ выдадутъ.

Обычай устраивать на Крещенье, такъ называемыя, дивьи (дѣвичьи) смотрины принадлежитъ къ числу выми-

рающихъ. Онъ сохранился лишь въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ еще не исчезли преданія старины и гдѣ браки устраиваются съ патріархальной простотой, по выбору родителей. Смотрины происходятъ либо въ церкви, во время литургіи, либо на городской площади, гдѣ катаются матери съ дочками, а мужской полъ стоитъ стѣной и производитъ наблюденіе. «Всѣ невѣсты,—разсказываетъ нашъ вологодскій корреспондентъ,—наряженныя въ лучшія платья и разрумяненныя, выстраиваюся въ длинный рядъ около «ердани». При этомъ каждая старается выставить на показъ и подчеркнуть свои достоинства».— Между невѣстами (называемыми также «славушницами») прохаживаются парни, сопровождаемые своими родительницами и выбираютъ себѣ суженую. При этомъ, какъ водится, заботливая родительница не только внимательно разсматриваетъ, но даже щупаетъ платья дѣвицъ и беретъ ихъ за руки, чтобы узнать, не слишкомъ ли холодны руки у славушницы. Если руки холодны, то такая невѣста, хотя бы она обладала всѣми другими качествами, считается зябкой и потому не подходящей для суровой крестьянской жизни. (Славушницы выходятъ на смотрины обязательно съ голыми руками, безъ рукавицъ).

V.

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Срѣтенье Господне (2 февраля) не считается въ крестьянской средѣ большимъ праздникомъ. Очень часто крестьяне, въ особенности неграмотные, даже не знаютъ какое событіе вспоминаетъ въ этотъ день православная церковь, а самое названіе праздника—«Срѣтеніе»—объясняетъ такимъ образомъ, что въ этотъ день зима встрѣчается съ лѣтомъ, т. е. начинаютъ ослабѣвать морозы, и въ воздухѣ чувствуется приближеніе весны. Приписывая Срѣтенью лишь значеніе календарнаго рубежа, крестьяне соединяютъ съ этимъ днемъ множество земледѣльческихъ примѣтъ: «на Срѣтеньевъ день снѣжокъ—весною дожжокъ»,—говорятъ они, гадая о будущихъ дождяхъ. Капель въ этотъ день предвѣщаетъ урожай пшеницы, а вѣтеръ — плодородіе фруктовыхъ деревьевъ, почему садовники, пришедши отъ заутрени, «трясутъ деревья руками, чтобы были съ плодами». Если въ Срѣтеньевъ день тихо и красно, то лѣтомъ будутъ хороши льны и прочее. По погодѣ этого дня судятъ также объ урожаѣ травъ, для чего бросаютъ поперекъ дороги палку и наблюдаютъ: если снѣгъ замететъ ее, то и кормъ для скота «подмететъ», т. е. травы будутъ дороги. Наконецъ, въ Срѣтеньевъ день хозяйки начинаютъ усиленно кормить куръ, чтобы были носки.

Что касается религіозныхъ обычаевъ, связанныхъ съ этимъ днемъ, то ихъ, на всемъ пространствѣ Великороссіи, почти не существуетъ, лишь кое-гдѣ (напр. въ Вологод. губ.), крестьяне обходятъ свои дома съ иконою Срѣтенія Господня или Спаса, причемъ, когда икону приносятъ въ домъ обратно, то вся семья, съ домохозяйномъ во главѣ, падаетъ ницъ и вопіетъ: «Господи Боже нашъ, войди къ намъ и благослови насъ».

VI.

ВЛАСЬЕВЪ ДЕНЬ.

При распредѣленіи даровъ благодати между святыми угодниками христіанской церкви, значительная доля ея досталась св. великомученику Власію. Ему поручено было покровительство и защита всего живого, служащаго въ помощь и пригоднаго на потребу человѣка, еще съ тѣхъ первоначальныхъ временъ, когда на простомъ созвучіи именъ (Власій приравнивался языческому Велесу) можно было укрѣпить вѣру довѣрчивыхъ и успокоить подозрѣнія сомнѣвающихся. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ народная жизнь, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, развивалась, благодатной силы Велеса оказалось недостаточно, понадобилось участіе иныхъ добрыхъ силъ, новыхъ помощниковъ и покровителей. Въ русскомъ православномъ мірѣ, въ помощь земледѣльцамъ, явились св. мученики Борисъ и Глѣбъ, пчеловодамъ—Зосима и Савватій соловецкіе, оберегателемъ домашней птицы—Сергій Радонежскій и т. д. Всѣ они явились въ дополненіе къ тѣмъ святымъ, которые перешли изъ греческой церкви и завѣщаны древнею Русью: св. Георгій Побѣдоносецъ—для рабочаго скота, а съ нимъ св. Афанасій и Кириллъ (2 мая). Для всякой птицы, идущей въ пищу, услаждающей слухъ и истребляющей вредныхъ насѣкомыхъ и

т. под. — покровителями служатъ сорокъ мучениковъ, утопленныхъ за вѣру въ Севастійскомъ озерѣ (исключительно для гусей—Никита мученикъ); для овецъ св. Анисимъ (15 февр.) и вровень съ Егоріемъ, въ одинаковую съ нимъ силу значенія и почитанія,- защитники лошадей св. муч. Флоръ и Лавръ (въ народномъ языкѣ часто сливающіеся въ одно имя Флоръ-Лавръ или еще чаще «Фролы»). Празднованье Егорьева дня и Фроловъ отличается особымъ чествованіемъ, такъ что въ этомъ отношеніи святые эти затмеваютъ не только меньшихъ угодниковъ, но и столь почтеннаго, по первородству и древнему преемству, какъ св. Власій.

Въ настоящее время присвоенная честь и то значеніе, которое приписывалось Власію въ доисторическую эпоху, сохранились болѣе въ народномъ календарномъ языкѣ, чѣмъ въ церковныхъ празднествахъ и обрядахъ. Власія зовутъ «бокогрѣемъ» и «сшиби рогъ съ зимы» за то, что память этого греческаго священномученика падаетъ на 11 Февраля, т. е. на то время, когда зимніе холода часто становятся болѣе мягкими и морозы уже не столь велики. Солнце начинаетъ сильно пригрѣвать, и въ тамбовскихъ краяхъ говорятъ, что «съ Власьева дня полозъ саней покатится и корова бокъ грѣетъ», что значитъ, въ переводѣ на общепонятный языкъ, что слѣды шаговъ и полозьевъ, остающихся въ февралѣ на снѣгу, начинаютъ «лосниться», а это и называется «полозъ покатится». Замѣчаютъ также, что выпущенная на прогулку скотина, въ виду того, что на дворѣ еще очень холодно, старается встать такъ, чтобы солнышко ударяло на нее. Тѣ же тамбовцы, на Власьевъ день, стараются, вообще, не работать, въ разсчетѣ предохранить свой скотъ отъ падежа. Молитвы во время самой эпиде-

міи обращаются, помимо всѣхъ другихъ святыхъ, прямо къ Власію: «св. Власій, дай счастья на гладкихъ телушекъ, на толстыхъ бычковъ, чтобы со двора шли—играли, а съ поля шли—скакали». Эта вѣра цѣльнѣе уберeглась въ черноземной Россіи, гдѣ давніе выселенцы изъ коренной и срединной Руси, удаленные отъ вліянія Москвы и Кіева и дошедшіе до полнаго отчужденія на окраинахъ государства, до сихъ поръ являютъ образцы полнаго двоевѣрія. Въ коровникахъ и хлѣвахъ ставятъ образъ св. Власія. Запасаются подобными иконами отъ владимірскихъ ходебщиковъ, на случаи общихъ молебновъ, какъ, напр., въ первый день выгона скота въ поле, и въ особенности, въ день преполовенія и во время падежа скота. Съ иконою св. Власія обходятъ безъ священника больныхъ: овцу, барана, лошадь и корову, связанныхъ хвостами и выведенныхъ на деревенскую площадку. По обходѣ зараженныхъ, гонятъ ихъ за село, въ оврагъ и тамъ, въ память языческихъ обрядовъ, побиваютъ животныхъ камнями и припѣваютъ: «мы камнями побьемъ и землей загребемъ, землей загребемъ — коровью смерть вобьемъ, вобьемъ глубоко, не вернешься на село». Затѣмъ на трупы набрасываютъ усердно столько щепы и соломы, чтобы сдѣлать костеръ, способный спалить всѣхъ четырехъ жертвенныхъ животныхъ безъ остатка. Такъ поступаютъ въ Чамбарскомъ уѣздѣ (Пензенск. г.) Въ рѣзкую противуположность этому обычаю, на глухомъ сѣверѣ, напр., въ Кадниковскомъ у., Вологодской г., чествованіе Власьева дня знаменуется многолюднымъ молебствіемъ, съѣздомъ цѣлыхъ волостей и безчисленными молебнами (простыми и водосвятными) въ промежуточное время между заутреней и обѣдней. Это празднество сопровождается также слѣдующимъ мѣстнымъ обычаемъ: на особые столы, а за

недостаткомъ ихъ, прямо на церковный полъ, кладутся караваи ржаного хлѣба, который священники кропятъ святою водою и хозяйки скармливаютъ скотинѣ. «Власьевъ день» (пишутъ оттуда)—праздникъ по всѣмъ приходамъ на три дня и больше. Варятъ пиво, покупаютъ водку, приглашаютъ всю родню—словомъ, празднуютъ широко и разгульно. Въ обиліи вологодскихъ жертвенныхъ хлѣбовъ, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени, богатая храмами сѣверная лѣсная Русь сберегала родственное племенное сходство съ малоцерковною черноземною украйной Великороссіи. За то на сѣверѣ, въ средѣ болѣе ранняго заселенія страны, съ примѣчательной послѣдовательностью и въ явной неприкосновенности, сберегались на окраинахъ всѣхъ древнихъ лѣсныхъ городовъ храмы во имя священномученика Власія, намѣренно строившіеся нѣкогда на главныхъ городскихъ выгонахъ (въ Вологодѣ, Костромѣ и др.). Тамъ же, гдѣ власьевскія церкви вошли въ срединную черту городовъ (какъ въ Москвѣ, Ярославлѣ и проч.), онѣ служатъ лишь мѣриломъ и показателемъ постепеннаго роста городского населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ эти города представляютъ собою однородныя картины—въ дни, посвященные церковному празднованію св. великомученика Побѣдоносца Георгія и св. муч. Флора и Лавра, съ тѣмъ примѣтнымъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ главная роль принадлежитъ женщинамъ, во второмъ—исключительно мужчинамъ. На этихъ двухъ праздникахъ и сосредоточивается, собственно, всенародное молитвенное настроеніе въ пользу тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя составляютъ основу и главную поддержку всего домашняго строя жизни и деревенскаго быта. По смыслу этого закона, и самыя празднества являются выдающимися, обставленными доступною торжественностью

и очень яркими проявленіями слѣпой и твердой вѣры въ могущественную помощь святыхъ защитниковъ и покровителей. Эти два праздника, по ихъ распространенности, мы имѣемъ полное право назвать именно всенародными и всероссійскими.

VII.

КАСЬЯНЪ-НЕМИЛОСТИВЫЙ.

Въ ряду свв. угодниковъ, чтимыхъ православнымъ народомъ, Касьянъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто—это нелюбимый святой, «немилостивый». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Пензенской губ. Саранскаго уѣзда, онъ даже не считается святымъ и не признается русскимъ, а самое имя Касьянъ слыветъ какъ позорное. Въ Вологодской же губ. (Кадник. уѣзда) Касьяна считаютъ какъ бы «опальнымъ» святымъ и разсказываютъ о немъ слѣдующую легенду: «св. Касьянъ сначала былъ свѣтлымъ ангеломъ, почему Богъ не имѣлъ нужды таить отъ него свои планы и намѣренія. Но затѣмъ святой этотъ соблазнился на обѣщанія и уловки нечистой силы и, перейдя на сторону діавола, шепнулъ ему, что Богъ намѣренъ свергнуть всю сатанинскую силу съ неба въ преисподнюю. Однако, впослѣдствіи Касьяна стала мучить совѣсть, онъ раскаялся въ своемъ предательствѣ и пожалѣлъ о прежнемъ житьѣ на небѣ и о своей близости къ Богу. Тогда Господь внялъ мольбамъ грѣшника и сжалился надъ нимъ, но, изъ осторожности, все-таки не приблизилъ его къ себѣ, а приставилъ къ нему ангела-хранителя, которому и приказалъ заковать Касьяна въ цѣпи и бить его по три года тяжелымъ молотомъ въ лобъ, а на четвертый отпускать на волю».

Но не это отступничество отъ Бога послужило источникомъ охлажденія православныхъ темныхъ людей къ Касьяну, а главнымъ образомъ его «немилостивое» отношеніе къ бѣдному народу. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ другая легенда, записанная въ Зарайскомъ у., Рязанской губ. «Однажды Касьянъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Чудотворцемъ, шелъ по дорогѣ и встрѣтился имъ мужичекъ, который увязилъ возъ въ грязи.—«Помогите,—проситъ мужичекъ,—возъ поднять». А Касьянъ ему. — «Не могу, говоритъ, еще испачкаю объ твой возъ свою райскую ризу, какъ же мнѣ тогда въ рай придти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай-же Чудотворецъ ни словечушка мужику не отвѣтилъ, а только уперся плечомъ, натужился, налегъ и помогъ возъ вытащить. Вотъ пришли потомъ Николай Угодникъ съ Касьяномъ въ рай, а у Николая-то вся какъ есть риза въ грязи выпачкана. Богъ увидалъ это и спрашиваетъ: — «Гдѣ это ты, Микола, выпачкался?»—«Я, говоритъ, Николай,—мужику возъ помогалъ изъ грязи вытаскивать». — «А у тебя отчего риза чистая, вѣдь ты вмѣстѣ шелъ?» — спрашиваетъ Господь Касьяна.—«Я, Господи, боялся ризу запачкать». Не понравился этотъ отвѣтъ Богу, увидалъ Онъ, что Касьянъ лукавитъ и опредѣлилъ: быть Касьяну именинникомъ разъ въ четыре года, а Николаю Угоднику, заего доброту, два раза въ годъ». — Хотя эта легенда пользуется на Руси самымъ широкимъ распространеніемъ, но все таки есть мѣста, гдѣ ее не знаютъ. Такъ, въ Новгородской губ. (Борович. у.) крестьяне нѣсколько иначе объясняютъ тотъ фактъ, что день Касьяна празднуется только разъ въ четыре года (29 февраля). «Св. Касьянъ, говорятъ они, три года подъ рядъ въ свои именины былъ пьянъ и только на четвертый годъ унялся и праздновалъ своего ангела въ

трезвомъ видѣ — вотъ почему и положено ему быть именинникомъ черезъ три года разъ».

Сообразно съ такой оцѣнкой нравственныхъ свойствъ Касьяна, установилось и отношеніе къ нему: крестьяне не только не любятъ, но и боятся этого святого: «Касьянъ на что взглянетъ—все вянетъ» — говорятъ мужики и твердо вѣрятъ, что у Касьяна недобрый взглядъ: если онъ взглянетъ на скотину — околѣетъ скотина, взглянетъ на лѣсъ — засохнетъ лѣсъ и погибнетъ, взглянетъ на человѣка — будетъ тому человѣку великое несчастіе. Примѣнительно къ такому пониманію, въ народномъ языкѣ сложилось даже нѣсколько поговорокъ, характеризующихъ «глазъ» Касьяна. Про угрюмаго, тяжелаго и несообщительнаго человѣка говорятъ, что «онъ Касьяномъ смотритъ». Про человѣка, способнаго сглазить, замѣчаютъ: «Касьянъ косоглазый, отъ него, братцы, хороните все, какъ отъ Касьяна—живо сглазитъ, да такъ, что потомъ ни попы не отчитаютъ, ни бабки не отшепчутъ».— «Глазъ Касьяна» считается настолько опаснымъ, что въ въ день 29 февраля крестьяне не совѣтуютъ даже выходить изъ избы, чтобы не случилось какого-нибудь непоправимаго несчастья; въ особенности опасно считается выходить до солнечнаго восхода (въ Орловской и Рязанской гг. крестьяне стараются даже проспать до обѣда, чтобы такимъ образомъ переждать самое опасное время).

Къ этой характеристикѣ св. Касьяна въ Вологодской губ. прибавляютъ еще одну черту, которая рисуетъ этого святого врагомъ человѣческаго рода. Здѣсь существуетъ легенда, что Касьяну подчинены всѣ вѣтры, которые онъ держитъ на двѣнадцати цѣпяхъ, за двѣнадцатью замками. Въ его власти спустить вѣтеръ на землю и наслать на людей и на скотину моръ (моровое повѣтріе). Въ Вят-

ской же губ. къ этой легендѣ присовокупляютъ, что самъ Богъ приказалъ образъ св. Касьяна ставить въ церквахъ на задней стѣнѣ, т. е. надъ входною дверью.

При такомъ воззрѣніи народа на св. Касьяна не мудрено, что високосный годъ повсюду на Руси считается несчастнымъ и опаснымъ, а самый опасный день въ этомъ году—Касьяновъ.

VIII.

ПЛЮЩИХА.

Подъ такимъ названіемъ извѣстенъ въ народѣ день св. Евдокіи, празднуемый 1 марта. Названіе это связывается съ перемѣнами, происходящими въ это время въ природѣ: отъ теплой погоды снѣгъ начинаетъ подтаивать, осѣдать и какъ бы сплющивается. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, св. Евдокія называется также «свистуньей», потому что въ это время начинаютъ дуть и свистать весенніе вѣтры, а въ старину народъ именовалъ ее «весенницей», такъ какъ эта святая женщина завѣдывала у Бога весною. У нея хранились ключи отъ весеннихъ водъ: захочетъ «весенница»—рано пуститъ воду, не захочетъ или прогнѣвается — задержитъ, а то такъ и морозы напуститъ. Оттого въ доброе старое время крестьяне боялись св. Евдокіи и 1-го марта никогда не работали.

Но за то теперь, въ день св. Евдокіи деревенская Русь не устраиваетъ никакихъ религіозныхъ торжествъ и ничѣмъ не отличаетъ этотъ день въ ряду второстепенныхъ церковныхъ праздниковъ. Только бабы обязательно приходятъ въ церковь и заказываютъ молебны передъ иконой Евдокіи, такъ какъ эта святая считается покровительницей овецъ. За то въ календарномъ отношеніи съ днемъ Евдокіи связывается много примѣтъ, предвѣща-

ющихъ хорошіе урожаи, хорошую погоду и пр. «На плющиху погоже—и все лѣто пригоже,—говорятъ крестьяне.—«Отколь вѣтеръ на плющиху подуетъ, оттоль придетъ и весна». Но въ то же время крестьяне сознаютъ, что въ началѣ марта погода еще бываетъ капризна, и вмѣсто весенняго тепла разражается иногда мятелью. «На Евдокію еще собачку въ сидячку снѣгомъ заноситъ»—говоритъ народъ о такихъ капризахъ погоды. Однако, эти случайныя вспышки зимы уже никого не обманываютъ, всѣ знаютъ, что св. Евдокія — предвѣстница весны и что весеннее солнце скоро возьметъ свое. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ женщины и дѣти начинаютъ даже «кликать весну», для чего влѣзаютъ на крыши или на пригорокъ и поютъ приличествующія случаю пѣсни (веснянки). Точно также, во многихъ мѣстахъ, крестьяне приносятъ въ этотъ день изъ лѣсу сучьевъ, топятъ избы, «чтобы весна была теплая», скидываютъ съ кровли снѣгъ, а вечеромъ примѣчаютъ: если на крышахъ сосульки долгія, то и ленъ будетъ хорошій, въ особенности куделью. Вообще, крестьяне вѣрятъ, что на Евдокію «Капельницу» всѣ подземные ключи закипаютъ, а бабы съ этого дня начинаютъ бѣлить холсты.

IX.

СОРОКИ.

День сорока мучениковъ Севастійскихъ (9 марта) носитъ на языкѣ народа названіе *сорокъ*, а иногда *куликовъ*. Въ этотъ день, по воззрѣнію крестьянъ, прилетаетъ изъ теплыхъ странъ сорокъ птицъ и первая изъ нихъ—жаворонокъ. «Бываетъ, увѣряютъ опытные старики-крестьяне, что прилетаютъ жаворонки и раньше, да только тѣ не путящіе: прилетитъ и смерзнуть можетъ. А ужъ тотъ жаворонокъ, который на сороки прилетитъ, тотъ настоящій, онъ не сдохнетъ».

Сороки, съ полнымъ основаніемъ, можно назвать дѣтскимъ праздникомъ: еще накапунѣ женщины мѣсятъ изъ ржаной муки тѣсто и пекутъ «жаворонковъ» (въ большинствѣ случаевъ, съ распростертыми крылышками, какъ бы летящихъ, и съ хохолками), а утромъ, въ день праздника, раздаютъ ихъ дѣтямъ. Кромѣ того, утромъ же одна изъ женщинъ дѣлаетъ на дворѣ сорокъ соломенныхъ гнѣздышекъ и въ каждое кладетъ по яичку изъ тѣста (это дѣлается отчасти для того, чтобы куры не ходили по чужимъ дворамъ, а неслись дома, отчасти-же съ цѣлью потѣшить ребятъ). Когда жаворонки поспѣютъ, дѣти берутъ ихъ и громадной гурьбой, съ криками и звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, несутъ куда-нибудь въ сарай или подъ

ригу—закликать жаворонковъ. Тамъ они сажаютъ своихъ птицъ, всѣхъ вмѣстѣ, на возвышенное мѣсто и, сбившись въ кучу, начинаютъ, что есть мочи, кричать: «жаворонки, прилетите, студену зиму унесите, теплу весну принесите: зима намъ надоѣла, весь хлѣбъ у насъ поѣла». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Орловской г.) эта дѣтская пѣсня замѣняется другой: «Ужъ вы кулички-жаворонки, солетайтеся, сокликайтеся. Весна-красна, на чемъ пришла? На сошечкѣ, на бороночкѣ, на лошадиной головѣ, на овсяномъ снопочку на ржаномъ колосочку, на пшеничномъ зернышку-у-у!..»

Эта пѣсня поется нѣсколько разъ. Затѣмъ ребятишки разбираютъ своихъ жаворонковъ и съ тою же пѣсней бѣгутъ по деревнѣ. Такъ продолжается до самаго обѣда: деревня полна дѣтскихъ пѣсенъ, дѣтскаго крика, дѣтскаго смѣха. Набѣгавшись вволю, ребятишки опять собираются въ одно мѣсто и начинаютъ ѣсть своихъ ржаныхъ птицъ. Ѣдятъ обыкновенно всю птицу за исключеніемъ головы, которую малыши берегутъ каждый для своей матери. Кончается празднество тѣмъ, что ребятишки цѣлуются между собой, поздравляютъ другъ друга съ весеннимъ праздникомъ и разбѣгаются по домамъ. А дома каждый мальчикъ отдаетъ голову жаворонка матери, со словами: «на-ко, мама, тебѣ головку отъ жаворонка: какъ жаворонокъ высоко летѣлъ, такъ чтобы и ленъ твой высокій былъ. Какая у моего жаворонка голова, такъ чтобы и ленъ такой головастый былъ». — Такъ протекаетъ этотъ прекрасный дѣтскій праздникъ въ Орловской губ. Въ Пензенской-же жаворонки пекутся и для взрослыхъ, которые по этимъ птичкамъ гадаютъ. Прежде чѣмъ посадить жаворонковъ въ печь, закладываютъ въ каждаго какую-нибудь вещицу: кольцо, щепку, копѣйку. Каждая изъ

этихъ вещей имѣетъ символическое значеніе: кольцо, напр., обозначаетъ свадьбу, щепка — гробъ, копѣйка—деньги и т. д. Но въ другихъ губерніяхъ взрослые предоставляютъ жаворонковъ въ исключительное распоряженіе дѣтей, сами же занимаются болѣе гаданіями о будущемъ урожаѣ, стараясь по погодѣ, какая была на Сороки, опредѣлить погоду весны и лѣта. Если, напр., на Сороки было морозное утро—то, значитъ, жди весной сорокъ «утренниковъ».

X.

МАСЛЯНИЦА.

Устанавливая сырную недѣлю, съ ея полускоромной пищей, православная церковь имѣла въ виду облегчить христіанамъ переходъ отъ мясоѣда къ великому посту и исподволь вызвать въ душѣ вѣрующихъ то молитвенное настроеніе, которое заключается въ самой идеѣ поста, какъ тѣлеснаго воздержанія и напряженной духовной работы. Но эта попечительная забота церкви повсемѣстно на Руси осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и на дѣлѣ, наша масляница не только попала въ число «праздниковъ», но стала синонимомъ самаго широкаго, безбрежнаго разгула. Въ эту недѣлю нашъ скромный и набожный народъ какъ бы разгибаетъ свою исполинскую спину и старается въ винѣ и весельи потопить всѣ заботы и тяготы трудовой будничной жизни. Насколько при этомъ бываетъ неудержимъ народный разгулъ, можно судить ужъ по однимъ эпитетамъ, которыми надѣлилъ народъ масляницу. Она называется «веселой» «широкой», «пьяной», «обжорной», «разорительницей». Сверхъ того, ни одна недѣля въ году не изобилуетъ такъ происшествіями полицейскаго характера и не даетъ такого значительнаго числа мелкихъ процессовъ у мировыхъ судей.

Празднованіе масляницы почти повсюду начинается съ четверга, хотя работы во многихъ мѣстахъ прекращаются уже съ понедѣльника, такъ какъ крестьяне, озабоченные наступающимъ праздникомъ обжорства, разъѣзжаютъ по сосѣднимъ базарамъ и закупаютъ всякую снѣдь. По общему отзыву нашихъ корреспондентовъ, закупки такого рода бываютъ, примѣнительно къ крестьянскому бюджету, очень велики: семья средняго достатка въ 5—6 душъ затрачиваетъ отъ 5 до 10 руб. на водку, рыбу, постное масло, гречневую муку и всякія сладости. А если къ этому прибавить еще расходы на обновки бабамъ и дѣвушкамъ, то будетъ вполнѣ понятно, почему масляница называется «разорительницей».

Впрочемъ, крестьяне, при всей ихъ сдержанности и бережливости, не тяготятся этими расходами, такъ какъ на масляницу приходится принимать гостей и самимъ ходить въ люди и, стало быть, нужно и угостить прилично, и одѣться по праздничному, чтобы сосѣди не засмѣяли. Сверхъ того, масляница—любимый праздникъ у крестьянъ, когда вся православная Русь, отъ мала до велика, веселится до упаду, и когда широкая русская натура любитъ развернуться во всю. Въ масляничную недѣлю, болѣе чѣмъ скромная, физіономія русской деревни совершенно преображается. Обыковенно тихія, безлюдныя улицы полны подгулявшаго, расфранченнаго народа: ребятишки, молодежь, старики—все высыпало изъ душныхъ хатъ за ворота и всякій по своему празднуетъ широкую масляницу. Одни катаются на тормазкахъ и салазкахъ, или съ хохотомъ «поздравляютъ блины», опрокидывая въ снѣгъ пьянаго мужика, другіе съ надсадой орутъ пѣсни и пошатываясь плетутся вдоль деревенской улицы, третьи въ новыхъ нагольныхъ тулупахъ сидятъ

на заваленкахъ и, вспоминая свою юность, глядятъ на оживленныя группы, столпившіяся у качелей и на всю горластую шумную улицу, по которой взадъ и впередъ снуютъ расфранченныя дѣвушки, подгулявшія бабы, полупьяные парни и совсѣмъ пьяные мужики. Всюду весело, оживленно, всюду жизнь бьетъ ключемъ, такъ что передъ глазами наблюдателя, въ какія-нибудь пять минутъ, промелькнетъ вся гамма человѣческой души: смѣхъ, шутки, женскія слезы, поцѣлуи, бурная ссора, пьяныя объятія, крупная брань, драка, свѣтлый хохотъ ребенка. Но все-таки въ этой панорамѣ крестьянской жизни преобладаютъ свѣтлые тона: и слезы, и брань, и драка тонутъ въ веселомъ смѣхѣ, въ залихватской пѣснѣ, въ бравурныхъ мотивахъ гармоники и въ несмолкающемъ перезвонѣ бубенцовъ. Такъ что общее впечатлѣніе получается веселое и жизнерадостное: вы видите, что вся эта многолюдная деревенская улица поетъ, смѣется, шутитъ, катается на саняхъ. Катается особенно охотно: то тамъ, то здѣсь изъ воротъ вылетаютъ тройки богачей съ росписными, увитыми лентами дугами или выбѣгаютъ простенькія дровни, переполненныя подвыпившими мужиками и бабами, во всю мочь горланящими пѣсни. Отъ этихъ пѣсенъ изнуренныя, костлявыя, но разукрашенныя ленточками и мѣдными бляхами, крестьянскія лошаденки дрожатъ всѣмъ тѣломъ и подъ ударами захмелѣвшихъ хозяевъ, мчатся во весь духъ вдоль деревенской улицы, разгоняя испуганныя толпы гуляющихъ. Никогда не достается такъ крестьянскимъ лошадямъ, какъ въ дни масляницы. Обыкновенно, очень сердобольные къ своей скотинѣ, крестьяне берегутъ и холятъ лошадей больше, чѣмъ собственныхъ ребятъ, но на масляницу, подъ пьяную руку, всякая жалость къ скотинѣ пропадаетъ. На худыхъ, заморенныхъ клячен-

кахъ дѣлаютъ десятки верстъ, чтобы попасть на, такъ называемыя, «съѣздки», т. е. грандіозныя катанія, устраиваемыя въ какомъ-нибудь торговомъ селѣ. До какой степени бываютъ велики эти «съѣздки», можно судить по тому, что, напр., въ селѣ Куденскомъ (Волог. г., и уѣзда) лошадей на кругу бываетъ отъ 600 до 800. Еще съ утра изъ всѣхъ окрестныхъ деревень съѣзжается сюда молодежь и останавливается или у родныхъ, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть «игровыя» или знакомыя дѣвушки. А часамъ къ тремъ пополудни начинается катанье. Катаютъ, какъ водится, всего охотнѣе молодыхъ дѣвушекъ, причемъ дѣвушки, если ихъ катаетъ кучеръ изъ чужой деревни, должны напоить его до пьяна и угощать гостинцами. Много катаются и бабы (причемъ, изъ суетнаго желанія похвастать, подвертываютъ сзади шубы, чтобы показать дорогой мѣхъ и никогда не надѣваютъ перчатокъ, чтобы всѣ видѣли, сколько у нихъ колецъ). Но всѣхъ больше катаются «новожены», т. е. молодые супруги, обвѣнчавшіеся въ предшествовавшій мясоѣдъ, такъ какъ обычай налагаетъ на нихъ какъ бы обязанность выѣзжать въ люди и отдавать визиты всѣмъ, кто пировалъ у нихъ на свадьбѣ.

Есть предположеніе, что масляница въ отдаленной древности была праздникомъ, спеціально устраиваемымъ только для молодыхъ супруговъ: для нихъ пеклись блины и оладьи, для нихъ заготовлялось пиво и вино, для нихъ закупались сласти. И только впослѣдствіи этотъ праздникъ молодыхъ сталъ общимъ праздникомъ. Не беремся судить, насколько это предположеніе справедливо и какъ велика его научная цѣнность, но, несомнѣнно, что нѣчто подобное въ старину было. По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводитъ существованіе множества масляниц-

ныхъ обрядовъ и обычаевъ, въ которыхъ центральное мѣсто предоставляется «новоженамъ». Сюда, напр., относится такъ называемые «столбы».

«Столбы»—это въ своемъ родѣ выставка любви. Обычай этотъ принадлежитъ несомнѣнно къ числу древнѣйшихъ, такъ какъ, по своей ребяческой наивности и простотѣ, онъ ярко напоминаетъ ту далекую эпоху, когда весь укладъ деревенской жизни не выходилъ за предѣлы патріархальныхъ отношеній. Состоитъ этотъ обычай въ томъ, что молодые, нарядившись въ свои лучшіе костюмы (обыкновенно въ тѣ самые, въ которыхъ вѣнчались), встаютъ рядами («столбами») по обѣимъ сторонамъ деревенской улицы и всенародно показываютъ, какъ они любятъ другъ друга.

— Порохъ на губахъ! — кричатъ имъ прохожіе, требуя, чтобы молодые поцѣловались.

Или:

— А нуте-ка, покажите, какъ вы любитесь?

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что праздничное настроеніе подвыпившихъ зрителей создаетъ иногда для «новоженей» (и въ особенности для молодой) чрезвычайно затруднительное положеніе: иной подкутившій гуляка отпуститъ столь полновѣсную шутку, что молодая зардѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ. Но неловкость положенія быстро тонетъ въ общемъ праздничномъ весельи, тѣмъ болѣе, что и самые «столбы» продолжаются недолго: часъ, другой постоятъ и ѣдутъ кататься или дѣлать визиты, которые точно также входятъ въ число ритуальныхъ обязанностей молодыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Вологодск. г.) визиты начинаются еще въ мясное (послѣднее передъ масляницей) воскресеніе. Въ этотъ день тесть ѣдетъ звать зятя «доѣдать ба-

рана». Но чаще первый визитъ дѣлаютъ молодые. Обыкновенно въ среду, на масляной, молодой съ женою ѣдетъ въ деревню къ тестю «съ позывомъ» на праздникъ и, послѣ обычныхъ угощеній, возвращается уже вмѣстѣ съ тестемъ и тещей. Случается и такъ, что масляничные визиты молодыхъ носятъ общесемейный характеръ: молодые съ родителями жениха отправляются въ домъ родителей невѣсты и начинается угощеніе сватовъ. Молодые при этомъ играютъ роль почетныхъ гостей: ихъ первыхъ сажаютъ за столъ и съ нихъ начинаютъ обносить яствами. Пиршество обыкновенно длится чрезвычайно долго, такъ какъ масляница—праздникъ ѣды по преимуществу, и обиліе блюдъ считается лучшимъ доказательствомъ гостепріимства. Послѣ безконечнаго обѣда, молодые обыкновенно катаются на саняхъ вмѣстѣ съ бывшими подругами невѣсты, а сваты въ это время начинаютъ уже свою попойку, которая заканчивается только къ ночи съ тѣмъ, чтобы на другой день начаться снова уже въ домѣ родителей жениха.

Не вездѣ, однако, масляничные визиты молодыхъ проходятъ такъ мирно и гладко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Хвалынскомъ уѣздѣ (Саратовск. г.) визитъ молодыхъ къ тещѣ и поведеніе при этомъ зятя принимаетъ иногда характеръ рѣзко выраженной вражды. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда молодой считаетъ себя обманутымъ. Тутъ ужъ, какъ ни старается теща «разлепешиться въ лепешку» передъ молодымъ, но онъ остается непреклоннымъ. На всѣ угощенія отвѣчаетъ грубо: «не хочу, отъ прежнихъ угощеній тошнитъ... сытъ, дома наѣлся», а то и просто нанесетъ тещѣ какое-нибудь символическое оскорбленіе: накрошитъ блинъ въ чашки съ кислымъ молокомъ, выльетъ туда-же стаканъ браги и

вина и подавая женѣ скажетъ: «на-ко, невинная женушка, покушай и моего угощенья съ матушкой: какъ тебѣ покажется мое угощенье, такъ мнѣ показалось ваше». Иногда раскуражившійся зять не ограничивается символами и при тещѣ начинаетъ, по выраженію крестьянъ, «отбивать карахтеръ» молодой женѣ. А случается, что и теща получитъ одинъ, другой подзатыльникъ. Достойно примѣчанія, что ни молодая, ни теща почти никогда въ такихъ случаяхъ не протестуютъ, такъ какъ сознаютъ свою вину. Удивительно также, что тесть не только не останавливаетъ зятя, но, по уходѣ молодыхъ, считаетъ своимъ долгомъ поучить старуху, чтобы лучше смотрѣла за дѣвками *).

Кромѣ молодыхъ, масляничные визиты считаются обязательными и для кумовьевъ. Родители новорожденныхъ дѣтей ходятъ къ кумовьямъ «съ отвязьемъ», т. е. приносятъ имъ пшеничный хлѣбъ-«прощенникъ» (этотъ хлѣбъ приготовляется спеціально для масляницы, онъ печется съ изюмомъ и украшается вензелями). Въ свою очередь, кумъ и кума отдаютъ визитъ крестнику, причемъ одѣляютъ его подарками: кромѣ «прощенника», кумъ приноситъ чашку съ ложкой, а кума ситцу на рубашку, болѣе же богатые кумовья дарятъ свинью, овцу, жеребенка.

*) Отмѣчаемъ малораспространенный, но очень оригинальный обычай, наблюдаемый въ Пензенск. г.—это «хожденіе молодыхъ съ мыломъ». Въ среду или четвергъ масляницы, отецъ молодыхъ посылаетъ ихъ къ свату. Здѣсь ихъ угощаютъ деревенскими сластями, а вечеромъ сюда же приходятъ подруги молодой и ея родственники. Въ этотъ вечеръ молодая вспоминаетъ свое дѣвичье житье (такъ назыв. «перегулки», какъ бы повтореніе свадьбы) и веселье продолжается далеко за полночь. На утро же, переночевавшіе у тестя молодые ходятъ съ визитами къ родственникамъ, причемъ берутъ съ собою кусочки мыла и пирожки по числу родныхъ. Придя въ домъ родственника и помолившись, они даютъ хозяину кусочекъ мыла и пирожокъ, а домохозяинъ отдариваетъ ихъ мелкими деньгами.

Кромѣ «столбовъ» и обязательныхъ визитовъ, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ углахъ сѣверныхъ губерній уцѣлѣли еще остатки весьма своеобразнаго масляничнаго обычая, въ которомъ также фигурируютъ молодые и происхожденіе котораго восходитъ ко временамъ очень отдаленной старины. Такъ, въ Вологодской губерніи крестьяне собираютъ съ молодыхъ дань «на мечъ», т. е., по просту говоря, требуютъ выкупъ за жену, взятую изъ другой деревни. Уже самое названіе этого выкупа — «на мечъ» показываетъ, что обычай возникъ еще въ ту эпоху, когда и мирный земледѣлецъ нуждался въ оружіи, чтобы защищать свой очагъ и свое достояніе, т. е. приблизительно въ эпоху удѣльныхъ князей (а можетъ быть и ранѣе, потому, что самый фактъ уплаты выкупа и притомъ не родителямъ невѣсты, а ея односельчанамъ, позволяетъ заключить, что возникновеніе обычая относится къ родовому періоду).

Въ нынѣшнее время, когда въ оружіи уже нѣтъ надобности, деньги, полученные съ молодого, идутъ конечно не «на мечъ», а на водку (которая распивается всѣмъ міромъ) и на чай-сахаръ для бабъ.

По свидѣтельству нашего корреспондента, эта своеобразная подать взыскивается или въ день свадьбы, или въ мясное (послѣднее передъ масляницей) воскресеніе и притомъ взыскивается по всей строгости обычаевъ: ни просьбами, ни хитростью молодому отъ выкупа не отвертѣться.

Не менѣе оригинальный обычай сохранился и въ Вятской губ. Извѣстенъ онъ подъ именемъ «цѣловника» и состоитъ въ томъ, что въ субботу, на масляницѣ, подгулявшая деревенская молодежь ѣздитъ цѣловать молодушекъ, которыя живутъ замужемъ первую масляницу. По

установившемуся ритуалу, молодая подноситъ каждому изъ гостей ковшъ пива, а тотъ выпивъ, трижды цѣлуется съ ней.

Въ старину однимъ изъ наиболѣе популярныхъ масляничныхъ развлеченій были кулачные бои: крестьяне и горожане одинаково любили поразмять косточки въ дракѣ, и побоища сплошь и рядомъ принимали грандіозный характеръ, заканчиваясь иногда болѣе или менѣе тяжелыми увѣчьями. Но въ наше время забава эта взята подъ опеку полиціи и замѣтно выводится изъ употребленія. Однако, и теперь во Владимірск. губ. и въ медвѣжьихъ углахъ далекаго сѣвера а также кое-гдѣ въ Сибири уцѣлѣли любители кулачныхъ развлеченій. Такъ напр., нашъ вытегорскій корреспондентъ (Олон. губ.) сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ у нихъ и понынѣ устраиваются настоящія сраженія, извѣстныя подъ невиннымъ названіемъ «игры, въ мячъ». Состоитъ эта игра въ слѣдующемъ: въ послѣдній день масляницы парни и семейные мужики изъ нѣсколькихъ окольныхъ деревень сходятся куда-нибудь на ровное мѣсто (чаще всего на рѣку), раздѣляются на двѣ толпы, человѣкъ въ тридцать каждая, и назначаютъ мѣста, до которыхъ слѣдуетъ гнать мячъ (обыкновенно сражающіеся становятся противъ средины деревни, причемъ одна партія должна гнать мячъ внизъ по рѣкѣ, другая вверхъ). Когда мячъ брошенъ, всѣ кидаются къ нему и начинаютъ пинать ногами, стараясь загнать въ свою сторону. Но пока страсти не разгорѣлись, игра идетъ довольно спокойно: тяжелый кожаный мячъ, величиною съ добрый арбузъ, летаетъ взадъ-впередъ по рѣкѣ, и играющіе не идутъ дальше легкихъ подзатыльниковъ и толчковъ. Но вотъ мячъ неожиданно выскочилъ въ сторону. Его подхватываетъ какой-нибудь удалецъ и, что есть духу, ле-

титъ къ намѣченной цѣли: еще 20—30 саженей и ловкій парень будетъ побѣдителемъ; его будутъ прославлять всѣ окольныя деревни, имъ будутъ гордиться всѣ дѣвушки родного села!.. Но не тутъ-то было. Противная партія отлично видитъ опасность положенія: съ ревомъ и крикомъ она прорывается сквозь партію враговъ и со всѣхъ ногъ кидается за дерзкимъ смѣльчакомъ. Черезъ минуту удалецъ лежитъ на снѣгу, а мячъ снова прыгаетъ по льду подъ тяжелыми ударами крестьянскаго сапога. Случается, однако, и такъ, что счастливецъ, подхватившій мячъ, отличается особенной быстротой ногъ и успѣетъ перебросить мячъ на свою половину. Тогда противная партія дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы вырвать мячъ и пускаетъ въ ходъ кулаки. Начинается настоящее побоище. Около мяча образуется густая толпа изъ человѣческихъ тѣлъ, слышатся глухіе удары ногъ, раздаются звонкія оплеухи, вырывается сдавленный крикъ, и на снѣгу то тамъ, то здѣсь алѣютъ пятна брызнувшей крови. Но осатанѣвшіе бойцы уже ничего не видятъ и не слышатъ: они всѣ поглощены мыслью о мячѣ и сыплютъ удары и направо и налѣво. Постепенно, надъ мѣстомъ побоища, подымается густой столбъ пара, а по разбитымъ лицамъ струится потъ, смѣшиваясь съ кровью... Такой необыкновенный азартъ этого русскаго «лаунъ-тениса» объясняется тѣмъ, что проиграть партію въ мячъ считается большимъ униженіемъ: побѣжденныхъ цѣлый годъ высмѣиваютъ и дразнятъ, называя ихъ «киловниками» (очень обидная и унизительная кличка, обозначающая верхъ презрѣнія). Наоборотъ, побѣдители пользуются общимъ почетомъ, а парень унесшій мячъ, положительно становится героемъ дня, съ которымъ всякая дѣвушка считаетъ за честь посидѣть на вечоркахъ. Нѣкоторымъ объ-

ясненіемъ азарта служитъ и водка, которую на пари выставляютъ мѣстные богачи, угощая потомъ побѣдителей.

Въ другихъ губерніяхъ, хотя не знаютъ игры въ мячъ, но кулачные бои все-таки устраиваютъ и дерутся съ неменьшимъ азартомъ. Вотъ что сообщаетъ на этотъ счетъ нашъ корреспондентъ изъ Краснослободскаго уѣзда (Пензенской губерніи). «Въ послѣдній день масляницы происходитъ ужасный бой. На базарную площадь еще съ утра собираются всѣ крестьяне, отъ мала до велика. Сначала дерутся ребятишки (не моложе 10 лѣтъ) потомъ женихи и наконецъ мужики. Дерутся, большею частью, стѣной и «по мордамъ», какъ выражаются крестьяне, причемъ послѣ часового, упорнаго боя, бываетъ передышка». Но къ вечеру драка, не взирая ни на какую погоду, разгорается съ новой силой и азартъ бойцовъ достигаетъ наивысшаго предѣла. Тутъ уже стѣна не наблюдается—всѣ дерутся столпившись въ одну кучу, не разбирая ни родныхъ, ни друзей, ни знакомыхъ. Издали эта куча барахтающихся людей очень походитъ на опьяненное чудовище, которое колышется, реветъ, кричитъ и стонетъ отъ охватившей его страсти разрушенія. До какой степени жарки бываютъ эти схватки, можно судить по тому, что многія бойцы уходятъ съ поля битвы почти нагишемъ: и сорочки, и порты на нихъ разодраны въ клочья.

Сообщенія нашихъ корреспондентовъ о кулачныхъ бояхъ очень немногочисленны и носятъ, такъ сказать, характеръ исключеній. Это, разумѣется, даетъ полное основаніе предположить, что и въ крестьянскомъ быту средневѣковые нравы постепенно отходятъ въ область преданій и что успѣхи грамотности отражаются на характерѣ народныхъ развлеченій самымъ благопріятнымъ образомъ.

Но если кулачные бои, какъ обломокъ темной эпохи средневѣковья, малу по малу исчезаютъ съ лица русской земли, то зато въ полной силѣ сохранился другой старинный обычай, не имѣющій, впрочемъ, ничего общаго съ грубой и дикой дракой—это русскій карнавалъ. Мы употребляемъ это слово, конечно, не въ томъ смыслѣ, какой придается ему въ Италіи или во Франціи, хотя западноевропейскій карнавалъ, съ его заразительнымъ, ликующимъ весельемъ, съ его разряженной смѣющейся толпой, оживленно парадирующей въ уличныхъ процессіяхъ, имѣется и у насъ,—только, разумѣется, условія нашего климата и особенности деревенскаго быта не позволяютъ этому празднику принять характеръ того пышнаго торжества, какое мы наблюдаемъ у народовъ Запада. Нашъ деревенскій карнавалъ гораздо проще, бѣднѣе и первобытнѣе. Начинается онъ обыкновенно въ четвергъ на масляной недѣлѣ. Парни и дѣвушки дѣлаютъ изъ соломы чучело, одѣваютъ его въ женскій нарядъ, купленный въ складчину и затѣмъ въ одну руку вкладываютъ бутылку съ водкой, а въ другую блинъ. Это и есть «сударыня-масляница», героиня русскаго карнавала. Чучелу становятъ въ сани, а около прикрѣпляютъ сосновую или еловую вѣтку, разукрашенную разноцвѣтными лентами и платками. До пятницы «сударыня-масляница» хранится гдѣ-нибудь въ сараѣ, а въ пятницу, послѣ завтрака, парни и дѣвушки веселой гурьбой вывозятъ ее на улицу и начинаютъ шествіе. Во главѣ процессіи слѣдуетъ, разумѣется, «масляница», рядомъ съ которой стоитъ самая красивая и нарядная дѣвушка. Сани съ масляницей влекутъ три парня. За этими санями тянется длинная вереница запряженныхъ парнями-же салазокъ, переполненныхъ нарядными дѣвушками. Процессія открывается

пѣсней, которую затягиваетъ первая красавица, съ переднихъ саней; пѣсню дружнымъ хоромъ подхватываютъ остальныя дѣвушки и парни, и весь масляничный поѣздъ весело и шумно движется по деревенской улицѣ. Заслышавъ пѣніе, народъ толпой высыпаетъ на улицу: ребятишки, взрослые и даже пожилые крестьяне и крестьянки спѣшатъ присоединиться къ шествію и сопровождаютъ «масляницу» до самой катальной горы, гдѣ «сударыня-масляница» и открываетъ катаніе. Тѣ самые парни, которые привезли ее на гору, садятся въ сани, а прочіе прикрѣпляютъ къ санямъ салазки и цѣлымъ поѣздомъ съ хохотомъ, визгомъ и крикомъ, несутся по обледенѣлой горѣ внизъ. Катанье обыкновенно продолжается до самого вечера, послѣ чего «сударыня-масляница» снова водворяется въ сарай. На слѣдующій день, въ субботу, «масляница» снова появляется на улицѣ, но теперь уже въ сани, вмѣсто парней, впрягаютъ лошадь, увѣшанную бубенцами, колокольчиками и украшенную разноцвѣтными лентами. Вмѣстѣ съ «сударыней» опять садится дѣвушка, но уже не одна, а съ парнемъ, причемъ у парня въ рукахъ четверть водки и закуска (и то, и другое покупаютъ въ складчину). За сани же, какъ и прежде, привязываютъ салазки, на которыхъ попарно сидятъ дѣвушки и «игровые» парни. Эта процессія съ пѣніемъ ѣздитъ по селу, причемъ парни пользуются всякой остановкой, чтобы выпить и закусить. Веселье продолжается до вечера, причемъ въ катаньи принимаютъ участіе не только дѣвушки, но и женщины. Послѣднія, по сообщенію нашего орловскаго корреспондента, катаются вмѣстѣ съ «сударыней-масляницей» не столько ради удовольствія, сколько для того, чтобы «зародился длинный ленъ».

Въ воскресенье вечеромъ «масляница» сжигается.

Этотъ обрядъ обставляется со всей доступной для деревенской молодежи торжественностью. Еще загодя, ребятишки, дѣвушки и парни несутъ за околицу старые плетни, испорченныя бочки, ненужныя дровни и проч. и складываютъ изъ этихъ горючихъ матеріаловъ огромный костеръ. А часовъ въ 8—9 къ этому костру направляется печальная процессія, причемъ дѣвушки жалобными голосами поютъ: «сударыня-масляница, потянися». У костра «масляницу» ссаживаютъ съ саней и становятъ на снѣгъ, потомъ снимаютъ съ елки ленты и платки и дѣлятъ ихъ между дѣвушками и поютъ масляничныя пѣсни. Когда же раздадутся снова пѣсни: «шли, прошли солдатушки изъ-за Дона, несли ружья заряжены, пускали пожаръ по дубравѣ, всѣ елки, сосенки погорѣли, и сама масляница опалилась» — парни зажигаютъ «сударыню-масляницу». Сожженіе масляницы оставляетъ, такъ сказать, заключительный аккордъ дереревенскаго веселья, за которымъ слѣдуетъ уже постъ, поэтому присутствующіе при сожженіи обыкновенно швыряютъ въ костеръ всѣ остатки масляничнаго обжорства, какъ-то: блины, яйца, лепешки и пр. и даже зарываютъ въ снѣгъ самый пепелъ масляницы, чтобы отъ нея и слѣдовъ не осталось.

Этотъ послѣдній день масляницы называется «прощенымъ», и крестьяне посвящаютъ его заговѣнью. Часа въ 4 пополудни, на сельской кококольнѣ раздается печальный, великопостный благовѣстъ къ вечернѣ и, заслышавъ его, подгулявшіе мужички истово крестятся и стараются стряхнуть съ себя веселое масляничное настроеніе: пустѣютъ мало-по-малу людныя улицы, стихаетъ праздничный говоръ и шумъ, прекращаются драки, игры, катанье. Словомъ, широкая, пьяная масляница круто останавли-

вается и, на смѣну ей, приходитъ великій постъ. Приближеніе поста отражается и на душевномъ настроеніи крестьянъ, пробуждая у нихъ мысль о покаяніи и полномъ примиреніи съ ближними. Едва смолкнетъ церковный звонъ и отойдетъ вечерня, какъ по избамъ начинаютъ ходить родственники и сосѣди, прося другъ у друга прощенія. Низко, до самой земли кланяются крестьяне другъ другу и говорятъ:—«Прости, Христа ради, въ чемъ я передъ тобой согрѣшилъ».—«Прости и ты меня»,—слышится въ отвѣтъ та же просьба.

Впрочемъ, этотъ прекрасный, полный христіанскаго смиренія, обычай сталъ понемногу вымирать. По свидѣтельству нашихъ корреспондентовъ, въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ онъ уже почти не существуетъ, но зато въ лѣсныхъ губерніяхъ сѣвера, гдѣ обычаи вообще устойчивы и крѣпки, «прощаніе» соблюдается весьма строго и существуетъ даже особый ритуалъ его. Пришедшій просить прощенія, становится около дверей на колѣни и, обращаясь къ хозяевамъ, говоритъ: «простите меня со всѣмъ вашимъ семействомъ, въ чемъ я нагрубилъ вамъ за этотъ годъ». Хозяева же и всѣ, находящіеся въ хатѣ, отвѣчаютъ: «Богъ васъ проститъ и мы тутъ-же». Послѣ этого, пришедшіе прощаться встаютъ и хозяева, облобызавшись съ ними, предлагаютъ имъ угощеніе. А черезъ какой-нибудь часъ прощаться идутъ уже сами хозяева, причемъ весь обрядъ, съ угощеніемъ включительно, продѣлывается сначала *).

Такъ, перекочевыя изъ избы въ избу, ходятъ до свѣта, причемъ проходя по улицѣ и мужчины, и женщины считаютъ долгомъ что есть мочи кричать:—«Сударыня-

*) Точно такимъ же образомъ прощаются и въ Орловской губ.

масляница, потянися!» или: «Мокрогубая масляница, потянися!»

Что касается деревенской молодежи, то она или совсѣмъ не придерживается обычая прощаться, или же прощанье ея принимаетъ шутливый характеръ. Вотъ что на этотъ счетъ сообщаетъ нашъ орловскій корреспондентъ: парни и дѣвушки становятся въ рядъ и одинъ изъ парней подходитъ къ крайнему съ правой стороны и говоритъ ему: «прости меня, милый Иванъ (или милая Дарья) въ чемъ я передъ тобой согрѣшилъ». Тотъ (или та) отвѣчаютъ: «Богъ тебя проститъ и я тутъ-же». Послѣ этого три раза цѣлуютъ другъ друга. Такъ проходитъ прощающійся весь рядъ и становится къ сторонѣ, за первымъ идетъ прощаться второй и т. д. При прощаніи, конечно, не обходится безъ шутокъ.

Нѣкоторую особенность представляетъ прощанье въ семейномъ кругу. Вотъ какъ это происходитъ въ Саратовской губ. Вся семья садится за ужинъ (причемъ послѣднимъ блюдомъ обязательно подается яичница), а послѣ ужина всѣ усердно молятся и затѣмъ самый младшій начинаетъ кланяться всѣмъ по очереди и, получивъ прощенье, отходитъ къ сторонѣ. За нимъ, въ порядкѣ старшинства, начинаетъ кланяться слѣдующій по возрасту членъ семьи (но младшему не кланяется и прощенья у него не проситъ) и т. д. Послѣднею кланяется хозяйка, причемъ проситъ прощенія только у мужа, глава же семьи никому не кланяется.

Хотя обычай просить прощенія у родныхъ и сосѣдей, какъ только что было сказано, замѣтно выходитъ изъ употребленія, но зато чрезвычайно твердо держится обычай прощаться съ покойниками. По крайней мѣрѣ, наши корреспонденты единодушно свидѣтельствуютъ, что

такого рода прощанья сохранились повсюду. Обычай ходить на кладбище въ послѣдній день масляницы поддерживается, главнымъ образомъ, бабами. Въ четвертомъ часу пополудни они кучками, въ 10—12 человѣкъ, идутъ съ блинами къ покойникамъ и стараются ничего не говорить по дорогѣ. На кладбищѣ каждая отыскиваетъ родную могилку, становится на колѣни и бьетъ по три поклона, причемъ со слезами на глазахъ, шепчетъ: «прости меня (имя рекъ), забудь все, что я тебѣ нагрубила и навредила». Помолившись, бабы кладутъ на могилку блины, (а иногда ставятъ и водку) и отправляются домой также молча, какъ и пришли. При этомъ считается хорошимъ признакомъ, если на третій день на могилѣ не остается ни блиновъ, ни водки: это значитъ, что покойнику живется на томъ свѣтѣ недурно и что онъ не помнитъ зла и не сердится на принесшаго угощеніе.

XI.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Нашъ народъ не только соблюдаетъ посты во всей строгости церковнаго устава, но идетъ въ этомъ отношеніи значительно далѣе, устанавливая, сплошь и рядомъ, свои постные дни, неизвѣстные церкви. Такъ, почти въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ можно встрѣтить благочестивыхъ старухъ и стариковъ, которые «понедѣльничаютъ», т. е. кромѣ среды и пятницы, постятся и по понедѣльникамъ. Нѣкоторые же, въ своей душеспасительной ревности, доходятъ до того, что за нѣсколько лѣтъ до смерти или перестаютъ совсѣмъ ѣсть скоромное или налагаютъ на себя постъ въ частности: никогда, напримѣръ, не ѣдятъ мяса, молока, яицъ, рыбы; не ѣдятъ ничего съ масломъ, будь то скоромное или постное; безусловно воздерживаются отъ вина, отъ куренія; даютъ обѣтъ никогда не ѣсть яблокъ, картофеля, не пить квасу и пр. На ряду со стариками, добавочныя посты налагаютъ на себя и дѣвушки, которыя «выпащиваютъ» жениховъ. До какой степени педантично крестьяне соблюдаютъ свои обѣты, можно судить по слѣдующему, очень характерному случаю, разсказанному однимъ священникомъ Вологодской г. Какая-то деревенская старушка признавалась этому священнику на духу, что окаянный смутилъ ее и заставилъ въ постъ ѣсть «скоромъ». На вопросъ же священника, что именно

она ѣла,—старушка повѣдала, что ѣла рѣдьку, сѣмена которой, передъ садкой, были рощены въ молокѣ. На томъ же основаніи крестьяне считаютъ непростительнымъ грѣхомъ пить постомъ чай съ сахаромъ: чай и самъ по себѣ напитокъ полугрѣховный, а съ сахаромъ онъ считается безусловно скоромнымъ, такъ какъ сахаръ, по понятіямъ крестьянъ, приготовляется изъ костей животныхъ.

При такомъ аскетически-строгомъ отношеніи къ постамъ, неудивительно, что и молоко матери считается для грудныхъ ребятъ тоже грѣховной «скоромью», и еще не далеко ушло то время, когда въ крестьянскихъ избахъ стонъ стоялъ отъ ребячьяго крика, такъ какъ во время строгихъ постовъ грудныхъ дѣтей кормили постной пищей, приказывая матерямъ не давать имъ груди.

Теперь, къ счастью, это обыкновеніе повсемѣстно вывелось и хотя молоко матери по прежнему признается грѣховной «скоромью», но грѣхъ этотъ считается небольшимъ и падаетъ онъ не на младенца, а на мать. Зато и теперь дѣти, уже отлученные отъ груди, обязательно должны соблюдать посты на ряду съ взрослыми. «Соблюденіе постовъ,—пишетъ намъ саратовскій корреспондентъ изъ Хвалынскаго уѣзда,—не только вліяетъ на здоровье, но и отражается на жизни дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ, отнятіе отъ груди ребенка совпадаетъ съ лѣтнимъ жаркимъ временемъ: отнимаютъ, по крестьянскому выраженію «на ягоды», т. е. въ концѣ іюня, въ іюлѣ и августѣ и, такимъ образомъ, осложняютъ разстройство пищеваренія ягодами, огурцами, яблоками, арбузами и пр., вслѣдствіе чего нерѣдко появляется кровавый поносъ, а затѣмъ наступаетъ и смерть. Но тѣмъ не менѣе, «оскоромить младенческую душеньку» мать ни за что не рѣшиться, и если ребенокъ умретъ, то стало быть, это Божья власть,

и значитъ, ребенокъ угоденъ Богу». Такая же строгость въ соблюденіи постовъ предписывается и тяжко больнымъ. Одинъ фельдшеръ изъ Тотемскаго у. (Вологодск. губ.) разсказывалъ нашему корреспонденту, что никакъ не могъ убѣдить крестьянъ, больныхъ кровавымъ поносомъ, пить молоко и есть яйца, такъ какъ въ то время былъ постъ. На всѣ увѣщанія больные отвѣчали ему: «святые, вонъ, еще чаще постились, да дольше насъ грѣшныхъ жили, а Іисусъ Христосъ сорокъ сутокъ подрядъ ничего не ѣлъ». Вообще, крестьяне и крестьянки, особенно изъ числа пожилыхъ, радѣющихъ о спасеніи души, скорѣе рѣшатся умереть, чѣмъ «опоганить душу» скоромной пищей, и только молодые, въ рѣдкихъ случаяхъ, уступаютъ настояніямъ врачей и фельдшеровъ, да и то не иначе, какъ съ разрѣшенія духовнаго отца, который тщательно взвѣшиваетъ, насколько болѣзнь серьезна и насколько постная пища можетъ быть опасна для здоровья больного. При этомъ не лишне будетъ замѣтить, что если разрѣшеніе дается легко, то крестьяне теряютъ уваженіе къ такому священнику, какъ стоящему не на высотѣ церковныхъ требованій и способствующему своими поблажками тому «легкому» отношенію къ постамъ, какое свойственно только избалованнымъ господамъ. «Нынче, говорятъ они, только намъ, мужикамъ, и попоститься-то, а ученые да благородные постовъ соблюдать не будутъ—имъ безъ чаю да безъ говядины и дня не прожить».

Примѣнительно къ такому взгляду на посты, каждая деревенская хозяйка считаетъ своимъ долгомъ имѣть «постную» посуду, т. е. особые горшки, миски и даже ложки, предназначенные исключительно для постныхъ дней. Правило это соблюдается настолько строго, что богобоязненная баба ни за что и ни подъ какимъ видомъ

не дастъ въ своемъ домѣ поѣсть скоромнаго «даже проѣзжему»: «мнѣ страшно, какъ увижу, что въ постъ ѣдятъ скоромъ»—скажетъ она въ свое оправданіе. Исключеніе дѣлаютъ развѣ для «нехристей»—цыганъ, татаръ, нѣмцевъ, да пожалуй для господъ—но и въ такомъ случаѣ, посуда, изъ которой ѣли скоромное «нехристи», долгое время считается какъ бы оскверненной, и хозяйки не велятъ домочадцамъ ѣсть изъ нея, «пока татаринъ не выдохнется».

Кромѣ воздержанія въ пищѣ, крестьяне считаютъ необходимой принадлежностью поста и половое воздержаніе: считается большимъ грѣхомъ плотское сожительство съ женой въ постное время, и виновные въ такомъ проступкѣ не только подвергаются строгому внушенію со стороны священника, но выносятъ не мало насмѣшекъ и отъ своихъ односельчанъ, такъ какъ бабы до тонкости разбираются въ такихъ вещахъ и по дню рожденія младенца прекрасно высчитываютъ, соблюдали ли супруги «законъ» въ посты. Особенно зорко слѣдятъ бабы, чтобы «законъ» соблюдался деревенскимъ причтомъ: считается несмываемымъ срамомъ для всей деревни, если въ беззаконіи будетъ изобличенъ пономарь, дьячекъ, дьяконъ, а особенно священникъ. У Глѣба Успенскаго приводится случай, когда мужики чуть ли не всѣмъ «обчествомъ» потребовали объясненія у батюшки, котораго бабы изобличили въ нарушеніи правилъ великаго поста.—«Что же это ты, батя? — укоризненно покачивая головой, спрашивали мужики: все то ты говоришь намъ «абіе, абіе», а у самого то у тебя выходитъ одно «бабіе».

Слѣдя строго за собой, взрослое населеніе неослабно слѣдитъ и за деревенской молодежью, наблюдая, чтобы въ посты отнюдь не было «жировни», чтобы парни и

дѣвушки не затѣвали игрищъ и ни подъ какимъ видомъ не смѣли пѣть мірскихъ пѣсенъ, не говоря уже о плясовыхъ и хороводныхъ. Вмѣсто этихъ пѣсенъ, молодежи предоставляется пѣть, такъ называемые, «стихи», по характеру своему близко подходящіе къ старообрядческимъ «псальмамъ». Всѣ эти стихи отличаются своимъ грустнымъ, монотоннымъ напѣвомъ, близко подходящимъ къ речитативу,—по содержанію же большая часть стиховъ носитъ характеръ религіозный или нравоучительный. Для образца приводимъ одинъ изъ такихъ стиховъ.

— Мати Марія,
Гдѣ ты спала, ночевала?
— Во Божьей церкви, во соборѣ
У Христа Бога на престолѣ.
Мнѣ приснился сонъ страшный,
Будто, я Христа-Бога породила
Въ пелену его пеленала,
Въ шелковый поясъ обвивала...
Тутъ пришли жиды, нехристіане,
Взяли нашего Бога распинали,
Въ ручки ножки гвоздей натыкали.
Стала Мати Марія плакать и рыдать,
Стали ангелы ее утѣшать:
Ты не плачь, не плачь, Мати-Марія,
Твой сынъ воскреснетъ изъ гроба.
Затрубите вы въ трубу золотую,
Встаньте вы, живые и мертвые!
Праведнымъ душамъ—царствіе небесное,
А грѣшнымъ душамъ—адъ кромѣшный:
Имъ въ огнѣ будетъ горѣть—негорѣть
Имъ въ смолѣ кипѣть—не скипѣть.

Если столь строгое воздержаніе отъ всего грѣховнаго и соблазнительнаго соблюдается, въ большей или меньшей степени, во всѣ посты, то легко представить себѣ, насколько педантично постятся крестьяне въ великій постъ, подготовляя себя къ говѣнію и къ достойной встрѣчѣ величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ—св. Пасхи. Во время говѣнія многіе старики и старухи ѣдятъ одинъ разъ въ денъ и притомъ отнюдь не вареную пищу, а въ сухомятку: хлѣбъ или сухари съ водою. Наиболѣе же благочестивые стараются, по возможности, ничего не ѣсть всю страстную недѣлю, разрѣшая себѣ только воду. Для дѣтей въ благочестивыхъ семьяхъ «дневное голоданіе» обязательно только въ страстную пятницу, такъ какъ народъ вѣритъ, что полное воздержаніе въ этотъ день отъ пищи даетъ постнику прощеніе отъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ послѣ послѣдней исповѣди. Правда, дѣти лишь съ большимъ трудомъ выдерживаютъ столь строгій постъ и нерѣдко, по забывчивости, свойственной ребяческому возрасту, хватаются за корки, но такихъ «безстыдниковъ» матери останавливаютъ обычной угрозой: «А вотъ, попъ тебѣ какъ отрѣжетъ ухо, да какъ отхлещетъ тебя кобыльей ногой,—такъ будешь знать!».

Говѣютъ крестьяне обыкновенно разъ въ годъ, великимъ постомъ, и въ преклонномъ возрастѣ несутъ эту христіанскую обязанность съ поразительной аккуратностью: нѣкоторыя старухи говѣютъ даже два, три и четыре раза. Но за то молодые крестьяне, по отзывамъ нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ, иногда позволяютъ себѣ манкировать говѣньемъ, не бывая на исповѣди по нѣскольку лѣтъ къ ряду. Правда, сами же священники прибавляютъ при этомъ, что такіе безбожники составляютъ рѣдкое единичное явленіе, такъ какъ крестьяне

вѣрятъ, что человѣкъ, не бывшій семь лѣтъ у исповѣди и не причащавшійся св. таинъ, уже составляетъ добычу дьявола, который можетъ распорядиться такимъ человѣкомъ по своему усмотрѣнію.

Всего охотнѣе крестьяне говѣютъ на первой, четвертой и страстной недѣлѣ. Въ это время говѣющіе стараются какъ можно меньше говорить, чтобы не проронить пустого слова; по вечерамъ, если есть въ семьѣ грамотный, читается какая-нибудь божественная книга, и всѣ слушаютъ или молятся. Всѣ церковныя службы говѣющіе посѣщаютъ добросовѣстно и аккуратно, а передъ исповѣдью кланяются другъ другу въ ноги. прося простить Христа ради согрѣшенія. Обычай не позволяетъ только, чтобы старшіе кланялись въ ноги младшимъ. Поэтому, «большакъ», идя на исповѣдь, ограничивается лишь тѣмъ, что скажетъ домочадцамъ: «простите, коли зря сдѣлалъ» и слегка поклонится.

Каждый взрослый говѣльщикъ, подходя исповѣдываться, кладетъ въ стоящее возлѣ священника блюдо мелкую монету, а въ нѣкоторыхъ приходахъ заведено, сверхъ того, класть, вмѣстѣ съ монетой, и свѣчу, которая точно также поступаетъ въ доходъ священника. Послѣ исповѣди, прослушавъ «правило», говѣющій кладетъ еще одну монету, уже на блюдо возлѣ псаломщика и, послѣ разрѣшительной молитвы, всѣ расходятся по домамъ, поздравляя другъ друга «съ очищеніемъ совѣсти» *).

*) Нѣкоторые священники жалуются (въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣсколько такихъ жалобъ), что крестьяне-говѣльщики подчасъ недобросовѣстно расплачиваются съ причтомъ: «за исповѣдь еще положитъ что-нибудь, а за правило только тычетъ пустой рукой въ блюдо». Эти случаи недобросовѣстной расплаты даютъ поводъ дѣлать самыя широкія и, конечно, непродуманныя обобщенія о крестьянской непорядочности и о томъ, что, дескать, при всей строгости мужицкаго поста, крестьянинъ все-таки не прочь пойти на обманъ.

Къ принятію св. таинъ готовятся, какъ къ празднику: каждый старается пріодѣться, по возможности, лучше, а нѣкоторыя женщины изъ самыхъ богатыхъ деревенскихъ жительницъ (не крестьянки) считаютъ даже за грѣхъ являться къ причастію не въ новомъ нарядѣ. Дѣвушки же, по народному обычаю, должны приступать къ таинству съ расплетенной косой: волосы при этомъ либо распускаются по плечамъ, либо завязываются въ пучекъ, но въ косу ни въ какомъ случаѣ не заплетаются.

Послѣ причастія, считается великимъ грѣхомъ плевать, смѣяться, ругаться, сердиться и ссориться, такъ какъ этимъ можно отогнать отъ себя святого ангела, который бываетъ при человѣкѣ послѣ принятія св. таинъ. Считается также грѣхомъ класть земные поклоны, такъ какъ, при неосторожномъ движеніи, человѣка (а въ особенности беременную женщину) можетъ стошнить, и тогда рвоту придется собирать въ чистую тряпочку и жечь въ печи, чтобы предохранить св. дары отъ невольнаго оскверненія. За всѣ эти грѣхи, какъ и вообще за неблагоговѣйное отношеніе къ причастію. Господь иногда жестоко наказываетъ нечестивыхъ, а иногда вразумляетъ ихъ. Въ Пошехоньѣ, напр., извѣстенъ на этотъ счетъ такой разсказъ. Одинъ раскольникъ, притворившись православнымъ, причастился въ церкви вмѣстѣ со всѣми, но причастія не проглотилъ, а удержалъ во рту. Придя домой, онъ раскрылъ одинъ изъ ульевъ и бросилъ туда причастіе. Но вечеромъ того же дня раскольникъ услыхалъ, что въ подпольѣ, гдѣ у него стояли ульи, раздается пѣніе и поютъ такъ хорошо, что разсказать нельзя. Спустившись въ подполье, раскольникъ замѣтилъ, что пѣніе исходитъ изъ того улья, въ который онъ бросилъ причастіе. Когда же онъ раскрылъ его, то увидѣлъ, что пчелы сдѣлали изъ сотовъ престолъ

и на престолѣ лежитъ выброшенное имъ причастіе, отъ котораго исходитъ ослѣпительный свѣтъ. Испуганный раскольникъ во всемъ покаялся священнику и сталъ православнымъ.

Для полноты характеристики великаго поста необходимо остановится еще на нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ, пріуроченныхъ къ крестопоклонной средѣ и вербному воскресенію, и составляющихъ особенность великопостныхъ почитаній. Въ среду крестопоклонной недѣли во всѣхъ крестьянскихъ домахъ пекутъ изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста кресты по числу членовъ семьи. Въ крестахъ запекаютъ или куриное перышко, «чтобы куры велись», или ржаное зерно, «чтобы хлѣбъ уродился», или наконецъ, человѣческій волосъ, «чтобы головѣ легче было». Кому попадется крестъ съ однимъ изъ этихъ предметовъ, тотъ считается счастливымъ. Въ среду же крестопоклонной недѣли «ломается» постъ и маленькія дѣти ходятъ подъ окна поздравлять хозяевъ съ окончаніемъ первой половины поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, этотъ обычай поздравленья выражается въ очень оригинальной формѣ: ребятишекъ-поздравителей садятъ, какъ цыплятъ, подъ большую корзину, откуда они тоненькими голосами поютъ: «здравствуйте, хозяинъ - красное солнышко, здравствуйте, хозяюшка - свѣтлый мѣсяцъ, здравствуйте дѣти—яркія звѣздочки!... Половина говѣнья переломилась, а другая наклонилась». Простодушныхъ ребятъ-поздравителей принято обливать при этомъ водой, а затѣмъ, какъ бы въ награду за перенесенный испугъ, имъ даютъ кресты изъ тѣста.

Въ Вербное воскресенье крестьяне, во время утрени, молятся съ освященной вербой и, придя домой, глотаютъ вербныя почки для того, чтобы предохранить себя отъ

болѣзни и прогнать всякую хворь. Дѣтей своихъ (а также и скотину) крестьяне слегка хлещутъ вербой, приговаривая: «не я бью — верба бьетъ, верба хлесть бьетъ до слезъ». Въ этотъ же день бабы пекутъ изъ тѣста орѣхи и даютъ ихъ для здоровья всѣмъ домочадцамъ, не исключая и животныхъ. Освященную вербу берегутъ до перваго выгона скота (23 апрѣля) при чемъ всякая благочестивая хозяйка выгоняетъ со двора скотъ непремѣнно вербой, а самую вербу затѣмъ или «пускаютъ на воду», или втыкаютъ подъ крышу дома, съ тою цѣлью, чтобы скотина не только сохранилась въ цѣлости, но чтобы и домой возвращалась исправно, а не блуждала бы въ лѣсу по нѣскольку дней.

Наряду съ этими общепринятыми обычаями, связанными съ священной вербой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Козловскомъ уѣздѣ (Тамбовской губ.), существуетъ мнѣніе, что освященная верба, брошенная противъ вѣтра, прогоняетъ бурю и брошенная въ пламя, останавливаетъ дѣйствіе огня, а воткнутая въ полѣ—сберегаетъ посѣвы.

Въ томъ же Козловскомъ уѣздѣ, распространено вѣрованіе, что всякій трусъ, желающій избавиться отъ своего недостатка, долженъ въ вербное воскресенье, по приходѣ отъ заутрени, вбить въ стѣну своего дома колышекъ освященной вербы—средство это, если не превратитъ труса въ героя, то, во всякомъ случаѣ, прогонитъ природную робость. Въ уѣздахъ же Темниковскомъ и Елатомскомъ, той же Тамбовской губ., совѣтуютъ всѣмъ неплоднымъ женщинамъ ѣсть почки освященной вербы увѣряя, что послѣ этого женщина непремѣнно начнетъ рожать дѣтей.

XII.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

По силѣ народнаго почитанія и по размѣрамъ чествованія христіанскихъ праздниковъ въ сельскомъ быту, отведены первыя мѣста Рождеству Христову и Св. Пасхѣ, съ тѣмъ различіемъ, что на югѣ Россіи и западѣ воздается большая честь и хвала первому, а по всей великороссіи—второму. На третьемъ же мѣстѣ излюбленныхъ торжественныхъ дней св. церкви, повсемѣстно поставленъ день 25 марта — Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, и при томъ въ самыя первыя времена водворенія на нашей землѣ православія. Ярославъ I, оградившій городъ Кіевъ каменною стѣною со входными въ нее золотыми воротами, построилъ надъ ними благовѣщенскую церковь и сказалъ устами лѣтописца: «Да сими врата благія вѣсти приходятъ ко мнѣ въ градъ сей молитвами Пресвятыя Богородицы и св. архангела Гавріила — радостей благовѣстника». Такой же храмъ былъ сооруженъ надъ воротами новгородскаго кремля, и затѣмъ вошло въ обычай ставить надворотныя благовѣщенскія церкви во всѣхъ большихъ старыхъ монастыряхъ, включительно до позднѣйшаго изъ нихъ—Александро-Невской лавры.

Въ обиходѣ трудовой деревенской жизни самый праздникъ считается днемъ полнѣйшаго покоя и совершенной свободы, понимаемыхъ въ такомъ обширномъ значеніи,

что, напр., во многихъ черноземныхъ мѣстахъ, цѣлыя семьи вечеромъ, при закатѣ солнца идутъ на мельницы и здѣсь располагаются на соломѣ всѣ, и старъ и младъ, для мирной бесѣды о томъ, какова будетъ наступающая весна, каковъ посѣвъ, какова пахота, каковъ урожай. Въ этотъ день благословенія на всякое доброе дѣло—въ особенности же на земледѣльческій трудъ — въ день, когда даже грѣшниковъ въ аду перестаютъ мучить и даютъ имъ отдыхъ и свободу,—величайшимъ грѣхомъ считается мельчайшая работа, даже отходъ или отъѣздъ въ дорогу для заработковъ. Не праздное веселье съ приправою праздничнаго разгула, а именно сосредоточенное, молчаливое раздумье приличествуетъ этому празднику совершеннаго покоя, свободы отъ дѣлъ, основанной на непреложномъ вѣрованіи и повсемѣстномъ убѣжденіи, что «въ Благовѣщеньевъ день — птица гнѣзда не завиваетъ, дѣвица косы не заплетаетъ». Доказательство (по старинной легендѣ) у всѣхъ на глазахъ: кукушка не имѣетъ своего гнѣзда, она не умѣетъ его строить и потому старается положить яйца въ чье-либо чужое и готовое. Она несетъ такое божеское наказаніе за то, что дерзнула въ благовѣщеньевъ день свить себѣ гнѣздо, когда даже глупая курица на такую работу не пускается *). Въ качествѣ продолженія этого повѣрья, существуетъ и еще одна легенда: птичка снигирь не пустилъ въ свое гнѣздо кукушекъ и снялся драться съ самцомъ, котораго и убилъ. Съ тѣхъ поръ кукушка

*) Придумано и такъ: если иная птица, по забывчивости, и совьетъ теплое гнѣздышко для своихъ малыхъ птенчиковъ, то молнія обязательно сожжетъ то гнѣздо. А видали также, что виновная птица нѣкоторое время не летаетъ по воздуху, а ходитъ по землѣ и яйца носитъ болтунами,—это Богъ наказалъ ее за непочтеніе ко дню Благовѣщенья.

осталась горемычною вдовою, а самъ побѣдитель остался навсегда съ несмываемымъ знакомъ боя и побѣды: со слѣдами крови кукушкина самца на своихъ перьяхъ и на всемъ красномъ зобу. Всѣ птицы въ особенности бодро и радостно встрѣчаютъ этотъ праздникъ — повѣрье, отразившееся на прекрасномъ обыкновеніи выпускать на волю заточенныхъ въ клѣтки птичекъ, проникшее въ цивилизованные города и породившее тамъ особый родъ спекуляціи въ видѣ торговли птицами, совершенно почти неизвѣстной въ нашихъ деревняхъ.

Ни на одинъ день въ году не приходится столько примѣтъ и гаданій, какъ на день Благовѣщенья: отъ него находится въ зависимости наибольшее количество тѣхъ вѣрованій, которыя укрѣплены на практическихъ хозяйственныхъ основахъ. Повсюду (какъ уже было упомянуто) главныя надежды на успѣхъ земледѣльческаго труда возлагаются на «благовѣщенскую просфору», являющуюся выдающейся принадлежностью праздничнаго чествованія. Въ русскихъ церквахъ ни въ одинъ изъ годовыхъ или двунадесятыхъ праздниковъ не продается такого количества просфоръ. Каждый полагаетъ своею обязанностью запастись хотя бы однимъ такимъ освященнымъ хлѣбцемъ. Даже тамъ, гдѣ приходовъ было мало, гдѣ церкви были значительно удалены и вліяніе духовенства было ничтожно, и тамъ такіе хлѣбцы пекутся самими крестьянами, по числу членовъ семьи, и неосвященными употребляются для той же цѣли. Ихъ кладутъ въ сѣвалку на обезпеченіе благополучія всходовъ и урожая; измельченными въ крошки смѣшиваютъ съ посѣвными сѣменами, примѣшиваютъ въ кормъ рабочему скоту и т. д. Сами хозяева посѣвнаго хлѣба въ полѣ изъ мѣшка въ мѣшокъ не пересыпаютъ. Въ день сѣва никому и ничего въ займы

не даютъ, пустые мѣшки съ поля везутъ, а не несутъ, и съ Благовѣщенья никто и никогда не станетъ сѣять, чтобы не накликать неурожая. Есть даже повѣрье, что въ какой день случился этотъ праздникъ, тотъ полагается несчастнымъ для посѣвовъ и пахоты, а слѣдующій за нимъ день самый удачный и счастливый.

Благовѣщенская просвирка, обнадеживающая хлѣбопашцевъ, не отказываетъ въ своей силѣ-помощи, между прочимъ, и пчеловодамъ, по молитвѣ ихъ о томъ, чтобы «повелѣлъ Господь пчеламъ начать святые меды, желтые и бѣлые, и частые рои въ пожиткѣ и міру христіанскому въ удовольствіе». Просфорнымъ порошкомъ, смѣшаннымъ съ медомъ, прикармливаютъ пчелъ (Тамбовск. г.).

День Благовѣщенья, какъ и многіе другіе праздники, не обходится безъ того, чтобы не пристроили къ нему нѣкоторыхъ суевѣрныхъ примѣтъ и древнихъ обычаевъ, напр., относительно огня. Огонь стараются не зажигать ни въ этотъ день, ни наканунѣ, и вообще, съ этого дня считается грѣхомъ сидѣть и работать съ огнемъ по вечерамъ: иначе праздникъ, обиженный и непочтенный, накажетъ тѣмъ, что напуститъ на пшеницу головню, на пчелъ — лѣнивое роенье, и удачливъ будетъ тотъ, кто догадается въ этотъ день сжечь нѣсколько щепотокъ соли въ печи, а также и тотъ, кто съ Благовѣщенья, начинаетъ спать въ клѣти, такъ какъ жженая соль имѣетъ цѣлительную силу въ горячкахъ и лихорадкахъ, а спанье на холодѣ, вообще, обезпечиваетъ здоровье, укрѣпляя его.

Для тѣхъ вѣрующихъ, у которыхъ пугливое воображеніе настроено такъ, что всякій выдающійся въ году день либо предвѣщаетъ бѣду, либо ласкаетъ надеждой на лучшее,—Благовѣщеньевъ день также кое-что обѣщаетъ.

Такъ, напр., если хозяйка, между праздничной заутреней и обѣдней, возьметъ помело и сгонитъ съ нашеста куръ, то къ Свѣтлому празднику онѣ уже постараются нестись, чтобы приготовить къ празднику свѣженькихъ яицъ для христосованья. Увѣряютъ также (несомнѣнно по живымъ наблюденіямъ), что испорченные, забалованные люди, завистливые на чужое добро, стараются въ этотъ день украсть, осторожно и незамѣтно, хотя какую-либо бездѣлицу («заворовываютъ»), чтобы пользоваться удачей въ своемъ ремеслѣ на цѣлый годъ, такъ какъ, если не поймаютъ вора въ этотъ день, то не попадется онъ и впредь.

XIII.

ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

Образное представленіе о событіяхъ четвертаго дня Христовыхъ страстей (четвергъ страстной недѣли) подъ вліяніемъ церковныхъ обрядовъ, положило начало особымъ символическимъ пріемамъ въ домашней деревенской жизни. Первыя мѣста въ этотъ день принадлежатъ серебряной монетѣ, соли и хлѣбу. Омочивый на тайной вечери руку въ солило, въ знакъ предстоящаго отступничества и предательства, вызвалъ обычай очищать ту соль, которая нѣкогда была осквернена прикосновеніемъ нечистыхъ рукъ нечестиваго Іуды. Пережженую, сѣроватаго и чернаго вида, соль перемѣшиваютъ съ квасною гущею, кладутъ въ старый лапоть и бросаютъ въ огонь. Пережженную соль столкутъ, просѣютъ и затѣмъ считаютъ настолько чистою и священною, что приписываютъ ей даже цѣлебную силу, помогающую какъ людямъ, такъ и скоту. Эта соль считается въ особенности пригодной для того, чтобы просолить ею первыя, освященныя послѣ святой заутрени, пасхальныя яйца *). Въ память омовенія Спасителемъ ногъ апостоловъ, предшествовавшаго оскверненію соли

*) Во многихъ мѣстахъ соблюдается обычай считать деньги, чтобы велись они круглый годъ, даже мальчишки спѣшатъ считать въ этотъ день свои козны (игральныя кости) съ тою же цѣлью корысти на выигрыши.

Іудой, умываться въ тотъ день стараются «съ серебра», для чего кладутъ въ воду серебряную монету, прообразующую тѣ серебренники, за которые совершено величайшее изъ всѣхъ людскихъ преступленій *). Во многихъ случаяхъ обычай омовенія сопровождается довольно сложною обстановкою. Глухою ночью, далеко до свѣта, чтобы воронъ не успѣлъ выкупать своихъ птенцовъ, идутъ бабы на рѣчку (вода для обряда должна быть непремѣнно проточная) съ ведрами и кувшинами. Черпаютъ воду на восходѣ солнца и передъ домомъ сначала обливаются сами, а потомъ будятъ мужа и взрослыхъ дѣтей, заставляя ихъ также обливаться съ головы (маленькихъ дѣтей моютъ въ грѣтой водѣ). Но сущности этого обычая оказывается женщинамъ мало. Онѣ, еще до выхода на рѣку, въ темнотѣ ночной прядутъ катушку нитокъ, ссученыхъ въ обратную сторону и, по совершеніи омовенія, перевязываютъ этими нитками руки на запястьяхъ, ноги на предплюснахъ, и поясницу, какъ себѣ, такъ и каждому изъ членовъ семьи— въ увѣренности, что всѣ, исполнившіе обрядъ, весь годъ не подвергнуться никакой болѣзни (носятъ эти перевязки обыкновенно до тѣхъ поръ, пока онѣ не изотрутся). Въ воспоминаніе о преломленіи хлѣба, каждый крестьянинъ подаетъ въ церкви заздравную просфору, по силѣ своей равнозначущую съ благовѣщенской. Въ иныхъ мѣстахъ этой просфорѣ (въ Алек. у., Владим. г.) приписывается нѣсколько иное значеніе, такъ какъ крестьяне

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспоминаютъ въ этотъ день о пѣтухахъ, (въ память евангельскаго пѣтуха) и, вставши, по обыкновенію, раньше утромъ, чѣмъ когда-либо, кормятъ ихъ каленымъ горохомъ, чтобы они были злѣе. Въ вологодскихъ краяхъ, сверхъ того, стараются перемыть, а кое-гдѣ и окурить, всѣ крынки женскими волосами, въ той увѣренности, что всякая посуда сомнительна въ чистотѣ, такъ какъ въ этотъ день осквернены солоницы іудинымъ прикосновеніемъ.

вѣрятъ, что въ великій четвергъ Господь невидимо благословляетъ тотъ хлѣбъ, который въ этотъ день подается къ обѣду. Поэтому, крошки и куски, оставшіеся на столѣ, тщательно собираются и хранятся, какъ святыня, пригодная и полезная къ употребленію во время болѣзни. Во всякой избѣ, въ указанной мѣстности, во всякое время можно найти хоть маленькій ломотокъ четверговаго хлѣба *).

Независимо отъ обычаевъ, находящихъ объясненіе въ христіанскихъ вѣрованіяхъ, къ великому четвергу отнесены и иные, ничего общаго съ вѣрой не имѣющіе. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить обычай (исключительно пріуроченный къ этому подвижному церковному празднику) перваго постриженія волосъ у тѣхъ малыхъ ребятъ, у которыхъ они съ перваго дня рожденія еще не стриглись и успѣли вырости настолько, что потребовались ножницы. Въ этотъ же день подстригаютъ у овецъ шерсть на лбу, у куръ, коровъ и лошадей—хвосты. Дѣлается это въ той увѣренности, что отъ подобныхъ пострижекъ у овецъ будетъ руно длиннѣе и гуще; лошади не станутъ скакать черезъ изгороди и портить колья, а у коровъ не потеряется молоко, и что, сверхъ того, сами животныя не потеряются въ лѣсныхъ чащахъ, не заблудятся, не завязнутъ такъ, чтобы даться легкой добычей медвѣдю или волку и т. под. **).

Изъ опасенія такихъ домашнихъ невзгодъ, въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ еще не обза-

---

*) Кромѣ просфоры, пекутъ кое-гдѣ и особые катышки изъ тѣста, которые и даютъ скоту по одному, а овцамъ по два, чтобы принесли двятокъ—ягнятъ.

**) Вообще, къ мѣченой въ этотъ день скотинѣ не посмѣютъ уже прикоснуться ни гадъ, ни звѣрь.

водятся пастухами, добрые хозяева даже гадаютъ о судьбѣ своей скотины, для чего, въ великій четвергъ, до всхода солнца, примѣчаютъ: если скотина лежитъ головой, обращенной на закатъ, то это добрый знакъ, и такая животина благополучно прогуляетъ все лѣто; та же, которая стоитъ или лежитъ головой къ воротамъ—не надежна для дома и можетъ пропасть. Чтобы этого не случилось, малымъ ребятамъ велятъ, съ колокольцами въ рукахъ, три раза обѣгать во всѣ лопатки кругомъ двора съ крикомъ: «около двора желѣзный тынъ». А бѣгать надо такъ, чтобы не упасть, ни съ кѣмъ не столкнуться и не поскользнуться. Въ глухой новгородчинѣ это гаданье обставляется нѣсколько иначе: бабы открываютъ печную трубу и, набравши въ подолъ овса, взбираются на крышу и кричатъ въ трубу: «коровы-то дома»? Кто-нибудь изъ семейныхъ подаетъ имъ изъ избы успокоительный отвѣтъ, и бабы «уговариваютъ»: «такъ то вотъ, коровушки, въ лѣсу не спите, домой ходите». Затѣмъ, уйдя на дворъ, скармливаютъ овесъ скотинѣ. Такъ ведется еще въ бѣлозерскихъ и череповецкихъ мѣстахъ. А въ прославленной Уломѣ, въ тѣхъ же видахъ сбереженія скотины, прикармливаютъ домового, для чего выпрядутъ нитку въ лѣвую сторону, обведутъ ею кругомъ двора три раза, спутаютъ ноги цыпленка, также три раза, и обнесутъ его кругомъ стола съ приговоромъ: «чужой домовой, ступай домой, а свой домовой, за скотиной ходи, скотину паси». Чтобы куры не теряли яицъ, а неслись бы на своемъ дворѣ, кормятъ ихъ зерномъ, насыпаннымъ въ обручѣ, а чтобы ястребъ не таскалъ куръ и цыплятъ, эту хищную и злобную птицу устрашаютъ кринкой съ выбитымъ дномъ, оставляя ее на огородѣ, къ изгородямъ котораго, по возможности ко всѣмъ кольямъ, привязываютъ, сверхъ того, нитки и, конечно, до восхода

солнца, чтобы никто не видалъ, не сглазилъ и, такимъ образомъ, не утратили бы своей силы и могущества всѣ эти заботы и хлопоты, заговорныя слова, шепоты и дѣйствія. А чтобы заговорное слово было крѣпко, ходятъ въ лѣсъ (также до солнечнаго всхода) за вересомъ или можжевельникомъ, въ который въ лѣсныхъ мѣстахъ вѣрятъ повсюду. Могуществомъ своимъ можжевельникъ уступаетъ лишь сору изъ муравьиной кучи, а чудодѣйственная сила его зависитъ отъ умѣнья имъ пользоваться и доставать его. Прежде всего войти въ лѣсъ надо съ молитвой: «царь лѣсной и царица лѣсная, дайте мнѣ на доброе здоровье, на плодъ и родъ», затѣмъ идти надо неумывшись, не помолившись, и соблюдать строжайшую тайну, чтобы никто не примѣтилъ. Дома же принесенное надо разбросать по двору и хлѣвамъ, и только въ такомъ случаѣ не постигнетъ семью никакая напасть и не стрясется никакой бѣды надъ скотиной. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ старой новгородчинѣ, даже и этихъ мѣръ считается мало и, для окончательнаго успокоенія и увѣренности, соблюдается еще до сихъ поръ такой пріемъ: принесенный изъ лѣсу вересъ, раннимъ же утромъ, до восхода солнца, зажигаютъ на сковородѣ или жестяномъ листѣ посрединѣ избы, на полу, и всѣ члены семьи скачутъ черезъ этотъ огонь, запасаясь на весь годъ здоровьемъ и окуриваясь отъ дьявольщины, которая въ этотъ день въ особенности хлопотлива и проказлива: у колдуновъ и вѣдьмъ въ эту ночь бываютъ самыя важныя свиданія съ нечистой силой, противъ которой можжевельникъ владѣетъ благодатной охраняющей силой. И нѣтъ дня въ году, наиболѣе удобнаго, для тѣхъ, кто пожелаетъ видѣть нечистую силу и узнать отъ нея свое будущее. Вологжане совѣтуютъ ночью придти въ лѣсъ, снять съ

себя нагрудный крестъ, закопать его въ землю и затѣмъ говорить: «владыко лѣсной, есть у меня до тебя просьба»— и лѣшій не замедлитъ явиться. Бѣлозерскіе же крестьяне увѣрены въ его появленіи лишь въ томъ случаѣ, когда, сидя на старой березѣ, громко крикнуть три раза: «царь лѣсной, всѣмъ звѣрямъ батько, явись сюда». И тогда смѣло спрашивай его о томъ, что тебѣ нужно—онъ скажетъ всѣ тайны и объяснитъ все будущее.

XIV.

ПАСХА ХРИСТОВА.

Величайшій изъ христіанскихъ праздниковъ—св. Пасха, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и любимѣйшимъ народнымъ праздникомъ, когда душа русская какъ бы растворяется и смягчается въ теплыхъ лучахъ Христовой любви, и когда люди всего больше чувствуютъ живую, сердечную связь съ великимъ Искупителемъ міра.

На церковномъ языкѣ св. Пасха называется торжествомъ изъ торжествъ, и названіе это, какъ нельзя больше, соотвѣтствуетъ общенародному воззрѣнію на этотъ праздникъ. Еще загодя начинаетъ православный людъ готовиться къ этому торжеству, чтобы встрѣтить его достойнымъ образомъ, съ подобающимъ благолѣпіемъ и пышностью. Но особенно дѣятельно хлопочетъ и приготовляется деревня, гдѣ живѣе чувствуется связь со старинными обычаями и гдѣ крѣпче стоитъ православная вѣра. Въ продолженіе всей страстной седьмицы, крестьяне, что называется, не покладаютъ рукъ, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки бѣдныхъ людей и привести свои убогія жилища въ чистенькій и, по возможности, нарядный видъ. Мужики, съ первыхъ же дней страстной недѣли, заготовляютъ хлѣба и корму для скотины на всю свѣтлую седьмицу, чтобы въ праздникъ не приходилось хлопотать и чтобы все было подъ рукою. А бабы и дѣвушки хлопочутъ въ избахъ: бѣлятъ печи

моютъ лавки, скоблятъ столы, вытираютъ мокрыми тряпками запыленныя стѣны, обметаютъ паутину. Разгаръ бабьихъ работъ какъ было сказано въ предшествующей главѣ, выпадаетъ на чистый четвергъ, который признается не просто днемъ страстной недѣли, а какимъ-то особеннымъ угодникомъ Божіимъ, покровительствующимъ чистотѣ и опрятности. Въ этотъ день, по народному убѣжденію, даже «ворона своихъ воронятъ въ лужѣ моетъ». На этомъ же основаніи и бабы считаютъ своимъ долгомъ мыть ребятъ, а иногда и поросятъ, а также чистить избы. «Если въ чистый четвергъ вымоешь, говорятъ онѣ,— весь годъ чистота въ избѣ водиться будетъ». Дѣвушки моются въ чистый четвергъ со спеціальными цѣлями, твердо вѣруя, что, если на утренней зарѣ хорошенько вымыться, вытереть тѣло полотенцемъ и отдать затѣмъ это полотенце «оброшнику» (объ оброшникахъ см. ниже), то отъ жениховъ отбою не будетъ, и въ самомъ скоромъ времени непремѣнно выйдешь замужъ. Кромѣ всеобщаго мытья, крестьяне стараются пріурочить къ чистому четвергу и убой скота и свиней, предназначенныхъ для праздничнаго стола и для заготовленія въ прокъ. Это дѣлается на томъ же основаніи, какъ и мытье избы: угодникъ Божій чистый четвергъ, сохраняетъ мясо отъ порчи, въ особенности если къ нему обратиться со слѣдующей короткой молитвой: «чистый четвергъ, отъ червей и отъ всякаго гада сохрани и помилуй на долгое время».

Покончивъ съ убранствомъ избы, бабы приступаютъ обыкновенно къ стряпнѣ. Въ богатыхъ домахъ жарятъ и варятъ живность, пекутъ куличи, убирая ихъ мармеладомъ, монпансье и другими цвѣтными конфектами. Въ бѣдныхъ же семьяхъ эта роскошь считается не по карману и здѣсь куличи, въ видѣ обыкновенной, безъ всякой сдобы,

булки, покупаются у мѣстныхъ лавочниковъ или калачниковъ и барашниковъ. Но такъ какъ калашники или барашники развозятъ по деревнѣ свои куличи приблизительно за недѣлю, или за 3—4 дня до праздниковъ, то на пасхальномъ столѣ крестьянина-бѣдняка обыкновенно красуется плоская и твердая, какъ дерево, булка, цѣною не свыше пятиалтыннаго или двугривеннаго. Но бываютъ, впрочемъ, случаи, когда крестьяне не могутъ позволить себѣ и этой роскоши, не выходя изъ бюджета. Такимъ бѣднякамъ обыкновенно приходятъ на помощь болѣе богатые родственники, которые, изъ чувства христіанскаго милосердія, не допускаютъ, чтобы Свѣтлый праздникъ омрачался «голодными разговинами», да еще въ родственной семьѣ. Впрочемъ, и посторонніе не отстаютъ отъ родственниковъ и въ страстную пятницу совсѣмъ не рѣдкость видѣть шныряющихъ по селу бабъ, разносящихъ по домамъ бѣдняковъ всякіе припасы: одна принесетъ молока и яицъ, другая творогу и куличъ, а третья, гляди, притащитъ подъ фартукомъ и кусокъ убоины, хотя и накажетъ при этомъ не проговориться мужу (въ деревняхъ убоиной распоряжается мужикъ, и баба, безъ спросу, не смѣетъ и подступаться къ мясу).

Что касается мужиковъ средняго достатка, то они, хотя и не прибѣгаютъ къ помощи зажиточныхъ сосѣдей, но рѣдко обходятся безъ займовъ, а еще охотнѣе продаютъ что-нибудь изъ деревенскихъ продуктовъ (дрова, сѣно, мятая пенька и пр.), чтобы раздобыться деньжонками и купить четверть или полведра водки, пшеничной муки для лапши и пшена на кашу. Но вырученныя деньги расходуются бережно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы было на что «купить Богу» масла и свѣчей и заплатить попамъ.

Всѣ хозяйственныя хлопоты заканчиваются обыкновенно къ вечеру великой субботы, когда народъ спѣшитъ въ церковь слушать чтеніе «страстей». Читать «страсти» считается за честь, такъ какъ чтецъ передъ лицемъ всего народа можетъ засвидѣтельствовать свою грамотность. Но обыкновенно чаще всего читаетъ какой-нибудь благочестивый старикъ, котораго окружаютъ слушатели изъ мужиковъ и цѣлая толпа вздыхающихъ бабъ. Долго длится это монотонное, а иногда и просто неумѣлое чтеніе и, такъ какъ смыслъ читаемаго не всегда доступенъ темному крестьянскому уму, то усталое вниманіе притупляется, и многіе покидаютъ чтеца, чтобы помолиться гдѣ-нибудь въ углу или поставить свѣчку св. Плащаницѣ (бабы увѣряютъ, что Плащаница—это Матерь Божія) или же просто присѣсть гдѣ-нибудь въ притворѣ и задремать. Послѣднее случается особенно часто, и наши корреспонденты изъ лицъ духовнаго званія рѣзко осуждаютъ это неуваженіе къ церковному Богослуженію, замѣчая, что спать въ церкви, да еще въ великую ночь—значитъ то же, что совершенно не понимать всего происходящаго въ храмѣ.

Намъ, однако, думается, что такой ригоризмъ едва ли можно признать справедливымъ, такъ какъ во всей странѣ нашей ни одно сословіе не сохранило такой теплой и дѣтски наивной вѣры, какъ крестьянство. И если въ церковныхъ притворахъ и темныхъ углахъ храма народъ дѣйствительно спитъ, такъ что храпъ мѣшаетъ иногда молящимся, то нужно же принять во вниманіе, что эти спящіе люди истощены строгимъ деревенскимъ постомъ, что многіе изъ нихъ пришлелись изъ далекихъ селъ по ужасной весенней дорогѣ и что, наконецъ, всѣ они до нельзя утомлены предпраздничной суетой и хлопотами. Къ тому же спятъ сравнительно немногіе, а большинство толпится

въ темнотѣ церковной ограды и дѣятельно хлопочетъ надъ наружнымъ украшеніемъ храма. Во всю пасхальную ночь здѣсь слышны говоръ и крики; народъ разставляетъ смоляныя бочки, приготовляетъ костры; мальчишки суетливой толпой бѣгаютъ по колокольнѣ и разставляютъ фонари и плошки, а самые смѣлые мужики и парни, съ опасностью для жизни, лѣзутъ даже на куполъ, чтобы освѣтить и его. Но вотъ фонари разставлены и зажжены, вся церковь освѣтилась огнями, а колокольня горитъ, какъ исполинская свѣча, въ тишинѣ пасхальной ночи. На площади передъ церковью густая толпа народа глядитъ и любуется своимъ разукрашеннымъ храмомъ и слышатся громкіе восторженные крики. Вотъ послышался и первый, протяжный и звонкій ударъ колокола, и волна густого колеблящагося звука торжественно и величаво покатилась по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетѣли съ головъ шапки и радостный вздохъ умиленія вырвался изъ тысячи грудей. А колоколъ тѣмъ временемъ гудитъ, гудитъ и народъ валомъ валитъ въ церковь слушать утреню. Черезъ какія-нибудь пять минутъ въ церкви дѣлается такъ тѣсно, что негдѣ яблоку упасть, а воздухъ отъ тысячи горящихъ свѣчей становится жаркимъ и душнымъ. Особенная давка и толкотня наблюдается у иконостаса и около церковныхъ стѣнъ, гдѣ «пасочники» разставили принесенные для освященія куличи, яйца и всякую пасхальную снѣдь. Когда отойдетъ утреня, ровно въ 12 часовъ, по приказанію ктитора, въ оградѣ палятъ изъ пушки или изъ ружей, всѣ присутствующіе въ церкви осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ и подъ звонъ колоколовъ раздается первое «Христосъ Воскресе». Начинается процессъ христосованія: въ алтарѣ христосуется причтъ, въ церкви прихожане,

затѣмъ причтъ начинаетъ христосоваться съ наиболѣе уважаемыми крестьянами и обмѣнивается съ ними яйцами. (Послѣднее обстоятельство особенно высоко цѣнится крестьянами, такъ какъ они вѣрятъ, что яйцо, полученное отъ священника, никогда не испортится и имѣетъ чудодѣйственную силу).

Послѣ окончанія литургіи, всѣ «пасочники», съ куличами на рукахъ, выходятъ изъ церкви и строятся въ два ряда въ оградѣ, въ ожиданіи причта, который въ это время въ алтарѣ освящаетъ пасхи болѣе зажиточныхъ и чтимыхъ прихожанъ. Ждутъ терпѣливо, съ обнаженными головами; у всѣхъ на куличахъ горятъ свѣчи, у всѣхъ открыты скатерти, чтобы святая вода попала непосредственно на куличи. Но вотъ причтъ освятилъ уже куличи въ алтарѣ и, во главѣ со священникомъ, выходитъ наружу. Ряды пасочниковъ заколыхались, началась давка, крикъ, кое у кого вывалилась пасха изъ миски, кое гдѣ слышится сдержанная брань разсерженной бабы, у которой выбили изъ рукъ куличъ. А причтъ, между тѣмъ, читаетъ молитву и, обходя ряды, кропитъ св. водой пасхи, за что ему въ чашу швыряютъ гривны и пятаки.

Освятивъ куличи, каждый домохозяинъ считаетъ своимъ долгомъ, не заходя домой, побывать на кладбищѣ и похристосоваться съ покойными родителями. Отвѣсивъ на родныхъ могилкахъ поклоны и поцѣловавъ землю, онъ оставляетъ здѣсь кусокъ творогу и кулича для родителей и только потомъ спѣшитъ домой христосоваться и разговляться съ домочадцами *). Къ разговѣнью матери всегда будятъ маленькихъ дѣтей: «вставай, дѣтеночекъ, подымайся, намъ Божинька пасочки далъ»—и заспанная, но все-таки

*) Дѣти съ родителями христосуются трижды и только съ женами цѣловаться при всѣхъ считается за большое неприличіе.

довольная и радостная, дѣтвора садится за столъ, гдѣ отецъ уже разрѣзываетъ пасху на куски, крошитъ освященныя яйца, мясо или баранину и одѣляетъ всѣхъ. «Слава Тебѣ, Господи, пришлось разговѣться намъ»—въ умиленіи шепчетъ крестьянская семья, крестясь и цѣлуя освященную пищу.

Съ перваго же дня св. Пасхи, на протяженіи всей свѣтлой седьмицы, въ деревняхъ обязательно служатъ, такъ называемые, пасхальные молебны, причемъ духовенство расхаживаетъ по крестьянскимъ избамъ непремѣнно въ сопровожденіи «оброшниковъ» и «оброшницъ», которые иначе называются «богоносцами». «Оброшники» вербуются всего чаще изъ благочестивыхъ стариковъ и старухъ, которые или дали обѣтъ всю пасхальную недѣлю «ходить подъ Богами», или же желаютъ своимъ усердіемъ вымолить у Бога какую-нибудь милость: чтобы перестала трясти лихорадка, чтобы сына не взяли въ солдаты, чтобы мужъ не пьянствовалъ, не дрался во хмѣлю и не билъ домочадцевъ. Но очень многіе изъ мужиковъ берутся «носить Боговъ» съ исключительною цѣлью пьянствовать на даровщинку. Всѣ оброшники, прежде чѣмъ приступить къ своему дѣлу, обязательно испрашиваютъ благословенія священника: «благослови, батюшка, подъ Боговъ стать», и только, когда священникъ разрѣшитъ, принимаются за свои обязанности и «поднимаютъ Боговъ», причемъ одинъ носитъ свѣчи для продажи, другой кружку, въ которую собираетъ деньги «на Божью Матерь», третій несетъ другую кружку, куда причтъ складываетъ весь свой доходъ, предварительно записавъ его на бумагѣ, четвертый, наконецъ, носитъ кадило и подкладываетъ ладонъ (этотъ послѣдній оброшникъ считается крестьянами самымъ почетнымъ: въ рѣдкомъ домѣ ему не поднесутъ стакана).

Всѣ оброшники подпоясаны бѣлыми полотенцами, а оброшницы, кромѣ того, повязываются и бѣлыми платками, въ память св. женъ мироносицъ, которыя, по мнѣнію крестьянъ, были также покрыты бѣлымъ. Когда всѣ «богоносцы» выстроятся у церкви, появляется въ облаченіи священникъ, и вся процессія, съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе», подъ колокольный трезвонъ, шествуетъ въ первый, ближайшій отъ храма, дворъ. Къ этому времени въ избѣ, передъ «домашними Богами», зажигаются свѣчи, столъ покрывается бѣлою скатертью, причемъ, на столъ кладутъ ковригу или двѣ хлѣба, а подъ уголъ скатерти насыпается горсть соли, которая, по окончаніи Богослуженія, считается цѣлебной и дается отъ болѣзней скоту. Домохозяинъ безъ шапки, съ тщательно умащенной и прилизанной головой, выходитъ на встрѣчу «богамъ», а какая-нибудь молодайка, съ пеленою въ рукахъ, «сутрѣчаетъ» на порогѣ избы Божью Матушку и, принявъ икону, все время держитъ ее на рукахъ, пока духовенство служитъ молебенъ. Во время молебна, мужики очень строго слѣдятъ и считаютъ, сколько разъ пропѣли «Іисусе, Сыне Божій» и, если меньше 12-ти разъ, то хозяинъ, при разсчетѣ, не преминетъ выговорить священнику: «ты, папаша, только деньги съ нашего брата брать любишь, а сполна не вычитываешь». Но за то къ чтенію кондаковъ крестьяне относятся съ большимъ равнодушіемъ и, если священникъ не дочитываетъ до конца каждый кондакъ, то хозяева не обижаются: «вѣдь и языкъ прибрешешь — въ каждомъ дворѣ одно и то же», — говорятъ они и разстаются со своимъ священникомъ самымъ миролюбивымъ образомъ, одѣляя его деньгами и лепешками («одну лепешку тебѣ, папаша, а другую мамашечкѣ отдай, пущай отъ насъ гостинчикъ ей будетъ»).

Кромѣ молебна въ избѣ, многіе крестьяне просятъ отслужить еще одинъ молебенъ, уже на дворѣ, въ честь святыхъ, покровительствующихъ домашнимъ животнымъ: Власія, Мамонта, Фрола и Лавра. Для этой цѣли, на дворѣ ставятъ столы, накрываютъ ихъ скатертями, а поверхъ кладутъ «скотскую» пасху, предназначенную для домашнихъ животныхъ. Послѣ молебна, эта пасха разрѣзывается на мелкіе куски и скармливается домашнимъ животнымъ и птицѣ, а скатерть, на которой стояла пасха, псаломщикъ, по просьбѣ бабъ, подбрасываетъ вверхъ, насколько можетъ выше: чѣмъ выше онъ подброситъ, тѣмъ выше уродится ленъ. По окончаніи же молебна, наиболѣе благочестивые крестьяне пристаютъ къ священнику съ просьбами благословить ихъ «повеличать Вуспеніе Божью Матушку», и если священникъ благословитъ, поютъ слѣдующую самодѣльную молитву, которая приводитъ ихъ въ умиленіе:

«О дѣвица, Твое Успеніе славимъ,
Прими наше хваленіе
И подаждь намъ радованіе,
О предстоящихъ со слезами, О Мати,
молись съ нами,
Будь похвальна и избрана Ты, Царица
Небесная».

По окончаніи этого пѣснопѣнія, иконы выносятъ со двора, причемъ матери кладутъ въ воротахъ дѣтей для исцѣленія отъ болѣзней, а взрослые только нагибаются, чтобы надъ ними пронесли образа. Но если въ какомъ-нибудь дворѣ богатый хозяинъ закажетъ молебенъ съ водосвятіемъ, то матери низачто не упустятъ случая и непремѣнно умываютъ дѣтей св. водою, утираютъ поло-

тенцемъ и «вѣшаютъ его на Божью Матерь», (т. е. жертвуютъ) или же утираютъ концомъ холста, который также жертвуютъ на церковь. Кромѣ того, при водосвятныхъ молебнахъ, многіе крестьяне снимаютъ съ себя кресты, погружаютъ ихъ въ освященную воду и затѣмъ спускаютъ эту воду прямо въ ротъ или на глаза; старухи же, не ограничиваясь этимъ, берутъ самый вѣнчикъ, которымъ кропитъ священникъ, и обрызгиваютъ тѣ мѣста на своемъ тѣлѣ, гдѣ чувствуютъ боль, но прежде всего брызгаютъ въ пазуху; молодицы же, которыя кормятъ дѣтей, обмываютъ св. водой грудь, чтобы больше было молока и чтобы люди не сглазили.

Не ограничиваясь молебномъ съ водосвятіемъ, многіе крестьяне, въ порывѣ благочестиваго усердія, просятъ отслужить акафистъ такимъ святымъ, которыхъ не существуетъ въ дѣйствительности: какъ, напримѣръ, «Плакущей» Божіей Матери (чтобы самому не плакать), «Невидимой» Божіей Матери, «Великой Пятницѣ», «Воздвиженской Пятницѣ» (прогоняетъ нечистаго духа и колдовство), «Св. Субботѣ», «Св. Средокрестію» и пр. Священники, разумѣется, отказываются служить молебны этимъ не существующимъ святымъ, но къ такого рода отказамъ мужики относятся скептически:—«Ой, смотри, батя,—говорятъ они,—грѣхъ-то на тебѣ будетъ, коли ты, Матушку Плакущую забылъ».

Хожденіе съ иконами продолжается по всѣмъ дворамъ, до самаго вечера перваго дня св. Пасхи. А на второй день, послѣ литургіи, которая кончается очень рано, иконы несутъ на «поповку» (мѣсто, гдѣ расположены дома причта) и, послѣ молебна въ домѣ священника, крестьяне получаютъ угощеніе отъ своего духовнаго отца. Само собой разумѣется, что на «поповку», въ такихъ случаяхъ, собирается все село. «Шумъ стоитъ на всю улицу,—говоритъ одинъ изъ нашихъ, корреспондентовъ, описывая такого рода торжество,—кто

благодаритъ, а кто ругается, оставшись недоволенъ за малое или плохое угощеніе: «коли къ намъ, это значитъ, придетъ,—раздаются голоса по адресу батюшки,—пьетъ, ѣстъ, сколько самъ хочетъ, покуль въ нутро не пойдетъ, а какъ къ нему придешь—стаканчикъ поднесетъ, да и иди съ Богомъ». «Впрочемъ, прибавляетъ корреспондентъ, недовольныхъ бываетъ всегда очень мало, такъ какъ священники не скупятся на угощеніе, дорожа расположеніемъ прихожанъ и желая, въ свою очередь, отблагодарить ихъ за радушіе и гостепріимство».

Съ «поповки» иконы идутъ по ближайшимъ и дальнимъ деревнямъ, обходя рѣшительно весь приходъ, причемъ каждая деревня заранѣе предупреждается, когда къ ней «боги придутъ», чтобы крестьяне успѣли изготовиться.

Какъ ни прекрасенъ самъ по себѣ обычай пасхальныхъ молебновъ, но нельзя не замѣтить, что въ его современномъ видѣ онъ не всегда стоитъ на той высотѣ, какая была бы желательна для благочестиво настроеннаго человѣка. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нашихъ корреспондентовъ горько жалуются и указываютъ, что пасхальные молебны омрачаются, какъ поведеніемъ самихъ крестьянъ, такъ и въ особенности оброшниковъ и дьячковъ. «Мужики имѣютъ обыкновеніе,—пишетъ намъ одинъ корреспондентъ,—не додавать денегъ, причитающихся духовенству за требы: если молебенъ съ акафистомъ стоитъ рубль, то мужикъ, разсчитываясь, подаетъ только 80 к. Когда же причтъ заспоритъ, онъ прибавитъ гривеникъ, потомъ еще пятакъ, а пятакъ все-таки не додастъ». Поэтому, нѣкоторые священники «въ каждомъ домѣ садятся на лавку и, не снимая облаченія, ждутъ пока отдадутъ всѣ деньги сполна, а также и весь остальной доходъ: хлѣбъ, яйца, лепешки». Что касается оброшниковъ, то главное

ихъ несчастье состоитъ въ слишкомъ большой отзывчивости на деревенское хлѣбосольство и угощеніе: выпивая стаканчики въ каждомъ домѣ, они къ вечеру теряютъ всякій смыслъ и еле волочатъ ноги.

«Пьяные оброшники, свидѣтельствуетъ нашъ корреспондентъ, часто приводятъ священника въ искреннее негодованіе: они хватаютъ и несутъ образа безъ всякаго благословенія и, когда ставятъ гдѣ, то стучатъ какъ обыкновенной доской; во время же молебна, или съ середины акафиста, не дождавшись окончанія богослуженія, вдругъ поднимаютъ по нѣскольку иконъ сразу, кладутъ ихъ одна на другую и несутъ изъ избы, распѣвая во всю глотку «Христосъ Воскресе». Прихожане, у которыхъ служатся молебны, бываютъ, разумѣется, очень смущены такимъ поведеніемъ оброшниковъ и спѣшатъ вырвать у нихъ иконы, а самихъ оброшниковъ оттаскиваютъ прочь. Не лучше ведетъ себя и тотъ оброшникъ, который носитъ ладонъ и въ каждомъ домѣ зажигаетъ свѣчи: какъ только принесутъ образа, и онъ, до прихода священника, явится осмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, то нерѣдко падаетъ на порогѣ, причемъ изъ кадила высыпаются горящіе уголья».

Вообще, по общему отзыву нашихъ корреспондентовъ, оброшники напиваются до того, что къ вечеру валяются гдѣ-нибудь въ сѣняхъ, на крыльцѣ, а то и просто посреди деревенской улицы. Надъ такими оброшниками парни не упускаютъ, конечно, случая поиздѣваться: они кладутъ имъ въ ротъ тертаго хрѣну, завязываютъ глаза, надѣваютъ на голову бабьи повойники и покрываютъ худыми юбками. Эти злые шутки надъ пьяными вызываютъ, конечно, самыя строгія внушенія со стороны старшихъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что и среди женатыхъ мужиковъ попадаются

такіе, которые окачиваютъ водой пьяныхъ оброшниковъ, или льютъ имъ на голову квасную гущу, залѣпляя носъ, глаза, уши. Въ такомъ видѣ оброшники подъ утро расползаются по селу, ища пріюта у какой-нибудь кумы, или у хорошихъ знакомыхъ, которые позволятъ проспаться и смыть съ лица и головы всякую дрянь, которой ихъ мазали. Иногда издѣвательства парней простираются на столько далеко, что шутки ихъ кончаются очень печально. Въ одномъ селѣ, напр., они раздѣли до нага мертвецки пьянаго дьячка и на всю ночь оставили его лежать на холодной сырой землѣ—результатомъ чего была сильнѣйшая простуда, а затѣмъ и смерть несчастнаго.

Чтобы закончить характеристику пасхальныхъ молебновъ, необходимо еще упомянуть, что иконы на ночь приносятся на храненіе или въ училище, или въ домъ какого-нибудь зажиточнаго и уважаемаго крестьянина, который, обыкновенно, самъ напрашивается на эту честь и проситъ священника: «батюшка, отпусти ко мнѣ Богородицу ночевать». Нерѣдко случается, что по ночамъ въ помѣщеніи, гдѣ хранятся иконы, прихожане уже сами отъ себя устраиваютъ нѣчто вродѣ всенощнаго бдѣнія: старухи со всей деревни, богомольные мужики и дѣвушки, вымаливающія хорошихъ жениховъ, собираются сюда и возжигаютъ свѣчи, поютъ молитвы и колѣнопреклоненно молятся Богу. Въ прежнее время сюда же приносились, такъ называемые «капунинчки» (маленькіе кувшинчики съ медомъ), которые ставились передъ образами на столъ для поминовенія умершихъ. Капунинчки ставились съ большими свѣчами, и бабы при этомъ разсуждали такъ, что, всѣ, молъ, главные боги (образа) здѣсь на лицо, и если имъ зажечь по свѣчкѣ каждому, то они сразу какъ начнутъ молиться за покойничка, такъ ужъ непремѣнно вымолятъ

для него у Господа прощеніе. «Кануннички», по всей вѣроятности—изобрѣтеніе раскольниковъ, которые, въ былое время, охотно приносили къ образамъ и свои кувшинчики и простаивали на молитвѣ съ православными всю ночь. Но теперь «кануннички» строжайшимъ образомъ запрещены высшими духовными властями и повсемѣстно вышли изъ употребленія.

Пока духовенство не отслужило у крестьянина въ домѣ молебна, ни онъ, ни его домочадцы, ни подъ какимъ видомъ, не смѣютъ предаваться никакимъ праздничнымъ развлеченіямъ—это считается за большой грѣхъ. Но, затѣмъ, когда «иконы прошли», въ деревнѣ начинается широкій пасхальный разгулъ. Взрослые «гостюютъ» другъ у друга, безъ мѣры пьютъ водку, поютъ пѣсни и съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщаютъ колокольню, гдѣ и трезвонятъ съ ранняго утра до 4—5 час. вечера. Посѣщеніе колокольни, вообще, считается излюбленнымъ пасхальнымъ развлеченіемъ, такъ что, въ теченіе всей свѣтлой седмицы, на колокольнѣ толпятся парни, дѣвушки, мужики, бабы и ребятишки: всѣ хватаются за веревки и подымаютъ такой трезвонъ, что батюшка, то и дѣло, посылаетъ дьячковъ унять развеселившихся православныхъ и прогнать ихъ съ колокольни. Другимъ, спеціально пасхальнымъ развлеченіемъ, служитъ катаніе яицъ и отчасти качели и игра въ орлянку и карты. Катаютъ яйца преимущественно ребятишки, да развѣ еще дѣвушки, которыя соскучились безъ хороводовъ и пѣсенъ (на Пасху свѣтскія пѣсни и хороводы считаютъ неприличіемъ и даже грѣхомъ). За то на качеляхъ катаются рѣшительно всѣ. Гдѣ-нибудь въ концѣ деревенской улицы парни устраиваютъ, такъ называемыя, «обчественныя» качели (въ складчину) и возлѣ этихъ качелей образуется нѣчто вродѣ деревенскаго клуба:

дѣвушки съ подсолнухами, бабы съ ребятишками, мужики и парни съ гармониками и «тальянками» толпятся здѣсь съ утра до ночи; одни только глядятъ да любуются на чужое веселье, другіе веселятся сами. Первенствующую роль занимаютъ здѣсь, разумѣется, дѣвушки, которыя безъ устали катаются съ парнями. Но такъ какъ толпа почти всегда приходитъ сюда изрядно подвыпивши, и такъ какъ качели раскачиваются не самими катающимися, а зрителями, то очень нерѣдки случаи, когда отъ пьянаго усердія доска съ катающейся парочкой перелетаетъ черезъ перекладину и происходятъ несчастья — увѣчья и даже смерть.

Что касается игры въ орлянку и въ карты, то обѣ эти забавы, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе проникаютъ въ деревню и, подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ и трактирнаго просвѣщенія, положительно становятся излюбленными играми не только молодежи, но и взрослыхъ мужиковъ (объ этомъ смотри подробности въ главѣ «Святки»). Наконецъ, изъ числа пасхальныхъ развлеченій деревенскаго народа нельзя также не указать на обязательное приглашеніе въ гости кумовьевъ и сватовъ. Въ этомъ отношеніи Пасха имѣетъ много общаго съ масляницей, когда точно также домохозяева считаютъ долгомъ обмѣниваться визитами со сватами. Но на Пасху приглашаютъ даже будущихъ сватовъ, т. е. родня обрученныхъ жениха и невѣсты приглашаетъ другъ друга въ гости, причемъ, какъ и на масляницу, во время обѣда и всякой трапезы, жениха съ невѣстой садятъ рядомъ въ красномъ углу, поятъ ихъ обоихъ водкой и, вообще, дѣлаютъ центромъ общаго вниманія. Обычай требуетъ при этомъ, чтобы женихъ ухаживалъ за невѣстой, но такъ какъ ухаживаніе это носитъ, такъ сказать, ритуальный характеръ, то естественно, что въ немъ много натяну-

тости и чего-то дѣланнаго, почти фальшиваго: женихъ называетъ невѣсту обязательно на «вы», по имени-отчеству, или просто «нарѣченная моя невѣста», сгребаетъ руками сласти съ тарелки и потчуетъ ими дѣвицу, а послѣ обѣда катается съ нею по селу, причемъ опять таки обычай требуетъ, чтобы нареченные женихъ и невѣста непремѣнно катались обнявшись за талію: онъ ее, а она его.

Какъ самый большой и наиболѣе чтимый христіанскій праздникъ, Пасха, естественно, группируетъ вокругъ себя цѣлый циклъ народныхъ примѣтъ, обычаевъ, суевѣрій и обрядовъ, неизвѣстныхъ церкви, но пользующихся большой популярностью въ темной средѣ деревенскаго люда. Общая характерная черта всѣхъ этихъ народныхъ праздниковъ есть все то же двоевѣріе, которымъ и донынѣ пропитаны религіозныя понятія русскаго простолюдина: крестная сила хотя и побѣждаетъ нечистую силу, но и до сихъ поръ эта побѣжденная и поверженная во прахъ темная сила держитъ въ своей власти робкіе умы и наводитъ паническій ужасъ на робкія души.

По мнѣнію крестьянъ, въ пасхальную ночь всѣ черти бываютъ необычайно злы, такъ что, съ заходомъ солнца, мужики и бабы боятся выходить на дворъ и на улицу: въ каждой кошкѣ, въ каждой собакѣ и свиньѣ они видятъ оборотня, черта, перекинувшагося въ животное. Даже въ свою приходскую церковь мужики избѣгаютъ ходить въ одиночку, точно также какъ и выходить изъ нея. Злятся-же черти въ пасхальную ночь потому, что ужъ очень имъ въ это время солоно приходится:—какъ только ударитъ первый колоколъ къ заутренѣ, бѣсы, какъ грушп съ дерева, сыплются съ колокольни на землю, «а съ такой высоты сверзиться,—объясняютъ крестьяне,—это тоже

чего-нибудь да стоитъ». Сверхъ того, какъ только отойдетъ заутреня, чертей немедленно лишаютъ свободы: скручиваютъ ихъ, связываютъ и даже приковываютъ то на чердакѣ, то къ колокольнѣ, то во дворѣ, въ углу. Чертямъ это, разумѣется, не нравится, тѣмъ болѣе, что заклятые враги ихъ, православные люди, любятъ посмотрѣть, какъ мучаются привязанные черти, а посмотрѣть они имѣютъ полную возможность, если только догадаются придти на чердакъ, или въ темный уголъ двора съ той самой свѣчей, съ которой простояли пасхальную утреню. Можно, впрочемъ, обойтись и безъ свѣчи, съ той только разницей, что тогда не увидишь, а только услышишь мученія нечистой силы, такъ какъ въ ночь на свѣтлое воскресенье чертей принудительно замуровываютъ въ церковныя стѣны, гдѣ они «шустятся», т. е. возятся и мечутся, не будучи въ состояніи убѣжать изъ тягостнаго плѣна. Наконецъ, въ распоряженіи людей имѣется и еще одинъ способъ поглумиться надъ нечистой силой: для этого стоитъ только выйти съ пасхальнымъ яйцомъ на перекрестокъ дорогъ и покатить яйцо вдоль по дорогѣ—тогда черти непремѣнно должны будутъ выскочить и проплясать трепака. Само собою разумѣется, что чертямъ въ свѣтлую Христову ночь бываетъ совсѣмъ не до пляски—имъ въ пору бы удавиться, а тутъ, по капризу деревенскаго озорника, изволь пускаться въ плясъ и потѣшать его.

Въ такомъ же затруднительномъ положеніи бываютъ въ пасхальную ночь и вѣдьмы, колдуны, оборотни и проч. нечисть. Опытные деревенскіе люди умѣютъ не только опознавать вѣдьмъ, но могутъ даже съ точностью опредѣлить весь ихъ наличный составъ въ деревнѣ: для этого нужно только съ заговѣннымъ творогомъ встать у церковныхъ дверей и держаться за дверную скобу—вѣдьмы бу-

дутъ проходить и, по хвостамъ, ихъ можно сосчитать всѣхъ до единой.

Что касается колдуновъ, то опознавать ихъ еще легче— не надо даже за дверную скобу держаться, а достаточно во время пасхальной заутрени обернуться и поглядѣть на народъ: всѣ колдуны будутъ стоять спиной къ алтарю.

Другая группа пасхальныхъ суевѣрій раскрываетъ предъ нами понятія крестьянина о загробной жизни и о душѣ. Повсемѣстно существуетъ убѣжденіе, что всякій, кто умретъ въ свѣтлую седьмицу, безпрепятственно попадетъ въ рай, какой бы грѣшникъ онъ ни былъ. Столь легкій доступъ въ царствіе небесное объясняется тѣмъ, что въ пасхальную недѣлю врата рая не закрываются вовсе и ихъ никто не охраняетъ. Поэтому, деревенскіе старики, и въ особенности старухи, мечтаютъ какъ о величайшемъ счастьи и просятъ у Бога, чтобы онъ даровалъ имъ смерть именно въ пасхальную седьмицу.

Наряду съ тѣмъ, въ крестьянской средѣ глубоко вкоренилось вѣрованіе, что въ пасхальную ночь можно видѣться и даже бесѣдовать со своими умершими родственниками. Для этого слѣдуетъ во время крестнаго хода, когда всѣ богомольцы уйдутъ изъ церкви, спрятаться въ храмѣ со страстною свѣчкою такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Тогда души умершихъ соберутся въ церковь молиться и христосоваться между собою, и тутъ то и открывается возможность повидать своихъ усопшихъ родственниковъ. Но разговаривать въ это время съ ними нельзя. Для разговоровъ есть другое мѣсто — кладбище. Вотъ что сообщила на этотъ счетъ одна старушка-черничка нашему пензенскому корреспонденту изъ Городищенскаго уѣзда. «Я, батюшка мой, почитай, каждый годъ хожу на кладбище и окликаю покойничковъ, и всегда они мнѣ

отвѣтъ подаютъ. Только страшно это: покойники говорятъ подземельнымъ голосомъ и мурашки по тѣлу у меня такъ и забѣгаютъ, такъ и забѣгаютъ, какъ только они голосъ подадутъ. Случается, говорятъ они глухо, тихо, а случается какъ скажутъ — словно громъ ударилъ».—«Но всегда они вамъ отвѣчаютъ?» — допытывался нашъ корреспондентъ. — «Всегда, батюшка, всегда. Только, конечно, къ нимъ, къ покойникамъ то, надо подходить умѣючи, нельзя зря лѣзть. Чтобы съ ними поговорить да побесѣдовать, надо вотъ что сдѣлать: послѣ причастія, въ великій четвергъ, не нужно ничего ѣсть до самого розговѣнья Пасхи; всю пятницу и субботу надо провести въ молитвѣ и молчаніи, потому, если это не исполнить, то покойники низачто голоса не подадутъ. А какъ отойдетъ заутреня, то нужно идти на кладбище и, первымъ долгомъ, помолиться Богу, потомъ сотворить три земныхъ поклона, лечь на землю и, что только есть духу, громкимъ голосомъ закричать: «Христосъ Воскресе, покойнички!» Вотъ на это мертвецы и откликнутся: «воистину воскресе, бабушка». И ужъ послѣ этого подходи къ любой могилкѣ и спрашивай, о чемъ хочешь — мертвецъ непремѣнно отвѣтъ дастъ и никогда не совретъ, всю правду скажетъ. Но я, одначе, никогда ихъ не распытывала, а только похристосуешься, и маршъ домой: робость на меня нападала».

Особнякомъ отъ этихъ суевѣрій стоитъ цѣлая группа пасхальныхъ примѣтъ, которыя можно назвать хозяйственными. Такъ, нашъ народъ твердо убѣжденъ, что пасхальныя яства, освященныя церковною молитвою, имѣютъ сверхъестественное значеніе и обладаютъ силой помогать православнымъ въ трудныя и важныя минуты жизни. Поэтому, всѣ кости отъ пасхальнаго стола тщательно сберегаются: часть изъ нихъ зарывается въ землю на пашняхъ, съ

цѣлью предохранить нивы отъ градобитія, а часть хранится дома и, во время лѣтнихъ грозъ, бросается въ огонь, чтобы предотвратить удары грома. Точно также повсемѣстно сохраняется головка освященнаго кулича для того, чтобы домохозяинъ, выѣзжая въ поле сѣять, могъ взять ее съ собою и съѣсть на своей нивѣ, чѣмъ обезпечиваетъ прекрасный урожай*). Но урожай обезпечивается точно также и тѣми зернами, которыя, во время пасхальнаго молебна, стояли передъ образами: поэтому богобоязненный домохозяинъ, приглашая въ свой домъ батюшку «съ богами», непремѣнно догадается поставить ведра съ зернами и попроситъ батюшку окропить ихъ св. водою.

Наряду съ крестьянами-домохозяевами, создали свой циклъ примѣтъ и бабы-хозяйки. Такъ, напр., во всю свѣтлую недѣлю, каждая хозяйка должна непремѣнно прятать все освященное съѣстное такимъ образомъ, чтобы ни одна мышь не могла взобраться на пасхальный столъ, потому что если мышь съѣстъ такой освященный кусочекъ, то у ней сейчасъ выростутъ крылья и она сдѣлается летучей мышью.

Точно также, во время пасхальной утрени, хозяйки наблюдаютъ: какая скотина въ это время лежитъ смирно— та ко двору, а которая гомозится и ворочается — та не ко двору. Во время пасхальной же заутрени крестьянки

---

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай брать въ поле головку пасхи превратился даже въ своеобразный ритуалъ. Когда настанетъ ржаной сѣвъ, хозяинъ встаетъ на зарѣ, умывается и молится Богу, а хозяйка покрываетъ скатертью столъ, приноситъ головку пасхи, коврижу хлѣба, ставитъ соль и, собравъ всѣхъ домашнихъ, зажигаетъ свѣчку, послѣ чего, всѣ присутствующіе кладутъ по три земныхъ поклона и просятъ у Бога: «зароди намъ, Господи, хлѣбушка». Затѣмъ головка пасхи заворачивается въ чистую тряпочку и торжественно передается хозяину, который и уѣзжаетъ съ ней въ поле.

имѣютъ обыкновеніе «шугать» съ насѣста куръ для того, чтобы куры не лѣнились, а пораньше вставали, да побольше яицъ несли. Но едвали не наибольшій интересъ представляетъ обычай изгнанія изъ избы клоповъ и таракановъ, точно также пріуроченный къ первому дню пасхи *). Дѣлается это такимъ образомъ: когда хозяинъ придетъ послѣ обѣдни домой, онъ не долженъ входить прямо въ избу, а долженъ сперва постучаться. Хозяйка же, не отворяя дверей, спрашиваетъ: — «Кто тамъ?» — «Я, хозяинъ твой,—отвѣчаетъ мужъ, — зовутъ меня Иванъ. Ну, что, жена, чѣмъ разговляться будемъ?» «Мы-то, разговляться будемъ мясомъ, сметаной, молокомъ, яйцами».—«А клопы-то чѣмъ?»—«А клопы клопами». Крестьяне увѣрены, что, подслушавъ этотъ діалогъ, клопы или испугаются и убѣгутъ изъ избы, или набросятся другъ на друга и сами себя съѣдятъ. Есть еще и другой, болѣе упрощенный, способъ изгнанія клоповъ и всякихъ паразитовъ: когда хозяева идутъ отъ обѣдни съ пасхами, какая-нибудь старуха беретъ вѣникъ и кричитъ: «Прусаки и тараканы и всякая гадина, выходитя вонъ изъ избы—святая пасха идетъ». Это восклицаніе должно быть повторено три раза, причемъ старуха усиленно мететъ вѣникомъ къ порогу и трижды машетъ имъ за порогъ. Когда же пасха придетъ ужъ на порогъ, старуха швыряетъ вѣникъ за порогъ, какъ можно дальше, и тѣмъ самымъ намѣчаетъ путь отступленія для всякой избяной нечисти.

Что касается деревенскихъ дѣвушекъ, то и у нихъ имѣются свои пасхальныя примѣты. Такъ, напр., въ дни св. пасхи не берутъ соли, чтобы руки не потѣли, умываются водою съ краснаго яйца, чтобы быть румяной,

*) Объ этомъ см. также статью «Семенъ Лѣтопроводецъ».

притомъ становятся на топоръ, чтобы сдѣлаться крѣпкой (топоръ, говорятъ, удивительно помогаетъ, и дѣвушка дѣлается такой крѣпкой, что, по пословицѣ, «хоть объ дорогу ее бей—а ей все нипочемъ»). Сверхъ того, дѣвушки вѣрятъ, что всѣ обычныя «любовныя» примѣты на пасху сбываются какъ-то особенно вѣрно: если, напр., дѣвица ушибетъ локоть, то ужъ непремѣнно ее вспомнитъ милый; если во щи упадетъ тараканъ или муха—навѣрняка жди свиданія; если губа зачешется — не миновать поцѣлуевъ; если бровь чесаться станетъ — будешь кланяться съ милымъ. Даже лихіе люди — воры, безчестные игроки въ карты и пр.—и тѣ создали своеобразныя примѣты, пріуроченныя къ Пасхѣ. Воры, напр., употребляютъ всѣ усилія, чтобы во время пасхальной заутрени украсть какую-нибудь вещь у молящихся въ церкви, и притомъ украсть такъ, чтобы никому и въ голову не пришло подозрѣвать ихъ. Тогда смѣло воруй цѣлый годъ, и никто тебя не поймаетъ. Игроки же, отправляясь въ церковь, кладутъ въ сапогъ подъ пятку монету, съ твердой надеждой, что эта мѣра принесетъ имъ крупный выигрышъ. Но чтобы сдѣлаться непобѣдимымъ игрокомъ и обыгрывать навѣрняка всѣхъ и каждаго, нужно, отправляясь слушать пасхальную заутреню, захватить въ церковь карты и сдѣлать слѣдующее святотатство: когда священникъ покажется изъ алтаря въ свѣтлыхъ ризахъ и въ первый разъ скажетъ «Христосъ Воскресе», пришедшій съ картами долженъ отвѣтить: «карты здѣся». Когда же священникъ скажетъ во второй разъ «Христосъ Воскресе», безбожный картежникъ отвѣчаетъ: «хлюстъ здѣся» и въ третій разъ—«тузы здѣся». Это святотатство, по убѣжденію игроковъ, можетъ принести несмѣтные выигрыши, но только до тѣхъ поръ, пока святотатецъ не покается. Наконецъ, и охотники точно

также имѣютъ свои пасхальныя примѣты, которыя сводятся къ одному главному требованію: никогда не проливать крови въ великіе дни свѣтлой седьмицы, когда вся тварь земная, вмѣстѣ съ людьми, радуются Христову Воскресенію и, по своему, славитъ Бога. Нарушители этого христіанскаго правила подчасъ жестоко наказываются Богомъ, и бывали случаи, когда охотникъ, снарядившись на охоту, или нечаянно убивалъ себя, или не находилъ дороги домой и безъ вѣсти пропадалъ въ лѣсу, гдѣ его мучила нечистая сила.

Чтобы закончить характеристику пасхальныхъ суевѣрій, обычаевъ и примѣтъ, необходимо еще остановиться на той группѣ ихъ, которая связана съ пасхальнымъ яйцомъ. Наши крестьяне повсемѣстно не знаютъ истиннаго значенія и символическаго смысла краснаго яйца и даже не догадываются, что оно знаменуетъ собой міръ, обагренный кровію Христа и черезъ то возрождающійся для новой жизни. Объясняя происхожденіе этого христіанскаго символа по своему, крестьяне говорятъ, что яйцо ввели въ употребленіе еще первые апостолы: «Когда Пилатъ распялъ Христа, разсказываютъ они, то апостолы очень испугались, что Пилатъ и до нихъ доберется и, чтобы смягчить его сердце, накрасили яицъ и принесли ему въ подарокъ, какъ еврейскому начальнику. Съ тѣхъ поръ и пошелъ обычай красить на пасху яйца». Въ другихъ мѣстностяхъ (напр., въ Яросл. г.), крестьяне, объясняя происхожденіе пасхальнаго яйца, подходятъ ближе къ истинѣ, хотя далеко не все собѣ уясняютъ. «Передъ Пасхой, говорятъ они, Христосъ былъ мертвъ, а потомъ въ пользу христіанъ воскресъ. Вотъ, и яйцо точно также: оно мертвое, а, между прочимъ, изъ него можетъ живой цыпленокъ выйти». Но на вопросъ, почему же яйцо окрашивается

въ красный цвѣтъ, тѣ же ярославскіе мужики отвѣчаютъ: «такъ, вѣдь, и сама Пасха красная, въ священномъ писаніи прямо вѣдь сказано: «пасха красная, праздникъ изъ праздниковъ». Ну, окромѣ того, и звонъ пасхальный тоже зовется «краснымъ». За то несравненно обстоятельнѣе и подробнѣе отвѣчаютъ крестьяне на вопросъ о тѣхъ примѣтахъ, какія связаны съ пасхальнымъ яйцомъ. Такихъ примѣтъ цѣлое множество. Нельзя, напр., ѣсть яйцо и выбрасывать (а тѣмъ болѣе выплевывать) скорлупу за окошко на улицу, потому что, на протяженіи всей свѣтлой седьмицы, самъ Христосъ съ апостолами, въ нищенскихъ рубищахъ, ходитъ по землѣ и, по неосторожности, въ него можно попасть скорлупой (ходитъ же Христосъ съ цѣлью наблюдать, хорошо ли православные исполняютъ его завѣтъ—одѣлять нищую братію, и награждаетъ тароватыхъ и щедрыхъ, а скупыхъ и немилостивыхъ наказываетъ). Затѣмъ, крестьяне повсюду вѣрятъ, что, при помощи пасхальнаго яйца, души умершихъ могутъ получить облегченіе на томъ свѣтѣ. Для этого надо только сходить на кладбище, трижды похристосоваться съ покойникомъ и, положивши на его могилу яйцо, разбить его потомъ, покрошить и скормить его «вольной» птицѣ, которая, въ благодарность за это, помянетъ умершихъ и будетъ просить за нихъ Бога. При помощи пасхальнаго яйца, получаютъ облегченіе и живые отъ всѣхъ болѣзней и напастей. Если яйцо, полученное при христосованіи отъ священника, сохранить на божницѣ въ теченіе трехъ и даже 12 лѣтъ, то стоитъ только такое яйцо дать съѣсть тяжело больнымъ—и всю хворь съ нихъ какъ рукой сниметъ. Помогаетъ яйцо и при тушеніи пожаровъ: если человѣкъ, отличающійся праведной жизнью, возьметъ такое яйцо и троекратно обѣжитъ горящее зданіе со словами:

«Христосъ Воскресе», то пожаръ сразу же утихнетъ, а затѣмъ и прекратится самъ собой. Но если яйцо попало въ руки человѣку сомнительнаго образа жизни, то пожаръ никоимъ образомъ не прекратится, и тогда остается только одно средство: бросить яйцо въ сторону, противоположную направленію вѣтра и свободную отъ строеній—тогда вѣтеръ утихнетъ, измѣнитъ направленіе и сила огня ослабѣетъ настолько, что возможно будетъ съ нимъ бороться. Но всего больше помогаетъ пасхальное яйцо въ земледѣльческихъ работахъ: стоитъ только, во время пасхальнаго молебна, зарыть такое яйцо въ зерна и затѣмъ выѣхать съ этимъ же яйцомъ и зерномъ на посѣвъ, чтобы обезпечить себѣ прекрасный урожай. Наконецъ, яйцо помогаетъ даже кладоискателямъ, потому что всякій кладъ, какъ извѣстно, охраняется спеціально приставленной къ нему нечистой силой, а, завидѣвъ человѣка, приближающагося съ пасхальнымъ яйцомъ, черти непремѣнно испугаются и кинутся врассыпную, оставивъ кладъ безъ всякой защиты и прикрытія, — тогда только бери лопату и спокойно отрывай себѣ котлы съ золотомъ.

Къ числу оригинальныхъ пасхальныхъ обычаевъ, значеніе которыхъ темно и неясно для народа, относится, между прочимъ, такъ называемое, «хожденіе волочебниковъ». Это та же коляда, страннымъ образомъ пріуроченная къ Пасхѣ, съ той только разницей, что «волочебниками» бываютъ не парни, а преимущественно бабы. Со всего села собираются онѣ толпой и ходятъ изъ дома въ домъ, останавливаясь передъ окнами и пискливыми, бабьими голосами распѣвая слѣдующую пѣсню:

«Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ,
Христосъ Воскресе Сынъ Божій (припѣвъ)

Шумъ гремятъ волочебники —
Къ чьему двору, ко богатому,
Ко богатому—къ Николаеву.
Хозяюшко, нашъ батюшко,
Раствори окошечко, посмотри немножечко,
Что у тебя въ домѣ дѣется (и т. д.).

Смыслъ пѣсни состоитъ въ томъ, чтобы выпросить что-нибудь у хозяина дома: яицъ, сала, денегъ, молока, бѣлаго хлѣба. И хозяева, въ большинствѣ случаевъ, спѣшатъ удовлетворить просьбы волочебниковъ, такъ какъ по адресу скупого хозяина бойкія бабы сейчасъ же начинаютъ высказывать не совсѣмъ лестныя пожеланія: «кто не дастъ намъ яйца—околѣетъ овца, не дастъ сала кусокъ — околѣетъ телокъ; намъ не дали сала — коровушка пала». Суевѣрные хозяева очень боятся такихъ угрожающихъ пѣснопѣній, и потому бабы никогда не уходятъ изъ-подъ оконъ съ пустыми руками. Всѣ собранные продукты и деньги идутъ на спеціальное бабье пиршество, на которое не допускаются представители мужского пола.

XV.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Подъ такимъ названіемъ извѣстно въ народѣ первое воскресенье, слѣдующее послѣ Пасхи. Въ этотъ день, всѣ дѣвушки и молодыя бабы, запасшись съѣстными припасами, собираются на какомъ-нибудь излюбленномъ мѣстѣ деревенской улицы и поютъ пѣсни-веснянки («закликаютъ», или «заигрываютъ» весну), водятъ хороводы и устраиваютъ разнообразныя игры и пляски.

Красная горка считается дѣвичьимъ праздникомъ и, такъ какъ въ этотъ день происходятъ свадьбы и идетъ усиленное сватовство, то на игры являются обыкновенно всѣ дѣвушки до единой (конечно, въ лучшихъ нарядахъ, потому что въ этотъ день производится выборъ женихами невѣстъ). Считается даже дурной примѣтой, если какой нибудь парень, или дѣвушка просидятъ на красную горку дома: такой парень или совсѣмъ не найдетъ себѣ невѣсты, или возьметъ рябую, уродину; а дѣвушка или совсѣмъ не выйдетъ замужъ, или выйдетъ за какого-нибудь послѣдняго мужиченку-замухрышку. И во всякомъ случаѣ, оба они, и парень, и дѣвушка, непремѣнно умрутъ вскорѣ же послѣ свадьбы.

Кромѣ матримоніальнаго значенія, красная горка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пріобрѣтаетъ совершенно особый характеръ бабьяго заклинанія. Такъ, въ Пензенской губ.,

которая, наравнѣ съ Вологодской, больше другихъ придерживается старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, въ первое воскресеніе послѣ Пасхи устраивается «опахиваніе села».

Читатель уже знакомъ съ этимъ языческимъ обычаемъ, и потому здѣсь мы лишь въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтимъ, какимъ образомъ языческій обрядъ этотъ приспособляется къ христіанскимъ воззрѣніямъ народа.

Въ глухую полночь, весь наличный составъ деревенскихъ женщинъ идетъ, съ пѣснями, за околицу, гдѣ дожидаются три молодыя бабы съ сохой и три старухи съ иконой Казанской Божьей Матери. Здѣсь дѣвушки расплетаютъ свои косы, а бабы снимаютъ головные платки и начинается шествіе: нѣсколько бабъ садятся на доски, положенныя поверхъ сохи, нѣсколько дѣвокъ берутся сзади за соху, чтобы ее придерживать, а остальныя, взявшись за привязанныя веревки, тащатъ соху такимъ образомъ, чтобы обвести бороздой все село и на перекресткахъ сдѣлать сохою крестъ. Процессіи предшествуютъ старухи съ иконой и *молятся*, чтобы село не постигли какія-либо бѣдствія и напасти и чтобы эти напасти останавливались за бороздой и не смѣли ее переступать. Въ этомъ обрядѣ принимаютъ участіе только однѣ женщины и дѣвушки, парни же присоединяются къ нимъ уже потомъ, когда бабы опишутъ кругъ около села и, возвратившись на прежнее мѣсто, устроятъ пирушку, распивая брагу и закусывая. Пирушка эта продолжается до третьихъ пѣтуховъ (приблизительно до 3-го часа утра), а затѣмъ всѣ расходятся по домамъ, такъ какъ гулять послѣ пѣтуховъ считается грѣшно.

XVI.

ѲОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Ѳомино воскресенье, на языкѣ народа, называется «вьюничнымъ», потому что въ этотъ день, послѣ обѣдни, деревенская молодежь цѣлыми толпами подходитъ къ тѣмъ домамъ, гдѣ живутъ молодые супруги, обвѣнчанные въ прошедшій мясоѣдъ и кричитъ: «молодая, молодая, подай вьюнца (молодого), а не подашь вьюнца, будешь вѣтренница». Слова эти кричатъ до тѣхъ поръ, пока въ избѣ не распахнется окошко и молодая не подастъ крашенныхъ яицъ и пироговъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, къ молодежи примыкаютъ и женатые мужики и бабы и тоже кричатъ: «вьюнъ да вьюница, подайте кокурку да яйцо,—если не дадите, вломимся въ крыльцо». Кокурка—это большой, круглой формы, пшеничный пирогъ съ изюмомъ; онъ печется тѣми молодушками, которыя первый годъ живутъ замужемъ и предназначается, собственно, для бывшихъ подругъ-дѣвицъ, которымъ и вручается съ низкими поклонами и съ безмолвной просьбой, чтобы дѣвицы принимали гулять съ собой и молодыхъ, недавно обвѣнчавшихся женщинъ. Та дѣвица, которая принимаетъ кокурку изъ рукъ молодой, отдаетъ треть этого коровая назадъ молодымъ, другую треть мужикамъ, старымъ женщинамъ и ребятишкамъ, а прочее уносится въ домъ и съѣдается дѣвицами при пѣніи пѣсенъ, отъ которыхъ воздерживались во всю пасхальную недѣлю.

Этотъ старозавѣтный обычай въ нѣкоторыхъ селахъ

Владимірской губерніи сопровождается особыми, ритуальными обрядами: послѣ обѣдни, гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ деревенской улицы, собираются бабы, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ становятся всѣ молодыя парочки и начинаютъ подзывать бабъ къ себѣ. Въ отвѣтъ на этотъ зовъ, бабы начинаютъ пѣть пѣсни и медленно подходить къ «новоженямъ», которые и даютъ имъ по куску пирога и по одному яйцу.

XVII.

РАДУНИЦА.

Вторникъ Ѳоминой недѣли носитъ названіе «радуницы» или «радоницы». Въ этотъ день православная Русь обыкновенно поминаетъ родителей. Еще загодя, крестьянскія женщины пекутъ пироги, блины пшеничные, оладьи, кокурки, приготовляютъ пшенники и лапшевики, варятъ мясо, студень и жарятъ яичницу. Со всѣми этими яствами онѣ отправляются на погостъ, куда является и священникъ съ причтомъ, чтобы служить на могилахъ панихиды. За панихиды бабы, собравшись человѣкъ по пяти, платятъ, въ складчину, духовенству пирогами, студнемъ и кашей. Такъ какъ во время богослуженія бабы поднимаютъ невообразимый ревъ и плачъ на голоса, съ причитаніями и завываніями, то мужики во многихъ мѣстахъ (напр., въ Саратовск. губ.) избѣгаютъ ходить на панихиды, чтобы не глядѣть на бабьи слезы, въ искренность которыхъ они не совсѣмъ вѣрятъ. За то, когда духовенство, отвѣдавъ угощенія, которое приготовляется для него особо, разойдется затѣмъ по домамъ,—на кладбище являются и мужики, и начинается пиръ на могилкахъ. Крестьяне христосуются съ умершими родственниками, поминаютъ ихъ, зарываютъ въ могилы крашеныя яйца, поливаютъ брагой, убираютъ ихъ свѣжимъ дерномъ, поверхъ котораго ставятся всевозможныя лакомыя блюда, а въ томъ числѣ и

водка, и пиво. Когда яства разставлены, поминальщики окликаютъ загробныхъ гостей по именамъ и просятъ ихъ попить - поѣсть на поминальной тризнѣ. Но угощая покойниковъ, крестьяне, разумѣется, не забываютъ и себя, такъ что, къ концу поминанія, на кладбищѣ обыкновенно бываетъ множество пьяныхъ, которые еле стоятъ на ногахъ и путаются между могильными крестами, не будучи въ состояніи найти дорогу домой. Такое же, если не большее, пьянство происходитъ и на городскихъ кладбищахъ, куда въ день «радуницы», для пресѣченія безобразій, наряжаются даже усиленные наряды полиціи.

XVIII.

МАРГОСКИ ИЛИ МАРГОСКИНА НЕДѢЛЯ.

Такъ называется въ черноземныхъ губерніяхъ (напр., въ Орловской) вторая недѣля по пасхѣ — недѣля женъ Мироносицъ. Это празднество установлено исключительно для женщинъ и приходится оно на воскресный день (первый послѣ Ѳомина). Пасхальныя яйца пріобрѣтаютъ здѣсь особенное значеніе, занимая въ праздничномъ обрядѣ главное мѣсто. Подъ Москвой этотъ женскій праздникъ выражается въ томъ, что храмы бываютъ переполнены замужними женщинами, вдовами и дѣвушками гораздо больше, чѣмъ во всякій иной праздничный день, и приэтомъ каждая изъ молящихся, подходя къ кресту прикладываться послѣ обѣдни, обязательно христосуется со священникомъ и даетъ ему яйцо, подобно тому, какъ на утрени Свѣтлаго Воскресенья, тотъ же обрядъ исполняютъ исключительно мужчины. Гдѣ церквей и селъ не много и приходы удалены на значительное разстояніе, въ то-же воскресенье (въ Орловской губ.) съ утра бабы и дѣвки забираются въ ближній лѣсокъ, или даже хотя бы на такое мѣсто, гдѣ завязались кусты ракитокъ, съ обрядовыми приношеніями въ рукахъ, карманахъ или за пазухой—парой сырыхъ яицъ и парой печеныхъ и крашеныхъ. Идутъ съ пѣснями. По приходѣ, смолкаютъ, въ виду наступленія торжественнаго

священнаго обряда христосованья и кумовства. Каждая сняла съ шеи крестъ и повѣсила на дерево; къ нему подошла другая, перекрестилась, поцѣловала его и обмѣняла на свой крестъ, съ владѣлицей его потомъ поцѣловалась, покумилась—стали считаться и зваться «кумами», «кумушками» вплоть до Духова дня—новаго женскаго праздника (на этотъ разъ исключительно дѣвичьяго). Когда же всѣ перекумятся, запѣваютъ снова пѣсни и затѣваютъ пляски, а въ это время ребята собираютъ хворостъ и раздуваютъ огонь; на немъ три бабы жарятъ яичницу, которая отъ множества вкладовъ выходитъ настолько густая, что ее ѣдятъ руками, отламывая по куску и христосуясь яйцами, которыя къ этому дню нарочно красятъ *). Вмѣсто водки, сидя кругомъ сковородки, угощаются изъ рюмокъ квасомъ съ взаимными пожеланіями. Дѣвушекъ - подростковъ привѣтствуютъ обыкновенно такъ: «еще тебѣ подрости, да побольше расцвѣсти», а дѣвицѣ заневѣстившейся говорятъ: «до налѣтья (слѣдующаго года) косу тебѣ расплести на двое, чтобы свахи и сваты не выходили изъ хаты, чтобы не сидѣть тебѣ по подлавочью» (въ дѣвушкахъ), а бабамъ пожеланія высказываются нѣсколько иного характера: «на лѣто тебѣ сына родить, на тотъ годъ самъ третьей тебѣ быть». Дѣвушки свои пожеланія шепчутъ другъ другу на ухо. Какъ бы то ни было, умилительный обычай этотъ вводитъ въ обиходный языкъ упрощенную форму ласковаго привѣта, въ замѣну сухого величанья по имени и отчеству. Въ коренныхъ и старыхъ поселеніяхъ всѣ

*) Курянки (Обоянск. у.) свои маргоски отличаютъ тѣмъ, что, съѣвши яичницу, подбрасываютъ вверхъ ложки и кричатъ: «родись ленъ такой-то здоровый и высокій». У кого ложка налетѣла выше, у того и ленъ уродится лучше.

либо кумы и свахи, либо кумовья и сваты и не только по церковному благословенію, но и по обычному обрядовому праву. Въ облегченіе привѣта при взаимныхъ ежедневныхъ и ежечасныхъ сношеніяхъ, обычай этотъ повсемѣстенъ и неискоренимъ, какъ крѣпко излюбленный, вѣками взлелѣянный.

Въ иныхъ деревняхъ тѣхъ же мѣстностей умѣютъ оживить праздничный пиръ вводными обрядами изъ подлинной старины. Собравшись въ лѣсъ кумиться или (что то же) крестить кукушку *), идутъ разбившись парами. Когда свяжутъ оборой отъ лаптей верхушки березокъ и подвѣсятъ кресты съ шей и ленты съ косъ, начинаютъ ходить кругомъ деревьевъ на встрѣчу другъ другу съ припѣвомъ: «вы, кумушки, вы, голубушки, — кумитеся, любитеся, не ругайтеся, не бранитеся, сойдитесь—полюбитеся, подружитеся». И затѣмъ, обойдя березки три раза, цѣлуютъ подвѣшенные на нихъ кресты, которыми, при взаимныхъ поцѣлуяхъ, и мѣняются. Къ яичницѣ допускаютъ парней, обязанныхъ принести водки, меду и сладкихъ гостинцевъ. Когда съѣдятъ яичницу, каждая дѣвушка выбираетъ себѣ парня и, обнявшись съ нимъ, гуляетъ у всѣхъ на глазахъ. Родители дѣвицъ видятъ въ этомъ только обычай, и на этотъ день не находятъ въ немъ ничего предосудительнаго, хотя готовы переломать

*) «Кукушка»—это, въ иныхъ мѣстахъ, просто вѣтка съ дерева, воткнутая въ землю, или подорожникъ, а въ другихъ—большая кукла, сшитая изъ лоскутовъ ситца, миткалю, ленточекъ и кружевъ на деньги, собранныя всѣми женщинами селенья въ складчину (по 1 коп.) Наряженную куклу съ крестикомъ на шеѣ, кладутъ въ ящикъ, сколоченный на подобіе гроба, и какая-нибудь умѣлая баба начинаетъ голосить, какъ о покойникѣ, иныя смѣются, третьи поютъ и пляшутъ, и всѣмъ очень весело. На другой день кукушку зарываютъ гдѣ-нибудь въ огородѣ и играютъ приличную случаю пѣсню.

ребра за то же самое въ другіе, непоказанные дни. Начнетъ садиться солнце—всѣ съ пѣснями спѣшатъ по домамъ.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ (той же Орловской губерніи) этотъ праздникъ сопровождается еще «зазываніемъ снитки», отъ которой, якобы, зависитъ урожай хорошей капусты. Это тоже самое растеніе, которое всюду называется подорожникомъ, а также «кукушкой» (почему и самый праздникъ прозванъ «крещеньемъ кукушки»). Прибавленный обрядъ совершается послѣ предыдущихъ и состоитъ въ томъ, что дѣвушки, поѣвши яичницы, разбиваются по сосѣднимъ кустарникамъ и ищутъ тамъ эту обѣтованную траву для того, чтобы вырвать ее съ корнемъ, унести на другое мѣсто и тамъ зарыть въ землю. Посадкѣ капусты, вообще, придаютъ особое значеніе и даже тамъ, гдѣ уже отстали отъ старыхъ обычаевъ, при посадкѣ этого любимаго овоща, играющаго столь значительную роль и занимающаго на крестьянскомъ столѣ такое видное мѣсто во всей матушки Россіи, одинъ кочешокъ покрываютъ горшкомъ и присаживаютъ къ нему туда же одну луковку. Самый горшокъ обвиваютъ вѣнкомъ, принесеннымъ изъ церкви на Троицынъ день и сберегаемымъ около образовъ до времени посадки капусты. Дѣвичья снитка служитъ тому же дѣлу и отпѣвается тѣми же завѣтными хороводными пѣснями, которыя еще не забыты и не затерты современными частушками (коротенькими куплетцами въ четыре стиха *).

*) Въ «Орловск. Губ. Вѣдом.», 1865 г. № 27, напечатаны семь прекрасныхъ пѣсенъ хороводныхъ, пріурочиваемыхъ къ этому весеннему обряду, который иногда переносится на Вознесенье, иногда же повторяется въ Троицынъ день.

По Вяткѣ (напр., въ Яранскомъ краю) тотъ же мироносицкій праздникъ справляется по своему и называется «Шапшиха». Дѣвушкамъ сюда нѣтъ доступа, женщины также стараются уклоняться, а придерживаются стараго обычая только тѣ изъ бабъ, которыя любятъ погулять (на селеніе приходится такихъ бабъ 10—15). Самый обычай сводится къ женской пирушкѣ, устройство которой беретъ на себя одна изъ участницъ, по жребію. Чаще всего, это или вдова, или малосемейная. Устроительницы бабьяго пира варятъ пиво и изъ доставленныхъ наканунѣ въ складчину (вмѣстѣ съ водкой) припасовъ приготовляютъ обѣдъ къ тому времени, когда прочія складчицы вернутся изъ церкви, отъ обѣдни и отъ молебна Мироносицамъ. Позднимъ вечеромъ оканчивается этотъ пиръ плясками. «Въ старые годы (сообщаетъ нашъ корреспондентъ г. Наумовъ) женщины, не стѣсняясь никѣмъ, благодаря отсутствію мужчинъ, веселились и плясали до того, что, подъ конецъ пира, сбрасывали съ себя платки и, носимые подъ нимъ каждою замужнею женщиной, чепчики («чехлики», по мѣстному выраженію) и пѣли и плясали простоволосыми. Являться въ такомъ видѣ передъ посторонними считалось и считается въ высшей степени зазорнымъ и непозволительнымъ для всякой порядочной женщины. Вообще, это признакъ крайней разнузданности, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, этотъ обычай совершенно исчезъ, тогда какъ въ прежнее время справлялся всѣми женщинами «и въ немъ (по свидѣтельству г. Наумова) принимала участіе даже попадья».

XIX.

МАРІЯ ЕГИПЕТСКАЯ.

Съ именемъ Маріи Египетской, память которой празднуется 1-го Апрѣля, народъ соединяетъ легендарное представленіе о загробномъ судѣ, на которомъ Марія будтобы будетъ судить всѣхъ блудницъ. По воззрѣніямъ крестьянъ, Марія можетъ «поставить на первую ступень» заблудшаго сына и спасти, по молитвѣ родителей, отъ блуднаго житія и непотребства свихнувшуюся съ истиннаго пути дочь. Эта милость Маріи Египетской къ раскаявшимся блудникамъ и блудницамъ объясняется тѣмъ, что «сама она пошла на блудъ съ 12 лѣтъ», а съ 17-ти навсегда ушла въ пустыню. Народъ вѣритъ, что въ пустынѣ Марія ходила совершенно нагая, прикрывая свое тѣло пальмовыми вѣтками, но не даетъ объясненія, почему эта святая бросила въ море свои одежды, оставивъ на шеѣ только крестъ, «съ которымъ она родилась».

День Маріи Египетской крестьяне проводятъ въ воздержаніи. Въ Тамбовской губ., напримѣръ, изъ уваженія къ великой подвижницѣ Христовой, считается грѣхомъ ѣсть что-либо, кромѣ пустыхъ щей. То же наблюдается и въ другихъ губерніяхъ.

Изъ числа обычаевъ, пріуроченныхъ ко дню 1-го Апрѣля, можно указать развѣ на практикуемый среди городскихъ жителей обычай обманывать добрыхъ знакомыхъ.

Предразсудкомъ этимъ, въ особенности, заражены дѣвушки, которыя стараются обмануть, какъ можно больше, людей, въ той увѣренности, что въ такомъ случаѣ женихи не проведутъ ихъ, а наоборотъ, онѣ будутъ водить молодыхъ людей за носъ.

Но этотъ городской обычай совершенно незнакомъ нашему крестьянству.

XX.

ПРЕПОЛОВЕНІЕ.

Праздникъ Преполовенія принадлежитъ къ числу тѣхъ, истинное значеніе которыхъ почти совершенно непонятно для народа. Даже люди образованнаго круга, на вопросъ: что такое Преполовеніе—отзываются, сплошь и рядомъ, полнымъ невѣдѣніемъ, и самое большее, если скажутъ, что Преполовеніе—это половина пятидесятницы, подвижный праздникъ, приходящійся между Пасхой и Сошествіемъ Св. Духа. Но зато на вопросъ о томъ, откуда взято церковью названіе праздника и въ чемъ состоятъ особенности церковнаго богослуженія въ этотъ день — развѣ очень немногіе отвѣтятъ, что названіе праздника заимствовано изъ Евангелія и что въ день Преполовенія церковь прославляетъ особенное ученіе о таинственной водѣ, подъ которой разумѣется благодатное ученіе Христово и животворящіе дары Св. Духа. Такимъ образомъ, нельзя удивляться, что въ крестьянской средѣ объ этомъ древнемъ христіанскомъ праздникѣ только и знаютъ, что въ среду Преполовенія священники совершаютъ малое водосвятіе на рѣкахъ и источникахъ и что «деревья, изъ которыхъ былъ сдѣланъ крестъ Господень, начали рости на Преполовеніе». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, о возникновеніи этого праздника «душеспасительныя дѣвицы» (чернички) разсказываютъ цѣлую легенду, сущ-

ность которой сводится къ слѣдующему: «Одинъ разъ гнались за Богородицей разбойники, а Она была съ Младенцемъ на рукахъ. Бѣжала, бѣжала Богородица, глядь — рѣка. Она и бросилась въ воду, разсчитывая переплыть на другую сторону и спастись отъ погони. Но съ Младенцемъ на рукахъ плыть было трудно, потому что грести приходилось только одной рукой. Вотъ и взмолилась Богородица Своему Младенцу: «Сынъ мой милый, дай ты мнѣ третью руку, а то плыть мнѣ не въ моготу». Младенецъ услышалъ молитву-матери, и появилась у нея третья рука. Тогда ужъ плыть было легко, и Богородица благополучно достигла противоположнаго берега». Этимъ легендарнымъ сказаніемъ вполнѣ объясняется, почему крестьяне всѣхъ великорусскихъ губерній праздникъ Преполовенія называютъ «Преплавленіемъ» (отъ слова переплыть). Надо думать, что въ связи съ этой же легендой стоитъ и происхожденіе иконы Божіей Матери «Троеручицы».

XXI.

ПЧЕЛИНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Соловецкіе чудотворцы, святые Зосима и Савватій, издревле считаются покровителями пчелъ и заступниками всѣхъ православныхъ пчеловодовъ. Существуетъ даже легенда, что до времени жизни этихъ святыхъ, на Руси совсѣмъ не было пчелъ, и что они первые принесли эту «божью работницу» изъ земли Египетской, гдѣ разводили пчелъ окаянные измаильтяне. «По наущенію Божію, говоритъ легенда, Зосима и Савватій набрали пчелиныхъ матокъ, заключили ихъ въ тростниковую палочку и отправились изъ Египта въ православную Русь. Свв. угодникамъ сопутешествовалъ архангелъ Гавріилъ, который поднялъ въ землѣ Египетской всю пчелиную силу и повелѣлъ ей летѣть за угодниками Божіими въ русскую землю. Измаильтяне же, когда увидѣли, что пчелы оставляютъ ихъ горы и цѣлымъ облакомъ вьются надъ головой удаляющихся чужестранцевъ, пустились въ погоню и скоро настигли св. Зосиму и Савватія. Однако, архангелъ Гавріилъ не попустилъ, чтобы Божьи угодники потерпѣли отъ руки нечестивыхъ и, когда стала приближаться погоня, велѣлъ подальше бросить тростниковую палочку. Такимъ образомъ, при обыскѣ окаянные измаильтяне ничего не нашли, и святые угодники невредимыми пришли

въ русскую землю и принесли свою тростниковую палочку съ пчелиными матками».

Это преданіе хорошо извѣстно всѣмъ вѣрующимъ пчеловодамъ, которые не только имѣютъ на пчельникахъ икону свв. Зосимы и Савватія (отчего и улей, къ которому прикрѣплена икона, называется «зосимою»), но придумали даже особую молитву, съ которой обращаются къ своимъ покровителямъ: «Изосима и Савватій, помилуйте своими молитвами меня раба божія (имя рекъ) во дворѣ, или въ лѣсу, на пчельникѣ, и пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ, во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и полчетверти». Эта молитва записана въ Пензенской губ. и, весьма вѣроятно, что въ другихъ мѣстахъ пчеляки не знаютъ ея. Но за то повсемѣстно въ день св. Зосимы (17 Апрѣля), когда на пчельникъ выставляются ульи, крестьяне-пчеловоды служатъ молебны «пчелиному Богу»: богатые приглашаютъ духовенство служить молебенъ на пчельникѣ, чтобы самъ батюшка окропилъ ульи св. водой, бѣдные же молятся въ церкви и затѣмъ сами кропятъ крещенской водой свои пчельники. Въ этотъ же день приносятъ въ церковь медъ для освященія, и почти повсемѣстно кормятъ пчелъ благовѣщенскою просфорою.

День св. Савватія празднуется 27 Сентября, когда ульи въ большинствѣ губерній центральной Россіи, укутываются на зиму. Этотъ день точно также считается праздничнымъ для пчеловодовъ, которые не только сами молятся божьему угоднику, но еще охотнѣе заставляютъ молиться дѣтей, такъ какъ пчелиный промыселъ считается однимъ изъ тѣхъ, которые требуютъ нравственной чистоты и праведной жизни передъ Богомъ. А такъ какъ дѣти до 12 лѣтъ считаются у крестьянъ какъ бы безгрѣшными, то и молитва ихъ признается очень угодною Богу. «Дай,

Господи, чтобы пчелки водились, медъ носили и не умирали»—такъ, повторяя за родителями слова молитвы, шепчутъ крестьянскія дѣти на всѣхъ нашихъ пчельникахъ, кланяясь и крестясь передъ образомъ соловецкихъ чудотворцевъ.

XXII.

ЕГОРІЙ.

Послѣ Николая, мирликійскаго чудотворца, изъ сонма святыхъ греческой церкви едва ли найдется въ русскомъ царствѣ имя болѣе извѣстное, какъ имя св. великомученика и побѣдоносца Георгія, и при томъ чтимое съ самыхъ первыхъ временъ распространенія христіанства. Вторая, послѣ Ильинской, церковь построена была въ Кіевѣ на городскихъ воротахъ во имя этого святого, и когда она была возобновлена, понадобилось установленіе новаго, второго въ году, празднества въ честь Георгія (въ греческой церкви этотъ праздникъ неизвѣстенъ). Кромѣ того, что въ великокняжескихъ семьяхъ имя это было излюбленнымъ, день новаго чествованія въ народной жизни, при крѣпостной неволѣ, получилъ экономическое и политическое значеніе. Особенно знаменательно оно было на лѣсномъ сѣверѣ Россіи, гдѣ самое имя святого, по требованію законовъ нареченія и слуха, измѣнилось сначала въ Георгія, Юргія, Юрья—въ письменныхъ актахъ, и въ Егорья—въ живомъ языкѣ, на устахъ всего простонародья. Для крестьянства, сидящаго на землѣ и отъ нея во всемъ зависящаго, новый осенній (23 ноября) Юрьевъ день, до конца XVI-го вѣка былъ тѣмъ завѣтнымъ днемъ, когда для рабочихъ кончались сроки наймовъ, и всякій черно-

сошный человѣкъ, на всемъ пространствѣ русской земли, дѣлался свободнымъ съ правомъ перехода къ любому землевладѣльцу. Это право перехода, по всему вѣроятію, составляетъ заслугу того князя (Георгія Владиміровича) который палъ первою жертвою на р. Сити въ битвѣ съ татарами, но успѣлъ положить начало русскому заселенію на лѣсномъ сѣверѣ и обезпечить его крѣпкою защитою въ видѣ городовъ (Владиміра, Нижняго, двухъ Юрьевыхъ и проч.). Народная память окружила имя этого князя исключительнымъ почетомъ. На притонахъ верхней Волги, по Мологѣ и Сити, сбереглись курганы, какъ слѣды его вооруженныхъ усилій отстоять отъ бусурмановъ родную землю, на притонѣ Средней Волги чествуютъ молебствіями то озеро, которое скрыло провалившійся городъ съ церквами, жителями и княземъ въ виду наступавшихъ татарскихъ полчищъ. Для увѣковѣченія памяти князя, потребовались легенды, самъ онъ олицетворенъ въ богатыря, подвиги его приравнены къ чудесамъ, самое имя его смѣшали съ именемъ побѣдоносца «Егорія, свѣта, храбра, у котораго по локоть руки въ красной замшѣ, по колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ, а во лбу-то солнце, во тылу мѣсяцъ, по косицамъ звѣзды перехожія *). Когда вѣтры буйные разметали насыпь съ глубокаго погреба, куда замуравленъ былъ богатырь, выходилъ онъ на святую Русь, увидать свѣта бѣлаго, солнца краснаго, и отправился вымещать обиды, нанесенныя ему и отцу его въ городѣ Черниговѣ царицемъ-кудрянницемъ. На пути наталкивается богатырь на разныя неодолимыя препятствія: то стоятъ крутыя высокія горы, передъ которыми ни бѣго-

*) Былина эта извѣстна по всему лѣсному сѣверу, и пишущему эти строки удалось записать одну изъ таковыхъ на берегахъ Бѣлаго моря.

вому, ни удалому молодцу проѣзда нѣтъ, то течетъ рѣка огненная отъ земли и до самаго неба. Богатырь святорусскій Егорій зналъ, что всѣ эти препятствія встали не по Божьему велѣнью, а по вражьему попущенію, и могучимъ словомъ разрушалъ препоны: «полно вамъ, горы, полно тебѣ, рѣка, врагу вѣровать, вѣруйте вы въ Господа Распятаго»—и становились горы и рѣки по старому и прежнему, и шелъ богатырь все дальше и достигъ своей цѣли.

Внушительно, въ данномъ случаѣ, именно то обстоятельство, что изъ святого греческой церкви, русскій народъ сдѣлалъ новаго, своего, приписавши ему такія дѣянія, о которыхъ вовсе не упоминаютъ византійскія минеи. Если Егорій и ѣздитъ всегда на сѣрой лошади съ копьемъ въ рукахъ и пронзаетъ имъ зеленаго дракона (изображеніе, издревле вошедшее въ употребленіе, какъ гербъ московскаго царства), то тѣмъ же копьемъ, по русскимъ легендамъ, онъ поразилъ и того волка, который выбѣжалъ ему на встрѣчу и вцѣпился зубами въ ногу его бѣлаго коня. Раненый волкъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ: «за что ты меня бьешь, коли я ѣсть хочу?»—«Хочешь ты ѣсть, спроси у меня. Вонъ возьми ту лошадь, ее хватитъ тебѣ на два дня» *). Легенда эта укрѣпляетъ въ народѣ вѣрованіе, что всякая, зарѣзанная волкомъ, или задавленная и унесенная медвѣдемъ, скотина обречена имъ какъ жертва Егоріемъ—вѣдомымъ начальникомъ и повелителемъ всѣхъ лѣсныхъ звѣрей. Эта же легенда свидѣтельствуетъ, что Егорій умѣетъ говорить съ звѣрями людскимъ языкомъ, что онъ, если обречетъ на съѣденіе корову, овцу или лошадь, то всегда сдѣлаетъ такъ, что

*) Ходитъ еще въ народѣ сказка «о портномъ и волкѣ», свидѣтельствующая также о безпрекословномъ повиновеніи всѣхъ лѣсныхъ и полевыхъ звѣрей св. Георгію.

человѣкъ этого не увидитъ, и обреченая сама идетъ на встрѣчу врагу и беззащитно останавливается передъ нимъ, какъ бы въ столбнякѣ *). Оправдывая святого тѣмъ, что онъ отдаетъ дикимъ звѣрямъ тѣхъ животныхъ, которыя оказались бы вредными для человѣка, народъ все-таки признаетъ его покровителемъ домашняго скота, охранителемъ пасущихся стадъ, строго слѣдящимъ за пастухами и наказующимъ безпечныхъ изъ нихъ и нечестныхъ при исполненіи обязательствъ, принятыхъ передъ деревенскимъ міромъ.

Живъ и повсемѣстенъ въ черноземной Руси разсказъ о томъ, какъ Егорій приказалъ змѣѣ ужалить больно того пастуха, который продалъ овцу бѣдной вдовы, а въ свое оправданіе сослался на волка. Когда виновный раскаялся, св. Георгій явился къ нему, обличилъ во лжи, но возвратилъ ему и жизнь, и здоровье **).

Однажды нѣкій крестьянинъ, по имени Гликерій, пахалъ на волѣ поле. Старый волъ надорвался и палъ. Хозяинъ сѣлъ на межѣ и горько заплакалъ. На тотъ часъ подходитъ къ нему юноша съ вопросомъ: «о чемъ, мужичекъ, плачешь?» —«Былъ у меня,—отвѣчаетъ Гликерій.—одинъ волъ-кормилецъ, да Господь наказалъ меня за грѣхи мои, а другого вола, при бѣдности своей, я купить не въ силахъ». «Не плачь, успокоилъ его юноша,—Господь услышалъ твои молитвы. Захвати съ собою «оброть» (недоуздокъ), бери того вола, который первый попадется на глаза

*) Отсюда повсемѣстная поговорка-примѣта, «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ».

**) Почитая Егорія не только повелителемъ звѣрей, но и гадовъ, крестьяне въ молитвахъ, обращаемыхъ къ нему въ замѣтные дни, между прочимъ, просятъ, чтобы онъ уберегъ отъ укушеній змѣй и ядовитыхъ насѣкомыхъ, въ родѣ тѣхъ роковыхъ мухъ, которыя переносятъ сибирскую язву и т. п.

и впрягай его пахать—этотъ волъ твой».—«А ты чей?»—спросилъ его мужикъ.—«Я Егорій Страстотерпѣцъ»,—сказалъ юноша и скрылся.

На этомъ повсемѣстномъ преданіи (съ нѣкоторыми измѣненіями въ подробностяхъ) основываются тѣ трогательные обряды, которые можно наблюдать во всѣхъ безъ исключенія русскихъ деревняхъ въ день 23 апрѣля. Иногда, въ болѣе теплыхъ мѣстахъ, это число весенняго мѣсяца совпадаетъ съ «выгономъ» скота въ поле, въ суровыхъ же лѣсныхъ губерніяхъ это только «обходъ скота», обрядъ, который, впрочемъ, съ равнымъ удобствомъ производится и въ великій четвергъ, и въ день Вешняго Егорья, напр., въ Новгородчинѣ. Во всѣхъ случаяхъ и всюду обрядъ «обхода» совершается одинаково и заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что хозяева обходятъ съ образомъ св. Побѣдоносца Георгія всю домашнюю скотину, собранную въ кучу на своемъ дворѣ, а затѣмъ сгоняютъ ее въ общее стадо, собранное у часовенъ, гдѣ служится водосвятный молебенъ, послѣ котораго все стадо окропляется святою водою и гонится за околицу, какова бы ни была въ тотъ день погода. Хозяйки гонятъ скотъ освященной въ недѣлю Ваій вербой, а иные провожаютъ его съ хлѣбомъ и солью. Пастухъ, принимая стадо, дѣлаетъ свой обходъ съ тѣмъ же образомъ и тоже съ увѣренностью, что такое дѣло его есть священнодѣйствіе *). Въ старой новгородчинѣ (въ Череп., Боровичск. и друг. уѣздахъ), гдѣ иногда скотъ пасется безъ пастуховъ, «обходятъ» сами хозяева съ соблюденіемъ древнихъ обычаевъ. Хозяинъ

*) Егорьевъ день, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пастушій праздникъ, когда оберегатели стадъ даютъ твердое обѣщаніе во все время пастьбы не стричь волосъ своихъ на головѣ, чтобы отвлекать отъ стада волковъ.

для скотины своей рано утромъ приготовляетъ пирогъ съ запеченнымъ туда цѣлымъ яйцомъ. Еще до солнечнаго восхода, онъ кладетъ пирогъ въ рѣшето, беретъ икону, зажигаетъ восковую свѣчу, опоясывается кушакомъ, затыкая спереди за него вербу, а сзади топоръ. Въ такомъ нарядѣ, у себя на дворѣ, хозяинъ обходитъ скотъ по солнцу три раза, а хозяйка (въ Уломѣ) подкуриваетъ изъ горшечка съ горячихъ угольевъ ладаномъ и поглядываетъ, чтобы двери на этотъ разъ были всѣ заперты. Пирогъ разламывается на столько частей, сколько въ хозяйствѣ головъ скота, и каждой дается по куску *), а верба, судя по принятому обычаю той мѣстности, либо бросается на воду рѣчки, чтобы уплыла, либо втыкается подъ стрѣху (верба спасаетъ во время грозы отъ молніи). Бѣлозерцы придерживаются еще такихъ обычаевъ, что наканунѣ Егорья убираютъ съ глазъ долой гребни, щетки и ножницы и (въ Марковской волости) кладутъ въ воротахъ, на землю, шерстяной поясъ, клещи и крюкъ, иногда шейный крестъ или топоръ и ножъ, и выгоняютъ (какъ вологжане) скотину на улицу, а потомъ опять къ ряду же и загоняютъ.

Въ глухой черноземной полосѣ (Орловской г.) вѣрятъ въ Юрьеву росу, т. е. стараются въ Юрьевъ день возможно раньше, до восхода солнца, когда еще не высохла роса, выгнать скотъ со двора, особенно коровъ, чтобы онѣ не болѣли и больше давали молока. Въ той же мѣстности вѣрятъ, что свѣчки, поставленныя въ церкви къ Егорьеву образу, спасаютъ отъ волковъ: кто забылъ поставить, у того Егорій возьметъ скотину «волку на зубы».

*) Вологжане (кадниковскіе) кусочки этого хлѣба уносятъ на село и, послѣ обѣдни, раздаютъ нищей братіи: инымъ въ одно это утро Егорьева дня удается собрать такихъ кусочковъ цѣлый мѣшокъ.

Чествуя «скотскій» праздникъ, домохозяева не упускаютъ случая превратить его въ «пивной». Еще задолго до этого дня, расчитывая, сколько выйдетъ ушатовъ пива, сколько сдѣлать «жиделя» (пива низшаго сорта), крестьяне озабочены мыслью, какъ бы не было «нетечи» (когда сусло не бѣжитъ изъ чана) и толкуютъ о мѣрахъ противъ такой неудачи. Подростки лижутъ ковши, вынутые изъ чановъ съ сусломъ; пьютъ отстой или гущу, осѣвшую на днѣ чана. Бабы пекутъ и варятъ и «обиходятъ» избы (моютъ). Дѣвицы излаживаютъ свои «баенны» (наряды). Когда пиво готово, къ каждому родственнику въ деревнѣ несутъ буракъ или «буртасъ» *) и приглашаютъ «гостить о праздникѣ». Праздникъ Егорья начинается съ того, что каждый большакъ несетъ въ церковь сусло, которое на этотъ случай называется «кануномъ». Его на время обѣдни ставятъ передъ иконой св. Георгія, а послѣ обѣдни жертвуютъ причту. Первый день пируютъ у церковниковъ (въ Новгородчинѣ), а потомъ идутъ пить по домамъ крестьянъ. Или такъ, по-Вологодски: первый день угощаются сами домашніе, на второй день угощаютъ родныхъ, а на третій—сосѣдъ сосѣда. Въ иныхъ мѣстностяхъ около недѣли мотаются другъ къ другу, бродятъ изъ одной деревни въ другую. Хорошаго гостя водятъ прямо на погребъ къ самому чану—пей сколько влезетъ, если сумѣешь потомъ самъ вылѣзти.

Такъ какъ значительная часть удаленныхъ и особо чтимыхъ часовенъ, а равно тѣхъ ближнихъ, которыя охраняютъ избранные родники, указываютъ на мѣста старыхъ, лишь впослѣдствіе освященныхъ христіанскимъ именемъ, святыхъ, то и по занимающему насъ вопросу часовнями

*) Ведро изъ бересты, вмѣстимостью около гарнца.

съ именемъ св. Георгія отмѣчены таковыя же мѣста, гдѣ обычно справлялся общій «скотскій» или «коровій» праздникъ. Изъ множества такихъ часовенъ выдѣляется, между прочимъ, въ Вельскомъ уѣздѣ (Вологодск. г.) въ глухой деревушкѣ Першинской «Георгіевская часовня», извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «Спасъ въ Раменьѣ». Эта часовня, снабженная даже колокольней съ тремя звонами, привлекаетъ сюда изъ трехъ сосѣднихъ уѣздовъ, Кадниковскаго, Тотемскаго и Вельскаго, до 10 тысячъ богомольцевъ, стекающихся на первый Спасъ, празднуемый наканунѣ всенощной, а въ день 1-го августа— крестнымъ ходомъ на р. Чургу (въ полуверстѣ отъ деревни). Послѣ погруженія креста, нѣкоторые сбрасываютъ съ себя одежды и купаются. Одежду хватаютъ на лету бѣдные крестьяне и берутъ себѣ. Во время безчисленныхъ молебновъ, общихъ и частныхъ, поступаютъ пожертвованія не только деньгами, но и льномъ, яйцами, а также домашнимъ скотомъ. Все это оцѣнивается и, при чиновникѣ удѣльной конторы, продается на сумму болѣе тысячи рублей, поступающихъ въ пользу архангельской приходской церкви. На улицѣ, противъ каждаго дома, выставляются столы съ яствами и бочка, или ушатъ пива и ведро водки для угощенія.

Егорьевъ день, какъ и всѣ старозавѣтные праздники, у домосѣдовъ черноземной Россіи (напр., въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ.) сохранилъ еще слѣды почитанія Егорья, какъ покровителя полей и плодовъ земныхъ. Крѣпка увѣренность въ томъ, что Егорью были даны ключи отъ неба и онъ отпираетъ его, предоставляя силу солнцу и волю звѣздамъ. Многіе еще заказываютъ обѣдни и молебны святому, испрашивая у него благословенія нивамъ и огородамъ. А въ подкрѣпленіе смысла древняго

вѣрованія, соблюдается особый обрядъ, выходящій изъ ряда обычныхъ именно въ этотъ Юрьевъ день.

Выбираютъ наиболѣе смазливаго парня, украшаютъ его всякою зеленью, кладутъ на голову круглый пирогъ, убранный цвѣтами и, въ цѣломъ хороводѣ молодежи, ведутъ въ поле. Здѣсь трижды обходятъ засѣянныя полосы, разводятъ костеръ, дѣлятъ и ѣдятъ обрядовый пирогъ и поютъ въ честь Юрья старинную священную молитву-пѣсню («окликаютъ»):

Юрій, вставай рано—отмыкай землю,
Выпускай росу на теплое лѣто,
На буйное жито —
На ядренистое, на колосистое.

XXIII.

ЛОШАДИНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

На второй день третьяго Спаса пахалъ мужикъ свой «паръ», чтобы посѣять озимую рожь. Лошадь заартачилась и остановилась; принялся мужикъ хлестать ее кнутомъ, а потомъ сталъ изъ всѣхъ силъ колотить палкой. Лошадь пала на колѣни и заржала. Хозяинъ осыпалъ ее бранью и проклятіями и пригрозилъ вспахать на ней цѣлую десятину въ одинъ день. На этотъ сказъ, откуда ни взялись, два странника съ посохами.

«За что ты бьешь лошадь?—спрашиваютъ они мужика: вѣдь ты отвѣтишь за нее Богу, всякая животина на счету у Бога, а лошадь и сама умѣетъ Ему молиться» *). У васъ, вотъ, на каждой недѣлѣ полагается для отдыха праздникъ, а у коня твоего въ круглый годъ нѣтъ ни единаго. Завтра нашъ день—Флора и Лавра: вотъ мы и пришли заступиться и посовѣтывать свести твою лошадь на село къ церкви и сосѣдямъ то же наказать, если хотятъ, чтобы лошади ихъ были здоровы и въ работѣ крѣпки и охотливы. Мы приставлены къ лошадямъ на защиту. Богъ

*) На основаніи этого повѣрья, и въ черноземныхъ губерніяхъ соблюдается обычай вѣшать въ конюшняхъ, съ правой стороны, надъ яслями образъ Фрола и Лавра; рѣдкій рѣшается (напр., въ Пензенск. г.) тамъ испражняться, и въ рѣдкихъ стойлахъ не подвѣшена убитая сорока (чтобы лошади были веселѣе).

велѣлъ намъ быть ихъ заступниками и ходатаями передъ Нимъ».

Такова нехитрая пензенская легенда, свидѣтельствующая своимъ давнимъ происхожденіемъ о повсемѣстномъ чествованіи избраннаго святого дня Фрола и Лавра. По орловскому повѣрью, почитаніе этихъ святыхъ мучениковъ вызвано слѣдующимъ случаемъ. Оба брата, Фролъ и Лавръ, жили тѣмъ, что ходили по деревнямъ и рыли колодцы. Одинъ разъ работа ихъ была настолько неудачна, что обвалилась земля и похоронила обоихъ, и притомъ такъ, что никто этого не замѣтилъ. А колодецъ, между тѣмъ, завалился обычнымъ порядкомъ. Не обычна была лишь та лужица, которая стала протекать изъ обвала и обнаружила чудодѣйственную силу: ходившая сюда чахлая лошаденка одного мужика начала добрѣть,—не съ овса (такъ оказалось, по справкѣ у хозяина), а именно отъ этого самаго пойла. Стали гонять своихъ клячъ сюда и другіе и достигли того же. Тогда вздумали мужики рыть на этомъ мѣстѣ колодезь и наткнулись тамъ на Флора и Лавра: стоятъ оба брата, съ желѣзными лопатами въ рукахъ, цѣлы и невредимы. Замѣчательно, приэтомъ, стремленіе легендъ пріурочить этихъ святыхъ греческой церкви къ сонму святыхъ русской церкви, какъ наиболѣе освоившихся съ нуждами русскаго народа. Въ древней Смоленщинѣ (Дорогобужск. у.) существуетъ, напр., такая легенда. Святые Флоръ и Лавръ были по ремеслу каменьщики и находились въ числѣ строителей стѣнъ Кіево-Печерской лавры. Одинъ разъ, когда они обламывали камни, осколокъ одного отлетѣлъ такъ неудачно, что попалъ въ глазъ единственному сыну и наслѣднику князя, завѣдывавшему работами. Разгнѣванный князь приказалъ закопать обоихъ братьевъ по поясъ въ землю и держать въ ней то тѣхъ

поръ, пока не исцѣлится глазъ, а въ случаѣ, если глазъ вытечетъ, то князь собирался виновныхъ закопать совсѣмъ въ землю живыми. По молитвамъ братьевъ, Господь исцѣлилъ больного, и святые получили свободу.

Хотя эта легенда и оправдываетъ обычай прибѣгать къ этимъ святымъ съ молитвами при глазныхъ болѣзняхъ, но такой обычай—исключительный и узко-мѣстный. Главное же и основное вѣрованіе не утрачиваетъ своей силы на всемъ пространствѣ русской земли. Въ Москвѣ, на Мясницкой, противъ почтамта, и около старинной церкви Фроловской, вдоль стѣны бывшаго строгановскаго училища живописи, можно было любоваться выставкою первостепенныхъ московскихъ рысаковъ, приводимыхъ сюда для молебствія и до сихъ поръ составляющихъ любительскую слабость купечества, глубоко вкоренившуюся въ городскіе нравы. Другой такой разнообразной и блестящей выставки, не похвальбы, а мольбы ради, только одинъ разъ безплатно предоставляемой для обозрѣнія любителямъ, положительно нигдѣ уже нельзя видѣть на всемъ пространствѣ Великороссіи. Праздныя и шаловливыя посѣтительницы кавказскихъ водъ, въ этотъ же день, на обширной площадкѣ казачьей станицы, подлѣ православной церкви греческаго стиля въ Кисловодскѣ, могутъ любоваться тѣми скакунами всякаго роста и возраста, съ довольно разбитыми ногами, на которыхъ совершаются горныя прогулки. Скакуновъ приводятъ сюда для служенія молебна св. мученикамъ и окропленія св. водою, освященною тутъ же на площади. Тотъ же обычай наблюдается и на сѣверѣ. «До 300—400 головъ лошадей приводятъ въ село,—сообщаетъ нашъ корреспондентъ изъ Никольскаго уѣзда, Вологодской губ.,—для окропленія св. водою». Лошади рабочія, мѣстной мелкой породы, но боль-

шей части, рыженькія; шерсть у нихъ не лоснится, какъ у московскихъ рысаковъ, а зачастую хохлатая, такъ что не расчистить ее самой крѣпкой скребницей; не казисты онѣ видомъ, но похвальны обычаемъ: нетребовательны въ пищѣ и изумительно выносливы: имъ нипочемъ тѣ лѣсныя дороги, гдѣ всякая другая порода лошадей надрывается. На «лошадиный праздникъ» пригоняютъ ихъ подкормленными овсецомъ и даже крутопосоленнымъ ячнымъ хлѣбцемъ *). Гривы и хвосты расчесаны, и въ нихъ вплетены дѣвками ленточки или лоскуточки кумача, или ситцевъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ.

Для «конной мольбы» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Вологодск., Костромск., Новгородск. гг.) существуютъ особыя деревянныя часовни, нарочито предназначенныя для чествованія мучениковъ въ завѣтный ихъ день. Нѣкоторыя часовни находятся въ значительномъ удаленіи отъ селъ, на лѣсныхъ полянахъ (какъ, напр., въ лѣсахъ вологодскихъ и ветлужскихъ) и стоятъ втеченіе всего года совершенно забытыми, а на праздникъ мучениковъ привлекаютъ поразительное многолюдство и получаютъ особое оживленіе. Послѣ торжественной обѣдни, крестьяне—кто верхомъ, кто пѣшкомъ, кто въ телѣгѣ—отправляются, по мѣстному выраженію, «къ пиву». Лошадей набирается такъ много, что поляна передъ часовней сплошь покрывается ими. За версту отъ часовни раскинулось ровное поле, гдѣ, по окончаніи молебствія, начинаются скачки (новое доказательство древности лошадинаго праздника, а равно и того, что самыя часовни представляютъ

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, заведенъ обычай закапывать фролонскую просфору (ржаную). Каждый домохозяинъ несетъ за пазухой одну такую просфору, чтобы разломить дома на кусочки и дать по частицѣ каждой дворовой скотинѣ, начиная съ коня и кончая поросенкомъ.

позднѣйшія сооруженія, освятившія собою мѣста древнихъ игрищъ). Съ постройкой одной изъ такихъ часовенъ, въ ветлужскихъ лѣсахъ, преданіе связываетъ явленіе иконы св. мучениковъ при источникѣ изъ горы (лѣтъ 300 тому назадъ). Изъ часовни впослѣдствіи образовалась церковь, стоявшая одиноко въ темномъ лѣсу, въ 17 верстахъ отъ жилья. «За сто верстъ (свидѣтельствуетъ корреспондентъ) со всѣхъ сторонъ, съѣзжаются сюда служить водосвятный молебенъ послѣ обѣдни, а также и послѣ того, какъ всѣ верхомъ, по три раза, успѣютъ объѣхать кругомъ церкви. Священникъ выноситъ крестъ со святою водой, благословляетъ крестомъ и все время кропитъ, при чемъ каждый, проводящій мимо него лошадей, старается о томъ, чтобы хотя одна капля св. воды попала на лошадь. Какъ только всѣ объѣхали, священникъ осѣнитъ крестомъ и скажетъ: «съ Богомъ»—тогда всѣ разъѣзжаются по домамъ».

Обычныя скачки на лошадяхъ въ перегонку (отчего кое-гдѣ и самый праздникъ получаетъ названіе «скакалки») сохранились далеко не вездѣ. Даже въ той же Вологодск. г. (въ Вельскомъ уѣздѣ) «фролятъ» только любители изъ взрослыхъ, т. е. скачутъ въ перегонку въ первое воскресенье, слѣдующее за Петровымъ днемъ. Оно называется «конною мольбой», именно потому, что въ этотъ день установлено молебствіе о лошадяхъ, и каждый хозяинъ приводитъ на площадь, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ одну лошадь. Зато повсюду установлено общимъ и неизмѣннымъ правиломъ кормить въ этотъ день лошадей въ полную сыть и ни въ какомъ случаѣ на нихъ не работать (даже на скачкахъ сѣдлать лошадей не принято). Во всякомъ случаѣ, «Фролы», или, по крайней мѣрѣ, самый день праздника отличается въ деревнѣ особымъ торжествомъ, въ лѣсныхъ же губерніяхъ этотъ день замѣчателенъ по

обилію яствъ и питей. Избы къ тому времени чисто вымыты, хозяева принаряжены, пива наварено вдосталь, гости не спесивы, а потому и пиръ легко и скоро идетъ въ гору и доходитъ до тѣхъ криковъ, когда всѣ галдятъ, и никто другъ друга не слушаетъ, и даже до безпричинной ссоры и кровавой драки. «На Фролахъ» даютъ себѣ волю выпить лишнее и женщины, что составляетъ исключеніе, сравнительно съ прочими деревенскими праздниками. Это особенно замѣтно въ вологодскихъ краяхъ: «мужики, которые любятъ винцо, пьютъ очень мало, даже нѣкоторые совсѣмъ отказываются, за то ужъ бабы пьютъ за себя и за мужиковъ, бабы и старухи уже поздно вечеромъ еле плетутся домой».

И на этотъ разъ, какъ при чествованіи Власія, въ стройный однообразный рядъ обрядовъ христіанскаго молитвеннаго чествованія св. Флора и Лавра врываются коегдѣ, какъ осколокъ доисторической вѣры, обрядъ нелѣпыхъ жертвоприношеній, подобный тому, который замѣченъ былъ въ Пермской губ. и такъ описанъ самовидцемъ: «На вспаханномъ подъ паръ полѣ, сплошь усѣянномъ народомъ, лежатъ въ крови и корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ головъ до 20-ти животныхъ, издающихъ душу-раздирающіе стоны и хрипѣніе. Вотъ ведутъ на веревкѣ къ «жертвенному полю» молодого бычка. На него набрасывается, съ крикомъ и шумомъ, толпа народа, и черезъ моментъ несчастное животное лежитъ уже распростертымъ на землѣ, придавленное толпой жертвователей. А въ это время проходитъ жрецъ конца XIX вѣка съ невозможно тупымъ ножемъ и начинаетъ пилить животному горло. Процесъ пиленія продолжается не менѣе четверти часа. Помощники жреца тотчасъ же приступаютъ къ потрошенію. Такимъ образомъ, ко вре-

мени, когда у животнаго будетъ окончательно перерѣзано горло, съ него успѣютъ содрать всю шкуру и отрѣзать ноги. Затѣмъ начинается жаренье животныхъ на кострахъ. Около двухъ часовъ ночи, раздается ударъ въ колоколъ, возвѣщающій, что жертвенное кушанье поспѣло, и толпа набрасывается на горячее мясо съ крикомъ и дракою, при чемъ большинство желаетъ получить мясо ради его «особо освященнаго свойства». Обрядъ этотъ и пиршество, подъ общимъ именемъ «скотскаго праздника», совершается не иначе, какъ въ день Флора и Лавра». «Не иронія ли это судьбы (справедливо замѣчаютъ въ газетѣ «Уральская жизнь», сообщившей объ этомъ событіи), что подобное медленное истязаніе животныхъ происходитъ въ «скотскій праздникъ?»

XXIV.

НИКОЛА ВЕШНІЙ.

Никола Вешній, или «Никола съ тепломъ», называется такъ потому, что съ этого дня (9 Мая) устанавливается теплая погода. «Никола осенній лошадь на дворъ загонитъ, а Никола весенній лошадь откормитъ»—говорятъ крестьяне, характеризуя приволье подножныхъ кормовъ.

День Николы вешняго считается мужскимъ праздникомъ, такъ какъ въ этотъ день парни первый разъ ѣдутъ въ ночное и на лугахъ, при свѣтѣ костровъ, справляютъ свой нехитрый пиръ: привозится водка, закуска, жарится неизмѣнная яичница, а послѣ заката солнца являются и дѣвки. Надзора со стороны старшихъ въ этотъ день не полагается, и молодежь, на полной свободѣ, водитъ хороводы, поетъ пѣсни и пляшетъ до утренней зари.

Что касается взрослаго населенія, то оно также считаетъ Николу вешняго покровителемъ лошадей и заказываетъ въ этотъ день молебны съ водосвятіемъ, чтобы св. Никола уберегъ коней отъ волковъ и медвѣдей и даровалъ табунамъ здоровье. Вообще, св. Никола пользуется въ народѣ огромнымъ уваженіемъ за его любовь къ крестьянамъ и почитается самымъ старшимъ и самымъ близкимъ къ Богу святымъ угодникомъ. На этотъ счетъ въ Пензенской губ., Краснослободскаго уѣзда, одинъ крестьянинъ разсказалъ нашему корреспонденту слѣдующую ле-

генду. «Однова мужикъ посѣялъ рожь и, какъ управился, пошелъ въ воскресенье въ храмъ Божій и взялъ съ собою гривну (3 к.) на свѣчку. Только, этта, купилъ мужикъ свѣчку и задумался: кому ее ставить. Видитъ онъ, что народъ ставитъ Миколѣ, пошелъ и самъ къ Миколаю. Поставилъ свѣчку, отвѣсилъ поклонъ и молится: «Микола, батюшка милостивый, отецъ родной! уроди ты мнѣ ржицу». А пророкъ-то Илья услышалъ мужикову молитву и осерчалъ.—«И что это,—говоритъ,—мужикъ Миколу все проситъ, а не меня: чай, я не хуже Миколая-то? Вотъ погоди, придетъ лѣто, пущай Микола уродитъ мужику рожь, а я возьму да градомъ и выбью». Услыхалъ эти слова Микола милостивый и тоже осерчалъ:—«Анъ, нѣтъ—не выбьешь».—«Анъ, выбью». Вотъ они и заспорили. Послалъ Микола дождь, и рожь у мужика выросла лучше всѣхъ. Радуется мужикъ: «ну, думаетъ и зашибу я деньгу». А того и не знаетъ, что пророкъ-то Илья на его рожь съ неба посматриваетъ и все наровитъ, какъ бы ее градомъ хватить. Только и Миколай не дремлетъ: приходитъ, это, онъ къ мужику и говоритъ: «продай рожь не жамши». Мужикъ послушался и продалъ: ржи въ тотъ годъ у всѣхъ были плохи, и ему за его хорошую рожь—эва сколько деньжищъ сосѣдъ отвалилъ. Вотъ пришла жатва, а Илья то не зналъ, что мужикъ продалъ рожь и такой-ли градъ послалъ, такой градъ, что вся рожь полегла на землю. Тогда Микола опять является къ мужику и говоритъ: «ты, мужикъ, купи рожь-то свою побитую». Мужикъ послушался и, почитай, задаромъ взялъ свою рожь назадъ. А Микола тѣмъ временемъ послалъ дождь и поднялъ рожь съ земли, и опять у мужика стала хорошая рожь. Разсердился, разлютовался Илья, когда узналъ, какъ его Миколай обошелъ, и порѣшилъ на слѣдующій годъ опять

побить мужикову рожь, да только Никола опять наставилъ мужика продать рожь не жавши, и Илья такъ и остался ни съ чѣмъ».

День Николы Вешняго не связывается въ народномъ представленіи съ какими-нибудь особыми земледѣльческими примѣтами, если не считать того, что этотъ день признается временемъ средняго посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Съ Николина дня точно также «заказываются» луга, что обыкновенно дѣлается посредствомъ древесныхъ прутьевъ и вѣтокъ, которыя втыкаются въ землю на межахъ — признакъ, что пасти скотъ на этихъ лугахъ возбраняется.

XXV.

ВОЗНЕСЕНЬЕ.

Живое, образное представленіе евангельскаго событія— восхожденія Спасителя на небо во всей божественной славѣ своей — въ обиходной жизни русскихъ деревень потребовало вещественнаго обрядового знака, подобнаго пасхальнымъ куличамъ, сыру и яйцамъ и т. под. На этотъ разъ, чествованіе высказалось полнѣйшимъ простодушіемъ, въ умилительной формѣ самого вѣрованія. На праздникъ Вознесенья пекутъ пироги съ зеленымъ лукомъ, а главное особенное кушанье—хлѣбныя «лѣсенки» (въ Ярославской губ.). Такія лѣсенки дѣлаются обязательно съ семью перекладинками, какъ бы ступеньками, по числу семи небесъ апокалипсиса. Прежде эти пироги и лѣсенки освящались въ церкви, относились на колокольню и бросались внизъ на землю. При этомъ, конечно, гадали о томъ, на какое изъ семи небесъ суждено попасть гадающему. Когда всѣ семь ступенекъ оставались цѣлы, это указывало гадальщику прямой путь на небо, и наоборотъ: если лѣсенка разбиваясь въ мелкіе куски, то тѣмъ самымъ обнаруживала страшнаго грѣшника, который ни на одно изъ небесъ не годится. Въ настоящее время, гаданье это упростилось до того, что лѣсенки бросаютъ прямо на полъ, около печи, которая ихъ испекла. Простодушіе вѣрованія и стремленіе къ образному выраженію его на этомъ обычаѣ не остановилось, а пошло

далѣе. Въ Вологодск. г. (Кадниковск. у.), напримѣръ, къ рогулькамъ изъ тѣста, (которыя также называются лѣсенками) прибавляютъ еще особое печенье — сочни съ овсяной крупой, называемые «христовыми окутками» — всегдашней принадлежностью всякой крестьянской обуви, неизбѣжной при хожденіяхъ и восхожденіяхъ.

О путаницѣ въ переносѣ весенняго праздника, въ видѣ Семика и Русальной, съ вѣнками и неизбѣжной яичницей, на разные праздники церковнаго календаря мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ. Относительно же Вознесенья, между прочимъ, Ярославское Пошехонье представляетъ кой-какія дополненія и отличья. Такъ, напр., тамошнія дѣвушки съ готовой яичницей, завязанной въ платокъ, обходятъ всѣ деревенскія поля однѣ (парни ни въ какомъ случаѣ не допускаются). Когда съѣдятъ обѣтное кушанье, дѣвушки начинаютъ кататься по травѣ и приговаривать:

«Рости, трава, къ лѣсу, а рожь къ овину».

Нѣкоторые стараются объяснить этотъ языческій обычай почитанія русалокъ самымъ днемъ, для того намѣченнымъ (четвергъ посвящается богу-громовнику), радуясь тому подходящему случаю для замѣны, что и христіанскій праздникъ всегда упадаетъ на четвергъ.

XXVI.

СЕМИКЪ И РУСАЛЬНАЯ.

Въ память старой вѣры и дѣдовскихъ обычаевъ, за «недѣлею всѣхъ святыхъ» сохранилось названіе «русальной», а послѣднее весеннее воскресеніе, на томъ же основаніи, именуется «проводами весны и встрѣчей русалокъ». Весну, впрочемъ, провожаютъ наканунѣ начала Петровскаго поста, вечеромъ, когда обычно поютъ и пляшутъ, а въ черноземной Руси (напр., въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ.) на другой день (и также вечеромъ) совершаютъ эти проводы въ лицахъ: молодые крестьяне, женатые и неженатые, наряжаются въ торпища*) и прячутся около села во ржи, поджидая, когда выйдутъ сюда дѣвушки и молодыя бабы. Тогда, во ржи, гдѣ нибудь раздается легкое хлопанье кнутовъ, которыми запаслись мужчины. Бабы и дѣвушки испуганно вскрикиваютъ: «Русалоцки... русалоцки»—и разбѣгаются въ разныя стороны. Въ догонку за ними пускаются наряженные, стараясь ударить оплошавшихъ женщинъ кнутомъ. Бабы спрашиваютъ: «русалоцки, какъ ленъ?» (уродится). Ряженые же указываютъ на длину кнута, вызывая бабьи выкрики: «охъ, умильныя русалоцки, какой хорошій!» Въ Пензенской губерніи, къ этому дню молодежь приготовляется еще за недѣлю, съ самаго Троицына дня, и, хотя ряженыхъ бываетъ немного, но всѣ умѣютъ быть веселыми и

*) Торпище—большая холщовая простыня или мѣшочная дерюга въ видѣ полога.

стараются быть забавными. Одинъ наряжается козломъ, другой надѣваетъ на руки и на ноги валеные женскіе сапоги и изображаетъ собой свинью (самая трудная роль), третій шагаетъ на высокихъ ходуляхъ, четвертый наряжается лошадью (когда всѣ 4 конца торпища увязаны соотвѣтствующимъ образомъ толстыми бичевами, то является подобіе лошадиной головы, вполнѣ удовлетворяющее зрѣніе, если воткнуты два колышка въ голову, въ замѣну ушей, и все это прикрѣплено къ палкѣ). Съ этой палкой въ рукѣ, прикрытый торпищемъ, парень являетъ собой подобіе коня, ставшаго на дыбы. Есть еще одинъ, болѣе простой, способъ наряжаться лошадью—для этого на палку (въ два съ полов. арш.) надѣвается головная лошадиная кость, а самую палку обиваютъ пологомъ и окручиваютъ веревкой, у которой одинъ конецъ оставляется свободнымъ. За этотъ поводъ уздечки берется ловкій молодецъ, изображающій вожака и руководящій скачками и пляской упрямой, норовистой лошади. Она брыкается, разгоняя хохочущую толпу дѣвчонокъ и мальчишекъ, а тутъ же, рядомъ съ ней бодается козелъ, постукивая деревянными челюстями и позванивая подвязаннымъ колокольчикомъ. Но самое большое удовольствіе получаетъ тотъ шутъ въ маскѣ, который забирается въ бабью толпу, поталкиваетъ и пощупываетъ, повертываетъ и обнимаетъ. Всѣ, имѣющіеся на лицо, музыкальные инструменты, принесены сюда: заливаются гармошки, трынкаютъ балалайки, пищитъ скрипка и, для полнаго восторга провожающихъ весну, раздаются громкіе и звонкіе звуки отъ ударовъ въ печныя заслонки и сковороды. Впрочемъ, ряженые иногда ограничиваются тѣмъ, что просто испачкаются сажей и съ шумомъ и трескомъ обходятъ всѣхъ состоятельныхъ жителей, какъ обходили, не такъ давно, всѣ помѣщичьи

дворы, заслуживая пляскою трепака угощеніе водкой. Самая процессія проводовъ весны совершается такъ: впереди идутъ съ лошадью русальщики, за ними бѣгутъ въ прискочку перепачканные ребятки (это «помелешники» или «кочерыжники»), которые подгоняютъ кнутами переднихъ. Въ полѣ, за деревней, дѣлаютъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ изъ ружей, а въ честь русалокъ выдѣляется бойкая дѣвушка, которая, съ палками въ рукахъ, скачетъ взадъ и впередъ. Затѣмъ лошадиную голову бросаютъ въ яму до будущаго года—это и есть проводы русалки и прощаніе съ весной. Надурачившись въ своемъ селѣ, зачастую, переходятъ въ сосѣднія деревни, пока тамъ, въ глухую полночь, не свалятся съ ногъ. Но чаще, (по свидѣтельству одного корреспондента изъ Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи), бываетъ такъ: «когда толпа порѣдѣетъ и на улицѣ остаются парни, дѣвки да солдатки, парни подхватываютъ ихъ и тащатъ въ сторону къ амбарамъ и погребамъ. Женщины сопротивляются, и всѣ затѣи жениховъ, къ чести дѣвушекъ, остаются безрезультатными. И это не въ одинъ какой-либо вечеръ, а всегда». Описывая своихъ, похваливая ихъ нравственность, нашъ авторъ исполнилъ честно только добрый сосѣдскій обычай. Но въ дѣйствительности веселый богъ весны не такъ милостивъ и жалостливъ къ молодежи, какъ было бы желательно, по крайней мѣрѣ не на то наводятъ, не о томъ говорятъ всѣ эти «веснянки»—старинныя пѣсни, а особенно тѣ изъ нихъ, которымъ присвоено названіе семитскихъ. Семикъ—тоже весенній праздникъ, и притомъ самый веселый и коренной, и также цѣльно и свято соблюдаемый съ древнихъ временъ сѣдой доисторической старины. Съ русальнымъ праздникомъ у Семика такое близкое родство, что, судя по самымъ основнымъ примѣтамъ, ихъ теперь и отдѣлить

очень трудно, а съ широкой масляницей у Семика такое сходство и сродство, что оно не ускользнуло и изъ праздничныхъ хвалебныхъ пѣсенъ. Разница тутъ только въ томъ, что одинъ праздникъ приспособленъ къ концу весны, другой къ концу зимы, и оба въ честь краснаго солнышка.

Основное ядро семитскаго праздника и существенная отличительная его особенность—завиванье вѣнковъ,—осталось въ прежней силѣ и неизмѣнномъ порядкѣ, но сроки отправленія празднества перепутались. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ города Углича, для завиванья вѣнковъ избранъ Вознесеньевъ день, въ Калужской и Орловской губ., дѣлаютъ тоже на Духовъ день, въ Симбирской губерніи Семикъ приходится еще за два дня до Троицына дня, а въ Пошехоньи и вообще въ Ярославской губ. на Троицынъ день. Въ Симбирской губ. (хотя бы, напримѣръ, въ Буинск. у.) особенно избранныя дѣвушки, наканунѣ Троицына дня, ходятъ съ ранняго утра подъ окнами подругъ и объявляютъ о наступленіи Семика такими словами: «Троица по улицамъ, Семикъ по задамъ». Это значитъ, что когда каждая украситъ свою избу березками вдоль всей деревенской улицы, то имъ, деревенскимъ дѣвицамъ, придется идти за околицу, подъ предводительствомъ избранной по жеребью и одѣтой въ мужское платье (это—Семикъ). Идутъ разодѣтыя и съ запасами: съ печеными и сырыми яйцами для неизбѣжной яичницы, съ лепешками и пирогами. Въ ближней рощѣ выбираютъ кудрявую березу, срубаютъ самую густую вѣтку, украшаютъ ее лентами, втыкаютъ въ землю и, ухватившись за руки, сплетаются хороводомъ и поютъ извѣстную пѣсню: «какъ изъ улицы въ конецъ шелъ удалый молодецъ», съ припѣвомъ о Дунаѣ-сынѣ-Ивановичѣ.

Пѣсни поютъ до обѣда, т. е. до той поры, когда дойдетъ очередь до принесенныхъ яствъ, послѣ чего съ той же березы рвутъ вѣтки и плетутъ вѣнки, съ которыми опять водятъ хороводы и играютъ пѣсни, спрашивая въ одной изъ нихъ: «мнѣ куда тебя, вѣночекъ, положить?» и отвѣчаютъ: «положу тебя, вѣночекъ, на головку, ко душѣ милой дѣвицѣ,—ко названной сестрицѣ». Что споютъ, то и сдѣлаютъ, а придя на прудъ или рѣку, съ зажмуренными глазами бросаютъ вѣнки на воду и гадаютъ: потонулъ вѣнокъ—въ тотъ годъ замужъ не выдти, а пожалуй, даже и умереть, но очень хорошо считается, если вѣнокъ всплыветъ, да еще и противъ теченія.

Въ Ярославской губ. (Роман. у.) черезъ сплетенные изъ березы вѣнки дѣвицы цѣлуются, обязуясь сохранить на цѣлый годъ дружбу, до новыхъ поцѣлуевъ, хотя бы и съ другой дѣвушкой. Близъ Углича игра съ разукрашенной березкой и яичницей примѣняется къ гаданью на урожай ржи, такъ какъ березку ставятъ среди озимаго поля, а яичницу ѣдятъ не иначе, какъ бросая черезъ голову часть ея и цѣлыя яйца въ рожь, «чтобы она, кормилица, лучше уродилась» («колосокъ рожки уродился съ ложку, а комелекъ рожки со Христову ножку»). Затѣмъ по ржаной полосѣ катаются, переваливаются съ боку на бокъ, для того, чтобы не болѣла во время жнитва спина и не «расхваталась» (отъ схватки пучковъ ржи на серпъ) рука, перевязанная для устраненія возможной бѣды на это время въ запястьѣ ниткой. Почествовавъ такимъ способомъ рожь, завиваютъ вѣнки на себя, на родителей, на жениха или просто на знакомыхъ, оставляя ихъ до Троицына дня, когда ходятъ «ломать вѣнки», т. е., погадавши на нихъ, бросать въ воду.

XXVII.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Троицынъ день можно съ полнымъ основаніемъ назвать «зелеными святками», и не только потому, что въ этотъ день прихожане выстаиваютъ въ церквахъ обѣдни съ букетами луговыхъ цвѣтовъ (въ Яросл. г. назыв. «духами») или вѣтками деревьевъ, но и по той причинѣ, что какъ улицы, такъ и дома украшаются березками. Полевые цвѣты, побывавшіе въ церкви, засушиваютъ и хранятъ за иконами для разныхъ надобностей: ихъ кладутъ подъ свѣжее сѣно и въ житницу, чтобы не водились мыши, въ норы на грядахъ отъ землероекъ, и на чердакъ, чтобы устранить пожарныя бѣды. Деревья свозятъ на деревенскія улицы цѣлыми возами и украшаютъ не только двери, но и косяки оконъ, а, въ особенности, свою «матушку-церкву», полъ которой усыпается свѣжей травою: ее всякій при выходѣ отъ обѣдни, старается захватить изъ-подъ ногъ, чтобы примѣшать къ сѣну, вскипятить съ водой и пить, какъ цѣлебную. Изъ листьевъ деревьевъ, стоявшихъ въ церкви, иные вьютъ вѣнки и кладутъ ихъ въ горшки при разсаживаніи капусты.

Таковы, въ сущности, главнѣйшіе спеціальные обычаи, приспособленные къ троицкому празднику и благословленные церковью, выдѣлившею ихъ на этотъ день изъ Семика и русальныхъ чествованій. Этимъ объясняется та пута-

ница, которая замѣчается въ различныхъ мѣстностяхъ при установкѣ обрядовыхъ пріемовъ на опредѣленные сроки. Иные изъ этихъ пріемовъ предшествуютъ, иные совпадаютъ съ Троицынымъ днемъ (какъ и указано нами въ надлежащихъ статьяхъ) и даже опережаютъ его все на томъ же основаніи, что эти празднества въ честь весны находятся въ полной зависимости отъ ея поздняго, или ранняго прихода, хотя бы и по отношеніи такого рода увеселеній, которыя представляютъ собою рели или качели, устраиваемыя не для однихъ малыхъ ребятъ, а вообще для всей молодежи *).

Въ средѣ послѣдней, въ Новгородчинѣ, сохранился, повидимому, старинный обычай, приноровленный именно къ Троицыну дню (точно такъ же, какъ и къ масляницѣ) и называемый «трясти порохъ». Состоитъ онъ въ слѣдующемъ. Во время гулянья, на лугу, среди хороводовъ и игръ въ «огорыши» (старозавѣтныя «горѣлки»), кто-нибудь изъ мужчинъ схватываетъ картузъ съ молодого новожена, трясетъ имъ надъ головой и кричитъ во все горло и на цѣлое поле: «порохъ на губѣ, жена мужа не любитъ». На этотъ крикъ молодуха выдѣляется изъ толпы (и въ томъ вся задача, чтобы сдѣлать это возможно быстрѣе), становится передъ мужемъ, кланяется ему въ поясъ, снимаетъ тотъ картузъ, который успѣваютъ положить ему на голову въ моментъ ея появленія, беретъ мужа за уши и трижды цѣлуетъ и снова кланяется ему и во всѣ четыре

*) Напр., въ Орловской губ. рели и качели начинаютъ играть главную роль именно въ первый разъ въ этотъ день, — во второй разъ на слѣдующій Духовъ день и въ третій и послѣдній — въ всесвятское воскресенье (и на этотъ день въ значительно ужъ меньшемъ числѣ). Всѣ эти три обѣтныя рели сопровождаются людными и веселыми гуляньями, съ взаимными угощеніями молодежи пряниками, подсолнухами и другими сластями.

стороны. При уходѣ молодой, а иногда при ея появленіи, начинается вслухъ оцѣнка ея качествъ и разныя площадныя шутки, особенно надъ тѣми, которыя въ дѣвушкахъ имѣли грѣшки. Молодухи обыкновенно стѣсняются этимъ обычаемъ и говорятъ: «когда трясутъ порохъ, лучше бы провалиться скрозь землю».

XXVIII.

ОЛЕНЫ-ЛЕННИЧИ.

День свв. равноапостольныхъ Константина и Елены (21 мая), на языкѣ народа, носитъ нѣсколько странное названіе — «Олены-Ленничи». Но названіе это имѣетъ самое простое объясненіе: съ 21 мая крестьяне начинаютъ обыкновенно сѣять ленъ и созвучіе этого слова ленъ—со словомъ Олена (Елена) и дало поводъ къ появленію особаго названія «Олены—Ленничи». Въ такомъ же ходу и другое названіе этого праздника — «Олена — длинные льны» *).

Изъ числа народныхъ обычаевъ, пріуроченныхъ къ этому дню болѣе другихъ представляютъ интереса тѣ особые пріемы, которыми обставляется посѣвъ льна. Для того, чтобы ленъ родился хорошо, бабы кладутъ въ мѣшокъ съ сѣменемъ печеныя яйца, а мужикъ, который будетъ сѣять ленъ, долженъ подбрасывать эти яйца, какъ можно выше, потому что, чѣмъ выше будутъ подброшены яйца, тѣмъ выше выростетъ и ленъ. Еще интереснѣе другой обычай, при помощи котораго бабы «обманываютъ ленъ». Для этого, при посѣвѣ льна, баба раздѣвается до нага, въ томъ разсчетѣ, что ленъ, глядя на ея наготу,

---

*) День свв. Константина и Елены называется также «овсянникомъ», такъ какъ съ этого дня сѣютъ овесъ.

сжалится надъ ней подумаетъ: «это баба бѣдная—у нея даже рубашки на тѣлѣ нѣтъ, надо будетъ пожалѣть ее и получше уродиться». Очень характерно при этомъ, что сами бабы не отдаютъ себѣ яснаго отчета, кого собственно онѣ имѣютъ въ виду разжалобить: ленъ-ли, или св. Елену, въ день которой этотъ злакъ сѣется. Вѣрнѣе, впрочемъ, предположить, что бабы имѣютъ въ виду не Елену, а именно ленъ, который, въ данномъ случаѣ, какъ-бы олицетворяется.

XXIX.

АГРАФЕНА-КУПАЛЬНИЦА.

«Купальницей» св. Аграфена называется потому, что день ея памяти падаетъ какъ разъ на канунъ Ивана Купалы (23 іюня). Впрочемъ, нѣкоторые обычаи и обряды, связанные съ этимъ днемъ, позволяютъ заключить, что св. Аграфена получила эпитетъ «купальницы» сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ Ивану-Купалѣ.

Такъ, по всему сѣверу Россіи, и въ особенности въ Вологодской г., крестьяне заготовляютъ въ этотъ день банные вѣники на цѣлый годъ. Для этого бабы и дѣвки, послѣ обѣда, запрягаютъ лошадь и уѣзжаютъ въ лѣсъ ломать молодыя березовыя вѣтви. Иногда, впрочемъ, вѣники дѣлаются изъ различныхъ породъ лиственныхъ деревьевъ и растеній, такъ что въ каждый вѣникъ входитъ по вѣткѣ: отъ березы, ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины, и по цвѣтку разныхъ сортовъ. Это уже, такъ сказать, ритуальные вѣники: однимъ изъ нихъ парятся въ этотъ день въ банѣ, другими обряжаютъ недавно отелившихся коровъ, третьи, наконецъ, перебрасываютъ черезъ головы или бросаютъ на крыши бани, съ цѣлью узнать будущее (если вѣникъ упадетъ вершиной къ погосту, то бросающій умретъ, а если не вершиной, то останется живъ).

Какъ и на Ивана-Травника, въ день Аграфены-Купальницы лихіе мужики и бабы, въ глухую полночь, снимаютъ съ себя рубахи и до утренней зари роютъ коренья

или ищутъ въ завѣтныхъ мѣстахъ кладовъ. А знахари, ложась спать, непремѣнно читаютъ самодѣльныя молитвы, пріуроченныя къ этому дню, какъ къ кануну Ивана Купалы. Вотъ образецъ такихъ молитвъ, записанныхъ въ Тамбовской губ.: «Лягу я помолясь, встану я перекрестясь, умоюсь іорданскою водою, утрусь духовѣрною травою (духовною, или духовѣрною травою называется ленъ и конопля), пойду на восточную сторону. На восточной сторонѣ стоитъ соборная церковь, войду я въ эту церковь, Богу помолюсь, Ангелу доложусь, Ангелъ донесетъ Саваохву, Саваохвъ донесетъ Христу, Царю Небесному». Въ другихъ молитвахъ смысла еще меньше, хотя попадаются между ними и такія, которыя, по языку, нѣсколько напоминаютъ церковныя возношенія: «Буде вѣрой-ли рабъ Божій молиться,— говорится въ одной такой молитвѣ,—о грѣхахъ-ли ты душа каешься, то душу твою я облачающе, душу твою я навѣщу и домъ твой просвѣщу».

Достойно замѣчанія, что въ Вологодской губ. день св. Аграфены кое-гдѣ вызываетъ усиленное вниманіе къ нищей братіи, для которой среди деревни (напримѣръ, въ дер. Филяевѣ) ставятся столы съ постными яствами. Нищихъ сюда является иногда человѣкъ до 300, и всѣ они ѣдятъ на счетъ деревни.

Очень оригиналенъ также обычай, наблюдаемый въ окрестностяхъ города Кириллова. Въ день Аграфены-Купальницы, всѣ дѣвушки, взрослыя и подростки, расхаживаютъ въ своихъ лучшихъ нарядахъ по домамъ и говорятъ: «умойте». Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это значитъ, дайте что-нибудь изъ дѣвичьихъ украшеній: серегъ, ленточку, бусъ и проч.

XXX.

ИВАНЪ КУПАЛА.

Изучая народныя купальскія пѣсни, польскіе историки XVII вѣка вывели скороспѣлое заключеніе о существованіи какого-то особаго славянскаго бога Купалы. Но дальнѣйшія изслѣдованія ученыхъ показали, что заключеніе это основано на простомъ искаженіи нѣкоторыхъ народныхъ пѣсенъ, и что въ дѣйствительности купальскіе праздники совершались во времена язычества въ честь свадьбы бога солнца, супругой котораго являлась свѣтоносная заря-зарница, красная дѣвица. «Купальскія игрища и праздники,—пишетъ нашъ корреспондентъ изъ Ярославской губ. А. В. Баловъ,—совершались въ честь солнечной свадьбы, однимъ изъ актовъ которой было купанье солнца въ водахъ. Отсюда и названіе этихъ праздниковъ — «купальскіе».

«Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія, слѣды этого праздника, во многихъ мѣстахъ, быстро исчезали. Въ другихъ же мѣстахъ, слѣды эти сохранились и до настоящаго времени, причемъ, такъ какъ день св. Іоанна Предтечи совпадалъ съ купальскими праздниками, то, съ распространеніемъ въ народѣ христіанства, этотъ Ивановъ день, въ отличіе отъ другихъ Ивановыхъ дней (напр. Ивана Постнаго и т. д.) сталъ называться днемъ Ивана Купалы».

Выводъ А. В. Балова подтверждается, до нѣкоторой степени, и другими извѣстіями, полученными изъ Нижегородской губ. Здѣсь, въ окрестностяхъ села Иванцева и даже въ самомъ Лукояновѣ, до нашего времени сохранились слѣды древнихъ языческихъ праздниковъ въ честь Ярилы. За недѣлю до Иванова дня, въ Лукояновѣ бываетъ торгъ и крестьянское гулянье, которое носитъ въ народѣ названіе «молодой Ярило», а въ слѣдующій затѣмъ базарный день, передъ самымъ Ивановымъ днемъ, бываетъ вновь большой базаръ и гулянье, извѣстное подъ названіемъ «старый Ярило».

Въ настоящее время отъ языческихъ празднествъ, разумѣется, сохранилось одно только названіе, но замѣчательно, что и на пространствѣ цѣлыхъ тысячелѣтій народъ все-таки успѣлъ сохранить тотъ духъ купальскихъ празднествъ и то веселье, которые были свойственны и языческой эпохѣ. Такъ, въ пѣсняхъ, которыя распѣваются въ деревняхъ, Купала и сейчасъ называется «любовнымъ», «чистоплотнымъ», «веселымъ». Въ одной изъ купальскихъ пѣсенъ прямо говорится: «Ай, Купала нашъ веселый, князюшка нашъ лѣтній, добрый».

Всѣ эти эпитеты, которыми надѣляетъ Купалу народная пѣсня, находятъ свое объясненіе въ цѣломъ рядѣ обычаевъ, пріуроченныхъ къ этому дню. Такъ, «любовнымъ» Купала называется, между прочимъ, потому, что въ его день, разъ въ году, расцвѣтаетъ папоротникъ, при помощи котораго, по словамъ одной купальской пѣсни, «сердце дѣвичье огнями зажигаютъ на любовь». Впрочемъ, сердца деревенской молодежи зажигаются и безъ папоротника, потому что, еще наканунѣ Купалы, рощи, берега рѣкъ, лѣса и луга оглашаются веселыми хороводными пѣснями, и парни и дѣвушки вмѣстѣ ищутъ чудодѣйствен-

ныхъ травъ, вдали отъ строгихъ глазъ матерей и отцовъ.

«Чистоплотнымъ» Иванъ Купала называется оттого, что на зарѣ этого дня принято купаться, причемъ такого рода купанью приписывается цѣлебная сила. Съ той же цѣлью отыскать цѣлебную силу, по-утру Иванова дня, вологодскія бабы «черпаютъ росу»; для этого берется чистая скатерть и «буракъ», съ которыми и отправляются на лугъ. Здѣсь скатерть таскаютъ по мокрой травѣ, а потомъ выжимаютъ въ буракъ и этой росой умываютъ лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болѣсть» и чтобы на лицѣ не было ни угрей, ни прыщей. Въ той же Вологодской губерніи, наканунѣ Ивана Купалы, крестьянки обязательно моютъ у колодца или на рѣкѣ, такъ называемыя, «квашенки», т. е. кадушки, въ которыхъ водятъ тѣсто для ржаного хлѣба. (По замѣчанію нашего корреспондента, эти квашенки только и моются одинъ разъ въ годъ).

Въ Пензенской губерніи точно также «черпаютъ росу», хотя здѣсь она служитъ не только для здоровья, но и для чистоты въ домѣ: купальской росой кропятъ кровати и стѣны дома, чтобы не водились клопы и тараканы. Впрочемъ, отъ клоповъ существуетъ и другое, болѣе радикальное средство: когда въ домъ придетъ священникъ и, окропивши св. водой, станетъ уходить, то нужно вслѣдъ ему мести полъ, приговаривая: «куда попъ, туда и клопъ». Послѣ этого, уже ни одного клопа не останется, такъ какъ всѣ они перейдутъ въ тотъ домъ, куда далѣе направится священникъ.

Въ Орловской губерніи (какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ) съ Иванова дня начинаютъ ломать прутья березы для банныхъ вѣниковъ. Дѣлается это въ томъ предположеніи, что вѣники, срѣзанные до Иванова дня,

приносятъ вредъ для здоровья («на тѣлѣ будетъ «чесъ», т. е. чесотка). Вообще, баня, купанье въ рѣкахъ и умыванье росой составляютъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ народѣ купальскихъ обычаевъ. Мѣстами этотъ обычай выродился даже въ своеобразный обрядъ обливанья водой всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. «Деревенскіе парни, пишетъ объ этомъ обрядѣ нашъ орловскій корреспондентъ,—одѣваются въ грязное, старое бѣлье и отправляются съ ведрами и кувшинами на рѣку, гдѣ наполняютъ ихъ самою грязною, мутною водой, а то и просто жидкой грязью, и идутъ по деревнѣ, обливая всѣхъ и каждаго и дѣлая исключеніе только для стариковъ и малолѣтокъ». Но всего охотнѣе, разумѣется, обливаютъ дѣвушекъ: парни врываются даже въ дома, вытаскиваютъ и выносятъ дѣвушекъ на улицу силой и здѣсь съ ногъ до головы окачиваютъ водой и грязью. Въ свою очередь, и дѣвушки стараются отомстить парнямъ и тоже бѣгутъ на рѣку за водой и грязью. Начинается, такимъ образомъ, общая свалка, полная веселья, криковъ и смѣха. Кончается дѣло тѣмъ, что молодежь, перепачканная, мокрая, въ прилипшей къ тѣлу одеждѣ, гурьбой устремляется на рѣку и здѣсь, выбравъ укромное мѣстечко, подальше отъ строгихъ глазъ старшихъ, купается вмѣстѣ, причемъ, разумѣется, и парни, и дѣвушки остаются въ одеждахъ.

Относительно общенароднаго обычая—купаться въ Ивановъ день—мы получили свѣдѣнія почти со всей центральной и сѣверной полосы Россіи, и только А. В. Баловъ сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Ярославской губерніи крестьяне признаютъ такое купанье очень опаснымъ, такъ какъ въ Ивановъ день считается именинникомъ самъ водяной, который терпѣть не можетъ, когда въ его царство лѣзутъ люди, и мститъ имъ тѣмъ, что не только

топитъ всякаго неосторожнаго, но, затащивши въ самую глубь рѣчныхъ омутовъ, глумится уже надъ мертвымъ тѣломъ.

Кромѣ эпитетовъ «любовный», «веселый» и «чистоплотный», Иванъ Купала повсемѣстно именуется еще и «травникомъ». Послѣднее названіе указываетъ на общенародное вѣрованіе, которое гласитъ, что всѣ чудодѣйственныя и цѣлебныя травы распускаются какъ разъ въ ночь на Ивана Купалу, когда творческія силы земли достигаютъ своего наивысшаго напряженія. Поэтому знающіе и опытные люди, а особенно деревенскіе лѣкари и знахари, ни подъ какимъ видомъ не пропускаютъ Ивановой ночи и собираютъ цѣлебныя коренья и травы на весь годъ. Наибольшимъ вниманіемъ ихъ пользуется: 1) «Петровъ-Крестъ»—трава, похожая на простой горохъ безъ стручковъ. (Крестъ находится въ корнѣ, на глубинѣ двухъ аршинъ, и вполнѣ предохраняетъ и отъ колдуновъ, и отъ нечистой силы). 2) «Чертогонъ»—трава съ тѣми же свойствами: ее втыкаютъ въ трещину надъ воротами и калиткой—отъ колдуновъ, и подъ крышами—для изгнанія чертей. 3) «Чернобыль-трава». Эту траву заплетаютъ въ плети и кладутъ ихъ «подъ Иванову росу» съ приговоромъ: «мать—земля, отецъ—небо, дайте рабамъ вашимъ отъ этой травы здоровья». 4) «Зяблица»—помогаетъ отъ ребячьяго крика и отъ безсонницы, но, для успѣшнаго дѣйствія, ее нужно топить въ молокѣ. 5) «Расперстьице»—трава эта сушится, и порошкомъ ея присыпаются больныя мѣста на тѣлѣ (обрѣзы, нарывы, опухоли). Въ большомъ употребленіи точно также травы: «дивій силъ», «маріямагдалина» (отъ тоски), «богородская» трава (для окуриванія отелившихся коровъ), а также спеціальный корень, носящій нѣсколько рискованное названіе и предназначенный для снятія «порчи» съ молодыхъ.

XXXI.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ.

29 іюня, день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, считается праздникомъ рыбаковъ, такъ какъ апостолъ Петръ повсюду извѣстенъ какъ покровитель рыбнаго промысла, а среди прирѣчныхъ и приозерныхъ жителей носитъ даже названіе «рыболова». Рыбаки ему молятся, служатъ молебны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ установили даже обычай ежегодно, въ день 29 іюня, собирать «Петру-рыболову на мірскую свѣчу», которая и ставится въ храмѣ передъ его образомъ.

Что касается прочаго населенія, то оно, хотя и празднуетъ день свв. апостоловъ, но праздникъ этотъ не считается первостепеннымъ и не связывается съ какими-либо особыми религіозными обрядами. Мѣстами же, какъ напр., въ Вологодск. г., крестьяне даже скептически относятся къ петровскому посту, замѣчая, что постъ этотъ выдумали попы вмѣстѣ съ бабами: «первые для того, чтобы собирать «петровщину» (сборъ яйцами, масломъ, сметаной), а вторыя—съ цѣлью накопить масла и яицъ». Впрочемъ, примѣръ вологодскихъ скептиковъ надо признать исключеніемъ, такъ какъ въ остальной Россіи петровскій постъ соблюдается, въ крестьянской средѣ, во всей строгости церковнаго устава, а день «заговинъ» считается праздничнымъ днемъ. Такъ, напр., въ Калужской губ. (Мещовск. у.)

къ этому дню всѣ семейные, кому только есть возможность, стараются быть дома, а на столѣ, послѣ ужина, оставляютъ объѣдки неубранными на томъ основаніи, что въ домъ собираются всѣ умершіе предки тоже заговляться. Пожилыя бабы увѣряютъ при этомъ, что онѣ много разъ видѣли и слышали, «какъ упокойники заговляются, обгладываютъ кости и оставляютъ на столѣ раскрытую посуду, которая прежде была закрыта» (кошки словно и въ счетъ не входятъ у этихъ суевѣрныхъ бабъ).

Съ такимъ же почтеніемъ относятся крестьяне и къ дню «розговинъ». Въ Вельск. у., Вологодск. г., до двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, существовалъ даже обычай общихъ розговинъ всѣмъ міромъ: прихожане приводили къ церкви быка, тутъ же убивали его и, сваривъ въ большихъ котлахъ мясо, разговлялись всѣ сообща. Когда возникъ этотъ оригинальный обычай — неизвѣстно, но уничтоженъ онъ, по сообщенію нашего корреспондента, въ 20 годахъ, вельскимъ исправникомъ.

Въ прочихъ мѣстахъ Великороссіи крестьяне, хотя и не разговляются сообща, но каждая семья заблаговременно готовиться къ Петрову дню: печетъ, жаритъ и варитъ и припасаетъ водки. Послѣдняя припасается въ возможно большомъ количествѣ, такъ какъ всѣ имѣютъ въ виду пріемъ гостей и родственниковъ, которые въ Петровъ день пріѣзжаютъ даже изъ дальнихъ деревень. Но въ этой праздничной выпивкѣ принимаютъ участіе, главнымъ образомъ, только женатые и старики,—деревенская же молодежь еще съ вечера уходитъ въ поле и здѣсь, вдали отъ родительскаго надзора, проводитъ всю ночь, «карауля солнышко»: по народному понятію солнце въ день Петра и Павла, какъ и въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, играетъ какими-то особенными цвѣ-

тами, которые переливаются и искрятся какъ радуга, (этотъ обычай караулить солнце первоначально былъ установленъ съ цѣлью отогнать отъ села русалокъ, которыя, въ Петровъ день, своими злыми шалостями причиняли не мало вреда посѣвамъ). Встрѣтивъ солнышко, молодежь, обыкновенно, еще не расходится по домамъ, а заплетаетъ вѣнки на вѣткахъ деревьевъ, преимущественно на березѣ,—съ тѣми же символами, какіе придаются вѣнкамъ на Троицынъ день.

Въ круговоротѣ земледѣльческихъ работъ Петровъ день, хотя и считается началомъ покоса травъ, но почти не связывается съ какими-нибудь особыми примѣтами. Говорятъ только, что «съ Петрова дня зарница хлѣбъ заритъ» и что, «если просо въ Петровъ день въ ложку, то будетъ его и на ложку».

Что касается другихъ, неземледѣльческихъ примѣтъ, то ихъ почти не существуетъ. Только въ Тамбовской губ. вѣрятъ, что рѣчное купанье въ Петровъ день очищаетъ отъ любодѣйныхъ грѣховъ.

XXXII.

ИЛЬИНЪ ДЕНЬ.

На огненной колесницѣ, могучій, сѣдой старецъ, съ грозными очами, разъѣзжаетъ изъ конца въ конецъ по безпредѣльнымъ небеснымъ полямъ, и карающая рука его сыплетъ съ надзвѣздной высоты огненныя каменныя стрѣлы, поражая испуганные сонмы бѣсовъ и преступившихъ законъ Божій сыновъ человѣческихъ. Куда ни появится этотъ грозный старикъ, онъ всюду несетъ съ собою огонь, ужасъ, смерть и разрушеніе. Его непреклонное сердце не смягчатъ ни вопли, ни стоны пораженныхъ, и взоръ его грозныхъ очей не остановится на зрѣлищахъ земныхъ несчастій. Совершивъ правосудіе неба, онъ, какъ бурный вихрь, мчится на своей сверкающей колесницѣ все дальше и дальше, и по могучимъ плечамъ его только разсыпаются сѣдыя кудри да по вѣтру развѣвается бѣлая, серебристая борода.

Таковъ, по воззрѣніямъ народа, Илья-пророкъ, олицетворяющій собой праведный гнѣвъ Божій. Повсюду на руси онъ именуется «грознымъ», и повсюду день, посвященный его памяти (20 іюля) считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ. Во многихъ мѣстахъ, крестьяне даже постятся всю ильинскую недѣлю, чтобы предотвратить гнѣвъ пророка и спасти отъ его стрѣлъ свои поля, свои села и скотину. Самый же день 20-го іюля крестьяне называютъ «серди-

тымъ» и проводятъ его въ полнѣйшей праздности, такъ какъ даже пустая работа считается великимъ грѣхомъ и можетъ навлечь гнѣвъ Ильи. Если въ этотъ день на небѣ появятся тучки, народъ съ боязнью слѣдитъ за ними глазами; если дѣло доходитъ до грозы, то боязнь эта переходитъ въ паническій страхъ: все населеніе забивается въ дома, затворяетъ наглухо двери, занавѣшиваетъ окна и, зажигая передъ образомъ четверговыя свѣчи, молитъ пророка сложить гнѣвъ на милость.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, предупредительныя мѣры принимаются даже наканунѣ Ильина дня. Такъ, въ Никольскѣ (Вологодск. г.) крестьяне еще съ вечера окуриваютъ свой домъ ладаномъ, а всѣ свѣтлые предметы, вродѣ самовара, зеркальца и тому подобныхъ—или закрываютъ полотномъ, или же вовсе выносятъ изъ избы, на томъ основаніи, что будто бы пророкъ Илья считаетъ такіе предметы предосудительной роскошью, неприличной въ крестьянскомъ быту. Въ Вятской г. пророка Илію умилостивляютъ дарами: крестьяне въ этотъ день приносятъ въ церковь «подъ свято» ногу барана, пчелинаго меду, пиво, колосьевъ свѣжей ржи и зеленаго гороха. Но по вопросу о томъ, что изъ этихъ предметовъ всего болѣе угодно Ильѣ, происходитъ разногласіе. Одни стоятъ за пчелиный медъ, другіе доказываютъ преимущество баранины. На этотъ счетъ въ Орловскомъ у., Вятской г. народная фантазія создала даже цѣлую легенду. Двое сосѣдей заспорили между собой, что слѣдуетъ приносить въ жертву Ильѣ пророку, чтобы во время были дожди. Одинъ изъ нихъ, занимавшійся овцеводствомъ доказывалъ, что въ жертву — или, какъ говорятъ въ деревняхъ, «*подъ свято*» — слѣдуетъ приносить овецъ, а другой, водившій пчелъ, спорилъ, что дары слѣдуетъ приносить отъ пчелъ.

Долго спорили сосѣди и, наконецъ, подрались. А подравшись, пошли къ бурмистру судиться и разсказали ему о предметѣ спора. Бурмистръ вызывалъ ихъ на судъ по нѣскольку разъ, и каждый разъ спорящіе, желая привлечь его на свою сторону, приносили ему—одинъ барановъ, другой меду. Наконецъ, бурмистръ собралъ народъ, началъ судить и сказалъ: «вотъ, міряне, собралъ я васъ на совѣтъ: эти два человѣка спорили о томъ, что слѣдуетъ приносить Ильѣ пророку подъ свято: одинъ говоритъ, отъ овцы свято, а другой говоритъ отъ пчелы свято, а такъ какъ у меня съ обоихъ взято, то пусть и будетъ отъ овцы свято, и отъ пчелы свято».

Кромѣ четверговой соли и умилостивительныхъ даровъ, самымъ надежнымъ средствомъ для предотвращенія гнѣва Ильи служатъ общественныя молебствія, совершаемыя въ полѣ. Во многихъ деревняхъ такія молебствія совершаются ежегодно, въ силу общественнаго приговора, причемъ въ основаніи приговоровъ, въ большинствѣ случаевъ, лежитъ какое-нибудь несчастье, случившееся 20-го іюля: то молнія зажжетъ деревню, то «громомъ убьетъ» человѣка или скотину, то градомъ выбьетъ хлѣбъ. Такіе же общественные приговоры составляются крестьянами съ цѣлью воспретить производство работъ въ Ильинъ день: предполагается, что въ деревнѣ всегда найдется одинъ-другой безбожникъ, который, по легкомыслію, или по отсутствію страха Божія, не побоится работать въ «грозный» Ильинъ день, а такъ какъ отвѣчать за этотъ грѣхъ придется всѣмъ (потому что Илья можетъ сжечь всю деревню), то общество и считаетъ себя въ правѣ налагать на такихъ нарушителей закона штрафы. Въ Калужской г. и уѣздѣ были случаи, когда на крестьянина, выѣхавшаго въ Ильинъ день за снопами, набрасывалась цѣлая толпа

однодеревенцевъ и снимала съ его лошади хомутъ, который немедленно же относился въ кабакъ и пропивался всѣмъ обществомъ.

Приписывая пророку Ильѣ власть производить громъ и молнію и направлять тучи по своему усмотрѣнію, т. е. отдавая въ его руки самыя страшныя и вмѣстѣ самыя благодѣтельныя силы природы, нашъ народъ твердо вѣритъ, что плодородіе земли есть дѣло пророка, и что безъ его воли не можетъ быть урожая. Поэтому, народъ представляетъ себѣ Илью не только какъ вѣстника небеснаго гнѣва, но и какъ благодѣтеля человѣческаго рода, дарующаго землѣ изобиліе плодовъ и прогоняющаго нечистую силу, эту виновницу человѣческихъ несчастій и болѣзней. По народному повѣрью, для нечистой силы страшенъ не только самъ Илья, но даже дождь, который проливается въ его день, имѣетъ великую силу: ильинскимъ дождемъ умываются отъ вражьихъ навѣтовъ, отъ напусковъ и чаръ. Самъ же Илья наводитъ на бѣсовъ паническій, безпредѣльный ужасъ: какъ только на небѣ раздастся грохотъ его колесницы, черти толпами бѣгутъ на межи, прячутся за спины людей, или укрываются подъ шляпки ядовитыхъ грибовъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ «яруйки». Даже самъ сатана трепещетъ передъ грознымъ Ильей и, застигнутый пророкомъ въ облакахъ, пускается на хитрости, чтобы избѣжать могучихъ ударовъ. «Я въ христіанскій домъ влечу и сожгу его»—грозится сатана. А Илья гремитъ ему въ отвѣтъ:—«Я не пощажу дома, поражу тебя». И ударяетъ въ ту пору своимъ жезломъ съ такою силой, что трещатъ небесные своды и огненнымъ дождемъ разсыпаются каменныя стрѣлы.—«Я въ скотину влечу, а въ человѣка войду и погублю ихъ, я въ церковь Божію влечу и сожгу ее» — снова

грозится сатана. Но Илья неумолимъ:—«Я и церкви святой не пощажу, но сокрушу тебя» — гремитъ онъ опять, и все небо опоясываетъ огненной лентой, убивая скотину, людей, разбивая въ щепки столѣтнія деревья и сжигая избы и св. храмы.

При такомъ воззрѣніи православнаго народа на Илью, немудрено, что о пророкѣ этомъ сложилось великое множество легендъ и преданій. Почти въ каждой деревнѣ можно выслушать разсказъ о какомъ-нибудь исключительномъ проявленіи гнѣва, или милости пророка, о какомъ-нибудь чудѣ или небесномъ знаменіи; почти въ каждой волости, въ каждомъ уѣздѣ и губерніи, можно встрѣтить новые варіанты старыхъ преданій, или натолкнуться на совершенно оригинальную легенду мѣстнаго происхожденія. Вотъ, напримѣръ, что разсказываютъ о земной жизни пророка Иліи крестьяне Орловскаго уѣзда и губерніи: «до 33-хъ лѣтъ пророкъ Илья сидѣлъ сиднемъ и не могъ ходить. Родители его были люди бѣдные и корчевали пни, прокармливая этой работой калѣку-сына. Однажды шелъ по землѣ Господь съ Николаемъ Угодникомъ и, увидѣвъ Илью, сказалъ: «Поди, подай намъ напиться».— «Я-бы радъ подать, да не могу идти»—отвѣчалъ Илья. Господь взялъ его за руку, и онъ приподнялся съ земли самъ. Тогда Господь почерпнулъ въ колодцѣ полное ведро воды и велѣлъ выпить Ильѣ, потомъ почерпнулъ еще одно и половину третьяго и спросилъ у него:—«Ну, какъ ты теперь?»—«Я могу поворотить весь свѣтъ по иному,— отвѣчалъ Илья,—если бы былъ столбъ средь неба и земли, то разрушилъ бы я всю землю». Услышавъ эти слова, Богъ испугался и поспѣшилъ сбавить Ильѣ силы на половину и, сверхъ того, велѣлъ ему посидѣть подъ землею 6 недѣль. Но, затѣмъ, когда Илья, просидѣвши подъ

землею, снова вышелъ на свѣтъ (вмѣстѣ съ пророкомъ Онуфріемъ), то первое, что онъ увидѣлъ, была гробница. Илья вошелъ въ эту гробницу, и тотчасъ же съ неба спустилась огненная колесница съ ангелами, которые и умчали Илью на небо, представивъ его предъ лице Господа.—«Ты, Илья, сказалъ Господь, владѣй этой колесницей, пока я не приду на землю, и пусть въ твоихъ рукахъ отнынѣ будетъ громъ и молнія». По народному повѣрью, на этой колесницѣ Илья, передъ кончиной міра, спустится на землю и три раза объѣдетъ изъ одного конца земли въ другой, предупреждая всѣхъ о страшномъ судѣ. Это орловское преданіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уже варьируется, и крестьяне передаютъ, что Господь возложилъ на голову Ильи камень въ 40 десятинъ, чтобы убавить ему силы. Камень этотъ и сейчасъ цѣлъ и стоитъ на небѣ, передъ престоломъ Божіимъ.

Мы нарочно привели эту, сравнительно пространную, легенду, чтобы показать, какимъ путемъ слагаются въ народномъ воображеніи суевѣрныя преданія: сказаніе былины объ Ильѣ Муромцѣ здѣсь перепутывается съ библейскимъ разсказомъ объ Ильѣ пророкѣ и осложняется фантастическими арабесками собственнаго творчества. А все, взятое вмѣстѣ, создаетъ неясный, туманный образъ полу-богатыря, полу-святого.

Такая же путаница и разноголосица наблюдается во всѣхъ разсказахъ крестьянъ, когда они начинаютъ объяснять, отчего бываетъ дождь. Одинъ мужикъ Смоленской губерніи такъ объяснялъ причины дождя нашему корреспонденту: «Илья развозитъ по небу воду для всѣхъ святыхъ и, если расплескаетъ малость, такъ на землѣ дождь идетъ». Когда-же этого мужика спросили, отчего не бываетъ грозы съ дождями зимой, онъ не задумываясь от-

вѣтилъ: «а зимою святые безъ воды сидятъ». Во Владимірской губ. (Меленковскаго уѣзда) вопросъ—почему на землѣ бываетъ дождь—облекся даже въ форму легенды. Разсказываютъ, что одинъ Владимірскій мужикъ до такой степени заинтересовался этимъ вопросомъ, что, въ концѣ концовъ, рѣшилъ лично пойти на небо и на мѣстѣ осмотрѣть, какъ это все тамъ дѣлается. На небѣ любознательный мужичекъ увидѣлъ батюшку-Илью, который разъѣзжалъ взадъ-впередъ на своей колесницѣ, отъ которой происходилъ сильный громъ, а изъ подъ копытъ крылатыхъ коней вылетала молнія. «Подъѣхалъ, это, Илья-пророкъ къ большому чану съ водой,—передавалъ мужичекъ,—сталъ черпать изъ чана воду ковшомъ и ну поливать ею небо. Отъ этого самаго и полился на землю дождь. Потомъ батюшка-Илья подъѣхалъ ко мнѣ и баитъ: «ну, что, мужичекъ, насмотрѣлся, отчего происходитъ громъ и дождь? Теперь пойди, найди на небѣ дыру, въ кою закатывается мѣсяцъ, спустись на землю и разскажи всѣмъ людямъ, отчего бываетъ громъ, молнія и дождь».

Считая Илью Пророка властителемъ вѣтровъ и дождевыхъ тучъ, крестьяне связываютъ съ днемъ этого святого множество календарныхъ примѣтъ. «До Ильи, говорятъ они, облака ходятъ по вѣтру, а съ Ильи начинаютъ ходить противъ вѣтра». «До Ильи попъ дождя не умолитъ,—послѣ Ильи баба фартукомъ нагонитъ». «Послѣ Ильина дня, говорятъ вологжане, въ полѣ сива коня не увидишь—вотъ до чего темны ночи». «Съ Ильина дня ночь длинна: коцапъ (работникъ) просыпается, а кони наѣдаются». «Съ Ильина дня вода стынетъ». Тоже наблюденіе сдѣлано и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., гдѣ такъ объясняютъ причину охлажденія рѣчныхъ водъ: «Илья пророкъ ѣздитъ на коняхъ по небу и, отъ быстраго

бѣга, одна изъ лошадей теряетъ подкову, которая падаетъ въ воду и вода сразу холодѣетъ».

Земледѣльческія примѣты также связываются съ днемъ Ильи: «если въ этотъ день съ утра облачно, то сѣвъ долженъ быть ранній и можно ожидать обильнаго урожая; если облачно въ полдень—средній сѣвъ, а если вечеромъ—сѣвъ поздній и урожай плохой».

XXXIII.

СПАСЪ.

Праздникъ Преображенія Господня (6 августа), извѣстный въ народѣ подъ именемъ «Спаса», повсюду считается праздникомъ урожая и плодовъ земныхъ. Но такъ какъ ко дню 6-го августа далеко еще не всѣ плоды поспѣваютъ (иные же поспѣваютъ ранѣе), то крестьяне изъ одного праздника сдѣлали три и повсемѣстно празднуютъ *перваго* Спаса (1-го августа), *второго* (6-го августа) и *третьяго* Спаса (16-го августа).

Первый Спасъ всюду называется «медовымъ», а кое-гдѣ и «мокрымъ». Названія эти произошли оттого, что къ первому Спаса пчеляки второй разъ подрѣзываютъ ульи съ медомъ и, выбравъ лучшій липовый сотъ, несутъ въ церковь «на поминъ родителевъ». Къ этому же дню варятъ «медяные» квасы и угощаютъ всѣхъ, пришедшихъ въ гости. «Мокрымъ» же первый Спасъ называется потому, что, по установленію церкви, въ этотъ день бываетъ крестный ходъ на рѣки и источники для водоосвященія. А такъ какъ крестьяне не только сами купаются послѣ крестнаго хода, но имѣютъ обыкновеніе купать въ рѣкахъ и всю скотину, которая будто-бы здоровѣетъ послѣ этого, то неудивительно, что и самый праздникъ получилъ названіе «мокраго».

Второй Спасъ почти повсемѣстно называется «яблоч-

нымъ», такъ какъ съ этого времени разрѣшается ѣсть садовые плоды и огородныя овощи. День этотъ крестьяне чтутъ, какъ очень большой праздникъ, но рѣдко отдаютъ себѣ отчетъ въ истинномъ значенiи того событiя, которое вспоминаетъ церковь 6-го августа. Только кое-гдѣ второй Спасъ называется «Спасомъ на горѣ» (названiе, которое позволяетъ заключить о знакомствѣ съ священнымъ писанiемъ), въ большинствѣ же случаевъ крестьяне не знаютъ, что такое Преображенiе Господне, и считаютъ второй Спасъ просто праздникомъ земныхъ плодовъ. Сообразно съ этимъ, въ день 6-го августа, вся паперть въ приходскихъ церквахъ бываетъ заставлена столами, на которыхъ навалены горы гороха, картофелю, огурцовъ, рѣпы, брюквы, ржи, ячменя, яблокъ и проч. Всѣ эти плоды урожая священникъ благословляетъ послѣ обѣдни и читаетъ надъ ними молитву, за что благодарные прихожане ссыпаютъ ему въ особыя корзины, такъ называемыя, «начатки», т. е. понемногу отъ каждаго сорта принесенныхъ плодовъ.

Послѣ освященiя и благословенiя, крестьяне набожно осѣняютъ себя крестомъ и разговляются яблоками: ѣсть плоды до этого времени считается большимъ грѣхомъ и, если кому случится, по забывчивости или невоздержанiю, попробовать яблокъ раньше срока, то такой человѣкъ не долженъ ѣсть ихъ въ теченiе сорока дней послѣ Спаса, чтобы тѣмъ искупить свою вину. Особенно должны воздерживаться отъ преждевременнаго вкушенiя плодовъ тѣ изъ крестьянъ, у которыхъ умерли въ младенческомъ возрастѣ дѣти, такъ какъ на томъ свѣтѣ на серебряныхъ деревьяхъ растутъ золотыя яблочки и эти яблочки раздаются только тѣмъ умершимъ дѣтямъ, родители которыхъ твердо помнятъ законъ и строго воздерживаются отъ употребленiя плодовъ до второго Спаса.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Вельскомъ у., Вологодской губерніи, съ днемъ Преображенья Господня связывается особый обычай, извѣстный въ народѣ подъ именемъ «столованья». На площади, передъ церковью, ставятъ длинный рядъ столовъ, покрываютъ ихъ чистыми скатертями, и всѣ деревенскія хозяйки принимаютъ на себя обязанность наполнить эти столы всевозможной снѣдью, которая и поѣдается прихожанами послѣ обѣдни и крестнаго хода. Въ другихъ уѣздахъ той-же Вологодской губ., сохранился обычай всеобщихъ розговинъ горохомъ: отслуживъ въ полѣ молебенъ, крестьяне всѣмъ селомъ устремляются на гороховое поле и, до самаго вечера, лакомятся зелеными стручками, не различая своей полосы отъ чужой. Эти гороховыя розговины составляютъ истинный праздникъ и величайшее наслажденіе для деревенской дѣтворы, которая цѣлый день ныряетъ въ зеленыхъ кустахъ и наѣдается до того, что подъ конецъ уже на животѣ переползаетъ съ полосы на полосу.

Третій Спасъ празднуется въ честь нерукотвореннаго образа (16 августа). На языкѣ крестьянъ онъ называется «Спасъ на полотнѣ» или «орѣховый» Спасъ. Послѣднее названіе дано потому, что къ этому времени въ центральной полосѣ Россіи поспѣваетъ лѣсной орѣхъ, а первое указываетъ на самую идею праздника («Спасъ на полотнѣ», т. е. образъ, икона). Но третій Спасъ извѣстенъ далеко не во всей Россіи; тамъ-же, гдѣ его празднуютъ, день этотъ ничѣмъ почти не выдѣляется въ ряду деревенскихъ будней, если не считать церковныхъ молебновъ и обычая печь пироги изъ новаго хлѣба.

Такимъ образомъ, изъ трехъ Спасовъ наиболѣе почитается второй, совпадающій и съ церковнымъ праздникомъ Преображенія Господня. Первый же, хотя и при-

знается повсемѣстно, но почитается, главнымъ образомъ, въ южной полосѣ Великороссіи, гдѣ ранѣе созрѣваетъ хлѣбъ и плоды, и гдѣ этому празднику приписывается роль и значеніе втораго Спаса, такъ какъ освященіе хлѣба и овощей на югѣ, очень часто, производится до Преображенія Господня, именно 1-го августа.

XXXIV.

УСПЕНЬЕ.

Въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., крестьяне разсказываютъ слѣдующую легенду о смерти Матери Божіей: Божія Матерь прожила на свѣтѣ шестьдесятъ два года; двадцати двухъ лѣтъ она родила сына Іисуса и умерла десять лѣтъ спустя послѣ Его смерти. Объятая великой материнской скорбью, она, послѣ Голгоѳы, ходила на гору Елеонскую и тамъ просила у своего Божественнаго Сына послѣдней милости—скорѣе освободить ее отъ тягостной земной жизни и принять къ Себѣ, на небо. Тамъ-же, на горѣ Елеонской, явился къ ней архангелъ и благовѣтствовалъ: «Мати! молитва твоя услышана, и ты будешь принята на небо». Но слова Божественнаго вѣстника сбылись только тогда, когда истекъ десятый годъ послѣ кончины Искупителя міра.

Въ той-же Вологодской губерніи существуетъ особая легенда и о похоронахъ Богоматери. Когда Ее, въ гробу, несли на кладбище, то изъ какого-то дома выбѣжалъ еврей и хотѣлъ было опрокинуть гробъ, чтобы тѣмъ оскорбить христіанскую святыню и поколебать вѣру въ сердцахъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ траурной процессіи. Но Господь не допустилъ такого кощунства и, по слову Божію, съ небесъ слетѣлъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ и отсѣкъ дерзновенному еврею руки. Чудо это произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, но всего больше на самого еврея, который сразу же увѣро-

валъ въ Богородицу и сталъ горячо молиться Ей, послѣ чего у него снова приросли отсѣченныя руки.

На кладбищѣ Божія Матерь была опущена въ могилу, но тѣло Ея не осталось въ землѣ, а нетлѣнное было взято на небо. Объ этомъ ученики Христовы узнали слѣдующимъ образомъ. При похоронахъ Богоматери не было ученика Ѳомы, который, по свойственному ему маловѣрію, захотѣлъ разрыть могилу, чтобы собственными глазами убѣдиться, дѣйствительно-ли Мать Іисуса скончалась и покоится въ землѣ. Но когда могилу разрыли, тамъ уже остались однѣ пелены, тѣла же не было—оно вознеслось на небо.

Въ крестьянскомъ быту день Успенія пресвятой Богородицы (15 августа) считается днемъ окончанія жатвы, и въ церковь, на литургію, мужички считаютъ долгомъ принести колосьевъ новаго хлѣба, чтобы «Успенье-Матушка» благословила ихъ труды и помогла благополучно управиться съ молотьбой, оградивъ свезенный хлѣбъ отъ пожаровъ и всякаго несчастья. Бабы же, покончившія съ жнитвомъ, «купаются» въ этотъ день по сжатой полосѣ и говорятъ: «жнивка, жнивка, отдай ты мою силушку на пестъ, на колотило, на молотило, на кривое веретено». Этотъ обычай, характеризующій трудность женскихъ полевыхъ работъ, во многихъ мѣстахъ заканчивается крестьянскими пирушками, которыми жнецы какъ-бы вознаграждаютъ себя за изнурительную работу.

День Успенья считается не только постнымъ, но даже траурнымъ днемъ, по крайней мѣрѣ старухи-крестьянки любятъ въ этотъ день одѣваться во все черное, въ воспоминаніе праведной кончины Богоматери.

XXXV.

ИВАНЪ ПОСТНЫЙ.

Подъ такимъ названіемъ извѣстенъ въ народѣ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя (29 Августа). Событіе, которое въ этотъ день вспоминаетъ въ своихъ молитвенныхъ возношеніяхъ церковь, очень хорошо извѣстно крестьянамъ, что, между прочимъ, видно изъ цѣлой массы обычаевъ и правилъ, которыя съ удивительной строгостью соблюдаются въ крестьянской средѣ. Цѣль всѣхъ этихъ обычаевъ состоитъ въ томъ, чтобы не вызывать никакихъ воспоминаній о мученической кончинѣ великаго праведника и всячески избѣгать такихъ дѣйствій и поступковъ, которые напоминали бы это грустное событіе. На этомъ основаніи считается непростительнымъ грѣхомъ брать въ руки что-нибудь острое—ножи, топоры и пр., такъ какъ это напоминаетъ тотъ мечъ, которымъ отсѣкли голову Крестителю. Точно также считается грѣхомъ ѣсть въ этотъ день круглые предметы: картофель, капусту, лукъ, яблоки и пр., такъ какъ форма этихъ предметовъ напоминаетъ голову. Избѣгаютъ ѣсть и красные предметы (напр., арбузы) на томъ основаніи, что это напоминаетъ кровь, а также не принято ѣсть что-нибудь на блюдѣ, чтобы не вызывать воспоминаній о томъ блюдѣ, на которомъ лежала голова Крестителя.

Всѣ эти правила соблюдаются чрезвычайно строго,

такъ что, если хозяйка забыла наканунѣ нарѣзать хлѣбъ, то въ день Іоанна Крестителя хлѣбъ будутъ уже ломать, а не рѣзать, изъ опасенія, чтобы на хлѣбѣ не выступила кровь, какъ нѣмой укоръ нарушителямъ обычая. Для большей же крѣпости соблюденія этихъ правилъ, крестьяне повсюду вѣрятъ, что нарушителей наказываетъ самъ Іоаннъ, посылая неурожаи на плоды, а то такъ и просто отнимая руки и лишая языка. Хорошо зная суть событія, которое вспоминается церковью 29 Августа, крестьяне, тѣмъ не менѣе, путаются въ подробностяхъ земного житія Іоанна Крестителя. Они передѣлываютъ священную исторію на свой ладъ, восполняя пробѣлы точнаго знанія отчасти фантазіей, отчасти тѣми картинками лубочнаго изданія, которыми запрудилъ современную деревню Никольскій рынокъ. Такъ, въ Орловской губ. крестьяне убѣждены, что Іоаннъ Креститель сталъ называться такъ только съ того момента, когда сдѣлался «крестнымъ отцомъ» Іисуса Христа,—до этого же времени онъ назывался «еще какъ-то». Въ той-же Орловской губ. о святой жизни Іоанна разсказываютъ такъ: «Іоаннъ не ѣлъ хлѣба, не пилъ вина и никакъ не ругался; весь онъ былъ въ шерсти, какъ овца, и только послѣ крещенія шерсть съ него свалилась». А о томъ, какъ Іоаннъ крестилъ народъ, орловцы передаютъ: «кто приходилъ къ Ивану креститься, онъ, первымъ долгомъ, билъ того человѣка желѣзнымъ костылемъ, чтобы грѣхи отскочили, какъ пыль отъ платья, и потомъ уже крестилъ».

Въ Пензенской губ. крестьяне, передавая о кончинѣ Іоанна, всегда присовокупляютъ, что голову Крестителя апостолы нашли въ капустѣ, отчего, между прочимъ, и считается большимъ грѣхомъ ходить въ этотъ день на огороды рѣзать капусту, такъ какъ на ней, подъ ножемъ,

непремѣнно выступятъ алыя пятна крови (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне считаютъ даже за правило обрывать въ день Ивана листья капусты, такъ какъ капля крови съ головы Крестителя, брошенной въ огородъ, будто бы упала на капустный листъ).

При такомъ трогательномъ и благоговѣйномъ почитаніи Крестителя Господня, крестьяне, само собою разумѣется, проводятъ въ строжайшемъ постѣ день, посвященный его священной памяти (отчего день этотъ и носитъ названіе Ивана Постнаго). Считается большимъ грѣхомъ даже ѣсть рыбу (хотя и говорятъ, что на Ивана Постнаго рыбы въ рѣкахъ особенно много). Но въ особенности непростительными считаются пьянство, пѣсни и пляски. Первое потому, что Іоаннъ явилъ собой образецъ высоко-подвижнической жизни и никогда не пилъ вина,—второе оттого, что пѣснями и плясками злая Иродіада добилась главы Іоанна. Кромѣ строгаго поста, крестьяне, въ день Іоанна Крестителя, считаютъ своимъ долгомъ непремѣнно побывать въ церкви, гдѣ, между прочимъ, лица, страдающія головными болями испрашиваютъ себѣ у этого святого исцѣленіе.

Всѣ перечисленныя особенности Иванова дня принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя можно наблюдать повсемѣстно въ нашей деревенской Руси. Но есть и такія, которыя усвоены не вездѣ, а составляютъ исключительную принадлежность какой-нибудь одной, опредѣленной мѣстности. Такъ, напр., въ Вологодской губ., день Ивана Постнаго называется иначе «рѣпнымъ праздникомъ», такъ какъ до этого дня «заказано» ѣсть рѣпу, и засѣянныя ею полосы должны оставаться неприкосновенными, подъ страхомъ «срамного» наказанія. Самое наказаніе это тоже представляетъ собою вологодскую особенность. Оно со-

стоитъ въ томъ, что всякаго, кого застанутъ въ рѣпищѣ до Иванова дня,—будь это мужикъ, баба, парень или дѣвка,—непремѣнно раздѣнутъ до нага, обмотаютъ на головѣ одежду и, въ такомъ видѣ, проведутъ вдоль всей деревенской улицы. При этомъ желающимъ предоставляется даже право бить наказываемаго, хотя на практикѣ никто этимъ правомъ не пользуется, а всѣ ограничиваются смѣхомъ и шутками.

XXXVI.

СЕМЕНЪ-ЛѢТОПРОВОДЕЦЪ.

День св. Симеона-Столпника (1-го сентября) на языкѣ народа носитъ названіе «Семена-Лѣтопроводца» или просто «Семина дня». Это срочный день для взноса оброковъ, пошлинъ и податей, и съ этого же дня обыкновенно начинаются и прекращаются всѣ условія и договоры, заключаемые поселянами между собой и съ торговыми людьми (отдача въ наемъ земли, рыбныхъ ловель и другихъ угодій). Въ условіяхъ такъ и пишутъ: «на Семинъ день я, нижеподписавшійся, обязуюсь» и т. д.

Названіе «лѣтопроводца» присвоено Семину дню потому, что около этого времени наступаетъ конецъ лѣта, о чемъ можно заключить и по народнымъ земледѣльческимъ поговоркамъ: «Семинъ день—сѣвалка съ плечъ», или: «Семинъ день—сѣмена долой» (т. е. конецъ посѣву). «Въ Семинъ день до обѣда пашн, а послѣ обѣда пахаря съ поля гони» (намекъ на то, что съ наступленіемъ сентябрскихъ дней ясная утренняя погода къ полудню часто смѣняется холодомъ и ненастьемъ). Время съ Семина дня по 8-ое сентября называется «бабьимъ лѣтомъ»—это начало бабьихъ сельскихъ работъ, такъ какъ съ этого дня бабы начинаютъ «засиживать» вечера.

Во многихъ мѣстахъ съ днемъ Семена-Лѣтопроводца связывается «потѣшный» обычай хоронить мухъ, тараканов, блохъ и прочую нечисть, одолѣвающую крестьянина въ избѣ. Похороны устраиваютъ дѣвушки, для чего

вырѣзываютъ изъ рѣпы, брюквы или моркови маленькіе гробики. Въ эти гробики сажаютъ горсть пойманныхъ мухъ, закрываютъ ихъ и, съ шутливой торжественностью (а иногда съ плачемъ и причитаніями) выносятъ изъ избы, чтобы предать землѣ. При этомъ, во время выноса, кто-нибудь долженъ гнать мухъ изъ избы «рукотерникомъ» (полотенцемъ) и приговаривать: «муха по мухѣ, летите мухъ хоронить», или: «мухи вы мухи, комаровы подруги, пора умирать. Муха муху ѣшь, а послѣдняя сама себя съѣшь».

Обычай хоронить мухъ и таракановъ наблюдается по всему сѣверу Россіи, причемъ даже детали его вездѣ однѣ и тѣ-же и только кое-гдѣ, вмѣсто «рукотерника», совѣтуютъ изгонять мухъ штанами, въ полной увѣренности, что это средство неизмѣримо дѣйствительнѣе, такъ какъ муха, выгнанная штанами, навсегда теряетъ охоту возвращаться въ избу снова *).

Съ изгнаніемъ мухъ связана и спеціальная примѣта: «убить муху до Семина дня—народится семь мухъ; убить послѣ Семина дня—умретъ семь мухъ».

Какъ ни комична сама по себѣ ритуальная обстановка борьбы съ насѣкомыми и паразитами, но она даетъ полное основаніе заключить, что, при бѣдности нашего крестьянства и при той грязи, которая повсемѣстно царитъ въ избахъ, сожительство съ паразитами причиняетъ крестьянамъ истинное страданіе: «сыпной» тараканъ и «сыпной» клопъ, даже при загрубѣлости кожи, лишаютъ обитателей избъ спокойнаго сна и нормальнаго отдыха; дѣти же страдаютъ отъ насѣкомыхъ невыразимо, поднимая по ночамъ полные отчаянія вопли.

*) Обычай хоронить мухъ, таракановъ и клоповъ практикуется не только на Семинъ день, но и на Воздвиженье, и на Покровъ и на нѣкоторые другіе праздники.

XXXVII.

ОСПОЖИНКИ.

Оспожинки, Спожинки или Госпожинки пріурочены къ празднику въ честь Рождества Пресвятой Богородицы (вторая пречистая на сѣверо-западѣ) и составляютъ ближайшее къ этому двунадесятому празднику время. Празднество это, въ зависимости отъ урожая, отличается большимъ разгуломъ. При видимо благополучномъ результатѣ жатвы, оспожинки справляются иногда въ теченіе цѣлой недѣли: чѣмъ урожайнѣе было лѣто, тѣмъ продолжительнѣе праздникъ. Приноровленное къ празднествамъ церковнаго цикла и обнимающее собой періодъ времени отъ Успенія Богородицы до Покрова, это деревенское «пировство» развертывается по всѣмъ правиламъ хлѣбосольства и со всѣми пріемами гостепріимства по преданію и завѣтамъ сѣдой старины и, по возможности, широко и разгульно. Въ прежнія времена всѣ, у кого былъ покрѣпче достатокъ и веселѣе на душѣ, дѣлали приготовленія заранѣе и, прежде всего, пользовались древнимъ правомъ временъ св. Владиміра, отнятымъ въ недавніе времена царствованія на Руси виннаго откупа, т. е. варили пиво по числу ожидаемыхъ гостей и достатку (отъ 10 до 15 корчагъ), кололи овцу или барана изъ своихъ, покупали говядины, голову и ноги бычачьи для студня, доставали рыбы для кулебяки, хотя

избранный день и упадалъ на скоромный, и пекли пирогъ изъ домашней пшеничной муки съ примѣсью купленной крупчатки.

За день, за два до праздника, бѣгутъ по селу малолѣтки съ зовомъ на пировство родственниковъ, предпочитая тѣхъ изъ нихъ, которые сами въ состояніи отплатить угощеніемъ на своемъ праздникѣ. Исключеніе составляютъ зятья, особенно молодые: ни тесть, ни теща не обходятъ ихъ приглашеніемъ, хотя бы сами и не разсчитывали на отвѣтное. Для обоихъ очень важно, чтобы между ними и свекоромъ и свекровью дочери существовали добрыя, мирныя хлѣбосольныя отношенія, по пословицѣ: «не для зятя-собаки, а для милаго дитяти». Неприглашенный свекоръ можетъ не отпустить своего сына и его жены къ родителямъ снохи, вотъ почему сватъ и сватья у тестя и тещи ихъ сына,—главные гости, которые и залѣзаютъ за столъ въ передній уголъ, подъ самые образа. Впрочемъ, такія отношенія продолжаются до семейнаго раздѣла: какъ только зятнинъ отецъ выдѣлилъ сына, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ уже разсчитывать на зовъ къ своему свату, т. е. къ сыновнему тестю. «Здѣшніе крестьяне (какъ сообщаетъ г. Наумовъ изъ Яранскаго у., Вятской г.) въ соблюденіи праздничнаго хлѣбосольства принимаютъ въ разсчетъ еще и равенство семьи: если въ одной число взрослыхъ членовъ значительно превышаетъ число такихъ же въ другой семьѣ, то послѣдняя нерѣдко уклоняется отъ хлѣбосольныхъ отношеній къ первой. Но разъ между двумя семьями установились хлѣбосольныя отношенія, то онѣ уже поддерживаются долгое время до крупныхъ измѣненій въ семейномъ строѣ. На праздники приглашается прежде всего глава родственной семьи, его жена и старшіе сыновья съ женами и дѣтьми:

это изъ дома тестя въ гости къ зятю, если онъ самостоятельный хозяинъ. Если же зять въ своей семьѣ имѣетъ второстепенное значеніе,—тогда только одинъ его тесть съ женой. Приглашеніе цѣлой семьи происходитъ только тогда, когда обѣ семьи черезчуръ сдружились и когда онѣ приблизительно равночисленны. Изъ дома свата, въ первые годы послѣ свадьбы, тесть приглашаетъ самого свата съ женою и старшаго сына, если таковой есть и затѣмъ и другихъ членовъ семьи, пользующихся въ ней особеннымъ вліяніемъ. Дѣти зятьевъ въ гости къ своему дѣду берутся всѣ безъ исключенія: онѣ пользуются особенно нѣжнымъ уходомъ и заботливостью со стороны своей бабушки по матери. Они нерѣдко остаются у дѣдушки и бабушки на нѣсколько дней послѣ праздника. Вообще, для дѣтей это самое пріятное время въ теченіе цѣлаго года, а въ гостяхъ у бабушки и дѣда они чувствуютъ себя полными хозяевыми».

Конечно, веселіе усугубляется и разнообразится тамъ, гдѣ храмовые праздники самого дня 8 сентября вызываютъ ярморочные съѣзды и торжки.

XXXVIII.

ДЕНЬ СВ. ѲЕОДОРЫ.

11-го Сентября, день Ѳеодоры Александрійской, или, по крестьянскому произношенію, — «Александровской», считается началомъ осени. «Осень ѣздитъ на пѣгой кобылѣ»—говоритъ народъ, характеризуя неустойчивость погоды въ это время, т. е. падающій хлопьями, мокрый снѣгъ и смѣняющую его грязь. Въ это время, по народному представленію, осень съ зимой споритъ. Осень говоритъ: «я поля хлѣбомъ уряжу», а зима ей отвѣчаетъ: «а я еще погляжу».

Никакихъ особыхъ торжествъ и церковныхъ празднествъ въ день св. Ѳеодоры не бываетъ. Исключеніе представляетъ развѣ Пошехонскій уѣздъ, Ярославской губерніи, гдѣ въ село Ѳедоринское стекается множество богомольцевъ. По преданію, близъ этого села, находится тотъ самый камень, на которомъ во снѣ явилась одному благочестивому старцу преподобная Ѳеодора. Въ настоящее время тутъ выстроена часовня, которая и служитъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ молящихся. Имѣя, такимъ образомъ, чисто мѣстное значеніе, день св. Ѳеодоры нигдѣ не связывается съ какими-нибудь народными повѣрьями, легендами и примѣтами, если не считать опять-таки того же Пошехонскаго уѣзда, гдѣ о преподобной мученицѣ народъ сложилъ цѣлые разсказы, неимѣющіе ничего общаго съ дѣйствительнымъ житіемъ св. Ѳеодоры. Одинъ изъ такихъ легендарныхъ разсказовъ удалось слышать нашему корреспонденту А. В. Балову

изъ устъ крестьянки Маріи Васильевой. Приводимъ этотъ разсказъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ:—«Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ и у него была жена Ѳеодора, женщина лицомъ красивая, а нравомъ распутная: при мужѣ жила она въ блудѣ со своимъ сосѣдомъ... И захотѣлъ, видно, Богъ взыскать грѣшницу: напала на нее тоска, опротивѣлъ сосѣдъ, опостылѣлъ мужъ, надоѣла и прежняя грѣховная жизнь,—совѣсть, какъ звѣрь, и днемъ, и ночью грызла Ѳеодору. А недалеко отъ Ѳеодориной деревни былъ скитъ женскій и игуменья тамъ была старица святая, много приходило къ ней народу за совѣтомъ и молитвой. Пошла туда же, потихоньку отъ мужа, и Ѳеодора. Пришла къ старицѣ, покаялась въ своихъ грѣхахъ и стала просить совѣта. И повелѣла ей старица одѣться мужчиной, идти въ дальній мужской монастырь и тамъ, среди монаховъ, спасаться во образѣ мужчины. Послушалась Ѳеодора св. старицы: ушла тихонько отъ мужа, остригла свою длинную косу, одѣлась мужчиною, назвалась Ѳеодоромъ и пошла въ тотъ дальній монастырь, про который сказывала ей игуменья. Однако, въ монастырь ее сразу не впустили: игуменъ, въ видѣ послушанія, приказалъ ей провести ночь у воротъ монастыря, посреди опасностей отъ звѣря дикаго и всякаго гада. Но Ѳеодора не устрашилась опасностей и безропотно подчинилась приказанію. На утро же, когда она была принята въ монастырь, игуменъ, опять-таки въ видѣ послушанія, приказалъ ей чистить помойныя ямы и сорныя мѣста. Но и тутъ Ѳеодора осталась вѣрной себѣ и много лѣтъ несла эту работу со смиренствомъ: никого не было въ монастырѣ кротче, благочестивѣе и смиреннѣе ея. Смиренство инока Ѳеодора замѣтилъ, наконецъ, игуменъ и началъ его возвышать, а затѣмъ настолько приблизилъ къ себѣ,

что довѣрялъ ему закупать всю провизію, нужную для монастыря. Но тутъ и случилась съ инокомъ бѣда. Проѣзжая за провизіей въ городъ, инокъ Ѳеодоръ всегда останавливался по дорогѣ у одного купца, у котораго была дочь красавица. Эта то дочь и послужила причиной несчастья инока. Она слюбилась съ какимъ-то молодцомъ, забеременѣла отъ него и родила сына, а когда старикъ отецъ допытывался у дочери, кто былъ ея обидчикомъ, она всю вину взвалила на инока Ѳеодора. Взялъ купецъ младенца, поѣхалъ въ монастырь и разсказалъ все игумену. Игуменъ же оставилъ у себя младенца и, созвавъ всю братію, привелъ Ѳеодора на судъ. Долго думала братія, но такъ какъ Ѳеодоръ не оправдывался ни въ чемъ, то всѣ и рѣшили, что онъ согрѣшилъ и постановили его наказать: закласть вмѣстѣ съ младенцемъ въ пустой каменный чуланъ, замуровать камнями и подавать скудную пищу черезъ маленькое оконце.

Семь лѣтъ провелъ Ѳеодоръ въ этомъ чуланѣ. На восьмомъ году, однажды, принесъ ему монахъ ежедневную пищу и увидалъ, что и вчерашняя трапеза осталась нетронутой. Побѣжалъ монахъ къ игумену, созвалъ братію, и рѣшили иноки разломать дверь. Когда же они вошли въ чуланъ, то увидѣли, что на полу лежитъ умершій братъ Ѳеодоръ, а на персяхъ у него умершій мальчикъ. Стала братья приготовлять тѣла для погребенія, стала раздѣвать ихъ для омовенія... Но тутъ-то всѣ и увидѣли, что Ѳеодоръ былъ не мужчина, а женщина, и что передъ ними не грѣшникъ, а великая праведница. Сдѣлалъ игуменъ пышныя похороны новопреставленной рабѣ Божіей, собралъ народъ и тутъ выяснилось все: на погребеніе прибылъ и купецъ съ дочерью, и мужъ Ѳеодоры, отъ которыхъ братія и узнала всю правду.

XXXIX.

ВОЗДВИЖЕНЬЕ.

Судя по нѣкоторымъ народнымъ повѣрьямъ, наши крестьяне совсѣмъ не знаютъ, въ чемъ состоитъ истинный смыслъ и значеніе церковнаго праздника—Воздвиженья честнаго и животворящаго креста Господня (14 Сент.).

По мнѣнію орловцевъ, раздѣляемому тамбовцами и владимірцами, въ день Воздвиженья, всѣ змѣи, ужи и, вообще, всѣ пресмыкающіеся «сдвигаются», т. е. сползаются въ одно мѣсто, подъ землю, къ своей матери, гдѣ и проводятъ всю зиму, вплоть до перваго весенняго грома, который служитъ какъ бы сигналомъ, разрѣшающимъ гадинѣ выползать изъ чрева матери-земли и жить на волѣ. Вотъ почему на праздникъ Воздвиженья, или, по крестьянскому выраженію, «Сдвиженія», мужики, на весь день, тщательно запираютъ ворота, двери и калитки, изъ боязни. чтобы гады, ползущіе къ своей матери подъ землю, не заползли, по ошибкѣ, на мужичій дворъ и не спрятались тамъ подъ навозомъ, или въ соломѣ и нарахъ. Впрочемъ, крестьяне вѣрятъ, что, начиная съ Воздвиженія, змѣи не кусаются, такъ какъ каждая гадина, ужалившая въ это время человѣка, будетъ строго наказана: всю осень, до перваго снѣга и даже по снѣгу, будетъ ползать зря, не находя себѣ мѣста, пока не убьютъ ее морозы, или не проткнутъ мужичьи вилы.

Наряду съ гадиной, и лѣшіе, вмѣстѣ съ оборотнями и прочей нежитью, считаютъ день Воздвиженья какимъ-то срочнымъ для себя днемъ. Лѣшіе, напр., сгоняютъ въ этотъ день въ одно мѣсто все подвластное имъ звѣрье, какъ бы дѣлая ему смотръ передъ наступающей зимою. Крестьяне, впрочемъ, не объясняютъ, съ какой именно цѣлью лѣшіе дѣлаютъ такіе парады, но это не мѣшаетъ имъ твердо вѣрить, что въ день Воздвиженья, ни подъ какимъ видомъ, нельзя ходить въ лѣсъ, такъ какъ оборотни, и особенно лѣшіе, бываютъ въ это время крайне безцеремонны и, въ лучшемъ случаѣ, могутъ только побить, а то такъ и просто отправить мужика на тотъ свѣтъ.

Въ другихъ мѣстахъ, слово «Воздвиженье» находитъ себѣ нѣсколько иное объясненіе: говорятъ, напр., что въ этотъ день хлѣбъ съ поля на гумно «сдвинулся», такъ какъ къ половинѣ сентября обыкновенно оканчивается уборка хлѣба и начинается молотьба. Говорятъ еще, что Воздвиженье «сдвинетъ зипунъ, надвинетъ шубу», или, что на Воздвиженье «кафтанъ съ шубой сдвинулся и шапка надвинулась».

Относительно обычая хоронить въ день Воздвиженія мухъ и таракановъ мы уже упоминали въ статьѣ «Семенъ-Лѣтопроводецъ», а изъ другихъ обычаевъ и повѣрій можемъ указать только на одно: крестьяне повсюду вѣрятъ, что день Воздвиженія принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которые не слѣдуетъ начинать никакого важнаго и значительнаго дѣла, такъ какъ все, начатое въ этотъ день, или окончится полной неудачей, или будетъ безуспѣшно и безполезно.

XL.

ПОКРОВЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Такъ какъ свадьба въ крестьянскомъ быту требуетъ значительныхъ расходовъ, то въ деревняхъ дѣвушекъ выдаютъ замужъ обыкновенно тогда, когда уже закончились полевыя работы и вполнѣ опредѣлился итогъ урожая. Такимъ временемъ повсюду считается Покровъ Пресвятой Богородицы (1-е октября). Поэтому, и праздникъ Покрова считается покровителемъ свадебъ. (Существуетъ даже примѣта, что, если въ день Покрова будетъ очень вѣтрено, то это предвѣщаетъ большой спросъ на невѣстъ). А такъ какъ о свадьбахъ и женихахъ всего больше толкуютъ дѣвушки, то естественно, что и самый праздникъ Покрова пріобрѣтаетъ, до нѣкоторой степени, значеніе дѣвичьяго праздника. Въ этотъ день всякая дѣвушка-невѣста считаетъ непремѣннымъ долгомъ побывать въ церкви и поставить свѣчку передъ образомъ Покрова Богородицы, причемъ повсюду сохраняется увѣренность, что дѣвушка, первая поставившая свѣчу, и замужъ выйдетъ раньше всѣхъ. Кромѣ умилостивительной свѣчи, передъ образомъ Покрова читаются и особыя молитвы: «Батюшка-Покровъ, мою голову покрой. Матушка Пятница Параскева, покрой меня поскорѣе» *). Такую же самодѣльную молитву чи-

*) Параскева-Пятница точно также считается покровительницею брака.

таютъ дѣвушки и отходя ко сну: «Покровъ-праздничекъ, покрой землю снѣжкомъ, а мою голову вѣнцомъ». Съ Покрова же, во всей Великороссіи, дѣвицы начинаютъ устраивать бесѣды.

Что касается прочаго населенія, то день 1-го октября оно считаетъ «первымъ зазимьемъ» (началомъ зимы). Въ этотъ день начинаютъ топить въ жилыхъ горницахъ печи, причемъ бабы не упускаютъ случая, чтобы произнести особую молитву: «Батюшка-Покровъ, натопи нашу хату безъ дровъ». Съ Покрова же крестьяне начинаютъ конопатить свои избы (опять-таки съ приговоромъ: «Батюшка-Покровъ, покрой избу тесомъ, а хозяевъ добромъ») и «закармливаютъ» на зиму скотъ. Послѣдній обычай обставляется довольно торжественно, такъ какъ скотинѣ скармливаютъ особый снопъ овса, называемый «пожинальникомъ». Пожинальникъ, или послѣдній снопъ съ послѣдней полосы, обыкновенно вяжется изъ тѣхъ колосьевъ, которые оставляются «Ильѣ на бороду». (Дѣлается это съ цѣлью умилостивить грознаго пророка: «вотъ тебѣ, Илья, борода, а намъ хлѣба вороха»). Эту «бороду Ильи» крестьяне дожинаютъ непремѣнно всей семьей, храня во время работы гробовое молчаніе. Изъ «бороды» вяжется отдѣльный снопъ, который ставится на лавку въ переднемъ углу, гдѣ и стоитъ до Покрова. На Покровъ же его торжественно выносятъ на дворъ и даютъ скотинѣ, съ цѣлью предохранить ее отъ зимней безкормицы и отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, связанныхъ съ самымъ суровымъ и тяжелымъ временемъ года.

XLI.

ДВѢНАДЦАТЬ ПЯТНИЦЪ.

Среди захолустныхъ обывателей и донынѣ пользуется большой популярностью, такъ называемая, рукописная духовная литература. Правда, духовенство всѣми мѣрами старается изъять изъ обращенія эти остатки старины, но благочестиво настроенныя мѣщанки, просвирни, начетчики и малограмотные купцы всетаки переписываютъ и «сны Богородицы», и «поученіе, иже во святыхъ отца нашего Климента, папы Рымскаго о дванадесятницахъ» (о двѣнадцати пятницахъ). Замѣчательно при этомъ, что переписчики тщательно прячутъ свою литературу не только отъ лицъ духовнаго званія, но и вообще отъ интеллигентныхъ людей, которые-де хотятъ ознакомиться съ рукописями только изъ «празднаго любопытства», а не по усердію истинно вѣрующихъ христіанъ. Наши корреспонденты, по крайней мѣрѣ, сообщаютъ изъ разныхъ мѣстъ, что имъ лишь съ величайшимъ трудомъ удалось достать нижеслѣдующій текстъ поученія Климента о двѣнадцати пятницахъ.

1-я Пятница—на первой недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ внезапной смерти не умретъ.

2-я Пятница—передъ Благовѣщеніемъ (въ эту пятницу Каинъ убилъ Авеля). Кто сію пятницу постится, тотъ

человѣкъ отъ напраснаго убійства избавленъ будетъ (по другимъ спискамъ: тотъ до убожества великаго не дойдетъ и отъ меча сохраненъ будетъ).

3-я Пятница—на страстной недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ разбойниковъ сохраненъ будетъ (варіантъ: отъ мученія вѣчнаго и отъ нечистаго духа сохраненъ будетъ).

4-я Пятница—передъ Вознесеніемъ Христовымъ, когда погубилъ Господь Содомъ и Гоморру. Кто въ эту пятницу постится, тотъ безъ св. Таинъ Христовыхъ не умретъ и отъ великаго недостатка сохраненъ будетъ.

5-я Пятница—передъ сошествіемъ св. Духа. Кто сію пятницу постится, тотъ отъ потопленія избавленъ будетъ (варіантъ: тотъ при кончинѣ жизни смерть свою узритъ и отъ смертныхъ грѣховъ сохраненъ будетъ).

6-я Пятница—передъ днемъ св. Іоанна Предтечи. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ сухоты и трясавицъ (лихорадокъ).

7-я Пятница—передъ днемъ пр. Иліи. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ грома, молніи, града и голода сохраненъ будетъ.

8-я Пятница—передъ Успеніемъ Пресвятой Богородицы (когда Моисей, на горѣ Синайской, принялъ законъ). Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ, передъ смертію своей, Богородицу узритъ).

9-я Пятница—передъ днемъ Косьмы и Даміана. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ великаго грѣхопаденія сохраненъ будетъ.

10-я Пятница—передъ днемъ Архангела Михаила. Кто сію пятницу постится, душа того человѣка черезъ огненную рѣку перенесется.

11-я Пятница—передъ Рождествомъ Христовымъ (когда

14 тысячъ младенцевъ, отъ царя Ирода, въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, убіены были). Кто сію пятницу постится, имя того человѣка будетъ записано у самой Пресвятой Богородицы на престолѣ.

12-я Пятница—передъ Богоявленіемъ. Кто сію пятницу постится, имя того человѣка въ книгахъ животныхъ записано будетъ.

Кто же эти «Пятницы», которыя столь щедрой рукой раздаютъ постящимся въ ихъ честь разнообразные дары и милости? По понятіямъ народа, это живыя существа, къ которымъ можно обращаться съ молитвой и прошеніями. Существа эти, въ воображеніи крестьянъ, рисуются въ видѣ дѣвицъ, причемъ 10-я пятница считается самой старшей: вмѣстѣ съ 9-й «пятницей», она приноситъ Богу всѣ наши молитвы прежде всѣхъ другихъ «пятницъ», такъ какъ стоитъ ближе къ Богу, а равно и къ святымъ его угодникамъ и Богородицѣ.

Что крестьяне дѣйствительно олицетворяютъ свои пятницы, тому имѣется много доказательствъ. Такъ, и въ настоящее время, въ захолустныхъ деревняхъ, о нарушителяхъ клятвы говорятъ: «и какъ его девятая пятница не убила?» или: «хоть бы его матушка Ильинская пятница покарала». Объ олицетвореніи свидѣтельствуетъ и распространенный въ народѣ разсказъ о томъ, какъ три святыя женщины—среда, пятница и суббота—видѣли всѣ страсти Господни и повѣдали объ этихъ страстяхъ міру. Наконецъ, объ олицетвореніи говоритъ и цѣлое множество другихъ разсказовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются то просто «пятницы», то Параскева-пятница. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, записанный въ Любимскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, со словъ одной крестьянки. «Въ одной деревнѣ жила женщина. Женщина эта была

хорошая работница, только совсѣмъ она не почитала пятницы: и пряла, и ткала въ пятницу, и бѣлье мыла, и всякую работу въ пятницу дѣлала. Вотъ разъ осталась она въ избѣ одна одинешенька, а дѣло было въ пятницу вечеромъ. Сидитъ баба да прядетъ. Только, вдругъ, слышитъ она, по сѣнямъ кто-то идетъ. А двери съ улицы въ сѣни были заперты. Спужалась баба не на шутку—сидитъ ни жива, ни мертва. Вдругъ, тихонько начала отворяться изъ сѣней дверь въ избу, и вошла женщина, страшная и безобразная. На ней были все лохмотья да дыры; голова вся платками рваными укутана, изъ-подъ нихъ клочья волосъ повылѣзли растрепками; ноги у ней были всѣ въ грязи, руки тоже въ грязи, и вся она, съ головы до ногъ, была осыпана всякой нечистью и мусоромъ. Вошла эта страшная женщина въ горницу, начала молиться на образа и плакать. Потомъ подошла къ хозяйкѣ и говоритъ:

«Вотъ ты, женщина негодная, какъ ты меня обрядила. Прежде я въ свѣтлыхъ ризахъ ходила, да въ цвѣтахъ, да въ золотомъ одѣяніи, а твое непочтеніе вотъ до какой одежи меня довело. Громомъ бы тебя разразить мало. Ты преступила законъ и за это будетъ тебѣ огонь неугасимый и тьма кромѣшная. До чего ты меня довела? Я черезъ твой поступокъ въ такой горести состою, что цѣлый день не пью, не ѣмъ, не сплю, не почиваю—все слезами обливаюсь. А ты, безумная баба, никакой жалости ко мнѣ не имѣешь и дня моего не почитаешь».

Тутъ баба догадалась, что въ избу къ ней вошла сама Пятница и стала было прощенія просить. А Пятница: «Нѣтъ, говоритъ, тебѣ моего прощенія», да взяла желѣзную спицу, которой кудель льну къ копылу привязываютъ, и стала тыкать ей бабу. Тыкала, тыкала, пока до полусмерти не истыкала. Утромъ нашли бабу всю въ крови и насилу

въ чувство привели. Да только съ тѣхъ поръ баба по пятницамъ ужъ работать—ни-ни: стала почитать праздничный-то день».

Столь же распространенъ и другой разсказъ, въ которомъ обиженная пятница превратила «бабу-непочетницу» въ лягушку,—съ тѣхъ поръ, будто бы, и лягушки на землѣ пошли.

Наряду съ такого рода разсказами, несомнѣнное олицетвореніе двѣнадцати пятницъ, попавшихъ въ «свитокъ іерусалимскаго знаменія», доказывается духовными стихами, обрядами, обычаями и примѣтами. Въ томъ же «поученіи иже во святыхъ отца нашего Климента, папы Рымскаго» о непочтеніи къ 12-й пятницѣ сказано: «аще который человѣкъ въ сію Великія Пятницы съ женою своею, или съ дѣвицею сотворитъ блудъ и отъ нихъ зачнется, то будетъ (младенецъ) слѣпъ, или нѣмъ, или глухъ, или тать, или разбойникъ, или всякому дѣлу злому начальникъ. Аминь».

Своеобразные кары за непочитаніе пятницъ устанавливаютъ и народныя примѣты. Кто прядетъ въ пятницу, у того на томъ свѣтѣ слѣпы будутъ отецъ съ матерью. Кто въ пятницу много смѣется, тотъ въ старости много будетъ плакать. Кто въ пятницу моетъ полы, тотъ послѣ смерти въ помояхъ валяется. (Послѣднее наблюденіе сдѣлано людьми «обмиравшими» и, стало быть, побывавшими на томъ свѣтѣ).

Изъ обычаевъ, свидѣтельствующихъ объ олицетвореніи пятницъ, укажемъ только на одинъ. Деревенскія бабы считаютъ за правило никогда не купать ребятъ по пятницамъ, изъ опасенія, чтобы на ребенка не напалъ «сушецъ». Если же, по забывчивости, иная баба всетаки искупаетъ дитя въ пятницу, то, въ предотвращеніе болѣзни, она

прибѣгаетъ къ слѣдующему обряду: позвавъ къ себѣ сосѣдку, она передаетъ ей ребенка и становится ждать у окна. Сосѣдка же съ улицы *продаетъ* ей ребенка за грошъ, причемъ мать, взявши черезъ окно своего ребенка, тутъ же и платитъ деньги. Смыслъ обряда понятенъ самъ собой: отдавая ребенка въ чужія руки и какъ бы уступая другому лицу всѣ свои права на него, баба тѣмъ самымъ даетъ понять Пятницѣ, что наказывать этого ребенка было бы безполезно, такъ какъ ребенокъ уже не ея и принадлежитъ другой бабѣ. Покупая же затѣмъ ребенка обратно, баба опять-таки даетъ понять Пятницѣ, что посылать кару на вновь купленнаго ребенка нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ ребенокъ, въ сущности, чужой, только сію минуту купленный. А чтобы эта военная хитрость удалась вполнѣ, обычай предписываетъ, чтобы баба, получившая грошъ за ребенка, истратила этотъ грошъ непремѣнно въ пользу Пятницы и тѣмъ окончательно загладила ту маленькую непріятность, которую доставила Пятницѣ купаньемъ ребенка въ ея день.

XLII.

ПАРАСКЕВА-ПЯТНИЦА.

«Орловскія Епархіальныя Вѣдомости» (1884 г. № 157) слѣдующимъ образомъ характеризуютъ народное представленіе о св. мученицѣ Параскевѣ, нареченной Пятницѣ: «св. Параскева считается покровительницею воды и имѣетъ, по народному взгляду, особую близость къ ней. На это вѣрованіе указываютъ существующія въ народѣ преданія о томъ, что образъ св. Параскевы чудесно являлся иногда на водѣ, на рѣкѣ, или въ колодцѣ, вслѣдствіе чего вода пріобрѣла особую силу. На этомъ основаніи, и теперь нерѣдко ставится икона св. Параскевы при источникахъ, надъ ключами и колодцами. Далѣе, она считается покровительницей, главной у простого народа, женской зимней работы—пряжи. Это видно изъ того, что въ народѣ она носитъ названіе «льняницы», и со дня ея памяти, т. е. съ 28 октября, повсюду обыкновенно начинаютъ мять ленъ. Но главное въ народныхъ вѣрованіяхъ относительно св. Параскевы то, что она считается покровительницей соименнаго ей дня недѣли—пятницы и потому всѣ повѣрья, какія существуютъ въ народѣ насчетъ Пятницы, относятся и къ лицу св. Параскевы».

Параскева-Пятница, съ полнымъ основаніемъ, можетъ быть названа «бабьей святой», такъ какъ повсюду наши крестьянки считаютъ ее своей заступницей и покро-

вительницей. Даже народныя легенды рисуютъ Параскеву-Пятницу простой бабой, которая занималась повоемъ. Вотъ одна изъ такихъ легендъ (записанная въ Меленковскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.), изъ которой видно, за что преимущественно чтутъ и какъ объясняютъ святость Параскевы наши крестьянки: «Лежитъ, однажды, св. мученица Прасковья на печи со своимъ мужемъ и баитъ ему: «Теперь бы, баитъ, кто-никто позвалъ бы меня на повой, а то давно я не была на повояхъ-то». А мужъ и говоритъ: «Напрасно ты, баба, ходишь по эфтимъ самымъ повоямъ-то: тамъ всяко можетъ случиться, пожалуй, еще согрѣшишь». А матушка-то Прасковья и говоритъ ему:—«Эй, мужикъ, только ходи съ молитвой, да дѣлай, какъ Богъ велитъ, такъ и не будетъ ничего». Лежатъ это они на печкѣ да уговариваются,—анъ, глядь, входитъ къ нимъ въ избу какой-то парень и баитъ:—«Тетка Прасковья, пойдемъ къ намъ на повой». Дѣло было ночью, Прасковья не разглядѣла, что за парень пришелъ къ ней, встала съ печи, одѣлась и пошла съ нимъ. Парень привелъ ее въ баню. А въ банѣ-то на всѣхъ полкахъ и повсюду сидятъ черти. Испугалась Прасковья, хотѣла было убѣжать да одумалась: если, молъ, Богъ не попуститъ, такъ черти не съѣдятъ. Сказала этакъ-то Матушка-Прасковья и видитъ, что на полкѣ лежитъ дѣвка и мучается родами. Подошла къ ней Прасковья, помолилась Богу и стала опрастывать. А старшой-то сатана и баитъ ей: «Смотри ты, баба! повивать повивай, а только чтобы безъ молитвы, а не то я тебѣ такого перцу задамъ»!.. Одначе, матушка Прасковья не испужалась и, какъ только дѣвка опросталась, погрузила съ молитвой ребенка въ воду и тихонько, чтобы не видали черти, надѣла на него крестъ. Въ это самое время пропѣли кочета, и баню вдругъ какъ вихремъ подняло:

всѣ окаянные и дѣвка пропали, а матушка-Прасковья осталась съ ребенкомъ одна. Взяла это она ребенка, принесла домой, а мужъ опять на нее напустился:—«Эй, баба! говорилъ я тебѣ, чтобы ты не ходила. Молись теперь Богу, чтобы онъ заступился за тебя и спасъ отъ чертей»... Только черти на томъ не помирились, и задумали они за то, что Прасковья взяла у нихъ ребенка, сдѣлать ей штуку: стали они смущать царя, чтобы онъ замучилъ Прасковью. А царь-то былъ нечестивый. Призвалъ, это, онъ матушку къ себѣ и сталъ ее улещать, чтобы она покинула хрестьянскую вѣру, а когда на эти царевы слова Прасковья согласія своего не дала, онъ взялъ да и велѣлъ отрубить ей голову. Это случилось въ пятницу, поэтому и зовется мученица Парасковья «Пятницей».

Въ другихъ губерніяхъ эта легенда, сколько можно судить, неизвѣстна. Но зато почти повсюду можно услышать безконечные разсказы женщинъ о какомъ-нибудь чудѣ, связанномъ съ именемъ Прасковьи-Пятницы. Такъ, въ Пензенской губ., Саранскаго уѣзда крестьяне разсказываютъ о явленной иконѣ Пятницы. Икона эта будто-бы явилась на родникѣ, въ пяти верстахъ отъ села Посопа, но когда народъ толпами повалилъ съ приношеніями (приношенія эти клались возлѣ иконы и Параскева раздавала ихъ бѣднымъ), то начальство распорядилось икону увезти, а крестьяне на томъ мѣстѣ построили часовенку.

XLIII.

КУЗЬМИНКИ.

Кузьма и Демьянъ извѣстны въ народѣ подъ именемъ «курятниковъ» и «кашниковъ», потому что въ день 1-го ноября, когда празднуется память этихъ святыхъ, въ деревняхъ носятъ въ церковь «подъ свято» куръ и варятъ кашу, отвѣдать которую приглашаютъ и свв. угодниковъ: «Кузьма-Демьянъ,—говорятъ крестьяне, усаживаясь за трапезу,—приходите къ намъ кашу хлебать».

Трудно сказать, какимъ образомъ Косьма и Даміанъ, извѣстные, по церковнымъ преданіямъ, какъ врачи—безсребренники, даромъ лечившіе людей,—превратились, въ глазахъ темнаго народа, въ «курятниковъ» и «кашниковъ». Но несомнѣнно, что эпитеты эти распространены по всей Россіи, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народная фантазія придумала имъ даже легендарное объясненіе. Такъ, въ Вологодской губ., Тотемск. у. разсказываютъ, что свв. Кузьма и Демьянъ были простыми работниками, которые охотнѣе всего нанимались молотить, но при этомъ никогда не требовали платы, а ставили лишь условіемъ, чтобы хозяева вволю кормили ихъ кашей. Это вологодское преданіе породило даже своеобразный обычай, въ силу котораго на домолоткахъ крестьяне считаютъ какъ бы правиломъ варить кашу, а работники требуютъ ее у хозяевъ, какъ нѣчто должное, освященное преданіемъ.

Домолачивая послѣдній овинъ, они обыкновенно говорятъ: «хозяину ворошокъ, а намъ каши горшокъ». Въ Курской губ., наряду съ кашей, крестьяне считаютъ необходимымъ бить, 1-го ноября, трехъ куренковъ и ѣсть ихъ утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, «чтобы птица водилась». По словамъ нашего корреспондента, трапеза въ здѣшнихъ мѣстахъ сопровождается всегда спеціальной молитвой: «Кузьма-Демьянъ-сребреница! Зароди, Господи, чтобы писклятки водились». Наблюдаютъ также, чтобы за трапезой отнюдь не ломались кости, а то цыплята будутъ уродливые. Послѣднее правило еще строже наблюдается въ Тамбовской губ.: мѣстныя хозяйки твердо убѣждены, что если въ день Кузьмы и Демьяна зарѣзать двухъ пѣтуховъ, или пѣтуха и курицу и, съѣвши ихъ, провертѣть на кобылкахъ ихъ дыры и затѣмъ бросить въ курятникъ, то на слѣдующій годъ неминуемо всѣ куры будутъ съ дырявыми кобылками.

Считаясь защитниками куръ по преимуществу, свв. Кузьма и Демьянъ въ то же время извѣстны и какъ покровители семейнаго очага и супружескаго счастья. День, посвященный ихъ памяти, особенно чтится дѣвушками: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ даже обычай, въ силу котораго дѣвушка - невѣста считается въ этотъ день какъ бы хозяйкой дома, она приготовляетъ для семьи купанья и угощаетъ всѣхъ, причемъ, въ качествѣ почетнаго угощенія, подается куриная лапша, отчего и праздникъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ «кочетятника» (отъ кочетъ—пѣтухъ). Вечеръ этого дня деревенская молодежь проводитъ въ весельи: дѣвушки собираются въ какой-нибудь большой избѣ и дѣлаютъ, такъ называемыя, «ссыпки», т. е. каждая приноситъ что-нибудь изъ съѣстного въ сыромъ видѣ: картофель, масло,

яйца, крупу, муку и пр. Изъ этихъ продуктовъ, въ ознаменованіе начала зимнихъ работъ, устраивается пиршество, къ которому, въ качествѣ гостей, приглашаются парни. Такія пирушки называются «кузьминками» и продолжаются до свѣта, причемъ парни обыкновенно успѣваютъ вторично проголодаться и отправляются на фуражировку, воруя сосѣдскихъ куръ, которыхъ дѣвушки и жарятъ имъ въ «жировой» избѣ. При этомъ конечно, сохраняется въ полной тайнѣ, сколько и у кого было украдено куръ, хотя къ покражамъ такого рода крестьяне относятся довольно снисходительно и, если бранятся, то только для порядка.

Вышеописанныя «кузьминки», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ, напр., въ Пензенской губ., Городищ. у.) сопровождаются особымъ обычаемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «похоронъ Кузьмы-Демьяна»: въ жировой избѣ дѣвушки приготовляютъ чучело, т. е. набиваютъ соломой мужскую рубашку и шаровары и придѣлываютъ къ нему голову; затѣмъ, надѣваютъ на чучело «чапанъ», опоясываютъ кушакомъ, кладутъ на носилки и несутъ въ лѣсъ, за село, гдѣ чучело раздѣвается, и на соломѣ идетъ веселая пляска. Чтобы закончить характеристику народныхъ воззрѣній на Кузьму и Демьяна, необходимо сказать, что оба эти святые называются еще «рукомесленниками» и считаются покровителями ремеслъ и, главнымъ образомъ, женскихъ рукодѣлій. Это объясняется тѣмъ, что съ 1-го Ноября (день Кузьмы и Демьяна) женщины вплотную принимаются за зимнюю пряжу: «Батюшка Кузьма - Демьянъ, говорятъ онѣ, садясь за прялку:—сравняй меня позднюю съ ранними», т. е. помоги не отстать отъ другихъ, которыя начали работу раньше.

XLIV.

МИХАЙЛОВЪ ДЕНЬ.

Орловскій мужикъ изъ Карачевскаго уѣзда такъ объяснялъ причину и поводъ чествованія своего Михайлова дня. Храмъ въ его селѣ построенъ во имя Троицы, но главный праздникъ не этотъ:

— Троица-Матушка и такъ праздничекъ Божій: работать не пойдешь. Михайловъ день не то: люди работаютъ, а мы гуляемъ, да и гульба не та. Вотъ теперь Яшное (деревня) Тройцу празднуетъ—бѣда: до праздника все въ подборѣ—хлѣба своего нѣтъ, о деньгахъ и не спрашивай. Съ перваго дня у нихъ ужъ и водки нѣтъ.—А нашъ-то Михайло - Архангелъ—куда вольнѣй. Хлѣбъ почитай, у всѣхъ свой. Конопелька продана, овесецъ тоже. Денежки есть и должишки, что за зиму накопляли—заплачены, и сборщику глотку заткнули: покуда ляскать не пойдетъ,—вотъ и сгульнуть можно.»

За нѣсколько дней до праздника священникъ съ причтомъ ходитъ по приходу, служатъ молебны и поздравляютъ съ преддверіемъ праздника. За это хозяева соизволяютъ по ковригѣ хлѣба и деньгами отъ 5 до 15 коп. со двора.

Вотъ и праздникъ и по деревнямъ пиры, въ избахъ вездѣ гости.

— Ну, старуха, сажай!—говоритъ хозяинъ, разсажи

вая гостей за столомъ и наблюдая, приэтомъ, степень родства и требованія почета.

— Присядьте, присядьте, гости дорогіе! — отвѣчаетъ хозяйка, ставя на столъ чашку со студнемъ и раскладывая каждому по пирогу и по ложкѣ: милости просимъ! рады привѣтить, чѣмъ Богъ послалъ.

— Съ праздникомъ, будьте здоровы,—говоритъ первый, выпившій первую чарку.

— Просимъ приступить,—говоритъ хозяинъ и, по его слову, въ торжественномъ молчаніи совершается уничтоженіе студня. Подается лапша и передъ ней опять по стаканчику. На столѣ является цѣлая часть какого-либо домашняго животнаго: свиньи, барана, теленка. Одинъ изъ гостей, ближайшій родственникъ, разламываетъ мясо руками (мясо варено, а потомъ въ печи обжарено). Передъ первыми кусками опять винное подношеніе въ томъ же порядкѣ.

— Кушайте, потребляйте: не всѣхъ по именамъ, а всѣхъ по ровнямъ.

— То и дѣлаемъ, — отвѣчаютъ откланиваясь.

Подали кашу, за кашей полагается по двѣ рюмки.

— Выпью семь и семъ кашъ съѣмъ — остритъ иной гость ухмыляясь, весь красный отъ потребленнаго, отъ духоты въ избѣ, и оттого, что у всѣхъ на плечахъ овчинные полушубки или теплыя поддевки.

Кончили обѣдъ — вышли изъ-за стола, помолившись, благодарятъ и прощаются:

— Куда вы? — сейчасъ чай, аль отъ насъ не чаете? останавливаетъ хозяинъ.

Къ чаю поданы баранки, пироги. Передъ чаемъ и за чаемъ водка.

«Всѣ встали изъ-за стола (пишетъ г. Морозовъ изъ

Карачевскаго уѣзда Орловск. г.) идутъ къ другому, къ третьему. Толпа гостей пьяна и начинаетъ рѣдѣть: въ одномъ дворѣ кумъ спьянился, а въ другой сватъ подъ святыми заснулъ. Остальные или несвязно гуторятъ, или пѣсню хотятъ затянуть, но никакъ не могутъ сладить и бросятъ неоконченною. Въ послѣднемъ дворѣ гостей уже человѣка четыре: всѣ пьяны. Заночевали въ селѣ, опохмелившись, спѣшатъ ко дворамъ, захвативъ съ собою гостей. Приглашены только тѣ, у которыхъ сами угощались вчера».

Изъ села Посопа (Саранскаго у., Пензенск. г.) сообщаютъ о томъ же, что къ Михайлову дню каждая семья готовится за нѣсколько дней и пируетъ также нѣсколько дней, покупая отъ 2 до 3 ведеръ вина (семья средняго достатка) и отъ 5 до 7 ведеръ (богатые). Духовенство съ молебнами начинаетъ ходить за недѣлю до праздника и кончаетъ первымъ днемъ, который проводятъ не очень шумно. Главное празднество начинается со второго дня, но зато очень рано, часа въ 4 утра: начинаютъ похмелье послѣ вчерашняго почина и ходятъ другъ къ другу въ гости безъ особаго приглашенія; ходятъ пока носятъ ноги. На другой день пріѣзжаютъ гости изъ сосѣднихъ деревень и вчерашній пиръ между своими превращается въ общую свалку и въ общій хаосъ. Между своими посѣщеніями не разбираются и претензій никакихъ не предъявляютъ, по пріѣзжихъ гостей считаютъ и кто не пріѣхалъ, къ тому и сами не поѣдутъ. Угощеніе чаемъ въ этихъ мѣстахъ считается наивысшимъ и очень почетнымъ: угощаютъ чаемъ лишь избранныхъ.

XLV.

НИКОЛЬЩИНА.

Подъ именемъ «Никольщины» слѣдуетъ разумѣть неопредѣленный числомъ праздничныхъ дней періодъ времени, предшествующій и слѣдующій за зимнимъ Николой (6 Дек.). Это празднество всегда справляютъ въ складчину, такъ какъ одному не по силамъ принимать всѣхъ сосѣдей. Въ отличіе отъ прочихъ,—это праздникъ стариковскій, большаковъ семей и представителей деревенскихъ и сельскихъ родовъ. Общее веселье и охота на пиво длятся не менѣе 3 и 4 дней, при съѣздѣ всѣхъ ближайшихъ родственниковъ, но въ избранномъ и ограниченномъ числѣ. Неладно бываетъ тому, кто отказывается отъ складчины и уклоняется отъ празднованія: такого домохозяина изводятъ насмѣшками въ теченіе круглаго года, не даютъ проходу отъ покоровъ и крупной брани и отстаютъ и прощаютъ, когда виновный покается: призоветъ священника съ молебномъ и выставитъ всѣмъ обильное угощеніе. Послѣ этого онъ можетъ уже являться въ многолюдныхъ собраніяхъ и не надо ему на ходу огрызаться отъ всякихъ уколовъ и покоровъ—сталъ онъ «душевнымъ» человѣкомъ.

На той окраинѣ Великороссіи, гдѣ она приближается къ границамъ Бѣлороссіи—а именно въ Смоленщинѣ (т. е. въ Вяземскомъ у., Смоленск. г.) въ средѣ стариковъ наблюдается старинный (въ Бѣлороссіи повсемѣстно) обы-

чай «свѣчу сучить». Онъ состоитъ въ томъ, что посреди праздничныхъ кушаній подается (по обычаю) сотовый медъ. Поѣдятъ и начнутъ лакомиться сотовымъ медомъ, жуютъ соты и выплевываютъ воскъ въ чашку съ водой. Изъ этого воска выйдетъ потомъ мірская свѣча Николѣ Угоднику, толстая-претолстая. Обычай требуетъ, чтобы передъ тѣмъ, какъ начать ѣсть медъ, всѣ молились Николѣ-Угоднику, чтобы умолить у Бога для дома достатокъ, на скотину—приплодъ, на хлѣба—урожай, въ семьѣ—согласіе. Крестъ кладутъ истово, поклоны кладутъ земные.

Никольщинѣ въ иныхъ мѣстахъ предшествуетъ такой же веселый и сытый праздникъ—Михайловъ день, о которомъ было сказано въ предшествующей главѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

От Издателя 1

Главы: **НЕЧИСТАЯ СИЛА.**

I. Черти-Дьяволы 3
II. Домовой-Доможилъ 30
III. Домовой-Дворовой. 44
IV. Баенникъ 49
V. Овинникъ 56
VI. Кикимора 61
VII. Лѣшій. 68
VIII. Полевой 78
IX. Водяной 81
X. Русалки 100
XI. Оборотни 105
XII. Колдунъ-Чародѣй. 109
XIII. Вѣдьма 133
XIV. Кликуши. 147
XV. Клады. 159
XVI. Знахари-Шептуны 173
XVII. Плотники-Печники 186
XVIII. Пастухи 193

НЕВѢДОМАЯ СИЛА.

I. Царь-Огонь 197
II. Вода-Царица. 225
III. Мать-Сыра Земля 251
IV. Священныя рощи. 275

II.

КРЕСТНАЯ СИЛА.

Главы:		стр.
I.	Святки	289
II.	Рождество Христово	315
III.	Новый Годъ	321
IV.	Крещенье Господне	334
V.	Срѣтеніе Господне	341
VI.	Власьевъ день	343
VII.	Касьянъ-Немилостивый	348
VIII.	Плющиха	352
IX.	Сороки	354
X.	Масляница	357
XI.	Великій Постъ	374
XII.	Благовѣщеніе	384
XIII.	Великій Четвергъ	389
XIV.	Пасха Христова	395
XV.	Красная Горка	421
XVI.	Ѳомино Воскресенье	423
XVII.	Радуница	425
XVIII.	Маргоски или Маргоскина Недѣля	427
XIX.	Марія Египетская	432
XX.	Преполовеніе	434
XXI.	Пчелиный праздникъ	436
XXII.	Егорій	439
XXIII.	Лошадиный праздникъ	448
XXIV.	Никола Вешній	455
XXV.	Вознесенье	458
XXVI.	Семикъ и Русальная	460
XXVII.	Троицынъ день	465
XXVIII.	Олены-Ленничи	468
XXIX.	Аграфена-Купальница	470
XXX.	Иванъ Купала	472
XXXI.	Петровъ день	477
XXXII.	Ильинъ день	480

III.

Главы:		стр.
XXXIII.	Спасъ	488
XXXIV.	Успенье	492
XXXV.	Иванъ Постный	494
XXXVI.	Семенъ-Лѣтопроводецъ	498
XXXVII.	Оспожинки	500
XXXVIII.	День св. Ѳеодоры	503
XXXIX.	Воздвиженье	506
XL.	Покровъ	508
XLI.	Двѣнадцать Пятницъ	510
XLII.	Параскева-Пятница	516
XLIII.	Кузьминки	519
XLIV.	Михайловъ день	522
XLV.	Никольщина	525